

Анатолій Брянчаниновъ.

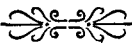
ВЪ ГОДИНУ ЛИХОЛѢТЯ.

(1905—1906).

Романъ въ 2-хъ частяхъ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья улица, № 14-й.

1913.

122/24.

ВЪ ГОДИНУ ЛИХОЛѢТЬЯ.

(1905—1906).

Романъ въ 2-хъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Весна 1905 г. была ранняя и теплая; съ самаго Благовѣщенія, утренниковъ почти не было и уже въ концѣ апрѣля солнце хорошо пригрѣвало озимыя поля и начинавшую пробиваться траву. Въ половинѣ мая деревья покрылись полною листвою, черемуха отцвѣла и яровыя поля ярко зазеленѣли. Календарныя предсказанія прорицателей о холодахъ и даже морозахъ въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, къ счастью, не оправдались.

Было часовъ около девяти вечера. Послѣ жаркаго дня, стало прохладнѣе и легкій юго-западный вѣтерокъ слабо пошевеливалъ листьями стараго серебристаго тополя, стоявшаго въ полисадникѣ небольшого, съ антресолями, дома на Власьевской улицѣ губернскаго города N. У открытаго окна зальца, выходившаго на дворъ со стороны воротъ и подъѣзда, въ темной поношенной парѣ, съ разстегнутымъ воротомъ, сидѣлъ въ обветшаломъ, старинномъ вольтеровскомъ креслѣ, съ выдвигной скамеечкой для ногъ и откинутымъ сбоку пюпитромъ для книги, еще бодрый, сѣдой старикъ лѣтъ семидесятипяти, съ коротко остриженной головой, добродушнымъ, симпатичнымъ лицомъ, тщательно выбритыми усами и бородой и, попыхивая изъ трубочки, мѣрно прихлебывалъ чай изъ стоявшаго на окнѣ стакана. Старикъ,

отставной чиновникъ Петръ Николаевичъ Сахаровъ, только что пришелъ съ арендуемаго имъ кирпичнаго завода, версты за двѣ отъ города, ослабѣвшій отъ жары, не смотря на защиту, извѣстнаго всему околотку, огромнаго зонта изъ небѣленаго холста, и отдыхалъ отъ двухчасоваго надзора за рабочими и непріятностей, сопряженныхъ съ требованіями денегъ еще не заработанныхъ, недобросовѣстнымъ исполненіемъ труда и грубостями разношерстнаго, не дисциплинированнаго люда, еще болѣе разнуздавшагося подъ вліяніемъ недавнихъ забастовокъ, проповѣдей революціонеровъ „Народнаго дома“, дряблости администраціи и полнѣйшей безнаказанности. Экскурсіи на заводъ производились Сахаровымъ почти ежедневно, за исключеніемъ праздничныхъ и ненастныхъ дней. Вечеромъ—всегда почти пѣшкомъ, такъ какъ единственная лошадь бывала занята, а утромъ рано Петръ Николаевичъ выѣзжалъ въ старинной четырехмѣстной „долгушѣ“, на очень старомъ „Карыкѣ“—возишемъ и воду въ домъ и проданный въ разныя мѣста кирпичъ и самого коллежскаго совѣтника Сахарова. Возницей (онъ-же дворникъ, водовозъ и возчикъ кирпича) состоялъ, въ теченіи двадцати слишкомъ лѣтъ, смиренный, уже пожилой бобыль, Андрей Запруда, любившій „монопольныя“ подношенія и продолжительный сонъ, лѣтомъ—на конюшнѣ, въ пустомъ стойлѣ, а зимой—въ тепломъ чуланѣ антресолей, у самага печного борова, и души не чаявшій въ своемъ хозяинѣ. Любилъ Запруду и Петръ Николаевичъ: и за кроткій нравъ и преданность и за нестяжательность относительно размѣра жалованья и за неподкупность.—„Это меня-то сманить думаешь?“ отвѣчалъ Запруда на заманчивыя предложенія торговыхъ и разныхъ ходатаевъ изъ-за полтинника:—„Нѣтъ, братъ, шалишь! Двадцать лѣтъ, съ походомъ, барину служу и вполнѣ его одобряю, а твой-то можетъ еще какой-нибудь стрекулистъ, аль бунтарь окажется!“—И прощалъ Петръ Николаевичъ Запрудѣ и его феноменальную неряшливость, а подчасъ и лѣность, и его добродушную грубость. Выѣзжалъ Андрей Запруда зимой въ темно-сѣромъ, ополченскаго покроя, ваточномъ армякѣ, безъ опушки, но съ большимъ количествомъ мѣдныхъ бомбочекъ по бокамъ, съ зеленымъ кушакомъ, а лѣтомъ—въ суровой, обшитой черной плисовой тесьмой, хламидѣ, перехваченой наборнымъ поясомъ, какіе

прежде бывали у помѣщичьихъ борзятниковъ. И то и другое одѣяніе были такъ-же извѣстны Власьевскому околотку, какъ и огромный зонть Петра Николаевича и характерное дребезжаніе его „долгушки“.

Посѣщеніями завода бѣдняга Сахаровъ тяготился очень: и годамъ его были они не подъ силу и характеру его, мягкому и незлобивому, претили плутни и грубость рабочихъ. А бросить заводъ и думать было нечего: на пенсію въ шестьсотъ съ чѣмъ-то рублей мудрено было содержать старуху-мать и троихъ пожилыхъ, болѣзненныхъ сестеръ,—и вотъ, рѣдкій сынъ и братъ, Петръ Николаевичъ напрягъ всѣ свои старческія силы: и заводомъ сталъ заниматься, рублей на двѣсти дохода, и службой въ уѣздной управѣ съ трехсотеннымъ окладомъ (въ губернскую онъ не пошелъ, боясь царившаго тамъ революціоннаго направленія); около ста рублей доставляли мать и сестры кой-какими доходишками. Конечно такую разнообразную и постоянную работу могъ выносить Петръ Николаевичъ только при своемъ замѣчательно крѣпкомъ здоровьи и очень большомъ сочувствіи и снисхожденію къ своей почтенной личности со стороны людей, знавшихъ его давно и хорошо.

Въ моментъ нашего разсказа, Сахаровъ занимаетъ флигель; домъ-же, хотя тоже небольшой, пришлось сначала заложить, а потомъ и продать на погашеніе долговъ, вызванныхъ болѣзнію матери, а потомъ похоронами ея и двухъ сестеръ. Теперъ старикъ уже десятый годъ живетъ съ одною сестрой, Ольгою Николаевною, шестидесятилѣтнею дѣвою, чуть не святою, на обязанности которой и Натальи, старой горничной покойной жены Петра Николаевича, лежитъ веденіе всего хозяйства. Сахаровъ мало кого посѣщаетъ; единственный близкій домъ, въ которомъ онъ чувствуетъ себя своимъ человѣкомъ,—Надежды Васильевны Канищевой, его свояченицы, шестидесятишестилѣтней вдовы. Живетъ она со своею внучкою Зоей Владиміровною, круглой сиротой, еще въ раннемъ дѣтствѣ лишившейся родителей. Отецъ ея, Владиміръ Павловичъ Канищевъ, лихой гвардейскій полковникъ, женившійся по любви на бѣдной дворянкѣ, въ ожиданіи несомнѣнной (какъ ему казалось) блестящей карьеры, очень скоро промоталъ переданное ему матерью состояніе, и, если-бы не смерть Канищева (мать

Зои скончалась ранѣе мужа) и не бабушка—сиротѣ пришлось-бы вѣроятно плохо. Пенсіи Канищевъ не выслужилъ, а отъ продажи уцѣлѣвшихъ клочковъ имѣній получилось весьма немного. Надежда Васильевна, проживавшая въ N. въ своемъ домѣ, на полторы тысячи годового дохода, тотчасъ-же послѣ смерти сына выхлопотала переводъ внучки, обучавшейся въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ на казенное содержаніе и стала усиленно копить гроши для бѣдной сиротки. Эти заботы бабушки, ея неусыпныя старанія обезпечить внучкѣ, въ будущемъ, вѣрный кусокъ хлѣба, путемъ фундаментальнаго и всесторонняго образованія, не укрылись отъ Зои. Пріѣзжая лѣтомъ на каникулы, она видѣла какъ старушка, привыкшая въ молодости жить въ довольствѣ, урѣзывала себя во всемъ и, какъ, подъ разными предлогами, лишая себя даже подчасъ необходимаго, горячо заботилась о томъ, чтобы своей милой дѣвочкѣ, всегда послушной и прилежной, обставить жизнь получше и къ выходу ея изъ института приготовить хотя-бы сносное приданое. И чистое сердце дѣвушки все болѣе и болѣе проникалось свѣтлою радостью, при видѣ такой безпредѣльной любви, и чувство благоговѣнія къ доброй старушкѣ все сильнѣе и сильнѣе разгоралось въ душѣ воспріимчивой Зои.

Года за три до начала нашего разсказа, молодая Канищева, окончивъ курсъ съ золотою медалью и солидными музыкальными познаніями, пріѣхала въ N. и положеніе Надежды Васильевны стало улучшаться. Отдохнувъ немного и осмотрѣвшись, энергичная дѣвушка, не теряя времени, принялась розыскивать уроки не только музыки, но и по другимъ предметамъ, и вскорѣ ей настолько повезло, что теперь она зарабатываетъ до семидесяти рублей въ мѣсяцъ.

Добрая, безхитростная Канищева и прежде любила и уважала Сахарова; онъ былъ женатъ на родной ея сестрѣ. Сошлись молодые люди по любви; у невѣсты приданого было немного, у жениха—только служба. Жили молодые съ родней Петра Николаевича, одною семьей, дружно и согласно; сестры его, большія артистки въ женскихъ работахъ, трудились прилежно и вкладывали и свою лепту въ общее хозяйство. Дѣтей у Сахаровыхъ не было.

Въ восьмидесятыхъ годахъ, Петръ Николаевичъ лишился

своей нѣжно-любимой жены и уже всецѣло посвятилъ себя больной матери и сестрамъ. Но, какъ часто бываетъ, не одна бѣда подкралась къ Сахарову... Вскорѣ въ то учрежденіе, въ которомъ онъ служилъ, назначенъ былъ начальникъ изъ петербургскихъ „интеллигентовъ“, изъ тѣхъ бывшихъ поклонниковъ „диктатуры сердца“, которые правою рукой привыкли брать казенное жалованье, а лѣвою ласкать пламенныхъ юношей и дѣвицъ, бѣгающихъ съ красными флагами по улицамъ и пожимать „честныя руки“ гениальныхъ творцовъ разныхъ проэктвъ, направленныхъ, для блага русскаго народа, къ сведенію на нѣтъ державы россійской. Начальникъ этотъ сразу не влюбилъ строго корректнаго, но правдиваго Петра Николаевича, заклятаго врага всего анти-русскаго и анти-правительственнаго. Пошли придирки, притѣсненія, а затѣмъ ярому монархисту предложено было подать въ отставку, подъ угрозою уволить его безъ прошенія „по неблагонадежности“. Долго-ли порѣшится какого-то коллежскаго совѣтника, безъ протекціи, безъ состоянія, занимавшаго скромное мѣсто и плывущаго противъ теченія!

Но какъ ни тяжелъ былъ ударъ, обрушившійся на Петра Николаевича,—онъ не сломилъ его. Глубоко-религіозный, Сахаровъ безропотно покорился волѣ Божіей и сталъ приискивать себѣ занятія. Мы уже знаемъ какъ протекли для него послѣдующіе годы.

II.

— Петръ Николаевичъ, прости меня, голубчикъ, мягко, любовно проговорила высокая, нѣсколько сгорбленная, но еще моложавая для своихъ шестидесяти лѣтъ, съ открытымъ лицомъ и кроткими, вдумчивыми глазами, Ольга Николаевна, неслышно подойдя къ брату изъ внутреннихъ комнатъ и положивъ руку на его плечо,—я и забыла сообщить тебѣ пріятную новость...

— О войнѣ? нервно обернувшись быстро перебилъ ее Сахаровъ, выпуская изо рта трубочку.

— Да; Андрей возилъ Быкову кирпичъ и при немъ говорили что была телеграмма...

— Ну! понукалъ старикъ.

— Съ какого-то острова... названіе его я, какъ водится, забыла... сигарки еще оттуда привозять...

— Манилла?

— Вотъ-вотъ... Будто-бы 13 мая было большое на морѣ побоище и японцы потерпѣли поражение.

— О дай-то Господи! набожно перекрестился Сахаровъ. — Молодецъ Рожественскій! Этого надо было ожидать: пройти Малакскій проливъ—это верхъ искусства и смѣлости!.. Помози имъ Господь!.. А подробностей нѣтъ?

— Нѣтъ, голубчикъ... вотъ все, что я знаю.

— Да, Олинъка, если-бы Господь посѣтилъ насъ своею милостію и простилъ намъ... Ой-да нѣтъ: нельзя насъ простить! Мы отвернулись отъ Него... продаемъ Царя, Его Помазанника, Россію... Бѣсовское навожденіе охватило насъ... Бьютъ, чуть не каждый день, вѣрныхъ слугъ Царскихъ, словно дичь, жгутъ военные склады, бастуютъ на оружейныхъ и кораблестроительныхъ заводахъ, прекращаютъ движеніе поѣздовъ, мѣшаютъ мобилизаціи войскъ въ угоду Японіи, Англіи и Америки, а мы сидимъ сложа руки и только вздыхаемъ! А есть и такіе мерзавцы, которые втихомолку радуются, что, дескать, война скоро кончится и всѣ наши тревоженія и убытки прекратятся! (Сахаровъ торопливо, нервно затыкнулся изъ трубочки). Нѣтъ, не такъ разсуждали наши отцы и дѣды въ севастопольскую войну: великъ былъ тогда подъемъ духа, не тѣмъ жило тогдашнее общество! Я видѣлъ, Олинъка, слезы въ глазахъ не только стариковъ, но и юношей, я слышалъ рыданія и пожилыхъ женщинъ, и институтокъ, когда пришла потрясающая вѣсть о паденіи Севастополя!.. Я тогда въ Петербургъ ѣздилъ... А теперь?,—старикъ махнулъ рукой, —прогнѣвался на насъ Господь!

— Успокойся, мой дорогой, пѣжно поглаживая сѣдую голову брата, уговаривала Ольга Николаевна—тебѣ вредно... опять голова заболить... Господь кого любить того и наказуетъ... Не даромъ принято говорить: „Святая Русь“; любить ее Отецъ небесный...

— Вонъ, продолжалъ свою мысль Петръ Николаевичъ, —снова убійства: бакинскаго губернатора Накашидзе пристукнули! Среди бѣла-дня, на бойкомъ мѣстѣ, и преступникъ скрылся! Все скрываются, а если и бывають схвачены —бѣгаютъ... жить стало нельзя: ни порядка, ни защиты отъ

злодѣевъ!—Не къ намъ-ли? слышавъ дребезжаніе дрожекъ и выглядывая въ окно, сказалъ Сахаровъ.—А! Шаталовъ... исправникъ Митя!—Оля, прикажи отворить.

Въ ворота вѣхали извожичьи дрожки, съ сѣдокомъ въ полицейской формѣ.

— Дмитрію Никитичу наше нижайшее! вставая и отвѣшивая передъ открытымъ окномъ глубокій поклонъ, весело привѣтствовалъ гостя старикъ;—что-же это вы одни? А Юрій Александровичъ... здоровъ-ли?

— Сокровище-то ваше? Цѣло, батюшка, цѣло... сейчасъ явится! добродушно улыбаясь и подходя къ окну, проговорилъ Шаталовъ.—Здравствуйте, патріархъ мой возлюбленный!.. А япошку-то побили—слышали? Онъ поднялся на уступъ фундамента и, снявъ фуражку, облобызалъ Петра Николаевича.

— Слышалъ и возрадовался!.. Дома-то вотъ у насъ худо, голубчикъ... Только что объ этомъ съ сестрой говорили... Да идите въ комнаты.

Наталья отворила дверь и исправникъ вошелъ въ переднюю. Это былъ средняго роста, сорокалѣтній толстякъ, черноволосый съ сѣдинкой,—то что называютъ французы „*poivre et sel*“, съ большою окладистою бородою и красноватымъ лицомъ. Снявъ пальто и шапку, онъ, развалистой походкой, подошелъ къ хозяину, снова обнялъ его и поцѣловалъ руку у подошедшей Ольги Николаевны.

— И привезъ вамъ, по приказанію Юрія Александровича, досточтимаго кузена моего, карасей, святая старушка.

— Полноте глумиться, кошунъ эдакой! хлоннула его по рукѣ Ольга Николаевна.—Стыдно!

— И караси-же, доложу вамъ: золотомъ червоннымъ отливаютъ, около четверти ростомъ! Сегодня утромъ, подъ наблюденіемъ самого земскаго, бредникомъ пойманы... И сметаны привезъ...

— Сметана-то и у насъ-бы наплась! съ фамиллярностію старой слуги, замѣтила Наталья.

— Вполнѣ вѣрю, Наталья Герасимовна, шутливо согласился Шаталовъ,—но сметана ваша отъ русскихъ коровенокъ, а не отъ коровъ „ангельской“ породы и снята сегодня въ присутствіи самого хозяина и меня, полицейскаго чина.

— Ну да полно вамъ пустяки болтать, скажите лучше гдѣ сокровище-то наше обрѣтается... Скажите-же наконецъ! настаивалъ старикъ, опускаясь въ кресло.

— Погодите минутку... Наташа!... Возьми у извозчика корзину; изъ нея вынь другую поменьше, съ карасями и сметаной, и отдай сейчасъ-же кухаркѣ Марьѣ: повелѣно зажарить ихъ къ ужину: майскую-же рѣдьку, огурцы, редиски и шинать соблаговолите принять вы, Ольга Николаевна, а корзинки и бурачекъ изъ подъ сметаны, конечно тщательно промывши, потомъ вручить мнѣ для передачи по принадлежности.

— Слушаю-съ... Эдакой милый—Юрій Александровичъ: никогда-то насъ не забудеть!.. Да и вы—милый! ласково сказала Шаталову старушка, уходя изъ зальца.

— Шаркаю ножкой и низьменно благодарю! въ догонку ей отвѣтилъ Дмитрій Никитичъ.

— Шутъ вы! донеслось изъ сосѣдней комнаты.

— Ну-съ, обратился Шаталовъ къ хозяину:—гдѣ Юрій—сіе отъ меня сокрыто и проникнуть въ эту тайну мнѣ не дано! комично развелъ онъ руками.—Нѣтъ, шучу... Успокойтесь, мой дорогой, обнимая старика, продолжалъ онъ: —незадолить... ужъ и то бранился, что не можетъ тотчасъ-же изъ „Якоря“ пріѣхать къ вамъ. Покатилъ къ секретарю губернскаго присутствія, пресловутому Пулькину, по поводу продовольственныхъ ссудъ. Мужикамъ жрать нечего и на посѣвъ надо. Писалъ-писалъ—наконецъ, мѣсяць тому назадъ, губернаторъ далъ Юрію слово, что кредитъ будетъ ему немедленно открытъ, а губернское присутствіе не шьетъ, не поретъ! Опомковъ, непремѣнный членъ по продовольственной части, все пакостить; не влюбилъ Юрія и радъ вездѣ ему свинью подложить, а Пулькинь—секретарь, сами знаете, какой сахаръ!

— Что говорить: парень ловкій! замѣтилъ Петръ Николаевичъ.

— Понятно что Юрій бѣсится... И мужиковъ ему жаль, и самолюбіе страдаетъ: заручившись губернаторскимъ словомъ, онъ успокоилъ голодающихъ и хлѣбъ закупилъ; положимъ не формально, а на честь—да вѣдь это все равно... а теперъ на-ка что выходитъ! Купецъ долго ждать не можетъ—у него свои соображенія... И все это, добавилъ, закуривъ

паширосу и шагая по комнатѣ Шаталовъ,—на руку крамольникамъ: жидовскія газеты сейчасъ раздуютъ да еще свою мерзкую окраску дадутъ!

— Вы почевали въ Волинскомъ? спросила изъ смежной комнаты Ольга Николаевна.

— Три дня прожилъ; воспользовался тѣмъ, что въ десяти верстахъ отъ Юрія дѣла случились... Вѣдь друзья мы, сами знаете, да и Волинское я люблю; мало только я нынче видѣлъ Юрія: то дѣла разбиралъ, то по хозяйству...

— А какъ идетъ-то оно... хорошо? поинтересовался Сахаровъ.

— Да какъ ему и не идти хорошо? Всюду самъ носъ суеть, за всѣмъ слѣдить. Староста, какъ вамъ извѣстно, рѣдкостный... Маслодѣліе идетъ у арендатора прекрасно...

А по службѣ какъ?

— Объ участкѣ его и говорить нечего: въ образцовомъ порядкѣ! Строгопекъ Юрій, требователенъ, но мужики его любятъ и ему вѣрятъ. Говоритъ онъ хорошо, доступно для мужика; въ обращеніи простъ, въ совѣтѣ никогда не отказываетъ, а мужику это-то и нужно. Цѣнять главнымъ образомъ въ Юріѣ его безпристрастіе и справедливость: для него что богатый, что бѣдный, что мужикъ, что интеллигентъ—все равно: поблажки никакой!.. Да что проку-то во всемъ этомъ, помолчавъ, продолжалъ Шаталовъ: когда ревизи сколько времени допросится не можетъ? Губернаторъ все только обѣщаніями кормить... Не желательно кой-кому обнаружить дѣйствительно полезную дѣятельность Юрія—ну и оставляютъ ее безъ проверки: думай про нее что хочешь!

— А съ подстрекателями какъ справляется?

— Такихъ, въ нашей сторонѣ, не особенно много: фабрикъ, слава Богу, нѣтъ, желѣзная дорога далеко, губернской городъ въ сорока-шестидесяти верстахъ. Провертываются подозрительныя личности, разбрасываютъ и прокламаціи—да все обходится какъ-то благополучно: двухъ-трехъ, въ участкѣ Юрія, побили и выгнали, а прокламаціи представили частію въ правленія, частію земскому начальнику. Юрій давно уже, разъѣзжая по участку, бесѣдуетъ съ крестьянами и начальствующими лицами о злобѣ дня, объясняетъ имъ все, что найдетъ нужнымъ и предохраняетъ отъ революціонныхъ происковъ. Онъ распространяетъ сотнями изданія Богдановъ.

вича, Троицкіе и Почаевскіе листки, а въ нынѣшнемъ году выписаль, на свой счетъ, въ каждую волость по экземпляру недорогихъ патріотическихъ газетъ.—Вотъ, это земскій начальникъ! Попечитель крестьянъ!.. И небогаты да тароваты.

— Слышу и я, что сѣрый народъ да мелкій людъ хвалятъ Юрія Александровича и довѣріе къ нему имѣютъ и конечно отъ души радуюсь, вставилъ Петръ Николаевичъ, —а вотъ начальство противъ него и его не долюбливаетъ!

— Еще-бы! Юрій у начальства ничего выпрашивать не станетъ и отъ своихъ принциповъ ни за что не отступится: стоекъ! Ну, а такихъ наши гогъ-магоги не жалуютъ! Имъ смиреннаго да послушнаго подавай!

Сахаровъ только вздохнулъ.

— Нынче въ перчаткахъ надо служить, продолжалъ исправникъ:—Боже сохрани кулака осадить, тѣмъ болѣе наглаго, или на старшину прикрикнуть: пожаловаться могутъ прямо министру или въ жидовскихъ газетахъ, съ добавленіями, тиснуть! Нынѣшнему начальству надо, чтобы все было спокойно, чтобы всюду тишь да гладь была, ни одного реприманда свыше не падало на его голову! Требуютъ все мягкости да снисходительности въ обращеніи, а на поднадзорныхъ и бунтарей—дѣйствовать больше лаской да уговоромъ, а то и уступками... Онъ тебя въ глаза изъ подлецовъ въ подлецы валяетъ, а ты это глотай да кликсень ему дѣлай—на то ты полиція! А пожалуется—тебя-же обвинять, будь ты чистъ какъ стеклышко! Какое теперь начальство: супостаты, а не начальство! Вотъ хоть-бы меня въ примѣръ взять: за что я вылетѣлъ изъ полицмейстеровъ два года назадъ? Вы-же говорили мнѣ, что горожане мной довольны, что я дѣльный и энергичный полицмейстеръ...

— И теперь скажу... Покучивали только, родной мой, добродушно усмѣхнулся старикъ,—да слишкомъ усердно за актрисами ухаживали!

— Вовсе не за это! съ небольшимъ раздраженіемъ возразилъ Дмитрій Никитичъ.—Да и почему холостому не кутнуть иной разъ, прилично конечно, не приволокнуться? Вы правды вѣрно не знаете...

— Можетъ-быть.

— Теперь-то я благодарю Бога, что меня уволили, а то

пожалуй нынче не диво, что и пристукнули-бы, а тогда обидно было.

— Ну расскажите правду.

— Прислали намъ съ юга, въ арестантскія роты, разнаго сорта бунтарей... Изъ Питера приказано было содержать ихъ на общемъ положеніи, помѣстивъ только отдѣльно. Губернаторъ Голоушевъ, уже лично отъ себя, распорядился завести для нихъ кровати и постельное бѣлье, либералишко быть... Ну, пріѣхали и давай на вокзалѣ распѣвать мерзкія пѣсни, предъявлять разныя требованія и скандалить; ихъ уговариваютъ, а они ругаются. Пѣшкомъ идти отказались, хотя день былъ чудный и роты отъ вокзала рукой подать. Я представилъ объ этомъ, по телефону, губернатору: приказалъ свезти на извозчикахъ. Наконецъ ихъ кое-какъ водворили. На другой день, при рапортѣ, когда я доложилъ о безобразіяхъ этихъ господъ, губернаторъ вдругъ спрашиваетъ: „а повара вы имъ нашли“?—Я даже глаза выпучилъ и конечно отвѣчалъ отрицательно.—„Напрасно! Вы должны-же понимать различіе между политическими преступниками и заурядными ворами и убійцами изъ простонародья?.. Не могутъ-же первые довольствоваться грубой, однообразной пищей вторыхъ?“—Я возразилъ, что руководствовался петербургскимъ предписаніемъ, согласно которому слѣдовало содержать арестованныхъ на общемъ положеніи и прибавилъ, что такія щи и каша, какія варятся у насъ въ ротахъ, врядъ-ли эти господа часто даже ѣли. „Но вы видѣли“, уже раздражаясь, продолжалъ губернаторъ,— „какъ я смотрю на это; изъ моихъ распоряженій вы обязаны были уразумѣть, что я, уважая чужія убѣжденія, не ставлю на одну доску преступника политическаго съ убійцей изъ корыстныхъ видовъ или грабителемъ на большой дорогѣ. Вы забываете что сегодня мы—хозяева положенія, мы преслѣдуемъ и караемъ революціонеровъ, а завтра быть можетъ они захватятъ власть и засадятъ насъ въ тюрьмы или перевѣшаютъ на фонаряхъ! Такта у васъ мало... Полицмейстеръ, въ настоящее тревожное время, долженъ быть также и дипломатомъ, долженъ умѣть ладить со всеѣми, умиротворять, а не озлоблять!.. Вы—плохой полицмейстеръ... съ вами я рискую каждую минуту понасть въ бѣду...—Я причисляю васъ къ губернскому правленію!“ послѣ небольшой паузы,

пріосанившись, вдругъ выпалилъ губернаторъ, кивнуль головой и аудіенція кончилась.

Сахаровъ давно уже выпустилъ изъ рта трубочку и внимательно слушалъ исправника.

— Какъ-же это мимо ушей моихъ прошло?

— Удивляться нечему: вѣдь это съ глазу на глазъ было и кто-же повѣритъ разсказу причисленнаго къ губернскому правленію? Да я очень и не распространялся—ну ихъ къ чорту!

— Да, обдумывая, сказалъ Петръ Николаевичъ,—худо! Власть отсутствуетъ; а повернется энергическій дѣятель—ему сейчасъ-же въ Петербургъ ножку подставятъ, а затѣмъ и прикончатъ! Убійца или останется не розысканнымъ или сбѣжитъ изъ тюрьмы или, вмѣсто висѣлицы, будетъ присужденъ къ каторгѣ, которая у насъ легче тюрьмы, или окажется душевно больнымъ!—Простите меня, голубчикъ Дмитрій Никитичъ, что я не такъ понялъ причины вашего причисленія... Не зналъ, ей Богу, не зналъ!

Сахаровъ отложилъ трубочку и протянулъ обѣ руки Шаталову: тотъ крѣпко обнялъ и поцѣловалъ добраго старика.

— Ну, есть о чемъ говорить: точно я васъ не знаю! Нѣтъ, вы вотъ что мнѣ скажите, стоя передъ Петромъ Николаевичемъ и скрестивъ руки на груди, продолжалъ исправникъ:—почему уголовное убійство—одно, а политическое—другое? Почему власть считаетъ заурядныхъ убійцъ мерзавцами и злодѣями, а политическихъ—чуть не героями, рыцарями непріятельскаго стана, носителями какихъ-то великихъ идей? Хватить кого-либо ножемъ изъ мести или ревности—подлость, звѣрство, а убить пулей или бомбой губернатора, исправника, городского чуть не доблестъ? Вѣдь это-же возмутительно, дорогой мой! колотя себя въ грудь возвысилъ голосъ Шаталовъ: губернаторъ озабоченъ тѣмъ, что приискажи-ли господамъ бомбистамъ повара! Да я-бы ихъ, подлецовъ, на хлѣбъ и на воду посадилъ, за всякую провинность березовой кашей угощалъ! Вѣдь вы представить себѣ не можете до чего они дерзки и наглы стали! И во всемъ этомъ сама власть виновата: если бы наши верхи были единокорны, если-бы они стояли на стражѣ національной жизни—никогда наше общество не пошатнулось-бы до того, чтобы

брататься съ подонками инородцевъ и оправдывать, во многихъ случаяхъ, злодѣянiя политическихъ хулигановъ!.. Что говорить: большинство сатраповъ всѣхъ категорiй растерялось, присѣло, а бунтари задрали носъ! Только мелкая сошка городовые, жандармы да военные твердо стоятъ на своихъ постахъ, а Голоушевы, Увертышевы и имъ подобныя эквилибристы и только!

А я вотъ что вамъ скажу, любя васъ: удерживайте, ради Бога, язычекъ свой! Вѣдь эдакъ вы гдѣ-нибудь про Увертышева брякнете—до него дойдеть и опять васъ, какъ при Голоушевѣ, къ губернскому правленiю причислятъ!

Небось! Увертышевъ, хоть меня и не жалуеть, да знаетъ что я человѣкъ энергичный и не лѣнивый и что у меня есть Ольхинъ за спиной, который не дастъ меня въ обиду! Ура!! взглянулъ въ окно Шаталовъ: нашего полку прибыло!

И еще разъ, на лету, стремительно облобызавъ Сахарова, исправникъ бросился отворять парадную дверь.

III.

Вошелъ Вязьминъ, Юрiй Александровичъ, красивый молодой человѣкъ тридцати двухъ лѣтъ, высокаго роста, плотный, съ прiятнымъ, открытымъ, сильно загорѣвшимъ лицомъ, съ откинутыми назадъ, слегка вьющимися, темпоруемыми волосами, такими-же усами и живыми сѣрыми, часто вдумчивыми глазами. Увидя въ передней Сахарова и его сестру, онъ снялъ форменную фуражку, поцѣловался съ ними какъ съ родными и, скидывая темно-сѣрый „Stambmantel“, проговорилъ съ огорченiемъ:—Просто, дорогiе мои, хоть не служи! Не могу, вотъ уже слинкомъ два мѣсяца, выцарапать деньги на покупку хлѣба! Мужики пристають, да и жаль ихъ, губернаторъ успокоиваетъ что приказалъ, а непремѣнный членъ и секретаръ Пулькинъ мерзости дѣлають!

Да, господинъ Пулькинъ —птичка-невеличка, а дѣла свои ловко обдѣлываетъ: совсѣмъ обошелъ Увертышева! вздохнулъ Сахаровъ.

Юрiй поправилъ передъ зеркаломъ волосы, свой сѣренькiй изящный костюмъ, шепнулъ что-то Шаталову, ко-

торый сейчас-же вышелъ на крыльцо, и, вмѣстѣ съ хозяевами, вошелъ въ залу.

— Ну какъ васъ Богъ милуетъ? глядя по плечамъ старика обѣими руками, участливо спросилъ Вязьминъ; Ольга Николаевна, что ваша спина... не беспокоитъ?

— Нѣтъ... Благодарю за карасей и зелень... Вы-то какъ?

А ничего: живу по маленьку, присаживаясь къ окну, отвѣтилъ Юрій, —скучно иной разъ бываетъ, голубушка, не смотря на то, что цѣлые дни занять... Время тревожное, а не съ кѣмъ иной разъ и поговорить, некому и съ души сдать когда сгрустнется...

„Затуманилась ежева голова!“ запѣлъ, влетая въ комнату, исправникъ; Полно хахдрить! хлопнулъ онъ Вязьмина по спинѣ; —Плюнь на всѣхъ секретарей и на всю эту челядь! Право всѣ они, тенерешше, гропа не стоятъ! Вотъ-бы *вонзить* теперь—во благовременіи: десятый часъ на исходѣ...

Сейчасъ, Дмитрій Никитичъ, все изладимъ—тогда и вонзите! Пойдемте-ка, помогите мнѣ, сказала Ольга Николаевна.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! подплясывая, пошелъ за нею Шаталовъ.

— Завидный характеръ! глядя ему вслѣдъ, замѣтилъ Юрій. Ну какъ у васъ здѣсь? обратился онъ къ Сахарову: —забастовокъ нѣтъ? Заводъ идетъ?

— Покамѣстъ ничего: работаетъ... Приказчики угомонились—кой какія имъ уступки сдѣлали. А все таки страшно боюсь чтобы чего не случилось: много у насъ поднадзорныхъ, праздныхъ студентовъ. Статистики, изъ губерской управы, тоже сильно вредятъ: пропаганду въ народѣ разводять. Въ городѣ войска нѣтъ, а тридцать шесть городовыхъ что могутъ сдѣлать противъ двухъ—трехъ сотенъ вооруженныхъ бунтарей? Говорятъ, что у городовыхъ и револьверовъ то даже нѣтъ—пустые кабуры съ деревянными чушками, только для вида прицѣплены!

— Ну что ужъ это! Право, еслибъ не вы говорили, не повѣрилъ-бы!

— Да, батюшка, трудно и повѣрить: въ то время когда Царскихъ слугъ, вѣрныхъ присягѣ бьютъ и въ лобъ и изъ-за угла, полиціи приказываютъ этихъ разбойниковъ всяче-

ски щадить, уговаривая и обращаясь съ ними изысканно вѣжливо! Тѣфу! плюнулъ раздраженный старикъ.—Каково мнѣ, служившему въ Николаевское время, видѣть и переживать все это! Напримѣръ: послѣ девятаго января, наши жидовскіе магазины продали въ два мѣсяца болѣе пятисотъ револьверовъ! Гешефтъ, конечно, выгодный, потому что бракъ, стоящій грошъ, проданъ былъ по настоящей цѣнѣ: но что же это такое: въ столицахъ и большихъ городахъ оружіе продается предъявителямъ свидѣтельствъ на право покупки, выдаваемыхъ мѣстною властью, а у насъ гимназисты, реалисты и прочіе парни открыто покупали револьверы и патроны по билетикамъ губернской земской управы и городской думы и начальство смотрѣло на это сквозь пальцы! Чѣмъ руководствовалось это, окончательно сбившееся съ пути и потерявшее здравый смыслъ, начальство—и понять даже трудно!

1921/24
 Руководилось оно, дорогой мой, трусостію, административнымъ рамолиментомъ и, преподанною городомъ Санктъ-Петербургомъ, системою угожденія бунтующимъ шайкамъ! Уступаемъ мы имъ уже почти годъ, и послѣ всякой новой уступки, крамола все выше задираетъ голову, число революціонеровъ растетъ, наглость ихъ увеличивается, а власть все болѣе и болѣе ступевывается. На окраинахъ мы уже вступили въ царство анархіи... Страшно подумать къ чему приведетъ насъ эта преступная летаргія власти!

— Отъ Бога отступили и Богъ насъ отвергъ! вздохнулъ старикъ.—Чѣмъ, чѣмъ только мы не грѣшны! живемъ не по Божьей, а по своей волѣ—и вотъ къ чему она насъ привела... Да еще неизвѣстно къ чему приведетъ. Страшно, голубчикъ! Вѣдь если не покаемся, какъ ниневитяне—совсѣмъ пропадемъ!

Да, надо каяться и молиться! А гдѣ у насъ молятся? Въ затолчныхъ углахъ только! Въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда еще не проникла дьявольская культура и еще нравственно цѣло большинство населенія!.. Но Богъ милостивъ: Онъ не дастъ погибнуть Св. Руси изъ-за горсти злодѣевъ! Я глубоко вѣрю, что скоро возсіяетъ свѣтъ и разгонитъ нагнанную на насъ тьму—и свѣтъ озаритъ насъ не изъ столицъ и большихъ городовъ, а изъ тѣхъ затолчныхъ угловъ, гдѣ еще крѣпка вѣра во Христа и беззавѣтна преданность Самодержцу—Царю, Помазаннику Божію!

Дай-то Господи! сокрушенно вздохнулъ Сахаровъ. Вы молоды, у васъ жизнь впереди... Нашъ братъ, пожившій, не такъ розово глядитъ въ будущее. Боюсь я, что забаломученной Россіи кровію придется омыть свое богоотступничество!

Оба они задумались и помолчали.

— Вы что-же, на шестой-то недѣлѣ не пріѣхали на дворянское совѣщаніе, по поводу записки анонимныхъ предводителей? послѣ паузы спросилъ старикъ; мы васъ поджидали.

— Чего тамъ дѣлать? вставъ со стула, махнулъ рукою Вязминъ и нервно заходилъ по комнатѣ.—Послѣ фальшиваго, безтактнаго адреса Государю, составленнаго нѣсколькими радикалами и одобреннаго дряблымъ большинствомъ, я нахожу, что мнѣ не зачѣмъ болѣе ѣздить въ дворянскій домъ. Вы вѣроятно уже слышали обо всемъ, что тамъ было?

Слышалъ да мало... Вы тогда тотчасъ-же уѣхали и не простились даже съ нами.

— Извините, дорогой мой... Мнѣ такъ сдѣлалось тогда тошно, что я, даже не поѣвши какъ слѣдуетъ, удраля во свояси, къ мужикамъ. Подумайте только: въ тѣхъ самыхъ стѣнахъ, гдѣ предки наши, въ тяжкія години, горя любовію къ отечеству и къ Самодержавному Царю, восторженно отдавали на защиту родины свое достояніе и жизнь, когда вѣрнопопданное дворянство, другъ передъ другомъ, соперничало въ размѣрѣ приносимыхъ жертвъ, въ этихъ-же стѣнахъ мнѣ пришлось слушать жалкій, въ нынѣшнемъ газетномъ стилѣ составленный, документъ, дерзко перетолковывавшій Высочайшій рескриптъ 18 февраля! (Юрій остановился и, жестикулируя руками, продолжалъ, все болѣе и болѣе разгораясь). Гдѣ-же прежніе дворяне, столпы Православія и Самодержавія, гдѣ дворянская честь и вѣрность присягѣ? Эхъ, Петръ Николаевичъ, тяжело было мнѣ видѣть и слушать все это! Не смотря на молодость, я такъ благоговѣлъ передъ традиціями дворянства, такъ вѣрилъ въ будущность его — и вдругъ... (онъ нервно провелъ рукою по лбу) вмѣсто того, чтобы стать плотной, нерушимой стѣной вокругъ трона Самодержца и дружнымъ усиліемъ смести съ лица Св. Руси враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ — сливки дворянства, какъ обезумѣвшіе, поютъ въ униссонъ съ куп-

ленными Японіей и Англіей злодѣями и, съ легкимъ сердцемъ торопятся распатать устои своего Великаго Отечества, надъ созиданіемъ и укрѣпленіемъ которыхъ, не щадя живота трудились ихъ дѣды и прадѣды! Тяжко, дорогой мой, молодому человѣку жить въ такое время и среди такихъ людей!

— Я слышалъ вы не подписали адресъ?

← Не подписалъ... разсѣянно и снова начиная ходить, отвѣтилъ Юрій.—И старикъ Ольхинъ не подписалъ да еще нѣсколько человѣкъ... О, да бросимъ этотъ разговоръ—и вспоминать-то тяжело!

— Ну, теперь васъ поѣдомъ будутъ ѣсть!

А Христось съ ними! Въ какихъ правилахъ я воспитанъ, Петръ Николаевичъ, круто остановившись, серьезно выговорилъ Вязьминъ,—въ такихъ и умру! И что-бы ни случилось имъ не измѣню!

— Все это хорошо, голубчикъ мой, но нельзя такъ рѣзко и такъ прямо говорить: не любятъ у насъ правды... Вы вѣдь служите... неуживчивымъ, дерзкимъ прославятъ. Повѣрьте мнѣ, старику: надо помягче, поскромнѣе выражать свои мысли, кой-что иной разъ и утаивать... По опыту, дорогой мой, говорю... Правдивость-то эта вотъ гдѣ у меня сидитъ! хлопнулъ себя Сахаровъ по затылку.

— Легко говорить это, Петръ Николаевичъ, а что подѣлаешь какъ внутри тебя закипитъ, да сердце выпрыгнуть отъ негодованія готово? Я и то сдерживаюсь... А о послѣднемъ совѣщаніи, по поводу московской записки предводителей, слышали?

— Слышалъ; говорятъ согласились съ ней.

— Да, но не всѣ... разладъ вышелъ: многіе не вникли въ суть дѣла... Я хорошо сдѣлалъ, что не поѣхалъ: только кровь-бы себя испортилъ! Эти, отнынѣ знаменитые, двадцать три анонимные предводителя изуродовали весь рескриптъ 18 февраля и конституцію требуютъ! А присягали Самодержавію! Вонъ курскіе дворяне не нашимъ чета: отвергли мнѣніе анонимовъ, какъ необоснованное и невѣрное; вѣдь эти анонимы, поставивъ девизомъ сохраненіе Самодержавія, весь свой проэктъ направили къ его ограниченію!.. Я, вмѣсто себя, особую записку въ совѣщаніе послалъ.—А дрова пришли? послѣ небольшой паузы, чтобы перемѣнить разговоръ, спросилъ Юрій.

— Идутъ... Говорятъ нынче полдешевле будутъ, вѣло отвѣтилъ Сахаровъ.

— Петръ Николаевичъ, простите голубчикъ: я на всякій случай привезъ вамъ пятьдесятъ рублей... можетъ-быть понадобится, нѣсколько смущенно проговорилъ Юрій.

Старикъ слегка вспыхнулъ.

— Дорогой мой! Какъ не понадобится... но я не смѣлъ просить васъ... Спасибо, охъ какое спасибо! Добрая душа... вѣдь и вамъ деньги нужны: лѣтомъ, въ усадьбѣ, только вынимай—все расходъ... У самого—вѣдь не ахти сколько!

— Полноте! Пятьдесятъ-сто рублей всегда у меня найдутся, чтобы помочь хорошему человѣку, а тѣмъ болѣе вамъ. Я, Петръ Николаевичъ, живу съ запасомъ; не смотря на мои молодые годы, я уже многого посмотрѣлся, видѣлъ тоже какъ тяжело очутиться подъ старость необезпеченнымъ. Изъ-за недостатковъ и характеръ, и семейныя отношенія портятся и здоровье разстроивается. Хуже еще: ропшетъ человѣкъ, ожесточается. вмѣсто того, чтобы передъ концомъ совершенствоваться, умиротворяться—озлобляется. Я далеко не скупъ, но стараюсь не проживать свой доходъ, а откладываю что могу. Почему я знаю на что понадобится мнѣ деньги и что со мною будетъ въ теперешнее смутное время? Могу и службы и доходовъ съ имѣнія лишиться!—Получите, голубчикъ, подайте ему Вязьминъ двѣ двадцатипяти рублевья бумажки,—и ради Бога никому ни слова, даже Ольгѣ Николаевнѣ.

Сахаровъ молча обнялъ молодого человѣка и старческіе глаза его замигали и подернулись влагой.

— Ну, а какъ же вы съ довольствіемъ? спросилъ онъ, помолчавъ, не твердо, неловко глядя въ сторону.

— Опять поѣду къ губернатору,—такъ это неприятно... Съ Пулькинымъ говорить нечего.

— А Ошомковъ?

— Эта личность почему-то меня не жалуетъ... Я даже знаю, что онъ, вмѣстѣ съ Пулькинымъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, наговариваютъ на меня Увертышеву... Ну, тягаться съ ними я конечно не стану... Мнѣ важно служить не за страхъ, а за совѣсть и оберегать ввѣренныхъ мнѣ меньшихъ братій... Ну какъ я вернусь домой безъ денегъ—

завопять мужики! И въ такое-то время эти бездушныя куклы только масло въ огонь подливают!

— А смирно у васъ пока?

— Смирно-то смирно, да вѣдь все до поры до времени! Надо очень тщательно избѣгать всего, что можетъ породить раздраженіе, а тѣмъ болѣе озлобленіе въ народѣ, а они вонъ что продѣлываютъ! Узнаеть какой-нибудь трехкопѣечный корреспондентъ — меня—вѣдь жидовская пресса помоями обольеть! Травить земскаго начальника для революціонныхъ газетъ—первѣйшее наслажденіе!

Вошли Шаталовъ и Наталья; раздвинули обѣденный столъ и стали накрывать. Ольга Николаевна принесла бутылки. Раздался звонъ стакановъ и стукъ тарелокъ. Дмитрій Никитичъ суетился больше всѣхъ.

— Герасимовна, а хрѣнъ есть? спросилъ онъ.

— Трутъ.

— То-то. А ты что-же бутылки не откупорила?

— А думала вамъ дѣлать нечего—сами займетесь! усмѣхнулась Наталья.

— Охъ ты! шутя закликнулъ ее Шаталовъ;—давай штопоръ, да живо!

— Бутылки-то откуда, хрѣнъ къ чему? полюбопытствовалъ старикъ.

— Вотъ кто привезъ! указывая на Юрія, отвѣтила Ольга Николаевна.—А хрѣнъ для осетрины нуженъ... тоже привезъ.

— Ой только вы, копильщикъ! покачалъ головой Петръ Николаевичъ;—эдакъ немного накопите!

Исправникъ откупорилъ бутылки, поставилъ ихъ на мѣсто и, взявъ подъ руку Наталью, побѣжалъ съ нею въ кухню.

— Ну кто ему сорокъ лѣтъ дать? замѣтилъ, послѣ паузы, Сахаровъ.—Простяга малый!

— А за то когда разгорячится—смотри въ оба: выпучить бѣлки и тогда ему чортъ не братъ! разсмѣялся Вязьминъ.

— Это про кого? спросилъ, входя въ залу, Шаталовъ; подъ правой мышкой у него была бутылка съ водкой, а въ рукахъ блюдо съ холодной осетриной и тарелка съ рѣдькой и редиской.

— А про тебя!

— Не суйся: тогда и бѣлки пучить не стану... Ой ты,

аемскій! Трошь-ка тебя—что, пардону запросишь?—Идите лучше водку пить!

— Всѣ вы, примирительно замѣтилъ старикъ,—Вязьминской породы,—горячки: и вашъ отецъ, Юрій Александровичъ, и ваша мать, Дмитрій Никитичъ,—оба были вспыльчивы и на ногу себѣ наступать не дозволяли... Знали себѣ цѣну!

— Ну-съ, вкушайте: я тоже люблю чтобы меня слушались, указывая на налитыя рюмки, пригласилъ Шаталовъ.—Ваше здоровье! чокнувшись съ хозяиномъ и Юріемъ, обратился онъ къ Ольгѣ Николаевнѣ, затѣмъ сѣлъ и занялся рѣдью.—Хороша!.. Масло!.. Юрій, нарѣзать?

— Нарѣжь! Ольга Николаевна, попробуйте эту бѣлую длинную редиску—новый сортъ.

— Довольны огородникомъ? спросилъ Сахаровъ.

— Огородника у меня нынче не полагается: я нашель что это мнѣ не по карману. Ключница у меня, Евлалія Васильевна, изъ чиновницъ, второй годъ живетъ, кой-что знаетъ и любить заниматься огородомъ... И я помогаю; больше по парниковой и тепличной части. Вотъ рѣдка эта и редиска мною выращены.

— Чудная редиска! замѣтила Ольга Николаевна:—я ужъ вторую беру.

— На здоровье... Слѣдующій разъ привезу вамъ этаго сорта.

— Юрій! Bis! приготавлиаясь налить кузену рюмку водки, возгласилъ Шаталовъ.—Вамъ, Петръ Николаевичъ, я не предлагаю.

— Конечно не надо.

— И я не желаю, отказался Вязьминъ.

— А я желаю! *вонзилъ* исправникъ.

Наталья подала осетрину; занялись ею и разговоръ временно смолкъ.

— Юрій Александровичъ, что-жъ вы вина не пьете? спросила, послѣ паузы, Ольга Николаевна.

— Сейчасъ. А вы бѣленькаго позволите?

— Рюмочку.

— Петру Николаевичу красенькаго?

— Потомъ.

— А мнѣ-то? выпучивъ глаза Шаталовъ.—Плесни, Юрочка, бѣлаго... Рыба въ бѣломъ привыкла плавать.

Вязьминъ налилъ.

— Провозглашаю тостъ, поднявъ стаканъ, встала Дмитрій Никитичъ,—за прелестную Ипну Львинскую, имѣющую уже нѣсколько поклонниковъ и въ числѣ ихъ моего глубоко чтимаго братца!.. Чокнемся, братецъ! обратился онъ къ Вязьмину.

— Отчего не чокнуться, размѣялся Юрій,—только ты врешь, по обыкновешю: что она красива—это я признаю, а что я ее поклонникъ—отвергаю.

— Толкуй! промышчаль Шаталовъ, отправляя въ ротъ осетрину,—развяжи тебѣ крылья—всѣхъ-бы поклонниковъ ее разметаль!

Вязьминъ не отвѣчалъ.

Пришла Наталья, перемѣнила тарелки и поставила посреди стола большую сквороду съ карасями въ сметанѣ.

— Охъ, мои голубчики, тономъ причитанія встрѣтилъ Дмитрій Никитичъ ихъ появленіе,—куда дѣвалась ваша золотистая красота? Угасъ вашъ серьезный, задумчивый взглядъ! Въмѣсто прохладной зеленой тины—презрѣнной горячей сметаной, какъ саваномъ, покрыты вы, бывшіе вольные обитатели Волынскаго пруда! Ползите ко мнѣ, бѣдные страдальцы, забирая къ себѣ на тарелку двухъ самыхъ крупныхъ карасей и покрывая ихъ сметаннымъ саваномъ, причиталь исправникъ, и я приголублю васъ!

— Полно врать, Дмитрій! смѣясь замѣтилъ Вязьминъ, вѣдь тебѣ сорокъ лѣтъ!

Ну что-жъ изъ этого? Юнъ душой вотъ и все! Хочешь краснаго?

Наливай, да и Петру Николаевичу также.

Мнѣ полстакана, больше не смѣю.

Хотите господа чаю? спросила Ольга Николаевна.

— Какой тамъ чай помилуйте, вскричалъ Шаталовъ, это только бесполезную сырость въ желудкѣ разводите! Я предлагаю Юрію Александровичу, выпивъ вино и поблагодаривъ радушныхъ хозяевъ, немедленно отбыть въ гостеприимный „Якорь“, раздѣться и, свернувшись калачикомъ, броситься въ объятія Морфея или, какъ говорили въ сороковыхъ годахъ, „задать Храповицкаго“. Вѣдь сорокъ верстъ отмахали и нигдѣ не отдыхали.

Кузены посидѣли еще немного и, не смотря на упрашивающія стариковъ, собрались въ обратный путь.

Выберите-же завтра минуточку, голубчикъ мой, верните, шепнулъ Вязьмину Сахаровъ, когда Шаталовъ былъ уже на крыльцѣ: опять закатитесь на долго въ свою трущобу!

Трущоба эта, дорогой мой, пока смириѣе и честиѣе Н. — Господи! что только сдѣлала изъ этого тихаго, богобоязненнаго города шайка гнусныхъ крамольниковъ! Ну, досвиданія!

IV.

На другой день, часовъ въ одиннадцать утра, Юрій, въ мундирѣ, поѣхалъ къ губернатору. Рослый, видный швейцаръ, изъ отставныхъ кавалергардовъ, зная щедрость молодого человѣка, широко распахнулъ передъ нимъ входную дверь и, снимая съ него пальто, доложилъ, что сейчасъ только вышелъ отъ генерала „правитель“, которому за что-то „попало“, что въ кабинетъ и приѣмной теперь никого нѣтъ и сейчасъ онъ о немъ доложитъ. Вязьминъ вошелъ въ приѣмную и черезъ минуту былъ приглашенъ въ кабинетъ. При входѣ Юрія, губернаторъ, изъ штатскихъ, Николай Николаевичъ Увертышевъ, сангвиникъ лѣтъ подшестьдесятъ, темнорусый, гладко причесанный, съ подстриженной сѣдовой бородой, большого роста, плотный, лѣниво поднялся изъ-за большого письменнаго стола и, въ отвѣтъ на представленіе молодого человѣка, глядя изъ подлобья, небрежно подаль ему руку, и указавъ ему на кресло, снова опустился на свое прежнее мѣсто.

И, ваше превосходительство, началъ Вязьминъ, въ очень затруднительномъ положеніи... Согласно разрѣшенію вашему я, какъ уже представлялъ вамъ, закупилъ нужное количество хлѣба, хотя не формально, а на слово, но вѣдь это все равно.

Губернаторъ утвердительно качнулъ головой, причемъ его узкіе, черные глазки, изъ подъ густыхъ бровей, пытливо взглянули на Юрія.

Закупка совершена уже два мѣсяца назадъ, счетъ въ губернское присутствіе отправленъ, а денегъ мнѣ не вы-

сылають; крестьяне ходять чуть не каждый день, рошцуть, а купецъ говоритъ что долѣе ждаты не можетъ.

— Ошомкова видѣли?

Я прѣхалъ только вчера вечеромъ, и прежде всего, поспѣшилъ представиться вамъ.

Передайте ему чтобы васъ немедленно удовлетвори-ли: деньги есть.

Слушаю.

— Ну какъ у васъ... спокойно? послѣ паузы, чтобы что-нибудь сказать, вяло процѣдилъ губернаторъ.

— Особеннаго пока ничего нѣтъ, но подстрекатели про-вертываются. Есть и пропагандисты, число которыхъ, благо-даря лѣту все увеличивается.

— Ну, это неучащіяся мальчишки работаютъ кто ихъ будетъ слушать! презрительно замѣтилъ Увертышевъ.

— Не одни мальчишки, ваше превосходительство, есть и настоящіе революціонеры изъ земскихъ служащихъ, вра-чей, учителей... Къ ихъ революціоннымъ рѣчамъ народъ, въ особенности молодой, начинаетъ прислушиваться, проклама-ціи читаются и обсуждаются. Я позволю себѣ замѣтить, что пренебрегать этимъ не слѣдуетъ: зло лучше теперь же выр-вать съ корнемъ, чѣмъ дать ему развиться, а потому...

— Вы кажется сторонникъ крутыхъ мѣръ? глухо спро-силъ губернаторъ, не поднимая глазъ.

— Изъ исторіи мы знаемъ, что ослабленіе власти и си-стема уступокъ не усмиряетъ, а разжигаетъ бунты.

— И постарше и поопытнѣе васъ, быстро поднявъ го-лову, перебилъ Вязьмина Увертышевъ и на щекахъ его вы-ступили красныя пятна, и отвѣчаю, что пока я у васъ гу-бернаторомъ здѣсь безпорядковъ не будетъ! Вы преувели-чиваете: отъ вздорной болтовни разныхъ недоучекъ до ре-волюціи еще очень далеко!

Я считаю своею обязанностію, твердо и сдержанно продолжалъ молодой человекъ, доложить вашему превосхо-дительству, что земскій учитель Варнавинъ, не далѣе какъ недѣлю назадъ, пользуясь моимъ отъѣздомъ въ дальнія во-лости, самовольно собралъ въ с. Владычномъ сельскій сходъ, на которомъ говорилъ возмутительныя вещи про войну, пра-вительство и разъяснялъ преимущество конституціоннаго строя передъ самодержавнымъ!

Все это слухи, усердіе не по разуму старшинъ и старость! Я не очень вѣрю этимъ сообщеніямъ, замѣтилъ губернаторъ, метнувъ глазами не въ сторону Юрія, а куда-то въ бокъ.

Я самъ провѣрилъ, подчеркнулъ слово „самъ“ молодой человѣкъ, путемъ дознанія на мѣстѣ, фактъ созыва Варнавиннымъ схода и суть его пропаганды и все это подтвердилось! Я позволю себѣ просить, ваше превосходительство, для спокойствія участка, приказать убрать отъ насъ Варнавина, иначе я не ручаюсь за послѣдствія: онъ опасный и весьма энергичный человѣкъ!

Благодарю за сообщеніе, поднимаясь съ кресла, холодно отвѣтилъ Увертышевъ, я приму нужныя мѣры: вамъ же рекомендую осторожность въ возбужденіи розысковъ и преслѣдованій.. Репрессіи, а тѣмъ болѣе крутыя, вызываютъ ожесточеніе и, какъ мнѣ пишутъ изъ Петербурга, нежелательны. Надо успокоивать, а не раздражать... Онъ протянулъ руку Юрію и, сухо поклонившись, снова усѣлся за столъ.

„Успокаивать!.. Играть въ руку измѣнникамъ... На ихъ преступленія смотрѣть сквозь пальцы, изъ боязни чтобъ бомбу не подбросили!.. Царскіе слуги!“ съ омерзѣніемъ проворчалъ молодой человѣкъ и велѣлъ вести себя въ „Якорь“, чтобы переодѣться.

Переодѣвшись и позавтракавъ въ номерѣ совершенно одинъ (исправникъ ранехонько закатился въ разныя мѣста), Юрій спросилъ газеты; оказалось что выписываются только революціонныя: „Крылатое слово“, „Весеннія вѣянія“, „Похороны“ и др. Приказавъ корридорному кушитъ въ кіоскъ „Москвичка“ и „Крестьянскія мысли“, Вязьминъ отправился въ сѣздъ справиться о количествѣ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію, такъ какъ очередь была его. Секретарь сообщилъ, что занятій предстоить дней на пять. Забывъ потомъ въ губернское присутствіе и уладивъ наконецъ продовольственное дѣло, Юрій отправился къ своему предводителю и предсѣдателю N-скаго сѣзда, Ивану Константиновичу Ольхину, но не заставъ ни его ни жены его дома и вспомнивъ что сегодня пріемный день у богатой вдовы генераль-маіора Мерцаловой, около двухъ часовъ, подѣхалъ къ большому

одноэтажному дому, на Московской улицѣ. У подъѣзда стояла карета и два извозчика и когда онъ вошелъ въ переднюю, изъ гостиной раздавались оживленные голоса и звенѣла чайная посуда. Вязьминъ засталъ общество за чаемъ; за серебрянымъ самоваромъ, приставленнымъ къ передниванному овальному столу, помѣщалась хозяйка, пятидесятилѣтняя полусѣдая блондинка, высокаго роста, худая, съ прищуренными карими глазами и большою развязностью во всей фигурѣ; на столѣ, около лампы, разставлены были торты фрукты и печенье. Недалеко отъ хозяйки, на диванѣ сидѣла маленькая, черненькая, съ румянцемъ во всю щеку и блестящими черными глазами, вице-губернаторша, баронесса фонъ-Кейзерлингъ, молодая еще дама и, не снимая перчатокъ, прихлебывала чай. Она горячо спорила съ Мерцаловой о только что бывшей лоттерей-аллегри, въ пользу „колоніи малолѣтнихъ преступниковъ“, распорядительницей которой была она, баронесса, и старалась отпарировать тѣ шпильки, которыя ей то и дѣло подпускала хозяйка, великая на это мастерица. Около вице-губернаторши почтительно юлилъ и старался поддержать въ спорѣ свою патронессу, хотя и неудачно, молодой чиновникъ губернскаго правленія Ванѣевъ, приличный и, какъ было замѣтно, пскательный, но и только. Онъ постоянно взмахивалъ глазами по направленію красивой, высокаго роста, полной брюнетки, въ пунцовой шелковой рубашечкѣ и черной юбкѣ, перешептывавшейся, изъ-за альбома, который она разсматривала, съ сидѣвшимъ противъ нея, за круглымъ столомъ, свѣтлорусымъ, плотнымъ реалистомъ, съ пробившимися уже усиками, въ темной блузѣ и широчайшемъ кожаномъ поясѣ. На молодцоватомъ, цвѣтущемъ лицѣ юноши выражалось довольство собой и полнѣйшая беззаботность, а въ движеніяхъ — угловатая развязность и напускная грубоватость. Дѣвушку звали Инной Александровной Львинской, а реалиста Владиміромъ Петровичемъ Мерцаловымъ.

Поздоровавшись съ хозяйкой и гостями и перекинувшись нѣсколькими фразами съ дамами, Вязьминъ подошелъ къ столику, за которымъ болтала Инна, и вступилъ съ нею въ разговоръ. Начали съ лоттереи, въ которой участвовала Львинская, затѣмъ перешли къ гастролямъ братьевъ Адельгеймъ, коснувшись вчерашней телеграммы. Разговоръ

оживился. Инна видимо кокетничала съ Юріемъ и перестала даже обращать вниманіе на Мерцалова. Тотъ насунулся и всталъ, чтобы уходить.

Куда ты, Володя? ласково спросила Инна.

Къ себѣ навѣрхъ, долбитъ исторію... дѣлать мнѣ здѣсь нечего! отвѣтилъ реалистъ.

— Ужасно ты невоспитанъ! оборвала его дѣвушка.— Ты сдѣлаешь то, что я съ тобою говорить перестану!

— А пожалуй не говори! пробурчалъ юноша и, повернувшись къ ней спиной, пошелъ изъ гостиной. На порогѣ онъ встрѣтилъ сестру, бѣлокурую, миленькую гимназистку, старшаго класса, Сою и что-то началъ шептать ей.

— Однако monsieur Володя совсѣмъ салонный молодой человѣкъ! разсмѣялся Юрій. Почему вы съ нимъ „на ты“?

А васъ это удивляетъ?

Нѣтъ; теперь многое меня не удивляетъ... странно только немножко... Вѣдь вамъ онъ не родня?

— А развѣ нельзя дѣвушкѣ быть на „ты“ съ хорошимъ знакомымъ? Мы еще подростками видались, лѣтомъ, чуть не каждый день, когда я изъ института пріѣзжала на каникулы къ Ольхинымъ; усадьба ихъ, какъ вамъ извѣстно, отъ Мерцаловской всего въ трехъ верстахъ, а тропкой и двухъ не будетъ.—Ужасный однако вы ретроградъ! помолчавъ, добавила Инна.

— Можетъ-быть, улыбнулся Вязьминъ:—по я думаю, что и вашему будущему мужу не особенно пріятно будетъ видѣть такія близкія отношенія своей жены къ молодому человѣку, не родственнику!

— Я подобнаго ветхозавѣтнаго субъекта въ мужа и не выберу, а если онъ такимъ послѣ свадьбы окажется перевоспитаю.

До чего вы самоувѣренны! Смотрите чтобы васъ не перевоспиталъ мужъ!

Ну, это трудненько: я ужасно упряма и настойчива!

Это молодость въ васъ говоритъ... Поживете другое запоете и всѣ ваши институтскія воззрѣнія живо улетучатся.

— Нѣкоторыя, можетъ-быть; но главныя, тѣ, которыя вошли въ плоть и кровь, останутся во мнѣ навсегда! Или

вы думаете, что жена должна быть рабой мужа, должна трепетать передь нимъ, какъ это при вѣнчаніи читается? Нѣтъ, все это давно отжило! Женскій вопросъ настолько созрѣлъ, права наши настолько расширились и окрѣпли, что теперь пожалуй уже мужчинамъ приходится оберегать свою самостоятельность!

— Однако институтъ, въ развивательномъ отношеніи, сильно шагнулъ впередь!

— И слава Богу! Будетъ уже выпускать въ жизнь женъ—кухарокъ, нянекъ и сидѣлокъ!.. Нашъ институтъ тѣмъ и хорошъ что послѣдніе два года, въ виду того что мы готовимся быть наставницами и гувернантками и занятія наши только практическія, намъ даютъ большую свободу: мы посѣщаемъ родныхъ и знакомыхъ, театры, лекціи... Послѣднее, хотя и запрещено эффициально, но допускается нашимъ начальствомъ...

Къ столу подошла Соня, поздоровалась съ Вязьминымъ и спросила Львинскую:

— Ты—вѣдь у насъ объѣдаешь?

— Можетъ-быть, нѣсколько надменно отвѣтила дѣвушка, причемъ ея небольшой ротъ, съ приподнятой верхней губой и выдающійся подбородокъ приняли презрительное выраженіе.

— Отчего „можетъ-быть?“ Или ты не предупредила тетку?

— Я никогда не предупреждаю и не спрашиваюсь, холодно отчеканила Инна:—такъ ужъ я завела съ самага пріѣзда изъ института. Не всю-же жизнь на помочахъ ходить!

— Э, да вы совсѣмъ бѣдовая! разсмѣялся Юрій.

— Люблю самостоятельность! похвалилась дѣвушка.— И всегда такой останусь!

— Ну, это еще какъ Богъ велить!

— Стрдать буду, а самостоятельность сохраню!

— Ну останься Инночка... Пожалуста! мило упрасивала Соня:—у насъ цыплята будутъ и свѣжая цвѣтная капуста.

— Неужели уже есть? удивился Вязьминъ.

— Съ собственныхъ плантацій! торжественно заявила Соня.

Ну, не съ плантацій, а изъ теплички вѣрно, поправила Инна.

Можетъ-быть и изъ теплички, согласилась дѣвушка.

Ну что, m-lle Софи, не было у васъ новой забавы? улыбаясь спросилъ Юрій.

Нѣтъ. Было у насъ совѣщаніе родителей и рѣшили держать экзамены. Ахъ какіе были смѣшные папаши и мамы! Мы въ пріотворенную дверь смотрѣли. Одни молчали, другіе говорили какой-то вздоръ и совсѣмъ не впадаютъ, а нѣкоторые не объ ученія разсуждали, а требовали чтобы ихъ дочерей не притѣсняли, не ставили-бы имъ дурныхъ отмѣтокъ и плату сложили. Были и такіе, что отвергали необходимость внѣшкольнаго надзора за нами: хотѣли чтобы мы свободно ходили въ театръ однѣ, на сходки, посѣщали разные кружки и знакомыхъ. Родители изъ простыхъ: мѣщане, бѣдные чиновники держали себя скромно, а земцы, думцы и всякіе интеллигенты болтали безъ умолку, спорили и кричали, требовали увольненія нѣкоторыхъ учителей, по ихъ мнѣнію недостаточно развитыхъ, измѣненія программъ и вообще не стѣснялись. Мнѣ скоро это все надоѣло и я ушла домой.

Соня! окликнула ее Мерцалова,—на сколько ты продала билетовъ изъ урны?

— На триста шестьдесятъ съ чѣмъ-то рублей, отвѣчала дѣвушка, уходя изъ гостиной.

Видите, Варвара Николаевна, обратилась генеральша къ Кейзерлингъ: вамъ невѣрно доложили; Соня всегда счастливо торгуетъ... у нея даръ привлекать покупателей!

Отчетъ еще какъ слѣдуетъ не составленъ, Анна Павловна, вкрадчиво замѣтилъ Ванѣевъ: ошибка легко возможна... и, услыхавъ взрывъ смѣха Инны, снова вскинулъ на нее глаза: та неожиданно повернулась въ сторону молодого человѣка и въ упоръ смѣряла его жесткимъ взглядомъ.

Позвонили и, черезъ минуту, съ развальцемъ, вошелъ сѣдой, лысый старикъ, съ заплывшими глазами и жидкою бородкой, полный, съ солиднымъ брюшкомъ, и издалека сталъ уже протягивать руку хозяйкѣ, причѣмъ лицо его все болѣе и болѣе ослаблялось глуповатою улыбкой. Сюртукъ на немъ какъ-то странно лѣзъ къ верху, галстухъ съѣхалъ

на бокъ, а остатки давно неостриженныхъ, взъерошенныхъ волосъ космами ерзали, при движеніи, по воротнику ихъ хозяина. Субъектъ этотъ занималъ мѣсто председателя N-ской уѣздной управы, именовался Петромъ Ивановичемъ Домнинымъ и былъ терпимъ земцами только благодаря своему полнѣйшему ничтожеству и покладливости.

Онъ, съ угловатою галантностью, подскочилъ къ хозяйкѣ, поцѣловалъ ея руку и затѣмъ почему-то съ сіяющимъ лицомъ перездоровался со всѣми.

Петръ Ивановичъ, а я на ваше земство въ странной претензіи! встрѣтила его Мерцалова.

За что, за что? испуганно тараща глаза и садясь, за суетился Домнинъ.

— Помилуйте: опять увеличили поземельныя по нашему уѣзду... Что годъ то прибавка! Вѣдь это-же Богъ знаетъ что такое! Десять лѣтъ назадъ мы платили сто съ чѣмъ-то рублей за „Великое“, а теперь почти двѣсти!

Управа тутъ ни причемъ, снисходительно ухмыляясь и тяжело дыша, оправдывался Петръ Ивановичъ: собраніе, все собраніе дѣлаетъ!

— Да полноте меня морочить: я, хоть и женщина, а кой-что смыслю... Собраніе утверждаетъ или отказываетъ, а вы выпрашиваете разныя нововведенія. Ну на что намъ, напримѣръ, агрономы? Неужели вы думаете, что мужикъ станетъ совѣтоваться съ агрономомъ? Да онъ самъ практику-то лучше его знаетъ! А между тѣмъ вы расходуете на агронома и его помощника тысячу восемьсотъ рублей ежегодно. Задѣсовскій трактъ зачѣмъ трогали и восемь тысячъ земскихъ денегъ истратили? Чтобы радикалу Гришину, своему технику, нажитья дать? И что-же онъ сдѣлалъ только трактъ испортилъ! Старую дорогу, которая всегда считалась лучшею въ губерніи, забросили, а по Гришинской, весной и осенью, проѣхать нельзя! Я сама нынче весной ѣздила въ „Великое“ старой дорогой!—Ну да это—общеземскіе грѣхи, а вотъ зачѣмъ на наши денежки вы пропаганду ведете? Это ужъ совсѣмъ нехорошо!

Позвольте, позвольте, захлебываясь и вертясь на креслѣ, оправдывался Домнинъ, какую пропаганду? Наша управа до сихъ поръ ни въ чемъ противозаконномъ замѣчена не была! даже обидѣлся земецъ.

Не была замѣчена, благодаря попустительству... Нынче вѣдь все можно: отвѣтственности никакой! Ни признанія долга, ни присяги, ни патриотизма не существуетъ... „Сознательные“ люди считаютъ все это отжившимъ вздоромъ!.. Ужъ и за религію взялись... Въ какомъ-то городѣ великіе умы нашли лишнимъ даже преподаваніе закона Божія въ школахъ!.. Мнѣ, Петръ Ивановичъ, какъ сестрѣ военнаго, находящагося въ дѣйствующей арміи, вдвойнѣ тяжело видѣть, что совершается вокругъ меня въ то время, когда доблестныя наши войска, какъ мученики, проливаютъ свою кровь за отечество, терпятъ всевозможныя лишенія, а мы, семьи ихъ, изнываемъ отъ горя и душевныхъ страданій.

Всю эту тираду Анна Павловна высказала очень горячо и эффектно: холодная эгоистка, она имѣла даръ разгораться и говорить хорошія вещи, когда находила это нужнымъ и въ особенности когда затрогивали ея денежные интересы.

А ваши книгоноши въ это время отравляютъ народъ умными книжками, возстаютъ противъ властей и сбиваютъ съ толку разными посулами и заманчивыми перспективами! горячо добавилъ Вяземинъ, весь раскраснѣвшійся.

— Какіе книгоноши? завертѣлся Домнинъ, обращаясь то въ сторону Юрія, то въ сторону хозяйки. Наши, только божественныя да духовно-нравственныя книги распространяютъ... ну, еще популярно-научныя...

Вотъ эти-то популярныя книжки главные развратители и есть! У меня дома нѣсколько такихъ популярныя книжекъ... Мужики моего участка возмущенные тѣмъ, что въ нихъ проповѣдуются, сами мнѣ ихъ принесли, отъ своихъ парней отобрали... Слышалъ я, что и во всемъ нашемъ уѣздѣ книгоноши ваши работаютъ усердно, но, къ счастью, пока не совсѣмъ удачно... Да что говорить: три мѣсяца назадъ, я сообщилъ вашей управѣ объ учителѣ Чириковѣ, что онъ невѣръ, ярый революціонеръ, развращаетъ мальчишекъ и что-же? сидитъ онъ и теперь на своемъ мѣстѣ, продолжаетъ свою полезную дѣятельность и нагло подсмѣивается надъ Донъ-Кихотомъ земскимъ начальникомъ!

Управа сдѣлала свое дѣло, довольно равнодушно возразилъ Домнинъ, сложивъ на своемъ брюшкѣ пухлыя

руки: она поручила попечителю произвести дознание и передать въ училищный совѣтъ... Не ея вина что совѣтъ нашель ваше сообщеніе, по дознанію, не подтвердившимся!

Вязьминъ пожалъ плечами и продолжалъ съ Иппой прерванный разговоръ; Мерцалова обратилась къ Кейзерлингъ.

Думаете ѣхать куда нибудь на лѣто?

Надо-бы на Кавказъ: еще въ прошломъ году мужа отправляли на воды... Да какъ поѣдешь въ теперешнее время опасно!

И очень, подтвердила хозяйка:—на югъ головы все горячія... долго-ли понасть въ свалку!

Какъ это скучно! Хоть-бы скорѣй кончалось это чѣмъ-нибудь! Ну, конституція, такъ конституція... республика... не все-ли равно: лишь-бы жилось спокойно! А теперь, того и гляди, или подстрѣлятъ или по міру пустятъ!

Давно не получали вы писемъ отъ Валеріана Павловича?

Третьяго дня, изъ Гупчжулина... Братъ пишетъ, что въ настоящее время постоянно идутъ хотя небольшія, но удачныя стычки, что наши арміи вполне организованы, ежедневно получаютъ подкрѣпленія и снова готовы къ бою. Онѣ съ мужествомъ и надеждою глядятъ на встрѣчу будущему.

А вотъ въ газетѣ „Голосъ Сіона“ сообщаютъ совершенно другое: будто армія наша сильно деморализована, офицеры шлохи, неохотно идутъ въ атаку и всѣ страстно желаютъ мира! возразила баронесса.

Въ „Весеннихъ вѣяніяхъ“, поддакнулъ Ванѣевъ, — собственный корреспондентъ газеты утверждаетъ, что офицерство наше до того упало духомъ, что требуетъ возвращенія арміи въ Россію и находитъ невозможнымъ служить подъ начальствомъ такихъ бездарныхъ генераловъ, которые не одержали ни одной побѣды, а „Крылатое слово“ приводитъ какъ фактъ, что оба наши фланга уже обойдены громадными силами японцевъ и не сегодня-завтра армія наша будетъ отрѣзана и отъ Владивостока и отъ Россіи!

Я позволю себѣ замѣтить, весьма сдержанно вмѣшался Юрій,—что газеты эти, какъ и многія другія извѣстнаго пошиба, и не могутъ писать иначе: цѣль, къ которой онѣ стремятся, униженіе и раззореніе Россіи, миръ во что-

бы-то ни стало и уничтоженіе существующаго режима. Чтобы достигнуть этой цѣли, онѣ ничѣмъ не брезгаютъ: и ложь и подлоги и клевета все для нихъ хорошо!

— Валеріанъ пишетъ, продолжала Мерцалова,— что войска страшно возмущены измѣнническими дѣйствіями нашихъ революціонеровъ, посылкою имъ прокламацій и разныхъ гадкихъ брошюръ. О сраженіи подъ Мукденомъ, въ которомъ братъ участвовалъ со своею бригадой, онъ сообщаетъ, что дѣло это вовсе не было разгромомъ русской арміи: потери наши хотя и были велики, но далеко не такія, какъ сообщала заграничная и наша еврейско-революціонная пресса и всегда ложныя донесенія Ойямы. Все это было раздуто. Потери японцевъ если не болѣе нашихъ, то и не меньше. Они были настолько утомлены и ослаблены, что не имѣли даже возможности насъ преслѣдовать.

— А прорывъ японцевъ у Хунхе? замѣтилъ Ванѣвъ: они обошли нашъ правый флангъ и грозили совсѣмъ насъ отрѣзать. Оттого и отступленіе наше походило на бѣгство.

— И объ этомъ пишетъ братъ... Прорыву этому нарочно придали огромное значеніе, чтобы ярче выставить наше будто-бы пораженіе, а между тѣмъ на дѣлѣ ничего подобнаго не было: прорвались черезъ наши линіи всего два небольшіе развѣдочные кавалерійскіе отряды!

— И вотъ какъ дѣлается исторія! воскликнулъ Вязьминъ.

— Да подсядьте къ намъ, Юрій Александровичъ, рѣдкій нашъ гость, любезно сказала Анна Павловна, будетъ вамъ ухаживать!—Шпичка, переходи сюда...

— Я къ Сонѣ схожу: она просила меня помочь ей въ нѣкоторыхъ работахъ по математикѣ. Григорій Андреичъ, ласково обратилась она къ Ванѣву, который быстро вскочилъ со стула и весь разцвѣлъ,—передайте тетѣ, что я дома объѣдать не буду—и, дружески кивнувъ ему головой, павою вышла изъ гостиной.

V.

— Когда-же вы въ наши края, Анна Павловна? Порабы: дни чудные! усаживаясь, спросилъ Юрій.

— Дѣти задерживаютъ: у Володи еще два экзамена и

самые трудные... Боюсь что не выдержитъ; а черезъ мѣсяцъ ему двадцать одинъ годъ стукнетъ!

— А если кончитъ—куда намѣрены вы его опредѣлить? поинтересовалась Кейзерлингъ.

— А вѣроятно никуда! размѣялась Мерцалова;—способности у него небольшія, да и лѣтні венекъ... Лишь-бы здѣсь то кончилъ! А тамъ пусть уже самъ рѣшаетъ что изъ себя дѣлать.

— Петръ Ивановичъ, за что доктора Подшивалова лишили мѣста? спросила баронесса;—онъ такой порядочный человекъ и хорошій врачъ... Въ прошломъ году онъ очень помогъ моему мужу. Какъ это вы его не отстояли?

— Нельзя было! развелъ руками Домнинъ:—Всѣ остальные врачи не захотѣли служить съ нимъ.

— Да вѣдь предсѣдатель-то вы? Вы приглашаете на службу и увольняете? Причемъ тутъ врачи?

— Ничего не подѣлаешь! Не сдѣлай по ихнему—забастуютъ и уѣздъ безъ врачей останется!

— Ну знаете что, Петръ Ивановичъ, замѣтила Мерцалова,—я бы или на своемъ поставила или изъ предсѣдателей вышла... Тѣмъ болѣе что у васъ и средства есть!

— Какія у меня средства! махнулъ рукою Домнинъ:—только и живу службой да тѣмъ что въ Егорьевскомъ сельско-хозяйственную школу для земства выстроилъ и грошовую аренду за нее получаю!

— А даровыя руки учащихся вы ни за что считаете? приставала Мерцалова;—Вѣдь эти крѣпкіе парни практикуются на вашей землѣ? Всѣ крестьянскія работы исполняютъ... У васъ новѣйшія машины и орудія... А уходъ за скотомъ, маслодѣліе...

— Какіе ужъ это работники: на половину портятъ! А возни-то сколько съ ними да съ ихъ пачальствомъ... Не хотѣлось мнѣ брать на себя эту обузу—да земство просило, а какъ ему откажешь?

— Подшивалова-то за что уволили? спросила Кейзерлингъ.

— А вотъ за что, баронесса, вмѣшался Юрій: въ его участкѣ появился подстрекатель... Сбивалъ крестьянъ, травливалъ на землевладѣльцевъ, проповѣдывалъ черный передѣлъ и прочее. Крестьяне слушали-слушали да и сооб-

нцили обо всемъ Подшивалову, прося передать исправнику; докторъ передалъ. Такъ вотъ какъ смѣлъ Подшиваловъ передавать исправнику просьбу крестьянъ! По мнѣнiю „гг. свободомыслящихъ“ онъ должно-быть обязанъ былъ помогать крамольнику!

Вышла неловкая пауза.

Прервала ее баронесса:

— А вы слышали, обратилась она къ Мерцаловой:— Колю Иваницкаго пропечатали почти во всѣхъ газетахъ и подъ судъ отдають... Маман его, я думаю, не особенно это прiятно!

— За что? Онъ такой милый!

— Помилуйте: онъ Богъ знаетъ что надѣлалъ: изрубилъ, любимаго всею молодежью, профессора П.! Всѣ газеты, въ одинъ голосъ, требуютъ отмщенiя... Вѣдь онъ зарубилъ его на смерть!

Неужели?

— Да; „Голосъ Сiона“ не будетъ лгать! И замѣтьте, Анна Павловна, вмѣшался Ванѣевъ.— профессоръ, хотя и стрѣлялъ въ Иваницкаго но не попалъ!

— Гдѣ-же это было?

— Помните: въ М., двѣ-три недѣли назадъ... Студенты, адвокаты и другiе интеллигенты шли процессiей, съ флагами правда, но весьма чинно.

Это „Голосъ Сiона“ такъ сообщаетъ? спросилъ Вязьминъ.

— И онъ и другiя распространенныя газеты; мы читаемъ и „Весенiя вѣянiя“, и „Крылатое слово“.

— Отчего-бы вамъ, отъ времени до времени, не почитать „Москвича“, „Крестьянскiя мысли“, „Правда и ложь“? Вотъ тогда вы-бы и узнали, что на флагахъ были возмутительныя надписи, что профессоръ не только стрѣлялъ въ солдатъ и Иваницкаго, но топталъ ногами портретъ Государя!

И все-таки Иваницкiй не долженъ былъ убивать профессора, кумира молодежи: это недостойно офицера! взволновалась Кейзерлингъ.

— Совершенно заслуженно называютъ казаковъ и драгунъ опричникками и янычарами! поддакнулъ Ванѣевъ:— штатскаго рубить на смерть!

— Иваницкiй обязанъ былъ только задержать его; это

я отъ многихъ слышала! Правильно нападаютъ на него газеты! кипятилась баронесса.

Да какія газеты? Тѣ, которыя оправдываютъ бомбистовъ и убійцъ изъ-за угла и считаютъ ихъ героями, мучениками?

— Эти газеты гораздо болѣе читаются чѣмъ ваши „черносотенныя“,—онѣ никогда не лгутъ! поддержаль патронессу Ванѣевъ.

Ну нѣтъ, улыбнулась Мерцалова: ихъ тенденціозныя извѣстія зачастую опровергаются, и съ документами въ рукахъ.

— Полноте, Григорій Андреичъ, успокойтесь, продолжалъ Юрій: все что вы говорите—крайне односторонне... Иваницкій исполнилъ только свой долгъ: профессоръ выпустилъ не одну пулю—это подтверждено дознаніемъ, и Иваницкій имѣлъ полное право защищаться. Газетамъ, которыя вы постоянно читаете, не впервые лгать на честныхъ, вѣрнопопдапныхъ людей... А ваше восклицаніе, что будто-бы штатскаго человѣка нельзя рубить, когда онѣ стрѣляетъ, простите—полиѣйшій абсурдъ: революціонеры-убійцы всѣ штатскіе!

— Но вѣдь его убили, профессора—поймите! чуть не взвизгнула Кейзерлингъ.

— Неправда, баронесса, улыбаясь возразилъ Вязьминъ: профессоръ П. живъ и здоровъ! Я прочелъ это не только въ официальномъ опроверженіи, но даже и въ облюбованной вами газетѣ „Крылатое слово“! Пашка Иваницкаго только скользнула по плечу г. П. и сняжкъ сдѣлала!.. Вотъ какъ лгутъ ваши, къ сожалѣнію, распространенныя газеты и лгутъ, замѣтите, съ предвзятою, скверною цѣлію!

Вышла пауза, не совсѣмъ пріятная для Кейзерлингъ и Ванѣева.

Мерцалова, какъ хозяйка, сочла нужнымъ сгладить тонъ нѣсколько обострившагося разговора:

Вообще тяжелое время мы переживаемъ: все забаломучено, перепуталось... Жизнь въ Россіи стала невозможной! Имѣй я деньги, а не разныя недвижимости—давно-бы я уѣхала за границу!

Куда же: въ Швейцарію, во Францію? спросила баронесса.

— Въ Гермацію; тамъ порядокъ. Тамъ даже революціонеры сидятъ смиренно, не смотря на конституцію. Нѣмецъ — человекъ аккуратный, монархистъ въ душѣ. А у насъ? Сумбуръ какой-то... точно всѣ съ ума сошли!

— Время конечно смутное и даже опасное, согласилась вице-губернаторша, — за то жизнь кипитъ, можно выдвинуться! повторяя вѣроятно слова мужа, добавила она.

Въ залѣ раздались шаги и въ гостиную съ большимъ апломбомъ, вошелъ не молодой, съ просьдью брюнетъ, изъ судейскихъ, пѣкто Бланкъ, съ красивымъ, немножко наглымъ, лицомъ, въ усахъ и бакенбартахъ, коротко остриженный, и весьма развязно поздоровался со всѣми. Принявъ отъ хозяйки чашку чая и усѣвшись, онъ совершенно равнодушно сообщилъ:

— Я только что отъ губернатора... Телеграмма о нашей побѣдѣ, какъ я и ожидалъ, оказалась нуфомъ: по послѣднимъ извѣстіямъ, отъ 18 мая, нашъ флотъ разбитъ въ дребезги... Много судовъ потоплено и взято въ плѣнъ, масса убитыхъ и раненыхъ. Небогатовъ сдался, Рождественскій тяжело раненъ и взятъ въ плѣнъ!

Всѣ такъ и замерли.

— Да можетъ-быть это японская телеграмма? заикаясь отъ волненія, спросилъ Вязьминъ.

— Японская оффиціальная телеграмма сама по себѣ, а нашъ позоръ подтверждаютъ лондонскія, берлинскія и парижскія телеграммы. Во Франціи всѣ удручены страшно... Добились: очутились безъ флота! не безъ скрытаго злорадства, воскликнулъ Бланкъ: А сколько было бахвальства, съ какимъ пренебреженіемъ отзывались объ японцахъ! Вотъ вамъ и историческое „шанками закидаемъ“.

— Страшно подумать: сколько потерь, сколько оспротѣвшихъ семей! ужаснулась Мерцалова.

— И сколько похоронено сотенъ милліоновъ! возвысилъ тонъ Бланкъ: безумная война! Вотъ плоды существующаго, отжившаго режима! Къ чему лѣзли мы въ Манчжурію, строили желѣзныя дороги, крѣпости, города, бросали на вѣтеръ громадныя капиталы?

— Позвольте, Робертъ Эдмундовичъ, замѣтилъ Юрій, но вѣдь не даромъ-же досталась японцамъ эта побѣда,

если только она не раздута такъ-же какъ и бой подь Мукденомъ?

— Телеграмма изъ Шанхая утверждаетъ, что Того потерялъ только семь судовъ: два броненосца и пять мелкихъ, сухо отвѣчалъ Бланкъ.

— Этому трудно повѣрить: японцы постоянно скрывали и скрываютъ свои потери; я глубоко убѣжденъ что японскому флоту былъ нанесенъ тяжелый, можетъ-быть непоправимый ударъ!

Бланкъ пожалъ плечами и не счелъ нужнымъ возразить.

— Вотъ оно наше христолюбивое, *побѣдоносное* воинство! презрительно замѣтила Кейзерлингъ;—Господи! до какого позора мы дожили!

— Не позоръ это, баронесса, сдерживая сильное внутреннее волненіе, воскликнулъ Вязьминъ,—а подвигъ... великій, безсмертный! Эти русскіе, сѣрые люди шли сознательно на гибель, жертвовали собой не только для славы родины, но можетъ-быть и на пользу всей Европы! Какъ, въ тяжкую годину нашествія татарскихъ полчищъ, Россія остановила ихъ стремленія поработить Европу, такъ и теперь своею грудью сдерживаетъ она напоръ многомилліонной желтой расы и своею кровью вторично спасаетъ ту-же Европу, которая, въ непонятномъ ослѣпленіи, вмѣстѣ съ нашими внутренними врагами, всячески поддерживаетъ противъ насъ Японію! Прочтите въ „Patrie“ статью Люсьена Мильвуа: онъ прямо говоритъ, что Россія борется теперь не только за себя, но и за всю Европу!

— Вы вотъ упомянули о внутреннихъ врагахъ, конечно подразумѣвая революціонеровъ, съ кривою усмѣшкой замѣтилъ Бланкъ, а мнѣ кажется что люди беззавѣтно идущіе на смерть ради своихъ убѣжденій, вовсе не враги Россіи, а пылкіе патріоты, желающіе блага своему отечеству; они — враги только теперешняго жалкаго режима! А что онъ никуда не годится это уже доказано нашими постоянными пораженіями, происходящими отъ дурного выбора начальствующихъ лицъ и недовѣрія къ нимъ войска, всевозможными злоупотребленіями и непопулярностію нынѣшней войны! Теперь одно спасеніе: миръ, немедленный мпръ!

— И конечно позорный? горько усмѣхнувшись, поднялся со стула Юрій;—И это вы рекомендуете въ то время,

когда Японія напрягаетъ уже послѣднiя усилiя? Когда у нея ни резервовъ, ни денегъ нѣтъ? Когда кредитъ ея подорванъ, а армiя комплектуется мальчишками и стариками?.. Нѣтъ, Робертъ Эдмундовичъ, рано думать намъ о мирѣ: у насъ три пятыхъ петронутаго запаса, цѣлое ополченiе.. Возьмемъ въ чужой землѣ.. Стремиться мы должны не къ миру, который вычеркнетъ насъ изъ списка великихъ державъ и дастъ намъ внутреннее разложенiе, а, вспомнивъ нашихъ прежнихъ „чудо-богатырей“, или „лечь костыми“, или разбить въ прахъ, на сушѣ, дерзкую, запосчивую Японiю!

— А покажѣсть, съ усмѣшкой замѣтилъ Бланкъ, — терпѣливо ждать дальнѣйшихъ извѣстiй о всероссiйскомъ погромѣ, о гибели и плѣненiи чуть не всѣхъ судовъ и начальниковъ флота, съ г. Рождественскимъ во главѣ!

— Да, погромъ небывалый въ россиiйской исторiи! поддакнулъ Ванѣевъ.

— Полноте, сверкнувъ на него глазами, презрительно возразилъ Вязьминъ: — вспомните лучше эту исторiю: послѣ Нарвы Полтава, послѣ Аустерлица — Двѣнадцатый годъ! Русскiй солдатъ не измѣнился: за Православную вѣру и Самодержавнаго Царя онъ пойдетъ куда угодно.

Юрiй подошелъ къ хозяйкѣ прощаться: за нимъ поднялись и остальные.

А на верху, въ это время, вотъ что происходило въ комнатѣ Сони: гимназистку позвали и, только что она спустилась внизъ, изъ дверей напротивъ осторожно вышелъ Володя и торопливо подскочилъ къ сидѣвшей за письменнымъ столомъ, Львишевой:

— Инночка, дорогая... Обѣдай у насъ, ради Бога, молить реальность, схватывая и цѣлуя лѣвую руку дѣвушки.

Инна медленно положила перо, обернулась въ сторону Володи и, не отнимая руки, которую тотъ учашенно цѣловалъ, спсеходительно, но холодно проговорила:

— Обѣдать я буду, но предупреждаю, что еще такая дерзкая выходка съ твоей стороны — и я къ вамъ буду ѣздить

только съ визитами: ты вель себя, при Вязьминѣ, какъ неучь, какъ мужикъ... Я этого не люблю. Ты долженъ знать мой характеръ... Глумиться, а тѣмъ болѣе выказывать мнѣ неудовольствіе; да еще въ рѣзкой формѣ, я даже будущему мужу не позволю, не то что тебѣ, реалисту! Что я оказываю тебѣ дружбу—ничего еще не значить: дружба эта можетъ завтра-же улетучиться!

— Инночка, ангелъ мой, прости! Я сознаю, что я грубъ, не воспитанъ... но пойми: твое кокетничанье...

— Что-о? сверкнула глазами дѣвушка и быстро выдернула у него руку;—да какъ ты смѣешь оскорблять меня? --Вонъ, убирайся!

— Милая... дорогая... не сердись... Я такъ люблю тебя, что сердце у меня зампраетъ, когда я вижу твои любезности къ Вязьмину и къ этому подлипалѣ Ванѣеву!

— Ты дуракъ! презрительно усмѣхнулась Инна:—не могу-же я, свѣтская дѣвушка, въ угоду тебѣ, молчать или дуться въ гостиной! Да наконецъ кто далъ тебѣ право стѣснять меня?.. Ты отлично знаешь, что свою самостоятельность и свободу я ставлю выше всего и никогда, ни для кого ими не поступлюсь!

— Да что-же мнѣ дѣлать, коли это невольно у меня вырывается, когда каждая твоя ласка другимъ—ножомъ меня рѣжетъ!

— Ахъ Боже мой—ревность! не безъ удовольствія, расхоталась дѣвушка.—Не къ лицу это вамъ, Владиміръ Петровичъ! Да и чувство это глупое... въ особенности въ нашъ практичный вѣкъ!

— Ну дай ручку поцѣловать... Прости! Соня идетъ...

— Смотри-же, протягивая ему, какъ театральная королева, руку, серьезно сказала Львинская:—не раздражай меня и помни, что если я отшатнусь отъ тебя, то это будетъ навсегда! Я могу быть доброй, любящей, но могу и презирать и ненавидѣть!—А теперь на тебѣ обѣ руки и убирайся! шутливо добавила она.

Счастливый реалистъ воспользовался позволеніемъ и затѣмъ быстро шмыгнулъ къ себѣ въ комнату.

Отъ Мерцаловой Вязьминъ вышелъ совершенно разстроенный и частію даже озлобленный. „Итакъ“ думалъ онъ, садясь въ экипажъ,—„то чѣмъ жилъ я и меньшинство нашего общества опять сорвалось! Опять несчастье, опять новый козырь въ рукахъ измѣнниковъ! Послѣ знаменитаго перехода Малакскимъ проливомъ, какъ радовались мы, русскіе люди, успѣху Рождественскаго, сколько надеждъ возлагали на предстоявшій бой—и вдругъ гибель почти всего флота, еще большій упадокъ духа сбитаго съ толку, изнервничавшагося общества, торжество крамольной интеллигенціи! О, теперь она, нѣсколько было притихшая, опять воспрянетъ и снова еще наглѣе закричитъ: Россія гибнетъ!.. Россія—гниющій трупъ! Необходима операція, и какъ можно скорѣе... Консиліумъ изъ земцевъ, думцевъ и изъ представителей свободныхъ профессій: земскій соборъ! Правительство само, на свой страхъ, не имѣетъ права продолжать войну послѣ столькихъ, ужасныхъ пораженій! Оно доказало свою неспособность!—И снова, еще старательнѣе, эти самозванные и непризванные спасители отечества стануть сѣять уныніе и панику, производя въ русскихъ людяхъ смуту и рознь! А всѣ эти Бланки, Домнины, Кейзерлинги, Валѣевы и т. п., жадно рвущіе куски то казеннаго, то земскаго пирога, съ торжествующей, дьявольской улыбкой и съ нескрываемымъ злорадствомъ, кто—въ силу полнѣйшей безнравственности, кто—по дряблости или просто глупости, будутъ имъ рукоплескать, совершенно забывая, что они не японцы и не англичане!“

— Ваше благородіе! черезъ плечо, спросилъ извозчикъ, —куда везти-то васъ?

— На Екатерининскую... Предводителя Ольхина знаешь?

— Какъ не знать! Генераль съ Егоріемъ... насъ, извозчиковъ, николи не обижаетъ!

Ольхина Вязьминъ не засталъ, а къ Канщевымъ рѣшилъ ѣхать завтра: „въ такомъ нервномъ состояніи какъ теперь—неловко“.

— На Власьевскую... Къ Сахарову... знаешь?

— Петра-то Николаевича? Да кто его не знаетъ!.. И Запруду знаемъ и Карьку, и долгушу... Божій человекъ!

Петръ Николаевичъ только что вернулся изъ управы и, въ старенькомъ, пестромъ канаусовомъ халатикѣ, съ трубочкой въ рукѣ, самъ отворилъ дверь и, облобызавъ его, воскликнулъ:

— Ну вотъ, радовались! Нѣтъ, батюшка, еще не вся чаша вышита! Горько, очень горько, а на все воля Божія!

— И есть-же дрянные людишки, которые въ такія минуты злорадствуютъ! входя въ залу, горячо отвѣтилъ Юрій.

И, поздоровавшись съ Ольгой Николаевной, онъ разсказалъ обо всемъ, что говорилось у Мерцаловой.

— Вамъ это на диво, потому что по два мѣсяца здѣсь не бываете, а мы ужъ къ этому привыкли. Событія такъ бѣгутъ впередъ и разложеніе общества совершается до того быстро, что намъ, старикамъ, никуда уже негоднымъ, остается только молить Бога о томъ, чтобы не дожить до полного крушенія русскаго царства! (Сахаровъ пабойно перекрестился). — Пойдемте закусить... я—вѣдь съ утра не ѣлъ!

Они перешли въ маленькую столовую, гдѣ уже, на карточномъ столѣ, заботливая Ольга Николаевна разставила водку, редисъ и пирожки.

— Рекомендую: новинка... пирожки со сморчками! похвасталась она.

— Привѣтствую эту новинку! усаживаясь на диванъ и приступая къ закускѣ, воскликнулъ Юрій.

— Были у милыхъ людей? спросилъ Петръ Николаевичъ, кладя трубочку на подоконникъ и сядясь противъ Вязьмина.

— У Канищевыхъ?

— Ну конечно!

— Думалъ, но не поѣхалъ: очень ужъ взбудоражили меня Бланки и Доминны. И это ничтожество—Ванѣвъ, туда-же за ними! Какая все это тля, прости Господи!

— Напрасно не поѣхали: Божья старушка, Надежда Васильевна, васъ-бы успокоила.

— Не все-ли равно: Божій старичекъ успокоить! Вонъ вы мнѣ одного изъ червячковъ и заморили! показывая на закуску, улыбнулся Вязьминъ.

— Да и Ольхиныхъ не худо-бы навѣститъ: Иванъ Константиновичъ вѣрный былъ другъ вашего отца и васъ лю-

бить, продолжалъ Сахаровъ;—да и предводитель вашъ... Узнаеть, что вы были у Мерцаловой—обидится!

— Вотъ ошиблись! Репримандъ вашъ ни къ чему: у Ольхиныхъ я былъ, но не засталъ никого дома... Экая—вѣдь у васъ старческаая привычка пилить и совѣтовать! съ напускнымъ неудовольствіемъ, возразилъ молодой человекъ.

— Ну, не буду, добродушно оправдывался Петръ Николаевичъ, подвигая Вязьмину тарелку съ пирожками.

— Юрій Александровичъ! обратилась къ нему вошедшая Ольга Николаевна,—оставайтесь у насъ обѣдать... Пожа-луста! Разносоловъ не будетъ, а накормимъ... и отъ души!

— Поговоримъ, отъ сердца поговоримъ. Я—вѣдь васъ какъ сына люблю! замигалъ глазами старикъ.

— Ну, что тутъ подѣлаешь, развелъ руками Юрій:—оба вѣдь зпакуть на какой струнѣ играть! Ой, только, Ольга Николаевна!

— Остаётся? коротко спросила она.

— Понятно! Только впредь я буду заѣзжать къ вамъ послѣ обѣда!

— Ну и глупо будетъ! замѣтилъ Сахаровъ.

— Да полно тебѣ, Петръ Николаевичъ, размѣялась Ольга Николаевна:—ну и пусть пріѣзжаетъ послѣ обѣда—намъ-же лучше: дольше просидитъ, а безъ ужина мы, конечно, его не отпустимъ!

— Милые мои старички! вскочивъ съ дивана, обнялъ Вязьминъ старушку,—нѣтъ у меня людей ближе васъ!

— Все это хорошо, снова начиная мигать глазами, перебилъ сестру Сахаровъ,—а вы вотъ что, Юрій Александровичъ, сдѣлайте: повторите „монополью“ или, какъ говорятъ мужики, „винополью“ и потолкуемъ... Только не о политикѣ: она мнѣ просто опротивѣла! О своихъ дѣлишкахъ поговоримъ.

Позвонили.

— Это кого Богъ даетъ?—Наталя! крикнулъ старикъ.

— Пѣшкомъ кто-то, замѣтила Ольга Николаевна.

— Пѣшкомъ—такъ не Митя, сказалъ Вязьминъ.

Дверь открыли; въ передней послышался негромкій женскій голосъ и Петръ Николаевичъ, подобравъ полы халата, поспѣшилъ на верхъ, а Ольга Николаевна вышла въ залу.

— А, вот это кто! радостно сказала она и раздалась поцѣлуи.—Зонька, дорогая! Ну, милости просимъ! Братъ сейчасъ явится... Юрій Александровичъ, пожалуйста!

Вязьминъ вошелъ въ залу и, кланаясь, приблизился къ стоявшей противъ Ольги Николаевны дѣвушкѣ лѣтъ двадцати двухъ, средняго роста, очень стройной, въ круглой соломенной шляпкѣ, съ бѣлымъ страусовымъ перомъ, и въ свѣтло-шоколадномъ барежевомъ платьѣ, просто отдѣланномъ, но изячно сшитомъ. Изъ подъ шляпки, немного надвинутой на бѣлый открытый лобъ, спускались вьющимися прядками, на небольшія розоватыя уши, густые каштановыя волосы и толстою, свернутою косою поддерживали шляпку. Темносѣрые, бойкіе и вмѣстѣ задумчивыя глаза дѣвушки привѣтливо глядѣли изъ подъ длинныхъ, темныхъ рѣсницъ, а все ея миловидное личико, кругловатое и слегка блѣдное, съ нѣскольکو вздернутымъ носикомъ, дышало доброю и энергіей.

— Хотѣлъ къ вамъ заѣхать, пожимая протянутую ему руку сказалъ Вязьминъ,—но не посмѣлъ: жители г. Н. привели меня, деревенщину, въ ужасное, нервное состояніе!

— Чѣмъ? Послѣдней телеграммой?

— И телеграммой, и возмутительнымъ отношеніемъ нѣкоторыхъ членовъ общества къ нашимъ несчастіямъ!

— Да, общество точно загипнотизировано: всѣ живутъ со дня на день, трепетно ожидаютъ какой-то неотвратимой бѣды, чуть не гибели, а между тѣмъ ничего не предпринимаютъ! Есть и такіе, что радуются, сами впрочемъ не зная чему!

— Худо, Зоя Владиміровна, въ теперешнее время, жить русскимъ людямъ!

— Надѣюсь однако, что навѣянное на васъ сегодняшнее настроеніе продлится недолго и мы снова увидимъ васъ прежнимъ веселымъ собесѣдникомъ? улыбаясь и опускаясь въ кресло, сказала Канищева.

— Добрые хозяева этого дома уже подѣйствовали на меня благотворно и я начинаю *отходить*...—Какъ здоровье Надежды Васильевны? подсаживаясь къ дѣвушкѣ, спросилъ Юрій.

— Она здорова и, какъ всегда, въ хлопотахъ... Боятся, что я переутомлюсь и захворюю. Вѣдь у нея только и за-

боты, что обо мнѣ! съ чувствомъ отвѣчала Зоя.—Давно-ли вы здѣсь?

— Со вчерашняго вечера.

— И на долго?

— Съ недѣлю вѣроятно пробуду.

— А когда начинается у васъ съѣздъ?

— Завтра.

Исчезнувшая на минуту, Ольга Николаевна вошла съ горячими пирожками и приборомъ.

— Покушайте новинки: сморчки!

— Покушаю, дорогая: сегодня у меня было три урока и я проголодалась.

— А чайку? Выпейте, голубчикъ!

— Долго будетъ... Бабушку ждать заставлю.

— Нѣтъ, я сейчасъ... И Ольга Николаевна торопливо вышла изъ комнаты.

— Да посылайте милаго старичка, въ догонку крикнула Канищева, принимаясь за пирожокъ:—что онъ съ племянницей церемонится!

— А вы очень устаєте отъ уроковъ? спросилъ Вязьминъ.

— Утомляетъ меня математика: много тяжелоумныхъ! разсмѣялась дѣвушка,—а вообще я не устаю, напротивъ чувствую себя хуже когда уроковъ мало... Я—вѣдь жадна на заработокъ.

— Слышалъ, что вы много работаете.

— Да нельзя не работать: надо-же милую *бабиньку* лучше обставить, побаловать иной разъ... Вѣдь если-бъ не она—что случилось-бы со мной! Это—библейская старушка, моя чудная бабинька!—А, вотъ и дядюшка! быстро поднялась она на встрѣчу Петру Николаевичу.—Здравствуйте, голубчикъ мой!

Старикъ, въ черномъ сюртукѣ и безъ трубочки, подошелъ къ рукѣ Канищевой и, любуясь ею, удержалъ руку ее въ своей.

— Устала, труженица? садясь на диванъ, возлѣ ея кресла, нѣжно спросилъ онъ дѣвушку, выпуская ея руку.

— Ничего не устала, цѣлуя дядю въ лобъ, отвѣтила она.—Еще урокъ музыки получила, послѣ лѣта! весело шепнула она ему на ухо.

— Ахъ, батюшки мои! вспомнилъ Сахаровъ:—я-то хорошъ: и забылъ совсѣмъ... Юрій Александровичъ! Вѣдь у меня есть порученіе къ вамъ... отъ Надежды Васильевны... Зоя покраснѣла.

— Ну, дядюшка, потомъ передадите... Ольга Николаевна! быстро встала ей на встрѣчу Канищева,—сами-то зачѣмъ безпокойтесь?

Вязьминъ взялъ у старушки подносъ съ чашкой чая и подаль Зоѣ; Наталья поставила на столъ масло и булки.

— Безпокойство не велико... я такъ рада васъ видѣть! обняла дѣвушку Ольга Николаевна.—Рѣдко вы къ намъ заглядываете!

— Ахъ, Олинька, перебилъ сестру Сахаровъ,—развѣ можно претендовать на нее: человѣкъ она занятой... отдохнуть тоже хочеть... Пѣшкомъ вѣдь больше, бѣдняжка, бѣгаетъ!

— Ну за что ты меня, Петръ Николаичъ, бранишь? Все это я знаю, а милую Зоюшку все-таки видѣть хочется; виновата я въ этомъ что-ли? добродушно оправдывалась старушка.

— Полноте, старички дорогіе, изъ-за меня препираться! Послушайте лучше какіе ужасы поразсказалъ мнѣ о. Павелъ, законоучитель женской гимназіи, человѣкъ какъ вы знаете кроткій и глубоко-религіозный. Читалъ онъ сегодня изъ Исторіи Церкви; Бородина, дочь извѣстнаго владѣльца публичной бібліотеки и развивателя учащейся молодежи, все время болтала съ сосѣдками и смѣялась. О. Павелъ терпѣль-терпѣль—наконецъ спрашиваетъ: „О чемъ читалъ?“ Бородина отвѣчаетъ: „Я не слушала!“—„Отчего?“—„Да во-первыхъ—неинтересно, во-вторыхъ—все это басни, а въ-третьихъ—вы и рассказываете плохо!“—Пораженный о. Павелъ едва проговорилъ: „Такъ вы Священное Писаніе не признаете?“—„Да вѣдь я вамъ уже сказала, что все это побасенки! И не понимаю къ чему вы сообщаете намъ этотъ вздоръ!“

— Господи помилуй! перекрестился старикъ.

— Славныя выйдутъ изъ этихъ дѣвицъ жены и матери! замѣтилъ Юрій.

— Что-же о. Павелъ? спросила Ольга Николаевна.

— Да ничего; что-же отвѣчать на это? Я видѣла о.

Павла уже остывшаго послѣ перваго впечатлѣнія да и то онъ былъ какъ пришибленный! Жаловаться некому! Въ педагогическомъ совѣтѣ сидятъ больше земцы да думцы, на такіе пустяки не обращающіе вниманія; одинъ-два трезвые голоса значенія имѣть не могутъ...—Однако пора: скоро четыре часа, поднялась дѣвушка,—благодарю за угощеніе!

Она простилась и торопливо вышла изъ комнаты.

— Бабиньку мою не забывайте! крикнула она изъ сѣней...

VI.

— Вотъ-вѣдь о чемъ просила меня Надежда Васильевна, входя въ залу началъ Сахаровъ.—Наталья, папѣи мнѣ трубочку—воиъ она на окнѣ лежитъ, крикнулъ онъ, заглянувъ въ столовую,—да и халатъ прихвати.

— Ужасный вы трубкакуръ! размѣялся Вязьминъ, усаживаясь возлѣ окна.

— Хорошо вамъ говорить какъ не курите, а мнѣ, курящему болѣе пятидесяти лѣтъ, отстать трудно, да правду сказать и не для чего... Ну такъ вотъ въ чемъ дѣло: свояченица моя проситъ васъ отдать ей внаймы на лѣто флигель.

— Пусть беретъ; почистить только надо.

— Хочется ей чтобы внучка лѣтомъ поотдохнула. Боятся что, отъ переутомленія, въ чахотку впадетъ.

— И слѣдуетъ ей отдохнуть: трудится она не мало!

— Только вы, голубчикъ, не дорожитесь: люди они вѣдь не богатые! просилъ старикъ, переоблачаясь въ халатъ и раскуривая, поданную ему Натальей, трубочку.

— Какъ это вамъ, Петръ Николаевичъ, простите, не стыдно такой вздоръ говорить! Да съ чего вы взяли, что я за пустующій флигель деньги съ нихъ брать буду?

— Ну, а эдакъ-то опять скверно! подсаживаясь къ окну, замѣтилъ Сахаровъ.—Капишевы даромъ въ Волинское не поѣдутъ: люди они съ самолюбіемъ, вамъ не родня и знакомство ваше—педавнее.

— Меня онѣ не стѣснятъ: флигель совершенный особнякъ, съ отдѣльной кухней, а что онѣ какой-нибудь кубикъ дровъ спалить—такъ и вся цѣна ему два рубля.

— Ну не упрямитесь, назначьте цѣну, уговариваль старикъ,—имъ въ первыхъ числахъ іюня переѣхать хочется; вы скоро уѣдете и имъ съ вами переговорить надо сейчасъ-же.

— Ахъ какъ все скучно! досадливо вскричалъ Юрій. — Ну, скажите имъ, что за все лѣто я возьму тридцать руб., но на своихъ лошадяхъ перевезу ихъ вещи, а то извозчики сдерутъ не вѣсть что!

— Не согласятся! сокрушенно помоталъ головою Сахаровъ.

— Дипломатіей вашей вы ставите меня въ крайне неловкое и непріятное положеніе: изъ-за этихъ глупостей, мнѣ завтра нельзя будетъ ѣхать къ Канищевымъ, а посѣтить ихъ необходимо.

— Я сегодня-же вечеромъ съѣзжу къ нимъ, благо лошадь свободна.

— И Запруда выспался? размѣялся Вязьминъ.

— Ну, Запруда никогда вволю выспаться не можетъ: ему все мало! размѣялся и Петръ Николаевичъ.—Ну, душка моя, хлопая Юрія рукою по колѣну, добавилъ онъ,—пятьдесятъ рублей идетъ?

— Нѣтъ не идетъ! Сказано—и шабашъ! Дорогой мой! Да не лавочникъ-же я въ самомъ дѣлѣ: пожалѣйте и мое самолюбіе!

— Ну вотъ что, сильно затянувшись, попробовалъ еще старикъ:—возьмите пятьдесятъ... ради Бога! И вотъ почему: Зоя—дѣвушка милая, хорошенькая... Вы хоть и женаты да жена—душевно больная... Молоды... красивы... Чтобы сплетень какихъ не вышло! путался Сахаровъ.

— Ой вы, дипломатъ! Да развѣ можно предполагать такія сплетни? Господь съ вами, Петръ Николаевичъ! Простите, но вашей дипломатіей вы мнѣ страсть какъ надоѣли!.. Право!.. Чего вы смѣтаетесь?—Ну хорошо: я беру пятьдесятъ рублей, но (и подпявъ кверху указательный палецъ правой руки, онъ помахалъ имъ) лошади, если понадобится Канищевымъ ѣхать куда-нибудь,—мон! И затѣмъ, никакихъ больше разговоровъ! Не захотятъ—пусть ваша Зонька, какъ мнѣ ни жалко, жарится въ душномъ N., а бабинька сокрушается о ней!

— Экой-какой, подумаешь, форсистый помѣщикъ! ка-

чая головой и посмѣиваясь, говорилъ старикъ:—Ну, изжарится бѣдная Зоинька—вамъ-же будетъ стыдно!

— Ольга Николаевна! обратился Вязьминъ къ подошедшей старушкѣ,—замучилъ меня, своей дипломатіей, вашъ братъ! Не могу-же я обдирать хорошихъ людей только потому, что имъ нужны деревня и чистый воздухъ!

— Не мое это дѣло... пойдѣте обѣдать... А ничего, что и сегодня будутъ жареные караси? Боюсь, чтобы не испортились.

— Конечно ничего! поднимаясь съ кресла и подхватывая подъ лѣвый локоть Сахарова, сказалъ Юрій.—Да бросьте вы вашу носогрѣйку и давайте пить водку!

Они перешли въ столовую, закусили и принялись за ботвинью.

VIII.

Быль десятый часъ утра, когда Сахаровъ вошелъ въ номеръ, занимаемый Вязьминымъ, и, радостный, объявилъ ему о согласіи Надежды Васильевны на предложенныя имъ условія.

— Ну и повозился-же я съ бабушкой! Еще счастье, что внучки дома не было, опускаясь въ кресло, проговорилъ онъ;—тѣмъ только и взялъ, что пугнулъ старуху возможностью для Зои заболѣть, если лѣто она проведетъ въ городѣ.—А вы ужъ и одѣты—что рано?

— И кофею давно напился... Хотите чаю?

— Въ семь часовъ свою порцію выпилъ. Въ сѣздъ собираетесь?

— Да; въ судебное засѣданіе.

— Иванъ Константиновичъ не бываетъ на немъ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ... Да и гдѣ-же старому военному братья за незнакомое ему дѣло? Спасибо и за то, что земское собраніе въ рукахъ держитъ, политикамамъ воли не даетъ. Хочетъ ему очень этотъ разсадникъ пропагандистовъ, сельско-хозяйственную школу, которою кормится Домнинъ, закрыть—хорошо-бы было!.. А жаль что Иванъ Константиновичъ не юристъ: уѣздный членъ Порфирьевъ просто невозможенъ... Всякаго мерзавца готовъ оправдать! Недавно парень изъ школы Домнина, крестьянинъ моего уча-

стка, нахватавшійся разныхъ „сознательныхъ“ глупостей, приглашенный старушкою-помѣщицей Березкиной въ усадьбу, косить сѣнокосилкой клеверъ, ни съ того ни съ сего выругалъ старушку, при свидѣтеляхъ, что она экспроприаторша, сидитъ на чужой землѣ и пр.—Березкину я знаю: смиренная, добрая, богобоязненная; парень изъ нынѣшнихъ. Я присудилъ его къ мѣсячному аресту; Порфировъ и руками замахалъ: это молодого человѣка унижать, портить ему вступленіе въ жизнь, озлоблять—и пошелъ и пошелъ... Однако товарищи мои провалили Порфинова и паренька на мѣсяць упрятали въ кутузку.

— А исправникъ Митя спитъ?

— Должно быть: движенія что-то не слышно. Вчера мы съ нимъ на бильярдѣ упражнялись, потомъ ужинали. Онъ малую толку перепустилъ и вѣроятно ранѣе одиннадцати не встанетъ. А что, нуженъ онъ вамъ? какъ-то вяло отвѣтилъ Юрій.

— Нѣтъ, я такъ...

Старикъ вынулъ папирсы и закурилъ.

— Хотѣлъ я еще вчера, помолчавъ сказалъ Петръ Николаевичъ,—спросить васъ о супругѣ вашей, да все какъ-то не приходилось... Ну какъ она?

— Да все то-же, махнувъ рукой и сядя на диванъ, проговорилъ Юрій:—таетъ какъ свѣча, мало ужъ и говорить стала. Вѣдь тихое помѣшательство, сами знаете, неизлечимо; такъ на-нѣтъ и сойдетъ.

— Вы когда послѣдній разъ видѣли Елизавету Григорьевну?

— Около Благовѣщенія.

— Не узнала?

— Нѣтъ. Взглянула на меня разсѣяннымъ, тупымъ взглядомъ, потомъ отвернулась и стала разсматривать картинки. Я передалъ ей пирожки и конфекты: она поглядѣла на нихъ, молча закрыла коробку и отодвинула отъ себя.—Жалкая такая! Очень поблѣднѣла и похудѣла... Доктора находятъ, что у нея туберкулезъ въ желудкѣ.

— Тяжелый крестъ послалъ ей Господь, да и вамъ нелегко! участливо замѣтилъ Сахаровъ.

— Шестой-вѣдь годъ соломеннымъ вдовцомъ! безпомощно опустилъ руку на столъ Вязьминъ.

Они помолчали.

— Лучшие годы жизни проходят... Хотѣлось-бы сердцемъ пожить, найти другую душу, съ которой моя могла-бы слиться... Тяжко-вѣдь подчасъ одиночество, милый Петръ Николаевичъ! Да и цѣли жизни нѣтъ... Будь у меня ребенокъ—другое было-бы дѣло... Ужасно подумать, что ожидаетъ меня въ старости! А она, хотя и медленно, надвигается...—Ну что дѣлать—воля Божія! склонивъ голову и разведя руками, вздохнулъ Юрій.—Сегодня я всталъ рано, послѣ паузы, продолжалъ онъ,—не поспалось... Какъ всегда при бессонницѣ, полѣзли въ голову тяжелыя мысли: объ ужасномъ положеніи Россіи, о растлѣннн общества, о своей будущности... Зашевелилась и совѣсть христіанская и забота о „добромъ отвѣтѣ“... Ну, да ужъ какъ начнетъ забирать—только держись!

Взявъ минъ всталъ, подошелъ къ комоду и выпилъ стаканъ воды.

— А можно мнѣ, пройдя нѣсколько шаговъ по комнатѣ, спросилъ онъ,—заѣхать къ Канищевымъ вечеромъ? Утромъ некогда: ранѣе пяти часовъ изъ сѣзда не вырваться.

Вечеромъ еще лучше: Зоя дома будетъ, а до обѣда ее можно и не застать.

— Ну, а какъ съ желѣзной дорогой на К.? Которое-же изысканіе утверждаютъ: первое или второе—ничего неизвѣстно?

— Поговариваютъ, будто, что второе. Вотъ тогда лафа вамъ, дорогой мой: въ двухъ верстахъ отъ Волынскаго дорога пройдетъ... тутъ-же и станція намѣчена...

— Хорошо-бы! Тогда я часть лѣса спустилъ-бы выгодно... Да и въ городъ ѣздить было-бы удобнѣе... Когда же это рѣшится?

— Губернаторъ кому-то говорилъ, что или въ іюнѣ или въ концѣ іюля.

„Эй!“ раздалось за стѣной.—„Николашка!“—и черезъ минуту затрещалъ нетерпѣливый звонокъ.

— Не трезвонь! отворяя дверь въ сосѣдній нумеръ, успокоительно сказалъ Юрій.—Хоть ты и исправникъ, а кричать въ гостиницѣ и тебѣ не полагается, тѣмъ болѣе, что у меня гость сидитъ.

— Какого это чорта съ такого позаранку принесло къ тебѣ? крикнулъ несовсѣмъ еще проснувшійся Шаталовъ.

— А хоть-бы меня! просовывая въ полуотворенную дверь голову, разсмѣялся Сахаровъ.

— Ахъ, простите Петръ Николаевичъ... Мнѣ стыдно! натягивая себѣ на голову одѣяло, сошкольничалъ исправникъ.

— Ну и стыдись! захлопывая дверь, сказалъ ему Вязьминъ и обратился къ Сахарову:

— Присядьте, голубчикъ, а я похожу.

— Да вѣдь вамъ въ сѣздъ пора.

— Можно еще посидѣть, взглянувъ на часы, отвѣтилъ Юрій;— скажите, дорогой мой, Мерцаловское состояніе принадлежитъ вдовѣ или дѣтямъ?

— А зачѣмъ вамъ это знать?

— Кой-какія соображенія имѣю.

— Секретъ?

— Пока—да; хочу провѣрить свои наблюденія.

— У Анны Павловны, кромѣ тысячи рублей пенсіи, только вдовья часть да городской домъ; ея покойный мужъ завѣщанія не оставилъ.

— Такъ чего-жъ она такъ финтитъ: постоянные приемы въ городѣ, наѣзды въ усадьбу?

— Во-первыхъ: хочеть роль играть, а во-вторыхъ дѣти—ребята добрыя: учитывать мать не стануть. Она это отлично знаетъ и живетъ въ свое удовольствіе.

— А фальшивая должна быть баба!

— И правдивости въ ней не замѣчалъ! усмѣхнулся старикъ.—А языкъ—чудо: то медомъ мазнетъ, то бритвой рѣзнетъ—какъ потребуется! Много она имъ зла надѣлала, да и еще надѣляетъ!—Какъ-то вотъ Анна Павловна справляться будетъ съ будущими невесткой да зятемъ, если таковые, Боже сохрани, въ родѣ Инночки Львинской окажутся!

— А что развѣ у Володьки что нибудь съ Инной налаживается?

— Ничего похожаго нѣтъ, хотя Володька и влюбленъ въ нее по уши... Женить развѣ генеральша сына на безприданницѣ: у дѣвицы и всего-то за душой пять тысячъ, да еще изъ нихъ приданое надо заводить!

— Однако они другъ съ другомъ на „ты“ странно даже!

— Современная, пошлая фамильярность! Да и Анна Павловна весьма снисходительно смотритъ на ухаживанія сына: „пусть флиртуетъ: это формируетъ молодого человека; а зарвется—я его сейчасъ-же осажу!“—Ну, послѣднее, по моему, нѣсколько самоувѣренно. Да я привелъ Львинскую въ примѣръ только потому, что она—бѣдовая и ее не скрутишь, какъ Сою или Володю!

Дѣвица обстоятельная, что говорить! Зря замужъ не выскочитъ!.. А красива... Жаль только, что на лицѣ душа не просвѣчиваетъ!

— Нынѣшняя! Мерцалова въ себя влюбила, а на случай, если сорвется—въ запасъ Ванѣева держитъ! Вѣдь первый-то выйдитъ: и богаче и ждать наслѣдства не надо: черезъ мѣсяцъ Володя совершеннолѣтній будетъ, и Инночка сейчасъ-же заставитъ его потребовать выдѣла. Вотъ тогда-то и послушаемъ, какую пѣсенку запоетъ Анна Павловна!

— Однако вы не очень-то жалуете сію особу!

— Грѣхъ это, конечно, вздохнулъ Сахаровъ,—но велико и зло, которое она сдѣлала своимъ языкомъ мнѣ и моимъ! Богъ съ ней!.. Что прошло—того не вернешь! Надо мнѣ, старому, и о смертномъ часѣ подумать!

Поговоривъ еще немного, Юрій и Петръ Николаевичъ вышли изъ „Якоря“. Старикъ усѣлся въ свою колымагу и поѣхалъ, а Вязьминъ, подъ чмоканье Запруды и дребезжаніе сахаровской долгушки, отправился въ сѣздъ пѣшкомъ, благо онъ помѣщался недалеко отъ гостиницы. Проходя мимо ближайшей церкви, онъ увидѣлъ выходящую на паперть Зою и подошелъ къ ней.

— Отъ обѣдни? спросилъ онъ здороваясь.

— Да, подавая ему руку и немного смѣшавшись, отвѣчала дѣвушка:—вы въ сѣздъ?

— Да; а вы на урокъ? Много ихъ у васъ сегодня?

— Три; два музыки и одинъ математики. Прескучный!

Они пошли рядомъ.

— Мнѣ передавалъ Петръ Николаичъ, что бабушка ваша, а слѣдовательно и вы, согласились провести лѣто у меня въ Волянскомъ... Будьте увѣрены, что я употребляю всѣ старанія, чтобы будущая дача ваша была приведена въ должный порядокъ и чтобы Надежда Васильевна, которой

въ ея лѣта такъ необходимъ покой, осталась довольна пребываніемъ въ деревнѣ.

— Благодарю.

— Вы—любительница рыбной ловли, исканія грибовъ?

— Еще-бы! просто и оживленно сказала Зоя, вскидывая, изъ подъ темныхъ рѣсницъ, свои чудные глаза;—я хотя мало знакома съ деревней, но очень люблю ее, сама не зная почему.

— Вы когда думаете переѣхать?

— Уроки мои кончаются двадцать пятого и около перваго іюня мы можемъ переѣхать. —Ахъ какъ я рада буду подышать чистымъ воздухомъ, отрѣшиться отъ городскихъ тревоженій, споровъ и слуховъ и не сталкиваться постоянно съ дряблостью и фальшью той среды, въ которой приходится вращаться.—Намъ говорилъ дядя, что вы очень потрясены совершающимся событіями... Вы горячій патриотъ, убѣжденный монархистъ, сочувственно и какъ-то вскользь взглянула на Вязьмина дѣвушка.

— Зоя Владиміровна! Да развѣ можетъ быть инымъ православный христіанинъ и истинно-русскій человѣкъ!

— Такъ-то такъ, да мало ихъ что-то видно!—Однако мнѣ налѣво, а вамъ прямо... Когда-же мы васъ увидимъ?

— Завтра вечеромъ, если позволите.

— Отчего не сегодня?

— Сегодня у насъ вечернее засѣданіе.

— Такъ до завтра... Будемъ ждать!

IX.

Вязьминъ учился хороноу. Двадцати двухъ лѣтъ онъ кончилъ съ отличіемъ полный курсъ лицея въ память Цесаревича Николая, обыкновенно называемаго „Катковскимъ“, и опредѣлился на службу въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора. Хотя онъ и шелъ по юридическому факультету, но поступить въ судебное вѣдомство не пожелалъ, въ виду отрицательнаго направленія большей части его чиновъ и ихъ дѣятельности. Юрій родился и воспитался въ вѣрнопопданной дворянской семьѣ, глубоко-религіозной, свято сохранившей наилучшія традиціи дворянской старины. Отець его,

Александръ Ѳедоровичъ, бывшій военный, прослуживъ съ честію слипкомъ десять лѣтъ мировымъ посредникомъ, а затѣмъ мировымъ судьей, въ самое горячее время шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ, (мать Юрія скончалась, когда мальчику было только пятнадцать лѣтъ) немного не дожиль до опредѣленія сына на службу: тяжелый недугъ, отъ котораго онъ страдалъ давно и который заставиль его, еще не стараго, выйти въ отставку и заняться хозяйствомъ, въ нѣсколько часовъ свелъ его въ могилу, въ родовой усадьбѣ, с. Волынскомъ, вдали отъ единственнаго сына, котораго обожалъ, на рукахъ преданнаго ему старика старосты, бывшаго крѣпостнаго, и мѣстнаго священника, давнишняго друга и сверстника. Смерть отца сильно поразила юношу. Сердечный, привязчивый и впечатлительный, онъ долго не могъ успокоиться; нило его еще чистое, молодое сердце, когда, въ минуты раздумья и сосредоточенія, развертывались передъ нимъ картины прошлаго, когда дорогія фигуры отца и матери вставали передъ нимъ, какъ живыя, съ безпредѣльною нѣжностью во взорѣ, съ словами любви и ласки на устахъ, когда вспоминались отрадныя, святыя минуты единенія родителей съ ихъ дѣтищемъ!.. Тяжко было Юрію одиночество; не было около него близкой души, теплаго сердца; родные и друзья покойныхъ его родителей были разбросаны по разнымъ мѣстамъ обширной Россіи, небольшое число товарищей разсѣялось тотчасъ-же послѣ выпуска. А молодая душа жаждала сочувствія, чистое, горячее сердце стремилось отдаться чистому чувству!

Похоронивъ отца и покончивъ съ формальностями по принятію наслѣдства, Юрій передалъ веденіе всего хозяйства старику-старостѣ и вернулся въ Москву, твердо рѣшившись, по достиженіи двадцатипяти лѣтъ, хлопотать о мѣстѣ земскаго начальника въ N—ской губерніи.

Существовать Юрій могъ безбѣдно, даже безъ службы; онъ былъ аккуратенъ въ дѣлахъ и разуменъ въ своихъ тратахъ, хотя далеко не скупъ, въ особенности на доброе дѣло. Единственно въ чемъ онъ проявлялъ неумѣренность —это въ посѣщеніи театровъ, предпочтительно „Малаго“, о знаменитой труппѣ котораго онъ слышался еще отъ отца. Любовь къ театру шла у юноши рука объ руку съ влеченіемъ къ литературѣ, не къ современной конечно, а къ

чисто-художественной, которою восхищались наши отцы и дѣды и которая врядъ-ли скоро возродится на Руси!

Въ театральной сферѣ завязался у Юрія и первый его романъ: хорошенькая, недавно лишь дебютировавшая съ успѣхомъ, воспитанница театрального училища привлекла вниманіе юноши. Предоставленный самому себѣ, пылкій Юрій страстно влюбился въ симпатичную, кроткую дѣвушку—сироту и, послѣ трехъ мѣсяцевъ знакомства, женился на ней. Тогда ему только что минуло двадцать пять лѣтъ. Около года прожили молодые вполне счастливо, но послѣ неудачныхъ родовъ ребенокъ умеръ, а родильница, отъ разлитія молока, лишилась разсудка и, какъ неизлѣчимая, помѣщена была въ больницу одного извѣстнаго психіатра, подѣ Москвой. Долго и сильно горевалъ по женѣ Юрій, но молодость и время взяли свое и онъ постепенно сталъ успокаиваться; года черезъ два, въ томъ участкѣ, гдѣ находилось Волынское, освободилось мѣсто земскаго начальника, Вязьмина назначили и онъ, переселившись въ родныя мѣста, весь предался симпатичному ему крестьянскому дѣлу и сельскому хозяйству.

Когда, около восьми часовъ вечера, Вязьминъ вошелъ въ небольшую залъ-столовую Канищевыхъ, изъ гостиной слышался довольно оживленный разговоръ, даже споръ; особенно выдѣлялся спокойный, нѣсколько рѣзкій баритонъ генерала Ольхина и визгливый, торопливый тенорокъ, — который тотчасъ-же узналъ Юрій, — предсѣдателя нѣкоего либеральнаго учрежденія, поповича Декапольскаго. Этотъ господинъ недавно вернулся изъ Петербурга, съ огромнымъ запасомъ столичнаго сумбура въ головѣ, спутаннаго и не усвоеннаго, и торопился во всѣхъ знакомыхъ домахъ пропагандировать велемудрые предположенія и взгляды петербургскихъ умниковъ. Съ Канишевой онъ былъ знакомъ еще въ то время, когда сынъ ея служилъ въ гвардіи и старушка навѣщала его въ столицѣ. Въ залѣ Вязьмина встрѣтила Зоя и, улыбувшись, сказала:

— Вы попали въ самый разгаръ политическаго спора и очень жаркаго: на генерала сильно нападаетъ Декапольскій, но старый воинъ парируетъ удачно и держится стойко.

— А вы не участвуете?

— Куда ужъ намъ, молодымъ черносотенкамъ! Вотъ вы поддержите Ивана Константиновича.

— И самъ справится!

Они вошли въ гостинную, уютную комнату, отъ которой такъ и вѣяло стариной: массивная, краснаго дерева, мебель, зеркала въ затѣйливыхъ рѣзныхъ рамахъ, часы на тумбѣ въ среднемъ окнѣ, подъ стекляннмъ колпакомъ, изображавшіе выходящаго изъ готическаго портика рыцаря, въ полномъ боевомъ одѣяніи, портреты пудренныхъ прадедовъ на стѣнахъ. У окна на улицу, въ большомъ мягкомъ креслѣ сидѣла совсѣмъ почти сѣдая старушка небольшого роста, полная, и вязала чулокъ. Ея круглое, еще свѣжее лицо и темно-голубые глаза манили къ себѣ необыкновеннымъ добродушіемъ, а кроткая, безхитростная улыбка пріятно оживляла ея небольшія, уже поблекшія губы. При видѣ Вязьмина, Надежда Васильевна (это была она) привстала немного и, подавая ему руку, которую тотъ поцѣловалъ, ласково и мягко сказала:

— Очень, очень рада васъ видѣть, Юрій Александровичъ... Благодарю васъ за дачу, только...

— Сердечно прошу васъ, многоуважаемая Надежда Васильевна, вѣжливо перебилъ ее молодой человекъ,—оставить этотъ разговоръ: дѣло кончено, улыбнулся онъ,—сѣдовательно...

— Здравствуйте, мой милый монархистъ; весьма сожалѣю, что не засталъ насъ дома, вставая съ дивана и крѣпко цѣлуя Юрія, привѣтствовалъ его Ольхинъ, крупный, осанистый старикъ, въ бѣломъ кителѣ, съ Георгіемъ въ петлицѣ, коротко остриженный, съ большими усами и бакенбардами, сѣдой, но бодрый и даже съ огонькомъ въ глазахъ,—помоги мнѣ, голубчикъ! Александръ Иванычъ (указывая на Декапольскаго), въ щель меня загналъ, не знаю, что и возвращать—такихъ диковинокъ изъ Петербурга навезъ!

— Загонишь васъ въ щель, какъ-же! съ едва замѣтнымъ неудовольствіемъ, пропищала Декапольскій, маленькій, худенькій брюнетъ съ просѣдою, съ желчнымъ лицомъ и бѣгающими глазками, здороваясь съ Вязьминнымъ,—вы ведете споръ, точно полкомъ командуете: того и гляди обругаете еще!

Старушка и Зоя разсмѣялись. Молодой человѣкъ под-сѣлъ къ нимъ, а спорящіе снова опустились на диванъ.

— Да помилуйте, какъ же тутъ утерпѣть, когда вы такія нелѣпности проповѣдуете! спокойно замѣтилъ генералъ.

— Видите—видите, пожаловался Декапольскій, повернувшись къ дамамъ:—браниться началъ!

— Конечно нелѣпность утверждать что *спасеніе Россіи* только въ измѣненіи существующаго государственнаго строя!

— Нѣтъ-съ, это не нелѣпность: теперь въ Петербургѣ убѣдились въ этомъ! вскочивъ съ дивана, нервно заходилъ по гостинной Декапольскій:—труды совѣщаній подходятъ къ концу... планъ уже выработанъ.

— Да Христось съ нимъ, съ вашимъ Петербургомъ... Петербургъ не Россія! Хотя вы и считаете петербургскихъ дѣльцовъ геніальнѣйшими людьми, по этого мало: надо еще, чтобы стомилліонный русскій народъ одобрилъ эту затѣю!

— Разрушать, конечно, легче чѣмъ созидать, вставилъ Вязминъ.

— Ну, они такъ-же быстро и создадутъ, какъ разрушать!

— Скоро—не споро, говоритъ русская пословица, замѣтилъ Юрій.

— Планъ ихъ разработанъ подробно и глубоко обдуманъ, даже въ деталяхъ.

— Что-же: самодержавіе значить по боку? презрительно усмѣхнулся Ольхинъ.

— Зачѣмъ, остановясь передъ генераломъ, съ скверной улыбочкой, пискнулъ Декапольскій; монархистовъ дразнить не стануть: названіе *самодержавной монархіи*, до поры до времени, сохранять... И *святыни*, за которыя такъ стоитъ темный народъ и вы, черносотенцы, то же не тронуть... Однимъ словомъ, весь внѣшній „декорумъ“ останется, какъ будто по старому, но управление государствомъ рѣшено передать выборнымъ *народнымъ представителямъ*. Такимъ образомъ и овцы будутъ цѣлы и волки сыты!

— Но какъ-же это, воскликнулъ Юрій,—самодержавіе съ одной стороны сохранять, а съ другой испровергать?

— Что-же дѣлать—таковъ духъ времени! пожалъ плечами Декапольскій и самодовольно усѣлся на диванъ.

— Духъ времени? какъ ужаленный, вскочилъ молодой человѣкъ.—А присяга, данная всѣми ими Самодержавному Царю? Кто разрѣшилъ насъ отъ нея? Или это такой пустой обрядъ, которымъ можно играть по желанію?.. Да и самъ Монархъ развѣ воленъ присягать конституціи?.. Онъ—Ставленникъ и Помазанникъ Божій? Или вы забыли, Александръ Иванычъ, что при Священномъ Коропованіи Его Величество торжественно присягалъ хранить *нерушимо* дарованное Ему Богомъ Самодержавіе и передать его Своему Наслѣднику чистымъ, неумаленнымъ? Такъ и по сіе время признаетъ и вѣритъ русскій народъ! Нашу Русь все хотять подогнать подъ западный шаблонъ, забывая, что это совершенно невозможно! Русское Самодержавіе создано народнымъ разумомъ, благословлено Православною Церковью и оправдано исторіей. Народъ нашъ твердо вѣритъ, что власть Русскаго Самодержавнаго Царя ограничивается отвѣтственностію только передъ Богомъ и Самодержавіе—неотъемлемое право Дома Романовыхъ и что державная власть эта не передается по чьей-либо волѣ, а переходитъ „Божіею милостію!“

— Bravo!.. Молодецъ! пробасилъ генераль, горячо аплодируя.— Ну что-же, Александръ Иванычъ?

Каннищевы сочувственно взглянули на молодого человѣка.

— А то, вставая съ дивана и со злобной ноткой въ голосъ, отвѣчала Декапольскій,—что, по теоріи, Юрій Александровичъ, пожалуй, и правъ, но есть другія данныя, съ которыми приходится считаться: записка двадцати трехъ предводителей совершенно справедливо говоритъ, что рескриптъ 18-го феврала провозгласилъ „возрожденіе нашего отечества на основѣ самодержавія при народномъ представительствѣ“.

— Позвольте, вѣжливо перебилъ Вязьминъ,—какое-же можетъ быть Самодержавіе при народномъ представительствѣ? Вѣдь это абсурдъ, грубая ложь, которою хотять обмануть народную массу! Да и гдѣ вычитали гг. анонимные предводители призывъ „народныхъ представителей“?..

Рескриптъ 18 феврала говоритъ „о привлеченіи къ обсужденію законодательныхъ предположеній избранныхъ отъ населенія „достоинѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ людей“, но не „народныхъ представителей“, и при непремѣнномъ сохраненіи *незыблемости* основныхъ законовъ им-

періи".—Какое-же это „народное представительство“, какая-же это „конституція“ — помилуйте!

— Я уже говорилъ, отчекапивая слова, нервно возразилъ Декапольскій, что нельзя, въ наше тревожное время, пробавляться одной теоріей, можетъ-быть и похвальной, но отжившей: событія текутъ неудержимо впередъ, мы живемъ на вулканѣ... Что намъ теорія, когда жизнь требуетъ другого и требуетъ деспотически, чуть не сейчасъ... Мы—вѣдь на краю пропасти; мы уничтожены, разворены... На насъ вся Европа съ презрѣніемъ смотритъ!

— А Господь съ ней, съ этой Европой, что мы отъ нея видѣли? Бѣды да всякія мерзости? вскричалъ Ольхинъ.— Ну и планчикъ-же вы намъ изъ Петербурга вывезли—спасибо! Ай да петербуржцы, спасители Россіи, ай да сановнички столичные! Вѣдь это въ руку врагамъ нашимъ играть, Россію продавать!

— А что-же дѣлать? Надо-же на чемъ пибудь остановиться... Вы думаете легко согласить, съ неудовольствіемъ возразилъ Декапольскій,—требованія крайней конституціонной партіи, демократовъ, молодежи и другихъ прогрессивныхъ элементовъ, съ упорствомъ нашихъ монархистовъ и той темной массы, которая называется русскимъ народомъ? А между тѣмъ это необходимо: государственнѣйшій механизмъ расшатался, позорная война обнаружила такія язвы нашего управленія, какихъ вы и не увидите ни въ одномъ государствѣ! Теперь Россія—театръ небывалыхъ смуть и преступленій!

— И невиданной нигдѣ измѣны и коварства своихъ же сыновъ! вспыхнувъ, воскликнула Зоя.

— И недугъ Россіи вы думаете исцѣлить введеніемъ конституціи? вставилъ Вязьминъ.

— Единственное средство! Введите въ Россіи тотъ конституціонный строй, которымъ гордится и благодаря которому благоденствуетъ Европа—и метанія бомбъ, покушенія, убійства немедленно прекратятся!

— Вы вотъ сказали, возразилъ Юрій,— что Европа гордится своимъ конституціоннымъ строемъ—между тѣмъ на дѣлѣ она имъ тяготится! Возьмите Францію, Австрію, Италію... что тамъ творится! Лучшіе и солиднѣйшіе умы Запада давно уже высказали свои мнѣнія о непригодности парла-

ментаризма. Правда, мы уже привыкли подражать Европѣ во всемъ и пересаживать къ себѣ даже то, что признано тамъ неудовлетворительнымъ или давно отжившимъ! Фатумъ какой-то!

— Не конституцію надо вводить у насъ, а самодержавіе укрѣплять! вѣско сказала Ольхинъ.—Посмотрите, что дѣлается: правительство забастовало, спитъ! Если оно изрѣдка и просыпается, то точно съ перепою: сейчасъ-же дѣлаетъ уступку, чтобы поскорѣй отвязались, а подобная политика уступокъ только ободряетъ террористовъ и усиливаетъ анархію!

— Не Самодержавіе виновато, горячо замѣтилъ Вязмишъ,—а дряблость правительства и нечестныя дѣйствія его органовъ: нельзя служить двумъ господамъ: Царю и революціи! Будь правительство вѣрноподданно, иди оно прямой дорогой, какъ присягало,—и никакой революціи у насъ-бы не было: въ самомъ началѣ оно съумѣло-бы справиться съ горстью наглецовъ и разбойниковъ!

— Какая у насъ революція! презрительно воскликнулъ Ольхинъ:—повсемѣстная во всемъ распушенность да озорство—и только!

— Распушенность или что другое, съ нѣкоторою запальчивостью перебилъ Декапольскій, но въ настоящую минуту уже поздно возвращаться назадъ: Россія обречена теперь плыть по теченію!

— Ну, это еще какъ Богъ велитъ! серьезно замѣтилъ Ольхинъ.

Декапольскій простился съ хозяйкой и присутствовавшими, несмотря на приглашеніе отужинать, недовольный отправился домой.

X.

— Ну вотъ вамъ одинъ изъ представителей власти, закуривая папиросу, уныло сказалъ Ольхинъ, когда дверь въ сѣни захлопнулась за Декапольскимъ:—жалованье, награды получаетъ и никакого Царя знать не хочетъ! И [такихъ много... А присягали вѣдь Самодержцу! Крикнуть въ Петербургѣ: „конституція“—они за конституцію; потребуютъ республику—гг. Декапольскіе завизжать:—„давай республику!“ Ни эрудиціи, ни здраваго мышленія, ни твердыхъ убѣжденій, ни честности—ничего-то въ этихъ людишкахъ

нѣтъ! Такъ, шалда-балда какая-то! А между тѣмъ у милѣйшаго Александра Ивановича десятки подчиненныхъ, которыхъ онъ ведетъ по той-же тропинкѣ, по которой самъ идетъ и которыхъ онъ политически развращаетъ, а тѣ въ свою очередь сбиваютъ съ толку другихъ—и вотъ пропаганда на казенный счетъ готова!.. Да что Декапольскій: почище его есть... Всѣ эти крупные бюрократы, жаждущіе чиновъ и отличій, которыми кишитъ Петербургъ, за небольшими исключеніями, не революціонеры развѣ?.. Что имъ Россія, русскій народъ? Имъ не благо отечества нужно, а смута, чтобы въ этомъ хаосѣ удобнѣе обдѣлывать свои темныя дѣлишки! Имъ все равно, кто будетъ управлять Русью: полякъ, нѣмецъ или жидъ... Этимъ вырождакамъ Русской Земли не дороги ни честь, ни слава, ни процвѣтаніе ея... Они не только совершенно равнодушны къ бѣдствіямъ и страданіямъ своей измученной Родины, къ ея уничиженію и позору,—ихъ не страшитъ даже ея гибель! Героизмъ лучшихъ сыновъ ея они величаютъ глупостію, патриотизмъ—нелѣпостію! Эхъ, бросивъ окурокъ папиросы въ пепельницу и вскочивъ съ дивана, заходилъ по комнатѣ генераль,—кабы въ самомъ началѣ, безъ долгихъ проволочекъ, вдернули на висѣльницу десятокъ—другой главарей и злодѣевъ, да пригвоздили ихъ геніальныхъ покровителей къ позорному столбу—никакой-бы смуты не было и война не такъ бы разыгралась! Что мы народу, изъ-за этихъ подлецовъ уложили и все по нусту!

— Охъ ужъ эта война, опустивъ вязанье на колѣни, сокрушенно сказала Надежда Васильевна:—сколько погибло жизней, осталось вдовъ и сиротъ, увѣчныхъ!.. А теперь это страшное пораженіе Рождественскаго... Господи! Какая ужасная смерть этихъ несчастныхъ моряковъ: отчаянно биться въ темной каютѣ, зная, что корабль тонетъ и спасенія нѣтъ! Или раненому бороться съ волнами, напрягая послѣднія силы и сознавать, что вотъ сейчасъ пойдешь ко дну! Бѣдные мученики! Неужели-же и теперь не заключать миръ? чуть не сквозь слезы, выговорила старушка, крѣпко сжимая руки.

— Вы говорите такъ потому, что вамъ жаль погибшихъ, возразилъ Ольхинъ,—вполнѣ вамъ сочувствую: война страшное бѣдствіе, но заключить миръ въ настоящую минуту—это погубить Россію! Можетъ быть навсегда!.. Мы еще не въ

безвыходномъ положеніи: наша армія въ лучшемъ состояніи, чѣмъ японская; мы побѣдимъ еще можемъ.

— Но вѣдь опять кровь, опять жертвы!

— Бабинька милая, да что-же дѣлать! подѣла къ старушкѣ Зоя и стала цѣловать ее:—да, будутъ жертвы, но развѣ ихъ не будетъ, если теперь мы заключимъ миръ? Русскій солдатъ не привыкъ къ пораженіямъ... Миръ въ такое время онъ сочтетъ за измѣну начальниковъ, волненіе проникнетъ въ армію, имъ воспользуются наши внутренніе враги и революція усилится; кровь прольется еще обильнѣе, жертвъ будетъ еще больше... А если еще виѣшніе враги нагрянутъ?

— Тогда ужъ несомнѣнно конецъ могучей Россіи! Страшно даже и подумать! воскликнулъ Вязминъ.

— Ну, это не совсѣмъ такъ, замѣтилъ Ольхинъ:—русскій богатырь, въ концѣ концовъ, стряхнетъ съ себя эти пиявки, но чего это будетъ стоить!

— Господи, Господи! со слезами на глазахъ, качая головой, сокрушалась Канищева,—видно послѣдніе дни приходятъ!

Бабинька, родная... ну полноте, обнимая старушку утѣшала дѣвушка.

— Вы—вотъ смѣяться станете, всхлипывая говорила Надежда Васильевна,—а мнѣ и злодѣевъ-то жалъ: души свои губять! Много изъ нихъ молодыхъ... даже подростковъ. Обманомъ, а то и силою завлекли ихъ коноводы... То же и Бога въ сердцахъ нѣтъ... Иной жребій вынесъ на убійство, совѣсть не позволяетъ совершить его—застрѣливается; или убьетъ, а потомъ кается... И я вѣрю, что многіе отъ души каются, со слезами... Вѣдь это тоже пытка, какъ совѣсть-то приметъ человѣка мучить...

— Отъ этого убитымъ и родственникамъ ихъ не легче, дорогая Надежда Васильевна,—подобныхъ звѣрей и жалтъ нечего! замѣтилъ Ольхинъ:—бьютъ людей за то, что они вѣрны присягѣ! И вѣдь изъ-угла или изъ засады, подлые! А сколько неповинныхъ прохожихъ, женщинъ и дѣтей гибнетъ отъ разрыва ихъ бомбъ?—Вотъ ужъ рука бы не дрогнула подписать этимъ извергамъ смертный приговоръ!

— Родной мой! Да вѣдь иные, какъ помѣшанные, на убійство идутъ: съ толку сбиты... думаютъ, что доброе дѣло дѣлаютъ: народъ освобождаютъ... Умишко слабенькій... Бога

забыли.. Люди—вѣдь они тоже, Иванъ Константиновичъ, по образу Божію созданы!

-- Ну, голубушка моя, съ вами не столкнешь! махнулъ рукою генераль.

— Конечно. Вы вотъ всю прошлую войну сдѣлали, были ранены, всякихъ ужасовъ насмотрѣлись... Сердце ваше притерѣлось; все равно какъ доктору: что ему видѣть умирающаго, хотя-бы и страдающаго—не въ рѣдкость.

— А вы спросите, каково было мнѣ въ первый разъ увидѣть эти ужасы! Когда мнѣ, 30 августа, подъ Плевной, съ моимъ баталіономъ, штурмовать турецкій редутъ пришлось!.. Мы шли на подмогу подъ громомъ выстрѣловъ, который гремѣлъ все сильнѣе и сильнѣе. Пушечная пальба сливалась съ перекатами ружейнаго огня въ одну общую трескотню... Жутко было! Стали проноситься гранаты, забили пули. Мы вышли на дорогу: турецкій редутъ желтѣлъ на отлогомъ холмѣ, въ верстѣ отъ насъ, и вся покатость передъ нимъ устлана была тѣлами нашихъ раненыхъ и убитыхъ. Штурмъ неудался. Атаковавшія части брели назадъ въ разсыпную, растерянную, удрученную. Мы стали наткаться на потрясающія сцены. Дорога была покрыта ранеными, которыхъ вели и несли. Стоны этихъ несчастныхъ сжимали сердце. Видѣ крови, страшныхъ ранъ и увѣчий, искаженныхъ страданіемъ лицъ потрясали все мое существо.— Вотъ ведутъ подъ руки молоденькаго солдата: дикій взглядъ и какое-то мычаніе; онъ весь въ крови; у него разбита пулей нижняя челюсть и прострѣлена шея, но онъ передвигается. У другого, котораго тоже ведутъ, вся голова облита кровью; ему пуля пробилла глазъ и сорвала ухо съ эдакой-то раной онъ шель!—Да что говорить: много передумалъ и переживалъ я въ эти страшныя минуты, а турецкіе снаряды продолжали шипѣть, свистѣть и разрываться съ металлическимъ звономъ. Потрясающе подѣйствовалъ на меня крикъ солдатика моего баталіона: „ой, братцы, убили!“ я взглянулъ на ближайшихъ людей—и на лицахъ ихъ ментально отразилось что-то злобное и страдальческое. Ну, конечно, впоследствии все это примелькалось и чувствительность очень и очень притупилась.

— А за какое сраженіе получили вы Георгія? спросилъ Вязминъ.

— За Шейпово. Ты вѣроятно читалъ про знаменитую атаку Панютина? (Юрій утвердительно кивнулъ головой). Ну такъ въ этомъ бою. Развернулась тогда во всю русская удаля! Углицкій полкъ, которымъ командовалъ Панютинъ, развернутымъ фронтомъ, съ музыкой и распущенными знаменами, двинулся въ атаку. Чудная была картина! Турецкій огонь былъ адскій; это былъ огонь отчаянія; но, не смотря на это, наши солдатики, какъ ураганъ, ворвались въ ложементы, перекололи массу турокъ и укрѣпленія были взяты. Дивная была атака!

— Вы тутъ и были ранены? полюбопытствовала Зоя.

Нѣтъ; но въ Хасъ-Кіюлемъ; и дѣло-то было неважное. Ужъ видно судьба... Мѣсяцъ съ чѣмъ-то провалялся въ госпиталѣ.

— А какъ случилось?

— У меня, во время атаки, убили лошадь и я пѣшкомъ повелъ баталіонъ бѣгомъ. Счастье, что пуля попала на бѣгломъ шагу, а то пронизала-бы легкое и Ивану Константиновичу былъ-бы капуть!

— Чѣмъ-же бѣглый шагъ спасъ?

— А во время бѣга легкое поднимается и пуля, которая при стояніи или при обыкновенномъ шагѣ пробилла-бы легкое, на бѣгу пробилла пустое пространство.

— Больно было.

— Право не помню: вотъ, когда врачъ зондомъ ковырялъ—больненько было.

Раздался звонокъ и вскорѣ въ дверяхъ гостинной показалась плотная фигура Шаталова.

— Простите, что поздно, комично разводя руками и кланаясь сказалъ онъ:—собиралъ вѣсти и, по обыкновенію, заговорился. (Онъ подошелъ къ рукѣ старушки и Зои и поздоровался съ мужчинами). Масса новостей! снимая шапку и усаживаясь возлѣ Ольхина, воскликнулъ онъ.— И новости все съ пылу!

— А у губернатора былъ?

— Зачѣмъ? удивленно спросилъ исправникъ,—доставлять ему неудовольствіе созерцаніемъ моей фізіономіи? И слишкомъ добръ и сострадательнъ! Когда мнѣ приходится являться къ нему, онъ всегда спѣшитъ поскорѣй отъ меня отдѣлаться... Иной разъ я этимъ пользуюсь: чуть дѣло по-

серіозіѣ я и стараюсь зятянуть и позапутать докладъ, а то и постороннее ввернуть—смотришь: гогъ—магогъ и не выдержать: „хорошо, хорошо“ перебьетъ онъ меня,—„сообщите все это правителю“—и отпустить съ миромъ. Ну, а съ правителемъ мы ладить умѣемъ!

— Новости, новости сообщайте Дмитрій Никитичъ! сказала Зоя.

— Первая новость, загибая палець лѣвой руки, началъ Шаталовъ: въ городѣ скоро народится милиція... Вы слышали объ этомъ Иванъ Константиновичъ?

— Да когда-же было мнѣ слушать, коли новинка? Самъ я эти дни никого не видалъ, а племянникъ давно не показывался: все или въ высшихъ сферахъ вращается или на побѣгушкахъ у дамъ.

— До городского головы Толстопятова, прежняго мясника, а теперь революціоннаго оратора и кандидата въ министры, дошли слухи, что здѣшніе черносотенцы хотять будтобы, его, голову, нѣкоторыхъ думцевъ, земцевъ и адвокатовъ, а также главныхъ бунтарей *поучить* за возмутительные митинги въ „Народномъ домѣ“ и другія мерзости. Мужичкое „поучить“ Толстопятовъ отлично знаетъ: не дальше какъ въ концѣ марта, во время шествія приказчиковъ съ красными тряпками, на его глазахъ, мѣщане и рабочіе внушительно „поучили“ манифестантовъ: двухъ студентовъ въ больницу свезли, а курсистку-жидовку помяли и въ грязной канавѣ выкупали!—Такъ вотъ для охраны этихъ драгоценныхъ столиновъ „освободительнаго движенія“ дума намѣрена создать милицію, выставивъ мотивомъ необходимость защиты мирныхъ *гражданъ и гражданокъ* отъ предполагаемаго въ будущемъ неистовства ненавистныхъ черносотенцевъ. Что изъ этого выйдетъ и дастъ-ли Увертышевъ на эту затѣю свое согласіе—Богъ вѣсть!

— Увертышевъ, официально, своего согласія не дастъ, а притворится, что о проэктѣ этомъ ничего не знаетъ! замѣтилъ Ольхинъ.

— Ну, тогда милиція конечно состоится и будетъ образцовая: адвокаты, ссыльные, земскіе служащіе, школьники, золоторотцы—вообще все „лучшіе“ люди полѣзутъ туда, сказалъ Юрій.

— Откуда-же возьмутъ они денегъ на вооруженіе, на жалованье? поинтересовалась Зоя.

А городская касса, общественный банкъ на что? Теперь позаимствуютъ, а потомъ на домовладѣльцевъ разложить!.. Земство губернское поможетъ!

И баранье-же мы стадо: и горожане и землевладѣльцы! воскликнулъ Ольхинъ:— дерутъ съ насъ денежки во всю, а мы все по прежнему—или бунтарей или князей въ гласные выбираемъ“.

— Теперь посмотрите, что будетъ: войска у насъ нѣтъ, полицейскихъ горсть, да и вооружены они по опереточному,—милиція весь городъ заберетъ въ свои руки и революціонеры будутъ хозяевами! сказалъ Вязьминъ.

— Это просго ужасно! вознегодовала Зоя.—Да развѣ губернаторъ не можетъ выпросить хоть немного солдатъ?

— Его Превосходительство, какъ мнѣ говорили, отвѣтилъ исправникъ, —сказалъ нѣкоей дамѣ, что въ Петербургѣ онъ заявилъ, кому слѣдуетъ, что всякій безпорядокъ, онъ прекратитъ въ самомъ началѣ путемъ убѣжденій, что серьезныхъ волненій онъ не ожидаетъ, а потому войска ему не нужно; да и появленіе солдатъ въ городѣ раздражитъ г.г. революціонеровъ!

— Еще бы не раздражить, замѣтилъ генераль:—пришлютъ солдатъ—милиціи въ щель придется лѣзть!

— Господи помилуй! вздохнула старушка.

— А пока, продолжалъ Шаталовъ,—сообщу вамъ, до чего онаглѣли земскіе врачн.. Мнѣ рассказывалъ вчера Рудинскій лѣсничій, что на дняхъ земскій врачъ изъ жидовъ Блюмензонъ, въ домѣ купца Меньшова, въ отвѣтъ на его патріотическія рѣчи, ударивъ кулакомъ по столу, крикнулъ: „сидите лучше да молчите, пока мы васъ не притиснули!“, А въ уѣздной управѣ двое уволенныхъ служащихъ, уходя, громогласно заявили присутствію: „погодите, не пройдетъ и полгода, какъ мы вернемся сюда, но не наемниками, а хозяевами!“

— Сознаютъ свою силу! пожалъ плечами Ольхинъ.—Революціонеры лихорадочно работаютъ, упорно стремятся къ намѣченной цѣли и, къ сожалѣнію, достигаютъ многого, а правительство, вмѣсто того, чтобы душить крамолу и успокоивать страну, корпитъ надъ проэктами скороспѣлыхъ ре-

формъ! Съ одной стороны неослабная энергія, съ другой—дряблость и нерѣшительность. Какъ это ни грустно, а признать приходится!

— Ну да ужъ и общество у насъ хорошо! Вѣдь правительству и опереться не на кого! замѣтилъ Вязьминъ.

— Да, плохо общество, развелъ руками генераль:— кися и или шалда балда, вродѣ Декапольскаго!

Помолчали немного.

— А вотъ и еще новинка, продолжалъ исправникъ:— земскій пачальникъ Брусилловъ изъ Петербурга пріѣхалъ... Говорить, что вопросъ объ упраздненіи земскихъ начальниковъ и волостныхъ судовъ будетъ скоро внесенъ въ общее присутствіе Государственнаго Совѣта.

— Кѣмъ-же намѣрены замѣстить насъ? Спросилъ Юрій.

— Выборные судьи будутъ.

— Выбрали время! Впрочемъ затѣя недурна: на казенный счетъ насадить въ уѣздахъ чуть не безответственныхъ пропагандистовъ.

— И посадятъ! раздражительно сказалъ Ольхинъ;—А тебя, Юрій, монархиста и труженника, за штатъ! Сади капусту! Да смотри оглядывайся, чтобы не обокрали да не сожгли.

— Какъ-же это вы безъ службы-то будете? участливо спросила Надежда Васильевна.

— А что-же дѣлать? Съежусь, расходы уменьшу, а энергіи прибавлю... Съ Зои Владиміровны примѣръ возьму! улыбнулся Юрій.

— Полноте, махнула рукой дѣвушка—что за комплименты—это на васъ не похоже!

— Простите, но я высказался совершенно искренно.

— Насмѣшилъ меня сегодня за завтракомъ одинъ знакомый, перебилъ Вязьмина исправникъ.—Въ настоящее время, какъ вы можете быть слышали, въ пассажирскихъ поѣздахъ развелось пропасть контролеровъ изъ забастовавшихъ студентовъ; крамольные желѣзнодорожники ихъ пріютили. Страшно надоѣли эти недоучки пассажирамъ и кондукторамъ; послѣдніе прозвали ихъ *безусыми*. Контролируютъ эти господа часто и съ особенною торжественностію. Знакомый мой былъ свидѣтелемъ одного забавнаго казуса.—„Позвольте вашъ билетъ“, обращается *безусый* къ пассажиру; тотъ, какъ бы не слыша, напѣваетъ сквозь зубы: „не хочу учиться,

буду бастовать!“ Студентъ повторяетъ требованіе, а пассажиръ поетъ: „буду бойкотировать учащихся“! Публика смѣется. Возмущенный *безусый* приказываетъ взыскать двойной сборъ, а пассажиръ, изысканно вѣжливо, подаетъ кондуктору свой проѣздной билетъ.

Всѣ разсмѣялись.

— Дмитрій Никитичъ! перебила Зоя;—спойте что-нибудь... Отведите намъ душу!

— Пѣзь старенькаго? подмигнувъ, усмѣхнулся Шаталовъ.

— Ну конечно... То была настоящая музыка: за сердце хватала... Тогда духомъ жили, идеалами... А теперь Ваалъ царствуетъ!—Ну пойдете...

Они пошли въ залу и черезъ минуту раздались вступительные, смѣлые аккорды Зои, а затѣмъ полились могучіе, мягкіе звуки хорошо обработаннаго баритона; Шаталовъ пѣлъ „Ангела“, на слова Лермонтова.

XI.

На завтра было Воскресенье. Взявши кончалъ уже завтракъ, когда вошелъ корридорный и, притворивъ дверь, таинственно доложилъ:

— Васъ, Юрій Александровичъ, тамъ спрашиваютъ...

— Кто?

— Да не то чиновникъ, не то баринъ, говорятъ давно съ вами знакомы. Только не въ авантажѣ они...

— Пьянъ что-ли?

— Никакъ нѣтъ-съ... А такъ одеженка у нихъ что-то понастрепана; я докладывалъ имъ, что дома васъ нѣтъ— „врешь“, говоритъ:—я самъ видѣлъ, какъ онъ, то есть вы, Юрій Александровичъ,— „въ корридорѣ завтракъ заказывалъ“.

— Да ты видалъ его когда-нибудь?

— Никакъ нѣтъ-съ: они надо быть не здѣшніе.

— Ну зови.

— Черезъ минуту вошелъ въ номеръ человекъ лѣтъ подь сорокъ, крупный, плотный, съ большой растрепанной свѣтлорусой бородой, включенными, слегка вьющимися свѣтлыми волосами, бойкими сѣрыми глазами подъ густыми бровями и красноватымъ мясистымъ носомъ на блѣдно-желтомъ лицѣ. Одежда его дѣйствительно была не въ „аван-

тажъ": коричневый пиджакъ давно уже пережилъ вторую молодость и блестяль по всѣмъ швамъ, сапоги порыжѣли, а измятый отложной воротничекъ рубашки своимъ цвѣтомъ доказывалъ необходимость пособія прачки. Тѣмъ не менѣе обладатель этого костюма довольно развязно и съ привычками салона поклонился Юрію и, слегка подмигнувъ лѣвымъ глазомъ, спросилъ:

— Не узнаете?

— Нѣтъ, вставая отвѣтилъ Вязьминъ,—хотя лицо ваше мнѣ какъ будто знакомо...

— Знакомо! Еще-бы! Позвольте сѣсть? (Онъ взялъ стулъ и сѣлъ противъ Юрія). Руки вы мнѣ не подаете и правы: по одеждѣ встрѣчаютъ... (Онъ нервно хихикнулъ). Что я?.. Червь, какъ униженно выражаются пьяные дьячки, да и то придавленный, еле ползающій! А когда-то вмѣстѣ, въ театральныхъ буфетахъ „Heidsick“ пили, ха-ха-ха!.. Да-съ!.. А теперь я только сивуху тяну, да и то не столько, сколько хочется!

— Позвольте однако, кто-же вы? нѣсколько обезпокоился Вязьминъ.

— Дружны мы были, хотя вы и помоложе меня, продолжалъ, не обращая вниманія, посѣтитель;—ну, теперь конечно не то: вы—земскій начальникъ, а я—прохвость! Tout est dit! Et je m'en fiche! на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ заключилъ онъ.—Однако неужели вы меня не узнаете? прищурился онъ;—не можетъ же быть, чтобы за девять лѣтъ, что мы не выдались, я до такой степени утратилъ образъ человѣческій!

— Извините, не узнаю.

— И то сказать: хотя это и не такъ ужъ давно было, но жизнь моя въ карьерѣ неслась!—Ширяевъ я, Александръ Сергѣевичъ... Бывшій драгунъ, а потомъ адъютантъ князя Ардатова.

— Господи! Александръ Сергѣевичъ!.. (Юрій выскочилъ изъ-за стола, схватилъ его за руку и потомъ крѣпко поцѣловалъ).

Ширяевъ опустился на стулъ и, взволнованный, держа еще руку Вязьмина, прерывисто проговорилъ:

— Спасибо.. чловѣкъ вы... Все-такой же добрый! Давно я искренной ласки не видалъ! Спасибо... вижу, что не дѣланное изъ сердца вылилось

Онъ порывисто схватилъ со стола графинъ водки, налил рюмку и, выпивъ залпомъ, не смѣло сказалъ:

— Простите... мнѣ будетъ легче.. Своей лаской вы мнѣ все нутро, какъ говорятъ мужики, перевернули! Пришелъ я къ вамъ озлобленный—уйду хоть отчасти примиренный.

— Хотите позавтракать?

— Попрошу... голоденъ...

— Юрій вышелъ въ корридоръ, заказалъ завтракъ и, вернувшись, засталъ Ширяева въ раздумьи.

— Знаете, куда я теперь направляюсь? Въ волостные писаря, въ Бронскій уѣздъ, на двадцать рублей жалованья! Это бывшій-то адъютантъ князя Ардатова!.. Да и за то спасибо!

— Въ какую волость?

— Серебрянскую кажется.

— Это недалеко отъ меня: въ двадцати верстахъ.

— А отъ города?

— Въ шестидесяти.

— Ну да все равно: долго меня тамъ не продержатъ—песомѣнно выгонять.

Ширяевъ хватилъ еще рюмку и поникъ головой.

— Опустился я совсѣмъ... Къ основанію наклонной плоскости подкатываюсь... Да и пора: ждать болѣе нечего... Господи! Когда я съ княземъ, въ коляскѣ четверней, объѣзжали губернію, когда меня всячески ублажали и перевозносили, могъ-ли я думать, что кончу свою карьеру волостнымъ писаремъ какой-то Серебрянской волости!

— Скажите мнѣ, какъ узнали вы о моемъ существованіи и какъ дошли до такого положенія?

— О васъ узналъ я очень просто: зашелъ въ „Укорь“, увидалъ на доскѣ вану фамилію, заинтересовался... Именно заинтересовался, въ смыслѣ интереса: *jè suis tout'à fait à sec*. Думаю: если это тотъ Вязьминъ—поможетъ, а то мнѣ не съ чѣмъ и до мѣста добратся... Et voilà!

Внесли завтракъ. Ширяевъ выпилъ и сталъ закусывать. Утоливъ нѣсколько голодь, онъ продолжалъ:

— Года за два до вашей женитьбы, князь Ардаатовъ взялъ меня въ адъютанты и мы уѣхали въ N—скъ. Тамъ я вскорѣ женился, но не по любви, какъ вы, а по расчету; думалъ взять за женой minimumъ пятьдесятъ тысячъ, а по-

лучилъ только тряпье. Квартиру моптировалъ по барски, завелъ экипажъ и конечно влѣзъ въ долги. Бѣдную мою матушку (она, по завѣщанію отца, была пожизненной владѣлицей), которая души во мнѣ не чаяла, я выцѣдилъ на-чисто... Подлецъ былъ, зато теперь и маюсъ!.. Пожили мы эдакъ годъ съ чѣмъ-то и совершенно зацутались. На тестя надѣяться было нечего—пришлось выходить изъ адъютантовъ. Сообщишь женѣ—семейная сцена. Потомъ пошелъ у насъ настоящій содомъ! Я вышелъ въ отставку, распродалъ всю движимость, еще поцѣдилъ матушку, расплатился съ долгами и предложилъ женѣ ѣхать въ нашу усадьбу, въ Р—скую губернію,—ни за что! Дѣтей у насъ къ счастью не было—мы разстались.—Пріѣхалъ къ матушкѣ... Господи! Что это за чудное, любящее было существо и какой, относительно ея, я былъ извергъ! (онъ хватилъ рюмку и задумался).—Знаете, я не религіозный, къ сожалѣнію, человекъ... Любовь крещу—правда, но этого еще недостаточно... Я сознаю, что я—животное и всю жизнь (мнѣ—вѣдь тридцать восемь лѣтъ) прожилъ животнымъ, но теперь, когда я ближусь къ окончательному расчету съ жизнью, мнѣ ясно до очевидности), что вѣковыя истины не преходятъ. Изъ какой-то далекой глубины, изъ едва памятныхъ воспоминаній дѣтства, словно руководящей лучъ свѣта, нѣтъ—нѣтъ да и сверкнетъ въ мозгу мысль: „ты всегда былъ дрянъ, злая, эгоистичная дрянъ... Какое утѣшеніе доставилъ ты матери, которая тебя боготворила? Ты выцѣживалъ ее какъ дойную корову, тратя ея послѣднее состояніе на свои прихоти, нисколько не вдумываясь въ то, какія нравственныя муки терпѣтъ она, видя безпорядочную жизнь сына, какъ доживетъ она свои старческіе годы! Да, великое дѣло пятая заповѣдь!—Ну вотъ, послѣ паузы, продолжалъ Ширяевъ, поселился я въ усадьбѣ матери. Въ какой-нибудь годъ, пока мнѣ подыскали мѣсто, я успѣлъ перезаложить усадьбу и деньги измотать. Жить я любилъ широко, ну и пріятели явились... не аристократы конечно... Матушку оставлялъ въ усадьбѣ хозяйничать, а самъ больше въ городѣ. Нашлась дура, влюбилась въ меня, молоденькая, хорошенькая, смиренная такая, изъ мѣщаночекъ... Шестъ классовъ гимназіи осилила... Смутилъ, сталъ жить съ ней... Дали мнѣ наконецъ мѣсто исправника, опять въ долгъ залѣзъ. Началъ кредитоваться у старшинъ, у бога-

тыхъ мужиковъ. Терпѣли сначала; матушка все пороги обила у начальства, но когда, въ пьяномъ видѣ, я заѣхалъ въ морду городовому—меня выбросили за бортъ. Вернулся я въ усадьбу и отъ нечего дѣлать сталъ пьянствовать; матушка только плакала... Мѣщаночку свою бросилъ, не смотря на ея беременность... жива-ли она, бѣдняжка!.. Добрая, любящая была, раздумался Ширяевъ;—наконецъ усадьбу продали, мать ушла въ монастырь, а я остался окончательно на бобахъ. Все было прожито. Мать протянула нѣсколько мѣсяцевъ въ монастырь, какъ простая бѣличка, питаясь на общей трапезѣ, и скончалась. Меня кое-какъ устроили въ станомы. Потомъ я спустился до надзирателя, наконецъ и оттуда выгнали! Шатался по волостнымъ правленіямъ и вездѣ держали не по долгу: водка и широкія замашки сгубили.

— А съ женой вы не пробовали сойтись?

— Нѣтъ; да правду сказать и стыдно было являться такимъ хулиганомъ въ порядочный домъ. Хоть и жуликъ мой тестюшка, а все-таки генераль. Теперь пожалуй дивизіей командуетъ... Писалъ къ женѣ, когда ужъ очень туго пришлось, чтобы помогла—отвѣтилъ мнѣ генераль, что „жена ваша, полгода тому назадъ, скончалась отъ тифа; посылаю сто рублей“. Сразу эти сто рублей ожгли мнѣ руки, но я такъ уже опошилъ, что, выпивъ приличную дозу, помирился и со смертію моей жены и съ преподнесенною мнѣ генераломъ подачкой! Можно еще рюмочку? приподнимая пустой графинчикъ и глядя на свѣтъ, песовсѣмъ твердо спросилъ Ширяевъ.

Юрій велѣлъ подать.

— Къ намъ-то какъ вы попали? поинтересовался онъ, по уходѣ лакея.

— вмѣстѣ ѣхалъ съ вашимъ земскимъ начальникомъ Клишинымъ; разговорились... Онъ и предложилъ мнѣ мѣсто въ своемъ участкѣ.—Да не долго проживу я тамъ: живо выставятъ!

— Послушайте, Александръ Сергѣичъ: неужели вы такъ-таки и не можете себя въ руки взять? Вѣдь не тряпка же вы въ самомъ дѣлѣ!

— Хуже тряпки! Я утратилъ почти все человѣческое! Одно еще во мнѣ осталось—это память о моей покойной

матери, которую я довелъ до нищеты и которую я въ конецъ измучилъ! (Онъ подперъ руками голову и на минуту замолкъ). Шевелится тоже воспоминаніе о Леночкѣ, доброй, кроткой мѣщаночкѣ... Погубилъ я ее... Отецъ тогда прогналъ ее... Можетъ-быть зачала уже, а, можетъ-быть, съ моимъ ребенкомъ на рукахъ, Христа ради просить!

Онъ дрожащей рукой налилъ рюмку и жадно выпилъ.

— Александръ Сергѣичъ! Видите: въ васъ совѣсть говоритъ—значитъ вы не отверженный... Вы можете обопиться... Подумайте: что же это за существованіе? Ну, теперь вы здоровы, а заболѣете, сдѣлаетесь неспособнымъ къ труду—что тогда?

— Въ бомбисты пойду! наливая другую рюмку, воскликнулъ Ширяевъ,—хорошія, говорятъ, деньги платяты... А погибну—такъ не все-ли равно отъ чего околѣвать: отъ бомбы или отъ нищеты! насмѣшливо добавилъ онъ.

— И вы говорите это серьезно? съ ужасомъ спросилъ Вязьминъ.—Вы, русскій дворянинъ, пойдете въ наемные убійцы къ жидамъ, къ отбросамъ русскаго народа? Да, если это такъ—вы, простите, дѣйствительно погибшій человѣкъ!

Онъ всталъ и нервно заходилъ по комнатѣ.

Прошло нѣсколько секундъ.

— Хорошъ-же значить я, качая головой, угнетенно проговорилъ Ширяевъ,—если вы повѣрили моимъ словамъ!.. Нѣтъ, Юрій Александровичъ: я пьяница, дрянъ, но не клятвопреступникъ; съ меня присяга не снята и это я помню! Я родился монархистомъ и умру имъ, что бы не случилось! Не въ бомбисты пойду я, вскочилъ онъ со стула,—а если придется—грудью встану противъ мятежниковъ и головы своей не пожалѣю за Самодержавнаго Царя!

Онъ воодушевился и вся фигура его преобразилась: онъ выпрямился, глаза загорѣлись и все лицо его приняло смѣлое, рѣшительное выраженіе. Вязьминъ бросился къ нему и крѣпко его обнялъ.

— Простите! прошепталъ онъ;—я обидѣлъ васъ... не понималъ шутки!

— Юрій! внезапно измѣнившимся голосомъ, въ которомъ слышались сдерживаемыя слезы, проговорилъ Ширяевъ.—Спасите меня!

Онъ склонился головой на его плечо, слегка затрепеталъ и Вязьминъ почувствовалъ какъ что-то влажное коснулось его щеки.

ХII.

Два часа того же дня. Марья Николаевна Ольхина только что вернулась изъ засѣданія совѣта „ремесленнаго пріюта“, членомъ котораго она состояла уже нѣсколько лѣтъ, недовольная и разстроенная, и пила чай въ своей просто, но со вкусомъ отдѣланной угловой. Въ совѣтѣ, по ея мнѣнію, ее оскорбили. Съ свойственною ей пылкостью и энергіею, она цѣлыя двѣ недѣли рыскала по домамъ и лавкамъ, выпрашивая пожертвованія на лоттерей, вещами и деньгами, сносила грубые отказы кулаковъ-лавочниковъ и принимала, съ краскою на лицѣ, презрительно выкидываемые ей залежавшіеся предметы, въ родѣ муки „Геркулесъ“, „Гималайскаго жита“, заржавленныхъ ножей и вилокъ, полныхъ лентъ и т. п., набрала всего порядочно — и вдругъ ее не только не отблагодарили, но одинъ изъ членовъ совѣта, извѣстный своею неотесанностію, управляющій пивовареннымъ заводомъ, изъ подвальныхъ, Кашинъ, позволилъ себѣ сказать что дескать „нынче мало вы, барынька, потрудились и собранныя вами вещички что то не тово!“ и предсѣдательница даже его не остановила! Марья Николаевна, прихлебывая чай, серіозно подумывала, что ей слѣдуетъ сейчасъ-же бросить это неблагодарное общество и пристроиться къ другому благотворительному учрежденію, которыхъ въ городѣ N хоть отбавляй. „Вотъ тогда и пожалѣютъ, что лишились такой труженицы, которая даже расхода на извозчиковъ не выставляетъ!“ мысленно утѣшала себя Ольхина.

Марья Николаевна было лѣтъ подь шестьдесятъ, но она была еще очень бодра и прекрасно сохранилась. Высокаго роста, умѣренной полноты, брюнетка почти безъ сѣдины, она производила пріятное впечатлѣніе своими темно-синими глазами и привѣтливою улыбкой. Благотворительность была ея слабостью. Инну Львинскую, свою очень дальнюю родственницу, она подобрала тоже изъ благотворительности; баловала ее, пока та была въ институтѣ, и ублажала вся-

чески теперь, но благодарности и привязанности со стороны дѣвницы что-то было мало видно. Правда, вѣкъ нынче такой: чуть не съ десяти лѣтъ нынѣшнія дѣтки уже мечтають о самостоятельности, заражаются самоиниціемъ и всѣми силами стремятся къ достиженію матеріальныхъ благъ, зачастую не совѣтуясь со своею совѣстью.

Откушавъ чай, Ольхина выпла въ корридоръ и встрѣтила спускавшуюся сверху Львинскую, въ шляпкѣ и накидкѣ.

— Ты куда Пиночка? поинтересовалась Марья Николаевна.

Ахъ Боже мой, опять контроль! фыркнула дѣвушка; — какъ это вамъ не надоѣсть?

— Да что ужъ это такое: и спросить нельзя!

— Ну, къ Григорію Андреевичу иду... Къ племяннику вашему... Довольны?

— Какъ?! Молоденькая дѣвушка—на квартиру молодого холостяка?

Опять эти закорузлыя понятія! махнула рукой Инна, идя въ залу;— я обѣщала зайти за нимъ, круто обернулась она,—чтобы вмѣстѣ отправиться на лекцію, въ губернскую управу,—что-же тутъ такого непозволительнаго?

— Для курсистокъ и стриженныхъ интеллигентокъ, конечно, позволительно, но я не думала, чтобы ты...

— Соціалисткой я не сдѣлаюсь, перебила ее дѣвушка: это непрактично и глупо и вы это отлично знаете, а потому и слѣдить за мною печего!

— Но ты молода, Пиночка... Мало-ли чего ты можешь наслушаться на этихъ лекціяхъ...

— Ахъ, оставьте меня въ покоѣ, надулась Инна;— право надоѣли эти постоянныя наставленія! Я иду вовсе не лекцію слушать, а просто людей посмотреть и освѣжиться... У васъ вѣдь молодежи не увидишь, а со стариками скучно.—Сопя! обратилась она къ горничной, уходя въ переднюю, —проводи!

— Обѣдать будешь?

— Не знаю. Прощайте! не оборачиваясь, отрѣзала Львинская.

Марья Николаевна вздохнула и пошла въ кабинетъ мужа; ей, всегда вѣжливой и благовоспитанной, претили и

„жаргонъ“ дѣвушки и ея „тепе“, по еще больнѣе, скажемъ мы отъ себя, было видѣть такую черствость и отчужденность въ дѣвушкѣ, едва вступившей въ жизнь и всѣмъ ей обязанной.

Иванъ Константиновичъ, въ генеральской тужуркѣ, сидѣлъ у окна, въ покойномъ креслѣ и читалъ „Москвича“: при входѣ жены, онъ скинулъ ринсе-пез и, отложивъ газету въ сторону, усмѣхнулся:

— Что, Маша, опять конфликтъ съ барышней?

— Ты вотъ смѣешься, а мнѣ, голубчикъ, не до смѣха: Инна просто меня изводитъ... Набралась какихъ-то идей, грубить... Смотрить на домъ нашъ какъ на трактиръ.

Марья Николаевна опустила на диванъ и перво поиграла пальцами по столу.

— И нисколько тебя не жаль: говорилъ не бери... Она еще дѣвчонкой обѣщала быть дерзкой и безсердечной.

— А что-же было мнѣ дѣлать?.. Оставить сироту на улицѣ? горячо возразила Ольхина. — Отдать ее на руки Богъ знаетъ кого?.. Я взяла ее въ память ея матери, которую, ты знаешь, какъ я любила!

Ну такъ и возись теперь съ ней! надѣвая ринсе-пез и придвигая къ себѣ газету, заключилъ генераль.

— Все это изподтишина Мерцалова ее науськиваетъ: мнѣ на нее наговариваетъ, а ей на меня! Не въ добрый часъ познакомила я Инну съ этимъ домомъ!

— Пора-бы и Мерцалову узнать: всегда была язва! А на Инну я давно-бы пересталъ и вниманіе-то обращать: пусть живетъ у насъ, ѣсть и пить, а что касается нѣжностей да заботъ о ней то извините! Это не такая дѣвушка, чтобы ее приголубивать!

— Жаль мнѣ ее Жан: привязалась къ ней, сокрушенно замѣтила Ольхина.

— Господинъ Вязьминъ! доложила вошедшая горничная.

— Проси сюда! сказалъ генераль.

— Вотъ кто, говорятъ, за Инной ухаживаетъ! шепнула Марья Николаевна.

— Не Мерцаловскія-ли это выдумки? возразилъ Иванъ Константиновичъ;— да и что въ этомъ ухаживаніи: женатый человекъ!

Юрій только успѣлъ поздороваться съ хозяйкой, какъ Ольхинъ, протягивая ему руку, торопливо спросилъ:

— Есть что-нибудь новенькое?

— Не слыхалъ, усаживаясь около Марьи Николаевны, отвѣтилъ Вязьминъ,—все вчерашнія извѣстія обсуждаютъ.

— Воображаю, какъ радуются нашему горю эти мерзавцы! Вѣдь тамъ у васъ въ „Якорѣ“ притонъ всѣхъ свободомыслящихъ! Попадаетъ, я думаю, „отжившему“ режиму и Небогатову... И то сказать: выкинулъ штуку! Прежде наши моряки взрывались, а нынче бѣлый флагъ выкидываютъ!

— Не тѣ люди пошли, Иванъ Константиновичъ, вздохнулъ молодой человѣкъ;—да, сдача Небогатова—крупный козырь въ рукахъ радикаловъ! прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Въ „Москвичѣ“ никакихъ интересныхъ подробностей нѣтъ; иностранныя газеты перечисляютъ наши потери, скрывая конечно японскія. Много еще вражья будетъ!

— А Инна Александровна дома? обратился Юрій къ хозяйкѣ.

— Она только что ушла въ губернскую управу, на лекцію, небрежно отвѣтила Марья Николаевна.

— Какъ она рѣшилась? Тамъ ужасное общество: разношерстное и совершенно невоспитанное.

— Я то-же ей говорила... („Постой-же“; подумала Ольхина, —„сейчасъ увидимъ, дѣйствительно-ли ты заинтересованъ ею“).

— Впрочемъ, Инна не одна отправилась: съ Гришей уговорилась... Они-вѣдь очень дружны! совершенно невинно добавила она.

— Да-да? Но съ подобной публикой Григорію Андренчу не справиться, замѣтилъ Вязьминъ.

— Уклончивъ? Свою шкуру бережетъ? пробасилъ генералъ, закуривая папиросу.

— Скандаловъ боится; да оно и понятно.—Ему-бы слѣдовало, если онъ такъ друженъ съ Инной Александровной, отговорить ее отъ такого рискованнаго шага.

(„Ага! не нравится ему эта дружба! самодовольно подумала Ольхина).

Конечно! согласилась она.

— А много нынче судебныхъ дѣлъ? послѣ паузы, спросилъ Иванъ Константиновичъ!—Просматривалъ ты ихъ?

— Около сорока: всё перелистать; все не важныя, кромѣ двухъ: одно—оскорбленіе урядника, при отпращиваніи имъ должности, „сознательнымъ“ книгоношей управы, а другое о самовольномъ уходѣ сельскаго рабочаго, нанятаго по договорному листу, неисполненіе требованія полиціи возвратиться къ нанимателю и о переходѣ рабочаго къ другому землевладѣльцу изъ-за нѣсколькихъ лишнихъ рублей.

— Ну, будетъ тутъ стычка у васъ съ Порфириемъ!

— Милости просимъ! Да только кончится-то она не въ его пользу: оба дѣла—Брусилова, и рѣшены совершенно правильно; Порфирьевъ, съ его предвзятымъ либерализмомъ, останется въ одиночествѣ.

— Административныя я прочелъ; надо будетъ, Юрій, поддержать двухъ забытыхъ вдовъ, по участку Язвина: жметъ ихъ, сердечныхъ, пьяный міръ за то, что четвертной выставить они не могутъ!

— Просматривалъ... По моему, оба рѣшенія правильны. Отмѣнить ихъ—это, сознательно, пустить по міру безпомощныхъ бабъ съ ихъ босоногими малышами!

— Похлопочи Юрій!

— Непремѣнно, Иванъ Константиновичъ.

— Поздравь меня, помолчавъ, сообщилъ генералъ:— „Ольхино“ въ аренду сдалъ. Баумана знаешь? Нѣмецъ солидный и денежный... Въ Ольхинѣ хочетъ сыроварню открыть.

— За сколько сдали?

— За тысячу двѣсти; аренда за полгода впередъ, пять сотъ рублей залога. Шестьсотъ рублей ужъ я получилъ. Сдалъ на шесть лѣтъ.

— Ну, я вижу дѣлать мнѣ здѣсь больше нечего: теперь ужъ хозяйственные разговоры пошли, вставая и укладывая въ корзинку свою работу, сказала Марья Николаевна:—пойду письма писать; Юрій, вы не отобѣдаете-ли у насъ?

— Съ удовольствіемъ! вставая, отвѣтилъ молодой человѣкъ;—но до обѣда позвольте мнѣ сѣздить по дѣлу.

— Пожалуйста! Только имѣйте въ виду, что мы обѣдаемъ ровно въ пять часовъ.

— Теперь я вполнѣ благодушествую, продолжалъ, по уходѣ жены, Иванъ Константиновичъ:—никакихъ столкновеній съ рабочими, никакихъ заботъ... Ожилъ просто. Лѣ-

томъ буду отдыхать въ своемъ домикъ, заниматься огородомъ, засаживать клумбочки цвѣтами, подчищать въ саду деревья... Новый топорикъ купилъ—англійскій... Безъ житья въ деревнѣ намъ, дворянамъ средняго достатка, не обойтись; очень ужъ мы привязаны къ землѣ! Но въ послѣдніе года, Юрій, много перенесъ я неприятностей съ усадьбой: староста попался мнѣ дрянной: лѣнтяй, ничего не понимающій и совсѣмъ не распорядительный. Рекомендовали мнѣ его какъ трезваго, честнаго—и дѣйствительно онъ оказался такимъ, но что мнѣ въ этихъ качествахъ, когда, своею нераспорядительностію, онъ постоянно вводилъ меня въ убытки! У людей сѣнокосъ почти конченъ, а у меня еще съ удобреніемъ возятся: надо рожь жать, а у насъ клеверъ косятъ и т. д. Приходилось постоянно поденщиковъ прихватывать и платить дорого. А въ прошломъ году до того затыпулъ работы, что дождался дождей, сгноилъ около пятисотъ пудовъ клевера и весь овесъ пришлось молотить прямо съ поля! Такъ вотъ, Юрій, каково было хозяйство! Хорошо, что у меня подмога есть: пещія да капиталшко, а то хоть волкомъ вой! А самому стоять съ батожкомъ на полѣ и всюду совать—не по моимъ годамъ: да, состоя постоянно на службѣ, мнѣ и не въ привычку!—Боюсь я вотъ, какъ-бы у насъ аграрные безпорядки не начались: подлещи-то лугають... На югѣ были уже случаи погромовъ усадебь...

Врядъ-ли у насъ дойдетъ до этого: народъ нашъ разсудительнѣе южанъ и не такъ впечатлителенъ... Да и признаковъ нѣтъ. Цѣны на рабочихъ, въ нашей мѣстности, почти не повысились, особенныхъ безпорядковъ не было. Дѣнь и плутовство такія-же, какъ и были, отношенія къ землевладѣльцамъ остались тѣ-же. Ничего вызывающаго, никакихъ броженій въ крестьянской средѣ я не замѣчалъ. Посѣщали и насъ агитаторы, да не солонс хлебали: однихъ представили по начальству, другихъ „поучили“.

— Дай-то Богъ;—Ну а ты какъ справляешься?... Впрочемъ у тебя Андрей Карповъ—живъ онъ?

— На счастье мое здравствуетъ! Не будь его—я-бы не зналъ, какъ и управиться съ Волянскимъ, въ особенности въ самомъ началѣ... Золотой человекъ!

— Да, золотой... И не только какъ староста, а какъ преданный человекъ! Отецъ твой вѣрилъ ему какъ испы-

танному другу, любилъ какъ родного! Вотъ поди-жь ты: бывший крѣпостной. Слышалъ я, что и ты самъ, послѣ паузы, продолжалъ Ольхинъ,—очень привязался къ хозяйству... что-жь, доброе, голубчикъ, дѣло: въ твои года и надо работать, благо служба дозволяетъ.—А охота? По прежнему бродишь, все тотъ-же у тебя курляндецъ. „Бой“ кажется?

— Да; и мать его жива: „Леди“. Въ началѣ мая была очень порядочная тяга вальдшнеповъ: шесть штукъ убилъ я какъ-то въ одинъ вечеръ,—это не часто бываетъ! Нынче выводковъ много будетъ: весна была чудная, сухая, безъ утренниковъ. Вотъ-бы пріѣхали ко мнѣ, пострѣляли. Ужь я ублажилъ-бы васъ, Иванъ Константинычъ!

— Спасибо, милый! Можетъ и пріѣду.. Старенекъ, братъ, становлюсь!... На дупелей еще туда-сюда, а на тетерева не подь силу... Особенно въ кочкарникѣ. Да и Ральфъ-то-мой на ноги садиться сталь...

А въ Ольхино когда?

— Да черезъ недѣльку... Что у насъ сегодня, 22? (Юрій утвердительно кивнулъ головой). Ну, къ первому іюня переѣдемъ: сборы у насъ вѣдь не Богъ-вѣсть какіе; въ Ольхинѣ все необходимое есть, провизіи только захватить придется.

— Худо у васъ въ городѣ жить! послѣ паузы, замѣтилъ Вязминъ;—и по улицѣ-то пройти неприятно, въ особенности по Введенской, отъ трехъ до пяти: на солнечной сторонѣ учащаяся молодежь парами... бродятъ взадъ да впередь... Кричатъ, хохочутъ, толкаются... Рожи нахальныя, ухарство какое-то, хамское; того и гляди пристануть и скандалъ сдѣлаютъ... А на тѣневой сторонѣ у каждого магазина золоторотцы и дерзкіе мальчишки, нагло требующіе подачки!

— Да, опустивъ голову, вдумчиво сказалъ Ольхинъ:—по крайней мѣрѣ два молодыхъ поколѣнія въ конецъ загублены! Да и на подростковъ плохая надежда... И все это въ какіе-нибудь два-три года! Ужасъ беретъ, когда подумаешь, что всѣ эти развращенные недоучки могутъ очутиться во главѣ управленія Россіей, а разнузданныя, до потери женственности, дѣвчонки будутъ воспитывать русскихъ дѣятелей.

— Кто-то пріѣхалъ, объявила вошедшая Марья Николаевна,—съ краснымъ околышемъ.

— Вѣрно Кейзерлингъ или кто-нибудь изъ предводителей... Вели принять,—Юрій, не вязывайся ты ради Бога

въ спорѣ съ барономъ: еще по службѣ себѣ повредишь.. Ихъ вѣдь не передѣлаешь!

— Я лучше уѣду, Иванъ Константиновичъ, а то пожалуй и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь брякнут!

— И прекрасно; посиди для приличія минутку—другую и исчезай!

Послышался голосъ хозяйки и за нею вошелъ въ кабинетъ баронъ Кейзерлингъ, вице-губернаторъ, человѣкъ лѣтъ сорока, высокій, полный, съ однимъ лишь вѣнчикомъ, свѣтло-русыхъ волосъ на головѣ, небольшими усами и бородкой и бѣгающими хитрыми глазками на широкомъ, свѣжемъ лицѣ. Ото всей фигуры барона такъ и вѣяло корректностью, аккуратностью и какою-то елейностью. Тихо скользя по полу, съ пріятной улыбкой подошелъ онъ къ хозяину, поздоровался съ нимъ, подалъ руку Вязьмину, но уже присаняся, и опустился въ кресло возлѣ Ольхиной.

— Сейчасъ прочелъ въ агентскихъ телеграммахъ, поспѣшилъ объявить гостю,—что „Изумрудъ“ прорвался было по направленію къ Владивостоку, но ночью наскочилъ на камень и былъ взорванъ командиромъ, барономъ Ферзенемъ.

— А матросы? быстро спросила хозяйка.

— Свезены на берегъ.

— Ну слава Богу! облегченно вздохнула она.

— Удивляюсь, какъ это въ своихъ водахъ и подводныхъ камней не знаютъ! Вѣдь и въ мирное время у насъ постоянныя аваріи!

— Гдѣ уже тутъ послѣ боя, ночью, въ темнотѣ, съ единственною въ головѣ мыслью спастись какъ—нибудь отъ плѣна разбирать подводные камни! Строги ужъ вы очень, баронъ! заступился Ольхинъ.

— А еще что новенькаго? нетерпѣливо спросила Марья Николаевна.

— Пишутъ, что въ Цусимскомъ бою, вмѣстѣ съ японскими миноносцами, дѣйствовали подводныя лодки и англійскіе броненосцы; не совсѣмъ это лойяльно со стороны дружественной державы и такой высоко-культурной націи! Подладилса подъ тонъ хозяевъ Кейзерлингъ.

— Высоко-фальшивая нація! отрѣзаль генералъ:—Она и японцевъ на насъ натравила и помогаетъ имъ, она и революцію нашу субсидируетъ, вмѣстѣ съ жидами! Давно бы

пора намъ Индію поднять!.. Вотъ вамъ и благодарность за наше глупое поведеніе въ Бурскую войну!

— Англійская печать доказываетъ бесполезность продолженія войны; американская полагаетъ, что для Россіи въ настоящее время миръ—лучшій исходъ.

— Еще-бы! перебилъ генералъ:—они боятся, что наша сухопутная армія разгромить японцевъ, война вступитъ въ новый фазисъ и англо-американскія денежки запищать.

— Сообщаютъ также о предстоящемъ вмѣшательствѣ Франціи и Англии.

— Да какъ они смѣютъ вмѣшиваться въ наши дѣла? воскликнула Марья Николаевна.—И какъ это было-бы нечестно со стороны Франціи!

— Какая уже честность у дипломатовъ! замѣтилъ Иванъ Константиновичъ:—души соперника, разъ ему плохо приходится—вотъ ихъ правило!

— Впрочемъ, успокоительно добавилъ Кейзерлингъ,—другія газеты утверждаютъ, что Франція не возьметъ на себя инициативы безъ согласія Россіи.

— Да въвязываться-то ей въ интриги Англии вовсе не слѣдуетъ! замѣтила хозяйка;—Павель Федорычъ, обратилась она къ гостю, —о Рождественскомъ есть что-нибудь новенькое?

— Говорятъ, что когда онъ пришелъ въ себя и узналъ, что захваченъ въ плѣнъ, то будто-бы обратился къ капитану миноносца „Вѣдовый“ со слѣдующими словами: „вы обязаны были застрѣлить меня, а не допускать, чтобы командующій флотомъ былъ взятъ въ плѣнъ!“—Но я думаю, что эта красивая фраза придумана газетами извѣстнаго направленія, чтобы ослабить озлобленіе публики противъ бездарнаго флотоводца!

— Вязьминъ вспыхнулъ и готовъ уже былъ осадить гостя, но, встрѣтивъ серьезный взглядъ генерала, торопливо поднялся съ своего мѣста и вышелъ изъ кабинета.

— Ну, баронъ, зачѣмъ такъ рѣзко? спокойно замѣтилъ Ольхинъ.—Рождественскій морякъ педюжинный, честный и храбрый!.. Проходу его черезъ малакскій проливъ рукоплескали даже его недруги! Исторія выяснитъ настоящихъ виновниковъ нашей неудачи.—А правда, что Увертышевъ звѣзду получилъ? спросилъ онъ, помолчавъ.

— Да; и знаете, скажу безпристрастно, по заслугамъ

Вездѣ погромы, убійства, бросаніе бомбъ, а у насъ тишь да гладь. Много надо имѣть такта, ума и находчивости! И вѣдь безъ войска обходимся—вотъ что замѣчательно!

— Генераль что-то промышчалъ, а Марья Николаевна не вытерпѣла:

— Все до поры до времени, Павелъ Ѳедорычъ! А что будемъ мы дѣлать, когда неожиданно произойдетъ взрывъ?... Вѣдь у насъ въ городѣ пропасть ссыльныхъ, кромѣ мѣстныхъ революціонеровъ, и всѣ они, говорятъ, вооружены!

— Полноте, Марья Николаевна; эти страхи нарочно распространяютъ разные хулиганы.. Революціонеры прекрасно понимаютъ, что имъ не расчетъ бунтовать, пока Николай Николаичъ губернаторомъ!

— Ну дай Богъ! сказалъ Ольхинъ;—А вотъ зачѣмъ администрація озлобляетъ мирныхъ землевладѣльцевъ своими дракоповскими мѣрами, по поводу взысканія земскихъ недоимокъ? Вдругъ въ маѣ, когда ни у кого денегъ нѣтъ, когда наоборотъ приходится лѣзть въ долгъ, чтобы содержать рабочихъ, взыскиваетъ полностью всѣ недоимки, накопившіяся за нѣсколько лѣтъ, угрожая описью и продажей даже движимости! Вѣдь это Богъ знаетъ что!

— Что-же намъ дѣлать, Иванъ Константиновичъ, когда изъ Петербурга требуютъ этого и требуютъ усиленно?

— Но вѣдь это разгромъ массы мелкихъ хозяйствъ, Павелъ Ѳедорычъ! Полное раззореніе владѣльцевъ и пониженіе цѣнности имѣній! Не только теперь, когда доходовъ нѣтъ, а есть только расходы, но и въ сентябрѣ—октябрѣ нельзя продавать сельскіе продукты, потому что хлѣбъ не вымолоченъ, цѣны еще не установились, рабочіе не рассчитаны. На то зима. Да и зачѣмъ администрація допускала, изъ года въ годъ, накопленіе недоимокъ, а теперь разомъ требуетъ уплату всей суммы? Вѣдь платить по мелочамъ куда легче, чѣмъ внести вдругъ крупный кушъ... Да и откуда его взять?—Знаете что баронъ: невольно приходитъ на мысль, не умышленно-ли это дѣлается, чтобы понизить цѣнность имѣній, облегчить покупку ихъ крестьянскимъ банкомъ, для выгодной перепродажи ихъ крестьянамъ, а можетъ быть и жидамъ!

— Полноте, Иванъ Константиновичъ: да развѣ это возможно! Я согласенъ съ вами, мягко замѣтилъ Кейзерлингъ,

— что мѣра эта—суровая, даже скажу небезопасная, но что же дѣлать; земскія кассы пусты, земствамъ нечѣмъ оплачивать даже текущіе расходы.

— А кто контролировалъ и контролируетъ эти расходы? Само земство? Вамъ должно-быть хорошо извѣстно, какъ мало стѣсняется оно въ расходованіи кровныхъ земскихъ денегъ? Грошъ идетъ на дѣйствительныя нужды населенія, а рубль на политическія затѣи, на прокормленіе цѣлой арміи туеядцевъ и бунтарей, на развращеніе дѣтей и подростковъ, на разрушеніе, путемъ всевозможной пропаганды, вѣковыхъ устоевъ государства, на борьбу съ Самодержавіемъ!

— Но вѣдь нельзя-же не прислушиваться къ голосу земства, Иванъ Константинычъ! Нельзя не считаться съ его требованіями!.. Какъ хотите, земство—вѣдь сила!

— Согласенъ; земство покамѣстъ сила; скажу даже больше: революціонная сила! Но подобную силу уничтожаютъ, а не поддерживаютъ! Въ благоустроенномъ государствѣ должна существовать только одна сила: твердое, несокрушимое, какъ скала—Правительство!.. Вы вотъ хлопочете о томъ, чтобы пополнить пустыя земскія кассы, и готовы разорить для этого мирныхъ труженниковъ... А чѣмъ гарантируете вы этихъ несчастныхъ, что внесенныя ими, съ такимъ трудомъ, деньги не пойдутъ на вооруженіе милиціи, для охраны г. Толстопятова и его шайки, на изготовленіе бомбъ, на подкупъ бомбистовъ и убійцъ, на созданіе развращающихъ школъ и крушеніе всей державы російской? Не потому-ли „темные“ крестьяне, какъ высокомѣрно величаетъ ихъ интеллигенція, отказываются платить земскія повинности?

— Однако мнѣ пора, заторопился Кейзерлингъ, вставая и пріятно улыбаясь: у меня еще много визитовъ, а воскресенье—единственный у насъ, служащихъ, свободный для этого день. Онъ, съ изысканною вѣжливостію, простился съ хозяевами и, провожаемый Иваномъ Константиновичемъ, вышелъ изъ кабинета.

XIII.

Дня черезъ три, недалеко отъ сѣзда, Вязьминъ встрѣчалъ Львинскую:

Что васъ давно не видно? оживленно спросила она.

— Утро въ сѣздѣ, вечеромъ у добрыхъ знакомыхъ, приподнимая фуражку и пожимая протянутую руку, отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Отчего сегодня вы такъ рано освободились? Трехъ часовъ еще нѣтъ...

— Сѣздъ закрыли и завтра я уѣзжаю; вы домой?

— Да; и если вы никуда не торопитесь—пройдемтесь.

Съ удовольствіемъ... И буду говорить съ вами о *ретроградныхъ* предметахъ!

— Вы однако злопамятны, идя рядомъ съ Юріемъ и взглянувъ ему въ глаза, усмѣхнулась дѣвушка.— Да, вы—ретроградъ, но это не мѣшаетъ вамъ быть пріятнымъ собесѣдникомъ!

— Тронуть до глубины души! приложивъ руку къ сердцу, сказалъ Вязьминъ: и, для почину, употреблю всѣ старанія, чтобы васъ разсердить!

— Это для чего? удивилась Инна.

— Мнѣ почему-то кажется, что когда вы разсердитесь и ваши черные, какъ вишни, глаза занскрятся, а на щекахъ вспыхнетъ румянецъ—вы должны быть замѣчательно красивы!

— Вадоръ вы говорите, вся зардѣвшись, отвернулась дѣвушка.

— Вѣрно, вѣрно... У васъ одинъ только недостатокъ и есть, но зато крупный!

— Какой? повернувшись къ Юрію, спросила Инна.

— У васъ холодная красота.

— То есть неодушевленная, какъ у Галатеи? Возможно: никто не оживилъ еще эту Галатею!—Однако, г. ретроградъ, разговоръ мы ведемъ весьма прогрессивный!

— Да я ретроградомъ себя не считаю... Вы приклеили мнѣ этотъ ярлыкъ!

— Ну, бросимъ это... Гдѣ побывали вы за это время?

— Былъ у Ольхиныхъ, обѣдалъ и очень сожалѣлъ, что васъ не было; вы на какую-то глупую лекцію ходили?

— Почему глупую?

— Да въ настоящее время всѣ лекціи, о чемъ-бы ни, началъ лекторъ, въ концѣ концовъ сводятся къ одному: „дойди Самодержавіе!“, „разоряй Россію елико возможно, бей жги, грабь!..“ Все это очень глупо и до нельзя противно!..

Простите, Инна Александровна, но удивляюсь, какъ вы, дѣвушка образованная, воспитанная, посѣщаете сборище какихъ-то „товарищей“, которымъ даже слово „порядочность“ неизвѣстно!

— Я не одна была...

— Знаю... съ Григоріемъ Андреемъ, но вѣдь это дѣла не измѣняетъ.

Освѣжиться захотѣлось, людей повидать и послушать... Миѣ скучно у Ольхиныхъ... Постоянный надзоръ, допотопные взгляды...

— Полноте... Все это вамъ кажется!.. Ольхины—чуждые люди и любятъ васъ истинно... Неужели вамъ у Мерцаловыхъ лучше?

— Еще-бы! У нихъ весело, много бываетъ... Тамъ я совершенно свободна, никакихъ стѣсненій. Что-бы я не дѣлала, не говорила—ни малѣйшаго замѣчанія! А ужъ до чего ласкова Анна Павловна!

— Первое доказываетъ, что Аннѣ Павловнѣ ни тепло, ни холодно, какъ вы себя держите и что говорите, а второе—она, по слухамъ, со всѣми любезна и ласкова. Есть такіе люди, силящіеся угодить всѣмъ и никого дѣйствительно не любящіе! А Марья Николаевна смотритъ на васъ какъ на родную дочь и конечно желаетъ, чтобы васъ хвалили, а не критиковали.

— Ничего этого миѣ не нужно, перебила его Львинская:—миѣ двадцать одинъ годъ и никакихъ стѣсненій я не потеряю! Свобода прежде всего! Быть независимой—вотъ настоящее счастье!

— Недостижимое, прибавьте.

— Это вы намекаете на то, что я небогата, что на свои доходы не смогу прожить? вспыхнувъ, сказала дѣвушка.— На всякій доходъ, Юрій Александровичъ, я съумѣю прожить! Откажу себѣ во всемъ, но одолжаться никому не стану! Хочу быть независимой и буду!

— Намеровъ я никакихъ не дѣлалъ да и не позволю себѣ дѣлать, Инна Александровна... Я повторилъ вамъ только давно извѣстную истину: нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который былъ-бы вполнѣ независимъ!

Они подошли къ дому Ольхиныхъ и Львинская спросила Вязьмина:

— Зайдете?

— Простите, некогда.

— Дуетесь?

— И, не думаю. За что?

— Къ Сахарову вѣроятнo направляетесь?

— Угадали. Къ моему милому старичку!

— И увидите тамъ его милую племянницу?

— Это почему? удивился Юрій.

— А почему ей тамъ не быть?

— Потому что у Сахаровыхъ она бываетъ не часто; она такъ занята, что ей не до гостей.

— Это вы въ мой огородъ камешки забрасываете? Бросайте пожалуй! Я вѣдь не скрываю, что, хотя и кончила курсъ съ дипломомъ, но возиться съ учениками неспособна и не желаю... Я слишкомъ вспыльчива и несдержанна!

— Честь имѣю кланяться! приподнявъ онъ фуражку.— Вы совершенно напрасно заподозрили меня въ бросаніи камешковъ!

— До свиданія! протягивая руку и улыбаясь, сказала Инна. Въ Ольхино будете заглядывать?

— Конечно! Но для васъ вѣдь это никакого значенія не имѣетъ; вы будете проживать у Мерцаловыхъ.

— Могу и домой вернуться, если понадобится! размѣялась дѣвушка: не Богъ вѣсть какое разстояніе!

„Вотъ такъ прозорливая!“ войдя въ переднюю Сахароваго дома и услышавъ голосъ молодой Канищевой, подумалъ Вязьминъ:—„откуда это Лъвинская узнала, что Зоя будетъ сегодня здѣсь?“

Онъ прошелъ въ столовую и засталъ Ольгу Николаевну съ Канищевой за чаемъ; Петръ Николаевичъ не приходилъ еще изъ урaвы.

— Вотъ это кто! Что такъ рано? радостно встрѣтила гостя Ольга Николаевна; хотите пирога съ говядиной; чаю вѣдь вы пить не будете?

— Не буду, а пирожка позвольте.

Онъ поздоровался, принявъ кусокъ пирога и обратился къ дѣвушкѣ:

— И, можетъ-быть, сегодня не успѣю къ вамъ заѣхать, Зоя Владиміровна,—дѣлъ много, а завтра хочется выѣхать пораньше,—такъ когда прикажете посылать за вещами и лошадей за вами?

— Бабинька рѣшила ѣхать въ среду, перваго іюня,—такъ ужъ будьте добры послать въ понедѣльникъ двѣ подводы, а сами мы на почтовыхъ пріѣдемъ—тарантасъ у насъ есть.

— До первой станціи, Зарѣчья, я согласенъ, по въ Зарѣчьѣ васъ будетъ ждать моя тройка: такой былъ уговоръ, Зоя Владиміровна! улыбнулся Юрій.

— Ну хорошо... А лошади у васъ не бѣшенныя?

— Агнцы! И кучеръ вина въ ротъ не беретъ.

... Вотъ и прекрасно, а то бабинька ужасно боится рѣзвыхъ лошадей.

— Да какъ ей не бояться: вѣдь ее чуть не убили! вмѣшалась Ольга Николаевна.—Представьте, обратилась она къ Вязьмину:—ѣхала Надежда Васильевна въ Раково, къ теткѣ... давненько это было... На десятой верстѣ—гора, и порядочная, а внизу рѣка, плохенькій мостъ, а передъ нимъ постоянный дворъ. Лошади были чудныя: сѣрыя въ яблокахъ, какъ теперь помню. Чего-то онѣ испугались да и подхватили подъ гору; кучеръ сдержать не могъ... Хорошо что догадался направить ихъ на стѣну сарая: тройка въ нее ударилась, коренная убилась на мѣстѣ, кучеръ слетѣлъ съ козелъ и сломалъ себѣ ногу, а Надежда Васильевна, какимъ то чудомъ, усидѣла въ коляскѣ; застегнутый фартукъ должно быть ее удержалъ. Ну, конечно, перепугалась страшно!

— Еще-бы! Счастье, что сарай случился: могъ-бы и въ рѣку угодить!

— И утопить! добавила Ольга Николаевна.—Рѣка хоть и не широка да глубока, а мостъ—узенькій, периламъ конечно-бы не удержать...

— Да еще попали-ли бы на мостъ!

— Господь сохранилъ! убѣжденно замѣтила Зоя: бабенка-вѣдь всегда была богомольна!

— Зоя Владиміровна, вы не говорили М-ле Львинской, что собираетесь сюда сегодня? послѣ паузы спросилъ Юрій.

— Говорила... Съ часъ тому назадъ я встрѣтила ее на Покровкѣ.—А что?

— Я тоже ее встрѣтилъ; и когда сказалъ, что я иду сюда—она предупредила меня, что вѣроятно я застаю васъ здѣсь. Я удивился ея прозорливости! улыбнулся молодой человѣкъ.

Вошла Наталья и вызвала Ольгу Николаевну.

— Добрая, кроткая старушка! глядя вслѣдъ уходящей Сахаровой, вполголоса сказала Зоя:—вся въ Богъ и братъ! Что было-бы съ дядюшкой, если бы не она: за каждымъ его шагомъ слѣдить, тренещеть за всякую малость, успокаиваетъ его во всякомъ пустякѣ... Нервень дядя: все его трогаетъ, раздражаетъ... Воспримчивъ не по лѣтамъ... И надо отдать справедливость Ольгѣ Николаевнѣ: умѣло она его успокаиваетъ. Вотъ съ эдакими людьми отраднo жить!—Ни за что не рѣшилась-бы жить въ большомъ городѣ, послѣ наузы, продолжала Канищева,—а тѣмъ болѣе въ противномъ, бездушномъ Петербургѣ! Во всѣхъ настроеніяхъ нашихъ, смутахъ—онъ всегда виноватъ!.. И люди-же тамъ: эгоисты, холодные...

— И у насъ такіе найдутся!

— Въ высшихъ слояхъ—не спорю: большинство пріѣзжихъ крупныхъ служащихъ, вкусившихъ отъ столичнаго древа зла, такіе-же себялюбцы; за то сколько у насъ бабинецъ, Сахаровыхъ, Ольхиныхъ и другихъ! Вѣдь эти люди живутъ чѣмъ-то высшимъ, а не одной злобой дня. Для нихъ люди не объекты, нужные или ненужные, а Божьи созданія. И знаете что: я твердо увѣрена, что если Господь смилуется надъ нами, не дастъ погибнуть Россіи, то только ради этихъ простецовъ и тѣхъ коренныхъ русскихъ людей, которыхъ еще не испортила пресловутая культура и въ которыхъ теплится, хотя и подъ спудомъ, искра Божія!—Что вы на меня такъ пристально смотрите? нѣсколько смущенно спросила дѣвушка.

— Дивлюсь... Слова ваши совсѣмъ не похожи на то, что я привыкъ слышать кругомъ... Они бодрятъ, они...

— Ну, очень рада, торопливо перебила его Зоя;—а вы вотъ что мнѣ скажите: есть у васъ рояль въ Волинскомъ?

— Есть... и фабрики давно извѣстной: Шредера.

— Не очень разбитъ?

— Играть можно; я недавно настройщика даже приглашалъ; Дмитрій привезъ. Вѣдь онъ какъ пріѣдетъ ко мнѣ—такъ сейчасъ и за пѣніе.

— Чудный голосъ! И манера прекрасная... Я оттого о рояли и спрашивала, что надѣюсь услышать лѣтомъ пѣніе Дмитрія Никитича... Вѣдь онъ часто у васъ бываесть?

— Частенько; мы большіе друзья.

Она помолчала немного.

— Удивляюсь... Какъ съ такимъ голосомъ онъ не пошелъ на сцену... вѣдь могъ себѣ карьеру сдѣлать...

— Конечно могъ... Другой, на его мѣстѣ, большіе-бы деньги зарабатывалъ, тѣмъ болѣе что у него талантъ довольно разнообразный: онъ и драму не испортитъ и въ водевилѣ хорошъ, а про оперу и говорить нечего. N—скіе старожилы до сихъ поръ помнятъ, какой фуражъ производилъ Дмитрій на любительскихъ спектакляхъ.

— И что-же: талантливый человекъ—и вдругъ исправникъ!

— На сценѣ онъ былъ, Зоя Владиміровна, и довольно долго, сейчасъ-же послѣ смерти отца поступилъ... Раньше не хотѣлъ, боясь огорчить его. Дѣла Дмитрія шли прекрасно, антрепренеры имъ дорожили и его любили... Была даже возможность попасть ему въ Петербургъ, въ русскую оперу...

— А до тѣхъ поръ служилъ Дмитрій Никитичъ?

— Чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, потомъ земскимъ начальникомъ; довольны имъ были... Вѣдь Дмитрій—малый умный, дѣльный и не лѣнивый... И характера прекраснаго... Горячъ только бываетъ и черезчуръ смѣлъ.— Не по душѣ была ему государственная служба, помолчавъ, продолжалъ Вязьминъ:—на сцену тянуло...

— Почему-же онъ ее бросилъ?

— Любовь замѣчалась! Отецъ оставилъ ему двадцать тысячъ; получая хорошій гонораръ, онъ ихъ не трогалъ, а потомъ, какъ влюбился, нарушилъ контрактъ и увезъ свой предметъ за границу—денежки пошли въ ходъ. Какъ онъ тамъ жилъ не знаю, но лѣтъ пять тому назадъ Дмитрій, съ остаткомъ родительскаго наслѣдства, около восьми тысячъ, вернулся сюда и, по ходатайству покойнаго губернскаго предводителя, Ермолина, друга его отца, былъ опредѣленъ здѣшнимъ полицмейстеромъ. Года черезъ два Ермолинъ умеръ; губернаторъ Голоушевъ, которому давно хотѣлось назначить полицмейстера своего протеже, воспользовался

этимъ и, придравшись къ чему-то, причислили Дмитрія къ губернскому правленію. Но и Голоушева вскорѣ убрали. Новому губернатору, Увертышеву, Ольхинъ не далъ и осмотрѣться хорошенько и выхлопоталъ Дмитрію мѣсто исправника въ смежномъ со мною уѣздѣ Раменскомъ. Теперь, пока Ольхинъ живъ, Дмитрій сидитъ крѣпко.

Почему-же Дмитрій Никитичъ не женился на той дѣвушкѣ, которую такъ любилъ?

— Право не знаю... Думаю, что онъ вообще никогда не женится... Малый онъ лихой, свободу любитъ...

— А развѣ женатому нельзя ее сохранить?

— Ну, Зоя Владиміровна, усмѣхнулся Вязьминъ,—вы такой вопросъ задаете, на который отвѣтить нелегко: свобода свободѣ рознь и взгляды на свободу различны. Это совершенно отъ человѣка зависитъ.

— Да, вы правы, подумавъ, согласилась Канищева:—прибавлю: зависитъ и отъ обстоятельствъ.

Вернулась Ольга Николаевна и Зоя стала прощаться.

— Итакъ въ понедѣльникъ, тридцатаго, двѣ подводы будутъ у васъ на дворѣ, провожая дѣвушку, подтвердилъ Юрій,—а въ среду, около полудня, тройка моя будетъ ждать въ Зарѣчѣ. Будьте добры передать мой глубокій поклонъ Надеждѣ Васильевнѣ... Временемъ приѣзда пожалуйста не стѣсняйтесь: лошадамъ работы у меня немного и они не утомлены, а обѣдъ будетъ ждать васъ до вечера.

XIV.

Село Волынское, съ деревнями, пустошами и разными угодьями, во второй половинѣ XVII столѣтія, считалось однимъ изъ самыхъ крупныхъ имѣній N-ской губерніи. Оно пожаловано было царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Борису Кирилловичу Вязьмину, боярину и любимцу царя, за ратные подвиги и труды по государеву дѣлу. Приписанныхъ къ имѣнію крестьянъ числилось свыше двухъ тысячъ душъ. Съ теченіемъ времени имѣніе, конечно, все уменьшалось и уменьшалось: небольшія усадьбы, приселки, деревни, пожни, лѣсныя дачи, при раздѣлахъ между наслѣдниками, отрѣзались, продавались и дарились все чаще и чаще, но центральная усадьба—Волынское, въ концѣ XVIII столѣтія, при

прадѣль Юрія, Иванъ Леонасьевичъ, все еще считалась барскимъ и доходнымъ имѣніемъ. Большой каменный двухэтажный домъ съ двумя флигелями по бокамъ, соединенными съ нимъ галлереями, высился на возвышенномъ берегу довольно широкой и глубокой рѣчки Сямжи; обширный садъ спускался отъ дома къ рѣкѣ и охватывалъ его и прилежащія къ нему хозяйственныя постройки съ сѣверо-западной и южной сторонъ, примыкая на послѣдней къ большому огороду. Аллеи изъ смородины, красной, бѣлой, черной, крыжовника и малины разныхъ сортовъ, дѣлили огородъ на части, засаженныя овощами, клубникой, ананасной земляникой и лекарственными растеніями: мятой, калугеромъ, ромашкой и другими, для домашняго обихода. Отъ сада огородъ отдѣлялся высокимъ валомъ, плотно поросшимъ черемухой, рябиной, орѣшникомъ, защищавшими гряды отъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ, и спускался къ большому пруду, на берегу котораго, прямо на югъ, стояли оранжереи: персиковая, сливная, цвѣточная и сарай: вишневый и грушевый. Недалеко отъ нихъ и пруда, на половину закрытый кустами и деревьями, видѣлся красивый и просторный домикъ старшаго садовника и его семьи, а за нимъ огороды дворовыхъ людей, конюшни, скотъ и дворы и мелкія постройки. Противъ нихъ, черезъ улицу, на равныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ, размѣщались флигеля дворовыхъ, рабочихъ и прочія службы. Тщательно выстриженныя изгороди изъ боярышника тянулись между построекъ. Улица эта, или вѣрнѣе шоссе, заворачивала мимо барскаго дома и его флигелей и, черезъ большія каменные ворота, выходила подъ прямымъ угломъ на широкую почтовую дорогу, обсаженную столѣтними липами, спускавшуюся, параллельно оградѣ сада, къ мосту черезъ р. Сямжу. Правѣ моста, рѣка была запружена: на берегахъ шумѣла мукомольная мельница и пильная; пониже ихъ, по теченію, на лѣвомъ берегу видѣлась большая псарня, окруженная частоколомъ, съ избами для охотниковъ, закутками для собакъ и кухней. За мостомъ аллея продолжалась; съ лѣвой ея стороны тянулись постройки большого винокуреннаго завода и флигеля рабочихъ, а направо, въ полуверстѣ, изъ-за молодого лѣса, высились шатровыя колокольни двухъ старинныхъ церквей, приходской и сооруженной пред-

комъ Вязьмина, стольникомъ Аѳанасіемъ Борисовичемъ, для погребенія, въ усыпальницѣ при ней, дворянъ рода Вязьминныхъ.

Прадѣдъ Юрія былъ человѣкъ хозяйственный и расчетливый; порядокъ въ его имѣніяхъ, а въ особенности въ Волынскомъ, былъ образцовый. Иванъ Аѳанасьевичъ прослужилъ недолго въ кавалергардахъ, вышелъ потомъ въ отставку и, занимаясь хозяйствомъ, два трехлѣтія пробылъ предводителемъ N-скаго уѣзда. Дѣтей у него было шесть: сынъ и пять дочерей; послѣднихъ онъ повывалъ замужъ, съ приличнымъ приданымъ, а сыну, Ѳедору Ивановичу, оставилъ Волынское, хотя нѣсколько и пообрѣзанное, но все-таки, какъ тогда говорили, „кормиться отъ него было можно и даже по барски“. Но Ѳедоръ Ивановичъ не по отцу пошелъ: неокончивъ курса въ благородномъ пансіонѣ, при царскосельскомъ лицейѣ, онъ опредѣленъ былъ отцомъ въ лейбъ-гвардіи уланскій полкъ юнкеромъ, а черезъ два года произведенъ въ офицеры. Стояли тогда уланы въ Стрѣльнѣ, недалеко отъ Петергофа, и жили широко; это было въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Ѳедоръ Ивановичъ, хотя и получалъ отъ отца, на содержаніе, достаточныя деньги, но ими не довольствовался, лѣзъ въ долги и, благодаря ростовщикамъ, вскорѣ довелъ свою задолженность до того, что въ двадцать шесть лѣтъ вынужденъ былъ покинуть полкъ. Иванъ Аѳанасьевичъ долги заплатилъ, безпутнаго сына, гвардіи поручика, перевезъ въ Волынское, опредѣлилъ на службу по дворянскимъ выборамъ и года черезъ два женилъ на мѣстной дворянкѣ, во всѣхъ отношеніяхъ прекрасной дѣвушкѣ, но съ небольшимъ „прилагательнымъ“. Впрочемъ, за послѣднимъ Иванъ Аѳанасьевичъ и не гнался: „человѣкъ нуженъ, а не деньги“, рассуждалъ онъ:—„деньги дѣло наживное!“—Жили молодые дружно, въ самомъ городѣ N., но конечно не размахисто, какъ-бы хотѣлось Ѳедору Ивановичу: глазъ Ивана Аѳанасьевича зорко слѣдилъ за сыномъ. Вскорѣ однако глазъ этотъ закрылся на вѣки и Ѳедоръ Ивановичъ, похоронивъ отца и выждавъ конецъ осени, когда въ Петербургѣ съѣзжаются всѣ крупные сановники и въ министерствахъ начинается серьезная работа, поспѣшилъ въ столицу поискать себѣ какое-либо хорошо оплачиваемое мѣсто на государственной

службѣ. Жена и сынъ были конечно оставлены въ N. По прїѣздѣ въ Петербургъ, Ѳедоръ Ивановичъ тотчасъ-же возобновилъ прежнія, не успѣвшія еще забыться, знакомства и связи, укрѣпилъ ихъ еще болѣе за бутылкою „Клико“ или „Моэта“, пробрался и въ высшія и низшія нужныя сферы и, развернувшись во всю, сталъ ждать у моря погоды. Чтобы не стѣснять себя, Ѳедоръ Ивановичъ бросилъ дворянскую службу и, какъ только кончилась ростепель, перѣѣхалъ съ женой и сыномъ въ Волинское. Сойдясь, по прїѣздѣ изъ Петербурга, почти со всѣми вліятельными людьми города N., Ѳедоръ Ивановичъ зажилъ открыто; Волинское оживилось. Домъ былъ почищенъ и обновленъ, флигеля для гостей отремонтированы, садъ и оранжереи приведены въ порядокъ. Гости въ Волинскомъ почти не переводились. Скорбѣла кроткая жена Ѳедора Ивановича, глядя на мотовство мужа и, какъ несвѣтская дама, тяготилась необходимостію постоянно занимать гостей, оставляя для нихъ, безъ материнскаго призора, нѣжно любимаго сына.

Такъ прошло лѣто и наступилъ сентябрь; помѣщики, у которыхъ были совоя охоты, стали готовиться къ выѣзду въ „отъѣзжее поле“: составлялись охотничьи кружки, распредѣлялись раіоны полеванья, дни охоты и дневокъ; для послѣднихъ намѣчались усадьбы помѣщиковъ, членовъ кружка, а также владѣльцевъ, не живущихъ въ N-ской губерніи. Стая гончихъ и борзыхъ Ѳедора Ивановича была чуть-ли не первой въ губерніи. Какъ ни аккуратенъ и бережливъ былъ Иванъ Аванасьевичъ, но перевести совую охоту не рѣшился: слишкомъ развита была въ немъ охотничья жилка, а уменьшить число собакъ—самолюбіе не позволяло. Да жаль было ему и старика Михайла Ѳедорова—доѣзжачаго и своего стремяпаго Евлашку, выжлятниковъ и борзятниковъ: все люди преданные, міхіе, охотники природженные... Куда ихъ дѣтъ?.. Продать—языкъ не повернется такое слово вымолвить; на другую службу или ремесло опредѣлить—не пригодны. „Ну, живите, какъ жили“, мысленно рѣшилъ Иванъ Аванасьевичъ,—„прокормимся, Богъ милостивъ.“—А было время, что Ѳедоръ Ивановичъ не на шутку побаввался, какъ-бы отецъ, изъ расчетливости, да не порѣшилъ бы псарню: охотничью жилку и онъ унаслѣдовалъ; прїѣзжая изъ полка въ отпускъ, Ѳедоръ Ивановичъ всегда

принаравливалъ его къ половинѣ сентября, чтобы принять участіе въ охотѣ, и вскорѣ сдѣлался настоящимъ охотникомъ.—Обновляя Волинское, Ѳедоръ Ивановичъ не забылъ конечно и псарню; какъ кавалеристъ, онъ прежде всего обратилъ вниманіе на лошадей; выбраковалъ ихъ тщательно и бракованныхъ замѣнилъ „донцами“; то-же послѣдовало, послѣ строгаго осмотра, и съ собаками. Охотниковъ одѣлъ вновь: имъ даны были кафтаны парадные и полевые; должности, начиная съ доѣзжачаго и кончая фельдшеромъ, имѣли разныя отличія; обозы: кухонный и съ припасами были увеличены и улучшены.

Предвкушая наѣздъ охотниковъ, скромная хозяйка с. Волинскаго уже съ половины сентября была въ хлопотахъ и заботахъ, да и было отчего: гостей наѣзжало порядочно; кромѣ крупныхъ охотниковъ являлись и мелкопомѣстные съ одной-двумя сворами; всѣхъ ихъ надо было распредѣлять по комнатамъ, ублажать, кормить. Флигелей бывало недостаточно—отводили помѣщенія въ домѣ. Надо было подумать и о псаряхъ, собакахъ и лошадяхъ; всѣ они требовали ночлега, ухода, кормленія. Суতোлка продолжалась около недѣли: сначала—день-другой отдыха, затѣмъ охота: брали отѣмы, ближайшіе къ Волинскому; черезъ каждые два дня была дневка, съ карточной игрой и приличной выпивкой, потомъ шли „охотой“ до новой стоянки, по росписанію. Въ усадьбахъ, гдѣ жили члены охотничьяго кружка, вся сводная охота гостила такъ-же, какъ и въ Волинскомъ, а въ имѣнія владѣльцевъ, жившихъ въ другихъ городахъ и разрѣшившихъ стоянку, высылались впередъ кухонные и хлѣбные обозы съ посудой, столовымъ и постельнымъ бѣльемъ и прислугой. Полеванье продолжалось три-четыре недѣли, смотря по осени; впрочемъ случалось, что если и выпадетъ снѣжокъ, но морозецъ не великъ—охота не прекращалась; метели и глубокій снѣгъ полагали только конецъ лихой забавѣ.

Такъ, не отказывая себѣ ни въ чемъ, жилъ помѣщикъ с. Волинскаго Ѳедоръ Ивановичъ Вязьминъ; жилъ пять лѣтъ: зиму въ N., лѣто въ усадьбѣ. Связей съ Петербургомъ онъ не прерывалъ и каждую зиму, мѣсяца на два, посѣщалъ, конечно одинъ, столицу, ради хлопотъ о службѣ. Какъ ни беззаботенъ былъ Ѳедоръ Ивановичъ, но и онъ

пришелъ наконецъ къ сознанию, что безъ казеннаго жалованья жить по прежнему нельзя, а уменьшить свои расходы, оставаясь въ N., сжаться—не позволяла амбиція. Необходимо на нѣкоторое время покинуть Волинское: отдаленныя пожни и пустоши, нѣкоторыя лѣсныя дачи, оброчныя статьи были уже проданы; необходимость заложить Волинское становилась все болѣе и болѣе неизбѣжной; но Федоръ Ивановичъ не унывалъ: какъ истый россиянинъ, онъ надѣялся, что „авось судьба поможетъ“... И вѣдь помогла! Умѣло распитыя, въ нужной компаніи, бутылки „Клико“ и „Мозта“ сдѣлали наконецъ свое дѣло: Федоръ Ивановичъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ городъ В., одной изъ центральныхъ губерній. Это было въ 1841 г. Вязьмину минуло только что тридцать шесть лѣтъ. Снова пощипавъ свои маестности и порѣшивъ царню, пеунывающій россиянинъ съ шикомъ прибылъ въ В., нанялъ домъ-особнякъ, поставилъ его на широкую ногу и сразу занялъ выгодную позицію. Служба пошла гладко, отношенія къ обществу установились прекрасныя.

Одиннадцатилѣтняго Сашу, будущаго Александра Федоровича и отца Юрія, опредѣлили въ гимназію. Учился онъ хорошо и, по окончаніи курса, восемнадцати лѣтъ, поступилъ въ петербургскій университетъ, на камеральный факультетъ, располагая служить по гражданскому вѣдомству; но Федоръ Ивановичъ, имѣя въ виду тогдашнее высокое значеніе военной службы, какъ бывшій кавалеристъ-гвардеецъ, тотчасъ-же прикомандировалъ сына къ одному изъ выдающихся кавалерійскихъ полковъ юнкеромъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, уже офицеромъ, привезъ его на показъ въ В. Конечно, такое событіе, по мнѣнію Федора Ивановича, не должно было пройти незамѣченнымъ—и роскошный балъ немедля ознаменовалъ пріѣздъ единственнаго сына вице-губернатора, красиваго кавалериста. Но кавалеристъ этотъ, подчинившись желанію отца, не раздѣлялъ его взглядовъ: онъ не любилъ ни военную службу, ни свѣтскій блескъ, ни роскошныя увеселенія. Серьезный, скромный, ни о какой карьерѣ не мечтавшій, онъ тяготился пребываніемъ въ сферѣ богатаго гвардейскаго полка, среди разгула лихой, но празднои молодежи. Его тянуло въ Волинское, къ землѣ, къ простымъ людямъ. Ему нравились не

блестящая, мишурная обстановка, не работа на показъ, ради прославленія своей дѣятельности, а ширь полей и лѣсовъ, житье простое, покойное, безъ борьбы за существованіе, вызванной безцѣльною роскошью и тщеславіемъ, работа, не бросающаяся въ глаза, но только полезная для себя и для ближняго, трудъ не для полученія отличій, а для успокоенія своей совѣсти, веселящій духовную сторону человѣка. Поэтому вполне понятно, что Александръ Θεодоровичъ, когда отецъ его, въ 1857 году, скончался отъ апоплексическаго удара, тотчасъ-же подалъ въ отставку и вмѣстѣ съ матерью переѣхалъ на жительство въ Волынское. Молодому помѣщику заботъ предстояло не мало: хозяйство по усадьбѣ и оброчнымъ имѣніямъ было заброшено; всплыли наружу долги и даже хищенія. Пришлось тотчасъ-же умѣрить расходы, ввести во все порядокъ и бережливость. Оранжереи и грунтовые сараи были уничтожены; огородъ оставленъ въ томъ-же размѣрѣ, но количество грядъ изысканныхъ овощей значительно уменьшено, а овощей, имѣющихъ мѣстный сбытъ, увеличено. Винокурный заводъ, въ виду его убыточности и предположенной правительствомъ питейной реформы, былъ закрытъ и постройки его проданы на сносъ; сломана была и пильная, а въ водяной мельницѣ, вмѣсто девяти, оставлены только три постава. Александръ Θεодоровичъ задался мыслию извлекать изъ всего пользу и уничтожать все походившее на прихоть. Улучшеніе быта крестьянъ было уже у всѣхъ на языкѣ; ожидалось чуть неполное раззореніе помѣстнаго дворянства. Не вѣря въ это, Александръ Θεодоровичъ тѣмъ не менѣе считалъ неизбѣжнымъ уменьшеніе доходовъ и цѣнности имѣній, но съ такой уступкой, по его мнѣнію, надо было мириться, ради общаго блага. Крестьянскую реформу Александръ Θεодоровичъ привѣтствовалъ въ самомъ ея началѣ, участвовалъ въ комитетахъ и совѣщаніяхъ и наконецъ утвержденъ былъ мировымъ посредникомъ того участка, въ предѣлахъ котораго находилось Волынское.

Къ этому времени относится и женитьба Александра Θεодоровича. О дальнѣйшей жизни и смерти его мы сказали уже выше; добавимъ что, благодаря неутомимому труду и бережливости родителей, Юрій унаслѣдовалъ Волынское, хотя и урѣзанное противъ того, какимъ оно было

вначалѣ при прадѣдѣ, но благоустроенное, безъ долговъ и съ доходомъ свыше двухъ тысячъ рублей, который впоследствіи несомнѣнно долженъ былъ увеличиться, въ виду того, что изъ восьмисотъ десятинъ, принадлежащихъ с. Волинскому—триста находились подъ лѣсомъ, преимущественно сосновымъ и весьма крупнымъ.

XV.

Канищевы прекрасно устроились въ отведенномъ имъ флигелѣ. Хотя до переѣзда ихъ въ Волинское оставалось только четыре дня для чистки и уборки комнатъ, но подъ надзоромъ Юрія работа кипѣла, и домикъ изъ нежилаго, ко дню пріѣзда постояльцевъ, принялъ видъ хорошенькой дачи. Онъ былъ деревянный, одноэтажный, на каменномъ фундаментѣ, съ рѣзбою по карнизамъ и наличникамъ оконъ, съ боковымъ подъѣздомъ на улицу и съ небольшой террасой въ садъ. Года два назадъ, Юрій ремонтировалъ флигель для станowego, намѣревавшагося переѣхать на жительство въ Волинское, но почему-то это не состоялось и флигель по прежнему остался безъ жильцовъ. Въ немъ было шесть небольшихъ комнатъ, передняя и кухня. Изъ старой обстановки оставлена была только лучшая, а вмѣсто забракованной принесена была изъ дома мебель и другія мелкія вещи: въ зальцѣ стоялъ недурной рояль и возлѣ него этажерка съ нотами, въ числѣ которыхъ находились и такія древности какъ „Сорока—воровка“, „Бронзовый конь“ и др.

Надежда Васильевна была до нельзя рада, что дорогая ея внучка отдохнетъ въ этомъ „раю“, какъ она называла вообще старинныя „дворянскія гнѣзда“ и радовалась также и за себя, что проживетъ лѣто на волѣ, а не въ городѣ. Какъ и большая часть русскихъ помѣщиковъ, Канищева крѣпко любила деревенскую жизнь: „къ Вседержителю приближаетъ она!“ говаривала старушка, вспоминая свое мирное пребываніе въ усадьбѣ, среди природы и простаго люда. Тяжело было ей, на старости лѣтъ, разставаться съ насѣженнымъ „гнѣздомъ“ и если-бъ не любовь къ сиротѣ-внучкѣ и заботы о ней, врядъ-ли Надежда Васильевна сохранила бы свою энергію и бодрость.

Выѣхавъ изъ города и проѣхавъ десятокъ верстъ, она точно переродилась; живительно опажнуль ее чудный запахъ лѣсовъ и полей, зацвѣтающихъ травъ, необъятная ширь послѣ узкихъ городскихъ улицъ, грязныхъ площадей, чахлыхъ садиковъ и запыленныхъ бульваровъ—и мимолетная грусть о томъ, что можетъ-быть въ послѣдній разъ восхищается она этимъ великимъ твореніемъ Божиимъ, сжала ея сердце... И вся—любовь, взглянула она на сидѣвшую съ нею рядомъ Зою и молитва о ея будущности неслышно слетѣла съ трепещущихъ устъ кроткой старушки.

Первые два дня, пока прислуга Канишевыхъ—кухарка и горничная, осматривалась на новомъ мѣстѣ, бабушка и внучка обѣдали и ужинали у Вязьмина; но на третій уже день Зоя завела съ Юріемъ разговоръ о припасахъ и просила помочь ей въ добываніи ихъ; это было очень скоро улажено, относительно мяса, масла, муки, заведены заборные книжки, но касательно овощей и ягодъ вышла запинка. Юрій не желалъ продавать ихъ, а Зоя отказывалась брать ихъ даромъ. Наконецъ кое-какъ дѣло сладилось и овощная книжка присоединилась къ первымъ.

Канишевы вставали рано: уже въ восемь часовъ Зоя, напоивъ бабушку чаемъ и напившись сама, отправлялась въ садъ, затѣмъ обходила село и знакомилась съ окрестностями; бабушка въ это время молилась, совершала свой туалетъ и, если день былъ хорошъ, садилась на террасѣ въ вольтеровское кресло, читала или вязала. Послѣ завтрака, въ полдень, шли въ садъ „по грибы“, которыхъ было много и всякихъ сортовъ, потомъ грибы чистились, бѣлые отваривались въ уксуѣ, а черные сушились. Въ четыре часа обѣдали и затѣмъ Зоя снова бѣжала въ садъ, на мельницу, къ маслодѣлу, въ поля. Точно вырвавшаяся на волю, послѣ экзаменовъ, ученица, посылась она вездѣ, часто въ компаніи „Леди“ и „Боя“, породистыхъ курляндскихъ понтеровъ Вязьмина, которыхъ она приголубила, накинувъ на голову дешевый платочекъ, въ легонькой кофточкѣ и сплошь и рядомъ безъ зонтика. Впрочемъ это наслажденіе природой не мѣшало дѣвушкамъ каждый день, хотя-бы только съ полчаса, заниматься музыкой и пѣніемъ. У Юрія, послѣ отца, осталась порядочная бібліотека, которую онъ по возможности пополнялъ новѣйшими изданіями.

Во второе послѣ прїѣзда воскресенье, Зоя отправилась къ обѣднѣ: бабушка не могла ей сопутствовать: слишкомъ далеко было идти и, послѣ переѣзда и хлопотъ по переселенію, старушка чувствовала себя уставшею. Зоя пришла въ церковь до часовъ; свѣтлый приходскій, порядочной величины и высоты храмъ, содержимый въ большой чистотѣ, блестѣлъ въ солнечныхъ лучахъ своимъ, недавно почищеннымъ, иконостасомъ, паникадилами и люстрой; храмъ былъ вмѣстѣ и зимній и лѣтній, безъ придѣловъ. Народу было много, но какъ всегда и вездѣ преобладалъ женскій полъ. На дьяконскомъ мѣстѣ, передъ аналоемъ, лицомъ къ предстоящимъ стоялъ, положивъ руки на аналой, въ рясѣ и епитрахили, средняго роста, благообразный старикъ—священникъ, весь бѣлый, и бесѣдовалъ съ молящимися. Говорилъ онъ просто, внятно, по разговорному, безъ обычныхъ возгласовъ и паузъ; онъ дѣйствительно бесѣдовалъ и въ рѣчи его чувствовалась теплота, желаніе, чтобы слушатели его поняли, чтобы мысль апостола усвоилась имъ. Священникъ не только разрѣшалъ, но былъ весьма доволенъ, когда предстоящіе обращались къ нему съ вопросами, на которые онъ отвѣчалъ всегда охотно, въ формѣ, простой и понятной малограмотному люду. Темой бесѣды былъ текстъ изъ посланія апостола Петра: „всѣхъ почитайте, братство любите, Бога бойтесь, Царя чтите“. Народъ слушалъ внимательно; задавались нѣкоторыми вопросы и тотчасъ-же получались отвѣты и разъясненія; кой-гдѣ слышались даже женскія всхлипыванія. Священникъ закончилъ бесѣду крестнымъ знаменіемъ передъ иконой Спасителя и поклономъ слушателямъ... Вся церковь отвѣтила любимому, какъ было видно, батюшкѣ почтительнымъ поклономъ.

Отстоявъ обѣдню и выходя изъ храма, Зоя замѣтила шедшаго рядомъ съ ней, нѣсколько сторбленнаго, старика—крестьянина, который ей очень понравился, и вступила съ нимъ въ разговоръ:

— Скажите мнѣ, голубчикъ, какъ зовутъ вашего батюшку?

— Павломъ, сударыня... Отцомъ Павломъ Вознесенскимъ... А вы пошто это меня, простого мужика, величаете? И видно что вы изъ губерніи... барышня... Вѣдь тамъ все „вы“ да „вы“... Вотъ и меня надумали по барски звать... А

я что? Прощка Телѣгинъ—и все тутъ! Слышали, что батюшка Павель поучалъ: „братъевъ любите, Бога бойтесь, Царя чтите!“ (Онъ остановился не на долго и поднялъ указательный палецъ)—Великое дѣло—любовь! Извѣстно не къ бабамъ! Ко врагу своему, супостату!.. Охъ! (мотнулъ онъ головой) Грѣшники мы окаянныя!

— А очень любить приходъ о. Павла?

— А какъ и не любить? Не видано и не слыхано во всемъ приходѣ (воодушевился старикъ), чтобы батюшка когда нибудь отказалъ въ требѣ! Дождь-ли, морозъ-ли—пѣшкомъ да прибѣжить старикъ, особливо къ кончающемуся! У него, что богатѣй, что нищій—все одно... А главное, барышня, не завидушій, не жадный... что говорить святой человѣкъ!

— Давно онъ у васъ?

— Молодымъ еще къ намъ прибылъ... Лѣтъ сорокъ священствуеть, а то и болѣ... Надо-бы ему протопопомъ быть, да вотъ все не дѣлають... Болтають въ народѣ, что прямъ больно, правоту любить—вотъ и не дѣлають!—Ну, сударыня, прощенья просимъ... мнѣ направо, а вамъ поди въ Волянское?

— Да; мы у Юрія Александровича флигель наняли.

— Такъ-съ... кивнувъ сверху внизъ головой и поглаживая бородку, протянулъ Телѣгинъ,—тоже, человѣкъ, правоту любить... Хорошаго намъ Царь небесный земскаго далъ... По отцу пошелъ...

Старикъ снялъ обѣими руками шапку и поклонился въ поясъ:

— Прости, сударыня, заболталъ я тебя!

— Прощай, голубчикъ; изъ какой ты деревни?

— А вотъ изъ энтонь, показалъ онъ направо,—Пискарево прозывается.

— Подходя къ дому, Зоя встрѣтила почти у своего подъѣзда Вязьмина; онъ былъ одѣтъ по русски: голубая, шелковая косоворотка, сѣрая поддѣвка и синіе шаровары при высокихъ сапогахъ.

— А я шелъ къ вамъ съ предложеніемъ, приподнимая форменную фуражку и здороваясь, сказалъ Юрій: не желаете-ли вы присутствовать при ловлѣ карасей? Это будетъ черезъ часъ, такъ что вы успѣете позавтракать... Вы ходили въ церковь?

— Только что оттуда... Какой у васъ симпатичный священникъ и какъ онъ просто и толково бесѣдуетъ со своею паствою... Не мудрено, что вашъ отецъ былъ такъ къ нему расположенъ...

— А откуда вы это знаете?

— Бабинька говорила... Ей вѣдь вся подноготная города N. извѣстна! улыбулась дѣвушка;—Сядемте, указывая на лавочку у галлерей, предложила она (они сѣли),—я немножко устала... О. Павель семейный?

— Вы уже и имя его узнали?

— Мужичокъ изъ Пискарева мнѣ сообщилъ.

— Гдѣ-же вы его подцѣпили?

— На паперти... вмѣстѣ выходили... Славный такой старичокъ... видно что изъ прежнихъ. О. Павла превозносили чуть не до небесъ... И васъ хвалили...

— Спасибо старичку!—О. Павель—вдовецъ; единственный его сынъ—священникомъ въ Широгорѣ, версть за сто отсюда. Живетъ о. Павель со старушкой-сестрой, вдовой чиновника, очень бѣдной: одиннадцать рублей въ мѣсяцъ получаетъ! На лѣто прѣзжаетъ къ нимъ, изъ епархіальнаго училища, сирота—внучка о. Павла, послѣ умершей дочери, лѣтъ четырнадцати,—славная дѣвочка. Батюшка только и мечтаетъ выдать ее при себѣ замужъ.—Ну вотъ, Зоя Владиміровна, я удовлетворилъ ваше любопытство... Впрочемъ о. Павель навѣрно явится сюда, какъ только освободится. И—вѣдь больше для него устроилъ ловлю: постится старикъ, свѣженькій карасикъ—нелишнее... Щуки да плотва ужъ и попадаѣли.—Такъ какъ-же... пожалуете вы на рыбную ловлю?

— Непремѣнно. И бабиньку приведу; позавтракаемъ и и придемъ. И такъ до свиданія! подала ему руку дѣвушка.

Черезъ часъ, когда Зоя съ бабушкой подошли къ пруду, тамъ все уже было приготовлено къ ловлѣ: неводокъ лежалъ растянутый на берегу и около него сидѣли любители изъ рабочихъ, стояли ведра; къ плотнику, съ котораго брали для огорода воду, причалена была лодка. На скамейкѣ сидѣли священникъ и Вязьминъ, а за ними стоялъ, въ зеленой рубашкѣ и черной плисовой поддѣвкѣ, коренастый, средняго роста, сѣдоватый, съ окладистой бородой, мужикъ лѣтъ подъ семьдесятъ, съ умными глазами и доброй улыб-

кой,—Андрей Карповъ, староста с. Волынскаго и неподкупный слуга покойнаго Александра Федоровича, а теперь сына его Юрія. Замѣтивъ подходящихъ Канищевыхъ, Вязьминъ всталъ, поздоровался съ Надеждой Васильевной и представилъ ей и Зою о. Павла и Андрея Карпова, стоявшаго безъ картуза, прибавивъ:

— Вѣрный слуга и совѣтникъ моего покойнаго отца и мой усердный учитель по части хозяйства; если что понадобится, Надежда Васильевна, благоволите обращаться къ нему.

— Все будетъ исполнено въ точности, не надѣвая картуза, поклонился старикъ.

Надѣньте пожалуйста вашу фуражку, сказала старушка и обратилась къ Юрію: Вы такъ заботливо обставили насъ, Юрій Александровичъ, что конечно намъ не придется отрывать вашего старосту отъ прямыхъ его обязанностей!— А васъ, батюшка, пододвинулась она къ священнику,—хотя я и не видала, но много о васъ наслышалась... Для перваго знакомства, благословите меня... (она скрестила горсточкой обѣ кисти рукъ и наклонила голову).

Во имя Отца и Сына, Св. Духа! благословилъ ее о. Павелъ.

Старушка поцѣловала его руку.

— Присядьте Надежда Васильевна, съ батюшкой на лавочку: къ ней мы приведемъ неводъ.—Зоя Владиміровна! А вамъ не принести-ли табуреточку?

— Полноте... Вѣдь на одномъ мѣстѣ не останусь; буду слѣдить за рыбаками.

Между тѣмъ неводъ былъ опущенъ въ воду и налаженъ; веревку, привязанную къ правому концу его, держали на берегу, а другую, лѣваго конца, тянули сидѣвшіе въ лодкѣ люди. Рыбаки о чемъ то спорили:

— Не ладно, настаивалъ здоровый, босоногий брюнетъ безъ шапки: неншто выволакивать бредень у скамейки: одна мелочь попадетъ... Заворачивайте-ка лучше къ осокѣ: тамъ такой карась, что и Боже мой!

— Полно врать Сережка... Не впервой вѣдь мы забрасываемъ!

— Ну валяй, ребятушки,—тамъ видно будетъ... чего языкомъ пусто-то чесать! Вмѣшался степенный на видъ ра-

ботникъ и ухватился обѣими руками за колъ, привязанный къ неводу; —Алеха! обратился онъ къ парню, раскуривавшему папиросу;—чего такъ-то стоишь? Помогай что-ли? Въдь господскую водку будешь небось пить!

— Лодка двинулась на средину пруда и неводъ сталъ вытягиваться.

— Мотню-то, мотню расправь—ишь захлеснулась! крикнули съ лодки.

— Полно вамъ глотку-то драть—и сами знаемъ! Рыбу только пужаете, отвѣчали съ берега.

— Вытянувшійся неводъ медленно двинулся къ лавочкѣ, постепенно суживая свои крылья; съ береговъ праздные парни и мальчишки хлопали палками по водѣ, вгоняя рыбу въ неводъ... Вотъ на верху воды сверкнулъ карасикъ... другой, третій... Два работника, нагнувшись, внимательно слѣдили за движеніемъ невода и какъ только нижняя его часть стала выплывать—тотчасъ-же ухватились за нее и потащили на берегъ; одинъ-два напора—вода забулжила и мотня, полная ила и водорослей, въ которыхъ сверкали золотые бока и головки карасей, была вытащена на берегъ. Мотню взяли за конецъ, подняли кверху, трянули—и всѣ бросились ее опоражнивать. Предсказаніе брюнета не оправдалось: среди мелочи, ракушекъ и жуковъ блестяли крупные караси; неторопливо стали ихъ выбирать и опускать въ ведра съ водой, а мелкую рыбешку бросали обратно въ прудъ.

Забросили неводъ еще два раза и должны были прекратить ловлю: слишкомъ велика оказалась добыча. Отобрали только самыхъ крупныхъ и средней величины карасей; первые раздѣлены были на три части: Канищевымъ, о. Павлу и на барскій столъ; средніе пошли Андрею Карпову, Евлаліи Голицынской и въ „застольную“. Канищевы возвратились домой, а Вязьминъ съ батюшкой занялись до обѣда осмотромъ огорода, теплички и вновь пріобрѣтенной съ-покосилки.

XVI.

Такъ какъ барскій домъ въ Волынскомъ былъ слишкомъ великъ, то еще Александръ Федоровичъ, жившій послѣ смерти жены и опредѣленія въ лицей сына, совсѣмъ одинокимъ, большую часть комнатъ верхняго и нижняго

этажей обратилъ въ нежилыя, на зиму ихъ законопачивалъ и не отапливалъ; весною-же эта заброшенная половина дома открывалась, провѣтривалась и снова входила въ число жилыхъ покоевъ. Кухню Александръ Федоровичъ оставилъ по прежнему въ нижнемъ этажѣ, а четыре комнаты, отдѣлявшіяся отъ нея корридормъ, съ выходомъ въ садъ, и предназначенныя при Федорѣ Ивановичѣ для гостей, обратилъ въ камеру и канцелярію, сначала мирового посредника, а потомъ и судьи; при канцеляріи жилъ и писмоводитель. Поселившись въ Волынскомъ, Юрій ничего не перемѣнилъ въ домѣ: канцелярію отца обратилъ въ свою, лишнія комнаты на зиму закрывалъ и не топилъ, а весною открывалъ и провѣтривалъ. Расположеніе дома было слѣдующее: главный подъѣздъ по срединѣ; надъ нимъ балконъ на четырехъ колоннахъ; широкій вестибюль, съ выходомъ на садовую террасу, съ двумя рядами массивныхъ четырехгранныхъ столбовъ, украшенныхъ каннелюрами и поддерживающихъ полъ второго этажа; слѣва—лѣстница на верхнюю площадку. Направо отъ площадки—столовая, кабинетъ съ балкономъ въ садъ, уборная, дѣвичья, спальня и другія внутреннія комнаты; налѣво—запираемая на зиму половина: залъ, гостинная, будуаръ, дамскій кабинетъ и пр. комнаты. Половина эта выходила на улицу. Въ нижнемъ этажѣ, слѣва отъ входа: отдѣльная комната для швейцара, за ней помѣщеніе для повара, комната для посуды и другихъ вещей, кухня и корридоръ съ чернымъ выходомъ, камера, канцелярія, квартира писмоводителя; справа—номера для гостей, зимою неотапливаемые, и кладовыя.

Правый флигель дома былъ раздѣленъ на двое уже Юріемъ: одна половина, побольше, съ кухней и комнатою для кухарки, отдана была подъ застольную, а другая много меньше, съ голландскою печью, Андрею Карпову.

Юрій жилъ скромно, но не скупю; онъ былъ весьма гостепріименъ и радушенъ; мягкій и ласковый въ обращеніи, онъ въ критическія минуты бывалъ вспыльчивъ и взыскателенъ; впрочемъ минуты эти скоро проходили. Юрій былъ добръ и незлопамятенъ; вообще уступчивъ, но по службѣ или когда приходилось вступиться за человѣка слабого,

безъ поддержки, Юрій былъ упоренъ и настойчивъ. Не вступить, видя совершающуюся на его глазахъ неправду, онъ считалъ постыднымъ: ему казалось, что, оскорбляя беззащитнаго, оскорбляютъ его самого. И эта черта характера, эта человѣчность—инстинктивно понималась простымъ людомъ и, какъ ни строгъ былъ Юрій по службѣ, участокъ его любилъ, валилъ къ нему за совѣтами и безусловно ему вѣрилъ. Онъ зналъ, русскій мужикъ, что его земскій, въ разговорѣ съ нимъ, хитритъ не будетъ, не обманетъ, а скажетъ „по душѣ“ и если и посадить въ кутузку—такъ ужъ конечно за дѣло и не потому, что провинившійся—мужикъ, а потому, что надо законъ соблюсти, земскому-же все равно, кто провинился: мужикъ-ли, купецъ или самъ дворянинъ.

На другой день послѣ рыбной ловли, у Вязьмина было засѣданіе; въ числѣ уголовныхъ дѣлъ попало одно, которое очень разстроило Юрія. Въ концѣ апрѣля, не задолго до вскрытія большого озера „Рыбнаго“, съ пожни, близкой къ озеру, тайно увезены были три стожка осоки; обвиняемыми оказались два домохозяина деревни Высочки, оба немолодые, обвинителемъ явился приказчикъ лѣсопильнаго завода, изъ жидковъ. По прочтеніи протокола, обвиняемые въ похищеніи сознались и, кланяясь въ землю приказчику, со слезами просили прощенія; тотъ только пожималъ плечами.—„Все глупость наша“, говорили мужики:—думали, что не сегодня-завтра ледъ тронется, ростопель начнется—осоку все равно унесетъ водой. Была-бы она нужна хозяину—увезъ-бы давно... Забылъ надо быть... и всего-то три стожка на пожнѣ осталось... А у насъ ни сѣна ни осоки... Ну, лукавый и попуталъ!.. О, Господи-Батюшка! До сорока лѣтъ дожили, а тутъ на-ко бѣда какая стряслась! Помилуйте, ваше высокородіе! охали мужики;—вѣдь насъ всякій мальчишка теперь острогомъ корить станетъ! Приказчикъ настаивалъ на примѣненіи высшей мѣры наказанія.

Какъ ни вертѣлъ Юрій дѣло—ничего нельзя было сдѣлать въ пользу обвиняемыхъ. Скрѣпя сердце, Вязьминъ приговорилъ ихъ, въ виду сознанія, къ полуторамѣсячному тюремному заключенію. Мужики взвыли и со слезами просили замѣнить тюрьму денежнымъ штрафомъ; Юрій объяснилъ, что это невозможно, и прочелъ имъ соотвѣтствующую

статью устава о наказаніяхъ. Жидокъ-приказчикъ заявилъ, что недоволенъ приговоромъ и потребовалъ копію его. Вязьминъ закрылъ засѣданіе.

Когда камера была заперта, онъ приказалъ письмоводителю задержать на время обвиненныхъ, а самъ пошелъ въ кабинетъ, писать отъ ихъ имени жалобу на него въ сѣздъ; но какъ ни старался онъ—шансовъ выиграть дѣло въ сѣздѣ не представлялось. Поручивъ одному изъ грамотныхъ села переписать черновую жалобу, Юрій передалъ потомъ крестьянамъ для подписи, пожелавъ удачи и посовѣтовавъ искреннимъ раскаяніемъ расположить въ свою пользу прокурора и членовъ сѣзда; самъ-же пошелъ разсѣять прогуклой дурное настроеніе духа.

Зайдя въ маслодѣлку, конюшню, заглянувъ въ застольную, гдѣ поужинали рабочіе, Юрій завернулъ на почтовую дорогу осмотрѣть овсяное поле; звонъ колокольчика обралъ тнего вниманіе; онъ остановился, прислушался: изъ-за поворота въ липовую аллею, треплась пара земскихъ лошадей, запряженныхъ въ пресловутую скорлупку, именуемую „тарантасикомъ“; мальчишка-возница неистово кричалъ и помахивалъ кнутикомъ; въ скорлупкѣ сидѣлъ полицейскій чинъ и хладнокровно смотрѣлъ на усилія мальчишки ускорить ходъ земскихъ лошадей. Въѣхали на мостъ; скорлупка бойко прогрохотала и затѣмъ сдержанно поползла въ гору. Полицейскій чинъ оказался мѣстнымъ становымъ, Иваномъ Петровичемъ Остроумовымъ. Еще издали, замѣтивъ Вязьмина, онъ остановилъ возницу и, выйдя изъ скорлупки, пошелъ навстрѣчу Юрію. Это былъ молодой человекъ лѣтъ тридцати, средняго роста, сухощавый блондинъ, съ темно-кариими глазами и небольшими усами, безъ бороды, на видъ скромный и вѣжливый.

— Иванъ Петровичъ, откуда? протягивая руку становому, привѣтливо спросилъ Вязьминъ.

— Прямо изъ города... Ёду къ г. Клишину... Проѣхать мимо Волынскаго не посмѣлъ!

— И прекрасно сдѣлали: я еще не обѣдалъ, а вы вѣроятно голодны?

— Въ городѣ чайку попилъ, а въ Зарѣчѣ не только поѣсть не пришлось—насилу лошадей досталъ! Навозница...

лошади всё въ работѣ... Изволите видѣть, что за одры и что за кавалеръ сидитъ на облучкѣ!

— Ну-ка ты, кавалеръ, приказалъ Вязьминъ,—ступай на рабочую конюшню и вещи Ивана Петровича снеси въ домъ; Андрею Карповичу скажи, чтобы тебя покормили, а лошадямъ дали сѣна... а вы, милостивый государь, шутливо обратился онъ къ Остроумову: теперь отобѣдаете, отдохнете, поночуете, а завтра, если ужъ такъ спѣшно, послѣ завтрака, къ г. Клишину и отправляйтесь. И это, г. приставъ, безо всякихъ разсужденій!

— Да я, ваше высокородіе, и разсуждать не собирался, улыбнулся Остроумовъ:—я впередъ зналъ, что изъ Волынскаго скоро не вырвешься!

— Спасибо, Иванъ Петровичъ!.. А вы знаете, что сегодня за обѣдомъ? Караси въ сметанѣ! Любимое ваше блюдо!.. Точно я предчувствовалъ, что вы сегодня навѣстите меня!

Они шли мимо флигеля Канищевыхъ.

— А флигель у васъ нынче занятъ?

— Да; и прекрасными постояльцами... Канищевыхъ знаете? Бабушка и внучка...

— Бабушку знаю... еще когда въ губернскомъ правленіи служилъ, а Зою Владиміровну только встрѣчалъ... Красивая барышня и труженица; говорятъ, уроки музыки даетъ...

— Уроки—уроками... А вы-бы посмотрѣли, какъ она за старухой-бабушкой ухаживаетъ—не по нынѣшнему!—Пожалуйте! открывая дверь въ галлерею, пригласилъ Юрій.—Извините, что чернымъ ходомъ.

Они вошли въ корридоръ, у дверей кухни Вязьминъ остановился.

— Дмитрій Степанычъ, обратился онъ къ немолодому уже повару, въ фартукъ и колпакъ,—прибавь парочку-другую карасей, да свари картофелю „maitre d'hôtel“... Желательно, Иванъ Петровичъ, молодого?

— Еще-бы, Юрій Александровичъ: новинка!—Здравствуйте, Дмитрій Степанычъ! обратился Остроумовъ къ повару.

Тотъ, снявъ колпакъ, вѣжливо поклонился.

— А не угодно-ли, ваше благородіе, пирожка съ капусткой? Только что изъ печки...

— Какъ... у васъ и капустка уже есть!

— Есть и майская рѣдичка... Скоро и огурчики грядные поспѣютъ! похвастался Вязьминъ.—Петруша! обратился онъ къ молодому лакею,—столь у тебя накрыть?

— И закуска готова.

— Майской рѣдки прибавь... А что на закуску?

— Сухари отварные со сметаной, рѣдись... Можно, если прикажете, грибовъ въ укусуъ...

— Ну ихъ! За ужиномъ лучше жареныхъ поѣдимъ... —Пойдемте на верхъ, Иванъ Петровичъ...—Петруша! Два пирожка захвати!

Когда была съѣдена закуска и Остроумовъ подкрѣпился рюмкой домашняго ерофеича, Юрій спросилъ о новостяхъ.

— Живу въ сорока верстахъ отъ города и почту получаю разъ въ недѣлю!.. Ну и земство! На мерзость деньги всегда находятся, а на дѣло нѣтъ!.. Какъ ни настаивали я, Ольхинъ и другіе, чтобы почта ходила два раза въ недѣлю—вѣдь это только третьяго почтаря нанять—нѣтъ, провалили таки! И вѣдь всего тремя голосами!

— Да, стыдно вато... Служащимъ въ особенности тяжело рѣдко получать извѣстія.

— Ну-съ, выкладывайте ваши новости... Красненькаго стаканчикъ хотите?

— Не въ коня кормъ, Юрій Александровичъ! Да и вообще я плохой питухъ! Такъ вотъ-съ буду докладывать, что знаю: въ Петербургѣ сильно хлопочуть о мирѣ; большая партія, говорятъ, составила изъ высшаго общества, интеллигентовъ и инородцевъ... Еврейскія газеты во весь ротъ кричатъ, что, послѣ гибели второй эскадры, Россіи осталось одно: просить мира!

— Подлецы! Что имъ слава и честь Россіи! Жидовъ я понимаю: имъ надо, чтобы Японія сорвала съ насъ внушительную контрибуцію, а то вѣдь денежки, которыми они снабжали японцевъ, пропадутъ... Нужно это и Рузвельту, который сунулся не въ свое дѣло, оберегая интересъ американскихъ банкировъ... Нужно это и русскимъ газетамъ, продавшимся жидамъ, но общество-то, власти...

— Пишутъ изъ Берлина, будто наше правительство склоняется къ миру; изъ Петербурга телеграфируютъ о повышеніи за границей нашихъ бумагъ...

— А изъ арміи есть что-нибудь? Вы это изъ какой газеты рассказываете?

— Изъ „Москвича“ и „Родного Голоса“.

— Этимъ вѣрить можно: не солгутъ.

— Армія и слышать не хочетъ о мирѣ...

Общее мнѣніе—что одинъ—два дружныхъ натиска—и наша возьметъ! Армія боится не японцевъ, а того, что мы малодушно уступимъ противнику, который самъ страстно желаетъ мира! Пишутъ (откуда-забылъ), что Японія вывезла ужъ всѣ свои резервы, а съ какого-то острова перевозятъ даже туземцевъ.

— Это и я читалъ что японцы комилектуютъ теперь свою армію стариками и мальчиками, да оно и должно быть такъ: потери японцевъ, какъ они не скрываютъ,—огромны!

— Славную телеграмму послалъ одной московской, крупной официальной особѣ, генералъ Куропаткинъ: въ ней онъ выражаетъ глубокое сожалѣніе по поводу того, что большинство земствъ и городовъ высказываются за необходимость скорѣйшаго заключенія мира съ Японіей. Куропаткинъ отмѣчаетъ тяжелое впечатлѣніе въ арміи отъ постановленія, въ томъ-же духѣ, московской думы 24-го мая. Въ заключеніе Куропаткинъ выражаетъ увѣренность, что, въ случаѣ продолженія войны, наши войска побѣдятъ, въ виду превосходства нашей артиллеріи, прекраснаго настроенія нашей арміи, одушевленной горячимъ порывомъ лечь костью за честь родины и проч. Подъ предлогомъ отсутствія особы, которой была адресована телеграмма, послѣднюю скрывали и только теперь, по чьей-то милости, стали распространяться ея копія.

— Къ Клишину-то зачѣмъ ѣдете? Губернаторъ послалъ?

— Вызвалъ меня, помимо исправника... Сначала обласкалъ, а потомъ пригрозилъ...

— Секретъ?

— Да; но не для васъ, Юрій Александровичъ... Вы—вѣдь меня не выдадите?

— Господь съ вами! Да за кого вы меня считаете?

Остроумовъ сконфузился и что-то пролепеталъ.

— Г. Клишинъ, сами знаете, очень добры и, какъ-бы сказать, характеромъ слабоваты; подъ бокомъ у нихъ, въ селѣ Богословѣ, земская школа и учителемъ въ ней—Чер-

новскій, полурусскій—полуполякъ, пропагандистъ весьма опасный. О его дѣятельности я давненько уже слышалъ, но ради чего буду соваться я въ политику, когда Черновскій, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, находится подъ покровительствомъ? Дошли до губернатора слухи, что жандармскій полковникъ намѣревается учителя прихлопнуть; этого губернатору не хочется: и ссыльные взбудоражатся и управу притянуть, дѣло раздуютъ и чего добраго и губернатору нагорить... И вотъ поручается мнѣ, сговорившись съ г. Клишинымъ, заставить Черновскаго немедля всѣ книжки, прокламаціи и письма сжечь и изъ нашего уѣзда выѣхать; не исполню я порученія какъ слѣдуетъ—причисленіе къ губернскому правленію безъ содержанія!

— Иричемъ-же тутъ Клишинъ? Вы-бы и безъ него могли это сдѣлать.

— Г. Клишинъ знакомъ съ учителемъ... Губернаторъ знаетъ, что у Клишина старуха—мать и двѣ пожилыя сестры на рукахъ, а имѣнія—неважная усадебка и что онъ исполнить несомнѣнно его приказаніе, такъ какъ и изъ земскихъ начальниковъ теперь вылетѣть можно: губернаторамъ власти еще прибавили!

— Какъ все это печально! опустилъ голову Вязьминъ.

— Если бы вы знали, Юрій Александровичъ, съ какимъ ужаснымъ чувствомъ я туда ѣду! Вѣдь порученіе-то дано прямо противъ присяги и устно! Но что-же могу я сдѣлать? Жена, четверо дѣтей, малъ-мала меньше, большая теща—и ничего кромѣ жалованья! Дастъ въ шею—и иди, протягивай руку! А заартачишься—волчій билетъ получай!

— Да, Иванъ Петровичъ, тяжелеенько жить въ наше время честному человѣку! Но никто какъ Богъ! Отдохните-ка съ дороги, а я съѣзжу осмотрѣть поля.

XVII.

Вязьминъ, какъ охотникъ и неутомимый хозяинъ, привыкъ вставать рано: въ шесть часовъ онъ былъ уже одѣтъ, напился чаю и отправился, какъ онъ говорилъ, „по мытарствамъ“: доеніе коровъ и выгонъ скота на пастьбу, чистка лошадей, объѣздъ полевыхъ работъ и любимыя занятія въ огородѣ, вмѣстѣ съ ключницей Евлаліей Васильевной и ея

помощницами. Къ девяти часамъ Юрій былъ уже дома и велѣлъ разбудить Остроумова, но Петруша доложилъ, что приставъ уже всталъ, напился чаю и велѣлъ закладывать лошадей. Приказавъ повару приготовить поскорѣй къ завтраку что-нибудь легонькое, Юрій поднялся на верхъ, поздоровался съ гостемъ и изъявилъ ему свое неудовольствіе на поспѣшность отъѣзда.

Необходимо, Юрій Александровичъ: опоздай я—нагоняй будетъ, да еще какой!.. А если, чего Боже сохрани, жандармъ предупредитъ меня—волчій паспортъ!

Ну хорошо... вѣрю... А только какъ-же вы собирались уѣхать тайкомъ, безъ завтрака?.. Нехорошо, Иванъ Петровичъ, право нехорошо!—Петруша! Накрывай на столъ... Да гдѣ Мишутка? (мальчикъ лѣтъ четырнадцать, помогаль Петрушѣ; онъ былъ сирота и его родственникъ).

— Послалъ его къ Евлаліи Васильевнѣ за картофелемъ.

— А пока готовятъ завтракъ, пройдемтесь по саду: я покажу вамъ, какъ разчистилъ я лѣвую его сторону. Помните, Иванъ Петровичъ, какъ вамъ не нравились кусты шиповника, жимолости, акацій, портившіе видъ дубовыхъ и кленовыхъ рощицъ? А потомъ пройдемъ въ огородъ, къ Евлаліи Васильевнѣ.

— А лошади-то какъ-же, Юрій Александровичъ? спускаясь по лѣстницѣ, спросилъ Остроумовъ.

— Подождутъ! Не велика персона вашъ кавалеръ! Да онъ и не прогнѣвается, что ему лишній разъ чаю дадутъ, да еще съ булкой!.. Не могу-же я, русскій человѣкъ, отпустить гостя безъ завтрака!

— Покорнѣйше благодарю, Юрій Александровичъ,—я и безъ того обласканъ вами...

— Да, перебилъ его Вязьминъ,—чуть было не забылъ... Вы въ Серебрянскомъ правленіи будете?

— Непремѣнно: у меня есть порученіе къ старшинѣ.

— Будьте добры, узнайте, какъ можно подробнѣе и подъ величайшимъ секретомъ, какъ ведетъ себя писарь правленія Ширяевъ: бываетъ-ли пьянъ, не беретъ-ли взятокъ, какъ идутъ у него дѣла. Онъ недавно опредѣленъ. Но имѣйте въ виду, что Ширяевъ отставной штабъ-ротмистръ, бывшій адъютантъ князя Ардатова... Вы смотрите, не *тыкайте* его...

— Спился?

— Всего тутъ было! Жаль его: человекъ хорошій, образованный—за даромъ пропадаетъ! Очень хочется мнѣ его спасти... Если назадъ поѣдете не черезъ Волинское—напишите мнѣ, да подробнѣе.

— Все исполню, будьте покойны... А это кто тамъ въ концѣ аллеи, въ бѣломъ?

Они остановились.

— Это Зоя Владиміровна: грибы собираетъ... Пойдемте къ ней навстрѣчу, пригласилъ Юрій.

— Да я незнакомъ съ ней, застѣнчиво возразилъ становой,—и вѣхатъ мнѣ пора...

— Какое тутъ знакомство, въ деревнѣ... да еще съ такой простой, милой дѣвушкой... Ну, идемте, я васъ представляю.

И Вязьминъ, чуть не за рукавъ, потащилъ Остроумова.

— Здравствуйте! привѣтливо подала руку Юрію Зоя:—М-г Остроумовъ? обратилась она къ гостю (тотъ поклонился).—Очень рада познакомиться... мы встрѣчались и, кажется, не одинъ разъ...

— Да, Зоя Владиміровна: послѣдній разъ у Овечкиныхъ.

— Я тамъ даю уроки... Полюбуйтесь, Юрій Александровичъ, какихъ бѣлыхъ грибовъ я насобирила—прелесть! показала она корзинку, совершенно полную.—Впрочемъ, спохватилась дѣвушка,—я не имѣю вѣдь права брать грибы въ саду г. Вязьмина!—М-г Остроумовъ, чѣмъ я рискую, если Юрій Александровичъ на меня пожалуется?

— Васъ подвергнуть штрафу не свыше десяти рублей, усмѣхнулся становой.

— Однако... дорогонько это... Юрій Александровичъ! Берите грибы и корзинку: я больше браконьерствовать не буду!

— Отвергаю и грибы и корзинку: вамъ предоставлено, по условію, брать грибы и лѣсныя ягоды на всемъ пространствѣ моихъ владѣній.

— Не слыхала!

— Пеняйте на дядюшку Петра Николаича: ему это было объявлено... Впрочемъ, ему было объявлено и о другихъ мелочахъ, но вамъ угодно было отвергнуть мое предложеніе.

— Вы сейчас ѣдете? спросила Остроумова Зоя.

Мнѣ надо было уже часъ тому назадъ уѣхать, да Юрій Александровичъ не отпускаетъ безъ завтрака!

— Русскій хлѣбосоль—помѣщикъ... Не изъ нынѣшнихъ!

Юрій отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Я не иронизирую, вспыхнувъ, сказала Зоя,—я всегда говорю то, что чувствую!.. Однако мнѣ пора...

Она сдѣлала общій поклонъ и ускоренно направилась къ флигелю.

— Что, какова? спросилъ Вязьминъ, глядя вслѣдъ уходящей дѣвушкѣ.

— Принцесса! развелъ руками становой;—одинъ только порокъ въ ней и есть...

— Какой? удивился Юрій.

— Презрѣннаго металла нѣ-ма!

— Ой вы, поклонникъ Ваала!

— Ваалу поклонисься, какъ кушать захочется! На такую напимѣръ семью, какъ моя—много денегъ надо; все вздорожало: неважная говядина—пятнадцать копѣекъ фунтъ, русское масло сорокъ шесть, десятокъ яицъ двадцать пять копѣекъ, и то лѣтомъ,—хоть на хлѣбѣ одпомъ сиди!.. А жалованье все то-же... Прибавкой манять да не даютъ, а работы валять да валять!

Изъ-за сиреневаго куста выскочилъ Мишутка:

— Кушать пожалуйста! Закуска на столѣ, а картофель братецъ сейчасъ подасть.

Вязьминъ и гость направились къ дому.

Взойдя на террасу флигеля, Зоя поздоровалась съ бабушкой, которая вязала чулки, и показала ей набранные грибы. Надежда Васильевна, сама большая любительница собиранія ихъ, слегка позавидовала внучкѣ:

Не могла меня-то подождать?

— Бабинька милая, да вѣдь я съ семи часовъ забралась въ садъ... Приди я позже—все обобрали-бы ревятишки!

— Надо грибы сегодня-же отварить... Ахъ, какіе красавцы!.. Какъ на подборъ...

— Бабинька, вы будете ботвинью кушать?

— А почему нѣтъ? Щука посолена и вѣроятно готова, шпинатъ есть... вотъ огурчика бы достать...

— Постараюсь; схожу сейчасъ къ Евлаліи Васильевнѣ: можетъ быть и найдется изъ парниковыхъ... А супъ прикажете?

— Хорошо-бы щи изъ расады, а на второе—цыпленочка... и будетъ.

— Достану, бабинька, достану, дорогая...

— Ой ты прелесть моя, дѣвочка моя милая! притянула она внучку къ себѣ;—что-бы я безъ тебя дѣлала? Богъ подастъ тебѣ, Зююшка, за то, что ты старуху ублажаешь! говорила она между поцѣлуевъ.

— А что вышло-бы изъ меня, бабинька, еслибъ не вы? Обо мнѣ говорить нечего: развѣ можно оцѣнить труды ваши, заботы, лишенія!

Зоя порывисто обняла старушку и не одна слеза скатилась съ ея темныхъ рѣсницъ на морщинистую щеку бабушки.

Такъ до свиданія! поспѣшила скрыть свое волненіе дѣвушка:—иду въ огородъ.

Евлалію Васильевну Зоя застала за спѣшной работой: она лично разрѣжала морковь, выдергивая уже порядочной величины всходы; невдалекѣ отъ нея двѣ бабы пололи петрушку и порей, а еще подальше два парня вколачивали тонкіе колья въ гряды гороха и фасоли.

— Простите, милая барыня, что не могу поздороваться съ вами какъ-бы слѣдовало: вонъ какія у меня руки! Надо сиѣшить: корешки у морковки ужъ порядочные... Коли не разрѣдить—морковь будетъ тонкая и короткая... (Она поднялась и распрямила спину).

— Устали?

— Спина плохо служить стала; годъ-то сказываются;—Сядемте на скамеечку—я отдохну немножко.

Они сѣли.

— Я—вѣдь, Зоя Владиміровна, съ раннихъ лѣтъ къ огороду привѣржена; покойный батюшка мой, сельскій священникъ, большой хозяинъ былъ; у него, окромя овощей, и парнички были и ягоды: малина, клубника, крыжовникъ... Въ саду яблоки росли—извѣстно не Богъ-вѣсть какіе... Подъ

конецъ и пчель завель. Вотъ я ему во всемъ и помогала, пока замужъ меня не выдали:— Охъ ужъ это сватовство! Вѣдь за перваго встрѣчнаго выдали: всего два-три раза и жениха-то видѣла! Польстились, что чиновникъ да фамилія громкая: Голицынскій. Эка подумаешь невидаль!.. Пробовала тетушка Калерія отговорить батюшку не отдавать за пьяницу—куды ты! „И слово свое измѣнить не могу, да и семьсотъ рублей, что я потратилъ, назадъ не вернешь! Кромѣ Евлаліи у меня еще четыре дѣвки на шеѣ!“—Такъ меня, рабу Божию, и отдали на пропятіе!—Худо жилось! А все-жъ таки и мужа было жалко: недугъ—вѣдь то же... Начальство его любило: умный и исполнительный онъ былъ. Вѣрите-ли, барышня, придетъ онъ со службы на веселѣ, за обѣдомъ прибавить, потомъ спать ляжетъ; проснется—и сейчасъ-же за дѣла. Все исполнить, за ужиномъ снова зарядить, а на утро, въ семь часовъ, какъ встрѣченный! Такъ прожили мы лѣтъ семь; повысили моего Семена Ивановича по службѣ, жалованья прибавили—и на бѣду вышло: сталъ пить еще больше, а главное началъ дѣломъ пренебрегать. Наконецъ допилъ до бѣлой горячки и повѣсился!—Благодареніе Господу, что дѣтей у насъ не было; что-бы я дѣлать стала? Пенсіи Семень Ивановичъ не выслужилъ дали сколько-то на похороны да единовременно. И за то спасибо!

— А вы долго были замужемъ?

— Около десяти лѣтъ... Ну, продала я все, что было у насъ въ квартирѣ, и пошла по людямъ. Десять лѣтъ болталась я по мѣстамъ; не приведи Богъ болтаться такъ: то прислуга такая, что съ ней не сладишь, хоть ты ангеломъ съ ними будь, то господа невозможные, а то и еще того хуже—не хотятъ брать въ услуженіе чиновницу: „вы себя дворянами считаете, васъ и обругать нельзя... Нѣтъ—нѣтъ такихъ намъ не надо!“—Наконецъ Богъ сжалился надо мной и я совершенно случайно попала въ Волынское... И вотъ уже третій годъ здѣсь живу.

— И довольны?

— Ой, да лучше мнѣ и не надо! Юрій Александрычъ—вѣдь баринъ рѣдкостный... Душа—баринъ! Онъ-то бы только не отказалъ мнѣ, а я по гробъ жизни его работница!

— Отчего-же вы вторично замужъ не вышли?

— А слыхали пословицу: „обожжешься на молокъ—

будешь дуть и на воду!“ Такъ-то и я: обожглась, ужъ на что лучше,—что-же мнѣ снова въ петлю лѣзть?

Евлалія помолчала немного и задумалась.

— Жалко барина! подняла она голову:—такой молодой, красивый...

Одинъ—одинешенекъ сидитъ въ Вольтинскомъ... Ну, лѣтомъ: работы, охота, служба... А зимой? Одна служба... Скуката какая... Двадцати шести лѣтъ потерять жену да еще такъ, какъ онъ потерялъ... Ужъ лучше-бы еѣ схоронить! Вѣдь, милая барышня, онъ, бѣдненькій, теперь по рукамъ и по ногамъ связанъ! Ни любить, ни жениться не можетъ! Хуже: и полюбить—такъ только на мученье одно... Коли честный человѣкъ—бѣжать отъ такой любви долженъ, а нечестный—губить свою милушку!—Ой, барышня, горько это искушеніе для молодого человѣка! Нонче говорятъ, что, въ такихъ случаяхъ, можно пожалуи и не вѣнчаться, а будетъ ребечекъ—усыповить; да вѣдь грѣхъ-то все-таки будетъ!—А у васъ, Зоя Владиміровна, женишка еще нѣтъ? послѣ паузы, скромно полюбопытствовала Евлалія.

— Нѣтъ; да если и будетъ—ранѣе смерти бабиньки, замужь я не выйду: одну еѣ ни за что не оставляю... Я слишкомъ много еѣ обязана!

Хорошо это, барышня, куды какъ хорошо, а только не заклиняйтесь: силенъ врагъ рода человѣческаго, ходитъ онъ, какъ левъ рыкающій, ница кого поглотитъ!

— А я вѣдь съ просьбою къ вамъ: отпустить два огурчика можетъ быть еще есть въ парникахъ...

— И больше отпущу, коли найдутся... не велика просьба!

Онѣ встали и пошли къ парникамъ.

— А вотъ одинъ и есть! пошаривъ между листьевъ, сорвала Евлалія;—и другой и третій...

— Будетъ; намъ вѣдь для ботвиньи... бабинькѣ захотѣлось...—Ну, спасибо вамъ, голубушка, не забудьте-же въ книжку вписать.

— И вписывать не стану вздоръ эдакой! А вотъ что я хотѣла сказать вамъ, Зоя Владиміровна: завтра у насъ въ городъ ѣдутъ—не надо-ли вамъ чего?

— А на чемъ ѣдутъ?

— На плетушкѣ, парой... Знаете: плетеная телѣжка, какъ коробочка...

— Надо-то—надо... да можно-ли это устроить?

— А что такое?

— Знакомую надо привезти.

— Совершенно можно: отсюда повезутъ какую-то часть жатвенной машины въ поправку, а пазадъ порожнёмъ вернуться.— Да вонъ баринъ сами идутъ, опуская раму парника, указала Евлалія на выходявшаго изъ крыжовниковой аллеи Вязьмина.

Зоя пошла къ нему навстрѣчу.

Сейчасъ только отъ васъ... заходилъ провѣдать Надежду Васильевну да спросить не надо ли чего въ городъ, у меня завтра ѣдутъ... Ну что, нашли огурцовъ?

— Цѣлыхъ три. Благодарю за любезность, только не знаю, можно-ли будетъ устроить то, о чемъ я хочу васъ просить.

Они направились къ дому.

— А развѣ что-нибудь необычайное? улыбнулся Юрій.

— Прошу у васъ позволенія привезти сюда одну несчастную труженицу, Леночку Коноплеву, съ дочкой лѣтъ пяти, —отдохнуть и подышать свѣжимъ воздухомъ... Можно?

— Зоя Владиміровна... Господь съ вами! Конечно можно!

— Бѣдняжка совсѣмъ переутомилась... Она нездѣшняя: изъ К., дочь небѣднаго купца, удачно прошла шесть классовъ гимназій... Скромная, добрая и прехорошенькая; худая только очень и покашливаетъ... По моему, у нея есть расположеніе къ чахоткѣ; вотъ почему я такъ и прошу васъ: докторъ велѣлъ ей провести лѣто въ деревнѣ.

— А сколько ей лѣтъ?

— Двадцать нять.

— Что-же она дѣлаетъ въ N.?

Служить фельдшерницей при бесплатной больницѣ для приходящихъ, что у Краснаго моста; жалованья—тридцать рублей въ мѣсяцъ и квартира въ двѣ комнаты. Работы много: отъ пятидесяти до ста рецептовъ въ день бываетъ и всѣ она должна приготовить, —помощнику это не довѣряется. Ранѣе четырехъ часовъ она не обѣдаетъ, а уже въ шесть—семь часовъ вечера бѣжитъ на практику, несмотря на погоду: безъ работы на сторонѣ не прожить! Еще счастье Леночки, что съ ней живетъ ея бывшая пьянка, старушка

шестидесяти лѣтъ: она и за дѣвочкой смотритъ и кухарничаетъ и всѣмъ завѣдуетъ; вотъ ужъ подлинно Господь послалъ ей эту рѣдкую женщину!

— А здѣсь она давно?

— Пятый годъ; въ здѣшней школѣ она и училась. Кончила прекрасно. Съ большой энергіей дѣвушка.

-- Вы-то какъ съ ней познакомились?

— Случайно. Въ одномъ изъ домовъ, гдѣ я даю уроки... Потомъ добрыйшій Иванъ Константиновичъ выхлопоталъ ей стипендію въ фельдшерской школѣ.

— Съ чего-же она въ фельдшерницы пошла, когда, какъ вы говорите, отецъ у нея состоятельный, сама она хорошенькая... Вдова она или разводка?

— Ни то ни другое; несчастная, обманутая дѣвушка: неудачно полюбила, отецъ выгналъ, давъ на дорогу и приданое полторы тысячи. Спасла её религія и старушка няня, а то Леночкѣ-бы не сдобровать: положеніе было ужасное! Изъ К. онѣ, вдвоемъ, какимъ-то образомъ попали въ нашъ городъ, потомъ Леночка поступила въ школу и черезъ три года, по окончаніи курса, получила теперешнее мѣсто. Ужъ какъ онѣ перебивались эти годá—единому Богу извѣстно: одной стипендіей не проживешь! Знаю только, что обѣ находили еще время работать: няня клеила конверты, а Леночка шила. Питались онѣ конечно впроголодь, спали тоже не вволюшку! Вотъ это недоѣданіе да недосыпаніе теперь и сказываются!

— Я завтра, рано утромъ, въ участокъ ѣду,—такъ ужъ потрудитесь, Зоя Владиміровна, обо всемъ приказать старостѣ: понадобится кровать, кое что изъ мебели—онѣ все это исполнить. Газеты къ вашимъ услугамъ.

— Благодарю васъ... Надолго-ли ѣдете?

— Недѣльку проѣзжу.

Они разошлись.

XVIII.

Вязьминъ только что вернулся изъ участка и, въ ожиданіи завтрака, разбиралъ привезенныя имъ бумаги, когда въ кабинетъ вбѣжалъ Мишутка и доложилъ, что пришелъ о. Павелъ и спрашиваетъ, можно-ли войти.

— Конечно! И самоваръ поставь.

— Какъ это вы узнали о моемъ прїѣздѣ? спросилъ Юрій, здороваясь съ священникомъ.

— Вы не замѣтили меня: я былъ въ гуменникѣ... Ну, не утерпѣлъ и явился.

— Спасибо, дорогой; хотите селедки, килекъ, рыжиковъ соленыхъ больше ничего постнаго нѣтъ... Караси въ прудѣ еще гуляютъ!

Ничего не хочу: я недавно обѣдалъ.

— Тогда чайку?

— Это можно. Долго-же вы ѣздили: недѣлю слишкомъ.

— И наголодался-же я... мяса никакого! А о мухахъ, комарахъ и другихъ звѣряхъ—и говорить нечего: всего изѣбли!

— А на счетъ политики какъ... тихо? спросилъ о. Павелъ, садясь.

Несовсѣмъ: наѣхали учащіеся всѣхъ сортовъ... Жужжать, книжки распространяютъ... Попадаются и прокламаціи... Работаютъ, только больше изподтишка, учителя, учительницы, студенты... Я-бы ихъ живо скрутилъ, а губернаторъ требуетъ, чтобы ихъ не беспокоили, что все это вздоръ—ну какъ тутъ быть? Вотъ завтра Ивановъ день; воображаю, что за пьянство будетъ въ Новосельѣ! Самая скверная у меня волость.

— И у насъ, въ приходѣ о. Квинтильяна, не лучше будетъ! махнулъ рукою священникъ.— Да это что... Въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ обезумѣли... Газетъ-то вы ужъ недѣлю какъ не читали...

— Зоя Владиміровна зато читала... А что?

— А то, что, прочитавъ послѣдніе нумера, барышня въ ужасъ пришла: убійства полицейскихъ чиновъ, нападенія на патрули, бросаніе бомбъ—чего-чего и не дѣлается. Въ Варшавѣ, въ семь часовъ вечера, въ патруль бросили бомбу: одинъ убитъ, тридцать одинъ раненъ! И опять таки бросилъ чуть не мальчишка: восемнадцатилѣтній рабочій! Въ Либавѣ, въ казачій разѣздъ, тоже бросили бомбу... Зоя Владиміровна бабушкѣ и половины прочитаннаго не сообщала. Да вотъ газетка моя—„Правда и ложь“, недавно напечатана (онъ вынулъ изъ кармана листокъ)...

— Пойдемте въ столовую: смерть ѣсть хочется! И вы закусите...

— Нѣтъ, Юрій Александровичъ... Чайку выпью... Вы насыщайтесь, а я прочту, что пишутъ.

Они перешли въ столовую; Вязьминъ принялся за закуску, а о. Павелъ развернул газету.

— Я буду сокращать, а все читать, сплошь—долго да и противно.—Газетчику пишутъ изъ Х., что тамъ получено было извѣстiе изъ Петербурга, что надежда на миръ болѣе чѣмъ слаба и что военный совѣтъ высказался за продолженiе войны и усиленiе нашихъ войскъ въ Манджурiи. Эта вѣсть произвела настоящую панику среди членовъ революціоннаго „Союза союзовъ“. Созвали совѣщанiе: „что дѣлать“? Одинъ изъ членовъ сказалъ такую рѣчь: „Нашему дѣлу и намъ грозитъ страшная опасность: мы должны употребить всѣ усилiя, чтобы миръ былъ заключенъ немедленно и вотъ почему: армія противъ насъ; она считаетъ насъ виновниками своихъ неудачъ. Если она возвратится домой безъ побѣды—бояться намъ нечего: она будетъ молчать; но иначе будетъ обстоять дѣло, если армія вернется въ Россію побѣдоносною, а это случится, если война затянется. Тогда кредитъ арміи поднимется и она отомститъ намъ за позоръ за свои неудачи. Она вѣдь отлично знаетъ, что мы—причина забастовокъ, медленнаго движенiя солдатъ и боевыхъ припасовъ на театрѣ войны и пр. Побѣда арміи—могила для всего нашего дѣла! Поэтому мы должны, во что-бы то ни стало, заставить правительство заключить миръ съ Японiей и какою-бы то ни было цѣною! Для этого „союзъ союзовъ“ немедленно долженъ обратиться къ Рузвельту и королю Эдуарду съ просьбой оказать давленiе на русское правительство всевозможными средствами... Ну, и такъ далѣе.. Каковы измѣнники! Каковы наглецы! опустивъ газету, промолвилъ священникъ.

— Наглецы-то они наглецы, а какъ назвать тѣхъ, которые допускаютъ существованiе такихъ союзовъ! Ой батюшка—батюшка, чувствуетъ мое сердце, что это еще цвѣточки, а ягодки впереди!

— Сохрани Господи и помилуй! набожно перекрестился о. Павелъ.

— А сообщала вамъ Зоя Владиміровна о депутаціи 6-го iюня, земцевъ и думцевъ?

— Сообщала.

— И вы прочли рѣчь князя Трубецкаго, бастующаго профессора?

— Прочелъ и возмущился: это ужасъ что такое!

— Вотъ, батюшка, до чего мы дошли! И это—русскій князь!

— Но какъ смѣютъ эти господа говорить отъ лица народа?.. Кто ихъ уполномочилъ?

— Конечно никто! Надумались да и полѣзли къ Царю! Намъ, видите, нуженъ созывъ избранниковъ народа,.. Мы хотѣли-бы, чтобы всѣ русскіе подданные, *хотя-бы чужды намъ по вѣрѣ и крови*, чувствовали себя сынами Россіи и любили ее такъ же, какъ мы ее любимъ!.. Его сіятельству очень желательно насильно втереть въ русскую жизнь людей, хотя-бы чуждыхъ намъ по вѣрѣ и крови, т. е. главнымъ образомъ жидовъ!

— Жидъ—народнымъ представителемъ! Жидъ—ненавистникъ христіанъ!.. Жидъ—пьявка, присосавшаяся къ здоровому русскому тѣлу! О Господи! вставилъ о. Павелъ.— Зато рѣчь Государя, краткая, твердая, ясная... Какъ бодритъ она истинно-русскаго человѣка!.. Она сразу разрушила всѣ лживыя толкованія: Государь прямо сказалъ, что рескриптъ 18 февраля—это возвращеніе къ древнимъ устоямъ: онъ говоритъ о созданіи въ Россіи такого порядка, который отвѣчалъ-бы *самобытнымъ русскимъ началамъ*.

— Значитъ, перебилъ Юрій,—рѣчь идетъ объ усиленіи ея самобытности; одинъ-же изъ главныхъ нашихъ самобытныхъ началъ—неограниченность Царской власти.

— Да; таковы Царскія слова. Ими снова утверждается незыбленность Самодержавія.

— Николай—стрѣлецъ пришелъ... прикажете пустить? спросилъ вошедшій Петруша.

Зови!

Въ дверяхъ показался сорокалѣтній молодець, бывшій солдатъ, темнорусый, коротко остриженный, съ большими усами и бритой бородой; онъ былъ въ сѣренькомъ казакинѣ, синихъ шараварахъ и высокихъ сапогахъ.

— Ну что, стрѣлецъ мой вѣрный, вставь со стула, потрепаль его по плечу Вязьминъ: разузналъ что-нибудь?

Николай, по солдатски, поздоровался съ Юріемъ, подошелъ подъ благословеніе священника и, вытянувшись, отвѣтилъ:

— Такъ что, ваше благородіе, къ первому іюля стрѣлять можно: въ Новинской выгородѣ, въ самомъ лѣвомъ углу,—сѣрья куропатки, чуть не съ матку,—выводокъ большой... Подъ Слободищемъ, въ Заполицѣ,—тамъ поздно косятъ,—выводокъ тетеревей и линьки, на опушкѣ болота, должны быть да въ поповской выгородѣ тоже выводокъ,—ну да этому надо еще подрости.

— Ты „Леди“ съ собой бралъ?

— Ее, старушку.

— Горячилась съ лѣжки?

— Не такъ чтобы очень: года ужъ не тѣ. Да она и „послухлива“¹⁾.

— А дупеля вываливаются изъ крѣпей?²⁾

— Есть, да дождей нѣтъ—такъ еще мало... Бекасики изъ-подъ ногъ срываются... только строги. Коли вы генерала хотите потѣшить—самое подходящее мѣсто Новинская выгорода: и ходить хорошо и никуда птица не дѣнется: все въ выгородѣ держаться будетъ, потому мѣсто обширное, а кругомъ поля да подсѣвки. Опять-же можно и на тетеревей наткнуться; помните, въ запрошломъ году, въ самомъ концѣ, у ямки, гдѣ еще выжженная елушка стоитъ, какой большущій выводокъ мы тогда подняли!—Можно, послѣ небольшой паузы, продолжалъ Николай,—свести генерала и на Назаровскую заводь—отъ Новинской выгороды и всего двѣ версты,—тамъ бекасъ навѣрно есть, а если черезъ недѣлю—такъ и дупель вывалить безпримѣнно на пожню... знаете, около поповской розчистки?... Да что говорить, Юрій Александрычъ, найдемъ дичь и передъ генераломъ не осрамимся!.. Такъ что извольте звать его превосходительство на первое число, а до той поры я еще похожу.

— Постою... А мы-то какъ-же? Генераль своимъ чередомъ, а намъ надо-же до него хоть поля два взять: у меня руки чешутся, Николай!

— Птицы на всѣхъ хватить, бояться нечего... нонче весна была охотничья. Вотъ послѣ Ивана Купалы и пойду бродить,—да еще вотъ что: повстрѣчалъ я кума изъ Нетина: говорить, что промежь берега Чернавы и мелкаго

1) „Послухлива“—послушна.

2) Крѣпь—густой кустарникъ на мокромъ кочкарникѣ.

березняка Родіоновцевъ, на лугахъ есть тетерева и бѣлыя куропатки... Не однажды ребята, ходя по ягоды, ихъ подымали.

— Ну, этихъ мы побережемъ: никто ихъ не тронетъ.

— Извѣстно: мѣсто глухое.

— Чарочку хочешь?

— Рады стараться! усмѣхнулся Николай.

— Петруша, распорядись!

Николай вышелъ, а за нимъ поднялся и о. Павель.

— И я двинусь, сталъ онъ прощаться:—пора вамъ и отдохнуть до обѣда... Да, вотъ еще что я забылъ: пятнадцатаго начата мобилизація...

— Это недурно! Зайдете во флигель?

— Нѣтъ: часто будетъ... садомъ пройду... А вы?

— Вечеркомъ загляну... Надо еще поля обѣхать: клеверъ начали косить.

— А не рано? Жирень еще... Сушить будетъ трудно.

— Барометръ стоитъ между „ясно“ и „великая сушь“...

Надо пользоваться.

— Ну, Господь съ вами! Къ намъ милости просимъ! откланялся о. Павель.

Когда около шести часовъ вечера Вязминъ зашелъ къ Канищевымъ, всѣ онѣ сидѣли на верандѣ; Зоя читала вслухъ „Москвича“, бабушка, по обыкновенію, вязала, а Леночка Коноплева, опершись на баллюстраду, слѣдила за дочерью, катавшей по дорожкѣ „серб“. Красивая блондинка, средняго роста, съ голубыми задумчивыми глазами и правильнымъ, но похудѣвшимъ оваломъ лица, Леночка, всею своей фигурой, вызвала участіе къ себѣ: такъ вотъ и хотѣлось спросить ее: „милая дѣвушка, чѣмъ успокоить васъ, чѣмъ вызвать на вашемъ утомленномъ личикѣ радостную улыбку?“ Одѣта она была просто: маленькая „сгѣте“ жакетка и недорогая коричневая юбка, кожаный поясокъ и темный, пестренькій галстучекъ. На привѣтствіе Вязмина, она отвѣчала застѣнчиво, нѣсколько вяло и легкой румянецъ скользнулъ по ея впалымъ щекамъ; поблагодаривъ Юрія за доставленіе ея въ Волынское, она сбѣжала съ террасы, чтобы вернуть дочь, слишкомъ удалившуюся отъ дома.

— Хорошая должна быть дѣвушка, не утерпѣлъ, чтобы,

по обыкновенію, не высказаться Вязьминъ:—такъ-вотъ горе и сквозить у нея на лицѣ! Да, Зоя Владиміровна, вы правы были, когда такъ тепло говорили о ней.

— Вотъ она у насъ недѣлю, вмѣшалась старушка,—а не скажешь, что она мѣшаночка: деликатная, скромная, кроткая... И дочка въ ней: о какихъ-либо капризахъ и рѣчи нѣтъ; всѣмъ-то она, дѣточка, довольна!

— Что-же пичкаютъ её чѣмъ-нибудь? спросилъ Юрій.

— Дали пилюли съ мышьякомъ и велѣли натираться свинымъ саломъ... Доставать-то его теперь трудно, сказала Зоя.

— Свиныи у насъ есть, ледникъ для сала прекрасный. Завтра-же зарѣжутъ боровка, который пожирнѣе, мясо мы съѣдимъ, а сало предоставимъ въ распоряженіе Леночки. Какъ её по батюшкѣ?

— Михайловна?

— А дочку какъ зовутъ?

— Соней.

Ну вотъ Елена Михайловна натрется сальцемъ, погушаетъ мышьячку, да погуляетъ на чистомъ воздухѣ—Богъ милостивъ, и поправится! Мнѣ кажется, что теперь чахотки у неё еще нѣтъ, а, конечно, если жизнь ея не улучшится—немудрено и получить её.

— Юрій Александровичъ, покачала головой старушка,—а вѣдь вы добрый человекъ!

— Не злой! разсмѣялся Вязьминъ;—бунтарей только ненавижу: такъ-бы ихъ и придавилъ! Да начальство не позволяетъ: говорить: надо убѣждать ихъ, а не раздражать... Крутыми мѣрами ничего не добьешься! А пока ты ихъ убѣждаешь—живо браунингомъ поподчуютъ!

— Ну, какъ вы съѣздили? Ничего съ вами непріятнаго не случилось? спросила Зоя.

— Благодарю за участіе... все обошлось благополучно: комары да мухи спать только не давали.

— А вотъ у насъ—благодать: ни одного комарика.

— Въ Волинскомъ комаровъ всегда мало, а мошки и совсѣмъ не бываетъ: домъ на горѣ, рѣка не близко, прудъ за садомъ и огородомъ...

— Какъ-же вы всю эту недѣлю питались... на сухояде-ніи были?

— Первые два дня поголодалъ, потому что мнѣ провизіи не приготовили, а потомъ ничего: наладилось... Три блюда за обѣдомъ было: супъ изъ курицы, грибы въ плоскѣ, цыпленокъ жареный... Варьировали тяже...

— Кто-же вамъ готовилъ?

— Поваренкомъ были бабы, а поваромъ самъ я!

— Да вы развѣ понимаете что-нибудь въ кулинарномъ искусствѣ? размѣялась Зоя.

— И очень многое: сварю супъ, щи, борщъ, уху—чего-же больше? Изжарю цыпленка, дичь... Право, еслибъ я поступилъ къ вамъ поваромъ—вы съ удовольствіемъ-бы дали мнѣ восемь-десять рублей въ мѣсяцъ; вѣдь я почти не ньющій, а ужъ пьянымъ меня вы не увидите! Развѣ не рѣдкость это въ наше время? Да! Пирогы, пирожки испеку... и съ разнымъ фаршемъ... И пирожное кой-какое умѣю...

— Да вы гдѣ-же этому научились? спросила Надежда Васильевна.

— Приглядывался... поваръ у меня недурной; а главное: необходимость заставила... Иной разъ три недѣли въ уѣздѣ пробудешь—хоть голодай! Но неволѣ пріучишься!

— Да вы просто кладъ для семейной жизни: съ вами не пропадешь! сказала Зоя.

— Кладъ не кладъ, а кажется годился-бы, но судьбѣ неугодно было сдѣлать меня семьяниномъ! съ оттѣнкомъ грусти, отвѣтилъ Юрій и обратился къ старушкѣ:

— А что, Надежда Васильевна, не съѣдимъ-ли мы завтра „по грибы“ всѣмъ обществомъ? И вы, Елена Михайловна съ Соней, замѣтивъ её, подходящую къ верандѣ, добавилъ Вязьминъ.

— Куда? спросила Зоя.

— Въ березовую рощу; вы тамъ не бывали?

— Рощу видѣла, но до нея не доходила.

— Роща прадѣдовская, грибовъ тамъ пропасть и больше всего бѣлыхъ... Правда и воровъ пропасть, но я надѣюсь, что и намъ что-нибудь оставятъ: теперь сѣнокосъ, дѣвницы заняты, а дѣтвора немного соберетъ. Надо только тотчасъ-же послѣ обѣда ѣхать.

— Благодаримъ и будемъ готовы;—бабинька, а вы? спросила Зоя.

— Конечно поѣду.—Юрій Александрычъ, у васъ долгуша?

— Да, но на рессорахъ; поѣдемъ потихоньку.

— Да я не боюсь... И только такъ спросила; значить мы всё усядемся?

— Всѣ.

— Кто-то ѣдетъ... звонки! прибѣжала Соня.

— Мало-ли кто ѣдетъ, Соня, сказала мать,—дорога здѣсь большая...

— Да, мама, дорога здѣсь большая... больше, чѣмъ у насъ противъ больницы; и деревья большія, а у насъ никакихъ деревьевъ нѣтъ... И не звонятъ, когда ѣдутъ...

— Соня, а вы хотите ѣхать завтра съ нами въ рошу грибы собирать? ласково спросилъ Вязминъ.

Дѣвочка конфузливо опустила головку и стала вертѣть свой поясокъ.

— Что-же, Соня, отвѣтъ, наклонилась къ ней мать:— дядя насъ прокатить хочетъ.

— На лошадакахъ? не сразу поднявъ голову и подбодрившись, спросила дѣвочка.

— Да, на лошадакахъ... Поѣдемъ скоро, потомъ чай будемъ пить, сказалъ Юрій.

— И съ булочками? глядя на него изподлобья, спросила Соня.

— И съ булочками и съ крендельками.

— Надѣюсь и съ закусочкой? пробасилъ появившійся въ дверяхъ Шаталовъ.—Всѣмъ глубокій поклонъ!

Всѣ радостно вскрикнули.

— Дмитрій Никитичъ!

— Да кто тебя приглашалъ?.. Вваливаешься въ домъ безъ доклада! разсмѣялся Вязминъ.

Шаталовъ поцѣловалъ руки старушки и Зои, познакомился съ Коноплевой и облобызалъ кузена.

— Къ такому-то торжественному дню, да не пріѣхать— ты кажется съума сошелъ!

— А что такое? спросила Зоя.

— Помилуйте... да послѣ завтра день его рожденія!

— Послѣ завтра... такъ зачѣмъ-же ты явился сегодня, а не завтра? смѣясь, спросилъ Юрій.

— Для вящаго уваженія! Надѣюсь, что будетъ домашняя всеношная?

— А я и забылъ совсѣмъ спохватился Вязминъ,—

конечно будетъ; такъ ужъ поѣздку въ рошу мы отложимъ до послѣ-завтра, обратился онъ къ старушкѣ.

— Какъ хотите, Юрій Александрычъ.

— Да оно и лучше: завтра—праздникъ, косить не станутъ, всѣ дѣвушки налетятъ въ рошу и такъ её очистятъ, что намъ ни одного грибка не оставятъ! замѣтила Зоя.— Дмитрій Никитичъ... голубчикъ! умоляюще обратилась она къ нему.

— Чувствую! разсмѣялся Шаталовъ. — Романскъ?

— Хоть одинъ!

— Зонька, побойся Бога, вмѣшалась старушка:—человѣкъ только что изъ экипажа, а ты пристаешь къ нему съ пѣніемъ!

— Да это ничего, Надежда Васильевна, я радъ угодить Зоѣ Владиміровнѣ; на минутку только позвольте въ домъ сбѣгать: почиститься надо.

— Не за этимъ ты побѣжишь—знаю! сказалъ Вязьминъ.

— Какое педовѣріе! поднявъ руки, воскликнулъ исправникъ.

— Знаю и я! смѣясь добавила Зоя и быстро пошла въ домъ.—Подождите уходить... я сейчасъ...

Минуть черезъ пять, она позвала Шаталова въ столовую: на столѣ стояла легкая закуска.

— Закусите безъ церемоніи, ласково предложила дѣвушка:—вы проголодались.

Исправникъ подкрѣпился, но тѣмъ не менѣе испросилъ у хозяйки позволенія снести въ домъ, для передачи повару привезенную нельму основное блюдо послѣзавтрашняго обѣда: минутъ черезъ десять Шаталовъ возвратился и изъ флигеля послышалась прелюдія рояля и затѣмъ полились могучіе звуки изъ „Жизни за Царя“—Дмитрій Никитичъ пѣлъ предсмертную пѣсню Сусанина: „Чуютъ правду“...

XIX.

— Послушай, Юрочка, вернувшись на другой день отъ обѣдни и сидя за завтракомъ, обратился Шаталовъ къ Вязьмину:—парадъ завтра будетъ?

— Да.

— И „плебсъ“ покормишь?

— Непремѣнно! Кромѣ того, что „плебсъ“ теперь безусловно нуженъ—я люблю мужика, а тѣмъ болѣе мнѣ близкаго.

— Ну еще-бы! Вѣдь ты все въ розовомъ свѣтѣ видишь... Въ каждомъ плутищѣ ищешь, нѣтъ-ли какого перла! И пакостямъ людскимъ не вѣришь и всякому полному дѣйствию оправданіе найдешь! Налей-ка мнѣ красненькаго, вонъ этаго... „Понте-кане“ что-ли? Я за упокой нынѣшнихъ подлецовъ, что Россію треплуютъ, выпью!

— Да полно тебѣ браниться! наливая вино и смѣясь, сказала Юрій.—Скажи лучше, какое меню создать на завтра?

— Да ты что: слона-то завтрашняго меню не замѣтилъ что-ли? Не оцѣнилъ трудовъ любящаго тебя кузена?

— Какихъ трудовъ? смѣялся Вязьминъ, глядя на притворную горячность исправника.

— Я вамъ, Юрій Александровичъ, съ большими хлопотами добылъ съ Никольскаго озера великолѣпную двѣнадцатифунтовую нельму, торжественно возвѣстилъ Дмитрій Никитичъ, привезъ её сюда во льду и въ крапивѣ и сдалъ вашему повару, чтобы тотъ немедленно зарубилъ её въ ледь!

— Прости, Митя—я не зналъ, обнялъ Шаповалова Вязьминъ; спасибо голубчикъ!

— Я не снасиба добиваюсь, въ томъ-же тонѣ продолжалъ исправникъ, брось эту глупость... А какъ смѣли не доложить тебѣ и что мы изъ этой рыбины сотворимъ...

— Подадимъ холодную, подъ маіонезомъ, соусъ провансаль.

— Одобряю; съ приличнымъ гарниромъ конечно?

— Еще-бы: зелень есть, имѣются и приправы.

— Затѣмъ?

— Ботвинья съ осетриной и бѣлужиной, супъ printanière, пирожки слоеные, цыплята...

— А на пирожное?

— Думаю сдѣлать мороженое изъ земляники.

— И это хорошо... а мужичьё чѣмъ кормить будешь?

— Ботвинья, только со щукой, пироги съ треской и вареньемъ; двое старшинъ, писаря, Евлалія Васильевна и писмоводитель будутъ обѣдать у Андрея Карпова, а дворовые—въ застольной, подъ наблюдениемъ кучера.

— То то чтобы къ вечеру не перепились; въ ронцу вѣды хотѣль вѣхать.

— Кучерь не напьется, поварь тоже.

— Перепьются дворовые и станутъ другъ другу морды чистить!

— Полно тебѣ вздоръ молоть: никогда этого не было.

— Ну, не было и слава Богу!.. Сегодня-то, что мы дѣлать будемъ? Вѣдь теперь только третій часъ.

— Пройдемся по селу, зайдемъ въ огородъ, въ поля —тебѣ полезенъ моціонъ...

— А вечеромъ?

— Шестопсалміе читать.

— Ахъ я—телятина! О всенощной-то и забыль... А когда батя явится?

— Часамъ къ семи; а послѣ всенощной предлагаю тебѣ во флигель зайти.

— Нѣтъ-съ: это намъ не по мысли, какъ деревенскія дѣвки говорятъ... Во-нервыхъ—часто будетъ, а во-вторыхъ—это называться на ужинъ. Да и надо пораньше лечь спать: батя Павелъ завтра аккуратно въ половинѣ десятаго возгласитъ: „благословенно царство“ и къ этому времени надо уже быть въ церкви: смерть не люблю входить среди службы.

— Идемъ что-ли? послѣ паузы, беря фуражку и направляясь къ лѣстницѣ, спросилъ Вязьминъ.

— Нѣтъ, ужъ я раздумалъ, потягиваясь, отказался. Шаталовъ,—иди, Юрочка, одинъ, а я полежу до обѣда. Никакой необходимости я не вижу бродить по жарѣ; тебя это интересуеть какъ хозяина, а я-то съ чего поплетусь?

Юрій направился въ огородъ; навстрѣчу ему вышелъ изъ флигеля Андрей Карповъ:

— Юрій Александровичъ, снимая картузь и здороваясь, обратился онъ къ Вязьмину:—не бываль у васъ сегодня маслодѣль?

— Нѣтъ; а что?

— Да онъ отъ насъ отходитъ хочеть: въ городъ его переманивають.

— Что-жъ онъ до сихъ поръ молчалъ? Вѣдь десятаго іюля арендѣ срокъ кончается... всего двѣ недѣли осталось! Что-же мы-то дѣлать станемъ?.. Куда съ молокомъ дѣнемся? Русское масло топить что-ли будемъ? Другого такого арен-

датора не скоро найдемъ, да еще найдемъ-ли? На плута какого-нибудь нарвемся!

— Полноте, батюшка, беспокоиться: не велика печаль, что арендаторъ уйдетъ—скатертью дорожка! Еще къ лучшему это будетъ! отворяя воротцы въ огородъ, утѣшаль староста.

— Ну ужъ врядъ-ли!

— А вы про Троицкую артель извѣстны?

— Слыхалъ; что-жъ изъ этого?

— А то, что артель эта все растетъ да растетъ... Дѣло что ни на есть лучше поставлено... въ акуратѣ... Въ прошломъ мѣсяцѣ, а вѣдь извѣстно, что лѣтомъ, цѣна на масло, а значить и на молоко, ниже стоитъ, чѣмъ осенью и зимой,—пайщики получили по шестьдесятъ три копѣйки за пудъ молока, а арендаторъ намъ платитъ, круглый годъ, только по сорока пяти копѣекъ! Вотъ и извольте прикинуть, сколько въ годъ лишка прибудеть: вѣдь доекъ-то у насъ восемьдесятъ головъ!

— Такъ ты, Андрей Карпычъ, совѣтуешь въ артель записаться?

— Безпремѣнно! По моему, такъ тутъ и сумлѣваться нечего.

— А какъ лопнетъ?

— Артель-то? Да съ чего ей лопнуть? У нихъ есть дѣльный староста, грамотный, совѣтъ для повѣрки, каждый мѣсяцъ, прихода и расхода. Деньги поставщикамъ выдаются каждое первое число. Коли вы запишетесь—васъ безпримѣнно въ совѣтъ попросятъ и все дѣло вамъ извѣстно будетъ. Маслодѣль у нихъ прекрасный и вамъ извѣстный: Зайцевъ изъ Покровскаго... Ушелъ оттуда только потому, что барыня тамошняя померла.

— А возить молоко, конечно, мы ужъ должны?

— Мы.

— Придется лошадь прикупать.

— Поштъ? Далекó что-ли возить: трехъ верстъ до Троицкаго не будетъ... Всегда найдемъ возможность урвать и лошадь и человекъ на часокъ-другой.

— Ну такъ, благословясь, орудуй Карпычъ!

— Слушаю.

Они подошли къ парникамъ. Голицынская, лѣвой ру-

кой держа приподнятую раму,—правой шарила между листьявъ, отыскивая огурцы.

— Евлалія Васильевна, что это вы въ праздникъ возитесь въ огородѣ? ласково окликнулъ ее Вязьминъ.

— Да вѣдь завтра павѣрно потребуются огурцы, — такъ я загодя и собираю ихъ; если сегодня не обратъ—ребятишки ихъ пожалуй оборвутъ и тогда откуда взять ихъ завтра? Такъ-то будетъ мнѣ спокойнѣе: сосчитаю, снесу на погребъ и ключикъ положу себѣ въ карманъ.

— Дорогая вы мнѣ помощница! привѣтливо сказалъ Юрій;—вотъ и Андрей Карпычъ, вѣрная охрана отца моего и меня, тоже скажетъ!

— Отъ сердца скажу, положивъ руку на грудь, поклонился старикъ Голицынской,—что такой помощницы нонче поискать!—А вамъ, сударь, низко кланяясь Вязьмину, дрожащимъ голосомъ прибавилъ Карпычъ,—яви Господь милость Свою!.. Неучень я, Юрій Александровичъ, но чувствую... и по гробъ жизни моей не забуду того, что вы мнѣ сейчасъ сказали!

Вязьминъ отвернулся и, растроганный, скорыми шагами пошелъ къ дому.—„Добрые, простые люди!“ думалъ онъ;—„много-ли надо, чтобы ихъ чистыя сердца радостно встрепенулись и чувство благодарности проступило на ихъ грубоватыхъ, усталыхъ лицахъ!“

Пройдя ворота и приближаясь къ флигелю, Юрій услышалъ звонъ колокольчика и нетерпѣливыя уханья ямщика; черезъ минуту, наэлектризованныя кнутомъ, почтовые клячи, вскачь, пролетѣли ворота и остановились у подъѣзда; изъ „скорлупки“ вылѣзъ приставъ Остроумовъ и пошелъ на встрѣчу Вязьмину.

— Откуда Богъ несетъ? здороваясь, весело спросилъ Юрій.

— Изъ города... насилу вырвался... Порученіе ваше исполнилъ, но не писалъ, потому что со дня на день ожидалъ, что губернаторъ меня отпуститъ домой. Г. Ширяевъ ведетъ себя совершенно прилично, пьянымъ его не видали и къ дѣлу рачителенъ. Г. Клишинъ очень его одобряетъ и кажется желаетъ взять къ себѣ письмоводителемъ: нонѣшній плоховать.

— Ну, слава Богу; только на долго-ли?

— На него должно быть повліялъ мѣстный священ-

никъ, о. Владиміръ Смѣлковъ; вы—вѣдь его знаете? Почтенный старичокъ, на видъ немного строгій,—еще проповѣди такія хорошія говоритъ...

— Знаю немножко.

— Святой жизни челоуѣкъ и попадаья у него такая-же... Дѣтей нѣтъ— ну Богу и служатъ! Г. Шириевъ съ нимъ и сошелся: часто къ нему ходитъ,—благо правленіе въ томъ-же селѣ, гдѣ и церковь; сталъ и храмъ Божій посѣщать... Мнѣ онъ понравился: простая должна быть душа.

Они вошли въ подвѣздъ и стали подниматься по лѣстницѣ.

— Я васъ, Иванъ Петровичъ, только послѣзавтра отсюда выпущу,— да будетъ вамъ сіе извѣстно!

— Ой, что вы! замахалъ руками Остроумовъ;—завтра мнѣ надо опись дѣлать: госпожа Маркова третій годъ повинностей не платитъ и губернаторъ мнѣ строго настрого приказалъ взыскать ихъ немедленно полностію, а если не уплатитъ—описать имущество.

— Опись ваша только ребятъ напугать можетъ! У Марковой денегъ теперъ нѣтъ—время не то; да и чего-же цѣлыхъ три года полиція дремала, не взыскивала?—Петруша, какъ будетъ готово у повара—такъ и давай намъ обѣдать, а теперъ собери закусить Ивану Петровичу. Дмитрій Никитичъ спитъ?

— Отдыхаютъ.

— А вещи Ивана Петровича снесены въ номеръ?

— Въ тотъ-же, въ которомъ они прошлый разъ оставались.

— Ей Богу, Юрій Александровичъ, я не могу ночевать: меня съѣстъ губернаторъ!

— Авось не съѣстъ! Такъ и быть завтра я васъ отпущу, но послѣ обѣда... Вы обязаны выпить за мое здоровье: завтра день моего рожденія!

— Вотъ тутъ и исполняй губернаторскія приказанія! развелъ руками Остроумовъ;—дѣлать нечего: слушаюсь! покорно проговорилъ онъ.

— Такъ-то лучше!—Ну пойдѣте въ кабинетъ и рассказывайте городскія новости.

Они усѣлись.

— Первая новость: я перехожу къ вамъ на мѣсто Соколова, началъ Остроумовъ.

— Н-ну! удивился Юрій; — Какъ я радъ! пожалуй онъ руку пристава;—А Соколова куда?

— На мое мѣсто; ему давно хотѣлось помѣняться со мной, да все не клеилось; спасибо Ивану Константиновичу: онъ это устроилъ.

— Соколовъ мной не доволенъ—я это знаю, но вѣдь нельзя-же служить спустя рукава, въ особенности въ теперешнее время, и отлынивать отъ всего, что посерьознѣе!

— Вторая новость: исправника вашего, Кропотова, переводятъ къ намъ, въ Бронскій уѣздъ, а вамъ даютъ Фейерейзена изъ западныхъ губерній.

— Жаль Кропотова, очень жаль: дѣльный исправникъ и не трусь, а Фейерейзень, вѣроятно, крещеный жидъ... Ну, вѣсть эта не изъ радостныхъ!

— Фейерейзень женатъ на сестрѣ Эрастова, правителя губернаторской канцеляріи, котораго Увертышевъ привезъ съ собой и изъ-за котораго, чтобы очистить мѣсто, былъ уволенъ прежній правитель, Богословскій; вотъ почему Фейерейзена сюда и выписываютъ.

— Ну, это назначеніе не будетъ пріятно и Ивану Константиновичу!

— Я думаю даже, что это ему на зло хотятъ сдѣлать!

— А коли такъ—то вѣдь Ольхинъ и оцетинится: старикъ онъ добрый, мягкій, никого не задѣнетъ, но ужъ и его не трогай: вспылить и своего добьется!

— Что говорить: Иванъ Константиновичъ на ногу себѣ наступить никому не позволитъ!

— А вашего исправника, Смирнова, куда-же?

— Въ Березанскій уѣздъ, чуть не къ самому Уралу!

— Да за что-же?., Монархистъ, служака свѣдущій, распорядительный... Съ вами онъ какъ?

— Прекрасный человекъ! Съ нимъ и служить пріятно... А упекли его за то, что онъ сообщилъ жандармскому полковнику правду о Черновскомъ!

— Кстати: чѣмъ-же кончилось его дѣло?

— Удралъ сейчасъ-же, какъ Клишинъ сообщилъ ему о жандармѣ; все сжегъ и, говорятъ, пенель даже въ землю зарылъ! усмѣхнулся Остроумовъ.

Къ семи часамъ вечера всѣ приготовленія ко всеобщей были окончены. Въ углу зала стоялъ раскрытый ломберный столъ, покрытый скатертью, половина доски котораго была поднята и придвинута къ стѣнамъ; къ ней прислонены были: большой старинный, родовой образъ Казанской Божіей Матери, въ золотомъ окладѣ, съ вѣнчикомъ весьма тонкой, художественной работы и образъ Св. Георгія Побѣдоносца въ серебряной, золоченой ризѣ. Передъ ними стояли два небольшіе подсвѣчника красной мѣди, церковнаго стиля, со вставленными въ нихъ свѣчами, и лежало средней величины, обложенное серебромъ съ финифтяными изображениями Воскресенія Христова и св. евангелистовъ, Евангеліе временъ Царя Алексѣя Михайловича оно пріобрѣтено было предкомъ Юрія, Борисомъ Кирилловичемъ, вмѣстѣ съ серебрянымъ калиломъ, чашей для освѣщенія воды и кропиломъ, для служенія на дому. Передъ столомъ разосланъ былъ небольшой коверъ. Хлопотала обо всемъ неутомимая Евлалія Васильевна.

Ровно въ семь часовъ прибылъ о. Павелъ и за нимъ вошли въ залъ псаломщикъ и пѣвчіе—любители изъ крестьянъ: двое взрослыхъ и трое мальчиковъ; регентомъ у нихъ былъ знакомый о. Павлу семинаристъ. Не замедлили и гости с. Волынскаго: Надежда Васильевна пробралась въ гостиную и стала въ дверяхъ, Зоя, Коноплева съ дочерью и Остроумовъ помѣстились въ противоположномъ образамъ углу зала, Шаталовъ около пѣвчихъ, Юрій на площадкѣ мѣстницы, впереди старосты и дворовыхъ.

Служилъ о. Павелъ благоговѣнно. Небольшой хоръ любителей, подкрѣпленный Шаталовымъ, пѣлъ очень недурно. Шестопсалміе прочелъ Дмитрій Никитичъ безукоризненно. Послѣ всеобщей отслуженъ былъ молебенъ св. великомученику Георгію и затѣмъ, по разоблаченіи о. Павла, присутствующіе поздравили Юрія съ наступающимъ днемъ его рожденія и перешли въ столовую, гдѣ сервированъ былъ чай. Около десяти часовъ гости разошлись.

XX.

На другой день, послѣ литургіи и молебна, согласно съ утвержденной Дмитріемъ Никитичемъ программой, у старосты Андрея Карпова и въ застольной, подъ надзоромъ

кучера Платона, предложенъ былъ гостямъ: письмоводителю, старшинамъ, писарямъ, пѣвчимъ и дворовымъ имянинный широгъ. У Юрія завтракали только Шаталовъ и Остроумовъ. До обѣда, назначеннаго въ четыре часа, Дмитрій Никитичъ суетился во всю: помогаль повару, Петрушѣ, Евлаліи Васильевнѣ, слѣдилъ за сервировкою стола, приготовленіемъ закусокъ, откупоркой винъ и пр. Любя Вязьмина, онъ съ наслажденіемъ хлопоталъ и водновался, желая придать предстоящему обѣду обстановку, по возможности, изящную. Побывавъ въ столицахъ и за границей, Шаталовъ многого наглядѣлся и многому научился по кулинарной и метръ-д'отельской части; кромѣ того онъ любилъ хорошо поѣсть, по барски, и угостить. Онъ радъ былъ приложить свою опытность и въ настоящемъ случаѣ. Находя, что работниковъ по кухнѣ и буфету недостаточно, онъ пригласилъ и Остроумова въ свои помощники, несмотря на желаніе Юрія пройти съ нимъ по саду и заглянуть въ нѣкоторые углы усадьбы.

— Можешь и одинъ пройтись, рѣшилъ Дмитрій Никитичъ,—а мнѣ сей милый человекъ крайне нуженъ; не разорваться-же мнѣ въ самомъ дѣлѣ!—Иванъ Петровичъ! Я не обидѣлъ васъ приглашеніемъ въ сотрудники?

— Что вы, Господь съ вами! Вотъ только, мягко замѣтилъ онъ,—я обѣщаль Юрію Александровичу...

— Я не претендую, смѣясь, перебилъ его Вязьминъ:— для меня вѣдь вы будете работать... Заранѣе благодарю!

Онъ спустился по лѣстницѣ и направился въ садъ; пройдя дубовую и кленовую рощицы, онъ повернулъ въ огородъ, для провѣрки: не пользуются ли ребятишки отсутствіемъ взрослыхъ и не обрываютъ-ли только что поспѣвшую клубнику и другія зрѣющія ягоды. Ребятишекъ не оказалось, но вмѣсто ихъ, къ великому удивленію, Юрій у пруда увидѣлъ Зою. Она сидѣла на скамейкѣ, спиной ко входу въ огородъ, въ свѣтло сѣромъ платьѣ и соломенной шляпкѣ съ большими полями и, не шевелясь, глядѣла на гладь воды.—„Удить, вѣроятно“, подумалъ Вязьминъ,—„но отчего-же не попросила она у меня удочки?“—Онъ осторожно приблизился къ скамѣ и, чтобы не испугать дѣвushку, кашлянулъ: Зоя встрепенулась...

— Какъ это вы сюда попали? обернувшись, спросила она.

Я осматривалъ огородъ, думая захватить, на грядкахъ клубники, воршпекъ...

— И нашли меня, ловящую карасей? размѣялась она.

— Чему я очень радъ: это доказываетъ, что вы наконецъ перестаете церемониться... Помните ваши извиненія по поводу собиранія грибовъ?

— Память у васъ однако хорошая!

— Клюеть... Не торопитесь, Зоя Владиміровна... Карась, разъ уже онъ повелъ поплавокъ, не сорвется.

Дѣвушка поднялась, взмахнула удочкой и золотистый, крупный карась сверкнулъ въ воздухъ; Юрій нагнулся; чтобы снять рыбку съ крючка.

— Какой красавецъ!.. И не маленькій... глядя на карася, изгибавшагося въ рукъ Вязьмина, радостно вскричала Зоя,—Вотъ вамъ ведѣрko: опустите мою добычу.

— Давно вы здѣсь?

— Около часу. Это первый карась и попался какъ разъ во время вашего прихода.

— Какъ-же это понять, по Соломону? Знаете: общенародная гадальная тетрадка съ кругами, испещренными цифрами. Къ счастью это моему, или нѣтъ?

— Соломона я никакого не знаю, вдругъ насторожившись, отвѣтила дѣвушка,—а что касается гаданій я совершенная профанка.

— Извольте вашу удочку: новый червякъ насаженъ.

— Благодарю! и закинувъ удочку, Зоя съѣла на скамейку;—присядьте, Юрій Александровичъ...

Вязьминъ съѣлъ.

— Вамъ надо-бы, если вы такая любительница рыбной ловли, удить вечеромъ или рано утромъ: и не такъ жарко и рыба клюеть тогда лучше.

— Приму къ свѣдѣнію... Да, я все забываю поблагодарить васъ за сало... Простите... А Леночка (она размѣялась) не знаетъ, какъ и приступить къ этому... Ужасно застѣнчива!

— Пусть и не приступаетъ... Дай Богъ, чтобы польза была.—Зоя Владиміровна... осторожнѣй: опять клюеть...

Быстро вскочила дѣвушка и пристально, съ волненіемъ глядѣла на поплавокъ: онъ сталъ подвигаться впередъ. Не

спуская съ него глазъ, она вдругъ выхватила лесу, но... безъ карая!

— Поторопились... надо было подсѣчь.

— Не умѣю... Поучите меня потомъ... А пока на сегодняшній день довольно.

Она встала и намѣревалась завить лесу, но Вязьминъ взялъ у нея удочку, привелъ её въ порядокъ, поднялъ ведёрку и они пошли къ дому.

— Отчего вы такой скучный были вчера послѣ все-нощной? помолчавъ, спросила Зоя.

— А чему веселиться, Зоя Владиміровна? поднялъ голову Юрій.— Вотъ пройдутъ два мѣсяца—и опять то-же одиночество! Вѣдь осенніе вечера ужасны!

Вѣрю... но вѣдь вы всегда заняты, любите охоту, не смѣло молвила дѣвушка.

— Надоѣдаютъ эти занятія... Живого просить душа! повысилъ тонъ Вязьминъ.

Они молча прошли нѣсколько шаговъ.

— Вы опять поѣдете по участку? взглянула на него Зоя.

— Пока нѣтъ; думаю навѣстить Ивана Константиновича и привезти его сюда, поохотиться.

На долго поѣдете?.. Ночевать у нихъ будете?

Вѣроятно. Обыденкой не съѣздить, да и старикъ обидится, если я не переночую.

— И къ Мерцаловой заглянете?

— Думаю... Неловко не заѣхать...

— Дайте мнѣ ведёрку и удочку... Мерси.—Обѣдъ въ четыре часа?

— Да.

— До свиданія.

Зоя повернула въ боковую аллею изъ крыжовника и, ускоренными шагами, черезъ садъ, направилась домой.

„Что её точно вдругъ кольнуло? Была весела, любезна и ни съ того ни съ сего перемѣнилась... Совсѣмъ на неё не похоже!“ удивился Юрій.—„Ничего я такого, кажется, не брякнулъ!“

Подходя къ кухнѣ, онъ замѣтилъ у крыльца рыжева-таго мужика, который, при приближеніи Вязьмина, снялъ шапку и, кланяясь, подалъ ему конвертъ.

Отъ господина предводителя, Ольхинскаго барина...
Вскрывъ конвертъ, Юрій прочелъ письмо и вызвалъ
изъ кухни Шаталова.

— Пойдемъ въ канцелярію.

Зачѣмъ? недовольнымъ тономъ спросилъ исправ-
никъ.—Вздоръ какой-нибудь... только отъ дѣла отрываешь!

— Нѣтъ, не вздоръ! А гдѣ становой?

— На верху. Съ Петькой да Евлаліей посуду приво-
дятъ въ порядокъ.

Они вошли въ канцелярію; письмоводителя тамъ не было.

— Отъ Ольхина поздравительное письмо получилъ...

— Ну такъ что-жь?.. Такъ ты изъ-за этого меня отъ
дѣла оторвалъ?

— Не кипятись... Въ письмѣ есть кой-что интересное.

Такъ читай, да поскорѣй.

Юрій прочелъ:

„Пользуюсь случаемъ, милый мой Юрій, чтобы поздра-
вить тебя съ днемъ рожденія; сожалѣю, что не могу сдѣлать
это лично: у меня суспиціи съ губернаторомъ и отлучаться
теперь изъ Ольхина мнѣ нельзя. Работаютъ въ лѣвомъ на-
правленіи и я, какъ Царскій боевой солдатъ и предводитель
дворянства, буду бороться изъ всѣхъ силъ съ этою темною
работою. Ты знаешь, дорогой мой монархистъ, мои прин-
ципы... Не въ преклонныхъ лѣтахъ измѣнять имъ, да и
было-бы стыдно... Если взгляды и стремленія мои не востор-
жествуютъ—я тотчасъ-же подамъ въ отставку, а если слу-
чится противное—мы дружно потрудимся во исполненіе
принятой нами присяги!

„Искренно любящій Тебя

Ив. Ольхинъ“.

„Жена моя шлетъ тебѣ искренній привѣтъ и поздра-
вленіе“.

„Сердечный поклонъ гостямъ с. Волынскаго отъ меня
и жены“.

„Юрій! Какъ только освобожусь, приѣду къ тебѣ: очень
хочется мнѣ побаловаться ружьишкомъ!“

„Если Шаталовъ у тебя—спроси его, секретно, все-ли
у него въ порядкѣ по полицейской части?“

— Ревизію вѣрно ладятся сдѣлать! А дѣлайте пожа-
луй... У меня все въ порядкѣ: комаръ носу не подточить!

— Это все въ пику Ивану Константиновичу дѣлается!

— Ну, да вѣдь не на барана напалъ Увертышевъ: у Ольхина и связишки есть, поважнѣе губернаторскихъ, и денежки! Да еще неизвѣстно, кого въ мартъ въ губернскіе предводители выберутъ! Всѣ шансы на сторонѣ Ольхина...

— Шансы-то на его сторонѣ, замѣтилъ Вязьминъ,—да Иванъ-то Константинычъ не поидеть!

— Упросятъ... Популяренъ онъ!

— Дай Богъ! Лучше предводителя намъ не найти!

— А ты его подвинти, Юрочка!

И Дмитрій Никитичъ убѣждалъ на кухню.

— Ты куда-же теперъ поидешь, выйдя на крыльцо, спросилъ Вязьминъ посланца,—въ Ольхино?

— Нѣтъ, ваше благородіе, къ земскому, къ барину Клишину, иду... Дѣло у меня къ ему есть... Его превосходительство, господинъ Ольхинъ, узнавъ, что я черезъ Волинское иду, и далъ мнѣ это письмо, чтобы, значить, вамъ его передать.

— Ну спасибо; поидемъ-же, я сведу тебя въ застольную—тамъ тебя накормятъ и водочки поднесутъ... Пьешь водку?

— Грѣшенъ, батюшка: потребляю иной разъ...

— Ну, не грѣхъ это, хлопая по плечу мужика, ласково сказала Вязьминъ,—рюмку-другую, послѣ устатка, пропустить... Безъ мѣры пить и грѣшно да и убыточно!

— Ужъ какъ не убыточно, ваше благородіе; нынѣшная „винополія“ ой-ой-ой какъ въ карманъ заглядывается!

Юрій сдалъ посланнаго на руки кучера Платона, котораго при этомъ осмотрѣлъ, и найдя его совершенно трезвымъ, приказалъ быть готовымъ къ шести часамъ.

Обѣдъ сошелъ вполне благополучно: прекрасная сервировка, разнообразная закуска, блюда, приготовленныя со значіемъ дѣла, вина нѣсколькихъ сортовъ, а, главное, радушіе хозяина оживили присутствовавшихъ: даже о. Павелъ, всегда скромный и молчаливый,—и тотъ разговорился. Настроение было веселое и не принужденное. Послѣ жаркого начались тосты и бесѣда еще болѣе оживилась. Послѣ обѣда перешли въ гостиную, гдѣ былъ поданъ кофе и ликеры.

Около шести часовъ, Петруша доложилъ Юрію, что долгуша и шарабанъ уже у подъезда. Стали собираться въ роуцъ. О. Павель отъ прогулки отказался, ссылаясь на утомленіе; Остроумовъ попробовалъ было сдѣлать то-же самое, но ему категорически объявили, что лошадей онъ ранѣе одиннадцати часовъ вечера не получить. Въ четырехмѣстной долгушѣ помѣстились: Надежда Васильевна, Леночка съ дочерью, Шаталовъ и Остроумовъ; Зоѣ пришлось сѣсть въ шарабанъ Вязьмина.

— Зоя Владиміровна, не беспокойтесь, не упадете: шарабанъ низенькій, какъ дрожки, лошадь смиренная, успокоивалъ Юрій дѣвушку, замѣтивъ на ея лицѣ какъ-будто нерѣшительность.

— Я не беспокоюсь... Это вамъ показалось, улыбнулась она.

Наконецъ всѣ разсѣлись и впередъ тронулась долгуша.

— Вы не желаете-ли править: лошадь кроткая и послушная.

— Нѣтъ, ужъ правьте вы... Знаете, что: у меня, отъ шампанскаго, голова что то кружится...

— На воздухъ пройдетъ.

— И угостили же вы насъ... По луккуловски!

— Это не комплиментъ?

— Я комплиментовъ не люблю и всегда стараюсь говорить правду... Бабинька просто въ восторгѣ отъ васъ, а ужъ послѣ сегодняшняго вашего радушія и ухаживанія—именно ухаживанія, за гостями, она мнѣ покоя не дастъ: право-право! Она еще болѣе будетъ превозносить васъ! (Она взглянула на Юрія и разсмѣялась).

— Это для меня большой подарокъ на день моего рожденія; Надежду Васильевну я не только глубоко уважаю, но и люблю, какъ замѣчательно добрую и симпатичную старушку.

— Благодарю васъ, Юрій Александровичъ; этими словами вы доставили мнѣ большое удовольствіе: вы вѣдь знаете, какъ горячо люблю я бабиньку, какъ высоко цѣню ея заботы обо мнѣ!.. Ну, а еще и потому, что слова ваши—не свѣтская болтовня, не фальшивое восхваленіе, а правдивое выраженіе того впечатлѣнія, которое произвела на васъ Надежда Васильевна.

Они помолчали.

Зоя Владиміровна, можно задать вамъ маленькій вопросъ?

— Пожалуста.

— Отчего, послѣ того, что я сообщилъ вамъ о предполагаемой поѣздкѣ моей къ Ольхинымъ, вы прекратили разговоръ со мной и поспѣшили домой? Не сказалъ-ли я что-либо вамъ непріятное?

— О нѣтъ! (Она усмѣхнулась). Я просто вспомнила, что до четырехъ часовъ времени осталось мало и пора заняться своимъ туалетомъ.

Юрій замолчалъ и ударилъ лошадь возжей.

— Зачѣмъ это? спросила Зоя.

— Мы отстали... догнать надо.

— А вы будете помогать мнѣ въ исканіи грибовъ? помолчавъ спросила дѣвушка.

Если позволите.

— Не только позволяю, но и прошу, улыбнулась она.

Подѣхавъ къ рошѣ, всѣ разбрелись: старушка Канищева прикомандировала къ себѣ Леночку съ дочерью и Шаталова, Юрій пошелъ съ Зоей, одинъ Остроумовъ очутился въ одиночествѣ.

Роща была большая, старинная, саженая; столѣтнія березы стояли правильными рядами; кой-гдѣ попадались рыхлые, свѣтло-бурые пенки отъ преждевременно свалившихся деревьевъ. Кустарникъ былъ вездѣ подчищенъ; попадались только, и то у корней березъ, кустики можжевельника. Слой перегнившихъ листьевъ, разшевеленный ежедневными грибоискателями, покрывалъ клочками землю; изъ подъ нихъ пробивались тощая трава и побѣги черники, голубицы, брусники... Молодаяника не существовало, по всей вѣроятности потому, что онъ вырубался, или нѣжная поросль, выйдя наружу, погибла подъ тяжестью падавшей осенней листвы и безчисленныхъ человѣческихъ ногъ. Въ рошѣ было прохладно; небольшой вѣтерокъ пронизывалъ её, нанося запахъ древесной коры и цвѣтущихъ травъ. Птицъ не было; только гдѣ-то дятель-трудоликъ усердно долбилъ кору старушки-березы.

Съ корзинками въ рукахъ, Зоя и Юрій пошли правой стороною роши; Юрій озаботился приготовить тонкія палки

для шевеленія листьевъ и роздалъ присутствовавшимъ. Не прошли и десяти шаговъ какъ Зоя уже крикнула:

— Грибъ!.. Еще грибъ!.. Какая прелесть: оба небольшие, съ буро-лиловой шляпкой. (Она повертѣла ихъ передъ Вязьминымъ)... Вотъ и еще... Да если это такъ пойдетъ— въ полчаса можно будетъ полную корзину набрать!

А я на цѣлое семейство сухарей напалъ! разбрасывая листья и подбирая небольшие бѣлые сухари, хвастался Юрій.—Уже восемь штукъ... Еще два...

— Я больше люблю черные: вкуснѣе..., замѣтила Зоя, добросовѣстно осматривая каждый листикъ лопуха, подорожника, каждый клочекъ сбившихся листьевъ.

— Ау! крикнулъ слѣва Шаталовъ.—Какъ дѣла, Зоя Владиміровна?

— А вотъ скоро всю корзинку наберу... И Юрій Александровичъ тоже! А у васъ? Бабинька какъ работаетъ?

— Надежда Васильевна поручила мнѣ передать, что она цѣлую семью, изъ подъ листьевъ, открыла: и все бѣленькіе, небольшіе... Такъ въ укусуъ и просеяся!

Прошло около часа и мужчинамъ пришлось идти къ экипажамъ, высыпать, въ заранѣе приготовленную корзину, собранные грибы и сухари; потомъ началось новое собираніе.

— Знаете, что мнѣ въ голову пришло, остановилась Зоя, взглянувъ на Вязьмина:—вы вотъ говорите, что проводить осень и зиму, одному, въ Волинскомъ,—ужасно... Да это и правда... Почему-же вы, находясь въ такихъ близкихъ отношеніяхъ къ Ивану Константиновичу, не попросите его похлопотать о переводѣ васъ въ N.? Вѣдь, кромѣ скуки, въ теперешнее время не безопасно и жить въ деревнѣ: на югѣ, очень недавно, пристрѣлили земскаго начальника, да еще изъ лучшихъ... Злыхъ людей развелось теперь не мало!

— Такъ-то такъ, Зоя Владиміровна, но жаль бросать усадьбу: люблю я её, люблю и хозяйство... Съ охотой тоже разставаться не хочется!.. А главное: честно развѣ оставлять свой постъ въ боевое время?

— Такъ какъ-же согласить все это?

Юрій взглянулъ на дѣвушку:

— А ужъ это отъ Господа Бога зависитъ: благословить Онъ—сбудется, нѣтъ—Его волѣ покориться надо!

Назадъ они ѣхали чуть не молча; разговоръ почему-

то не вязался: говорили обрывками. Зато на долгушкѣ было весело: Дмитрій Никитичъ былъ въ ударѣ и юмористически рассказывалъ анекдоты, пѣлъ смѣшные куплеты. Въѣхавъ въ село, Канищевы съ Коноплевою, попрощавшись, вошли во флигель, а молодые люди въ домъ. Поужинавъ, Остроумовъ поспѣшилъ въ Бронскій уѣздъ, а Шаталовъ въ свою резиденцію. „Ну ужъ и каторжная-же служба полицейская!“ садясь въ тарантасъ, проворчалъ онъ. — „Прощай Юрій!“ — „А ты, кавалеръ, обратился онъ къ ямщику:—Вставь перо и лети!“

XXI.

Около трехъ часовъ дня. Чудный, жаркій июльскій день клонится уже къ вечеру. На свѣтло-голубомъ небѣ ни одного облачка; вершины деревьевъ не шелохнутся, цвѣты на клумбахъ какъ будто слегка завяли. Иванъ Константиновичъ Ольхинъ, только что обошедшій весь садъ и часть лѣса, въ бѣломъ кителѣ, съ георгиевской ленточкой въ петлицѣ, сидитъ въ старинномъ вольтеровскомъ креслѣ, на террасѣ прадѣдовскаго дома и лѣниво перелистываетъ привезенныя имъ вчера изъ города газеты. Какъ можно замѣтить, Иванъ Константиновичъ доволенъ результатомъ своей поѣздки, хотя нѣсколько нервень и озабочень. Газеты читаются поверхностно: мысли генерала заняты не содержаниемъ ихъ, а чѣмъ-то болѣе серьезнымъ и близкимъ. Проходитъ нѣсколько минутъ... Ольхинъ бросаетъ газету, закуриваетъ папиросу и, вставъ съ кресла, начинаетъ ходить по террасѣ.—„Переговорить не съ кѣмъ... Все на себѣ переноси!“ думаетъ онъ. Неужели я оборвусь? Неужели Увертышева не пробрали мои доводы? Если я проиграю сейчасъ-же въ отставку! Но ужъ и тебѣ, фарисей, не поздоровится!—Хоть-бы Юрій пріѣхалъ... Могъ-бы меня, старика, навѣстить! Впрочемъ я, кажется, писалъ ему, что у меня стычки съ губернаторомъ—оттого онъ вѣроятно и не ѣдетъ“.

Бывшій деньщикъ генерала, а теперь камердинеръ, Илья, показывается въ дверяхъ:

— Такъ что нарочный отъ губернатора... урядникъ... Сюда его ввести?

— Сюда давай! приказалъ Ольхинъ, ощутивъ вдругъ нервное сжатіе сердца.

Явился урядникъ, изъ военныхъ, и вручилъ генералу губернаторскій пакетъ.

— Подожди въ передней, я къ тебѣ выйду, не вскрывая пакетъ, сказалъ ему Ольхинъ.

Урядникъ и камердинеръ вышли.

Иванъ Константиновичъ, не безъ волненія, разорвалъ конвертъ и быстро прочелъ письмо. Лицо его оживилось и самодовольная улыбка скользнула по его губамъ.

— Илья! крикнулъ онъ.

Камердинеръ явился.

— Вели урядника накормить, попроси генеральшу дать ему хорошій стаканчикъ водки и чаю съ булкой.—Онъ верхомъ?

— Такъ точно.

— Лошади его, чтобы кучеръ вволю овса и сѣна далъ —слышишь?

— Такъ точно.

— А гдѣ барыня?

— Ихъ превосходительство, съ ключницей, грибы отвариваютъ... Да еще землянику у назаровскихъ дѣвушекъ торгуютъ...

— А барышня?

— Къ г-жѣ Мерцаловой, съ часъ тому назадъ, ушли.

— Ну ступай... Исполни-же все, какъ я приказалъ.

Снова заходилъ по террасѣ Иванъ Константиновичъ. — „А что если молодцы мои, вмѣсто спасибо, недовольную рожу скорчатъ?“ вдругъ надумался онъ.—Обидно-вѣдь будетъ: не мало я изъ-за этихъ хлопотъ крови испортилъ!.. Но что-же это за гадость однако: все въ дурномъ свѣтѣ вижу, тревожусь изъ-за всякаго пустяка... Чистокровнымъ неврастенникомъ сталъ! Обабился я въ этой штатской службѣ и на георгіевскаго кавалера не похожъ!“

— Jean! входя на террасу и затворяя за собой дверь, окликнула мужа Марья Николаевна, садясь на ближайшій стулъ.—Да будетъ тебѣ бродить... поговоримъ... Что тебѣ отъ губернатора привезли... пріятное?

— Потомъ тебѣ скажу, опускаясь въ кресло, отвѣтилъ Ольхинъ;—а зачѣмъ сюда-то ты приплелась... грибы оставила?

— Да я все на счетъ Инны: просто невыносима стала...

Каждый день посѣщаетъ Мерцалову и должно быть мечта-
нія ея о бракѣ съ Володей не осуществляются, потому что
раздражепа до невозможности.

— Ну и Господь съ ней!.. Ты-то чего кипятишься? Не
сладится съ Володей— за племянничка моего выскочить!

— Вчера, разсердившись, она заявила желаніе посту-
пить класной дамой въ гимназію...

— И прекрасно! Пусть лучше трудится, а не бѣгаетъ
за женихами... Я ей съ удовольствіемъ это устрою.

— Устроишь?

— Лишь-бы захотѣла, а вакансія найдется... Только
вотъ что Маша: опредѣлить-то мы её опредѣлимъ, а, по-
мяни мое слово, долго она не наслужить: какая она класная
дама! У нея въ головѣ только мужчины прыгаютъ!

— Да ты все-таки поговори съ ней... на меня сошлись...

— Хорошо; но ничего изъ этого не выйдетъ.

— Что поваго газетахъ? помолчавъ, спросила Ольхина.

— Я пробѣжалъ только то, что попало мнѣ на глаза;
въ „Крестьянскихъ Мысляхъ“ есть назидательное письмо
крестьянина Саратовской губерніи, Балашовскаго уѣзда, въ
редакцію газеты. Онъ рассказываетъ, что въ ихъ деревню
пріѣхалъ на велосипедѣ какой-то чисто одѣтый человѣкъ,
остановился у одного изъ домовъ и попросилъ напиться.
Ему подали, а вокругъ велосипеда тотчасъ-же начали со-
бираться любопытные, сперва ребяташки, а потомъ и взро-
слые. Стали спрашивать: откуда пріѣхалъ, чей, куда ѣдетъ...
— „Изъ Пензенской губерніи, ѣзжу обучать русскій народъ...
Ничего вы не видите, ничего не понимаете... Правительство
васъ грабитъ, дѣтей вашихъ задаромъ избиваетъ на войнѣ...
А для чего мы воюемъ?.. Глупы вы— вотъ что! Сила Россіи
— вы, а не дворяне! Захотите только— не будетъ и Царя, не
будетъ полиціи и богатыхъ— всѣ будемъ равны!— А попы
ваши что? Грабители... учать васъ надѣяться на Бога—ни-
чего Онъ вамъ не дастъ... учитесь лучше у нашихъ учите-
лей!“— Толпа собралась не маленькая... Пока дѣло шло о
войнѣ, мужики подозрительно смотрѣли, но молчали; но
лишь только пріѣзжіи коснулись Государя да еще и Бога—
толпа зашевелилась и нѣкоторые стали подходить къ бун-
тарю съ бранью и съ угрозами. Онъ тотчасъ-же бросился
на велосипедъ и на утѣкъ... Мужики на лошадей и за нимъ.

Поймали и такъ отблагодарили за просвѣщеніе, что и теперь онъ находится въ больницѣ!“

— Хорошо-бы, еслибъ такъ вездѣ встрѣчали этихъ негодяевъ! замѣтила Марья Николаевна.

— И будутъ... я въ этомъ увѣренъ... Въ особенности у насъ на сѣверѣ!

Постучали въ дверь.

— Кто тамъ? Входи! крикнулъ генераль.

Вошелъ Вязьминъ.

— Юрій, милый! бросился ему на встрѣчу старикъ. Только что тебя вспоминалъ!

... Сердечно благодаренъ за память и поздравленіе!

Вязьминъ подошелъ къ рукѣ хозяйки и облобызался съ Иваномъ Константиновичемъ.

— Ну какъ у тебя, все въ порядкѣ... здоровъ, веселъ, насъ не забылъ?—Дичи заготовилъ?.. Охъ ты, милый мой монархистъ! (Онъ вторично обнялъ Юрія).

— Дичи я привезъ, только не вамъ, а Марьѣ Николаевнѣ... Вы, Иванъ Константинычъ, сами набъете!

Вязьминъ вышелъ въ смежную комнату и принесъ большую корзину съ крышкой.

— Ваше превосходительство, позавидуйте—охотники вѣдь вообще люди завистливые!.. Тетерева, началъ онъ выкладывать изъ корзины: одинъ, два, три, четыре; изволите видѣть каковы: въ полматки! Молодой глухарь, три сѣрья куропатки и, въ отдѣльной коробкѣ, ради бережи, четыре бекаса и шесть дупелей.

— Спасибо вамъ, голубчикъ, радостно поблагодарила Ольхина (она очень любила дичь)—кликните Илью, пусть снесетъ корзину на погребъ.

— Не корзину, а дичь, поправилъ генераль,—въ корзину оставлять нельзя: испортится дичь.

Вошелъ Илья и унесъ корзину.

— Маша, прикажи дупелей и бекасовъ зажарить сегодня къ ужину, а тетеревей и куропатокъ сейчасъ-же потрошить.

... Это уже сдѣлано тотчасъ по приходѣ съ охоты.

— Но это навѣрно не все, что ты убилъ? Канищевымъ послалъ, самъ ѣлъ...

— Привезенное—ровно половина. А теперь я васъ

слегка подразню, дорогой: вся эта дичь убита только въ два поля: перваго и втораго іюля!

— Можетъ-ли быть... да вѣдь это не охота, а роскошь!

— Пожалуйте къ намъ въ Волинское: для васъ спеціально оставлены лучшія мѣста. Дичи много. Не извольте только пуделять!

— За это не отвѣчаю: и я плохъ, да и „Ральфъ“ мой старѣется. Чутье ужъ не то... Ну да тамъ увидимъ!

— Канищевы очень-очень вамъ кланяются.

— Что Надежда Васильевна? спросила Ольхина.— О Зоѣ не спрашиваю; вѣроятно все на воздухъ, пользуется отдыхомъ... Да, труженица она большая и какъ бабушкѣ предана—просто на удивленіе! Честь и слава милой дѣвушкѣ!

— Надежда Васильевна молодцомъ! Въ день моего рожденія всѣ мы „по грибы“ въ рощу ѣздили, набрали пропасть.

— Шаталовъ былъ? полюбопытствовалъ генераль.

— Конечно! Развѣ можетъ онъ манкировать относительно меня? усмѣхнулся Вязьминъ.— Дмитрій и на кухнѣ помогаль и сервировкой занимался. Добрый, хорошій онъ человекъ!

— А ты желаль-бы, чтобы этотъ хорошій человекъ перешель въ нашъ уѣздъ?

— Еще-бы! Да вѣдь это находка была-бы для уѣзда!

— Ну, такъ находка эта найдена мною: сегодня приказъ о переводѣ Шаталова въ мой уѣздъ подписанъ губернаторомъ... Объ этомъ я сегодня отъ него и извѣщеніе получилъ, съ нарочнымъ, улыбаясь возвѣстивъ Ольхинѣ.

— Ну, ваше превосходительство, вскочилъ со стула Юрій, кланаясь,—вы просто благодѣтель нашъ: избавили насъ отъ жида!

— И вмѣсто него, перебилъ Вязьмина генераль,—далъ уѣзду истинно-русскаго дворянина, дѣльнаго служаку!

— Но какъ удалось вамъ сладить съ Увертышевымъ? Вѣдь онъ упрямъ, настойчивъ и, какъ вамъ извѣстно, не особенно жалуеть монархистовъ!

Почва, мой милый, на которой мы стоимъ—разная: я—за правду и моя почва не колеблется у меня подъ ногами, потому что тверда и мнѣ ничего не нужно, а почва г. Увертышева, карьериста, какъ зыбунъ, отъ всякаго на-

жима то опускается, то вздувается!.. Но бросимъ это... Удалось—и слава Богу! А ты вотъ что мнѣ скажи: радъ-ли будетъ Шаталовъ этому перемѣщенію? Признаюсь, эта мысль меня тревожить...

— Господь съ вами, дорогой Иванъ Константиновичъ, да развѣ это возможно? Дмитрій, получивъ извѣстіе, подпрыгнетъ до потолка и моментально явится благодарить васъ!

— Ну спасибо, успокоилъ! Ужъ я думаль, да думаль, —неврастеникомъ себя даже назвалъ.

— Такъ вотъ что прислалъ тебѣ губернаторъ: переводъ Дмитрія Никитича, сказала мужу Марья Николаевна; —что-жъ ты мнѣ сразу объ этомъ не сообщилъ?

— А потому, что все надѣялся, что или Юрій или Шаталовъ насъ сегодня навѣстятъ и тогда я за одно ужъ всѣмъ объявлю, а если нѣтъ—то за ужиномъ скажу тебѣ. —Ты куда, Маша?

— По хозяйству; обѣдать хотите пораньше?

— Какъ поваръ справится... А вотъ дай намъ что-нибудь, червячка заморить: Юрій пожалуй и проголодался...

— Сейчасъ пришлю, уходя обнадежила Ольхина.

— А въ газетахъ что новенькаго, Иванъ Константинычъ? послѣ паузы, спросилъ Вязьминъ:—У васъ вѣдь свѣженькое.

— Вчера привезъ, да прочель-то мало: не до того было... —Получена депеша Линевича о томъ, что 18-го іюня наши взяли штурмомъ, подъ какой-то деревней, японскую позицію, причемъ истребили цѣлый японскій батальонъ и гнали разбитаго непріятеля на протяженіи трехъ верстъ. Потомъ къ японцамъ пришли подкрѣпленія, но всѣ ихъ атаки были отбиты и всѣ взятыя у японцевъ позиціи были удержаны. Потери противника тяжкія: захвачено много плѣнныхъ, амуниція, снаряженія и продовольственные запасы. А вотъ что скверно: замѣчено, что желторожіе японцы стрѣляютъ разрывными пулями.—Юрій! послѣ паузы, спросилъ Ольхинъ,—надѣюсь, что ты переночуешь у насъ?

— Да, Иванъ Константинычъ, и завтрашній день пробуду у васъ до вечера, только на часокъ съѣзжу къ Мерцаловой.

— Конечно съѣзди... Хотя она и не изъ лучшихъ, но

не слѣдуетъ разрывать свѣтскія отношенія: языкъ у Мерцаловой ой-ой-ой какой! А ты читалъ о безпорядкахъ въ Одессѣ и о безпримѣрномъ, позорномъ событіи на броненосцѣ „Князь Потемкинъ“?

— Нѣтъ; да вѣдь намъ газеты только разъ въ недѣлю доставляются!

— Ну, такъ я сообщу тебѣ: ты, можетъ-быть, помнишь, что въ началѣ іюня, въ Одессѣ и ея уѣздѣ, среди рабочихъ началось брожение? (Юрій утвердительно кивнулъ головой). 12-го іюня оно завершилось сходкою выборныхъ отъ фабрикъ и заводовъ, для разрѣшенія вопроса объ устройствѣ всеобщей забастовки. Орудовали, конечно, члены революціоннаго комитета, евреи и студенты; участниковъ сходки задержали и у одного изъ нихъ нашли письмо члена боевой дружины (фамиліи не помню), въ которомъ сообщалось о намѣреніи убить одного изъ полицейскихъ приставовъ; и дѣйствительно на другое утро, около участка, арестованы были два мерзавца, изъ которыхъ одинъ (жидъ) передалъ другому два револьвера и смертный приговоръ приставу. Потомъ 14-го іюня схваченъ революціонеръ (тоже жидъ), съ 14 револьверами и патронами, а вечеромъ нѣкій Мордка, извѣстный полиціи, задержанъ городовымъ въ ту минуту, когда онъ несъ бомбу, чтобы бросить её въ войска, стоящія на соборной площади. Мордка кинулъ бомбу и былъ убитъ, вмѣстѣ съ городовымъ.—Впрочемъ, для скорости, я лучше прочту тебѣ корреспонденцію, сокращая все лишнее (Иванъ Константиновичъ отыскалъ номеръ газеты и сталъ читать...). „Недовольные арестами, рабочіе стали собираться толпами, бросали въ полицейскихъ камни, командира казачьей сотни стащили съ лошади и ушибли и наконецъ съ крышъ домовъ раздались выстрѣлы. Тогда нѣсколько спѣшенныхъ казаковъ дали въ толпу залпъ; но рабочіе не уялись и въ разныхъ мѣстахъ города начались безпорядки: насильно прекращали работы на заводахъ, строили баррикады, опрокидывали вагоны конки и, выстрѣлами въ полицію, ранили нѣсколько городовыхъ. Подъ вечеръ...

— Ты что это читаешь? спросила вошедшая Марья Николаевна.—Продолжай: я послушаю...

— Да ты это читала: о безпорядкахъ въ Одессѣ и о броненосцѣ „Князь Потемкинъ“.

— А! Такъ я ухожу... Юріі! Закуска подана, а обѣдъ немного запоздаетъ.

Вязминъ подошелъ къ рукѣ Ольхиной и она ушла съ террасы въ домъ.

— ... „Подъ вечеръ, продолжалъ генералъ прерванное чтеніе.—бунтовщики стали дерзче: въ двухъ пунктахъ заняли полотно желѣзной дороги, потушили четыре паровоза, задержали поѣздъ, пассажировъ прогнали и перебили въ окнахъ вагоновъ стекла. Къ ночи толпы разошлись и желѣзно-дорожные пути были заняты войсками. Во всѣ эти дни войска къ оружію не прибѣгали. Бунтъ перешелъ въ уѣздъ. Замѣчено, что какъ въ Одессѣ, такъ и въ уѣздѣ броженіе поддерживается вліяніями приходящихъ извѣй. 16 іюня броженіе перешло въ открытый мятежъ, сопровождавшійся убійствами, грабежами и поджогами; этому способствовало появленіе, въ четыре часа утра, на одесскомъ рейдѣ броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“: отъ него отвалила шлюпка съ трупомъ матроса; покойникъ, привезшими его, положенъ былъ на молѣ, съ запискою на груди, гласившею, что матросъ убитъ—офицеромъ совершенно невинно, за высказанное имъ недовольство пищей, что всѣ офицеры на броненосцѣ убиты командой и что если начальство станетъ убирать трупъ или приблизится къ судну—броненосецъ отвѣтитъ орудійнымъ огнемъ по городу. Тысячныя толпы повалили къ трупу, явились ораторы съ зажигательными рѣчами и возбужденіе среди толпы все росло и росло. Товарища прокурора, прибывшаго для снятія показаній, прогнали съ угрозами.—Изъ показаній одного, оставшагося въ живыхъ офицера и матроса, видно: въ Одессѣ „Князь Потемкинъ“ захватилъ два частныхъ парохода съ углемъ и погрузилъ его при содѣйствіи трехсотъ рабочихъ. Взбунтовавшаяся команда прекратила всѣ работы въ портѣ и на частныхъ пароходахъ. Революціонеры, вслѣдствіе бунта на военномъ суднѣ, подняли головы. Кромѣ рѣчей, агитаторы, посѣщая броненосецъ, увѣрили бунтовщиковъ, что войска одесскаго гарнизона сложили оружіе и всѣ черноморскія суда перешли на сторону „Князя Потемкина“—Портъ оказался въ рукахъ черни, которая грабила все, бросала въ море товары и распивала вино изъ разбиваемыхъ боченковъ. Въ сумерки портъ горѣлъ и толпа не допускала

пожарныхъ къ тушенію огня. Выгорѣла почти вся территория порта: пакгаузы, зданія, вагоны, склады, шесть частныхъ пароходовъ. Все имущество разграблено и увезено въ городъ. Агитаторы употребляли всѣ усилія, чтобы направить буйствующую и пьяную толпу на полицію и войска, но толпа всякій разъ разбѣгалась послѣ залпа воинскихъ частей. Ночью стрѣляли изъ револьверовъ и были убитые и раненые; кромѣ того не мало погибло въ огнѣ пьяныхъ. Вечеромъ 16 іюня „Князь Потемкинъ“, изъ числа арестованныхъ офицеровъ, высадилъ на берегъ девять и, отошедъ къ западу на полмили, далъ два боевыхъ выстрѣла по городу, коими разрушена была крыша и часть стѣны одного изъ домовъ на Нѣжинской улицѣ. На другой день, 17-го іюня, утромъ, Черноморская эскадра, въ числѣ четырехъ броненосцевъ и пяти миноносцевъ, подошла къ Одессѣ. „Князь Потемкинъ“ вышелъ навстрѣчу эскадрѣ въ полной боевой готовности; на броненосцѣ „Георгій Побѣдоносецъ“ команда сдѣлала овацію „Потемкину“; потомъ командира и офицеровъ, обезоруживъ, свезли на берегъ. Замѣчено, что на палубѣ „Потемкина“ находилось до тридцати постороннихъ агитаторовъ, въ питатскихъ костюмахъ. Потомъ эскадра ушла въ Севастополь, а „Георгій Побѣдоносецъ“, вмѣсто того чтобы слѣдовать за „Потемкинымъ“, улучилъ минуту и полнымъ ходомъ пошелъ на соединеніе съ эскадрой: благоразумная часть его команды одолѣла бунтовщиковъ. Студенты-евреи и бунтари, прибывшіе съ „Потемкина“, были посажены на шлюпку и свезены обратно на „Потемкина“, который тотчасъ-же ушелъ въ море. Команда „Георгія Побѣдоносца“ послала командующему войсками одесскаго военнаго округа, депутацію изъ боцмана и нѣсколькихъ матросовъ для изъявленія покорности и съ просьбою о возвращеніи на судно ихъ офицерскаго состава. Затѣмъ команда выдала 67 зачинщиковъ, принесла присягу съ полнымъ раскаяніемъ. Послѣ этого командиръ и офицеры „Георгія Побѣдоносца“ вступили въ исполненіе своихъ обязанностей“.

— Что, каково? бросая на столъ газету, воскликнула Ольхиня.—Позоръ-то какой... на весь міръ!

— Что и говорить... падаетъ, падаетъ Россія!

— Однако закусимъ: ты съ дороги проголодался... О Боже мой, Боже мой! идя въ домъ, сокрушался старый ге-

оргіевскій кавалеръ.—Какъ ликуеть теперь вся эта мерзость, вдругъ всплывшая со дна на чистую поверхность когда-то могучей Руси!

Закусивъ довольно плотно и узнавъ, что обѣдъ будетъ поданъ не ранѣе, какъ черезъ полчаса, (любительница дичи, да еще только что убитой, Марья Николаевна приказала зажарить къ обѣду тетеревей, Вязьминъ вышелъ въ садъ и повернувъ въ боковую липовую аллею, вдругъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ Львинской. Приподнимая для поклона фуражку, онъ замѣтилъ удовольствіе на лицѣ дѣвушки и только что хотѣлъ сказать ей привѣтствіе, какъ Инна предупредила его:

— Ну, вотъ видите я и пришла! А вы говорили, въ городѣ, что мнѣ все равно: заѣдете-ли вы въ Ольхино, или нѣтъ!

— Очень вамъ благодаренъ за добрыя слова, пожимая ея протянутую руку и улыбаясь, отвѣтилъ Юрій,—но вѣдь это случай!

— А если нѣтъ?

— Кто-же могъ извѣстить васъ о моемъ пріѣздѣ?

— Приносила Аннѣ Павловнѣ баба грибы и сообщила, что подь самымъ Ольхинымъ ее обогналъ земскій изъ Волинскаго.

— И вы?..

— И я... усмѣхнулась Львинская,—бросивъ все, устремилась сюда! Теперь вѣрите?

Они пошли аллеей.

— Вполнѣ... и весьма радъ... Ну что М-г Володя, М-ше Софи?

— Володя довольно сносно сдалъ экзамены и теперь, для полученія чина, приписался къ канцеляріи дворянскаго депутатскаго собранія, а о Сонѣ говорить нечего: идетъ по прежнему прекрасно.—Однако пойдете поскорѣе, можемъ опоздать, а этого Марья Николаевна не любитъ...

— Не опоздаемъ: жарить тетеревей еще и не думали начинать.

— Вашей охоты?

— Да, и надѣюсь, что вы и за обѣдомъ и за ужиномъ окажете честь моей охотѣ?

— Всенепремѣнно! Здѣсь рѣдко приносятъ дичь, а я большая ея любительница.

— А Володя ходитъ на охоту?

— Какой онъ охотникъ!.. Да что вы все о Володѣ меня спрашиваете?

— Потому что онъ вашъ поклонникъ.

— Ну ихъ... начала было Инна.

— И безъ Володи достаточно, хотѣли вы сказать? разсмѣялся Вязьминъ.

— Зачѣмъ это вы, Юрій Александровичъ, все меня шпигуете? серьезно взглянула она на него.—Отравляете удовольствие видѣть васъ?

— Ну простите... больше не буду...

Помолчали.

— Вы ночуете здѣсь?

— Да; и завтра думаю, на часокъ, побывать у Анны Павловны.

— Обойдемте клумбы и вернемся въ домъ, уже веселѣе пригласила Инна и они направились къ террасѣ.

XXII.

Послѣ обѣда, Иванъ Константиновичъ ушелъ въ кабинетъ „прикурнуть“ на часокъ, а Марья Николаевна отправилась въ кухню наблюдать за чисткой и отвариваньемъ въ уксусѣ только что купленныхъ бѣлыхъ грибовъ. Къ ней присосѣдилась пришедшая попадая, бойкая, среднихъ лѣтъ женщина, великая мѣстныхъ новостей вѣстовщица. Вязьминъ и Львинская сидѣли на террасѣ.

— Ну какъ поживаютъ ваши постояльцы? Вѣроятно, они внесли въ вашу холостую жизнь не мало оживленія? спросила Инна.

— Какъ кажется, живутъ прекрасно... Въ мою-же жизнь, одинокаго, они дѣйствительно внесли много оживленія... Я весьма радъ, что Канищевы въ Волынскомъ: меня онѣ не стѣсняють,—напротивъ, съ ихъ прїѣздомъ жизнь въ усадьбѣ стала болѣе разнообразной: мы ѣздимъ за грибами, устраиваемъ рыбныя ловли, экскурсіи по окрестностямъ... Прїѣзжайте, Инна Александровна, съ Иваномъ Константиновичемъ, повидать Зою Владиміровну,—Канищевы будутъ весьма рады вашему посѣщенію.

— Не думаю, недовѣрчиво взглянула на Юрія, покачи-

вая головой, дѣвушка: --Зоя Владиміровна меня не жалуешь, да и вы приглашаете меня по свѣтски... Я буду совершенно лишней въ вашемъ кружкѣ!

— Откуда вы взяли, что Зоя Владиміровна васъ не жалуешь, а я приглашаю васъ въ Волинское „только по свѣтски“--т. е. по фарисейски?.. Знаете что, Инна Александровна: не давайте вы развиваться въ себѣ этой современной болѣзни, именуемой неврастеніей... Вѣдь вы все въ дурномъ свѣтѣ видите, во всѣхъ все что-то подозрѣваете!

— Ничего не подозрѣваю; я смотрю на людей не сквозь розовую призму, а вижу, какъ они есть.

— А ошибиться развѣ не можете?

— Людей, живущихъ на распашку--много... и узнать такихъ весьма не трудно.

— Ну, а хитренѣйшихъ, скрытныхъ?

— Такихъ узнать, конечно, потруднѣе, но при частомъ и тщательномъ наблюденіи, раскусить ихъ все-таки можно.

— Простите меня: въ ваши годы это очень нелегко. жили вы еще очень мало, людей видѣли такъ-же... Да если и наблюдали ихъ, то поверхностно, натуры человѣческой почти не знаете.

— Для этого вовсе не нужно жить нѣсколько десятилѣтій: надо только выработать въ себѣ способность распознавать человѣка.

— Но чтобы выработать эту способность необходимо время и извѣстный талантъ, который не всякому дается!

— Какой тамъ талантъ--просто чутье!

— Да и чутье не всѣмъ дается... А вы обладаете этимъ чутьемъ?

— Думаю, что да: до сихъ поръ я еще не ошибалась.

— Помилуйте! Да вамъ еще вѣдь двадцати двухъ лѣтъ нѣтъ!

— Года тутъ не причемъ.

Инна вынула изъ кармана портсигаръ и спичечницу и поднялась съ кресла.

— Пойдемте въ садъ: мнѣ курить хочется.

Взяминъ тоже всталъ и они спустились съ террасы.

— Отчего вы открыто не курите? спросилъ Юрій.

— Хозяева не любятъ... Марья Николаевна считаетъ это неприличнымъ!

— Что молодая дѣвушка курить?

— Да: она говоритъ, что кромѣ того, что куреніе вредно—оно придаетъ женщинѣ какое-то ухарство. Я даже въ первый разъ слышу это слово.

— Слово это, положимъ, давнишнее; и вы, Инна Александровна, находите, что Марья Николаевна неправа?

— Конечно! Что за стѣсненіе и въ наше время!

— Не въ стѣсненіи дѣло: Марья Николаевна вѣроятно имѣла въ виду, что привычка эта какъ-то не вяжется съ женственностью... Женщина, а тѣмъ болѣе дѣвушка,—вѣдь это что-то возвышенное, нѣжное, чистое—и вдругъ...

— Ну что-жъ—продолжайте!

— Вы разсердитесь...

Нисколько!

— И вдругъ: папироска въ зубахъ, на алыхъ губкахъ—осадокъ никотина и вмѣсто нѣжнаго, чистаго дыханія—рѣзкая смѣсь табачнаго перегара и жженой бумаги!

Инна расхохоталась.

— Да вы и поэтъ и сатирикъ!

— Мнѣ жалко видѣть, когда вы, такая красивая, изящная, польстилъ ей Вязьминъ,—и вдругъ пускаете какой-то нехорошій дымъ и приемами куренія, простите, даете со-всѣмъ другое выраженіе вашему лицу!

Львинская бросила папиросу.

— Видите: я бросаю.

— Съ тѣмъ, чтобы черезъ полчаса закурить новую?

— Перейдемте лучше къ чему-нибудь другому...

Они молча прошли нѣсколько шаговъ.

— А вы слышали, что здѣшняго исправника Кропотова перевели въ Бронскій уѣздъ? спросилъ Вязьминъ.

— Да; Анна Павловна очень его жалѣетъ и крайне недовольна тѣмъ, что даютъ намъ какого-то Фейерейзена, изъ евреевъ; никогда этого не бывало, чтобы исправниками назначали евреевъ!

— Къ счастью нашему его къ намъ не назначаютъ.

— Ну какъ не назначаютъ, когда Аннѣ Павловнѣ пишутъ, что губернаторъ уже выписалъ его изъ западныхъ губерній и приказъ о немъ состоялся.

— У Анны Павловны корреспондентъ несвѣдущій: приказъ уже состоялся...

— Ну вот видите! перебила Инна.

— Приказъ-то состоялся, улынулся Юрій,—но назначень не Фейерейзенъ, а очень знакомый вамъ Шаталовъ!

— Дмитрій Никитичъ?.. Не можетъ быть!

— Спросите у Ивана Константиныча: сегодня, съ нарочнымъ, губернаторъ увѣдомилъ его о переводѣ въ нашъ уѣздъ изъ Раменья Дмитрія Никитича Шаталова.

— Искренно рада: это такой милый собесѣдникъ, такой воспитанный... Анна Павловна просіяетъ, когда узнаетъ! И ей, какъ придемъ домой, сейчасъ-же дамъ вѣсточку.—А вы довольны?

— Еще-бы! Хотя Кропотова я очень любила и какъ служаку и какъ человѣка, но конечно другъ и родственникъ мнѣ ближе.

— Какои у него чудный голосъ... Какои рассказчикъ! Вотъ теперь наслушаемся его!— Вы дали ему знать?

— Завтра, тотчасъ по приѣздѣ домой, увѣдомлю его съ нарочнымъ.

— Кланяйтесь ему отъ меня и скажите, что я очень за него рада!

— Слушаю-съ.

— А Иванъ Константинычъ скоро поѣдетъ въ Волинское?

— Не замедлитъ: съѣздитъ къ губернатору обыденкой, а потомъ и ко мнѣ. Такъ, числа седьмого-восьмого...

— А у меня знаете какое намѣреніе, помолчавъ, сообщила Львинская:—я хочу поступить въ классныя дамы права у меня есть, энергіи хватить—лишь бы вакансія была:

— Что это вамъ на умъ пришло?

— Надоѣло быть безъ дѣла... Да надо-же и честь знать: не всю-же жизнь висѣть на шеѣ Ольхиныхъ: и поработать нужно.

— Какъ-же это вы, мѣсяць назадъ, говорили мнѣ, что возитесь съ ученицами неспособны и не желаете, потому что вспыльчивы и не сдержанны?

— У васъ, однако, хорошая память... Я говорила объ учительницахъ, а не о классныхъ дамахъ, да наконецъ и обстоятельства и взгляды мѣняются...

— Желаю вамъ успѣха, а только обуза эта не изъ легкихъ!

— Въ этомъ мѣсяцѣ ваша очередь сидѣть въ сѣздѣ? повернувъ къ дому, спросила Инна.

— Да.

— Поѣдете?

Какъ-же не ѣхать! Мы всегда аккуратны; развѣ заболѣемъ.

— И къ намъ заѣдете?

— Всенепремѣнно. Обѣдать буду.

Иванъ Константиновичъ сидѣлъ уже на верандѣ въ своемъ старинномъ креслѣ и читалъ газеты, когда подошли Инна и Вязьминъ.

— Поболтали? ласково спросилъ генераль.

— Поболтали, отвѣтила дѣвушка;—хочу я и съ вами поболтать, Иванъ Константиновичъ...

Она сѣла на стулъ возлѣ Ольхина.

— Пожалуста...

— Похлопочите за меня: мнѣ хочется въ классныя дамы.

— Что-жь, дѣло доброе... Только вынесете-ли вы возню съ ученицами? Я-бы посоветовалъ вамъ лучше пристроиться къ какому-нибудь казенному учрежденію; и для нервовъ лучше и жалованье больше и вакансію я вамъ скорѣе доставлю.

— Надо умѣть на ремингтонѣ работать.

— Хитрость не Богъ-вѣсть какая: въ мѣсяцъ научитесь.

— Я подумаю. Такъ вы, Иванъ Константиновичъ, не откажете мнѣ въ помощи?

— Съ удовольствіемъ постараюсь устроить васъ... Только рѣшайте скорѣй: послѣзавтра, рано утромъ, я ѣду въ городъ.

На другой день и хозяинъ и гость встали рано; въ девять часовъ, напившись чаю, они уже отправились въ обходъ усадьбы. Ихъ сопровождалъ „Ральфъ“, красивый, хотя и не первой молодости, черный пойнтеръ. Иванъ Константиновичъ прежде всего похвастался своимъ „нещечкомъ“—огородомъ, дѣйствительно хорошо содержимымъ. Въ небольшихъ размѣрахъ тутъ были всевозможныя овощи, отъ капусты нѣсколькихъ сортовъ до спаржи и артишоковъ; зато ягодъ было немного: три гряды клубники, столько-же ма-

лины и нѣскольکو кустовъ крыжовника. Парниковъ не только для дынь и арбузовъ, но и для огурцовъ не полагалось. Огородъ былъ разбитъ въ десяти-пятнадцати саженьяхъ отъ дома и былъ обнесенъ крѣпкимъ частоколомъ.

— Нынче ни на кого положиться нельзя, замѣтилъ Ольхинъ:—отодвинь-ка огородъ подальше—половины овощей и ягодъ не досчитаешься! И не столько украдутъ, сколько сомнутъ.—Ты какъ справляешься съ ворюжками?

— Да какъ тутъ справишься? Днемъ не таскаютъ, а по ночамъ бываетъ... Признаюсь я на это философски смотрю: если даже четверть украдутъ—три четверти останутся—все выгодноѣе, чѣмъ за сорокъ верстъ, изъ города возить! Да кто крадетъ-то и что? Ребятишки, дѣвки: ягоды, горохъ, огурцы... Капусту, лукъ, фасоль—они не тронутъ. Да и садовника опасаются: флигелекъ его и помощника почти среди огорода стоятъ... Накроютъ ворюжку—уши надерутъ или за волосы оттерebaтъ.

— Посѣялъ я нынче какой-то удивительный, какъ гла-сить каталогъ, эстрагонъ—не знаю, что выйдетъ. Идетъ пока хорошо.

— А на что вамъ эстрагонъ?

— Какъ на что? Для уксуса. Настоящій эстрагонный уксусъ, какъ прежде дѣлали помѣщики, и для стола хорошъ и для заготовокъ. Продажный эстрагонный уксусъ не много лучше древеснаго, которымъ мы всѣ отравляемся.

— А рецептъ для уксуса у васъ есть?

— У меня цѣлая книжка разныхъ рецептовъ имѣется; еще отъ дѣда унаслѣдовалъ.

— Въ этомъ году эстрагона я посѣялъ мало, только для солки огурцовъ; будущей весной посѣю больше. А теперь прошу у васъ позволенія списать рецептъ; осенью я, для пробы, хотъ бутылочку уксуса сдѣлаю.

Разговаривая, они дошли до скотнаго двора, стоящаго за садомъ.

— Бауманомъ довольны? спросилъ Възьминъ.

— Пока все идетъ хорошо... Сыроварню устраиваетъ...

— Новую строить?

— Куда-же новую... Я отдалъ ему флигель, въ которомъ жилъ маслодѣлъ и котораго я наконецъ прогналъ: пьяница былъ отъявленный! Флигель о двухъ половинахъ,

на каменномъ фундаментѣ и съ подвалами, а ледникъ уже Бауманъ выстроитъ.

— Когда-же вы въ Волынское, Иванъ Константинычъ? Я боюсь, что „Заполницу“ выкосятъ, а тамъ большой выводокъ тетеревей и на опушкѣ болота—линьки.

— Коли Богъ велитъ, завтра съѣзжу въ городъ, шестое число отдохну дома, а седьмого вечеромъ буду у тебя.

— На охоту мы поѣдемъ такъ: вы—въ дрожкахъ съ верхомъ—дрожки отцовскія, но недавно отремонтированы, и съ Николаемъ—стрѣльцомъ на козлахъ, а я на бѣговыхъ. „Ральфа“ вы можете положить въ ноги, а то онъ устанетъ. Первое поле мы возьмемъ поближе: „Заполницу“.

— Далеко-ли?

— Версты полторы. Потомъ переѣдемъ за двѣ версты къ сѣрымъ куропаткамъ... Недалеко отъ этого мѣста есть болотце—тамъ бекасы есть. Кочекъ нигдѣ нѣтъ и ходить удобно.

— Спасибо дружокъ! Еслибы ты зналъ, до чего у меня руки чешутся! Ты-то ужъ почесалъ!

— Иванъ Константинычъ, послѣ паузы, спросилъ Юрій, —значитъ Дмитрію ни завтра ни послѣзавтра нечего ѣхать въ Ольхино?

— Конечно нѣтъ! Да зачѣмъ ему ѣхать?

— Какъ зачѣмъ? Вѣдь эдакой благодати онъ и ожидать не могъ, а ею онъ всецѣло вамъ обязанъ... Не лишнее, я полагаю, и поклониться вамъ.

— Пустое... Церемонія одна! махнулъ рукой генераль. Ты его сегодня увѣдомишь, завтра онъ прилетитъ въ Волынское—пу и жди меня... Облобызаться мы и у тебя можемъ. Малый онъ хорошій, дѣльный... Съ сердцемъ чело-вѣкъ! Люблю я этого милаго пѣвуна!

— А васъ онъ обожаетъ! Въ день моего рожденія, онъ высказалъ мнѣ это за бокаломъ шампанскаго и мы вышли за ваше здоровье.

— Спасибо, а только обожать человекъ не годится: грѣшно... Что-жъ тогда Господу Богу останется? разсмѣялся Ольхинъ, закуривая папиросу.

— А что Николай Семеновичъ Касьяновъ подѣлываетъ? спросилъ Вязьминъ.

— Велемудрый губернской предводитель? Сидитъ смир-

нехонько въ „Плоскомъ“, да со своей Капитолиной деньги пересчитываютъ. Что имъ больше дѣлать!

— Не забуду я первый мой визитъ къ нему, въ 1903 году, когда послѣ выборовъ дворяне, въ томъ числѣ и я, прѣхали къ Касьяновымъ съ поздравленіемъ: новый предводитель сіялъ, крѣпко жалъ всѣмъ руки, а маленькая, съ сѣдинкой, Капитолина Михайловна юлила и вертѣлась, желая оказать вниманіе всѣмъ присутствовавшимъ...

— Да и слѣдовало оказать: развѣ могъ претендовать Касьяновъ на должность губернскаго предводителя? Чисто „фуксомъ“ попалъ! Шары перенутили: тронхъ, ни за что ни про что, на воронихъ прокатили,—ну, Касьяновъ и прошелъ!

— Когда шампанское было выпито и дворяне стали развѣзжаться, Капитолина Михайловна почему то задержала меня и вступила въ разговоръ: о моемъ отцѣ, о провинціальной жизни, о томъ, какъ тяжело теперь жить вообще и наконецъ завершила финаломъ, что идеалистомъ быть не слѣдуетъ, любви надо опасаться, такъ-какъ послѣдствія увлеченія ею всегда бываютъ худыя, а надо жить больше для себя и копить деньги на черный день. Деньги на свѣтъ—все! заключила она.

— Капитолина—сухая женщина; она и мужа-то испортила... прежде не такой онъ былъ... Ну, да это не важно... Важно то, что Касьяновъ—не предводитель, а тряпка! вмѣсто того, чтобы высоко держать стягъ представителя дворянъ—онъ не только ухаживаетъ за губернаторомъ, какъ чиновникъ, а готовъ снести даже реприманды какого то Увертышева, человѣка фальшиваго, служащаго и нашимъ и вашимъ, и все потому, что Увертышевъ—начальство! И ко всему этому Касьяновъ, какъ дѣятель, никуда не годенъ: земское собраніе въ грошъ его не ставитъ;—впрочемъ онъ и предсѣдательствовалъ всего одинъ разъ, а потомъ на меня взвалилъ эту обузу; въ собраніяхъ, въ совѣщаніяхъ и комитетахъ—совершенно нуль!

— А каковъ онъ какъ человѣкъ? Я вѣдь знаю его только по поводу адреса: помните, когда вы и еще нѣсколько дворянъ не подписали его?

— Какъ не помнить!.. Ну, да тогда адресъ составляли „освободители“, а умная голова, Касьяновъ, вполне одоб-

рилъ его, вмѣсто того чтобы протестовать!.. Ты спрашиваешь, каковъ онъ человѣкъ?.. Ничего... добрый, услужливый и гадости никакой не сдѣлаетъ, но безвольный и недалекій; любить ордена, чины и почетъ... Увертышевъ ему „дѣйстви-тельнаго“, въ прошломъ году, выхлопоталъ.

— Вотъ изъ-за этого пожалуй, и не желая, промахъ дать...

— Если послушается Капитолины—возможно!

— Вамъ-бы, Иванъ Константинычъ, баллотироваться въ мартъ...

— Нѣтъ, милый другъ, дѣло это неподходящее...

— Васъ навѣрно-бы выбрали...

— Можетъ-быть, да я-то не пойду; служить съ Увертышевымъ, съ этимъ фарисеемъ,—слуга покорный! Я привыкъ къ своему уѣзду и люблю его... Только-бы вотъ земскую управу почистить да на добрый путь наставить... Ну, Богъ, милостивъ, поможетъ, можетъ-быть.

Послѣ завтрака Вязьмину подали дрожки и онъ собрался къ Мерцаловой; Львинская попросила взять ее съ собой. Марья Николаевна строго взглянула на нее, но Инна, не обративъ на это вниманія, быстро вскочила въ экипажъ.

— Вы видѣли, какіе страшные глаза устремила на меня генеральша? размѣялась Львинская.—Какъ смѣла я напроситься ѣхать съ вами! Неприлично, видите-ли, ѣхать дѣвушка съ молодымъ человѣкомъ!.. О, какая отсталость!

— Вы называете это отсталостью, а по моему Марья Николаевна права!

— И вы туда-же!.. Что-жъ я—нахалка по вашему? слегка сдвинувъ брови, обидѣлась она.

— Нѣтъ... но могутъ счесть за фамиллярность.

— Алексѣй! Остановись! крикнула Инна кучеру.

— Зачѣмъ? спросилъ Юрій.

— Я пѣшкомъ пойду, поднялась съ сидѣнья Львинская.

Полноте, вполголоса и по французки обратился къ ней Вязьминъ;—вѣдь это-же неприлично... вы потомъ сами раскаетесь...—Алексѣй, ступай дальше; барышня думала, что обронила платокъ.

— Неприличіе дѣлаете-то вы, а не я, сердито отвѣтила она, садясь,—навязывая мнѣ какую-то фамиллярность; я этого вамъ никогда не забуду!

Инна откинулась въ уголъ экипажа и до самой усадьбы не сказала ни слова.

Мерцалову и Союю они встрѣтили гуляющими въ саду; Анна Павловна очень обрадовалась прїѣзду Вязьмина и переводу Шаталова. Она подозвала Союю, шепнула ей что-то и обѣ дѣвицы пошли въ домъ, а хозяйка съ Вязьминимъ расположились въ тѣни на террасѣ, окруженной кустами разцвѣтавшихъ бургиньоновъ.

— Вы сегодня изъ Волынскаго? спросила Мерцалова;— въ городъ ѣдете?

— Я прїѣхалъ вчера и сегодня возвращаюсь домой. Васъ можно поздравить съ окончаніемъ курса вашего сына и блестящими экзаменами М-ле Софи?

— Да, благодарю васъ... Большая обуза спала съ меня, въ особенности относительно Володи.—Каковы ужасы творятся въ Одессѣ! Вѣдь это небывалое событіе съ „Потемкинымъ“!

— Позорное событіе! Добрались злодѣи и до знаменитаго черноморскаго флота!—А братъ вашъ, Анна Павловна, что пишетъ?;

— Пишетъ онъ мало... Изъ послѣдняго письма видно, что у нихъ вообще затишье; было столкновеніе съ японцами въ сѣверной Корее, гдѣ они стоятъ; кавалерія наша была встрѣчена ружейными и пушечными выстрѣлами, но потеря наша ничтожная. Замѣчено, что японцы стрѣляли разрывными пулями.

— Ну это ужъ безчестно!

— Нашли вы честь у этихъ желтыхъ обезьянъ! Да вотъ еще что пишетъ братъ: японцы страшно боятся и ненавидятъ казаковъ Мищенко: противъ нихъ, у японцевъ всѣ средства хороши!—У васъ покойно въ участкѣ?

— Пока ничего.

— А у насъ агитаторы, говорятъ, провертываются... Хорошо еще, что мужики ихъ не жалуютъ... Въ Петровъ день, у церкви Спаса на Печенгѣ, послѣ обѣдни, поколотили одного молодца, призывавшаго населеніе не платить повинностей, не давать рекрутовъ, помѣщичью землю косить и пахать, а лѣса вырубать на продажу—насилу живою ушелъ!

Дай Богъ, чтобы населеніе совсѣмъ отбило охоту у пропагандистовъ сбивать съ толку русскій народъ!

— А страдаетъ у васъ хозяйство отъ всѣхъ этихъ передрягъ!

— Не скажу; хозяйство идетъ порядочно и до сихъ поръ въ рабочихъ я перемѣны къ худшему не вижу. Ушелъ отъ меня маслодѣль—его въ городѣ сманили—это всегда можетъ случиться.

— Куда-же вы теперь молоко сбываете?

— Въ крестьянскую артель вожу и оказываюсь въ выигрышѣ; это уже старикъ—староста еще отца моего, устроилъ.

— А далеко возить?

— Версты двѣ съ половиной.

Они помолчали.

— Часто васъ посѣщаютъ городскіе жители, Анна Павловна? спросилъ Вязьминъ.

— Бываютъ, но не часто. Да я очень и не приглашаю; я люблю деревню главнымъ образомъ за то, что, живя въ ней, не чувствуешь того стѣсненія, тѣхъ заботъ, которыя одолеваяютъ въ городѣ.

— Много гуляете?

— Утромъ и вечеромъ.

— Вы любительница собирать грибы?

— Ъсть люблю, но не собирать. Этотъ спортъ я предоставляю Сонѣ съ Инной. Кстати: слышали вы, что Инна просится въ гимназію, въ классныя дамы?

— Слышалъ и удивился.

— Неправда-ли? Ну какая она классная дама? У нея не хватитъ ни энергіи, ни сдержанности, а возиться съ дѣвчонками разныхъ сословій—не легко; У Инны весьма вспыльчивый характеръ, а классная дама должна быть сдержанна, настойчива и тактична... Впрочемъ это ея дѣло! оборвала рѣчь Мерцалова.

— „Эге!“, мелькнуло въ головѣ Юрія,—„характеръ Инночки не очень-то нравится Аннѣ Павловнѣ; совсѣмъ иначе относилась она къ ней мѣсяцъ назадъ!“

— Ходите на охоту?

— Былъ два раза и довольно удачно.

— А что ваши дачники?

— Здоровы, пользуются воздухомъ, собираютъ грибы.

— Премилая дѣвушка Зоя Канищева! Это моя слабость... Любовь ея къ бабушкѣ, благодарность за ея заботы, постоян-

ный трудъ—все это большая рѣдкость! въ нынѣшнее время Я очень сожалѣю, что вижу ее только изрѣдка...

— Некогда ей, Анна Павловна: я знаю отъ Сахарова, что у нея иной день четырехъ часовъ свободныхъ нѣтъ!

— Ну-ну, усмѣхнулась Мерцалова:—Петръ Николаичъ часто преувеличиваетъ... Есть праздники...

Вышла небольшая пауза.

— А сынъ вашъ любить хозяйство, вematривается въ работы?

— Врядъ-ли! размѣялась Анна Павловна;—да къ чему впрочемъ? Его будущее—служба, а не хозяйство. Хозяйство приноситъ такъ мало дохода и требуетъ столькохъ заботъ—что право игра свѣчь не стоитъ! Вѣдь мы держимся усадьбъ или потому что традиціонно любимъ деревню, или потому что не находимъ на наши усадьбы подходящихъ покупателей. Я съ удовольствіемъ продала-бы всю свою маетность, оставивъ себѣ здѣсь, какъ дачу, домъ со службами и десяти-ть тридцать земли.

Вошли обѣ дѣвицы и Володя. У Володи лицо было пасмурное и онъ церемонно поздоровался съ Вязьминымъ. Юрій, взглядысь въ юношу, сейчасъ-же подумалъ: „ужь не злится-ли этотъ бутузъ на меня, за то что я пріѣхалъ съ М-ше Инной, и не поѣхала-ли со мной сія послѣдняя для возбужденія ревности М-г Вольдемара?“

— Юрій Александровичъ, вставая, обратилась Мерцалова къ Вязьмину,—чашку чая можно вамъ предложить?

Юрій поблагодарилъ и всѣ вошли въ столовую, гдѣ, на прекрасно сервированномъ столѣ, кромѣ самовара и его принадлежностей, стояли тарелочки съ закусками и вина.

Черезъ полчаса, откланявшись хозяйкѣ и ея дѣтямъ, Вязьминъ спросилъ Львинскую:

— Вамъ угодно быть моей спутницей?

Инна строго взглянула на недовольное лицо Володи и весело отвѣтила:

— Конечно! и, простившись со всѣми, порхнула изъ комнаты.

Около десяти часовъ вечера, Юрій подѣвжалъ къ Волынскому; было тепло, безвѣтренно. На блѣдно-голубомъ небѣ кой-гдѣ мелькали тускляя звѣзды; недавно родившіяся

мѣсяць медленно выплывалъ изъ-за темнѣвшаго сада усадьбы. Легкій бѣловатый туманъ поднимался съ рѣки; въ тишинѣ ночи гулко раздавался стукъ колесъ работавшей мельницы, рѣзко звенѣлъ колокольчикъ тарантаса и слышался шелкъ лошадиныхъ копытъ. Повернули въ аллею: впереди, на мосту, двѣ женскія фигуры, лицомъ къ ѣдущему экипажу; Вязьминъ издали узналъ ихъ: въ красномъ платочкѣ на головѣ—Зоя, въ голубомъ—Леночка. Подѣхавъ къ мосту, Юрій вышелъ изъ тарантаса, отпустилъ лошадей и, подойдя къ Зоѣ, поцѣловалъ протянутую ему руку, затѣмъ поздоровался съ Коноплевою.

— Вечеръ такой чудный, что сидѣть дома просто грѣшно. Вотъ мы и вышли прогуляться, благо Соня уснула, какъ-бы оправдывалась Зоя.

— А Надежда Васильевна въ постели? чтобъ что-нибудь сказать, спросилъ Вязьминъ.

— Нѣтъ еще: совершаетъ свой почной туалетъ и вѣроятно молится;—ну какъ вы съѣздили?

— Прекрасно... и получилъ нечаянную радость!

Зоя удивленно взглянула на него.

— Въ нашъ уѣздъ переведенъ исправникомъ Дмитрій Никитичъ!

— Неужели? Какъ я рада!

— Это ужъ Иванъ Константиновичъ устроилъ: губернаторъ рѣшилъ было осчастливить насъ евреемъ Фейерейзеномъ! Ну, да я послѣ подробно расскажу вамъ... Сейчасъ посылаю нарочнаго къ Дмитрію; завтра онъ является и съ радости будетъ увеселять васъ своимъ пѣніемъ.—Да, Ольхины очень кланяются вамъ и бабушкѣ; госпожа Мерцалова тоже; она цѣлый панегрикъ воспѣла вамъ и сожалѣетъ, что рѣдко васъ видитъ. Иванъ Константиновичъ будетъ здѣсь седьмого или восьмого... Елена Михайловна, какъ здоровье ваше? Что Соня?

— Славу Богу, все хорошо, скромно улыбнулась Леночка:—я здѣсь какъ въ раю и надѣюсь, что поправлюсь... Благодарю васъ, Юрій Александровичъ: свиное сало приноситъ мнѣ пользу...

— Искренно радъ. Отъ души желаю вамъ скорого выздоровленія!

Они подошли къ флигелю. Теночка простилась съ Вязьминымъ и ушла въ галерею.

— Ну что вы дѣлали безъ меня? спросилъ Юрій.

— Ждали васъ сегодня къ обѣду; бабушка надѣялась, что вы отобѣдаете съ нами.

— Никакъ не могъ вырваться ранѣе: Иванъ Константинычъ съ перваго слова поставилъ мнѣ ультиматумъ: ночевать въ Ольхинѣ и на другой день обѣдать; отказаться было нельзя, въ особенности послѣ хлопотъ о Шаталовѣ.

— Конечно.—У Мерцаловой долго сидѣли?

— Около часа; поданъ былъ чай, закуска...

— А Инну Александровну вы застали дома?

— Она была въ саду, когда я пріѣхалъ (почему-то Юрій не сказалъ, что она пришла отъ Мерцаловыхъ)... Представьте: въ классныя дамы хотеть поступить!

— Вотъ какъ!.. Врядъ-ли на долго!.. Однако до свиданія... вамъ падо еще нарочнаго посылать.

Она протянула ему руку, которую Вязьминъ пожалъ, и не оборачиваясь ушла во флигель.

Вязьминъ, придя домой, наскоро написалъ записку Шаталову и сейчасъ-же отправилъ ее съ нарочнымъ.

XXIII.

Восьмого іюля, на другой день послѣ пріѣзда Иванъ Константиновича въ Вольтинское, около пяти часовъ утра, у подъѣзда стояли уже запряженные экипажи и Николай-стрѣлецъ; въ ожиданіи господъ, онъ присѣлъ на лавочку у галлерей, покуривая „крючокъ“ и поглаживая по головѣ „Боя“, трехлѣтняго курляндца, желтаго съ бѣлой грудью и бѣлою звѣздочкой на лбу.

— „Что, песикъ, приговаривалъ Николай,—охоту чужешь?.. Работай хорошенько, умно... Чужая собака на тебя глядѣть будетъ... Не осрамись, Ббюшка... Что хвостомъ завилялъ? Не осрамись, говорю...“

Щелкнула входная дверь—и на крыльцѣ появились Ольхинъ и Вязьминъ, въ охотничьихъ блузахъ и полномъ снаряженіи. Минуты черезъ двѣ они выѣхали: генераль съ Николаемъ на дрожкахъ впереди, Юрій съ Мишуткой на бѣгунцахъ—позади; запряжена была въ нихъ старенькая ло-

шадка „Карюшка“, изъ бывшихъ верховыхъ“; Юрій правилъ, Миншутка, сидя сзади, подпрыгивалъ на каждомъ камешкѣ или колесѣ и хватался за ремешки подушки, „Бой“ бѣжалъ за колесами.

Утро было чудное; солнце стояло довольно высоко и ночная прохлада начала согрѣваться; утренняя розоватая заря все болѣе и болѣе таяла въ блѣдно-голубомъ, безоблачномъ небѣ; теплый юго-западный вѣтерокъ слабо перебѣгалъ по ярко-зеленой листвѣ, еле покачивая налившіеся колосья уже желтѣвшей ржи; на необсохшей еще травѣ сверкали кой-гдѣ росинки, подъ косыми лучами юльскаго солнца.

Свернувъ съ дороги и подѣхавъ къ пригорку, поросшему молодымъ березнякомъ, охотники остановились. Лошадей поставили въ тѣнь и Вязьминъ съ генераломъ приступили къ обсужденію маршрута. Передъ ними разстпался большой некошенный лугъ „Заполица“, справа тянулась, покрытая березнякомъ, грива, слѣва — невысокій еловый лѣсокъ, на кочковатой, мокрой низинѣ. По опушкѣ его разбросанъ былъ молодой ивнякъ, а на чистомъ лугу мѣстами виднѣлись кустики можжевельника и капорки и пятнами, среди густой травы, выступали мелкіе, желтые цвѣтки на высокихъ стебляхъ, въ просторѣчи — „куриныя ноги“.

Ивану Константиновичу было предложено идти на теревинный выводокъ, почти въ самый конецъ луга, а Вязьминъ пошелъ опушкой лѣса, надѣясь напасть только на теревей-линьковъ и на случайную дичь. Какъ охотникъ горячій и жадный, онъ скорбѣлъ, что большой и вѣрный выводокъ сдѣлается добычей Ольхина, но гостеримство, а главное любовь къ этому доброму и отзывчивому старику заглушали зависть. Генералъ, по военному, шелъ скоро впередъ; „Ральфъ“ работалъ хорошо: внимательно, неторопясь, осторожно... Юрій слѣдилъ за нимъ болѣе чѣмъ за „Боемъ“, хотя сей послѣдній все время шелъ верхнимъ чутьемъ и лихо отмѣривалъ свои „ленты“ — и вдругъ круто остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ивоваго куста, вытянулъ хвостъ и, неспуская глазъ съ ивняка, замеръ.

Циль! приготовивъ ружье, съ усиленнымъ біеніемъ сердца, шепотомъ сказалъ Вязьминъ,

„Бой“ не шевельнулся.

— Пиль! озлился Юрій („пропуделяю“! мелькнуло у него въ головѣ);—Боюшка пиль! уже мягче добавилъ онъ и, наконецъ, не вытерпѣвъ, ткнулъ ногой собаку.

„Бой“ стремительно кинулся въ кустъ и крупный „чернышъ“, съ нѣскольکو помятымъ оперѣніемъ, грузно взвился вверхъ. Выстрѣлъ—и раненая птица, съ оборваннымъ хвостомъ, сдѣлавъ послѣднее усиліе подняться еще выше, ослабѣвъ, упала мертвой къ ногамъ Юрія.

„Починь сдѣланъ! Безъ пуделя! радостно подумалъ онъ, заряжая ружье.

Два хлопка раздались въ сторонѣ Ольхина и Вязьминъ увидѣлъ двухъ падающихъ тетеревятъ. „Дублетомъ хватилъ! Ай-да старикъ!“ подумалъ Юрій.—Не разучился стрѣлять... Пожалуй, эдакъ весь выводокъ въ ягдташъ положить!

Поднялись еще два тетерева: опять два выстрѣла—и нѣскольکو птицъ, разлетѣлось въ разныя стороны: выводокъ былъ разбитъ.

„Ну, теперь пойдутъ розыскивать по одиночкѣ... На это Николай—мастеръ: „напримѣнно, напримѣнно—вонъ у этой елочки опустился, а другой—въ Мокѣвской выгонъ прокатилъ“—и почти всегда угадывалъ, гдѣ птица сядетъ“, думалъ Юрій, идя впередъ,—„хоть-бы одинъ въ лѣсъ улетѣлъ: все въ дугъ да въ гривку перемѣстились“...

„Бой“ потянулъ...

Вязьминъ встрепенулся и вскинулъ ружье на изготовку. „Бой“ вель довольно скоро къ болотцу, окаймленному осокой, умѣренно мокрому. Юрій успѣшилъ. Вдругъ изъ подъ него сорвался бекасъ. Вязьминъ, не давъ ему сдѣлать колѣнцо, выстрѣлилъ и убилъ. Опустивъ его въ ягдташъ и зарядивъ ружье, онъ быстро бросился къ собакѣ, мертво стоявшей:

— Пиль!

Поднялся дупель и, вслѣдъ за выстрѣломъ, шлепнулся бѣлой грудью о мокрую кочку. Вязьминъ сталъ поднимать птицу сзади вылетѣлъ бекасъ. Юрій хотѣлъ догнать его вторымъ выстрѣломъ, но птица была уже далеко и онъ промахнулся, а отъ выстрѣла поднялись вокругъ обезоруженнаго Вязьмина еще три бекаса! Растерялся Юрій и разгорячился; торопливо зарядилъ ружье и послалъ „Боя“ впередъ;

пройдя нѣсколько шаговъ, собака стала, но дупель не выдержалъ и рванулся вверхъ—Юрій опять промахнулся.

„Нѣтъ, такъ нельзя... Надо отойти назадъ, сѣсть и успокоиться... Такъ Ваксель учитъ. Ваксель, надъ книжкой котораго, по выраженію Аксакова, „леговая собака стойку дѣлаетъ“.

Вязьминъ отозвалъ „Боя“ и, отойдя назадъ, усѣлся на кочку.

Отдохнувъ, онъ снова вошелъ въ болото, убилъ дупеля и двухъ бекасовъ и успокоился.

Дошедшіе до него генеральскіе выстрѣлы двинули его впередъ; онъ убилъ двухъ линьковъ и хотѣлъ уже идти на соединеніе съ Иваномъ Константиновичемъ, какъ вдругъ „Бой“, какимъ-то страннымъ подходомъ, обратилъ его вниманіе: собака шла по направленію къ небольшимъ кочкамъ, поросшимъ густой травой и прикрытымъ кустомъ можжевельника. Шагахъ въ пяти отъ него „Бой“ остановился.

— Пиль! толкнулъ его Юрій.

— Пиль! повторилъ онъ громко—и, встряхивая вѣтки, выскочилъ изъ куста матерой русакъ и помчался къ лѣсу. Вязьминъ, разгоряченный неожиданностью, забывъ законъ объ охотѣ, выстрѣлилъ по зайцу въ бокъ и задъ, но безуспѣшно: рука дрожала; заяцъ-же, заложивъ правое ухо назадъ и усиливъ бѣгъ, не останавливаясь, быстро влетѣлъ въ гостепріимный лѣсокъ.

— Какъ-же это ты, земскій начальникъ, и вдругъ стрѣляешь по зайцу? спросилъ Юрія генераль, когда они сошлись.—Убѣгая здоровымъ и невредимымъ, русакъ вѣдь насмѣялся надъ тобой: „что взялъ, нарушитель закона? Сказано: не бей насъ до сентября—вотъ ты и промахнулся!“ разсмѣялся Ольхинъ.

Подошли къ экипажамъ и стали считать убитую дичь; оказалось: у Ивана Константиновича—четыре тетеревенка, два дупеля и бекасъ, у Вязьмина—три линька, два дупеля и три бекаса.

— Что-же на куропатокъ теперь? спросилъ Юрій.

— А который часъ?

— Безъ десяти восемь.

— Поздненько: поди matka выводокъ уже въ крѣпъ увела... да и раскисъ я немножко... А у тебя—разбиратель-

ство въ одиннадцать часовъ... Не лучше-ли вечеркомъ съѣздить?

— Какъ прикажете... можно и вечеромъ, только выѣхать надо не позже пяти часовъ.

— Конечно.

Они отправились домой. Юрій, по просьбѣ генерала, пересѣлъ къ нему, а Николай съ Мишуткой—на бѣгунцы.

— Иванъ Константинычъ! помолчавъ, началъ Вязьминъ.—А я вѣдь опять съ просьбой къ вамъ объ одномъ человѣкѣ...

— Ну, слава Богу, что не о двухъ! размѣялся старикъ.

— Вы такъ добры ко мнѣ, что даже мнѣ и стыдно...

— Да ну тебя... стыдно да стыдно! Стыдно, милый другъ, пакости дѣлать и о пакостяхъ просить, а я увѣренъ, что на пакостное дѣло ты меня не пригласишь! Ну, говори прямо!

— Мѣсяца полтора назадъ, когда я останавливался въ „Якорѣ“, ко мнѣ въ номеръ явился отставной штабъ-ротмистръ Ширяевъ, хорошій мой знакомый по Москвѣ,—и Юрій передалъ Ольхину всѣ подробности свиданія и свѣдѣнія о теперешней его жизни. Дорогой Иванъ Константинычъ! Помогите этому несчастному, дайте ему возможность вырваться изъ той ямы, въ которую онъ попалъ! Вѣдь погибнетъ онъ, если его не поддержать!

— Другъ ты мой! Ты давно меня знаешь... Я всегда радъ сдѣлать доброе, а тѣмъ болѣе такому свихнувшемуся собрату, да еще монархисту! Но, не лучше-ли подождать немного и за это время дать ему возможность стать на ноги, бросивъ прошлое? Выдержать онъ этотъ искусь—о, тогда я отъ всего сердца постараюсь поставить г. Ширяева на путь чести и труда! А чтобы онъ не отчаявался—надо подбодрять его надеждой на лучшее, будить въ немъ все то хорошее, что заложено въ него христіанкой-матерью и теперь лежитъ подъ спудомъ; вообще приблизить его, погибающаго, ко Христу!

По приѣздѣ въ усадьбу, Иванъ Константиновичъ, напившись чаю и закусивъ, легъ отдохнуть, а Юрій, переодѣвшись, отправился въ камеру заняться текущими бумагами и возстановить въ памяти дѣла, назначенныя къ разбирательству. Около двухъ часовъ онъ закрылъ засѣданіе,

сходилъ въ кухню и, узнавъ, что Шаталова и въ поминѣ нѣтъ, пошелъ въ садъ, побродить. Обошелъ огородъ, поговорилъ съ Евлаіей и направился къ рѣкѣ. Идя туда, онъ почему-то вообразилъ, что встрѣтитъ Зою, собирающую грибы или стоящую съ удочкой на берегу. Потребность видѣть дѣвушку была совершенно безотчетна: въ послѣднее время Юрій, незамѣтно для него самого, началъ привыкать къ Зоѣ. Недаромъ говорятъ, что жизнь въ деревнѣ и упрощаетъ и сближаетъ отношенія, а тѣмъ болѣе когда къ отношеніямъ этимъ нарождается обоюдное тяготѣніе.

Встрѣча съ Зоей, въ день его пріѣзда изъ Ольхина, и разговоръ съ нею, хотя и краткій, не прошли для Юрія безслѣдно: онъ почувствовалъ въ себѣ что-то новое, захватывающее и вмѣстѣ съ тѣмъ томительное... Бывшая индифферентность исчезла; онъ сталъ воспримчивъ къ тому, чего онъ долженъ былъ бояться и избѣгать... Первые признаки, веселящіе и вмѣстѣ съ тѣмъ терзающіе душу, уже дали себя знать. Мечты о счастіи, холодныя разсужденія о несбыточности его волновали и мучили его. Страсть рвалась, разсудокъ остерегалъ!

Возвысили свой голосъ и честь и, привитыя воспитаніемъ, религія и правила—и горечь, какъ змѣя, вползла въ душу Вязьмина.

Подъ гнетомъ этихъ думъ, борьбы страсти и долга, сидѣлъ Юрій на берегу рѣки, на скамьѣ, окруженной кустами. — „Почему я не свободенъ?.. Почему я обреченъ, на всю жизнь можетъ быть, не знать наслажденій семейнаго счастья?“ ропталъ онъ, но тотчасъ-же каялся въ своихъ словахъ: — „Боже мой! до чего я дошелъ... Какъ извергъ, подкарауливаю смерть жены, любившей меня, доброй, ни въ чемъ неповинной. Жду этой смерти, какъ милости, для того, чтобы удовлетворить свою страсть! Страшно подумать, до чего я нравственно опустился!“

И Вязьминъ, дѣйствительно страдая, склонилъ голову на руки.

— Вы что это? прозвучалъ голосъ Зои, стоявшей передъ нимъ съ двумя удочками въ рукѣ, съ веселымъ, добрымъ взглядомъ.— Вамъ нездоровится? Охота утомила васъ?

— О нѣтъ, Зоя Владиміровна, вставъ съ скамьи, пожалъ протянутую ему руку Юрій:—охота, напротивъ, раз-

сѣяла меня, а вотъ возвращеніе мое домой, прошлый вечеръ... Ну да что объ этомъ вспоминать!

Зоя поглядѣла на него вопросительно и отчасти серьезно.

— Есть вещи, которыя надо хранить въ себѣ, Зоя Владиміровна, какъ-бы онѣ ни просились наружу... Къ этому принуждаетъ насъ честь, уваженіе и любовь... Трудно это, очень трудно, но мало-ли трудностей и горя на землѣ! Вѣдь въ чемъ любовь къ ближнему? Страдай одинъ, но не заставляй страдать другихъ!

Дѣвушка стояла молча, опершись на удилница и нѣсколько удивленная. Глаза ея были опущены и тонкіе пальцы ея нервно перебирали кисточки ея пояса.

Вышла пауза.

Вдругъ, поднявъ голову и смѣло взглянувъ въ лицо Юрія, Зоя спросила:

— А что-же Дмитрій Никитичъ? Его нѣтъ?

Пріѣдетъ вѣроятно къ обѣду; письмо мое не застало его: онъ въ уѣздѣ, какъ-то разсѣянно отвѣтилъ Вязьминъ.

— Юрій Александровичъ, не хотите-ли поудить со мной... у меня двѣ удочки? спросила дѣвушка.

— Благодарю, но мнѣ надо еще объ обѣдѣ похлопотать.

И, поклонившись, Вязьминъ повернулъ къ дому.

Зоя проводила его взглядомъ и, нахмурившись, бросила въ воду обѣ удочки.

Шаталовъ явился въ Волынское за полчаса до обѣда и, какъ всегда, привезъ гостинецъ: самую свѣжую нельму. Радостный до нельзя, онъ чуть не кинулся генералу на шею, но Иванъ Константиновичъ предупредилъ его, троекратно обლობызавъ исправника. Въ виду пріѣзда Дмитрія Никитича и его просьбы не портить, лежаніемъ на погребѣ, только что пойманную рыбу, рѣшено было обѣдъ не торопить, а вечернее поле отложить, Иванъ Константиновичъ на это немедленно согласился и потому, что двѣ охоты въ одинъ день утомительны и потому, что портить такую рыбу было бы дѣйствительно грѣшно; кромѣ того старому гвардейцу хотѣлось соблюсти и вѣжливость: провести вечеръ у Капицевыхъ. Дмитрій Никитичъ, выслушавъ рѣшеніе, немедленно побѣжалъ въ кухню и, освѣдомившись, что всѣ нужныя

овоци имѣются на лицо, предложилъ повару, для разнообразія, приготовить нельму „по русски“.

— Ты что это сегодня... въ михлюндіи? обратился Шаталовъ къ вошедшему въ кухню Вязьмину;—точно и не радъ моему переводу!

— Глупости говоришь! Голова побаливаетъ—вотъ и все.

— То да не то—знаю я тебя!.. А вотъ что, милый человекъ: генераль ушелъ во флигель, до обѣда добрыхъ полтора часа—какъ вы объ этомъ думаете Дмитрій Степанычъ?

— И всѣ два пройдутъ! усмѣхнулся поварь.

— ... Я только что приѣхалъ... Закусимъ ка, Юрочка... право закусимъ—и михлюндію твою какъ рукой сниметъ!

— Иди, Митя, и закусывай, а мнѣ ѣсть не хочется; да надо и на сѣнокосъ сѣздить...—Тебѣ сюда дадутъ знать о твоёмъ переводѣ?

— Да; и отсюда я поѣду въ городъ (они вышли на крыльцо). Воображаю, какъ Увертышевъ злится на Ольхина! На мнѣ все оборвется...—Ну, Дмитрій Никитичъ, держи теперь ухо остро!—А говорилъ тебѣ генераль, какими чарами околдовалъ онъ губернатора?

— Ни словечка! Да я и не добивался: не хочетъ старикъ говорить—что-жъ ему надоѣдать!

— Конечно; а только большой должно быть козырь въ рукахъ генерала, коли самъ помпадуръ уступилъ ему и жидкомъ пожертвовалъ!

— Черезъ часокъ Вязьминъ вернулся изъ-поля, довольный и повеселѣвшій. Погода все это время стояла чудная, клеверъ сушить было легко, урожай его былъ выше средняго. Сойдя съ лошади и осмотрѣвъ стойла, ночники и каретникъ, Юрій прошелъ огородомъ и, выходя изъ воротецъ, встрѣтилъ Ольхина и Зою.

— А мы тебя искали, сказалъ генераль,—чуть не весь садъ обошли и уже хотѣли заглянуть въ огородъ.

— Я въ поле ѣздилъ, на сѣнокосъ, отвѣтилъ Вязьминъ;—а вы, Зоя Владиміровна, много наудили?

— Два окунька да нѣсколько ершей, улыбулась дѣвушка.

Юрій пошелъ съ ней рядомъ.

— Вы завтра опять на охоту?

— Да; много дичи насъ ждетъ! Завтра у насъ двойное

полеваніе, Иванъ Константиновичъ: събрія куропатки и потомъ, недалеко отъ заводи, въ большомъ мокроватомъ лугу, покрытомъ рѣдкимъ и низкимъ олешнякомъ, дупеля и бекасы.

— Кочки есть?

— Ни одной.

— Вотъ это хорошо! А то ходить по кочкамъ—не приведи Богъ: ноги вывернешь!—А вы никогда на ружейной охотѣ не присутствовали? спросилъ Ольхинъ Зою.

— И понятія о ней не имѣю!

— Вотъ-бы ты, Юрій, Зою Владиміровну потѣшилъ: свезъ-бы ее на охоту... Дрожки есть, дичи много...

— Я съ удовольствіемъ... Угодно-ли это будетъ Зоѣ Владиміровнѣ? взглянулъ на дѣвушку Вязминъ.

Она слегка вспыхнула.

— Очень буду рада, но боюсь испортить охоту Юрія Александрыча!

— Ничѣмъ испортить вы не можете, возразилъ Вязминъ.

— Этотъ спортъ навѣрно вамъ понравится... Моя покойная бабушка, съ ружьемъ въ рукахъ и съ легавой собакой, ходила на осеннихъ дупелей и била ихъ! сообщилъ генераль.

— Неужели? удивилась Зоя;—по болоту, въ мужскихъ сапогахъ?

— Конечно понѣжигѣ нашихъ, но высокихъ... Да вы не удивляйтесь: въ то время многія помѣщицы участвовали въ большихъ псовыхъ охотахъ верхомъ, сидя по мужски, съ сворой борзыхъ и стремяннымъ, и травили зайцевъ и лисицъ. Отъ подобной жизни, наши бабки и прабабки можетъ быть такъ долго и жили и такъ мало болѣли! Вспомните, изъ исторіи, какія женщины бывали тогда: съ какимъ характеромъ, какою силою воли, съ какимъ героизмомъ, когда это бывало нужно! Такихъ женщинъ теперь и съ Диогеновымъ фонаремъ не найдешь!

— Ваше превосходительство, выскочилъ изъ дверей подъезда Штатовъ,—Зоя Владиміровна, пожалуйте: супъ на столѣ, Надежда Васильевна уже въ столовой.

XXIV.

Сдавъ дѣла помощнику и принявъ прощальный обѣдъ отъ обывателей г. Раменья, которые очень уважали и люби-

ли Шаталова, сей послѣдній, провожаемый до первой станціи сливками города, причемъ снова было выпито и сказано нѣсколько теплыхъ словъ, завернувъ на короткое время въ Вольнское, къ вечеру пріѣхалъ въ Н., остановился въ „Якорѣ“ и на другой день представился губернатору, вице-губернатору и совѣтникамъ губернскаго правленія. Какъ служака опытный, онъ не забылъ и секретаря и чиновниковъ — повыше. „Не поклонись имъ—того и гляди свинью подложить!“ подумалъ Дмитрій Никитичъ; — „Положимъ: прознали шельмецы, что помпадуръ, по поводу назначенія Фейерейзена, грибъ съѣлъ, а все-таки „осторожность есть мать премудрости!“—Конечно, въ тотъ-же вечеръ Шаталовъ навѣстилъ Сахаровыхъ, а на завтра, стараніемъ Петра Николаевича, нашелъ удобную и недорогую квартиру вблизи полицейскаго управленія, о четырехъ комнатахъ съ кухней, въ первомъ этажѣ и, незадолго до Ильина дня, занялъ ее. Разумѣется пришлось при семь трихнуть запаснымъ кошелькомъ, но Шаталовъ разорился не очень: изъ оставшихся у него восьми тысячъ онъ истратилъ менѣе пятисотъ рублей, и квартирка обстановкой вышла очень недурна. Лакей и кухарка, служившіе у него въ Раменѣ, переселились въ Н., конечно, съ удовольствіемъ. Пока они приводили въ порядокъ на квартирѣ все привезенное изъ Раменья и купленное въ Н., Дмитрій Никитичъ, утромъ и вечеромъ, сидѣлъ въ управленіи, тщательно разсматривая каждую бумажку, и знакомился съ полицейскимъ персоналомъ уѣзда, который хотя и былъ знакомъ ему, но поверхностно. Къ удовольствію Шаталова, порядокъ въ управленіи превзошелъ его ожиданія. Устроивъ отдѣльную комнатку для Вязьмина, Шаталовъ немедленно послалъ въ „Якорѣ“ записку Юрію, чтобы, по пріѣздѣ, онъ остановился у него.

Девятнадцатаго числа, около семи часовъ вечера, Вязьминъ пріѣхалъ въ „Якорѣ“, прочиталъ записку и сейчасъ-же явился на квартиру Дмитрія Никитича, который уже ждалъ его.

Митя! я привезъ дичи, и овощей; захватимъ все это и сейчасъ-же поѣдемъ къ милому Петенькѣ; чѣмъ бросать деньги въ „Якорѣ“, поужинаемъ у него.

— Одобряю. Только вотъ что: ты, Юрочка, ступай съ припасами впередъ, вели приготовить все вчерпѣ, а я за-

хвачу красненькаго да водочки: у Петеньки вѣдь сія влага въ обрѣзъ!

— Ну, такъ я поѣду, а ты не мѣшкай! безъ тебя мы ничего и дѣлать не станемъ.

— Мигомъ прилечу!

Петра Николаевича Вязьминъ нашель уже въ полуночномъ одѣяніи: крахмаленый воротничекъ, галстухъ и допотопные халатъ и туфли; аксесуары: стаканъ крѣпкаго чая и трубочка въ зубахъ. Сахаровы очень обрадовались Юрію; пошли расписосы о Канищевыхъ, о Леночкѣ Коноплевой, объ Ольхиныхъ. Вязьминъ, съ позволенія Ольги Николаевны, сдалъ провизію Настасьѣ, указаль, какую дичь оципать, и отпартоваль о всемъ случившемся въ Волынскомъ за истекшее время. Сахаровы были въ восторгъ отъ перевода Шаталова въ Н.: „Слава Богу! одной доброй душой у насъ прибудеть!

— Ну, а у васъ какъ? спросиль Юрій.

— Да что, дорогой мой,—худо! Такъ худо, что хоть бѣги изъ управы! Либеральна ужъ очень стала... Самы знаете, что за предсѣдатель—Домининъ: всегда былъ недалекъ и безволенъ, а ужъ теперь окончательно пляшетъ по дудкѣ губернской управы! Ну, а что тамъ дѣлается, не приведи Богъ! Школьное отдѣленіе управы, находящееся въ завѣдываніи жида Янсовича, съ благословенія, конечно, предсѣдателя, разсылаеть по всей губерніи брошюры, листки и книги, изданій: „Правая рѣчь“, „Гнетъ“, „Разказы изъ русской исторіи, конечно, передѣланные въ революціонномъ духѣ, и прочую, подобнаго сорта литературу, рекомендуя раздавать ее крестьянамъ даромъ, въ каталоги—же библиотекъ не заносить! Такъ-же разсылаются по деревнямъ и мерзкія газеты: „Голось Сіона“, „Весенія вѣянія“, „Крылатое слово“ и проч.

— Господи, помилуй! вздохнулъ Вязьминъ.—Да чего же губернаторъ-то смотрить?

— Губернаторъ руки умыль! Его только не тронь! Онъ допустиль даже, вслѣдствіе давленія революціонеровъ, возвращеніе изъ отдаленныхъ уѣздовъ важныхъ ссыльныхъ, для увеличенія ихъ шайки. Увертышевъ, гдѣ можно, покрываетъ интеллигентныхъ бунтарей; теперь третій элементъ

поднимаетъ носъ все выше и выше! Господи! Да чѣмъ-же все это кончится! помолчавъ, воскликнулъ Сахаровъ.

— А тѣмъ, что ядро монархической Россіи, теперь еще не пробудившейся, скоро воспрянетъ и горе тѣмъ злодѣямъ, которые теперь поднимаютъ носъ, горе начальствующимъ, которые покрываютъ ихъ! съ порога отвѣтилъ незамѣтно вошедшій, Шаталовъ.—Бросимъ это и облобызаемся!

Они облобызались.

— А Ольга Николаевна гдѣ?

— Въ кухнѣ.

— Идемъ значить и мы орудовать... Забудемъ временно Увертышева и всю его стаю! Не голодать-же намъ изъ-за какого-то третьяго элемента, чтобъ его чортъ побралъ!

По уходѣ Шаталова, Юрій спросилъ Сахарова:

— А въ газетахъ что новенькаго?

— Все неутѣшительное: Сахалинъ занятъ японцами, московскій градоначальникъ Шуваловъ убитъ.

— Какимъ образомъ?

— Во время приѣма; стрѣлялъ убійца изъ-за посѣтителя... Четыре выстрѣла сдѣлалъ; Шуваловъ черезъ часъ скончался. Убійца—народный учитель, Куликовскій, еще ранѣе былъ извѣстенъ, какъ революціонеръ... Публика, при задержаніи, его до того озлобилась, что била его, топтала ногами, хотѣла растерзать... Еле-еле полиціи удалось его отстоять..

— Главное дѣло-то не въ этомъ, перебилъ вошедшій Шаталовъ,—а какъ Куликовскаго, ранѣе убійства Шувалова, уже содержавшагося въ Пречистенскомъ полицейскомъ домѣ, по политическому дѣлу, допустили бѣжать оттуда, съ прогулки, перелѣзши черезъ заборъ? Почему эдакихъ негодяевъ на прогулку выпускаютъ? Вѣдь подумайте: сколько за эти дни совершено покушеній.. помощника финляндскаго генераль-губернатора Дейтриха ранили бомбой (убійца скрылся), Побѣдоносцева на царскосельскомъ вокзалѣ, въ Петербургѣ, при выходѣ изъ вагона, молодой человѣкъ, хорошо одѣтый, хотѣлъ застрѣлить изъ браунинга, но во-время былъ схваченъ неизвѣстнымъ пассажиромъ и переданъ полиціи.

— Бѣдный старикъ: перепугался ноги! замѣтилъ Сахаровъ.

А вотъ какъ перепугался: съ вокзала поѣхалъ въ си-

нодь на засѣданіе и только по окончаніи его члены синода узнали о случившемся; Побѣдоносцевъ потомъ, безъ всякой охраны, возвратился на вокзалъ и уѣхалъ въ Царское Село

— Ну, а еще что пишутъ?

— Драгомировъ плохъ, Витте въ Вашингтонъ укатилъ, какъ уполномоченный для переговоровъ о мирѣ.

— Жаждутъ таки мира, чтобы опозориться! воскликнулъ Вязьминъ.

— И замѣть, отвѣтилъ исправникъ: въ то время, когда, по слухамъ изъ Петербурга, не только Линевичь и Куропаткинъ, но и прочіе начальники Манджурскихъ армій усиленно просятъ дать имъ только полгода срока, чтобы окончательно разбить японцевъ. Они доказываютъ, что всѣ ошибки и недочеты исправлены и пополнены, что изъ запасныхъ выработались чудные солдаты, что они и офицеры горятъ энтузіазмомъ, что побѣда несомнѣнна!

— И все это—гласъ вопіющаго въ пустынь! склонилъ голову Юрій.

— Въ Петербургѣ хлопочутъ о другомъ: патриархатъ возстановить хочется! Столичное духовенство, въ сентябрѣ, намѣревается приступить къ подготовительнымъ работамъ по вопросу о созывѣ духовнаго собора.

— Да, если у насъ не повторится французская революція! перебилъ Петръ Николаевичъ;—при теперешнемъ положеніи дѣла, революціонеры и всякая шваль непремѣнно одолѣютъ! Увертышевы и имъ подобные несомнѣнно перейдутъ въ лагерь бунтовщиковъ: присяга этимъ господамъ—плѣвое дѣло!

— Еще что вычиталъ, Митя?

— А то, что вы оба мнѣ надоѣли! Ужинать пора. Передамъ вамъ послѣднее извѣстіе и въ кухню убѣгу!.. Проектъ всенароднаго представительства...

— Почему „представительства“? вскинулъ Вязьминъ; —у насъ не предполагается конституція: 6-го іюня Его Величество ясно далъ понять депутаціи земцевъ и думцевъ, что рескриптомъ 16 февраля утверждается незыблемость самодержавія. Въ своей отвѣтной рѣчи, Государь сказалъ: „пусть установится, какъ было встарь, единеніе между Царемъ и всею Русью, которое ляжетъ въ основу порядка, от-

вѣчающаго *самобытнымъ русскимъ началамъ*“.—Все передержки!

— Брось! Тамъ видно будетъ... Проектъ этотъ, какъ предполагено, по утвержденіи его Государемъ, будетъ проведенъ въ особое совѣщаніе, изъ членовъ государственнаго Совѣта и лицъ Высочайше назначенныхъ. Опубликованіе проекта послѣдуетъ въ день рожденія Государя Наслѣдника.—Ну-съ, и затѣмъ до свиданія!

Дмитрій Никитичъ побѣждалъ въ кухню.

— А какъ губернаторъ принялъ Митю? помолчавъ, спросилъ Юрій Сахарова:—Я не успѣлъ разспросить его.

— Конечно сухо, но вѣжливо. Рекомендовалъ не горячиться, быть сдержаннѣе и не ставить всякое лыко въ строку...

— Все одно и то-же! махнулъ рукой Вязминъ.

Черезъ полчаса сѣли за ужинъ. Послѣ закуски поданы были жареные дупеля и цвѣтная капуста: ихъ полили краснымъ виномъ. Закуривъ трубочку, Петръ Николаевичъ обратился къ исправнику:

— Что вы такое, Дмитрій Никитичъ, хотѣли вчера рассказать о земствѣ, изъ газеты „Правда и ложь“ да такъ и уѣхали не рассказавъ...

— „О земской крамолѣ?“ Сейчасъ расскажу.—Юрій, ты прослушай: въ твоемъ „Москвичѣ“ этого нѣтъ.

— Слушаю... А что-же ты сырку не привезъ? Къ красному вину это идетъ.

— А забылъ грѣшнымъ дѣломъ—простите! Передавать я вамъ буду и довольно подробно, благодаря памяти моей, но если что и забуду—извините: статья велика да, по моему, и поразмазана. Нѣкій „Путникъ“, псевдонимъ разумѣется, пишетъ въ газету слѣдующее: „въ нашей губерніи „Весна“ Святополкъ-Мирскаго нанесла всѣмъ намъ ужасный ударъ: мы очутились подъ полнымъ владычествомъ крамольниковъ. Теперь у насъ нельзя быть даже русскимъ! Главное лицо въ губерніи не губернаторъ, а предсѣдатель губернской земской управы, одинъ изъ извѣстныхъ подсудимыхъ въ процессахъ минувшаго столѣтія: онъ командуетъ у насъ всѣмъ. Всѣ земцы пляшутъ подъ его дудку. Да вотъ вамъ примѣръ: одному земскому учителю прислали кипу возмутительныхъ прокламацій для распространенія;

учитель передалъ ихъ, куда слѣдуетъ. За это учителя моментально выгнали со службы! Жаловаться, изобличать измѣнниковъ-земцевъ—ни къ чему не приведетъ. Ну, составить полиція протоколъ—высшая инстанція подѣ сукно его положить, а ретивымъ чинамъ полиціи порекомендуетъ держать себя помирнѣе. Крамольники потому-то и обнаглѣли, что за ними стоятъ главные дѣятели крамолы: богатые землевладѣльцы, люди съ именами и связями. Недавно до становаго дошли слухи, что нѣкто Д., человекъ богатый, съ громкимъ именемъ, распространяетъ между крестьянами кпизки и прокламаціи революціоннаго характера: становой эти слухи провѣрилъ—оказалось вѣрно. Д., узнавъ объ этомъ, сейчасъ-же поскакалъ къ губернатору, своему родственнику, съ жалобой—результатъ вышелъ для становаго—плачевный: его разжаловали въ надзиратели, въ отдаленный уѣздъ, и пригрозили, что если онъ еще разъ изобразитъ такую штуку—то будетъ лишень и этой должности! А у бѣдняка шесть дѣтокъ, малъ-мала меньше!

— Маленькимъ людямъ вездѣ худо: Царю и правдѣ служивъ—революціонное начальство съѣстъ; приказаніе либеральнаго губернатора исполнишь—подѣ судъ понадешь! вставилъ Сахаровъ.

— А дупелки-то еще тощи, замѣтилъ Шаталовъ,—то-ли дѣло августовскіе: кругомъ облиты жиромъ!

— Доживемъ до сентября—Юрій Александрычъ и жирныхъ привезетъ! сказала Ольга Николаевна;—Вѣдь привезете?

— Если приѣду—привезу, а нѣтъ—пришлю.

— Да вы неужто Каницевыхъ сюда не проводите? удивился Сахаровъ.

— Не думаю.

— Стыдно будетъ!

— А по моему, Петръ Николаичъ, провожать мнѣ молодую дѣвушку, не родственницу, не слѣдуетъ: это давать пищу злословію, разнымъ кумушкамъ, имя которымъ легионъ!

Правда—правда, Юрій Александрычъ, поддержала его Ольга Николаевна.

— Ну-съ, продолжаю, прекратилъ начавшійся споръ Шаталовъ:—относительно предсѣдателя губернской управы С. я узналъ, что во времена Плѣве, онъ былъ уѣзднымъ предводителемъ, носилъ фуражку съ краснымъ околышемъ

и корчилъ изъ себя черносотенца. — Настала жидовская „Весна“; С. нашелъ выгоднѣе промѣнять правое на лѣвое и, сойдясь со своими единомышленниками, началъ наводнять уѣздъ радикальными и революціонными изданіями. За эту „заслугу“ его выбрали предсѣдателемъ губернской управы; ну, тутъ ужъ онъ развернулся во всю: увеличилъ свое жалованье до четырехъ тысячъ рублей, съ высшей администраціей, путемъ элегантнои кормѣжки, сталъ въ наилучшія отношенія и, незамѣтно для нея, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже подчинилъ ее себѣ! Да вѣдь до чего: С. потребовалъ у завѣдующаго губернской типографіей, чтобы онъ напечаталъ для земской управы какія-то воззванія крамольнаго содержанія; завѣдующій напечатать отказался, С. пожаловался и чиновникъ лишился мѣста!

— Дмитрій Никитичъ! остановила его Ольга Николаевна;—Вѣдь это-же ужасно... неужели и у насъ можетъ случиться что-либо подобное?

— Матушка моя! Да вѣдь и у насъ не только могутъ случиться, но уже и теперь случаются подобныя явленія! отвѣтилъ Штатовъ;—Дай Богъ, чтобы не увеличились!—Продолжаю: правой рукой у С. состоитъ, завѣдующій статистическимъ отдѣломъ, полячокъ; радикальничаетъ онъ во всю; пагналъ въ отдѣлъ уйму передовыхъ дѣвицъ, частію хорошенькихъ. Работаютъ онѣ мало и скверно, но жизнь ихъ развеселая и много о нихъ въ губерніи ходитъ разныхъ толковъ. Въ 1903 году, П. доложилъ статистическому комитету результатъ трудовъ по П—скому уѣзду и долженъ былъ сознаться, что работа его дармоѣдовъ неудовлетворительна и что надо вновь начать эту работу! А между тѣмъ забракованная работа стоила населенію бѣшеныхъ денегъ! Такъ—то распоряжается въ нашей губерніи, да думаю отчасти и въ другихъ губерніяхъ, жадная земская саранча, изъ политическихъ оборванцевъ, а населеніе плати свои послѣдніе гроши на прокормленіе этихъ друзей народа!

— Какъ все это вѣрно и какъ все это печально! воскликнулъ Вязьминъ;—Изъ всего сказаннаго Дмитріемъ я вижу, что земцы обмапываютъ и правительство и населеніе. Правящихъ лицъ они увѣряютъ, что населеніе симпатизируетъ имъ, а населеніе запугиваютъ, увѣряя, будто они дѣйствуютъ съ согласія правительства! Но когда мужикъ рас-

кусить, что его обманываютъ---крамольникамъ не поздоровится!

— Все это такъ, замѣтилъ Шаталовъ:—я вѣрю, что дряни этой не поздоровится, но вѣдь это еще въ будущемъ, а намъ, въ настоящемъ, надо ужинать, чтобы быть здоровыми и сытыми!

— Да вѣдь мы ужъ отъужинали: два блюда съѣли! сказалъ Сахаровъ.

— А будетъ еще третье: консервы изъ персиковъ... Вонъ Наташа несетъ...

— Да это цѣлый обѣдъ!

— И слава Богу! размѣялся Шаталовъ;—И бѣленькаго глотнѣмъ... Послѣ фруктовъ—это полезно! Онъ разлилъ вино по стаканамъ и предложилъ Сахаровымъ поздравить его съ переводомъ въ N—скій уѣздъ.

XXV.

Засѣданія уѣзднаго сѣзда открывались обыкновенно слушаніемъ судебныхъ дѣлъ, затѣмъ разбирались административныя и сѣздъ кончался распорядительнымъ засѣданіемъ. Ольхинъ предсѣдательствовалъ въ двухъ послѣднихъ и потому пріѣхалъ въ N. къ 21 числу. Вытребовавъ, тотчасъ по пріѣздѣ, дѣла, назначенныя къ слушанію, Иванъ Константиновичъ весь вечеръ посвятилъ ознакомленію съ ними, а затѣмъ, узнавъ, что въ сѣздѣ идетъ вечернее засѣданіе и Юрій, слѣдовательно, его не посѣтитъ, поужиналъ въ одиночествѣ и легъ спать. На завтра, когда прочитанъ былъ списокъ назначенныхъ къ слушанію административныхъ дѣлъ, количество ихъ, сверхъ ожиданія, оказалось немалымъ и закрыть сѣздъ 22 числа врядъ-ли удастся. Эта перспектива не очень-то улыбалась Вязьмину: онъ обѣщаль вернуться въ Волинское 23-го, а теперь дай Богъ попасть 25-го! Впрочемъ ропталъ не одинъ Юрій: всѣмъ хотѣлось поскорѣе изъ пыльнаго N. вернуться въ яркую, благоухающую деревню. Стали работать и днемъ и вечеромъ; свободного времени, для обѣда, оставляли только три-четыре часа. Обѣдалъ Вязьминъ въ „Якорѣ“ съ Шаталовымъ и одинъ только разъ у Сахаровыхъ. Ольхина Юрій, внѣ засѣданій, и не видалъ: Иванъ Константиновичъ былъ у губернатора,

въ опеку, заѣзжалъ кой къ кому изъ нужныхъ людей, обѣдалъ въ родственныхъ домахъ; 25-го утромъ, еще до засѣданія, Вязьминъ осмотрѣлъ домъ Канищевыхъ, нашелъ его въ полномъ порядкѣ, взялъ накопившіяся письма и газеты и въ два часа, по закрытіи сѣзда, заѣхалъ на минутку къ Сахаровымъ проститься, заказалъ къ шести часамъ лошадей и, захвативъ по дорогѣ Шаталова, расположился въ „Якорѣ“ отобѣдать. Тамъ нашелъ онъ своихъ сослуживцевъ, земскихъ начальниковъ: Брусилова и Язвина, людей весьма порядочныхъ, и предложилъ имъ обѣдать вмѣстѣ, въ отдѣльномъ кабинетѣ. Дмитрію Никитичу единогласно поручено было озаботиться сперва закуской, а потомъ и обѣдомъ.

Александрѣ Петровичу Брусилову было лѣтъ тридцать; средняго роста, блондинъ, съ маленькими усами и эспань-олкой, онъ держалъ себя весьма скромно и осторожно. Брусиловъ былъ холостъ; прилежный работникъ, дѣльный и справедливый начальникъ, но слабоватый, онъ былъ уважаемъ населеніемъ и отчасти любимъ, но его не боялись и не всегда исполняли его приказанія.

Язвинъ, Михаилъ Павловичъ, немного старше Брусилова: женатъ и имѣеть уже сына двухъ лѣтъ. Живетъ въ своей усадѣбкѣ и, любя сельское хозяйство, прилежно занимается имъ. Высокій брюнетъ, бывшій гусарь, онъ держитъ себя по военному; въ участкѣ его боялись, но вообще онъ былъ добръ и въ гнѣвѣ отходчивъ.

Молодые люди, конечно, были монархисты чистѣйшей воды и своимъ воспитаніемъ выдѣлялись изъ рядовъ нынѣшней молодежи.

Принесли закуску и всѣ занялись „умерщвленіемъ червчка“.

— Что за обѣдомъ, Митя? спросилъ Вязьминъ:—А ты спрашивалъ у Александра Петровича и у Михаила Павловича о кушаньяхъ?

— Да полно тебѣ безнокоитья: неужто ужъ я до того огрубѣлъ, служа въ полиціи, что позабылъ, какъ вести себя въ порядочномъ обществѣ? презрительно усмѣхнулся Шаталовъ:—Будетъ ботвинья съ осетриной, цвѣтная капуста и молодые тетерева... Что, худо что-ли?

— Нѣтъ—нѣтъ. Отлично! закричали всѣ.

— А если вы довольны мной—выпьемъ и закусимъ!

— Вотъ говорятъ, прожевывая бутербротъ съ малосолевой семгой и слегка усмѣхаясь, сказалъ Шаталовъ,—что наша земская управа корректно ведетъ себя, а посмотрите, что пишутъ въ газетахъ о поведеніи вообще земцевъ! Въ сегодняшнемъ номерѣ „Крестьянскихъ мыслей“ напечатано: „Г—ое земство приобрѣло тридцать тысячъ номеровъ „Патріота“—архиреволюціонной газеты, для распространенія въ народѣ.. Не забудьте, на народныя деньги вѣдь это дѣлается!—Въ К ской губерніи земцы усердно ведутъ въ деревняхъ пропаганду въ пользу конституціи... Всюду разбѣгаютъ земскіе статистики, выгнанные студенты и проносятъ рѣчи, что надо устроить въ Россіи государственную власть такую-же, какъ и вездѣ въ Европѣ!

— Ботвинью несутъ, но французски замѣтилъ Брусловъ:—ловко ли говорить при нихъ...

— Правда, разсмѣялся исправникъ:—осторожность—есть мать премудрости! перевелъ онъ по французски.—Ну, господа, всё вы уѣзжаете—слѣдовательно... „посошокъ“ необходимъ!

Онъ налилъ всёму по рюмкѣ водки.

— А осетрина недурна... Юрій! ты что какъ будто въ михлюндіи?

— Напротивъ: я очень радъ, что обѣдаю въ такой милой компаніи!—Вотъ, господа, надумались-бы вы посѣтить меня въ Волынскомъ... какъ былъ-бы я радъ!

— Спасибо, Юрій Александровичъ! А что, Брусловъ: ты—холостой, живешь отъ Волынскаго въ двадцати верстахъ, а я въ пятнадцати—сговоримся... поѣдемъ въ Волынское...

Ахъ, я очень радъ! непритворно радуясь, отвѣтилъ Брусловъ.

— А меня, меня-то—душу Волынскаго, вы за штатомъ хотите оставить?.. Нѣтъ, господа, нельзя это... Мы вотъ что сдѣлаемъ: сговоримся вся троица... Идетъ?

— Идетъ!

— Маленькая просьба, вставилъ Вязьминъ:—пріѣхать ко мнѣ къ вечеру и обязательно переночевать въ Волынскомъ; только при этомъ условіи я могу и покормить васъ,

какъ слѣдуетъ, и пребываніе ваше сдѣлать, но возможности, нескучнымъ.

— Полноте, Юрій Александровичъ, сказалъ Язвинъ:— слышали мы про хозяина Волынскаго!

— Да, чуть было не забылъ: только не пріѣзжайте 3, 4 и 5 августа... у меня назначено разбирательство въ Попадѣинской волости.—Дмитрій, запиши для памяти.

— И такъ не забуду.

— Такъ будете? спросилъ Юрій.

— Не безпокойся: будемъ, отвѣтилъ Шаталовъ,—и очень скоро; у меня-же и предлогъ есть: объѣздъ уѣзда.— Ну, а теперь чѣмъ мы воспрыснемъ съѣденное?

— Я за пиво, сказалъ Язвинъ:—и дешево и сердито! И я! поддержалъ Брусиловъ.

— Отставать отъ васъ я, конечно, не стану, но, господа, послѣ молодыхъ тетеревей и цвѣтной капусты пиво—это варварство!

Пусть такъ, сказалъ Вязьминъ,—но большинство не на твоей сторонѣ,—Николай! обратился онъ къ вошедшему лакею: дай намъ четыре бутылки пива... Калининскаго или здѣшняго? спросилъ Юрій.

— Я за здѣшнее, сказалъ Шаталовъ,—и вотъ почему: свѣжее и безъ примѣсей, а Калининское съ глицериномъ... Лѣтомъ всегда его кладутъ, чтобы при перевозкѣ пиво не портилось. Остановились на здѣшнемъ.

— Поговариваютъ, что миръ не состоится; съ театра войны пишутъ, что армія, узнавъ объ этомъ, ожила! сообщилъ Брусиловъ.

— Еще-бы! Войска и спятъ и видятъ, какъ-бы побить японца! сказалъ Вязьминъ.—А вы, господа, повѣдайте мнѣ, что новенькаго у насъ въ Россіи,—въ Волынское новости очень поздно приходятъ.

— Я только двѣ новости и знаю: о безпорядкахъ въ Нижнемъ и въ Ивановъ-Вознесенскомъ... Наканунъ засѣданій успѣлъ прочитать... Прикажете? спросилъ Язвинъ.

— „Просимъ, просимъ“!.. Какъ на собраніяхъ, передъ выборами, застрѣльщики кричатъ, отвѣтилъ Шаталовъ.

Онъ налилъ всѣмъ пива и Язвинъ началъ: на Нижегородскую ярмарку наѣхало много агитаторовъ; мѣстное начальство гуманничаетъ и революціонныя демонстраціи устраи-

ваются безпрепятственно. Населеніе въ изумленіи... Мирные рабочіе, голодающіе отъ забастовокъ, кричали полиціймейстеру, что сами будутъ расправляться съ подстрекателями, если полиція допуститъ безпорядки. 9 іюля, за пароднымъ домомъ, собралась цѣлая толпа революціонеровъ съ черными и красными флагами и громко читала возмутительныя прокламаціи. Магазины заперлись. Бунтари бродили по городу, на глазахъ полиціи, которая бездѣйствовала. Рабочіе выжидали и къ самосуду не приступали; но когда, на другой день, среди бѣла—дня, революціонеры опять собрались и полиція не мѣшала имъ, а нѣкоторые подстрекатели стали даже стрѣлять изъ браунинговъ и одинъ рабочій былъ раненъ—послѣдніе избили нѣкоторыхъ, извѣстныхъ агитаторовъ. Толпа разсвирѣпѣла и кричала: „если кто сунетъ намъ прокламацію—изобьемъ тотчасъ-же!“ Что дальше было—извѣстій еще нѣтъ.

— А въ Вознесенскомъ что было? спросилъ Юрій.

— А тамъ подстрекатели давно уже живутъ! Забастовка все еще продолжается и бунтарей полиція не трогаетъ. Фабрики закрыты. Главный подстрекатель, нѣкто Д., произноситъ вездѣ возмутительныя рѣчи... Жгутъ лѣсные склады, дома, усадьбы... И это продѣлывается тамъ, гдѣ и полиція есть и конная охрана, но... они, почему-то, никакихъ распоряженій не получаютъ!

Просто ужасно! Власти нѣтъ; полиція, охрана—это какіе-то манекены! воскликнулъ Вязьминъ.

Вспомнилъ и я, прихлебывая пиво, сказалъ Шаталовъ,—статейку о конституціи: довольно характерно. Въ одной изъ юго-западныхъ губерній распространился слухъ, что въ началѣ іюля будетъ объявлена конституція; крестьяне стали говорить, что это жида и ляхи затѣяли, чтобы своего царя поставить. Они понимаютъ конституцію, какъ жидовско-польскій умыселъ противъ Самодержавія. Крестьянство сильно взволновано и говоритъ, что если это случится—„ни одного жида или ляха въ губерніи оно не оставитъ: всѣхъ выкуримъ!“ Возбужденіе растетъ еще и изъ-за того, что ксендзы ругаются надъ православіемъ и самодержавіемъ и проповѣдуютъ, что католическая вѣра—Божія, а православная—Царская. Жида ходятъ по улицамъ съ красными флагами, стрѣляютъ изъ револьверовъ и кричатъ: „Долой Рос-

сія!.. Да здравствуетъ Японія, да здравствуетъ микадо!“ И на все это смотрять сквозь пальцы!

— Юрій Александрычъ! Лошади поданы; возвѣстилъ Николай.

Вязьминъ взглянулъ на часы: безъ четверти шесть.

— Ну, до свиданія въ Волинскомъ, крѣпко пожалъ онъ руки Брусилова и Язвина и облобызаль Шаповалова,— прїѣдете?

Непремѣнно!

И скоро! добавилъ Дмитрій Никитичъ.

Благодаря хорошей дорогѣ и заманчивымъ „на чай“, обѣщаннымъ ямщикамъ, Юрій ѣхалъ скоро; въ Ольхино онъ не заѣзжалъ и на станціи сидѣлъ не долго. Прїѣхавъ въ Волинское около десяти часовъ, онъ не позволилъ себѣ безпокоить Канищевыхъ лично и отослалъ имъ съ Петрушей корреспонденцію и тѣ мелочи, которыя бабушка и внучка поручили ему купить. Но было еще рано, ужинать Юрію не хотѣлось, вечеръ былъ чудный—и Вязьминъ, подъ предлогомъ какого-то, совершенно ненужнаго, осмотра, бродилъ около крыльца, осматривалъ изгородь передъ домомъ и все посматривалъ на окна и галерею флигеля и наблюденіе это не осталось безъ послѣдствій: изъ галлерей вышла Зоя и радостно поздоровалась съ Юріемъ. Поблагодаривъ его за почту и покупки, она спросила:

— Отчего вы опоздали на цѣлые два дня?

— Съѣздъ задержалъ... Сегодня только, въ два часа, его закрыли.. Вы не повѣрите, какъ было мнѣ неприятно, вмѣсто 23-го прїѣхать сюда 25 числа!

— Были у Сахаровыхъ?

— Конечно; вамъ масса поклоновъ.

— Здоровы?

— Да, но Петръ Николаевичъ опасается за свою службу; управа до того испортилась, что нѣтъ возможности оставаться тамъ: третій элементъ все захватилъ въ свои руки.

— Обѣдали у Ольхиныхъ?

— И не заѣзжалъ даже.

— Такъ гдѣ-же вы пропадали?

— Послѣ закрытія съѣзда, заѣхалъ проститься къ Са-

харовымъ, осмотрѣлъ, все-ли въ порядкѣ въ вашемъ домѣ, затѣмъ съ Шаталовымъ и двумя земскими начальниками обѣдалъ въ „Якорѣ“.—Неужели вы думаете, что я не стремился въ Волинское?

— Думаю.

— Напрасно; я очень люблю Волинское! весело взглянулъ Юрій на дѣвушку.—Меня просто тянуло сюда! Вѣдь я, Зоя Владиміровна, менѣе четырехъ часовъ сюда ѣхалъ!

— Тянуло! улыбнулась Зоя.—Что-то не вѣрится!

— Ну, дайте вашу ручку и я уйду домой...

— Ручку—извольте... но зачѣмъ идти домой?

Онъ взялъ ея руку, поцѣловалъ и, глядя на Зою пристально, сказалъ: потому что лучше этихъ словъ, сегодня я отъ васъ, вѣроятно, не услышу!

— Я ничего особеннаго не сказала!

— Не сказали?.. Ну, пусть будетъ такъ.

Онъ поклонился и пошелъ домой.

— Миражъ, Юрій Александрычъ! смѣясь, крикнула ему въ догонку Зоя.

— Можетъ быть! обернулся Вязьминъ.—Что-же дѣлать, если судьба моя такая: жить только миражами! прибавилъ онъ по французски.

XXVI.

На другой день, рано утромъ, Вязьминъ уѣхалъ на охоту и къ десяти часамъ вернулся уже домой. Позавтракавъ, онъ спустился въ камеру и до трехъ часовъ занимался дѣлами. Юрій былъ весьма аккуратенъ и терпѣть не могъ, чтобы какая-нибудь, требующая исполненія, бумажка оставалась безъ движеній; о дѣлахъ и говорить нечего. Порядокъ въ камерѣ былъ образцовый: прекрасная обстановка, новенькая мебель,—вездѣ чисто и опрятно. Въ простѣнкѣ двухъ оконъ въ садъ большой портретъ Государя, въ золоченой рамѣ; впереди, на возвышеніи, письменный столъ и кресло земскаго начальника: въ углу, у окна, возлѣ двери въ канцелярію, столъ—для письмоводителя, на стѣнѣ полка съ необходимыми книгами. Массивная, дубовая баллюстрада отдѣляетъ земскаго начальника отъ публики; для сей послѣдней, въ четырехъ шагахъ отъ баллюстрады, пять ря-

довъ скамеекъ со спинками, тоже дубовыхъ, съ проходомъ посрединѣ. Въ канцеляріи все на своихъ мѣстахъ: у окна - рабочій столъ писмоводителя, по стѣнамъ шкафы: архивный, для вещественныхъ доказательствъ, для канцелярскихъ принадлежностей и юридической библіотеки и большая висячая этажерка, съ отдѣленіями и надписями на нихъ: „дѣла судебныя“, „дѣла административныя“, „дѣла волостныхъ судовъ“, „дѣла, назначенныя къ разбирательству“, и проч. Окончивъ свои занятія, Вязьминъ зашелъ къ Канищевымъ: дома была только одна Надежда Васильевна. Она сидѣла на верандѣ и что-то вязала. Юрій сообщилъ ей, что въ домѣ ея все въ порядкѣ, и что въ городѣ особеннаго ничего не случилось. Старушка перебила его:

— Петръ Николаичъ меня беспокоитъ: ну откуда онъ, бѣдняга, добудетъ тѣ деньги, что теперь получаетъ изъ управы? Зоинька передала мнѣ объ этомъ сегодня утромъ, и я до сихъ поръ не могу опомниться! Вѣдь ему каждый рубль дорогъ!

— Не беспокойтесь, Надежда Васильевна,—Богъ поможетъ! Такихъ религіозныхъ людей, какъ Петръ Николаичъ, Онъ не оставляетъ!

— Такъ-то такъ, но Господь намъ *будущаго* счастья желаетъ и тѣмъ, кого Онъ любитъ, крестъ на землѣ посылаетъ, чтобы они скорбями и страданіями искупили свои грѣхи здѣсь, а не въ иномъ мірѣ. Да мы-то, Юрій Александровичъ, слабы, малодушны, не хотимъ понять это... Боимся, не любимъ этихъ крестовъ, ропщемъ! Далеко намъ до угодниковъ Божіихъ, которые съ радостію несли крестъ свой, охъ, какъ далеко!

— Найдемъ, Богъ милостивъ, мѣстечко Петру Николаевичу... Иванъ Константиновичъ первый похлопочетъ...

Добрый онъ человекъ... душевный... Дай ему Богъ здоровья!

— Я принесъ вамъ, Надежда Васильевна, дичи... сегодня мною убита.

— Такъ вы ужъ и на охотѣ побывали? Очень вамъ благодарна... Зоинька дичь очень любитъ, особенно дупелей.

— Я и дупелей принесъ: двѣ пары.

— А теперь что дѣлали?

— Сейчасъ только изъ камеры: дѣлами занимались, а

отъ васъ въ поле съѣзжу, на жнитво. Хотя староста мой и хорошій человекъ, а все-таки взглянуть самому не лишнее.

— Какъ васъ хватаетъ? И служба, и хозяйство, охота, разъѣзды... Очень вы дѣловой человекъ!

Вязьминъ разсмѣялся.

— Очень ужъ вы меня хвалите!

— Да какъ и не хвалить? Вонъ и Зоинька васъ постоянно хвалить... Ей ваши-же люди говорили, что „баринъ у насъ золото!“ наивно добавила старушка.

— Зоя Владимировна слишкомъ добра! желая вызвать Канищеву на что-нибудь еще болѣе приятное, скромно замѣтилъ Юрій.

— Зоя—дѣвушка правдивая и не любитъ льстить... Въ эти два мѣсяца она успѣла изучить васъ и оцѣнить... Да какъ и не изучить, когда каждый день видите!

— Однако позвольте вашу ручку: мнѣ пора въ поле ѣхать, лошадь ужъ вѣроятно у подѣзда.

Онъ поцѣловалъ руку старушки и просилъ передать поклонъ Зоѣ.

— Она съ Леночкой и ея дочкой куда-то гулять пошли.

Обѣхавъ десятины съ картофелемъ и порадовавшись на свѣжую, темно-зеленую ботву и правильное окучение, Вязьминъ переѣхалъ въ ржаное поле, гдѣ свои работницы и поденщицы жали рожь и ячмень. Къ Юрію тотчасъ-же подошелъ Андрей Карповъ.

— Приѣзжалъ безъ васъ приказчикъ Красильникова, что въ „губерніи“ заводъ лѣсной держитъ; охота ему дачку нашу купить: „Федосково“... Я-бы такъ полагаю, Юрій Александровичъ, что продать надо, конечно, если цѣну дастъ божескую, потому, первое, что она на отлетъ отъ усадьбы, лѣсъ въ порѣ, а второе, что нонче время бунтовское: оглянуться не успѣешь, какъ дачу спалить или вырубятъ! Вѣдь всякій народъ есть!..

Приказчикъ хотѣлъ побывать на-дняхъ.

— Зайди ко мнѣ, какъ пошабашите: поговоримъ...

— Да еще старовѣръ, что картофель у насъ покупаетъ, проситъ на будущій годъ десятины двѣ-три прибавить: картошку нашу, говоритъ, очень одобряютъ. Дѣло хорошее, только придется или старый погребъ расширить или новый орубить.

— Поговоримъ и объ этомъ.

— Пристаю я къ вамъ, усмѣхнулся староста,—да дѣло-то нужное: у насъ клеверу и сѣна лишка будетъ много... надо-бы хотъ пять коровѣнокъ прибавить, а то кормъ хинью уйдетъ: подъ погами очутится.

— И это до вечера...

— Такъ значить все теперь... поѣзжайте съ Богомъ! —А рожь у насъ—первый сортъ: жнемъ въ пору, зерно тяжелое, спорыньи и званія нѣтъ.

— Андрей Карпычъ! А какъ поденьщицы: не очень лѣнятся?

— Ну да вѣдь не такъ, какъ прежде, сами знаете, а только ничего еще: жнуть... Я вѣдь знаю, слава Богу, изъ какихъ деревень ихъ брать... Изъ Новожилова не возьму!

— А что?

— А то, что придуть поздно, болтовствомъ больше займутся, а чуть отвернешься—за суслонъ сядятся... Ну ихъ! Имъ только по посидѣлкамъ бѣгать!

— А какъ молочное дѣло?

— Перваго августа, какъ получите расчетъ,—сами увидите, что ухоть маслодѣла намъ только въ пользу послужилъ!

— Итакъ, Андрей Карпычъ, все у насъ хорошо идетъ?

— Слава Тебѣ Господи! Вотъ только хотѣлось-бы мнѣ „Федосково“ повыгоднѣй продать!

— Ну, ужъ это, милый мой, какъ Богъ велить!

— Оно точно... Да вы-то, Юрій Александрычъ, не сдавайтесь... Больно ужъ вы жалостливы да скоры, а съ этими мироѣдами необходимы терпѣнїе да выдержка!

— А ты меня поучи, Карпычъ!

— А вы меня слушаете?

— Постараюсь.

— Ну, значить, тамъ увидимъ! махнулъ рукой староста и пошелъ къ жницамъ.

Пріѣхавъ изъ-поля и сдавъ лошадь, Вязминъ зашелъ въ огородъ; розыскавъ Евлалію Васильевну, онъ спросилъ еѣ: собирали-ли Канищевы малину и крыжовникъ?

— Сколько разъ предлагала Зоѣ Владиміровнѣ—все отказывались! Вамъ сварила фунтовъ десять малины.

— Странно! У насъ было условіе, что сколько имъ по-

надобится ягодъ—чтобы брали не стѣснясь. — Послушайте, голубушка, откуда же вы сахаръ брали?

— Въ Троицкомъ; возили молоко и взяли пятнадцать фунтовъ.

— Очень васъ благодарю. Сварите еще фунтовъ десять малины и крыжовника, потомъ сдѣлайте крыжовникъ въ укусѣ, но только тогда, когда вы набираете и того и другого Канницевымъ.

— Слушаю-съ.. Да вонъ Зоя Владиміровна и сама идетъ.

Зоя была уже близко; изъ-за кустовъ малины раньше ея не было видно. Шла она довольно скоро, веселая, повертывая зонтикомъ, лежавшимъ на ея правомъ плечѣ.

— Благодарю за дупелей, протягивая руку, сказала дѣвушка.—Здравствуйте!

Юрій поздоровался.

— Не за что; а вы опять наградили меня миражемъ?

— Какимъ миражемъ? удивилась Зоя.

— Уѣзжая, я думалъ, что вы, согласно нашему словію, сами распорядитесь на счетъ ягодъ, которыя теперь уже начинаютъ перезрѣвать, а вы даже на нѣсколько предложеній Евлаліи Васильевны отвѣчали отказомъ!

— Не считала себя въ правѣ.

— А право лишать старушку—бабушку, которую вы такъ любите, ягодъ со сливками и варенья—вы имѣете? Ну что-же, Зоя Владиміровна, хорошо это?

Зоя смѣялась.

— Евлалія Васильевна, будьте добры, сегодня-же, снести дорогой Надеждѣ Васильевнѣ ту банку, что мнѣ сварили, и передать ей, что я почтительнѣйше прошу принять её. Да соберите на завтра всѣхъ праздныхъ дѣвицъ и оберите все, что есть спѣлаго, а потомъ мы съ вами разберемся.

— Хорошо, Юрій Александрычъ; а теперь я схожу и осмотрю кусты.

— Да вотъ еще что... Впрочемъ это—интимное, потомъ скажу...

Евлалія удалилась.

— А при мнѣ сказать было нельзя? спросила Зоя.

— Нѣтъ, Зоя Владиміровна; а вамъ что-нибудь угодно?

— Ничего... благодарю... И она пошла вслѣдъ за Евлаліей.

лей, но, пройдя нѣсколько шаговъ, вернулась и, взволнованная, подошла къ Вязьмину:

— Какъ вы этого не понимаете, торопливо сказала она,—что всѣ эти распоряженія о грибахъ, ягодахъ и проч. меня оскорбляютъ? Таже Евлалія сейчасъ придумаетъ, что мы съ бабушкой васъ эксплуатируемъ, что я... Ну, да нечего дальше объяснять! раскраснѣлась Зоя и скорыми шагами пошла туда, куда направилась Евлалія.

Юрій былъ пораженъ.

„За что?.. Что я такое сдѣлалъ? И, который только и думаю, какъ-бы угодить ей!“ и, разстроенный, онъ пошелъ въ садъ, въ свою любимую дубовую рощицу. Тамъ, сидя на скамейкѣ, началъ онъ анализировать все пережитое въ послѣдніе два мѣсяца; но анализъ не клеился: слишкомъ свѣжо было еще въ памяти недавнее потрясеніе.

Такъ просидѣлъ онъ съ четверть часа, бессмысленно перебирая въ умѣ свои чувства и ощущенія: поведение Зои, свое тяжкое, безвыходное положеніе... Богъ знаетъ какія глупости лѣзли ему въ голову... Какъ ни напрягалъ онъ свои мысли—выходило что-то несообразное, какой-то сумбуръ безъ начала и конца.

„И все это изъ-за пустяка!“ пронизывала его мозгъ разумная мысль, но тотчасъ-же мысль эта расплывалась въ массѣ другихъ, глупыхъ мыслей—и не то покой, не то равнодушіе охватывало потревоженный организмъ.

Почти надъ ухомъ Юрія, проговорила Зоя:

— Ну будетъ вамъ сердиться...

Онъ вскочилъ и глядѣлъ на неѣ разсѣяннo, тупо.

Она-же прямо смотрѣла ему въ глаза нѣжнымъ, веселымъ взглядомъ.

— Я просила Евлалію Васильевну исполнить ваше приказаніе... Я больше не буду раздражать васъ...

Зоя опустила глаза и ждала отвѣта.

— Простите меня... Но если я и былъ взволнованъ—я не знаю почему, путался Вязьминъ,—у меня какой-то хаосъ въ головѣ... можетъ-быть я нездоровъ...

— Ну полноте, мягко и ласково перебила его дѣвушка:—пустяки все это... А вотъ о чемъ я васъ попрошу... исполните?

— Все что угодно!

— Отужинайте сегодня у насъ...

— Съ большимъ удовольствіемъ!— Можно васъ поблагодарить? робко протянулъ онъ руку.

Зоя положила въ неё свою, которую Юрій поцѣловаль.

— А теперь проводите меня до вашего дома и идите объѣдать... Не волнуйтесь изъ-за пустяковъ! прибавила она, когда они подошли къ дому.— Не права и я, что такъ шепельна... Такъ придете?

— Еще-бы! и онъ пожалъ ея руку!

Закончивъ записи въ сельско-хозяйственныхъ книгахъ, подсчитавъ приходъ и расходъ по кассѣ и разнеся по временнымъ тетрадкамъ, разныя мелочи, поданныя ему на клочкахъ бумаги, Вязьминъ вышелъ на балконъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Вечерѣло. Солнце уже низко склонилось къ горизонту; дискъ его слабѣе выдѣлялся на ярко-золотистомъ фонѣ неба, совершенно чистаго, синеватая даль казалась какъ-бы осыпанною золотою пылью и въ пыли этой ясно вырѣзывались контуры ближайшихъ деревьевъ, кустовъ и полей, уже подернутыхъ вечернею тѣнью. Еще нѣсколько минутъ—солнце закатилось и, почти тотчасъ, золотистый горизонтъ сталъ быстро тускнѣть и покрываться багрянцемъ.

Изъ флигеля долетѣли аккорды: Зоя играла изъ Шопена что-то нѣжное, задушевное... Чудные звуки все сильнѣе и сильнѣе проникали въ душу Юрія, порождая рой мыслей и мечтаній. Но нерадостны они были: какъ яркія падающія звѣзды мгновенно исчезали они въ темномъ хаосѣ дѣйствительности и снова горечь осѣдала на сердце...

Вскорѣ звуки замолкли: съ полей возвращались рабочіе. Завидѣвъ старосту, Вязьминъ вышелъ изъ дома и переговорилъ съ Андреемъ Карповымъ о продажѣ лѣса, о картофелѣ и прибавкѣ коровъ. Рѣшено было коровъ купить, условіе со старовѣромъ измѣнить, согласно его просьбѣ, и выстроить другой картофельный погребъ, а лѣсъ осмотрѣть подробно въ первое-же воскресенье. Затѣмъ Вязьминъ пошелъ къ Канищевымъ.

На террасѣ онъ засталъ только старушку; Зоя, какъ объяснила Надежда Васильевна, вѣроятно въ кухнѣ, а Коплева укладываетъ дочь.

— Читали мы безъ васъ газеты, начала Канищева,— что за ужасное время! Грабежи, поджоги, убійства... жизнь человѣческая ни почемъ.

— Въ городѣ я слышалъ новѣйшія извѣстія...

— Неужели еще худшія? перебила Вязьмина вошедшая Зоя.

— Въ Нижнемъ, въ Ивановъ-Вознесенскѣ—нешуточные безпорядки! и Юрій подробно разсказалъ о происходившихъ тамъ событіяхъ. Въ какой-то изъ южныхъ губерній земскаго начальника черезъ окно застрѣлили!

— А вотъ вы въ цѣломъ бѣль-этажѣ одни живете: Петруша отъ васъ чуть не за четыре комнаты, а поваръ и совсѣмъ далеко! Въ осенніе вечера и ночи вѣдь съ ума сойти можно! О скукѣ я ужъ и не говорю...

— Осенью и зимой меня караулятъ „Бой“ и „Леди“.

— Этыхъ караульщиковъ, когда понадобится, весьма легко отравить, а Петрушу связать и ротъ заткнуть!

— Какія ты, Зоинька, страсти говоришь! воскликнула Канищева.—Никто какъ Богъ: безъ воли Его и волосъ съ головы нашей не упадетъ!

— Да какія-же мѣры прикажете принять? смѣялся Юрій.—Окружить себя надежными людьми, вооружить ихъ браунингами? Да гдѣ ихъ найдешь и какъ узнать, надежны ли они? Кромѣ того: вѣдь это денегъ стоитъ и не маленькихъ!

— Ну, чтобы обезопасить свою жизнь, деньги у васъ найдутся!

Старушку вызвали въ комнаты.

— Вы, можетъ-быть, не повѣрите, оглянувшись на уходящую Надежду Васильевну и понизивъ голосъ, сказала Зоя,—но я боюсь за васъ: одни въ огромномъ домѣ, цѣлую осень и зиму, и въ теперешнее время! Намъ вѣдь жаль будетъ узнать; что съ вами случилась какая-нибудь бѣда! Вы, вашимъ характеромъ, просто приворожили насъ!

Вязьминъ взглянулъ на всыхнувшее лицо дѣвушки и, повеселѣвъ, ласково проговорилъ:

Надежда Васильевна и то сообщила мнѣ сегодня, что вы постоянно хвалите меня! Благодарю васъ... Но я не достоинъ вашихъ похвалъ!

— Нѣтъ, достойны! горячо воскликнула она.—Такихъ...

—Зоя вдругъ остановилась и торопливо бросилась въ комнату,—я сейчасъ вернусь... надо узнать, зачѣмъ позвали бабиньку, добавила она.

„Да, я ей не чужой!“ послѣ паузы, подумалъ Вязминъ и что-то радостно пробѣжало по немъ.—Но дальше-то что? схватилъ онъ себя за голову.—„О милая, чудная дѣвушка!.. Неужели я потеряю тебя?“

— Юрій Александрычъ, покупать пожалуйста! весело, обыкновеннымъ голосомъ, крикнула изъ комнаты Зоя.—Да потрудитесь запереть на ключъ дверь веранды.

Ужинъ прошелъ весело и оживленно: даже Леночка и та вступала въ разговоры. Ни тѣни натянутости, ни споровъ. Точно дружеская семья собралась въ излюбленномъ уголкѣ для того, чтобы, подъ покровомъ тихой, благоухающей юльской ночи, излить другъ другу то чудное чувство любви къ ближнему, которымъ только и можетъ быть живъ человѣкъ.

XXVII.

Тщательно осмотрѣвъ, съ подробнымъ планомъ въ рукахъ, „Федосковскій“ боръ, Вязминъ со старостой рѣшили продать его не дешевле шестисотъ рублей за десятину, а просить, подчиняясь купеческой привычкѣ торговаться, семьсотъ. Лѣсъ былъ сосновый, береженный, отъ шести до девяти вершковъ въ диаметрѣ и находился въ верстѣ отъ сплавной рѣки Сямжи и въ пяти отъ Волынскаго. Подъ лѣсомъ было пятьдесятъ четыре десятины; онъ росъ на возвышенномъ песчаномъ пригоркѣ и чистотой своей походилъ скорѣе на рощу: ни кустовъ, ни поросли въ немъ не было.

На другой-же день послѣ осмотра, около полудня, Красильниковскій приказчикъ явился въ усадьбу: онъ какъ видно торопился застать Юрія. Какъ умный и бывалый староста, Андрей Карповъ, прежде чѣмъ доложить барину о прїѣздѣ покупателя, угостилъ его приличнымъ завтракомъ съ выпивкой и понемножечку вызналъ, что ему было нужно. Оказалось, что лѣсъ, и именно сосновый, почему-то крайне необходимъ Красильникову.

Послѣ вступительныхъ: „здравствуйте“ и „мы къ вашему высокородію съ покупкой“, всѣ трое усѣлись и начался разговоръ:

— Я слышалъ, что вашъ хозяинъ хочетъ купить „Федосково“? спросилъ Вязьминъ.

— Точно-съ, если цѣна будетъ подходящая.

— Вы видѣли лѣсъ, обошли его?

— Боръ этотъ памъ давно извѣстенъ. Похаять его нельзя! снисходительно замѣтилъ приказчикъ.

Юрій разсмѣялся.

— Вы говорите о какомъ-то хаяны... мнѣ смѣшно даже слушать: такой большой сосновой рощи—да, именно рощи, поищите! Развѣ въ отдаленныхъ уѣздахъ найдете, да и то въ удѣлѣ, но еще вопросъ: на сплавной-ли рѣкѣ... Сосна, въ моемъ бору, на пескѣ выросла... Она не бѣлая, какая теперь въ ходу, а красная, старая помѣщичья, которой осталось ужъ очень немного, да и то далеконько отъ сплава. Ну да что объяснять вамъ; вы говорите, что дачу хорошо знаете...

— Какъ свои пять пальцевъ, усмѣхнулся приказчикъ.

— А знаете—такъ и разговаривать больше нечего!—
Ваша цѣна за десятину?

Приказчикъ пошевелился въ креслѣ и погладилъ бородку.

— Триста рубликовъ, мигая глазами и потирая рукой ручку кресла, выцѣдилъ онъ.

— Значить и говорить нечего: моя цѣна—семьсотъ. Продавать мнѣ не къ спѣху... Пусть растетъ сосенка да съ каждымъ годомъ увеличиваетъ свою цѣнность... Вѣдь мнѣ хорошо извѣстно, что для пилки вамъ приходится пригонять лѣсъ даже за двѣсти верстъ!

— Дача ваша и вырублена можетъ быть! осторожно замѣтилъ приказчикъ.

— Все можетъ случиться! холодно возразилъ Вязьминъ. И вы не застрахованы: можете и вы съ вашимъ заводомъ въ трубу вылетѣть! У меня слишкомъ триста десятинъ лѣса—авось все не вырубятъ! А срубятъ десятокъ—другой деревьевъ—порубщиковъ накроютъ и по головкѣ не погладятъ... Да и чего вы обо мнѣ заботитесь? Вѣдь если вы купите дачу—не сейчасъ-же вы всѣ пятьдесятъ десятинъ срубите и сплавите?.. И у васъ могутъ сдѣлать порубку!

Мы съ... особь статья: мы рыскуемъ!

— Почему-же мнѣ вы не разрѣшаете рисковать? усмѣхнулся Юрій.

Помолчали.

— Такъ какъ-же, ваше высокородіе, играя пальцами по ручкѣ кресла, спросилъ приказчикъ:—какая окончателъная цѣна ваша?

— Все та-же: семьсотъ рублей, вставая съ кресла, отвѣтилъ Вязьминъ, а затѣмъ вы меня извините: мнѣ пора идти къ моимъ сосѣдямъ.

Онъ подаль руку приказчику и тотъ, вмѣстѣ со старостой, вышли изъ кабинета.

Вязьминъ прошелся по комнатамъ, машинально осмотрѣлъ шкапы библиотеки, взялъ съ письменнаго стола послѣдній номеръ газеты и, черезъ растворенную дверь, вышелъ на балконъ. Тамъ было прохладно. Онъ сѣлъ въ старинное, еще дѣдовское, кресло и занялся чтеніемъ. „Ну, продамъ я „Федосово“, явятся у меня деньги... На что они мнѣ? „отбросилъ газету Юрій“. — Вѣдь minimum будетъ у меня двадцать пять тысячъ... Конечно, моего дорогого Петинку я утѣшу, кой-кому помогу—все это хорошо и по христіански... Но неужели моя безцѣнная Зоинка такъ и пройдетъ мимо меня чуднымъ видѣніемъ, несбыточной мечтой? Все-бы къ ногамъ ея положилъ! Это рѣдкая, не только въ нынѣшнее, но и въ прежнее время, дѣвушка: какое сердце, любовь къ ближнему, какая энергія!.. Хоть-бы просвѣтецъ небольшой!.. Хоть бы лучъ надежды!“

„Нѣтъ!“ подумавъ, рѣшилъ Юрій:—„Хоть я вижу, что она не чужда мнѣ, даже привязывается ко мнѣ все болѣе и болѣе, но слова „люблю“ она отъ меня не услышитъ до тѣхъ поръ, пока я не буду имѣть право сказать его! Какъ-бы я не любилъ ее—что я говорю: я и теперь ее обожаю—дальше флирта я не пойду... Да и флиртъ, строго говоря, не допустимъ: отъ него до преступленія—не далеко!“

„Но какъ порвать это взаимное влеченіе, эту симпатію душъ?“

— Юрій Александрычъ, послышался голосъ Зои.

Онъ быстро всталъ съ кресла и нагнулся черезъ балюстраду балкона: дѣвушка стояла на дорожкѣ, съ корзинкой въ рукахъ.

— Что вы дѣлаете? Газеты читаете?.. Мечтаете?

— Можетъ-быть и мечтаю, да все о несбыточномъ!—Вы „по грибки“ ходили?

— Да, цѣлую корзинку набрала.—Да сойдите-же внизъ... Хоть-бы поздоровались!

— Лечу! и Юрій, черезъ минуту, былъ уже около Зои и цѣловалъ ея руку.

— Что вы дѣлали теперь?

— Да вѣдь я сказалъ вамъ, что мечталъ!

— О чемъ?

— Сказать правду?

— Конечно!

— О васъ думалъ: какая вы чудная дѣвушка и какъ счастливъ будетъ тотъ, кого вы назовете своимъ мужемъ!

Зоя вспыхнула.

— Пустяки! Проидетесь лучше.

— Почему-же это пустяки, идя рядомъ съ ней, спросилъ Вязьминъ,—а то, что вы говорили обо мнѣ—не пустяки?

— Бросимъ этотъ споръ... Вы опять уѣзжаете?

— А вы откуда знаете?

— Когда желаютъ что-либо узнать—всегда узнаютъ!

— На три дня, по участку.

— А когда ваши гости приѣдутъ?

— Послѣ пятого августа вѣроятно... Ну да они только на сутки приѣдутъ... А что?

— Такъ я спросила, опустивъ немного голову и нервно перекладывая грибки въ корзинѣ, отвѣчала Зоя; вотъ и Успенье скоро наступитъ!

— Да, недолго вамъ оживлять с. Волинское! Отчего вы до перваго сентября не останетесь?

— Оттого что могутъ перебить у меня уроки... Нѣкоторые даже ранѣе 15 августа приѣзжаютъ. Въ сентябрѣ ваша очередь быть на съѣздѣ? помолчавъ, спросила Зоя.

— Да; но можетъ-быть я приѣду еще ранѣе, если про-
дажа лѣса состоится.

— Значить, два раза вы приѣдете въ сентябрѣ?

— Надѣюсь; и оба раза буду у васъ.

— Еще-бы! Да бабинька обидится, если вы насъ не поѣдите!

— А Зоя Владиміровна?

Она взглянула на него.

— Зоя Владиміровна не обидится, а... Ну, что нибудь да почувствуеть!

— Однако, что-же она почувствуеть?

— Какой вы несносный! разсмѣялась дѣвушка.—Можетъ-быть, миражъ вспомнить!

— Загадочно... Очень загадочно!

Разговоръ прервался.

Они обошли рожицы и направились къ дому.

— Зоя Владиміровна, послѣ паузы, сказалъ Юрій,—отобѣдайте у меня завтра, передъ моимъ отъѣздомъ... Пожалуйста! Сегодня вечеромъ я съѣзжу на охоту и надѣюсь привезти вашу любимую дичь: дупелей.

— Мерсі. Но вотъ что: зайдите сегодня къ бабинькѣ и попросите: она не откажетъ.

— А если откажетъ?

— Нѣтъ, я поссѣдѣствую. Зайдете къ намъ вечеромъ?

— Конечно зайду.

Зоя пошла домой, а Вязьмина вызвалъ съ балкона Петрушка:

— Андрей Карпычъ пришелъ, говоритъ, что очень васъ нужно видѣть.

Юрій спустился по лѣстницѣ: у начала ея стоялъ староста. Онъ отвелъ Вязьмина къ двери въ садъ и, понизивъ голосъ, доложилъ.

— У меня сидитъ урядникъ—къ Ивану Вѣтрову по дѣлу пріѣхалъ... Вчера былъ въ городѣ; говоритъ, что утверждена чугушка и въ концѣнѣмъ августѣ начнутся работы. Уряднику это становой Пльинъ сообщилъ. Чугунка пойдетъ въ двухъ—трехъ верстахъ отъ насъ, по удѣльной землѣ; станція будетъ въ верстѣ отъ „Ѳедоскова“ и ближе къ Волынскому,

— Неужели?

— Вѣрно; урядникъ не вралъ—довольно его знаю; повѣрять можно. Таперича, Юрій Алексапдрычъ, держаться надо крѣпко; изъ семисотъ рублей ни подѣ какимъ видомъ не выходить... Вотъ посмотрите: не сегодня—завтра самъ купчина сюда прібудетъ.

— Очень можетъ быть; и коли дѣло выгоритъ—ты, Карпычъ, могарычъ получишь!

— Покорно благодарю; а только много мнѣ не дадите:

бобыль я и родственниковъ у меня пѣтъ... развѣ чтобы на поминъ души что-нибудь оставить...

— А урядника ты угости, не жмись!

— Что ужъ это, помилуй Богъ; сами знаемъ, какъ нужныхъ людей угощать! Въ такомъ разѣ нешто можно жаться? Рябиновки еще ему поставлю: охочь онъ до нее... говорить для брюха пользительна...

— Что дорога пройдетъ вблизи насъ—я, конечно, радуюсь: много выгоды Волынскому она принесетъ, а только боюсь, что недостатокъ въ рабочихъ будетъ: всѣ на чугунку уйдутъ!

— Полноте! Пойдутъ оборыши, а степенный да умный мужикъ не пойдетъ. На чугункахъ поденщина, правда большая да и штрафы не маленькіе; кромѣ того за всякую бездѣлицу штрафуютъ... Опоздалъ пять минутъ—штрафъ; веселенькимъ пришелъ—вотъ и штрафъ за цѣлый день; сломалъ, потерялъ что—вдвое дерутъ противъ того, что стоитъ...

— А какъ по твоему, помолчавъ, спросилъ Вязьминъ, —рожь самъ сколько придетъ?

— Оно, конечно, сказать теперь трудно, а показываетъ такъ, что, пожалуй, сама одиннадцатая придетъ...

— Хорошо-бы!

— А ужъ овесь, коли уборка не подгадитъ,—первый сортъ! Шатиловскія сѣмена по землѣ приплили!—Ну, пойду однако, урядника подчивать... Приказаній никакихъ не будетъ?

— Нѣтъ. А вотъ что Карнычъ: если паче чаянія прикатитъ самъ купчина—ко миѣ его сразу не пускай... Ранѣе обнюхай его толстопузаго! разсмѣялся Вязьминъ;—да и Петрушѣ скажи.

Отобѣдавъ пораньше, Юрій около пяти часовъ, съ Мишуткой и „Боемъ“ поѣхалъ на охоту. Недалеко отъ своего выкошеннаго луга, на берегу рѣчки, была лядинка, въ десятины двѣ величиной, поросшая, но небольшими кочкамъ невысокой осокой и кой-гдѣ кустиками можжевельника и ивняка. Тамъ водились дупеля, а подальше, въ олешнякѣ съ ельникомъ въ перемежку—сѣрыя куропатки. Недоѣзжая сажень десяти до болотца „Бой“ осторожно, поднявъ

голову, наставивъ уши и нервно шевеля хвостомъ, потянулъ къ осокъ.

— Ту-бо! соскакивая съ бѣгунцовъ и взводя курки, шепнулъ Юрій и пошелъ за собакой. Два три шага—и „Бой“ остановился, какъ вкопанный, съ едва поднятой правой лапой.

— Пиль! крикнулъ Вязьминъ и дупель вылетѣлъ чуть не изъ подъ носа собаки. Выстрѣлъ—и дупель упалъ на кочку; другой, отъ выстрѣла, поднялся лѣвѣе и былъ также срѣзанъ. Обойдя лядинку, Юрій положилъ въ ягдташъ четыре пары дупелей и по двумъ далъ промахъ. Выйдя изъ болотца и направляясь къ бѣгунцамъ, онъ былъ удивленъ мгновенной стойкой „Боя“ близко отъ опушки: обойдя осторожно кусты, онъ повелъ внутрь лѣска, къ площадкѣ, усѣянной разнымъ хламомъ, некошенной травой и молодяжникомъ. По мертвой стойкѣ собаки, по трепету всего ея тѣла и напряженности хвоста; ясно было, что дичь въ какихъ-нибудь трехъ шагахъ отъ охотника.

— Пиль!—и большой выводокъ сѣрыхъ куропатокъ, густой массой, хлопнувъ жесткими крыльями, вырвался изъ куста и полетѣлъ прямо. Два выстрѣла, одинъ за другимъ, —и нѣсколько птицъ упало. Отозвавъ „Боя“ и замѣтивъ, куда опустились остальные, Вязьминъ, зарядивъ ружье, сталъ отыскивать добычу: двѣ куропатки на поваль, три раненыхъ: одна, лежа, хлопала крыльями, другая силилась уйти, но ножки были побиты, третья подпрыгивала, утомляясь все болѣе и болѣе. Ударъ о прикладъ—и раненныя птицы были спущены мертвыми въ ягдташъ и Юрій, вполне довольный охотой, поспѣшилъ домой.

Переодѣвшись и приказавъ зарубить въ ледъ привезенную дичь, онъ пошелъ къ Канищевымъ. Надежда Васильевна и Зоя сидѣли на верандѣ.

— Я сейчасъ съ охоты и явился къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, цѣлуя руку старушки, сказалъ Вязьминъ: —обрадуйте меня завтра, согласившись откусать моей дичи... Я привезъ дупелей (онъ взглянулъ на Зою, которая при этомъ улыбнулась) и сѣрыхъ куропатокъ—то есть самую аристократическую дичь!

— Всегда, съ большимъ удовольствіемъ, принимала я ваши радушныя приглашенія, зная, что они—не свѣтскія,

а идущія изъ сердца, а теперь тѣмъ болѣе исполню ваше желаніе, что недолго уже намъ пожить въ гостепріимномъ Волинскомъ!

— Благодарю васъ за добрыя слова, цѣлуя руку старушки, отвѣтилъ Юрій и обратился къ Зоя.—А васъ позволѣте просить передать мое приглашеніе Еленѣ Михайловнѣ съ дочкой.

— Отчего-же вы сами не хотите его исполнить? Или вы намѣрены сейчасъ-же уйти?

— У меня работа есть по камерѣ...

— Какъ, вы уходите? вмѣшалась Надежда Васильевна, — Нѣтъ, этого нельзя — вы поужинаете съ нами: дѣла ваши никуда не убѣгутъ!

— Третьяго августа, рано утромъ, я ѣду въ участокъ; надо приготовиться къ разбирательству.

— Сегодня 28 — остается до третьяго августа еще пять дней!

— А въ эти пять дней могутъ пріѣхать мои гости...

— Во всякомъ случаѣ сегодня вы ничѣмъ не займетесь: уже десять часовъ, замѣтила Зоя, — я иду торопить ужинъ.

Подождите немножко, остановилъ ее Вязьминъ, — присядьте... Мнѣ хочется подѣлиться съ вами моею радостью...

— Слушаемъ!

— Сегодня получилъ я извѣстіе, что желѣзная дорога въ К. утверждена по проэку второго изысканія и съ начала августа приступятъ къ работамъ. Дорога пройдетъ отъ Волинскаго въ двухъ-трехъ верстахъ, а станція намѣчена въ одной верстѣ отъ моей сосновой дачи, которую уже торгуютъ.

— Это весьма удобно и выгодно для васъ, замѣтила Зоя.

— Да; можетъ-быть будущимъ лѣтомъ можно уже будетъ ѣздить въ городъ въ вагонѣ, а не въ тарантасѣ, и не четыре часа, а полтора или два... А главное: лѣсъ у меня купить...

— А сколько дадутъ? поинтересовалась старушка.

— Меньше тридцати семи тысячъ я не продамъ дачу; желѣзнодорожникамъ негдѣ найти другого такого лѣса, поневоля дадутъ.

— А сколько въ рошѣ десятинъ?

— Пятьдесятъ четыре: да вѣдь лѣсъ-то какой: отъ шести до девяти вершковъ въ діаметрѣ! Сосна красная, старая помѣщичья!

— Крупный-же вы кунь получите!

— Если получу—много можно будетъ сдѣлать хорошаго
Вошла Коношлева.

Поздоровавшись съ пей и подвинувъ ей кресло, Вязьминъ передалъ Леночкѣ свое приглашеніе.

— Благодарю васъ... Вы никогда меня не забываете! краснѣя, сказала она.

— Вы, Елена Михайловна членъ дома, котораго я глубоко уважаю, и вмѣстѣ съ тѣмъ гостя Волынскаго.

— Да, Юрій Александровичъ, этого радушнаго уголока я никогда не забуду! Я не знаю, какъ и благодарить добрую Надежду Васильевну..

— Ну-ну, махая рукой, перебила ее старушка— чего тамъ!

— ...И голубушку Зою Владиміровну, вспыхнувъ и еле сдерживая слезы, пробормотала Коношлева,—въ особенности въ моемъ положеніи! и, быстро векочивъ съ кресла, она вышла изъ комнаты.

— Бѣдная, бѣдная! съ искреннимъ сожалѣніемъ, поглядѣвъ ей вслѣдъ Вязьминъ.—И такая милая, кроткая!

— Богъ поможетъ ей: она глубоко вѣрующая! убѣжденно сказала Зоя.

— А какъ ея здоровье? спросилъ Юрій.

— По-моему, она окрѣпла: и сонъ и апшетитъ гораздо лучше, но я боюсь, что вдыханіе вредныхъ газовъ, при составленіи лекарствъ, холодъ въ квартирѣ, недостаточное питаніе и работа сверхъ силъ уничтожатъ все то, что дала ей деревенская жизнь!

— Надо-бы ее какъ-нибудь иначе устроить, замѣтила Канищева,—вѣдь просто жаль смотрѣть на эту юную, погибающую мать!

— Кушать пожалуйста! возвѣстила горничная—и Надежда Васильевна направилась въ столовую.

XXVIII.

„Не пророкъ, а отгадчикъ!“ съ удовольствіемъ вспомнилъ Вязьминъ Андрея Карпова, когда Петруша, дня черезъ два, около полудня, доложилъ ему, что купецъ Красильниковъ, собственной персоной, вмѣстѣ съ прикащикомъ, прибылъ въ Волынское и желаетъ видѣть Юрія Александровича по дѣлу.

— А былъ онъ у старосты? спросилъ Вязьминъ.

— Кажись нѣтъ.

— Такъ скажи, что сейчасъ я занятъ, а черезъ полчаса готовъ принять его. Да предупреди Карпыча и завтракъ накрой... Что у насъ тамъ есть?

— Холодная ветчина, полингвица, тетеревъ; можно грибовъ зажарить...

— Ну и прекрасно.. Поставь монопольку, рябиновку, ерофѣичь... На закуску рѣдись, майскую рѣдку... Изъ вина — красное удѣльное...—Да поживѣй, Петруша: долго съ нимъ сидѣть я не буду.

Черезъ полчаса Вязьминъ увидаль, изъ окна залы, Красильникова, идущаго вмѣстѣ со старостой; они остановились у людскаго флигеля, поговорили и Андрей Карповъ пошелъ къ дому, а купецъ усѣлся на лавку около кухни.

— Красильникова можете принять? спросилъ, поднявшійся на лѣстницу, староста.

— Могу; а что повенъкаго? Какъ прикажешь мнѣ вести себя? разсмѣялся Юрій.

— А держитесь крѣпче: изъ семисотъ не выходите— Боже васъ оборони! По всему видно что купчину забрало: охотники на дачу вѣрно есть! Требуйте деньги сейчасъ, всѣ; ужъ въ крайнемъ случаѣ разсрочьте пополамъ и чтобы вторая половина была уплачена никакъ не позже Рождества Христова.—Такъ позвать его?

— Зови.

Черезъ нѣсколько минутъ Мишутка доложилъ о приходѣ купца.

Вошелъ въ кабинетъ крупный брюнетъ, остриженный въ скобку, полный, съ большой окладистой, наполовину сѣдой бородой, и порядочнымъ брюшкомъ. На немъ была темносняя поддевка, застегнутая на лѣво, и высокіе са-

поги. Выраженіе лица его было добродушное, но смѣлое, а слегка прищуренныя глаза поглядывали не безъ хитрости.

Семень Григорьевъ Красильниковъ, отрекомендовался онъ, протягивая широкую, мясистую руку, на указательномъ пальцѣ которой сверкалъ порядочный брилліантъ, въ золотой оправѣ.

— Очень радъ познакомиться, пожалуй Вязьминъ его руку,—садитесь пожалуста.

Они сѣли.

— Я посылалъ къ вамъ недавно своего приказчика на счетъ лѣсной дачи, но вы не сошлись съ нимъ въ цѣнѣ.

— Простите, я васъ перебую: мы не сходились и не расходились. Я объявилъ свою цѣну, которая ни въ какомъ случаѣ уменьшена не будетъ, въ особенности послѣ утвержденія К—ской дороги, а приказчикъ вашъ свою, триста рублей, совершенно не подходящую!

— Можно и прикинуть! поглаживая бороду, сказалъ купецъ.

— Я, Семень Григорьичъ, торговаться не люблю, да и не привыкъ; цѣну я назначилъ наведя подробныя справки, а тутъ еще утвержденіе дороги подошло. Мнѣ очень хорошо извѣстно, что такого лѣса, какъ мой, вокругъ города верстъ на сто нѣтъ, а если и найдется гдѣ-нибудь подальше, то только въ удѣлѣ, да и то еще вопросъ: близокъ-ли сплавъ! (Юрій нажалъ кнопку: явился Петруша)—Готова закуска?

Подано-съ.

— Пойдемте... закусимъ... Вы—съ дороги, а я еще не завтракалъ.

Они перешли въ столовую.

— Времена-то нынче какія—сами знаете! выпивъ солидную рюмку ерофеича и закусывая, плакался Красильниковъ;—очень великъ „рыскъ“ да теперь и съ желѣзнодорожными дѣло вести ой-ой-ой! Приемъ строгій, изъ-за пустяка иной разъ на убытокъ нарвешься!

— Этого я не знаю, а рассуждаю такъ: лѣсъ, и конечно хорошій, нуженъ и на постройки, и на шпалы, и на топливо. Чѣмъ ближе рубка, тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ крѣпче и надежнѣе лѣсъ—тѣмъ и зданіе прочнѣе и долѣе прослужитъ. Это истины всѣмъ извѣстныя.—Ну, еще рюмочку... А ветчины, тетерева?... Краснаго вина можно налить?

— Благодарствуйте... Я-бы лучше пивца выпилъ, если есть...

— Петруша, пива!

— Оно точно, Юрій Александрычъ! Да вѣдь окунуться можно: цѣна ваша высока, очень высока!

— И лѣсъ высокаго качества: поищите-ка красную сосну — не найдете! Впрочемъ, это ваше дѣло... Скажу вамъ откровенно: я не спѣшу продавать... пусть растутъ сосенка, прибавляетъ себѣ цѣны. Сегодня-ли, завтра-ли, а дача моя дорогѣ понадобится; вѣдь это благодать — имѣть подь бокомъ пятьдесятъ четыре десятины такого береженаго лѣса!

Они поговорили еще, отзавтракали и Красильниковъ предложилъ пятьсотъ рублей за десятину.

— Ни копѣйки не уступлю, Семень Григорычъ!

— А какъ условіе?

— Деньги—при подписаніи условія, расходы нотаріальныя — пополамъ.

Красильниковъ всталъ и въ раздумьи поглаживалъ бороду.

— Опасно нонче такія дѣла заводить!

Вязминъ промолчалъ.

— А вы изволите въ уѣздъ ѣхать... когда?

— Третьяго числа, въ шесть часовъ утра.

— А обратно?

— Пятаго августа къ ночи.

— Такъ прощенья просимъ...

— А посошокъ на дорожку?

Красильниковъ не отказался: выпилъ стаканчикъ ерофенча, закусилъ рѣдиской и, нѣсколько разгорѣвшійся, вышелъ изъ столовой. Ради почета, Петруша выпустилъ его черезъ парадный подъѣздъ.

По уходѣ Красильникова, Вязминъ спустился въ камеру, поработалъ тамъ часа два и пошелъ на конюшню, намѣреваясь съѣздить въ поля;—Андрей Карновъ попалъ ему навстрѣчу:—„хмурый зашелъ ко мнѣ купчина“, смѣясь началъ староста,—„на лицѣ написано, что и хочется и колется; и дѣло изъ рукъ упустить нежелательно и съ денежками разстаться охоты нѣтъ. Шептались что-то на улицѣ съ приказчикомъ, потомъ подъѣхала ямская тройка, Красильниковъ сѣлъ въ тарантасъ, а приказчикъ, подь видомъ того,

что ему будто пить захотѣлось, какъ-бы вскользь, всучиль мнѣ: „хозяинъ даетъ шестьсотъ рублей за десятину... вы-бы барину поговорили“...—„И говорить не буду“, отвѣчалъ я, —„потому дѣло это барское... А отъ себя скажу, что дешево купить хотите! Приѣдетъ другой покупатель, дастъ семьсотъ рублей--баринъ тутъ-же съ нимъ и поладитъ. Не охочь онъ торговаться, не охочь и слово свое измѣнять!“

— Красильниковъ спрашивалъ меня, когда я въ участокъ ѣду, на долго-ли, когда ворочусь...

— Вотъ видите: засѣла, значить, у него въ головѣ эта покупка—теперь не выбьешь! Покуражится, помнется малость—да и сдастся... Я эту купецкую породу довольно знаю: если продавцу—петля, дѣлишки худы—будетъ жать, пока тотъ наконецъ согласится, а коли продавецъ въ продажѣ не нуждается—дѣло скоро сладится и если покупатель азартный, упрямый—и съ убыткомъ да купить!

Помолчали.

— Какъ пашня-то у тебя? спросилъ Вязьминъ.

— Ужъ такъ я радъ, что Ванюшка Огурцовъ пришелъ: лихой передовой и пахарь знающій.

— Много-ли десятинъ засѣяли?

— Сегодня двѣнадцатую кончатъ... Новая сѣялка важно работаетъ... Да и то сказать: Петрушка Телѣгинъ шестой годъ у насъ сѣвалемъ состоитъ и ни разу у него обѣва не было... Мужикъ дѣловый, понукать его нечего.

— Ну-съ Андрей Карпычъ, такъ до свиданія... Въ поля ужъ я не поѣду.

— А на охоту?

— Да видишь, взглянулъ на небо Юрій,—какая туча съ запада ползеть и все темнѣетъ и темнѣетъ... Пожалуй и гроза нагрянетъ... Такъ спрыснетъ, что и охотѣ не обрадуешься!

— А дождичекъ нуженъ: пахать трудно, да и сѣмя даромъ лежать будетъ.

— Паужинаете?

— Ужъ съ полчаса.

— А ты-то самъ? Съ приказчикомъ закусилъ?

— Не то, что съ приказикамъ—съ самимъ „его степенствомъ“ клюнули!—„Ну, староста“, приѣхавъ, говоритъ онъ,—„кабы ты монополюшки поднесъ—оголодалъ я въ дорогѣ совсѣмъ!“—Стаканчикъ, другой пропустилъ...

— То-то онъ розовенькой ко мнѣ пожаловаль! А знаешь, Кариньчъ, что я надумаль: флигель изъ-подъ маслодѣлки пустой стоитъ... Переведемъ-ка въ одну половину урядника, а въ другую стражника?

— Хорошо-бы, Юрій Александрычъ! Урядникъ только съ женой, бездѣтный, а стражникъ—холостой. Какъ-бы только это сдѣлать?

— Очень просто: теперь вѣдь исправникомъ у насъ Дмитрій Никитичъ!

— А я и не зналъ... вотъ такъ славно!

— И имъ будетъ выгодно: денегъ за квартиру я съ нихъ не возьму и дрова даромъ.—Что они трезвые ребята?

— Хорошіе ребята! Выпиваютъ, кто говоритъ, да только всегда въ мѣру. И смѣлые, распорядительные ребята!.. Хорошо-бы намъ, заполучить ихъ: все-таки начальство!

— А можетъ-быть не захотятъ они?

— Да что вы батюшка! Даровая квартира, не какая холодная избенка, а чистая горница да еще съ кухонькой.. Не захотятъ!.. Опять-же на глазахъ г. исправника... Дмитрій Никитичъ ужъ разикъ-то въ мѣсяцъ побываетъ въ Во-лынскомъ!

— Еще-бы!

Вязминъ зашелъ въ застольную, взялъ ножъ, чтобы срубить два-три кочня цвѣтной капусты, и пошелъ въ огородъ. Выбирая лучшіе кочни, онъ не замѣтилъ, какъ изъ за кустовъ малины вышла Зоя и подошла къ нему:

— Теперь вы не будете укорять меня: видите, сколько набрано мною малины!—Здравствуйте!

— Весьма радъ, что вы наконецъ бросили ваши китайскія церемоніи! цѣлуя ея руку, весело сказалъ Юрій.—Здоровы?

— Въ Волынскомъ трудно заболѣть: радушный уголокъ, какъ выразилась Леночка... Зачѣмъ осматриваете вы цвѣтную капусту?

Вязминъ срубилъ кочень, раскрылъ листья и передалъ его Зоѣ.

— Соблаговолите принять... я для того и въ огородъ пришелъ.

— Чудный кочень, плотный, бѣлый!.. Мерси!

— А вотъ и другой, немного побольше.

— Вы постоянно балуете меня!

— А кого-же мнѣ и баловать, если только эта мелочь —баловство!

— Бабинька будетъ очень довольна вашимъ подаркомъ: она любитъ цвѣтную капусту.

— Проїдемтесь немного Зоя Владиміровна, дайте мнѣ вашу корзинку.

— А ножикъ куда вы дѣнете?

— Сейчасъ я занесу его, а вы подождите меня въ дубовой роицифѣ,—и, отдавъ ножикъ встрѣтившейся кухаркѣ, Юрій догналъ дѣвунку.—А вы все забросили: и удочки, и ловлю карасей, и экскурсіи за грибами?

— Желанія нѣтъ... Какъ подумаю, что черезъ двѣ недѣли придется покинуть Волинское и, послѣ свѣтлыхъ пережитыхъ дней, снова окунуться въ мертвую атмосферу учительства—жутко станеть!

— Жутко станеть и тѣмъ, которые были близки къ вамъ, которые оцѣнили васъ и должны будутъ снова погрузиться въ одно изъ дантовскихъ отдѣленій!

Грустно поглядѣла на него Зоя.

— Вы это про кого?

— Да хоть-бы про Леночку Коноплеву; вѣдь вы ее приглубили, дали ей возможность поправиться въ деревнѣ—вообще приняли подъ свое крылышко!

— И только я одна?

— О, несомнѣнно! Вы отыскиали эту несчастную дѣвунку, не дали погибнуть не только ей, но и ея малюткѣ —чего-же больше?

Они молча проишли нѣсколько шаговъ.

— У васъ самъ купецъ, говорятъ, былъ? спросила Зоя.

— Да; даетъ тридцать двѣ тысячи.

— А вы стоите на своемъ?

— Да.

— Желаю вамъ полного успѣха.

— Въ этомъ пожеланіи я не сомнѣваюсь! И потому рѣшаюсь просить васъ помочь мнѣ въ благомъ дѣлѣ... Дадите вы мнѣ слово, что-то, что будетъ сказано сейчасъ, останется между нами?

— Даю.

Они подошли къ скамейкѣ и сѣли.

— Не сегодня—завтра я получу деньги, неожиданные... Грѣшно было-бы не удѣлить часть ихъ нуждающимся... У насъ съ вами есть два такіе: Сахаровъ и Коноплева. Помогите мнѣ, Зоя Владиміровна.

— Въ чемъ?

— Я не желаю, чтобы они знали, откуда пришла имъ помощь... Нѣтъ-ли у васъ такого человѣка, который могъ-бы написать своей рукой переводный билетъ? Тогда, съ этимъ переводомъ, я съѣздить-бы въ Р. и оттуда отпривилъ деньги по адресу.

— Подумаю... Потомъ поговоримъ... пристально взглянула на Юрія Зоя. —Зайдете вечеромъ?

— Ловко-ли будетъ? Бабушка опять оставитъ меня ужинать.

Зоя задумалась.

— Пожалуй вы и правы... Ну да и послѣ обсудимъ это дѣло... До свиданія!—Это что-же? Заслышавши необычный звонъ колокольчиковъ, замѣтила она.—Не ваши-ли гости?.. Спасаясь!.. А завтра увидимся?

Конечно!

Она крѣпко пожала ему руку и скрылась въ сиреневую аллею.

Зоя ошиблась: не вязьминскіе гости проѣзжали, а какіе-то кушцы торопились на ярмарку въ Алексинъ. Вязьминъ сѣлъ обѣдать и такъ какъ грозовая туча расплылась и дождя опасаться было нечего, велѣлъ закладывать бѣговыя дрожки. Отобѣдавъ, онъ съ Мишуткой выѣхалъ пострѣлять около села, убилъ нѣсколько дупелей и бекасовъ и въ девятомъ часу былъ уже дома. Отославъ часть дичи Канищевымъ, Юрій усѣлся на балконѣ, обращенномъ въ садъ, и взялся за полученныя утромъ газеты. Явился съ докладомъ Петруша:

— Красильниковскій приказчикъ пріѣхалъ—прикажете впустить?

— Зови! откладывая на столикъ газету, сказалъ Вязьминъ.

— Ну что, батюшка, обратился онъ къ вошедшему приказчику,—торговаться присланы? Предупреждаю: словъ своихъ назадъ не возьму!

— Да нѣтъ-съ, ваше высокородіе, улыбнулся приказчикъ:—Семень Григорьичъ прислали меня съ задаткомъ и съ просьбой, получивъ деньги, подписать вотъ эту росписку.

— А Семень Григорьичъ гдѣ?

— На станціи остались... Будутъ тамъ ужинать, а завтра чѣмъ свѣтъ въ „губернію“ поѣдемъ. Имъ, какъ чело-вѣку грузному, усмѣхнулся приказчикъ,—тяжеленько со-рокъ верстъ за одинъ разъ сдѣлать!

Вязьминъ прочелъ росписку: она была составлена со-гласно съ условіями, поставленными Юріемъ. Суть ро-списки состояла въ томъ, что „Красильниковъ кушилъ у Вязьмина лѣсную дачу „Федосково“, въ которой по плану значится пятьдесятъ четыре десятины, на срубъ, за 37800 р., и вноситъ сего числа г. Вязьмину въ задатокъ 2800 руб. Условіе о продажѣ должно быть совершено не позже пя-таго сентября текущаго года; остальные, за врученіемъ за-датка, деньги 35000 руб. должны быть внесены Красильни-ковымъ Вязьмину, въ конторѣ нотаріуса, при подписаніи условія. Всѣ нотаріальныя, казенныя и городскія пошлины уплачиваются обѣими сторонами поровну“.

— Ну что-жь: я согласенъ, сказалъ Юрій.

Приказчикъ полѣзъ за пазуху, досталъ кожаный, за-тасканный бумажникъ и выложилъ на столъ пять пятисо-тенныхъ и три сотенныхъ кредитки. Вязьминъ подписалъ росписку и пригласилъ приказчика, черезъ часъ, у него отужинать; приказчикъ, благодаря, вышелъ изъ кабинета.

Вскоръ, подъ балкономъ, послышался голосъ Зои:

Юрій Александровичъ!

Вязьминъ выскочилъ на балконъ.

— Вы заняты? спросила она по французски.

— Теперь нѣтъ, —что прикажете?

Спуститесь.

Вязьминъ вышелъ въ садъ.

— Бабныка прислала меня къ вамъ, раземѣялась дѣ-вушка,—проситъ васъ къ себѣ ужинать... Вотъ что значить дупелей посылать!

— Не могу я, Зоя Владиміровна, исполнить ея просьбу: я пригласилъ красильниковскаго приказчика къ себѣ ужи-нать и Юрійъ разказалъ дѣвушка о состоявшейся продажѣ лѣсной дачи.

— Такъ вы къ пятому сентябрю обязательно должны быть въ городѣ? весело спросила она.

— Раньше прѣйду! улыбнулся Вязьминъ.—А теперь позвольте обратиться къ вамъ съ просьбою: вотъ эти двѣсти рублей (онъ передалъ Зоѣ двѣ кредитки) вручите Еленѣ Михайловнѣ, когда вы найдете это удобнымъ... Умоляю васъ, сдѣлать это такъ, чтобы и тѣнь филантропіи не легла на мою грѣшную личность! Пусть она думаетъ, что хочетъ... ну хоть что съ неба свалилась на нее эта благодать! Не выдавайте, меня ради Бога!

— Будьте покойны: не выдамъ!

— Вы сами знаете, что помощь тогда только и хороша, когда подается тайно!

— Знаю, и исполню ваше желаніе буквально; до завтра!

Она пожала ему руку и хотѣла что-то прибавить, но одумалась и, какъ будто озабоченная, пошла домой.

XXIX.

Вязьминъ вернулся изъ участка наканунѣ праздника Преображенія Господня, какъ обѣщалъ, но нѣсколькими часами ранѣе: вмѣсто ночи прѣхалъ въ три съ чѣмъ-то часа дня и сдѣлалъ это не безъ цѣли: ему хотѣлось, чтобы Надежда Васильевна пригласила его къ обѣду, который подавался у Канищевыхъ ровно въ четыре часа. И Юрій добился этого: въѣздъ его съ колокольчикомъ и бубенчиками, подъ окнами флигеля, конечно, былъ замѣченъ и, черезъ четверть часа по прѣѣздѣ Вязьмина, горничная Канищевыхъ явилась къ нему съ приглашеніемъ, что „Надежда Васильевна и барышня просятъ Юрія Александровича откушать у нихъ сегодня, непременно“.

Обѣдъ прошелъ, какъ и всегда, весело и по родственному и къ восьми часамъ Вязьминъ ушелъ домой, сговорившись съ Зоей быть завтра у обѣдни; не рѣшила одна Надежда Васильевна: будетъ она или нѣтъ, такъ какъ это зависѣло отъ того, какъ проведетъ она ночь: старушка, отъ времени до времени, страдала безсонницей.

На другой день, около девяти часовъ утра, дрожки стояли уже у флигеля Канищевыхъ: вышли только Зоя и Коноплева съ дочерью; Надежда Васильевна отказалась отъ

поѣздки. Вязьминъ еще за полчаса до благовѣста отправился въ церковь пѣшкомъ. Доѣхавъ до „погоста“, Зоя экипажъ отпустила и, по окончаніи службы, хозяйнѣ и гости с. Волынскаго, вмѣстѣ съ о. Павломъ, пѣшкомъ вернулись въ усадьбу, приглашенные Юріемъ къ праздничному пирогу. Надежда Васильевна, подкрѣпившись сномъ, хотя и позднимъ, тоже пришла въ большой домъ.

Завтракъ, ради о. Павла, былъ постный: пирогъ со свѣжепросольной семгой, присланной Шаталовымъ, уха изъ ершей и консервы изъ ренклодовъ. Было и вино: бѣлое и красное. Завтракъ прошелъ оживленно; о. Павелъ передалъ нѣсколько свѣжихъ новостей изъ городской жизни, сообщенныхъ ему родственникомъ, пріѣхавшимъ изъ N. къ нему погостить, и между прочимъ разсказалъ слѣдующее: „Нѣкій Иванъ Сусловъ, мастеръ литейнаго завода кунца Рыльцева, временами шибко выпивалъ, а за послѣднее время лечился даже отъ бѣлой горячки: домашніе его постоянно слѣдили за нимъ, опасаясь, что, въ припадкѣ болѣзни, онъ можетъ, чего добраго, наложить на себя руки. Нѣсколько дней тому назадъ, вечеромъ, передъ воскресеніемъ, Сусловъ, придя съ работы, легъ спать почти трезвый и покойный. Утромъ, часовъ въ шесть, вошелъ къ нему въ комнату братъ, чтобы разбудить его и не нашелъ; братъ бросился на верхъ, на чердакъ и обомлѣлъ: стоитъ Сусловъ, большой такой, на вопросы не отвѣчаетъ. Подошелъ, а ноги-то съ поларшина до-полу не достаютъ, а голова какъ-то внизъ наклонилась... Завоизилъ! Прибѣжали домашніе, осмотрѣли: въ петлѣ Сусловъ и еще теплый... Послали за городовымъ... „Вынь изъ петли!“—„Никакъ нельзя: надо околодочному доложить.“—Побѣжали къ околодочному: „безъ доктора не смѣю!“ Отправились къ городскому врачу: „на вскрытіе уѣхалъ“, отвѣчаютъ домашніе... Поймали наконецъ какого-то частнаго врача и повели къ Суслову... Врачъ хотѣлъ было сейчасъ-же вынуть повѣсившагося изъ петли, но околодочный не допустилъ: „надо осмотрѣть, нѣтъ-ли слѣдовъ около него: можетъ быть совершенно преступленіе“...—Кончилось тѣмъ, что когда вынули Суслова изъ петли онъ оказался уже охолодѣвшимъ!

— И смѣхъ и горе! сказала Вязьминъ;—но еще хуже бываетъ: въ прошломъ году въ N., какъ вамъ извѣстно,

быть сильный дифтеритъ; у моего знакомаго, земскаго начальника, единственный сынъ, трехъ лѣтъ, заболѣлъ дифтеритомъ; призванный къ нему врачъ заявилъ, что „надо тотчасъ-же послать за земскимъ врачомъ-спеціалистомъ Кучинымъ, завѣдующимъ дифтеритнымъ отдѣленіемъ, чтобы онъ точно опредѣлилъ болѣзнь и, если это дифтеритъ—немедленно впрыснуть въ больного сыворотку „Ру“. Теперь еще не поздно, но долженъ сказать, что въ этой болѣзни всякое промедленіе опасно!“—Обратилсь, по телефону, къ Кучину: „я усталъ и пріѣхать не могу“ отвѣтилъ онъ:—„возите въ больницу“. А морозъ около двѣнадцати градусовъ!—Умоляютъ, указываютъ на возможность умереть мальчику... Кучинъ не отвѣчаетъ и даетъ отбой. Мальчикъ въ ту-же ночь скончался! Вотъ вамъ и земство, на которое возлагали столько надеждъ!

— А что еще будетъ... О, Господи, спаси и помилуй! вздохнулъ о. Павелъ:—черносотенцевъ, пожалуй, и парочно морить стануть!

— Ну довольно, господа, какъ еще Богъ велитъ! оставила Зоя.—Пойдемте-ка прогуляться... Бабинька милая, пойдемте съ нами...

— Нѣтъ, Зонька, я домой пойду—полежу.

— Надежда Васильевна, хотите я сейчасъ ловлю карасей устрою или „по грибы“ съѣдимъ?

— Нѣтъ, дорогой Юрій Александровичъ, спасибо вамъ... Плохо я спала и устала... Ужъ безъ меня устраиайте, а я пойду къ себѣ... Благодарю васъ голубчикъ!

Старунка поднялась, простилась съ батюшкой и направилась домой.

— Ты куда, Зонька?... Оставайся, дружокъ мой, я и одна дойду.

— Ну нѣтъ, бабинька: я васъ доведу домой, все что нужно для васъ устрою и вернусь.

— Баловница! ласково разсмѣялась Канпщева.—Ну пойдемъ...

— Хорошіе люди, не вытерпѣлъ о. Павелъ, когда бабушка и внучка вышли:—и старая и молодая! Вотъ истинная взаимная любовь!.. Немного встрѣтишь теперь такихъ парочекъ!

— Ну что-же: какъ прикажете? обратился Вязьминъ къ Зоѣ, когда она вернулась.—Карасей тревожить или грибы собирать?

— Какъ батюшка и Леночка, а я потомъ свое слово скажу.

— Елена Михайловна? спросилъ Юрій.

— За карасей! и вдругъ покраснѣла.

— Батюшка, вы?

— За карасей.

— Соничка, вы?

Дѣвочка подумала и скромно сказала:

— А ихъ потомъ въ сметанѣ пѣжарятъ?

— Да, Соничка, отвѣтилъ Вязьминъ, улыбаясь,— пѣжарятъ.

— И мнѣ дадутъ?

— Конечно.

— Такъ я за карасей.

— Ну, послѣ этого, и я согласна съ большинствомъ: одинъ въ полѣ не воинъ! размѣялась Зоя.

Юрій нажалъ кнопку: явился Петрушка.

— Скажи старостѣ, чтобы онъ устроилъ ловлю карасей, да поскорѣе, и когда будетъ все готово—доложилъ мнѣ.

Батюшка съ Леночкой и Соней вышли на балконъ; Зоя и Вязьминъ остались въ столовой.

— Отчего вы были противъ ловли карасей? спросилъ Юрій.

— Оттого что у меня были другія предположенія.

— И мнѣ, послѣ паузы сказалъ Вязьминъ,—не хотѣлось этой ловли...

— Тогда зачѣмъ-же было предлагать эти развлеченія?

— Ради желанія доставить удовольствіе гостямъ.

— Похвально; но вѣдь вы угодили-бы этимъ только о Павлу и можетъ-быть Сонѣ...

— Почему-же не вамъ?

— Повторяю: потому что у меня были другіе виды... Помните, когда гостилъ у васъ Ольхинъ, берегъ рѣки и наши разговоры?

— Помню; вы предложили мнѣ тогда, вмѣстѣ съ вами, заняться уженьемъ...

— Да: и очень рада, что вы это не забыли.

— Я помню до послѣдней мелочи все вами сказанное...

— И вы тогда отказались отъ предложенія моего, подѣ предлогомъ, что вамъ надо объ обѣдѣ хлопотать...

— Виновать! склонилъ голову Вязьминъ.—Я былъ тогда измученъ... Меня смутилъ вашъ разговоръ, хотя и краткій, но серьезный...

— Это вамъ показалось: вы очень преувеличиваете мои поступки и всегда въ дурную сторону! какъ-будто жалуясь, сказала Зоя.

— Простите... У меня нервы до того разстроены, что иной разъ нѣкоторыя слова срываются у меня съ языка противъ моей воли!

— Я просто хотѣла, не обращая вниманія на сказанное Юриемъ, объяснила дѣвушка,—поудить вмѣстѣ съ вами...

— Я это устрою; и Вязьминъ быстро вышелъ изъ столовой. Черезъ минуту онъ вернулся и пригласилъ Зою на балконъ. Завязался общій разговоръ.

Къ балкону подошелъ староста: поздоровавшись съ гостями, онъ доложилъ Вязьмину:

— Нельзя, Юрій Александрычъ, устроить ловлю: рыбы наши разбрелись по деревнямъ и праздничаютъ... Кабы раньше сказали—я удержалъ-бы ихъ.

— Жаль... ну что-же дѣлать... Прикажи кучеру заложить долгушу—въ рощу поѣдемъ.

— Меня увольте, сказалъ о. Павель:—не любитель я „грибоисканія“, да и долго это пройдетъ, а у меня дома гость сидитъ.

— Да сегодня и праздникъ, вставилъ слово Андрей Карповъ:—послѣ обѣдни, дѣвки и ребятишки все въ рощѣ очистили; развѣ только поганокъ не тронули!

Рѣшили развлеченіе это отложить.

Отецъ Павель ушелъ домой, Зоя пригласила Юрія поудить съ нею, а Леночка съ Соней, испросивъ разрѣшеніе Вязьмина, пошли въ огородъ, навѣстить ягодныя аллеи.

Черезъ четверть часа Зоя, веселая, съ двумя удочками и принадлежностями къ уженію, направилась, черезъ сиреневую аллею, на берегъ рѣки, гдѣ ждалъ ее Юрій.

— Такъ-то будетъ веселѣе, сказала она, подавая ему одну изъ удочекъ,—а то выдумали ловлю карасей и собраніе грибовъ! разсмѣялась она.

— Будетъ вамъ меня бранить!

— Развѣ это брань? ласково возразила дѣвушка.— Да у меня языкъ не повернулся-бы бранить васъ!.. За что?.. Я очень хорошо понимаю настоящую неровность вашего характера, ваше нравственное состояніе, но надо сдерживаться. Надѣньте мнѣ червячка... (Сегодня я желаю много поймать! весело объявила она.

— Прежде чѣмъ исполнить вашу просьбу—протяните мнѣ вашу ручку за только что сказанныя вами слова!

Она подала ему руку, которую Юрій горячо поцѣловаль.

— Какія слова? пристально глядя на него, спросила Зоя.

— Сказанныя вами по поводу неровности моего характера...—удочка готова... извольте забрасывать, подавая ее. сказалъ Вязьминъ.

Около девяти часовъ вечера, звонъ колокольчиковъ и шарканье бубенчиковъ раздались подъ окнами большого дома: Вязьминъ вышелъ на балконъ: подъ нимъ стояли двѣ тройки; говоръ и смѣхъ сопровождали выгрузку посетителей. Юрій догадался, что прибыли званые имъ гости и вполнѣ въ этомъ увѣрился, услышавъ громкій голосъ Шаталова. Вязьминъ сбѣжалъ по лѣстницѣ и дружески встрѣтилъ Дмитрія Никитича, Язвина и Брусилова. Раздѣвшись, всѣ поднялись на верхъ и тотчасъ-же путешественникамъ была предложена закуска, чаепитіе и ягоды со сливками. Но программа эта была отвергнута Дмитріемъ Никитичемъ и замѣнена другой: сейчасъ подать самую легкую закуску „для умерщвленія червячка“, а черезъ часъ—солидный ужинъ: дичь, если таковая имѣется, или цыплята съ салатомъ, цвѣтная капуста и малина со сливками; красное вино и пиво для желающихъ. Съ согласія гостей, одоббивъ эту программу, Вязьминъ отправилъ кузена въ кухню, а пока готовилась закуска—провелъ своихъ коллегъ по всѣмъ комнатамъ дома.

— Чудный домъ! восторгался Язвинъ.— Великъ только... Неужели, Юрій Александровичъ, вы зимой его весь отапливаете?

— Что-вы! Да на него надо болѣе двадцати кубиковъ!.. Хотя лѣса у меня и достаточно, но вѣдь это совершенно непроизводительный расходъ! Парадные и часть нижнихъ комнатъ я законопачиваю на зиму.

— Прекрасная мебель... должно быть двадцатыхъ или тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтїя... Въ особенности хороша въ голубой гостиной, темно-красная съ бронзой... Я—вѣдь большой любитель старины, хотя и недостаточно ее изучилъ! скромно замѣтилъ Брусиловъ.

— А замѣтили вы на горкахъ, въ колонадной, сервизы, куколки изъ фарфора и очень старинный хрусталь?

— Все это я видѣлъ, но чтобы судить о нихъ—надо все подробно осмотрѣть; изъ куколокъ мнѣ бросились въ глаза маркизъ и маркиза.

— Это еще прадѣдовское.

— Какой тонкій фарфоръ и какія чудныя краски!

— Кабинетъ мнѣ очень нравится, вставилъ Язвинъ:—масса портретовъ, группъ, карточекъ... библіотека, оружіе... Гдѣ набрали вы столько древнихъ вещей: шлемовъ, копій и проч.?

— Частію подъ сухарева, частію случайно; много послѣ дѣда и прадѣда осталось.

— Вы завтра вездѣ насъ поведете? спросилъ Брусиловъ.

— И хозяйство покажете? добавилъ Язвинъ.—Я хоть и неважный хозяинъ, но поучиться люблю.

— Къ вашимъ услугамъ... завтрашній день у меня совершенно свободный.

Петруша доложилъ, что закуска подана. Всѣ двинулись въ столовую.

— Дмитрія Никитича зови, обратился Юрій къ Мишуткѣ:—скажи, что безъ него и закусывать не хотятъ.

— Слышу, слышу, отвѣтилъ подымавшійся по лѣстницѣ Шаталовъ,—и благодарю за любезность! Онъ подошелъ къ столу, взялъ одну изъ налитыхъ водкой рюмокъ и, чокнувшись со всѣми, „вонзилъ“ въ себя, какъ онъ говорилъ, „жизненный эликсиръ“.—Ну, теперь, господа, я въ вашемъ распоряженіи; въ кухню больше не пойду: Дмитрій Степанычъ, шефъ ея, мною недоволенъ!

Гости червячка заморили, отъ чая отказались и перешли курить въ кабинетъ, на мягкую мебель.

— Дмитрій Никитичъ! обратился къ нему Вязьминъ;—какъ всевѣдущій, по старинному, капитанъ-исправникъ,—освѣжи мою оступѣвшую въ деревнѣ голову: что новаго?

— Съ удовольствіемъ освѣжаю! развалившись въ дѣ-

довскомъ креслѣ и закуривъ папиросу, началъ Шаталовъ.— Слава Богу: русскій человекъ за умъ начинаетъ браться! Но не интеллигентъ, а замухрышка—мужикъ! Онъ раскусилъ эту подлую шайку непрошенныхъ освободителей... Пишутъ, что въ Нижнемъ народъ преслѣдуетъ не однихъ интеллигентовъ, но и рабочихъ, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи революціонному движенію; преслѣдуютъ главнымъ образомъ забастовщиковъ. На одной изъ пристаней толпа напала на крючниковъ, устроившихъ забастовку: „изъ-за вашихъ забастовокъ, мы работы не имѣемъ, голодать должны!“ кричали они. Только тѣмъ и спаслись крючники отъ избіенія, что конторщикъ протолкалъ ихъ на пароходъ и велѣлъ отвалить, а то плохо пришлось-бы забастовщикамъ!

— Если бы вездѣ такъ дѣйствовали, какъ въ Нижнемъ — поджали-бы хвостъ „товарищи“! замѣтилъ Извинъ.

— Въ Балашовѣ „товарищи“ совсѣмъ осрамялись! Вы читали о тамошнихъ беспорядкахъ, Юрій Александровичъ? спросилъ Брусиловъ.

Некогда было: я только вчера изъ участка пріѣхалъ. Газеты я еще не развертывалъ.

— Въ Балашовѣ земскіе врачи, фельдшера и фельдшерницы, учителя и учительницы не разъ устраивали въ земскомъ домѣ, съ разрѣшенія предсѣдателя земской управы, революціонныя засѣданія, но когда предсѣдатель дошелъ до того, что публично разорвалъ Царскій портретъ и, какъ изступленный, кричалъ: „Да здравствуетъ революція!“ „Долой Самодержавіе!“ и объ этомъ узнали въ городѣ и народъ рѣшилъ наказать крамольниковъ—„товарищи“ побоялись собраться въ земскомъ домѣ и перенесли свои засѣданія въ гостиницу, во второй этажъ. Они вели себя до того нагло, при открытыхъ окнахъ говорили такія оскорбительныя для Государя рѣчи, пѣли такія революціонныя пѣсни, что наконецъ народъ не выдержалъ и, нахлынувъ огромной толпой на гостиницу, потребовалъ выдачи измѣнниковъ, для расправы. Конечно всѣ эти негодяи струсили, попрятались въ разныхъ комнатахъ и чердакахъ и дрожали какъ осиновый листъ! Прибыли губернаторъ и казаки. Губернаторъ рѣшилъ выпроводить, подъ конвоемъ, крамольниковъ изъ города, но „товарищи“ до того перетрусили, что не захотѣли выходить изъ своихъ убѣжищъ; тогда содержатель гости-

ницы объявилъ имъ, что держать ихъ у себя не будетъ. Дѣлать было нечего; подъ охраной казаковъ и полиціи, храбрые „товарищи“ благополучно добрались до вокзала и укатили съ первымъ отходившимъ поѣздомъ. Побиты были только тѣ, которые не довѣрились губернатору и попробовали ускользнуть своими средствами.

— А какъ вамъ понравятся планы г.г. анархистовъ касательно Россіи? спросилъ Язвинъ.—Пскій обыватель, въ газетѣ „Правда и ложь“, сообщаетъ, что ему случилось познакомиться съ русскимъ анархистомъ, членомъ боевой организаціи, социаль-революціонеромъ. Анархистъ, думая, что встрѣтился со своимъ братомъ, высказалъ слѣдующее: напрасно правительство думаетъ, что мы удовольствуемся его уступками: что оно ни дѣлай—мы не прекратимъ своей дѣятельности... Мы ненавидимъ и Россію и русскихъ! Мы рѣшили ее уничтожить: разоримъ ее бунтами и забастовками, а затѣмъ пусть рвутъ ее на куски иностранныя государства!—Вотъ-такъ націоналисты!.. Впрочемъ не мудрено, что социаль-революціонеры ненавидятъ Россію: большинство ихъ—жиды, а остальные, хотя и русскіе, но пожалуй хуже жидовъ!

— Какова наглость! разозлился Вязьминъ:—горсть жидовъ и русскихъ измѣнниковъ осмѣливаются говорить такъ русскому правительству! Они настолько обезумѣли, эти „освободители“, что считаютъ себя силой, рулемъ будущей Россіи!

— Неудивительно, замѣтилъ Язвинъ:—старый, окованный желѣзомъ, правительственный руль порасшатался и не такъ смѣло ведетъ свой корабль какъ прежде!—Эхъ! черезъ минуту, горячо воскликнулъ Язвинъ,—нашихъ-бы гусаръ пустить въ атаку на „товарищій“—крошево-бы отъ нихъ осталось!

— Отбой, господа! возвѣстилъ Шаталовъ.—Ужинъ поданъ: приступимъ, поѣдимъ, а затѣмъ кто хочетъ—ораторствуй, а я спать пойду.

XXX.

На другой день, послѣ завтрака, Шаталовъ отправился къ Канищевымъ, а Вязьминъ, съ Брусилковымъ и Язвинымъ, пошли по усадьбѣ, съ цѣлю подробно осмотрѣть ее. Объ

этомъ очень просилъ Извинъ, любившій сельское хозяйство и всегда готовый поучиться всему полезному. Брусилловъ пошелъ съ ними и потому, что одному въ домъ или въ саду дѣлать было нечего и потому, что отчасти манило его любопытство. Войдя въ огородъ, Извинъ прежде всего удивился его обширности и порядку: затѣмъ спросилъ Юрія, куда-же дѣваются несомнѣнно большіе остатки овощей, такъ какъ использовать, хотя-бы и съ застойной, такое количество было невозможно.

— А у васъ, Михаль Павловичъ, есть огородъ? спросилъ Вязьминъ.

— Небольшой, только для себя.

— А сбывать овощи, такія, какъ капуста, лукъ, огурцы, въ вашей сторонѣ можно?

— Нѣтъ. Можетъ-быть и кушили-бы рублей на десять, да стоитъ-ли объ этомъ говорить!

— Ну вотъ видите: все дѣло въ мѣстныхъ условіяхъ; у насъ не такъ... Мнѣ-вотъ огородъ доходъ даетъ: продажа капусты, луку, огурцовъ, отчасти моркови и рѣдьки, покрываетъ весь расходъ по содержанію огорода, такъ что овощами не только я, но и застойная, пользуемся даромъ. Не будь этого сбыта—и я-бы не держалъ такого огорода.

— А очень воруютъ?

— Не безъ грѣха! добродушно улыбнулся Юрій.—Да кто крадетъ и что?.. Воруютъ ребятишки, можетъ-быть дѣвки: ягоды, огурцы, горохъ... Капусту, лукъ, фасоль и прочее—они не тронутъ. Да и идутъ-то они на воровство съ опаской: садовникъ, помощникъ, семьи ихъ постоянно бродятъ тутъ и живо поймаютъ воришку... А поймаютъ—за волосы отребятъ!—Нѣтъ, ничего... пустяки!

— А у васъ и спаржа есть! воскликнулъ Брусилловъ, увидя на высокихъ, покрытыхъ густою травой, грядахъ тоненькія, какъ-бы хвойныя деревца, съ красно-желтыми ягодами.

— Балуюсь! разсмѣялся Юрій.—И артишоки имѣются! Они подошли къ пруду.

— Много эта госпожа спаржа навозу требуетъ, сказалъ Извинъ.

— Конскаго... Да лошадей у меня довольно, а спаржи и всего три гряды.

— Чудный прудъ! восхитился Брусиловъ.—Много въ немъ должно быть карасей...

— Порядочно... и крупныхъ... Прудъ старинный.

— Хорошо въ немъ то, что онъ чистъ... Въ другихъ прудахъ всегда масса тины и водорослей... Удить невозможно...

— А вы любитель? спросилъ Вязминъ.

— Большой!

— Что-же вы раньше не сказали?.. Сейчасъ я распряжусь и удочки и червячки вамъ принесутъ тотчасъ-же. —Никандръ! крикнулъ Юрій.—Никандръ!

Изъ-за садовниковской избушки прибѣжалъ молодой парень, въ фартукѣ. Вязминъ отдалъ ему приказаніе и парень побѣжалъ въ домъ.

— Вамъ, какъ нехозяину, скучно слушать наши разговоры... Совѣтую закинуть около этой осоки: тамъ притонъ болѣе крупныхъ карасей; кстати есть и скамеечка.

— Такъ до-свиданія, Брусиловъ! Желаю тебѣ ведро наудить, а мы по полямъ и лугамъ отправимся, сказалъ Язвинъ.

— А сколько у васъ рогатаго скота? спросилъ онъ, перелѣзая вмѣстѣ съ Вязминымъ черезъ заборъ.

— Съ быками, телками и телятами болѣе ста головъ.

— Здѣшной породы?

Нѣтъ, ангельнской.

— А сѣвооборотъ?

— Пятипольный, по двадцати десятинъ въ полѣ.

— Хотѣлось и мнѣ перейти къ нему, да ломки и убытковъ будетъ много, а пенензы у насъ слабы!

— Какой-же у васъ сѣвооборотъ—неужто трехпольный?

— Къ стыду моему, да!

— Стыда тутъ, Михаилъ Павловичъ, положимъ, нѣтъ: противъ рожна не попрешь! А перейдите-ка къ шестипольному: никакой ломки, никакихъ расходовъ... Сколько у васъ теперь десятинъ въ полѣ?

— По двадцати.

— Сдѣлайте по десяти, введите посѣвъ клевера съ тимофеевкой. А средній урожай великъ-ли былъ?

— Самъ шесть.

— Маловато... Крупныхъ животинъ, сколько приходится теперь на десятину пара?

— Двѣ, можетъ быть двѣ съ половиной.

— А разобьете вы вашу пашню на шесть полей—4—5 головъ на десятину. И навозу будетъ вдвое больше и рабочихъ рукъ потребуется вдвое меньше; а клевера соберете съ тридцати десятинь, что дастъ вамъ возможность не только увеличить количество скота, но и пудовъ молока; а это не бездѣлица!

Подошли они къ картофельному полю.

— Какая прелесть, восхитился Язвинъ,—эта здоровая, свѣжая ботва на квадратныхъ грудкахъ, эти правильно перекрещенныя борозды! Неужели, Юрій Александрычъ, вы пропалываете ихъ?

— Раза два-три въ лѣто.

— А что это стоитъ?

— Рубля четыре съ десятины.

— А сколько засажено ихъ у васъ?

— Нынче шесть десятинь, а на будущій годъ будетъ восемь.

— Куда-же вы такую страсть сбываете? Паточный заводъ завели?

— Нѣтъ, натурой все продаю.

— Да вѣдь это рисковано...

— Не будь у меня исключительнаго случая—я никогда-бы не рѣшился садить столько картофеля. Сначала я садить только двѣ десятины и по всѣмъ правиламъ искусства: осенняя пашня поперекъ загоновъ, весенняя вдоль, съ бороньбой, третья подъ посадку. Посадка—по маркеру; между картофелинь десять вершковъ. Первая окучка—когда ботва поднимается до четверти, вторая и третья—по усмотрѣнью. Окучка производится вдоль и поперекъ, такъ что десятина, послѣ нея, получаетъ видъ шахматной доски и каждая картофелина сидитъ въ центрѣ квадратной грудки.

— А средній урожай великъ-ли?

Шесть-семь.

— А садите?

— Восемь четвертей. При посадкѣ съ маркеромъ, вмѣсто десяти, выгадывается двѣ четверти.

— Вы сказали, что увеличили и увеличиваете посадку

картофеля въ виду исключительнаго случая—какой-же это случай?

— Весьма важный: нѣкій старовѣръ, богатый старикъ изъ сосѣдней деревни, прежнихъ государственныхъ крестьянъ, хорошо знающій и качество Волынскаго картофеля и хорошей сбытъ его, нѣсколько лѣтъ назадъ предложилъ мнѣ каждую осень продавать ему весь урожай картофеля, за исключеніемъ сѣмяннаго и нужнаго для усадьбы, по извѣстной цѣнѣ, при слѣдующихъ условіяхъ: расширить и устроить погребъ по новѣйшей системѣ: привезенный съ поля и обсушенный картофель сдавать ему мѣрою въ погребъ, въ особые, провѣтриваемые, сусѣки; сложить въ погребъ печку и повѣсить термометръ для регулированія температуры и выставлять у погреба потребное количество сухихъ дровъ. По принятіи картофеля, покупщику вручается отъ погреба ключъ и затѣмъ владѣлецъ Волынскаго ни за что, могущее произойти въ погребѣ, не отвѣчаетъ. Половину денегъ покупщикъ уплачиваетъ при полученіи ключа, а другую на масляницѣ.

— Эдакъ-то можно дѣйствовать: не зная никакихъ заботъ, вы вполне обезпечены, что продуктъ не пропадетъ и не останется на рукахъ.

— Года черезъ два, старовѣръ потребовалъ, чтобы я прибавилъ еще двѣ десятины, потомъ опять двѣ, а теперь просить уже три, но я кажется ограничусь двумя...

— Отчего? Вѣдь ни одна хлѣбная десятинна не дастъ вамъ такого барыша!

— Такъ-то такъ... да видите какое нынче время: пожалуй и рабочихъ не хватить, а ухода за картофелемъ не мало.

Къ нимъ подѣхала долгуша.

— Это зачѣмъ-же? спросилъ Язвинъ.

— Надо-же вамъ и коровокъ показать, Михаилъ Павловичъ! Пѣшкомъ идти далеконько до выгона, улыбнулся Юрій.

— У васъ ангельнская порода, сказалъ Язвинъ, когда они поѣхали;—откуда она у васъ?

— Эту породу еще покойный мой отецъ развелъ: красивая, молочная, шерсть темно-бурая.

Они ѣхали овсянымъ полемъ.

— Славный овесъ! похвалилъ Язвинъ.—Шатиловскій?

— Да; намъ онъ какъ разъ: и по климату и по достоинству.

— У меня все еще американскій, ветхозавѣтный... Обновить-бы сѣмяна надо—да все руки..., т. е. деньги (онъ усмѣхнулся) не доходятъ!

— Нынче овесъ въ цѣнѣ будетъ, сказала Вязьминъ;—весна была сухая, во многихъ мѣстахъ овесъ захирѣлъ. Вы какъ лошадей кормите?

Язвинъ удивленно взглянулъ на него:

— Какъ?.. Сѣномъ, овсомъ, разсмѣялся онъ.

— Да овсомъ-то какимъ?

— Конечно, американскимъ, когда у меня другого нѣтъ!

— Я не о томъ спрашиваю... Дробите вы овесъ?

— Какъ дробите—не понимаю!

— Это давнишній англійскій способъ съэкономить по крайней мѣрѣ одну треть дачи: кормя зерномъ недробленнымъ—вы теряете много зеренъ не пережеванныхъ лошадыю, а слѣдовательно и не приносящихъ пользу; дробленный-же овесъ весь перерабатывается въ желудкѣ животнаго и ни одно зерно не пропадаетъ. У меня дробятъ на мельницѣ; каждое зерно ломаютъ на двѣ, на три части. Толочъ нельзя; зерно не только сильно будетъ измельчено, но окажется и много пыли.

— Да, вздохнувъ, замѣтилъ Язвинъ, хоть вѣкъ учись, а все дуракомъ умрешь!—Вотъ это коровки! воскликнулъ онъ послѣ паузы, когда догруппа остановилась около большого стада, разсыпавшагося по выгону съ рѣдкими молодыми елками и кустами.—Юрій Александрычъ, покажите быковъ, телокъ, телятъ—я въ восторгѣ отъ этой породы!

Поѣздка по полямъ и знакомство Язвина съ ангельнской породой кончились тѣмъ, что Вязьминъ навязалъ Язвину, для разведенія помѣси въ его усадьбѣ, полугодоваго, чистокровнаго бычка и трехмѣсячную телку. Язвинъ былъ восхищенъ подаркомъ, а Вязьминъ, какъ добрый малый, былъ до нельзя доволенъ тѣмъ, что могъ доставить удовольствіе небогатому коллегѣ.

Дома они застали только Шаталова, и то въ кухнѣ; увидя пріѣхавшихъ, онъ обратился къ нимъ съ репримандомъ:

— Пять часовъ, а вы по полямъ носитесь! Какой-же

обѣдъ будетъ?.. Дмитрій Степаннчъ (указывая на повара) негодууетъ!

— А Александръ Петровичъ гдѣ? спросилъ Вязьминъ.

— Развѣ онъ не съ вами?

— Онъ на прудѣ вѣрно удить...

— Мишутка! увидя пробѣжавшаго мальчика, крикнулъ Шаталовъ,—бѣги къ пруду и проси Александра Петровича кушать... Скажи, что всѣ дома... А вы, господа, шествуйте въ столовую закусывать—я сейчасъ же иду за вами.

— Строгий шефъ! размѣялся Вязьминъ.—Пойдемте Михаилъ Павловичъ!

Брусилловъ пришелъ съ пруда радостный: онъ выудилъ четыре очень крупныхъ карася и нѣсколько мелкихъ... Закусивъ, сѣли за столъ. Обѣдъ былъ хорошъ: ботвинья съ осетриной и раковыми шейками, супъ-пюре изъ дичи, широжки съ грибами; дупеля и бекасы, артишоки и пломбьеръ изъ сливокъ съ бисквитами. Вина нѣсколькихъ сортовъ. Послѣ обѣда, въ кабинетѣ, кофе, коньякъ и ликеры.

Дмитрій Никитичъ шикнулъ, во славу своего друга и кузена.

Послѣ недолгаго кейфа, Язвинъ обратился къ Шаталову съ просьбой показать ему сельско-хозяйственныя орудія и въ особенности недорогую ручную молотилку, нѣмецкой работы, и сѣнокосилку послѣдняго типа. Дмитрій Никитичъ, конечно, согласился и они отправились производить новый осмотръ; въ кабинетѣ остались только Вязьминъ и Брусилловъ.

— А какъ у васъ вообще... спокойно? спросилъ Брусилловъ.

— Д-да... Провертываются агитаторы, но мало: нѣкоторыхъ поколотили крестьяне и отбили у нихъ охоту просвѣщать народъ, а другіе понюхали да, увидя, что почва неблагоприятна, сами отлынули.

— Вотъ и у Язвина не бунтуютъ пока, а у меня—чистая бѣда: наѣхала въ мой участокъ цѣлая толпа пропагандистовъ, благо время свободное: учителя и учительницы, курсистки, студенты, люди разныхъ профессій... Смущаютъ крестьянъ, въ особенности молодежь—просто не знаю, что и дѣлать.

— А каковы у васъ старшины, какого направленія писаря и что подѣлываютъ урядники и стражники? Первое къ чему я приступилъ, когда начались волненія, было тщательное изслѣдованіе нравственной стороны этихъ господъ; двухъ писарей прогналъ, одного старшину—бабу довелъ до того, что самъ ушелъ, стражника, безъ всякаго шума, благодаря исправнику, пристрожилъ, а главное настоялъ на томъ, чтобы сходы возвысили жалованье старшины и писаря: „сухая ложка вѣдь ротъ деретъ!“

— Еще-бы! Да трудно заставить сходы раскошелиться!

— Еще труднѣе, скажу вамъ откровенно, заставить губернатора принять, въ извѣстныхъ случаяхъ, крутыя мѣры... Богъ его знаетъ: мямля онъ или просто трусь, а только если разыграется у насъ что-нибудь серьезное—плохая на него надежда: чтобы сберечь себя, онъ всякаго продастъ да еще пожалуй и оболжетъ!

Брусилловъ осторожно промолчалъ: онъ не любилъ высказывать свои мнѣнія о начальствѣ.

— Въ народномъ домѣ, говорятъ, смѣлѣе стали; завелись и женщины-ораторы. Дерзче и злобнѣе всѣхъ жена одного изъ статистиковъ—жидовка.

— Не то еще будетъ! Я слышалъ, что полиціи запрещено и носъ совать въ это революціонное капище, гдѣ на сценѣ виситъ, въ качествѣ идола, портретъ Маркса! Какъ же можно *раздражать* г.г. революціонеровъ видомъ полицейскаго мундира!—Вы говорите, Александръ Петровичъ, что злобнѣе всѣхъ—жидовка—подождите... теперь это только проба пера, а черезъ мѣсяцъ—другой въ капище наберется жидовъ масса! Ихъ въ городѣ болѣе тысячи семей! Синагогу начали строить... Иванъ Константиновичъ говорилъ мнѣ, что въ шестидесятыхъ годахъ жидовъ здѣсь было только два: хромой Лейба Кисинъ, торговавшій въ разность серебряными и золотыми мелочами, и Мовша Левинзонъ, рѣзчикъ печатей.

— Былъ я на-дняхъ у Клишина, сообщилъ помолчавъ Брусилловъ: не нахвалится своимъ новымъ письмоводителемъ: взялъ онъ его изъ волостныхъ писарей... Представьте: отставной штабсъ-ротмистръ!

— Не Ширяевъ-ли?

— Онъ самый... А вы его знаете?

— Я зналъ его еще въ Москвѣ, когда онъ былъ адъютантомъ князя Ардатова.

И Вязьминъ передалъ Брусиллову все, что зналъ о Шпреевѣ, конечно смягчая и выбрасывая изъ разсказа многія подробности.

— Вы видѣли его?

— Да; онъ очень мнѣ понравился... Сейчасъ видно, что изъ порядочной семьи... и красивый... Жаль только, что костюмъ его плохъ.

— А сколько получаетъ онъ жалованья?

— Тридцать рублей.

— Да, штабсъ-ротмистру, привыкшему жить хорошо, деньги небольшія! сказалъ Юрій.—А какъ ведетъ онъ себя?

— Клишинъ говоритъ, что третій мѣсяцъ идетъ, какъ онъ водку бросилъ.

— Неужто совсѣмъ?

— Какъ разсказываетъ старшина, совсѣмъ бросилъ! Пришелъ отъ о. Смѣлкова, ихняго священника, котораго онъ очень полюбилъ, и объявилъ старшинѣ: „съ завтрашняго дня водку пить не стану—будь свидѣтелем!“ Старшина усомнился.—„А вотъ увидишь!“—И дѣйствительно бросилъ.

— Молодецъ! Дай ему Богъ выдержать!

Вы-бы, Юрій Александрычъ, похлопотали за него: вѣдь ему не только нельзя жить на это жалованье, но и тошно... Человѣкъ образованный, вертѣлся въ хорошемъ обществѣ...

— Да я ужъ сдѣлалъ нѣкоторые шаги... Времени прошло еще мало... А ну какъ не выдержать?

Вернулись Шаталовъ и Язвинъ. Послѣдній, переговоривъ съ Брусилловымъ, попросилъ закладывать лошадей. Отъ чая гости отказались, но Вязьминъ объявилъ, что безъ „посолка“ ихъ не отпустить: подана была малина со сливками и разныя наливки. Въ восемь часовъ коллеги уѣхали, а Шаталовъ собрался идти къ Канищевымъ.

— Погоди; у меня просьба къ тебѣ есть; переведи въ Волынское урядника и стражника; я отдаю имъ большой флигель о двухъ половинкахъ, въ которомъ помѣщалась маслодѣлка. Денегъ съ нихъ не возьму, а еще буду помогать имъ то тѣмъ, то другимъ. Урядникъ бездѣтный, а стражникъ холостой.

— А они желаютъ перейти?

— Карпычъ говорилъ, что очень желаютъ.

— Ну такъ чего-жь? Вернусь домой и распоряджусь; а ты, Юрочка, все-таки вызови ихъ и спроси для формы— понимаешь? Коли будутъ согласны—напиши мнѣ... А еще лучше, если они сами заявятъ тебѣ письменно, что имъ выгодноѣ перейти въ Волинское, что изба у нихъ теперь холодная, кормиться трудно—ну и разныя lamentaціи!

— Аккуратень-же ты, Митинька! Одобряю!

— Нельзя не быть аккуратнымъ, Юрій Александровичъ: Увертышевъ теперь будетъ постоянно придирается ко мнѣ—онъ вѣдь злопамятный! Ну да наплевать! Иванъ Константиновичъ не дастъ меня въ обиду!

— Завтра-же все это сдѣлаю.

— А когда ты въ городъ поедешь для совершенія купчей? Мнѣ-бы очень не хотѣлось, чтобы ты пріѣхалъ въ мое отсутствіе!

— Я пріѣду къ 29 или 30 августа.

— Прекрасно: я дома буду; а теперь надо къ Канищевымъ идти.

— Ну и иди.

— А ты-то что-же: съ Петрушкой будешь сидѣть?

— Зачѣмъ? У меня найдется дѣло.

— Да почему-же ты со мной не пойдешь?

— Потому, что тебя звали, а меня нѣтъ.

— Китаецъ ты, съ двумя шариками, презрительно замѣтилъ Дмитрій Никитичъ, только неприятности добрымъ людямъ дѣлаешь!

— А нахальнымъ образомъ лѣзть въ домъ—лучше?

— Третій шарикъ тебѣ, мандаринъ, прибавляю за сказанную глупость! раземѣлся исправникъ.

— Юрій Александровичъ! раздался съ галереи голосъ Зои.—Гости ваши уѣхали—милости просимъ къ намъ!

— Идемъ, Зоя Владиміровна, отвѣтилъ Шаталовъ.—Что, мандаринъ, обратился онъ къ Вязьмину:—успокоился... позвали! Ой ты китаецъ, китаецъ!

И, смѣясь, они пошли къ Канищевымъ.

XXXI.

Быстро летитъ время: послѣ-завтра отъѣздъ Канище выхъ... Настаетъ осень... Сіявшій почти три мѣсяца яркій лѣтній свѣтъ мало-по-малу гаснетъ, уступая мѣсто надвигающемуся мраку... Отлетаютъ отъ Юрія и Зои согрѣвавшая душу мечтанія и тяжкая мысль о разлукѣ, можетъ-быть навсегда, сжимаетъ мозгъ, гнететъ такъ недавно еще радостно бившееся сердце!

Поздно отобѣдавъ, томимый неизвѣстностію и тоской, Вязминъ вышелъ въ садъ, направляясь къ большому лугу на берегу рѣки. Тамъ они удили, тамъ въ разговорахъ нечаянно срывались загадочныя слова, намеки, тамъ устремлялись порою на него вдумчивые глаза Зои... Солнце уже спускалось за далекіе кусты... Одиночныя молодыя березки рѣзко выдѣлялись на ярко-золотистомъ фонѣ заката... Бѣловато-лиловая грядка легкихъ облачковъ, съ золотой каймой внизу, тихо плыла въ сторону виднѣвшагося впереди большого лѣса. Выше, на блѣдно-желтоватомъ небѣ горѣли снизу розоватымъ цвѣтомъ слои клочковатыхъ облаковъ бѣлыхъ и сѣро-синихъ. Минуты двѣ-три—и заря стала гаснуть...

Опершись на огородъ, отдѣлявшій садъ отъ луга, Юрій смотрѣлъ на движущуюся передъ нимъ картину и нерадостныя мысли шевелились въ его мозгъ: „Гаснетъ!.. Гаснетъ!.. И Богъ вѣсть какой еще день завтра будетъ!“

Онъ отошелъ отъ огорода и, заложивъ за спину руки, направился къ скамейкѣ, гдѣ удила обыкновенно Зоя. Пройдя кусты и машинально поднявъ голову, Вязминъ вдругъ вздрогнулъ и остановился: на скамьѣ сидѣла Зоя, лицомъ къ рѣкѣ, склонивъ голову, подпертую обѣими руками, и, казалось, плакала. Юрій спрятался. Прошло нѣсколько секундъ... Зоя вынула изъ кармана платокъ, приложила его къ глазамъ, встала и осмотрѣлась кругомъ, точно прощалась... Потомъ качнула головой и тихо, снова склонивъ ее, пошла домой.

Изъ-за кустовъ жадно глядѣлъ Юрій на удаляющуюся, дорогу для него, дѣвушку и не посмѣлъ, своимъ появленіемъ, нарушить ея настроеніе...

Сердце билось, но не такъ, какъ четверть часа назадъ: Юрій чувствовалъ, что онъ любимъ!

Утромъ слѣдующаго дня, кухарка Канищевыхъ была отправлена съ болѣе громоздкими вещами въ городъ, а господа завтракали и побѣдали у Вязьмина... Въ промежуткахъ Надежда Васильевна и Зоя удалялись во флигель для укладки разныхъ мелочей, отправку которыхъ онѣ не рѣшались до-вѣрить прислугѣ. Юрій, чѣмъ могъ, усердно помогаль имъ. Бабушкѣ, какъ можно было замѣтить, очень не хотѣлось такъ рано переселяться въ городъ, а о Зоѣ и говорить нечего: дѣвушка была задумчива, машинально дѣлала то, что требовалось, и изъ словъ ея было видно, что ей хотѣлось поскорѣе пережить эти тяжелые часы и выѣхать изъ Во-лынскаго. Вечеромъ, послѣ ужина, проводивъ и уложивъ бабушку въ постель, Зоя, чтобы подышать воздухомъ, вышла по сиреневой аллеѣ на проспектъ; пройдя нѣсколько шаговъ, она взглянула на мостъ: опершись на перила, тамъ стоялъ Вязьминъ; слабый свѣтъ, недавно народившагося мѣсяца, освѣщаль его профиль. Зоя остановилась и прислонилась къ ближайшей липѣ. Черезъ минуту Юрій взглянулъ на верхнюю часть проспекта, постоялъ и снова оперся на перила, повернувшись лицомъ къ саду. Забилося сердце у Зои: „вѣдь это послѣдній, можетъ быть, вечеръ въ Во-лынскомъ, послѣднее свиданіе съ Юріемъ... Страшно даже и подумать!“ мелькнуло у нея въ головѣ—и она выдалась на дорогу. Прошло нѣсколько секундъ... Вязьминъ отошелъ отъ перилъ, взглядѣлся и, увидя фигуру Зои, быстро пошелъ ей навстрѣчу.

— Зоя Владиміровна! взволнованный спросилъ онъ:— Вамъ жаль оставлять Во-лынское?

Дѣвушка взглянула на него грустно, помолчала и твердо отвѣтила: „да, жаль!“

— Если живы будемъ, вы не откажетесь и въ буду-щемъ году посѣтить Во-лынское и осчастливить его вла-дѣльца?

— Конечно не откажемся... но (она вздохнула) неиз-вѣстно, что за годъ можетъ случиться!

— Да, годъ—времени много! Въ теченіе этого года вы можете выдти замужъ и забыть Во-лынское!

Зоя остановилась, видимо разстроенная.

— До смерти бабушки, помолчавъ, отвѣтила она,—я

не думаю выходить замужъ, развѣ если встрѣчу такого человека, котораго не только глубоко, но и обдуманно полюблю!

Они прошли нѣсколько шаговъ и подошли къ флигелю.

— Такого, съ дрожью въ голосѣ, робко спросилъ Юрій, — вы не встрѣчали?.. Желаю вамъ, Зоя Владиміровна встрѣтить его и быть счастливой! Вполнѣ счастливой!

— Такого я еще не нашла, Юрій Александровичъ, едвѣннѣе голосомъ проговорила она, но (она серьезно взглянула на Вязьмина)... намѣтила! и мигомъ скрылась въ галерею.

Передъ прощальнымъ завтракомъ, Канищевы и Коноплева съ дочерью отслужили напутственный молебенъ въ церкви, такъ какъ въ день Успенія Божіей Матери была поздняя литургія, простились съ о. Павломъ и вернулись въ домъ. Пока накрывали на столъ, Надежда Васильевна съ Леночкой зашли во флигель посмотрѣть, все ли увезла кухарка; Зоя-же, улучивъ минуту, вошла въ кабинетъ Юрія и, торопясь, пожимая ему руку, сказала: „до свиданія... ъздите къ намъ почаще... Берегите себя!“

Юрій горячо поцѣловаль ея руку.

— Кто-же намѣченъ? шопотомъ спросилъ онъ, жадно ожидая отвѣта.

Зоя помолчала; слышались шаги въ залѣ.

— Намѣтитъ-то я намѣтила, но какъ еще Богъ благословить!

Послѣ завтрака, почти тотчасъ-же, подали экипажи; въ плетенку сѣли Коноплева съ дочерью, въ тарантасъ— Надежда Васильевна съ Зоей и на передокъ—горничная; Леночку пустили впередъ. Когда Вязьминъ, застегнувъ фартукъ экипажа и снявъ фуражку, поцѣловаль руки бабушки и внучки—послѣдняя пристально взглянула на него: „до свиданія... не забывайте-же насъ!“—Тарантасъ тронулся и, при поворотѣ на проспектъ, Зоя обернулась и ласково кивнула головой стоявшему на крыльцѣ Юрію.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ВЪ ГОДИНУ ЛИХОЛѢТЬЯ.

(1905—1906).

Романъ въ 2-хъ частяхъ.

Часть вторая.

1.

Н-ская губернія только сначала шестидесятыхъ годовъ сдѣлалась мѣстомъ ссылки: до тѣхъ-же поръ какъ губернской такъ и уѣздные города жили вполне патріархально. О сельскомъ населеніи и говорить нечего. Первыми ссыльными были мятежники 1863 г., поляки; они держали себя вообще прилично, смиренно, занимались, кто чѣмъ могъ, и пропагандой не увлекались. Между ними были врачи, помѣщики и учителя,—учащихся не имѣлось. Впослѣдствіи къ нимъ, мало-по-малу, стали прибавлять все болѣе и болѣе неблагонадежныхъ политическихъ ссыльныхъ и все менѣе и менѣе образованныхъ и развитыхъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія наплывъ крайняго элемента сильно увеличился и, благодаря земству и нѣкоторымъ либеральнымъ учрежденіямъ, политическая пропаганда все глубже и глубже стала проникать въ чиновничество, въ учебныя заведенія, какъ мужскія, такъ и женскія, и наконецъ въ народъ. Интереснѣе всего то, что дѣятельность революціонеровъ развивалась и усиливалась на народныя и казенныя средства! Земства, въ особенности губернское, принимали къ себѣ на службу всякаго „политическаго страдальца“, мало-мальски на что-либо способнаго. На статистическую работу, въ уѣздахъ, губернскимъ земствомъ приглашались не настоящіе статистики, не люди труда и знаній, а лица съ революціонной

окраской, люди, пронырливые и ловкие. Подъ видомъ собранія свѣдѣній, они, разъѣзжая по уѣздамъ, бойко вели пропаганду: удачно—въ городскомъ населеніи, плохо—среди крестьянъ. Сотни тысячъ рублей, казенныхъ и народныхъ денегъ, были истрачены на эту затѣю и ничего путнаго изъ нея не вышло. Были случаи, что завѣдующій статистическимъ бюро, докладывая комитету (назъ представителей правительственныхъ учрежденій, съ губернаторомъ во главѣ) отчетъ за три-четыре года работы, по какому нибудь уѣзду, добавлялъ, что труды его предшественника никуда не годятся и что работу надо начинать снова!.. Въ результатѣ: бѣшенныя деньги истрачены на кормѣжку бунтарей, а работы какъ и не бывало!—Устроили земцы крестьянскіе сѣзды, но себѣ не на радость: большинство крестьянъ нашло, что не для чего приглашать статистиковъ, инженеровъ, агрономовъ и даже тѣхъ учителей и учительницъ, которые „противъ Царя идутъ“!.. Вообще отношеніе крестьянъ къ ссыльнымъ и къ земству, особенно губернскому, становилось все болѣе и болѣе недоброжелательнымъ и глужое негодованіе на земскіе порядки все росло и росло.

Завѣдующій школьнымъ отдѣленіемъ губернской управы, еврей Унсовичъ, не дремалъ: воспользовавшись постановленіемъ губернскаго собранія и одобреніемъ предсѣдателя, онъ, вмѣсто полезныхъ книгъ и брошюръ, разсылать массами, по губерніи, изданія самыя революціонныя и по деревнямъ газетки крайняго направленія. На это губернскимъ земствомъ отпущена была весьма крупная сумма (нѣсколько тысячъ рублей) и было рекомендовано всю эту литературу раздавать безвозмездно и „въ каталоги библіотекъ не вносить“. Городская дума шла рука объ руку съ земствомъ; большинство гласныхъ, изъ свихнувшихся куличковъ и людей свободныхъ профессій, настояло на томъ, что засѣданія думы превратились въ безшабашные митинги; городскія нужды были заброшены, а денежки горожанъ пошли на преслѣдованіе партійныхъ цѣлей.

Манифестъ 17 октября полученъ былъ въ N. восемнадцатаго числа, одновременно съ амнистіей ссыльныхъ. Всѣ крайніе потеряли голову. Надъ балкономъ думы появилась, освѣщаемая по вечерамъ, крупная надпись: „Да здравствуетъ свобода!“. Въ народномъ домѣ: „Долой Самодержавіе!“ Еврей-

музыканты учили тамъ желающихъ пѣть „Марсельезу“ и другія революціонныя пѣсни; на митингахъ громко призывали къ вооруженному возстанію; разбрасывались по городу возмутительныя прокламаціи, за подписью революціоннаго комитета; по улицамъ ходили толпы съ красными флагами, съ дерзкими надписями на красныхъ палкахъ, раздавались пошлыя ругательства и угрозы.

Администрація, къ сожалѣнію, всей этой вакханаліи не противодѣйствовала, но за то дѣйствія обезумѣвшихъ бунтарей, наглость и распущенность учащихъ все болѣе и болѣе возбуждали нескрываемое негодованіе горожанъ и простонародья.

Взрывъ не замедлилъ: вечеромъ 19 октября, въ городѣ произошли беспорядки; выбиты были стекла во многихъ еврейскихъ магазинахъ, разгромлены квартиры извѣстныхъ горожанамъ агитаторовъ и ссыльныхъ; надписи надъ думой и народнымъ домомъ были сняты и уничтожены народомъ. Администрація вызвала солдатъ для усмиренія людей, потерявшихъ уже терпѣніе, слыша и видя поруганія своего прирожденнаго Царя пришлецами и мятежниками, но допустила эти поруганія, не принявъ никакихъ мѣръ къ обузданію обезумѣвшихъ негодяевъ.

Солдаты ушли—и, напуганные погромомъ, крайніе элементы порѣшили немедленно создать на средства города милицію изъ двухсотъ человѣкъ для охраненія порядка въ городѣ, ввиду малочисленности полиціи и неимѣнія войска. Организациія милиціи предполагалась еще въ маѣ, но почему-то тогда не состоялась. Сформированію милиціи предшествовало воззваніе городской думы, самовольно напечатанное и расклеенное на столбахъ и домахъ. Ложное и дерзкое, оно гласило, что 19 октября хулиганы и черная сотня сдѣлали нападеніе на беззащитный народный домъ, гдѣ тысячная толпа, будто-бы, занималась не поруганіями Царя и правительства, не призываніемъ къ уничтоженію Самодержавія вооруженнымъ возстаніемъ, а обсуждала какъ сдѣлать, чтобы русскому народу жилось лучше! Сообщалось будто-бы черная сотня напала на улицахъ на беззащитныхъ обывателей, натравливала грабителей и убійць на людей образованныхъ и евреевъ, призывая къ ихъ избіенію и т. п. А потому, дескать, надо не мѣшкавая составить союзъ

для охраненія людей и жилищъ въ городѣ отъ грабежей и разбоевъ черной сотни, не щадя ее и хулигановъ. Воззваніе заканчивалось приглашеніемъ гражданъ приходить въ городскую управу и записываться въ списки. Набралось всякаго сброда свыше двухсотъ человѣкъ: ихъ вооружили частью ружьями „Винчестеръ“, частью револьверами разныхъ системъ. Загремѣли на городскомъ вскольѣ учебные выстрѣлы милиціонеровъ, стали они похаживать да пострѣливать по городу вечеркомъ и пугать мирныхъ жителей... Почему и не поугать, коли администрація отъ всего себя устранила, а мятежъ все болѣе и болѣе забираетъ силы!

Начались забастовки желѣзныхъ дорогъ, почты, телеграфа. Митинги въ „народномъ домѣ“ все прогрессировали. Изъ Москвы и Петербурга дошли тревожные слухи, намѣренно преувеличенные крайними,—и смѣлость агитаторовъ дошла до своего апогея. Рѣшено было арестовать губернатора, вице-губернатора, всѣхъ начальниковъ учреждений и захватить казначейство и отдѣленіе государственнаго банка; на мѣста правителей назначены уже были кандидаты изъ красныхъ. Настроеніе администраціи было подавленное и растерянное, да и немудрено, когда для борьбы съ бунтарями, кромѣ тридцати человѣкъ конвойной команды и тридцати шести плохо вооруженныхъ городовыхъ, военной силы не было. Губернаторъ собралъ начальниковъ отдѣльныхъ частей для разрѣшенія вопроса: „какъ поступить въ данномъ случаѣ?“ Пришли къ заключенію, что слѣдуетъ обратиться къ обывателямъ города съ воззваніемъ образовать „самооборону“ отъ возможнаго насилія со стороны крайнихъ элементовъ и революціонной милиціи. Въ тотъ-же день напечатали массу воззваній и разослали ихъ по всему городу; на другой день, къ вечеру, въ присутственныхъ мѣстахъ собралось до восьмисотъ горожанъ; крайніе элементы и милиція присмирѣли и слухи объ арестѣ властей и разграбленіи казначейства и банка пріутихли.

Кончились страшные, кровавые московскіе дни: сопротивленіе мятежниковъ было сломлено доблестными дѣйствіями вѣрныхъ Царю и Отечеству войскъ и усиліями чиновъ полиціи. Въ теченіе цѣлой недѣли, бунтовщики творили въ сердцѣ земли русской всевозможныя злодѣянія: убивали людей долга, убивали мирныхъ обывателей изъ мести, за то,

что они стояли за Царя и правду, убивали съ цѣлю ограбленія. Стоянь стоялъ въ Бѣлокаменной! Ея стогны окрасились невинною кровью. Вся столичная нечисть всплыла со дна на верхъ, на подмогу крамольникамъ, грабила общественное и частное имущество, казнила, по повелѣнью революціонныхъ комитетовъ, опасныхъ для мятежа людей...

Декабрьскій бунтъ, затѣянный интеллигенціей и евреями, былъ подавленъ... Мечты крамольниковъ обратить Россійскую Имперію въ республику и захватить въ свои руки власть—не сбылись... Наглыя требованія, предъявленныя въ манифестѣ революціонеровъ, подписанномъ главарями разныхъ партій, надежда овладѣть государственнымъ банкомъ и зданіемъ городской думы, чтобы оттуда подчинить сначала Москву, а потомъ и всю Россію своему „временному правительству“—не осуществилась. Гарнизонъ Москвы не перешелъ на сторону измѣнниковъ, какъ они были въ этомъ увѣрены, а остался вѣренъ Царю и присягъ и съ присланнымъ Государемъ знаменитымъ Семеновскимъ полкомъ нанесъ смертельный ударъ вооруженному возстанію.

Въ началѣ 1906 г. стали формироваться въ городѣ N. политическія партіи различныхъ направленій; крамольники поспѣшили записаться въ „правовой демократическій союзъ“, во главѣ котораго сталъ предсѣдатель одного изъ либеральныхъ учрежденій, нѣкто Корсинскій, польскій еврей, ярый и смѣлый революціонеръ. Онъ не стѣснялся у себя въ домѣ, а иногда и въ чужихъ домахъ, произносить противоправительственныя рѣчи даже при губернаторѣ, который, во избѣжаніе столкновеній, показывалъ видъ, что не слышитъ оратора. Такое поведеніе вліятельнаго лица пагубно отразилось на его подчиненныхъ и тѣхъ, съ которыми сталкивался Корсинскій, но еще сильнѣе дѣйствовали его политическіе взгляды на гимназистовъ и реалистовъ, которымъ онъ преподавалъ русскую исторію, конечно въ извращенномъ видѣ.

Противъ „демократическаго союза“ очень скоро, въ видѣ протеста, образовались союзы: „самодержавно-монархическій“, „народно-русскій“, „союзъ русскихъ монархистовъ“ и „собраніе русскихъ людей“, но они на первыхъ порахъ выказали очень слабую дѣятельность и не могли бороться съ демократической партіей, смѣлой и энергичной, имѣвшей во главѣ такихъ главарей, какъ Корсинскій и его то-

варищъ, городской голова Толстопятовъ, не стѣснявшихся ни способами, ни средствами для привлеченія наибольшаго числа членовъ.

Образовались и другіе союзы, какъ называли ихъ,— „домашніе“: приказчиковъ, желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, служащихъ въ губернской земской управѣ. Союзъ послѣднихъ былъ самый революціонный и наглый; въ немъ участвовали и женщины: печатающія на ремингтонѣ, переписчицы, канцеляристки. На первыхъ-же порахъ, союзъ завоевалъ себѣ право исключать изъ своей среды всякаго, кто, большинствомъ голосовъ членовъ, признанъ будетъ неблагонадежнымъ (конечно въ революціонномъ смыслѣ) и управа не смѣла заступиться за исключаемаго (!); принимать-же на службу управа не могла никого безъ одобренія союза! Предсѣдатель управы Бержинцевъ, умный и ловкій революціонеръ, извѣстный въ средѣ крамольниковъ, какъ дѣятель, потерпѣвшій въ пресловутомъ процессѣ 193-хъ и слѣдовательно пріобрѣвшій тюремный цензъ, былъ тайнымъ руководителемъ союза,—члены-же управы не имѣли никакого значенія: подписывали бумаги, безпрекословно исполняли приказанія Бержинцева и, ежемѣсячно, аккуратно получали жалованье. Бержинцевъ, бывшій студентъ, былъ человекъ свѣтскій, образованный, съ большой выдержкой и тактомъ; онъ былъ близокъ къ губернатору и другимъ властямъ, имѣлъ связи съ крамольниками столицъ и, поддерживаемый въ губернскомъ земскомъ собраніи большой и хорошо сплоченной партіей, всегда былъ въ выигрышѣ. Спокойный, умѣвшій дѣльно и красиво говорить, Бержинцевъ рѣдко зарывался и еще рѣже высказывалъ свои затаенныя мысли; зато признавать у властей все важное и нужное онъ былъ большой мастеръ. Самъ Бержинцевъ никогда явно не дѣйствовалъ, а имѣлъ подручныхъ, приводившихъ въ исполненіе его указанія. Это были Макары, на которыхъ, въ иныхъ случаяхъ, валились всѣ шишки, а главный дѣятель—предсѣдатель всегда оставался не только невредимъ, но даже и не заподозрѣвъ. Бержинцевъ умѣлъ угождать своимъ товарищамъ и подчиненнымъ, когда было надо, помогать имъ въ извѣстныхъ случаяхъ, но умѣлъ также и держать ихъ въ рукахъ: характера былъ онъ стойкаго, смѣлаго и властнаго.

Декабрьское губернское земское собраніе было торже-

ствомъ для Бержинцева: онъ вертѣлъ всѣмъ и всѣ предложенія управы, даже явно незаконныя, прошли блистательно... Несчастный Касьяновъ совершенно растерялся. Вопреки не только закону, но и обычаю, столъ, за которымъ сидѣли гласные, безцеремонно былъ окруженъ публикой, самой разношерстной: люди свободныхъ профессій, союзъ губернской земской управы въ полномъ составѣ, учащіеся, служащія въ учрежденіяхъ дѣвицы и женщины, милиціонеры, свободные бунтари,—всѣ наэлектризованные, кричали, совались въ пренія, открыто ругали предсѣдателя. Усиленные звонки его вызывали или смѣхъ или самую крупную брань, привести собраніе въ порядокъ было немислимо. Пробовалъ было Касьяновъ, подталкиваемый монархистами, закрыть собраніе—взрывъ хохота и ругательства посыпался на предсѣдателя. Разгоряченныя „барышни“, въ ярко-красныхъ и зеленыхъ кофтахъ-рубашкахъ, чуть не съ кулаками подсакивали къ Касьянову. Ящики для баллотировки, во время баллотированія, окружались прекраснымъ поломъ самаго яраго пошиба, который зорко наблюдалъ за опусканіемъ шаровъ (сукно было поднято) и горе тому, кто осмѣливался класть шары противъ предложеній управы!

А тѣмъ временемъ невозмутимый Бержинцевъ, самодовольно и не торопясь, собиралъ подписи гласныхъ подъ протоколами о принятіи собраніемъ предложеній губернской управы.

II.

Иванъ Константиновичъ Ольхинъ только что позавтракать и сидѣлъ у окна, читая газету. Марья Николаевна отправилась на засѣданіе совѣта „ремесленного пріюта“, а Инна со службы уѣхала въ Москву; въ классныя дамы она не пошла, а пристроилась въ одно изъ правительственныхъ учрежденій барышней-ремингтоншей. Было около часу дня. Позвонили и вскорѣ въ кабинетъ вошла горничная и доложила, что пріѣхала Анна Павловна Мерцалова.

— Ты сказала ей, что барыни нѣтъ дома?

— Сказала, но они желаютъ видѣть ваше превосходительство... Въ гостиную прошли.

— Ну, хорошо... сейчасъ приду.

Горничная ушла, а Ольхинъ, поправивъ волосы и застегнувъ тужурку, пошелъ въ гостиную.

— Иванъ Константиновичъ, я къ вамъ за совѣтомъ, приподнимаясь съ дивана и здороваясь, заявила Мерцалова, —помогите мнѣ...

— Къ вашимъ услугамъ, Анна Павловна, цѣлуя ея руку и садясь возлѣ нея на кресло, отвѣтилъ Ольхинъ,—да вы что-то взволнованы, какъ будто плакали... Что случилось?

— Я совершенно растерялась, ничего сообразить не могу... Инна на службѣ?

— Была; но, получивъ отпускъ, съ часъ тому назадъ уѣхала въ Москву... Тѣтка ея умираетъ и Инна поспѣшила застать ее въ живыхъ... Надѣется получить кое-что изъ наслѣдства: тѣтка—съ состояніемъ.

— Теперь я все понимаю... О Боже мой! приложила она платокъ къ глазамъ.—Все это ложь: не къ тѣткѣ она поѣхала!

— Да позвольте, Анна Павловна, удивился генераль. —что васъ такъ беспокоитъ Инна? Вы говорили...

— Да въ Иннѣ-то все и дѣло, перебивая Ольхина и нервно отнявъ платокъ, порывисто, почти вскрикнула Мерцалова:—они женились, эта злая дѣвчонка теперь можетъ быть моя невѣстка!

— То-есть жена вашего Володи? слегка нахмурился генераль, при словѣ „дѣвчонка“.—Значить и онъ исчезъ?

— Да, да... Вчера вечеромъ получилъ записку отъ какого-то товарища, пригласившаго его ужинать въ „Эрмитажъ“, пошелъ туда и пропалъ... Я наводила справки—сказали, что около одиннадцати часовъ вечера оба они изъ „Эрмитажа“ ушли... До сихъ поръ Володи нѣтъ!.. Что мнѣ дѣлать? Полиціи объявить?

— Боже васъ сохрани! испугался Ольхинъ.—Къ чему это поведетъ? Къ скандалу... больше ничего! Если все это сдѣлано для того, чтобы пожениться—заявленіе ваше вызоветъ только смѣхъ, а если сынъ вашъ кутитъ гдѣ-нибудь со своимъ товарищемъ, а Инна дѣйствительно на пути къ Москвѣ—то вы скомпрометируете только вашего сына и сдѣлаете его сказкой города. Да наконецъ почему вы такъ увѣрены въ томъ, что они поѣхали вѣнчаться? Развѣ не могли

они сдѣлать это обыкновеннымъ порядкомъ, а не „самокруткой“, какъ говорятъ мужики?—Документы его при немъ?

— Да; онъ взялъ ихъ назадъ послѣ выпуска.

— Такъ зачѣмъ ему таиться?

— Я виновата: Володя дважды просилъ меня позволить ему жениться на Иннѣ, но я не разрѣшала. Согласитесь. Иванъ Константинычъ, какая-же она партія моему сыну; у Инны всего пять тысячъ на приданое, а у Володи состояніе довольно крупное. Положимъ, она красива и умѣетъ держать себя въ обществѣ, но Володя еще молодъ да и характеръ Инны далеко не мягкій... Весьма натурально, что мнѣ такая невѣстка нежелательна.

— Но вѣдь вы сами, Анна Павловна, виноваты: зачѣмъ допустили вы ихъ сближеніе? Вѣдь Инна чуть не каждый день бывала у васъ, была на „ты“ съ Володей...

— Я думала, что женское общество будетъ полезно сыну: облагородить и смягчить его манеры, придастъ ему свѣтскости, сформируетъ его... Я и не воображала, что невинный флиртъ можетъ довести до чего нибудь серьезнаго... Я думала: ну, зарвется молодой человѣкъ въ своемъ ухаживаніи—я сейчасъ-же и остановлю его.

— Вы забыли, Анна Павловна, что нынѣшняя молодежь рано начинаетъ жить... На школьной скамьѣ они уже флиртуютъ и, вмѣсто того чтобы учиться, занимаются ухаживаніемъ... Да неужто вы не видите, какъ по Введенской, отъ трехъ до пяти часовъ, каждодневно бродятъ гимназисты, реалисты и семинаристы съ гимназистками и другими подростками? Вы живете, какъ я вижу, еще старыми обычаями... Отошли они, Анна Павловна, на вѣкъ! И намъ приходится мириться съ этимъ, хотя и сквозь слѣзы!

— Итакъ, склоня голову, послѣ небольшой паузы, сокрушенно сказала Мерцалова, и мнѣ надо поступить такъ-же... но, Боже мой, какъ это тяжело!

— Но неизбежно! И лучше сразу, чтобы не давать повода злымъ языкамъ придумывать разныя сплетни и еще болѣе волновать васъ... Жизнь наша, Анна Павловна, полна не радостей, а скорбей... надо подчиняться!

— Во всякомъ случаѣ, Иванъ Константинычъ, я надѣюсь, что нашъ сегодняшний разговоръ останется между нами?

— Несомнѣнно; я даже женѣ моей, если она меня

спросить о вашем посвященіи, сообщу, что вы приѣзжали по опекуновскому дѣлу.

На что надѣялась Мерцалова, обращаясь за совѣтомъ къ Ольхину,—неизвѣстно, но уѣхала она отъ него неубѣжденная, не проникнутая желаніемъ примиренія, а озлобленная, униженная въ своемъ я!

По отъѣздѣ ея, Иванъ Константиновичъ занялся просмотромъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ январьскомъ сѣздѣ, и часа черезъ полтора хотѣлъ идти на обычную прогулку, когда вдругъ снова раздался звонокъ и Декапольскій влетѣлъ въ кабинетъ.

— Давно-ли изъ Питера?

— Третьяго дня. Ну и что въ Петербургѣ творится—столпотвореніе вавилонское! Все кипитъ, кипитъ...

— Что-то выкипитъ! усмѣхнулся Ольхинъ.

— Да... поздравляю! какимъ то скверенькимъ смѣхомъ рассыпался, садясь на диванъ. Декапольскій—Грибъ изволили скушать г.г. черносотенцы!.. Теперь, послѣ рѣчи 1 декабря, ваше превосходительство, надѣюсь, не будете утверждать, что у насъ конституціи нѣтъ и не будетъ?

— Это вы изъ Царской рѣчи почерпнули?

— Точно такъ. Славный отвѣтъ на свои lamentaціи и и вопли о льющейся крови, экспроприацияхъ и т. п. получили г.г. депутаты! Громадное большинство печати и общества, послѣ опубликованія рѣчи Государя, прямо высказались, что она была направлена противъ тѣхъ, кто не хочетъ вѣрить, что манифестомъ 18 октября Самодержавіе Русскаго Царя отмѣнено на вѣки!

Что большинство петербургскихъ правителей стремится къ конституціи—это неоспоримо, но до исполненія ихъ желанія еще очень далеко! Мы скоро, очень скоро увидимъ, какъ смотритъ русскій народъ на петербургскую затѣю. Я не спорю, что обновленіе самодержавнаго строя необходимо, но не по заморскому рецепту, а по нашему, русскому, съ устраненіемъ губительнаго бюрократизма и парламентарнаго средостѣнія.

— Ну, это еще когда-то будетъ, а въ настоящую минуту фактъ на лицо: Самодержавіе рухнуло!

— Не согласенъ... Вы забываете Александръ Ивановичъ, что рѣчь Государя Императора произнесена была до приня-

тія адреса депутацій и до выслушанія рѣчей депутатовъ... Его Величество милостиво отнесся ко всѣмъ членамъ депутаціи, именовавшимъ Его Самодержавнымъ Государемъ и въ рѣчи Царской нельзя усмотрѣть ничего такого, что подтверждало бы вашу увѣренность.

— Поживемъ—увидимъ! играя пальцами по ручкѣ, кресла, усмѣхнулся Декаполяскій.

— Вы—вотъ, послѣ небольшой паузы, продолжалъ Ольхинъ,—трубите теперь о вашей, будто-бы, побѣдѣ 1 декабря, а прислушайтесь-ка или спросите вашу прислугу, что говорятъ на базарѣ: это вѣдь своего рода народный митингъ... А говоритъ голосъ народа, что Царь находится въ плѣну у бунтарей, что Онъ мучится за православный народъ и своихъ вѣрныхъ слугъ, которыхъ бунтари бьютъ изъ-за угла, и что надо Царя выручить... Берегитесь! Если это случится—худо вамъ будетъ!—Кстати: вы не читали сообщеніе со станціи „Лопасни“, московско-курской желѣзной дороги, о кошуновствѣ студента П. и его товарищей?

— Нѣтъ; да лганье вѣроятно.

— Впрочемъ въ вашихъ газетахъ этого не напечатаютъ! Пишутъ, что недавно къ священнику ближайшаго къ станціи села явился студентъ, сынъ мѣстнаго волостного старшины, съ нѣсколькими товарищами—революціонерами, и потребовалъ, чтобы священникъ отслужилъ панихиду по „Бауманѣ“,—тотъ на отрѣзъ отказался. Компания отправилась къ другому священнику и получила тоже отказъ. Тогда революціонеры пригрозили священнику, что убьютъ его, если онъ будетъ упорствовать. Священникъ отворилъ храмъ и хотѣлъ облачиться; студентъ пожелалъ, чтобы панихида была отслужена подъ его диктовку: „по борцѣ, погибшемъ за свободу противъ гнета Самодержавія“. Получивъ отказъ, студентъ самъ облачился въ священническую ризу и сталъ служить, конечно, съ глумленіемъ. Мѣстные крестьяне, возмущенные до глубины души, не позволили себѣ скандала въ церкви, а по выходѣ изъ нея крѣпко побили П. и его товарищей!

— Насиліе, больше ничего! пожалъ плечами Декапольскій.

— А поведеніе студента?

— Мальчишество, за которое судъ приговорилъ бы его много много на мѣсяць ареста!

— Нѣтъ... знаете, сдержанно сказала Ольхинъ,— слова ваши просто возмутительны... Оно и видно, что вы только что вырвались изъ этой ужасной клоаки, именуемой Петербургомъ!

— Однако прощайте, поднялся съ дивана Декапольскій, —пора ѣхать обѣдать.

Иванъ Константиновичъ его не задерживаль.

Около пяти часовъ, вернулась къ обѣду Марья Николаевна и сообщила мужу, что она на Дворянской встрѣтила Вязьмина, который подошелъ къ ней и обѣшалъ, въ шесть часовъ, заѣхать къ нимъ, а что теперь онъ ѣдетъ къ Шаталову, по порученію губернатора.

— Когда онъ пріѣхаль?

— Сегодня въ первомъ часу; былъ у губернатора по какому-то важному дѣлу. Показался онъ мнѣ очень озабоченнымъ и какъ будто недовольнымъ... Ну, да онъ самъ тебѣ все расскажетъ.

Ровно въ шесть часовъ явился Вязьминъ. Поздоровавшись, Ольхинъ и Юрій прошли въ кабинетъ.

— Ты нарочно, къ губернатору пріѣхаль? спросилъ генераль;—по какому дѣлу?

— Сейчасъ все расскажу... дайте опомниться... Я почти всю ночь не спалъ, да и губернаторскій пріемъ меня ужасно разстроилъ.

Они усѣлись.

Ну, говори, да поподробнѣе.

— Если припомните, въ маѣ прошлаго года я докладывалъ Увертышеву, что земскій учитель Варнавинъ, пользуясь моимъ отъѣздомъ въ дальнія волости, самовольно собралъ въ селѣ Владычномъ сельскій сходъ, на которомъ говорилъ возмутительныя вещи про войну, про генераловъ и офицеровъ, правительство, разъяснялъ преимущество конституціи передъ самодержавіемъ и подбивальъ крестьянъ требовать принудительнаго отчужденія частно-владѣльческихъ земель для дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею. Я просилъ губернатора убрать Варнавина изъ моего участка, какъ крайне опаснаго и энергичнаго агитатора, имѣющаго на родинѣ своей, с. Владычномъ, родителей, брата—сельскаго старосту и другого брата—сельскаго писаря.

Увертышевъ отнесся къ докладу моему болѣе чѣмъ сухо: „все это слухи, усердіе не по разуму старшины и старость. Я не очень вѣрю этимъ сообщеніямъ!“—Я самъ провѣрялъ ихъ на мѣстѣ и пропаганда Варнавина подтвердилась!—отвѣтилъ я, оскорбленный словами губернатора. — „Хорошо, оставьте мнѣ ваше представленіе; я приму нужныя мѣры, вставая съ кресла, холодно отвѣтилъ онъ, — „вамъ-же рекомендую осторожность въ возбужденіи розысковъ и преслѣдованій. Репрессіи вызываютъ ожесточеніе и, какъ мнѣ пишутъ изъ Петербурга, не желательны; надо успокоивать, а не раздражать“. Конечно, никакихъ мѣръ Увертышевъ не принялъ и Варнавинъ продолжалъ свое дѣло, прогрессируя все болѣе и болѣе. Послѣ акта 17 октября, безпорядки по всей Россіи и кровавые московскіе дни подбодрили революціонеровъ: забастовки и волненія вспыхнули и въ нашемъ городѣ и Варнавинъ сталъ еще смѣлѣе и наглѣе. До меня доходили слухи, что, посѣщая своихъ владыченскихъ родственниковъ, Варнавинъ возстановляетъ крестьянъ не только противъ удѣла и меня, но и противъ правительства вообще и подбиваетъ ихъ предъявлять сему послѣднему самыя невозможныя требованія; распространяетъ въ народѣ революціонныя книжки и возванія, убѣждая крестьянъ записаться въ демократическую партію и увѣряетъ ихъ, что теперь Царь далъ крестьянамъ полную свободу и не надо повиноваться не только земскому начальнику, но и губернатору, а зная свое начальство; старшину да старость!—Въ бытность мою на губернскомъ земскомъ собраніи, Варнавинъ не одинъ разъ собиралъ сходы во Владычномъ и говорилъ на нихъ зажигательныя рѣчи. Когда все это подтвердилось дознаніемъ, я сельскаго писаря уволилъ, а старосту посадилъ подъ арестъ; затѣмъ назначилъ сходъ на 10 января, къ 12 часамъ дня. Узнавъ объ этомъ, Варнавинъ собралъ тоже сходъ, но къ восьми часамъ того-же дня и взбудоражилъ крестьянъ. Старшина прислалъ мнѣ донесеніе, что крестьяне повиноваться отказались и на сходъ не явятся. На другой день, часовъ въ девять утра, сижу я за письменнымъ столомъ въ кабинетѣ и вдругъ слышу шумъ шаговъ; обернулся—въ дверяхъ Варнавинъ и четыре мужика, въ шубахъ валенки въ снѣгу—ну совсѣмъ по дорожному. Пораженный такою наглостію, я спросилъ: „что вамъ надо и какъ позволили

вы себѣ ворваться въ мой кабинетъ безъ доклада?“ (Потомъ выяснилось, что Петруша вышелъ изъ параднаго крыльца за старостой и двери остались не запертыми)—„Мы депутаты отъ общества... намѣрены предъявить вамъ свои требованія“, рѣзко отвѣтилъ Варнавинъ.—„Я васъ не приму, такъ какъ депутація не законна, да и для приѣма у меня есть канцелярія; вы должны были сказать прислугѣ, а не врыватья во внутреннія комнаты!“ Варнавинъ возвысилъ голосъ и грубо возразилъ: „Вы обязаны вездѣ, и даже ночью, принять насъ!.. Мы добьемся этого!“—Тогда, не отвѣчая ему, я далъ тревожный звонокъ уряднику, стражнику и старостѣ съ нѣкоторыми дворовыми (я зналъ, что всѣ они дома): къ счастью явился Петруша; „побудь здѣсь“, сказалъ я ему,—пока придутъ стражникъ, урядникъ и дворовые, а вы, депутація,—ступайте въ переднюю и ждите меня.. Мы поговоримъ!“ но депутація предпочла сѣсть въ дровни и уѣхать.—Все то, что я передалъ вамъ сейчасъ, Иванъ Константиновичъ, я подробно изложилъ на бумагѣ и представилъ губернатору, вмѣстѣ съ дознаніемъ и приговоромъ крестьянъ (конечно продиктованнымъ Варнавинымъ), присланнымъ мнѣ на другой день по почтѣ, въ которомъ они объявляютъ, что меня, земскаго начальника, они знать не хотятъ и проч.—Увертышевъ нашелъ, что поступки Варнавина не особенно важны, что наказывать старосту и писаря было не за что, что земскій начальникъ, хотя и не превысилъ власть, но *поступилъ не въ духъ времени* и въ концѣ—концовъ губернаторъ оставилъ меня въ полнѣйшихъ дуракахъ!—Ну, что-же дѣлать, дорогой Иванъ Константиновичъ? Вѣдь теперь Варнавинъ совсѣмъ собьетъ съ толку всю волость, заразитъ и другія—да и только!

— Знаешь что, подумавъ сказалъ Ольхинъ:—ясно, что на Увертышева надѣяться нечего; Варнавина-же надо, во что бы то ни стало, изъ губерніи убрать... У тебя есть отпуски бумагъ, которые ты передалъ губернатору?

— Есть.

— Съ собою?

— Къ счастью захватилъ.

— Прекрасно; сними копіи самъ, никому не поручай, и завтра-же лично передай жандармскому полковнику: ты

его знаешь... Человѣкъ прекрасный и монархистъ до мозга костей... Онъ тебя не выдастъ... Не хочется тебѣ?

— Почему вы это думаете? Я обязанъ такъ поступить!.. Какъ вѣрный Царскій слуга, какъ честный дворянинъ, я долженъ пресѣчь преступныя дѣйствія Варнавина... Довольно и того, что, благодаря нашей лѣни, трусости и отсутствію патріотизма, мы доплясались до московскихъ бунтовъ и повсемѣстныхъ грабежей и убійствъ!

— Я зналъ, что ты такъ поступишь, милый мой Юрій! И Ольхинъ крѣпко обнялъ и поцѣловалъ Вязьмина. Наступила пауза.

— Перетащить тебя въ городъ надо-бы: вѣдь это настоящая каторга жить одному, осень и зиму, въ такомъ аббатствѣ! сказалъ Ольхинъ.

— А какъ я хозяйство брошу? Вѣдь оно—большое мнѣ подспорье... Андрей Карповъ—прекрасный, честный управляющій, но свой-то глазъ все-таки лучше!

— Кто говоритъ... да вѣдь жаль тебя: такой молодой, работающій, дѣльный—и въ глуши изнываешь!

— Что станешь дѣлать... обстоятельства такъ сложились! Вотъ еслибы случилось такъ, какъ я-бы желалъ, размѣялся Юрій,—ну, да что говорить о томъ, что несбыточно...

— Почему несбыточно? перебилъ его генераль.

— По милости вашей! вновь размѣялся Вязьминъ.

— Это что за загадка—объяснись!

— А вотъ если-бы вы пошли въ губернскіе предводители—могли-бы и меня на свое мѣсто посадить...

— А знаешь что: вѣдь это идея, какъ говорятъ французы.

— Да вѣдь вы все равно баллотироваться не хотите и если Касьяновъ выйдетъ въ отставку—такого-же опять выберутъ! Вы сами говорили, что съ Увертышевымъ служить невозможно.

— Говорилъ... и теперь повторю, что человѣкъ онъ подобный Янусу, двуличный, но обстоятельства, другъ мой, мѣняются. Скажу тебѣ, подъ большимъ секретомъ, что въ настоящую минуту, когда какъ будто правительство просыпается и начинаетъ воскресать нашъ патріотизмъ—намъ монархистамъ грѣшно, если силы позволяютъ, отвиливать отъ работы. Нужны, охъ какъ нужны стойкіе, любящіе Россію люди, люди трудолюбивые, честные, преданные своему

дѣлу. Посмотри, что за дрянъ выдвинута на верхи революціей: не только ни одного таланта—ни одного безкорыстнаго, строго идейнаго „освободителя!“ Жадные авантюристы, самонадѣянные искатели теплыхъ мѣсть, бездушные губители всего, начиная съ религій! Минувшее земское собраніе привело меня въ отчаяніе: это былъ какой-то шабашъ выпущенныхъ изъ больницы сумасшедшихъ! А этотъ несчастный Касьяновъ, растерянный, безвольный, поминутно оскорбляемый обезумѣвшей молодежью! И это—представитель высшаго сословія имперіи!—Да, если я увижу, что есть шансы занять мѣсто Касьянова—буду баллотироваться и, если меня выберутъ,—я, весь душою и тѣломъ, отдамся этому благородному, столь нужному служенію! И тогда, мой дорогой, мы вмѣстѣ поработаемъ, насколько сможемъ, во спасеніе нашей измученной родины и во славу нашего, сбившагося съ пути, дворянства!—Смотри-же, Юрій: полная тайна; я и женѣ не скажу.

Вошла Марья Николаевна и пригласила къ чаю; Вязьминъ отказался.

— Простите: мнѣ надо навѣстить моихъ недавнихъ дачниковъ и затѣмъ засѣсть за спѣшную работу.

Онъ вышелъ изъ кабинета и поспѣшилъ къ Канищевымъ.

— Вотъ сюрпризъ! весело встрѣтила Вязьмина Зоя. — Почему это вы тремя днями ранѣ пожаловали на съѣздъ?

— Къ губернатору пріѣхалъ съ докладомъ, цѣлуя руку дѣвушки, отвѣтилъ Юрій.

— Случилось что-нибудь? тревожно спросила она, переходя въ гостиную.

— Такъ, пустяки... Крестьянъ, въ одной изъ моихъ волостей, сбиваетъ съ толку сельскій учитель и я прошу убрать его.

Вязьминъ поздоровался съ Канищевой, сидѣвшей у окна, на обычномъ своемъ мѣстѣ; старушка поинтересовалась.

— Какъ у васъ въ Волынскомъ, тихо?

— Пока благополучно; вамъ, Надежда Васильевна, большой поклонъ отъ о. Павла и вамъ, Зоя Владиміровна, кромѣ того нижайшее привѣтствіе отъ Евлаліи Васильевны: просто влюбилась въ васъ!

— Я сама ее люблю, улыбнулась дѣвушка:—она очень хорошая женщина и предана вамъ всей душой... Вы сегодня пріѣхали?

Въ часъ дня и тотчасъ-же явился губернатору, оттуда къ Сахаровымъ, отобѣдалъ у нихъ и посѣтилъ Ольхиныхъ. Къ вамъ я предпочелъ пріѣхать теперь, чтобы застать васъ, взглянулъ на Зою Юрій, садясь на стулъ, между нею и старушкой.

— И отъужинать у насъ?

— Если позволите... Но съ условіемъ: ужинать въ обычное время, въ девять часовъ, какъ у васъ заведено тѣмъ болѣе, что мнѣ необходимо пораньше быть дома: надо заняться спѣшнымъ дѣломъ.

— Ну, а я жду васъ обѣдать завтра, вмѣшалась Канищева,—будете?

— Явлюсь.

Зоя вышла.

— Скучно вамъ въ Волинскомъ! помолчавъ сказала старушка.—Въ эдакомъ домѣ жить одному... И поговорить-то не съ кѣмъ! Вечера длинные... Заниматься все дѣлами надоѣсть, да и празднаго времени довольно еще останется.

— Батюшку навѣщу, онъ ко мнѣ заглянетъ... Охотой займусь... Читаю, гуляю, хозяйственныя книги привожу въ порядокъ—дѣла пайдется.

Помолчали.

— Здѣсь многіе очень боятся того, что для надѣленія крестьянъ землею будутъ насильно отбирать отъ частныхъ владѣльцевъ землю и платить за нее по правительственной оцѣнкѣ, замѣтила Канищева;—это значитъ вмѣсто рубля четвертакъ!.. Что-же это такое?.. Грабежъ, настоящій грабежъ!

— Полноте, Надежда Васильевна, этого быть не можетъ.—мало-ли что болтають!

— Вонъ Бланкъ, судейскій онъ, какъ ему не знать... Онъ громко кричитъ, что другого исхода нѣтъ, что и четвертакъ-то платить владѣльцамъ не слѣдуетъ: попользовались землей—и довольно, а надо просто даромъ отнять. И Декапольскій тоже пищитъ! Имъ что: земель у нихъ нѣтъ и не бывало, а жалованье они каждое двадцатое число получать будутъ!

— И Бланкъ и Декапольскій свои революціонныя желанія проповѣдуютъ и нарочно распускаютъ подобные слухи

чтобы мутить людей. Это чистѣйшая ложь! Въ комисіи о дополнительномъ надѣленіи крестьянъ землею сидятъ представители всѣхъ вѣдомствъ и не можетъ быть, чтобы они высказались за принудительное отчужденіе!

— Дали свободу печати, помолчавъ, продолжала Канищева,—для кого? Да все для жидовъ и всякой дряни! Наплодили множество будто-бы „юмористическихъ“ листковъ, а на дѣлѣ „революціонныхъ, грязныхъ и пошлыхъ“. Ну для чего это?

— А знаете-ли вы кто издаетъ и редактируетъ—жиды! Въ газетѣ „Правда и ложь“ напечатанъ даже списокъ четырнадцати листковъ, съ фамиліями редакторовъ-издателей—все евреи!

— Слава Богу, хоть не русскіе!

— Ну, бабинька, другіе русскіе бываютъ даже хуже евреевъ! замѣтила вошедшая Зоя, садясь въ кресло,—а вы думаете въ редакціяхъ этихъ листковъ и жидовскихъ газетъ мало русскихъ сотрудниковъ?

— А я вѣдь впопыхахъ и забылъ сообщить, Надежда Васильевна, послѣ паузы, сказалъ Вязминъ,—что привезъ вамъ, какъ любительницѣ, пять сѣрыхъ куропатокъ, но не взялъ ихъ сегодня съ собой, потому что все время ѣздилъ по разнымъ мѣстамъ и неловко было возиться съ живыми птицами въ клѣткѣ.

— Живыя куропатки! Да откуда вы ихъ достали? удивилась Зоя.

— У меня ихъ нѣсколько штукъ; загнали ихъ рабочіе въ мое гумно, куда онѣ обыкновенно ходятъ подбирать оставшіяся зерна; живутъ онѣ у меня въ птичьей, какъ цыплята, и кормятся овсомъ. Крылья у нихъ, конечно, подрѣзаны. Завтра я ихъ представлю.

— Балуете вы меня, старуху! Благодарю васъ!—Зонька, а что у насъ къ ужину?

— Рябчики и кофейная яичница въ чашкахъ... За послѣднее блюдо прошу извинить, Юрій Александровичъ: поздно пріѣхали. У насъ теперь, послѣ забастовокъ, лавки въ восемь часовъ запираются, а по праздникамъ на весь день.

— Да кофейная и шоколадная яичницы—прекрасное кушанье, возразилъ Вязминъ.

Канищева вышла.

— Вы не повѣрите, Зоя Владиміровна, съ какимъ наслажденіемъ я ѣхалъ сюда, началъ Юрій.—Волинское теперь для меня хуже тюрьмы... Кромѣ отчаянной скуки—много заботъ, непріятностей, опасеній... Жду не дождусь весны...

— Весной развѣ лучше? Та-же скука, то-же одиночество...

— За то ближе къ юнію...

Зоя взглянула на Вязьмина.

— Къ лѣту?.. Конечно! Начнутся работы, охота...

— И Волинское снова увидитъ васъ и бабнѣнку?

— Если не встрѣтятся неожиданныхъ препятствій—несомнѣнно.

... Охъ ужъ эти неожиданныя препятствія!

— Да что вы: вѣдь всѣ мы подь Богомъ ходимъ! разсмѣялась дѣвушка.—Пріѣзжайте, пожалуста, завтра пораньше, если можно, добавила она помолчавъ.

— Когда прикажете?

— Приказывать я не смѣю, а прошу... и очень... Къ тремъ: я буду уже дома.

Вскорѣ послѣ ужина Юрій уѣхалъ къ Шаталову.

III.

Жандармскій полковникъ, Павелъ Григорьевичъ Томпловъ, дворянинъ по происхожденію, уже немолодой, дѣльный и энергичный, принадлежалъ къ числу людей, которые въ теперешнее смутное время, по мнѣнію Ольхина, такъ необходимы для служенія Россіи и ея Самодержавію. Благовоспитанный, образованный, умный и ловкій, Томиловъ выдѣлялся изъ среды, въ которую толкнула его судьба: въ немъ ничего не было полицейскаго. Вѣрный Царю и долгу, религіозный, добрый и снисходительный, когда касались лично его, онъ былъ безпощаденъ къ тѣмъ, кто стремится уничтожить Самодержавіе, умалить Верховную власть, кто съ легкимъ сердцемъ пускаетъ изъ-за угла пулю въ чело-вѣка, вѣрнаго присягѣ, кто бросаетъ бомбу въ толпу, въ которой есть женщины и дѣти! Производя дознанія, онъ изучалъ дѣло до мелочей, безъ всякой предвзятой мысли, боясь упустить даже самое мелкое показаніе, можетъ-быть могущее ослабить обвиненіе. По наружности Томиловъ былъ симпатиченъ, вѣжливъ и обходителенъ.

Юрія онъ встрѣтилъ какъ знакомаго, увелъ въ кабинетъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, сталъ пробѣгать переданныя ему Вязьминымъ копии.

Юрій Александровичъ, отложивъ ихъ въ сторону и снявъ рinсе-nez, обратился къ молодому человѣку Томиловъ:—прошу васъ забыть, что передъ вами жандармъ, а помнить только что я—дворянинъ и такой-же вѣрнопопданный слуга долга, какъ вы и чтимый мною генераль Ольхинъ. Я буду говорить съ вами параспашку, потому что прекрасно знаю, что вамъ можно довѣриться и что вы такъ-же не любите дипломатическіе разговоры. Итакъ къ дѣлу; будьте добры сообщить мнѣ, какія мѣры противъ Варнавина думаетъ принять губернаторъ и какъ отнесся онъ къ вашему представленію.

Вязьминъ передалъ Томилову разговоръ свой съ Увертышевымъ.

— И вы, недовольные его апатіей, обратились ко мнѣ?

— Да.

— И не боитесь, что г. Увертышевъ, если узнаетъ о сдѣланномъ вами шагѣ, надѣлаетъ вамъ непріятностей? улыбнулся Томиловъ.

Во-первыхъ, серьезно отвѣтилъ Юрій, о сдѣланномъ мною шагѣ онъ не узнаетъ—въ этомъ я увѣренъ (онъ взглянулъ на полковника), а во-вторыхъ, я обязанъ уничтожить зло въ самомъ началѣ, и по долгу службы и по своимъ убѣжденіямъ; ужъ и то, по милости губернатора, Варнавинъ зазнался и много принесть вреда: смиренная до него волость уже на пути къ бунту и все-таки г. Увертышевъ считаетъ дѣйствія Варнавина и, сбитыхъ имъ съ толку, крестьянъ не важными, а мои—несоотвѣтствующими духу времени!

— Объ Увертышевѣ говорить нечего: онъ—человѣкъ жаждущій покоя, любящій комфортъ и боящійся бомбы. По возбужденному вами дѣлу, я сегодня-же начну дѣйствовать. Бумаги ваши останутся теперь у меня, въ моемъ столѣ, и никто о нихъ знать не будетъ; онѣ нужны мнѣ, какъ матеріаль; потомъ я возвращу ихъ вамъ. Васъ я принималъ, какъ знакомаго, и официально вы ко мнѣ не обращались. Прошу васъ помнить это. Если что понадобится—я спрошу васъ на бумагѣ, какъ земскаго начальника, и тогда мнѣ

придется уже имѣть дѣло с.

случаѣ, вы, секретно, будете въ

— Благодарю васъ, Павель 1,

— Не за что... Такія вещи, Юрій

оставляютъ безъ вниманія... „Отъ копѣчно.

Москва загорѣлась“, а въ настоящее время.

Москва, а вся Россія и наша пожарная команда,

тушенія, далеко не на высотѣ своего призванія.

Они простились и Вязьминъ поѣхалъ къ Оль.

Онъ встрѣтилъ его на улицѣ, идущаго по троту

— А я къ вамъ! выйдя изъ саней, подошелъ къ н

Юрію.

— Ну что, видѣлъ Томилова? поздоровавшись, спросилъ генераль.

— Сидѣлъ у него, отдалъ копій, все объяснилъ,— и Вязьминъ подробно передалъ ему свой разговоръ съ полковникомъ.

— Прекрасно; Павель Григорычъ не изъ такихъ людей, чтобы откладывать что-либо въ дальній ящикъ; онъ живо оборудуетъ это дѣло и поднесетъ сюрпризъ Увертишеву!—Однако прощай: мнѣ надо поспѣть къ полудню въ одно мѣсто... Заѣдешь къ намъ до съѣзда?

— Непремѣнно.

— То-то, не забывай насъ!

— Къ Сахарову! крикнулъ Юрій извозчику.

Петра Николаевича онъ засталъ еще въ халатѣ, въ залѣ, съ трубочкой въ зубахъ; Ольги Николаевны въ комнатахъ не было,—должно быть возилась въ кухнѣ.

— Отлично: къ самому завтраку! лобызаясь, возвѣстилъ старикъ. Пирожки съ мясомъ, жареные въ маслѣ. Вкушаете?

— Еще-бы!

— Откуда изволили прибыть? Съѣлъ на свое мѣсто Сахаровъ.

— Изъ дому... то есть отъ Шаталова, ходя по комнатѣ, отвѣтилъ Вязьминъ.

— Давно не видали мы его!

— Дня два-три? усмѣхнулся Юрій.

— Нѣтъ, больше... Пожалуй дней пять... Да что вы смѣтаете? Мы такъ его любимъ, что каждымъ посѣщеніемъ его дорожимъ!

— Не сомнѣваюсь; но Митя такъ занятъ теперь и такъ жметъ его губернаторъ,—что ему, бѣднягѣ, ужъ не до посьщеній! Сегодня, въ девять часовъ утра, напился чаю и побѣжалъ въ управленіе; я не успѣлъ поговорить съ нимъ толкомъ.

— Гдѣ вчера побывали, уѣхавъ отъ насъ?

— Посидѣлъ часокъ у Ольхиныхъ, а потомъ перекочевалъ къ дачникамъ... Ужиналъ у нихъ.

— Рады конечно, были: сюрпризомъ вѣдь вы явились...

— Конечно онѣ не ожидали: старушка была очень рада, а внучка такъ себѣ...

— Полноте! махнулъ рукою Сахаровъ.—Никогда не повѣрю! Нечего меня, старика, морочить—видимъ!

— Видѣть-то нечего! Зоя Владиміровна—прекрасная дѣвушка, но свѣтская... Умѣетъ держать себя.

— Не спорю; не только свѣтская, но и умная... И отлично, что умѣетъ держать себя—одобряю! А только и съ такими дѣвушками бываетъ, что нѣтъ-нѣтъ да и прорвется! Вы гдѣ сегодня обѣдаете?

Юрій разсмѣялся.

— Вамъ-бы по полиціи служить, да еще тайной!—У Канищевыхъ обѣдаю... Успокоились?

— Бабинька пригласила?

— Представьте: да, бабинька!

— Вѣрю и радуюсь за васъ!

Вошла Ольга Николаевна.

— Это о чемъ радуется братъ? спросила она, здороваясь Вязьминнымъ.

— Бабинька Надежда Васильевна его сегодня, видишь, обѣдать пригласила, отвѣтилъ Петръ Николаевичъ,—а Зоя встрѣтила его „такъ себѣ!“ Экъ—вѣдь другъ-то нашъ Олнька, намъ старикамъ, зубы заговариваетъ!

— Сейчасъ завтракъ подадимъ“ объявила она, уходя.

— Вы-вотъ, дорогой мой, остановившись передъ старикомъ, мягко сказалъ Юрій,—какъ-нибудь, въ разсѣянности, пустите такую штучку, какъ сейчасъ, кто-нибудь подхватить, отъ себя еще прибавить—и пойдетъ по городу молва, что, отъ живой жены, Вязьминъ за Канищевой ухаживаетъ, и съ уснѣхомъ, что какъ это можно, до чего это безнрав-

ственно и т. п.—смотришь; ни въ чемъ неповинную дѣвушку и обезславили!

— Господи! Какую вѣдь вы вавилонскую башню въ одну минуту соорудили!.. Нѣтъ, мой миленькій, дорогой Юрій Александровичъ, никогда не проболтается Сахаровъ, да и не кому! Зоишка мнѣ дорога, очень дорога! Это рѣдкая, по нынѣшнему времени, дѣвушка!.. А только простите, голубчикъ, я не могу молчать!.. Подите-ка сюда, нагнитесь... „А вѣдь любите вы Зоиньку, охъ какъ любите!“ шепнулъ старикъ на ухо подошедшему Вязьмину.

Поднялъ голову Юрій и спокойно отвѣтилъ старику:

— Если-бы даже это и было, сердечно любимый Петръ Николаичъ,—Зоя Владиміровна никогда объ этомъ не узнаетъ: благодаря воспитанію, данному мнѣ родителями, я не позволю себѣ смущать покой дѣвушки, на которой я не могу жениться!

Сахаровъ молча и крѣпко обнялъ Вязьмина:

— Ну, Господь съ вами! и въ голосѣ старика послышались слезы...

Позавтракавъ, Юрій заѣхалъ къ Шаталову, взялъ клѣтку съ куропатками и повезъ ихъ къ Канищевымъ.

Около половины третьяго, Зоя была уже дома; выпивъ наскоро чашки двѣ чая и приведя себя въ порядокъ, она перешла въ гостиную и сѣла у окна, въ кресло бабушки, которая по обыкновенію отдыхала передъ обѣдомъ. Опущенная тюлевая занавѣска, скрывая дѣвушку, давала ей полную возможность слѣдить за всѣмъ, что дѣлается на улицѣ. Наискось дома Канищевой, на углу двухъ улицъ, стоялъ большой двухэтажный каменный домъ городского головы Толстопятова; въ верхнемъ этажѣ жилъ самъ хозяинъ съ семьей, а въ нижнемъ помѣщались мясная и бакалейная лавки и жильѣ прикащиковъ и „молодцовъ“. Въ моментъ нашего разсказа, въ „молодцовской“ проживали, для охраны Толстопятова, два милиціонера, не смотря на то, что два старшіе сына головы, гимназисты шестого и седьмого классовъ, были также членами милиціи. Желѣзныя, прочныя ворота охраняли дворъ, а окна нижняго этажа запирались

на ночь стальными ставнями, съ крѣпкими внутренними запорами.

Передъ Зоей, на подоконникѣ, лежала раскрытая книга, будто читаемая, но мысли дѣвушки бродили то въ прошломъ, то въ будущемъ. Ей вспоминалось Волинское, прожитые въ немъ мѣсяцы, слова, сказанныя въ послѣдніе дни Юріемъ; потомъ отъѣздъ, томительная осень, декабрьскіе ужасы, постоянное опасеніе за жизнь Вязьмина... Положеніе дѣвушки было тяжелое: впереди неизвѣстность, теперь — тоска и нравственныя мученія; и все это надо скрывать, носить въ себѣ, взѣшивая каждое свое слово, не показывая ни радости встрѣчи, ни горя разлуки!.. И текли такъ дни за днями и только въ молитвѣ бѣдная дѣвушка находила краткій покой и жила надеждой на лучшее будущее!

Часы пробили три и Зоя взволновалась: мало-ли что могло случиться! Вчера Юрій какъ-то загадочно объяснялъ свой неожиданный пріѣздъ: „учитель сбиваетъ народъ, но что это пустяки“... Изъ за пустяковъ Вязьминъ не поѣхалъ бы въ городъ, не явился бы къ губернатору... Нѣтъ, вѣроятно что-нибудь серьезное случилось! И сжималось любящее сердце, ныла отъ страха молодая грудь... Но черезъ минуту другая мысль сталкивалась съ прежней, болѣе радостная: „а если Юрій придрался только дѣйствительно къ пустяку, для того, чтобы имѣть предлогъ пріѣхать въ городъ тремя днями ранѣе начала сѣзда, чтобы долѣе пожить вблизи своей мечты, милой Зои?.. О, какъ легко стало вдругъ на душѣ, какъ быстро исчезли мрачныя предположенія!

Звонокъ—и сердце дѣвушки забилося сильнѣе: она почувствовала, что кровь отлила отъ головы... Но Зоя пересилила себя; спокойно встала съ кресла и, съ обыкновенной улыбкой, пошла на встрѣчу Вязьмину. Онъ поцѣловалъ ея руку и почувствовалъ, что она слегка дрожала; въ голосѣ Зои замѣтна была нервность, что то необычное. Юрій поспѣшилъ показать ей клѣтку съ птицами, чтобы поскорѣе прекратить ея замѣшательство: онъ чувствовалъ, что въ эти минуты онъ любимъ серьезно и прочно!

— Какія красивыя птицы! Сравнить нельзя живыхъ съ убитыми... Аннушка! обратилась Зоя къ горничной:—прикажи зажарить къ обѣду двухъ.

— Позвольте слово молвить: будьте добры жарить ихъ

безъ меня... Куропатки у меня дома есть, а эти привезены исключительно для васъ съ бабушкой.

— Ну, тогда скажи, чтобы имъ дали овса и воды... Бабушка проснется и сама распорядится.—Пойдемте въ гостиную, Юрій Александрычъ; не хотите-ли закурить... *вонзить*, какъ говоритъ Шаталовъ, весело размѣялась дѣвушка, —до обѣда еще цѣлый часъ.

— Я завтракалъ у Сахаровыхъ, которые шлютъ вамъ свой привѣтъ.

— Благодарю.

Они усѣлись.

— А знаете-ли, начала Зоя,—я подозреваю, что вчера вы назвали „пустякомъ“ дѣло вѣроятно серьезное...

— Почему вы это думаете?

— Еслибъ дѣло было пустяшное —неужели вы поѣхали-бы за сорокъ верстъ докладывать губернатору этотъ пустякъ? Вѣдь губернаторъ могъ-бы сказать вамъ, что въ такое смутное время, какъ теперь, нельзя оставлять участокъ безъ главы, изъ-за пустяковъ.

— Могъ, но я рискнулъ... Мнѣ очень хотѣлось лишніе два дня пробыть въ городѣ...

— Извините, я загляну на минутку въ кухню, сказала Канищева и торопливо вышла изъ комнаты.

— Зоя Владиміровна, обратился къ ней Вязьминъ, когда она вернулась,—вы позволите мнѣ прислать *лично вамъ* такихъ же куропатокъ, къ 12 февраля? Именины свои вы, вѣроятно, будете праздновать 12, а не 13-го, такъ какъ тринадцатаго наступитъ уже чистый понедѣльникъ. Конечно у васъ будетъ обѣдъ и лишнее блюдо не помѣшается... Можеть-быть за обѣдомъ вы и меня, отшельника, вспомните?

— Какъ?! Вы не будете у насъ двѣнадцатаго февраля?.. Благодарю васъ, Юрій Александровичъ! Да на что-же это похоже? Бабынька и я, въ Волинскомъ, никогда не манкировали: всегда, когда вы позовете, мы безпрекословно являлись въ вашу столовую! вспыхнула дѣвушка.—Вы значить и на масляницу не пріѣдете?

— Нельзя будетъ мнѣ пріѣхать: масляница близка къ девятнадцатому; чтобы не вздумали гдѣ-нибудь демонстрацію учинить! Да и на какомъ основаніи буду я имѣть право явиться въ городъ?}

— А на такомъ-же на какомъ вы теперь здѣсь! По вашему: на пустякѣ!

Вязьминъ раземѣялся.

— Да вѣдь нельзя-же, Зоя Владиміровна, каждый мѣсяцъ придумывать „пустяки“: репримандъ можно получить...

— Конечно! Зачѣмъ-же рисковать репримандомъ... Не стоитъ того... Я увѣрена, что и Ольхины и Петръ Николаичъ и Шаталовъ удивятся, что вы не захотѣли почтить насъ своимъ посѣщеніемъ! разгорячилась дѣвушка.

— Полноте, дорогая Зоя Владиміровна, улыбаясь, успокоивала ее Юрій:—я—вѣдь пошутить...

Такъ не шутятъ! Вы очень хорошо знаете, какъ мы... уважаемъ васъ... За что-же насъ оскорблять?

— Господь съ вами... откуда вы это взяли?... Я буду, непременно буду! Развѣ я посмѣю сдѣлать что-либо подобное?—Ну дайте ручку въ знакъ примиренія.

Зоя, улыбаясь, протянула ему руку, которую Вязьминъ поцѣловалъ.

— Что завтра дѣлать будете... визиты развозить? послѣ паузы, спросила дѣвушка.

— Съ утра, проводивъ Митю, отправлюсь къ Спасителю, лобъ покрестить, оттуда къ архіерею и къ Петру Николаичу: авось дастъ чего-нибудь перекусить!..

— Архіерея вы не застанете: онъ поѣхалъ ревизовать Петровскій монастырь: тамъ, дня три тому назадъ, пожаръ былъ.

— Карточку оставлю. Затѣмъ до трехъ часовъ—визиты дамамъ и обывателямъ, послѣ трехъ—властямъ и служащимъ.

— Обѣдать гдѣ будете?

— Возьму исправника и покормлю его въ „Якорѣ“, а вечеромъ займусь дѣлами.

— А сегодня? Отобѣдаете и домой?

— За кого вы меня принимаете? Я кажется немножко воспитанъ: знаю, что сейчасъ послѣ обѣда, никто, порядочный, не уѣзжаетъ!

— Ну, посидите для приличія часочекъ—и только васъ и видѣли!

— А вотъ, на зло вамъ, и чаю у васъ пашьюсь! раземѣялся Юрій.

— Почему-же не отъужинаете?

— Потому что это будетъ уже слишкомъ: нельзя надоѣдать тѣмъ, кто радушень!

— А вотъ я бабинькѣ это передамъ!

— Что ты хочешь передать, Зонька? спросила подошедшая изъ зала Надежда Васильевна:— здравствуйте Юрій Александрычъ!

Вязьминъ подошелъ къ рукѣ старушки.

— Юрій Александровичъ находить, что „остаться ужинать— это уже слишкомъ: нельзя надоѣдать тѣмъ, кто радушень!“ пожаловалась Зоя.

— Ну, это мы тамъ увидимъ! улыбнулась Канищева.

Часовъ около семи, явился Шаталовъ.

— Спасибо вамъ, Дмитрій Никитичъ, вдвойнѣ, весело поздоровалась съ нимъ Зоя:—и за то, что навѣстили насъ и за то, что теперь г. Вязьминъ, думаю, не уѣдетъ отъ насъ безъ ужина... Вы—вѣдь, надѣюсь, отужинаете?

— Всенепремѣнно! подходя къ рукѣ Надежды Васильевны, отвѣтилъ исправникъ. Меня такъ загонялъ губернаторъ, что я до нельзя радъ отвести душу въ вашемъ, словно родственномъ, домѣ! И Юрія-то только мелькомъ видѣлъ и поговорить съ нимъ толкомъ до сихъ поръ не могъ!

— Пойдемте чай пить, пригласила въ столовую Зоя.

Когда усѣлись, старушка спросила Шаталова:

— Что у насъ потише стало?

— Какое потише! Сегодня цѣлая процессія шла мимо полицейскаго управленія и я, со скрежетомъ зубомъ, глядѣлъ на это нахальство, не смѣя, по приказанію начальства, носъ высунуть на улицу! Это для того, чтобы жидовскія газеты прочитали: „была въ городѣ N. демонстрація такая-то,—полиція отсутствовала“. Хоронили умершаго въ больницѣ, какого-то ссыльнаго грузина крамольника; впереди несли красныя и черныя знамена, вѣйки съ красными лентами и революціонными на нихъ надписями: отъ здѣшняго комитета политическихъ ссыльныхъ (и таковой у насъ имѣется!), отъ мѣстной анархистской газетки „Свобода“ и др. За ними выступалъ хоръ музыкантовъ—любителей и хоръ пѣвчихъ; чередуясь, они всю дорогу исполняли революціонныя

пѣсни. Красный гробъ, покрытый краснымъ покровомъ, несли товарищи—грузины. За гробомъ шли ссыльные, „сознательные юноши“ и „передовыя дѣвицы“; послѣднія въ красныхъ платьяхъ и теплыхъ красныхъ кофтахъ. У могилы говорились зажигательныя рѣчи и собирались деньги въ пользу семьи „покойнаго политическаго ссыльнаго“; собрали, говорятъ, около ста рублей.—Каково видѣть и слушать эту вакханалію истинно русскому человѣку! Идетъ крамольная процессія, издѣвается надъ всѣмъ, что дорого ему, топчетъ въ грязь русскій народъ—не трогайте ссыльныхъ, не раздражайте ихъ—Полиція прячься! А когда ктиторъ градекаго собора Спасителя, Мякишевъ, по просьбѣ горожанъ, упростилъ архіерея отслужить на думской площади—торжественный молебенъ о прекращеніи смуты и обратился за разрѣшеніемъ къ губернатору—Увертышевъ сталъ упрасивать Мякишева: „не дѣлайте этого: молебенъ раздражитъ революціонеровъ; студенты и учащіеся затѣютъ демонстрацію и Богъ—вѣсть, чѣмъ это можетъ кончиться“!..

Такъ молебенъ и не состоялся!—За свой покой дрожить г. Увертышевъ!

— Но вѣдь это плохимъ можетъ кончиться для этихъ господъ, замѣтилъ Възмиръ: русскій человѣкъ терпѣливъ, но не дай Богъ его раздражить!

— Провертываются и комическія вещи! помолчавъ, разсмѣялся Шаталовъ.

— Ну расскажите, сказала Зоя.

— Когда манифестъ 17 октября сталъ здѣсь извѣстенъ—въ Народномъ домѣ и въ Губернской земской управѣ тотчасъ-же состоялись сходки, чтобы рѣшить вопросъ: „принять или не принять манифестъ?“—Ну, не комикли!

— Сообщу и я кой что изъ крестьянской среды, прибавилъ Юрій:—спрашиваютъ мужика: ну какъ тебѣ правятся: „свобода слова“ и „неприкосновенность личности“? Да ты понимаешь-ли что это значить?

— „Чего не понять: ругайся теперь во всю, гдѣ хошь, и пьяному валяться на улицѣ можно: въ морду никто теперь не зайдетъ, потому неограниченность!“

— Ну, да это все пустое, а что у насъ теперь въ городѣ дѣлается! продолжалъ Шаталовъ;—въ „Народномъ домѣ“, съ разрѣшенія администраціи, постоянные митинги: до

тысячи человекъ иногда собирается! Что тамъ говорится—уму непостижимо! Въ женской гимназiи орудуеть жидовка, жена Корсинскаго, предсѣдателя одного изъ правительственныхъ учрежденiй и главы „демократическаго союза“; она зазываетъ, по очереди, къ себѣ двѣицы высшихъ классовъ, совращаетъ ихъ и въ награду прищипливаетъ къ правому плечу красные баптики, и начальница гимназiи дозволяетъ носить ихъ! Нѣкоторыхъ, болѣе развитыхъ и надежныхъ, Корсинская беретъ съ собою на митинги въ „Народный домъ“ и затѣмъ у себя, за ужиномъ, разъясняетъ имъ смыслъ сказанныхъ рѣчей.—Все это извѣстно администрацiи, но она закрыла свои очи густымъ флеромъ, а уши заткнула самымъ крѣпкимъ „морскимъ канатомъ“ и опочила!

— Каково-то будетъ пробужденiе, замѣтилъ Вязьминъ, —а, по моему, такъ оно очень близко... Взрывъ 19 октября скоро повторится, конечно въ усиленной формѣ, и разбудитъ нашихъ заспавшихся правителей!

— Трудно, чтобы пробужденiе это было плодотворно, сказала Зоя:—не очень-то расшевелили ихъ московскiе ужасы!

Послѣ чаю началось пѣнiе, потомъ ужинъ и около десяти часовъ Шаталовъ и Вязьминъ отправились домой.

IV.

На другой день, не заставъ преосвященнаго дома и посидѣвъ недолго у ключаря кафедральнаго собора, о. Николая Смирницкаго, котораго очень любилъ, Вязьминъ, около полудня, поѣхалъ къ Сахаровымъ. Войдя въ переднюю, онъ крайне былъ удивленъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадованъ, услышавъ изъ залы голосъ Канищевой. „Такъ вотъ почему вчера она выспрашивала, какъ проведу я сегодняшнiй день!“ мелькнуло у него въ головѣ и онъ вошелъ въ залу. Поздоровавшись съ Ольгой Николаевной и Зоей, Юрiй спросилъ о Петрѣ Николаевичѣ и, не безъ удовольствiя, узналъ, что онъ отправился къ Федору Михайловичу Юшину, его бывшему сослуживцу, на имяннинный шпрогъ и ранѣе трехъ часовъ врядъ-ли вернется.

— А я вѣдь къ вамъ съ цѣлю заѣхалъ, улыбнулся Вязьминъ:—не покормите-ли вы меня чѣмъ-нибудь? Я вижу, что Зоя Владимiровна, изъ присущей ей деликатности, ничего не говоритъ вамъ...

— Вот и ошиблись: я раньше вашего попросила Ольгу Николаевну!

— И сейчасъ будетъ подана жареная навага... Вы ее любите? спросила Сахарова.

— И даже очень! Только у васъ вѣроятно лимона нѣтъ?

— Опять ошиблись: имѣется таковой!

— А у васъ промежутокъ между уроками? спросилъ, когда вышла Ольга Николаевна, Юрій.

— Да; улыбнулась Зоя.

— Отчего вы улыбнулись?

— Меня удивляетъ вашъ вопросъ: точно я и не бываю у Сахаровыхъ! Я очень рада, что столкнулась сегодня съ вами; съ завтрашняго дня васъ не увидишь—все въ сѣздѣ будете сидѣть!

— А потомъ уѣду въ Волынское и до двѣнадцатаго февраля!

— Вы кажется ужасно рветесь туда!

— Ужасно! Жду не дожусь, когда кончится сѣздъ!

Они взглянули другъ на друга и расхохотались. Вошла Наталья накрывать на столъ, а за нею Ольга Николаевна.

— Ахъ, Боже мой, совѣмъ было у меня изъ ума вонъ; вотъ вѣдь память какая стала! Братъ былъ сегодня у обѣдни въ монастырѣ и встрѣтилъ тамъ нашего пристава, который сообщилъ, что третьяго дня молодой Мерцаловъ женился на барышнѣ Львинской, послѣ ранней обѣдни, на второй станціи отсюда, и затѣмъ молодые уѣхали въ Москву. Вѣнчались они тайно, потому что Мерцалова не давала на это согласія. Это вѣрно, потому что пристава говорилъ шаферъ жениха, акцизный чиновникъ Смоленскій, только что вернувшійся.

— Воображаю, какъ разозлился племянничекъ Ивана Константиныча, Ванѣевъ! разсмѣялся Вязьминъ.

— А онъ очень любилъ Инну? спросила Зоя.

— Не думаю, чтобы очень: такіе люди, какъ Ванѣевъ, врядъ-ли могутъ любить сильно... Скорѣе, что только самолюбіе будетъ затронуто.

— А вы поѣдете къ Мерцаловой съ визитомъ? спросила Сахарова.

— Хотѣлъ, но теперь отдумалъ: еще подумаетъ, что я изъ любопытства пріѣхалъ... выпрашивать ее...

Наталья подала навагу и всѣ сѣли за столъ.

— Юрій Александрычъ, предложила Ольга Николаевна, ---водочки! Простите, что закуски нѣтъ, одинъ черный хлѣбъ.

— И больше ничего не надо... Вѣдь я просилъ васъ только что-нибудь дать, червячка заморить... Вчера Зоя Владиміровна поднесла намъ ужинъ, что твой обѣдъ!

— Полноте, преувеличиваете... у насъ была холодная нельма съ провансалемя и орѣховый тортъ—не Богъ вѣсть что! А вы его спросите, Ольга Николаевна, какъ въ Волынскомъ онъ насъ кормилъ!

— Ничего особеннаго! разведя руками и посмѣиваясь, возразилъ Вязминъ.—Лѣтомъ всегда легче разнообразить меню: овощи, свѣжая дичь и рыба, ягоды—все это подъ рукой...

— Да, это большой ударъ для Мерцаловой! послѣ паузы, сказала Сахарова:—При ея-то самолюбіи! Ей и въ голову не могло прійти, что только что кончившій ученье реальность такъ скоро вырвется изъ ея рукъ! Ну, да и барышня-то удалая!

— Главное для Мерцаловой то, добавилъ Юрій,—что ея Володя, подъ вліяніемъ Инны, сейчасъ же потребуетъ раздѣла и тогда Аннѣ Павловнѣ придется очень и очень сократить свой бюджетъ: нельзя уже будетъ жить по старому!

— И тогда жаловаться не на что, замѣтила Ольга Николаевна:—домъ свой, вдовья часть, пенсія... А Сонино наследство... вѣдь не сейчасъ же выйдетъ она замужъ!

— Вдовья часть не велика, домъ заложенъ. Конечно жить можно, и прилично, въ особенности въ ея годы, но вѣдь у Анны Павловны привычки прежнихъ баръ... При покойномъ генералѣ, домъ Мерцаловыхъ изъ нервыхъ былъ!

— Однако мнѣ пора, посмотрѣвъ на часы и вставая, сказала Зоя:—на уроки опаздывать нельзя... Благодарю васъ, дорогая, поцѣловала она хозяйку;—дядѣ мой поклонъ и сожалѣніе, что его не застала.

— Бабинькѣ кланяйтесь: соберусь какънибудь на-дняхъ.

— Отправляюсь и я по визитамъ, поднялся Вязминъ, цѣдую руку Сахаровой.—Вы въ какую сторону, Зоя Владиміровна.

— На бульваръ и затѣмъ въ Почтовую.

— Позвольте предложить вамъ моего возницу...

— А вы-то какъ-же?

— Онъ довезетъ васъ и вернется за мной: мнѣ тоже на бульваръ надо, а потомъ на Дворянскую.

Они вышли на улицу.

— Не хотите-ли пройтись со мной до поворота въ Почтовую?

— Съ великимъ-бы удовольствіемъ, но не смѣю!

— Это почему?

— Въ окнахъ много глазъ, а на бульварѣ праздныхъ гулякъ!

— И вы передаете этому значеніе?

— Вообще нѣтъ, но что можетъ касаться васъ—тщательно должно быть устранено!

— Тогда прощайте! подавая ему руку, ласково сказала Канищева.—До свиданія, хорошіи человѣкъ! вырвалось у нея.

— Да возьмите моего извозчика!

— Нѣтъ-нѣтъ, пѣшкомъ пойду, заторопилась она,— мерси!

Вязминъ велѣлъ извозчику повернуть назадъ и поѣхалъ дѣлать визиты.

Посѣтивъ знакомыхъ дамъ и, послѣ трехъ часовъ, вице-губернатора и прочихъ крупныхъ чиновниковъ, Вязминъ, какъ человѣкъ бережливый, заѣхалъ домой переѣхать сюртукъ на визитку и узнавъ, что Шаталовъ уже въ „Якорѣ“, направился туда. Онъ засталъ его въ отдѣльномъ кабинетѣ, читающимъ газету.

— Что новенькаго? спросилъ Юрій.

— Московскимъ градоначальникомъ назначень Рейнбольтъ; про него пишутъ, что онъ истинно-русскій человѣкъ, твердый, тактичный, у котораго слово никогда не расходится съ дѣломъ. Онъ проявилъ въ Финляндіи блестящія административныя способности. Бобриковъ сразу обратилъ на него вниманіе.—Въ Алупкѣ, 28 декабря, революціонеры зарѣзали, на глазахъ жены и пятерыхъ дѣтей, въ ихъ квартирѣ, мѣстнаго священника, о. Троипольскаго, за его постоянныя патріотическія проповѣди. О. Троипольскій, по призванію и убѣжденію, пошелъ въ священники изъ военной службы. Убійцы, къ счастью, схвачены.

— Ты заѣзжалъ объѣдъ? Какое меню?

— Разсолыникъ съ гусиными потрохами, растеганъ съ семгой, поросенокъ подъ хрѣномъ и бисквиты съ битыми сливками. Будетъ съ тебя?

За глаза!

— И меню доволенъ?

— Вполнѣ.

— Засталь Кейзерлинга?

— Сидѣлъ у него съ полчаса; очень былъ любезенъ... Недавно онъ въ Борисовскій уѣздъ ѣздилъ по какому-то секретному дѣлу. Очень хвалилъ становаго Ширяева, у котораго останавливался, и говорилъ, что его надо непременно повысить; я конечно отрекомендовалъ его, какъ слѣдуетъ. Ты не знаешь его?

— Нѣтъ: біографію его отъ тебя слышалъ... Да! Я вѣдь и забылъ тебѣ сказать, что часа въ три онъ былъ у насъ, карточку оставилъ и хотѣлъ завтра, передъ сѣздомъ, къ тебѣ заѣхать. Онъ остановился въ „Пассажѣ“.— Ну, однако пора и ѣсть, шестой часъ... Чего это Николашка копошится... Нажми кнопку, Юрій.

— Какъ вѣдь судьба людьми играетъ: думалъ-ли Ширяевъ, что ему придется быть волостнымъ писаремъ, писмоводителемъ за тридцать рублей жалованья и наконецъ, какъ милость, становымъ.

— Самъ виноватъ: пей да съ оглядкой! Кто говорить --жалъ молодца! Ну, а теперь ужъ отъ него зависить: благодаря Бога остепенился, попалъ на настоящую дорогу—и держись... И въ исправники попасть можетъ: Кейзерлинга губернаторъ слушаетъ...—Ну, Николаша, наконецъ-то ты прохладительное принесть! обратился Шаталовъ къ вошедшему лакею:—А закусить что?

— Бутерброды съ зернистой икрой.

— Отлично; а теперь тащи разсолъникъ и пирожки... Юрочка, давай вонзими!

Вонзили.

— Я вотъ что еще тебѣ скажу, продолжалъ Дмитрій Никитичъ:—таскаюсь я вѣдь вездѣ и, правду сказать, меня такъ любятъ; поэтому многое слышу и многое высасываю изъ болтуновъ, да и изъ бабъ тоже... Касьянову—крышка, если вздумаетъ баллотироваться... Говорятъ, впрочемъ, что онъ откажется передъ выборами... Очень, очень желаютъ Ольхина, да боятся, что не пойдетъ... Надо его подмаслить... Юрочка, ты-бы его наставилъ на путь истинный! Вѣдь если Иванъ Константинычъ будетъ губернскимъ—лафанамъ будетъ!

— Все это такъ, Митя, но трудно его подмаслить: ты знаешь до чего онъ упоренъ.

— А ты его благодѣющую струну затронь... Любить онъ добро дѣлать мелкимъ людишкамъ—вотъ ты и взыграй на ней! Опасаться губернатора—глупо: выберутъ Ольхина губернскимъ—тотъ-же Увертышевъ шкурку свою перемѣнитъ: вѣдь Иванъ Константиновичъ не Касьяновъ!

— Попробую... А только кажется мнѣ, что грибъ съѣмъ!

— Тамъ видно будетъ, а только ты, Юрочка, попробуй; попытка не пытка! Кстати у тебя и дипломатическая жилка есть! улыбнулся исправникъ.

— Это откуда ты взялъ?

— Помолчи-ка... я вотъ еще что скажу...—Возьмъ по второй: монополюшка бодритъ мозгъ и развязываетъ языкъ (они выжили)... Мнѣ говорили люди съ вѣсомъ, и не интриганы, что если Ольхинъ будетъ губернскимъ—тебя непременно выберутъ въ уѣздные. Особенно стоятъ за тебя конечно правые, а ихъ у насъ, слава Богу, больше лѣвыхъ. Боятся только, что ты не пожелаешь лишиться жалованья... —Пойдешь?

— Поиду; мнѣ надоѣло быть земскимъ начальникомъ при такомъ фальшивомъ и трусливомъ губернаторѣ, а что я лишусь тысячи пятисотъ рублей—такъ вѣдь я одинъ и могу сократить свои расходы.

Николай внесъ рассольникъ и пирожки и кузены занялись ѣдой.

Послѣ обѣда, не любившій откладывать что-либо до слѣдующаго дня, Вязьминъ, имѣя въ виду, что Ширяевъ прѣвзжалъ къ нему, можетъ-быть, по важному и спѣшному дѣлу и что завтра занятія въ сѣздѣ ранѣе пяти часовъ вечера не кончатся, а Ширяева отправить, пожалуй, завтра же обратно домой, рѣшилъ тотчасъ-же ѣхать въ „Пассажъ“. —Александра Сергѣевича онъ засталъ ходящимъ по номеру, какъ будто нѣсколько взволнованнаго. Поздоровавшись и поблагодаривъ Юрія за посѣщеніе, Ширяевъ разсказалъ ему слѣдующее:

— На-дняхъ я ѣздилъ въ Борисовъ, къ нашему исправнику Мальчевскому, съ докладомъ о пребываніи у меня вице-губернатора; вечеромъ у Мальчевскаго собрались гости, чтобы составить пульку, и въ числѣ ихъ акцизный надзиратель Износковъ, немолодой уже человекъ, только что вернувшійся изъ Н. Онъ сообщилъ, что ѣздилъ пока-

заться кому-нибудь изъ губернскихъ врачей, по поводу болѣзни печени. Въ N. ему посоветовали обратиться въ бесплатную больницу у Краснаго моста, весьма извѣстную въ городѣ. Каждый день, кромѣ праздниковъ, отъ 12 до 2-хъ часовъ дня, тамъ собираются разныхъ спеціальностей врачи, дѣлають осмотры приходящихъ больныхъ и прописываютъ рецепты; посѣтителей бываетъ много, въ особенности зимой; иной разъ число ихъ доходитъ до восьмидесяти! И представьте: содержаніемъ аптеки, приготовленіемъ по рецептамъ лекарствъ, статистикой и отчетностію завѣдуетъ одна молодая женщина-фельдшерница, лѣтъ двадцати пяти! И за всю эту работу—холодная квартира, въ двѣ комнаты, и тридцать рублей жалованья въ мѣсяцъ! Фельдшерницѣ данъ, правда, помощникъ, но только для мытья аптекарской посуды, содержанія въ чистотѣ инструментовъ и надзора за отопленіемъ и исправнымъ содержаніемъ больницы; помогать же фельдшерницѣ, въ составленіи лекарствъ, ему строжайше запрещено.—Износковъ рассказывалъ, что общіе отзывы объ этой фельдшерницѣ самые лестные и что она не только хорошо знаетъ свое дѣло, но и работаетъ черезчуръ добросовѣстно и не по силамъ. Говорятъ, что отъ переутомленія, она очень недалеко отъ чахотки, хотя нынче и поправилась, проживъ лѣто въ усадьбѣ Вязьмина, въ квартирѣ Канищевыхъ. Износкову она очень понравилась: вѣжливая, кроткая, очень красивая... Худенькая только... вѣроятно отъ занятій, плохого питанія и ужаснаго лекарственнаго запаха, которымъ пропитаны и мебель и стѣны. У фельдшерницы—дочь лѣтъ шести, которую она, говорятъ, обожаетъ...

— Ну, а дальше что? спросилъ Вязьминъ.

— А то, Юрій Александрычъ, остановясь передъ нимъ, серьезно отвѣтилъ Ширяевъ,—что фельдшерницу зовутъ Еленой Михайловной Коноплевою и что она-та несчастная, которую я развратилъ, пустилъ по міру и убилъ нравственно!

— Дѣда! раздумался Вязьминъ;—если вы хотите моей помощи—всегда къ вашимъ услугамъ! Но только въ чемъ—объясните.

— Если эта фельдшерница дѣйствительно моя бывшая Леночка,—то единственно чѣмъ могу я успокоить свою совѣсть—это жениться на ней и усыновить свою дочь... Благодаря Богу и добрымъ людямъ, я переродился...

Извините, что перебыю: вчера я былъ у Кейзерлинга; онъ говорилъ о своей поѣздкѣ въ Борисовскій уѣздъ, хвалилъ васъ и сказалъ, что „пристава Ширяева надо непременно повысить“.—Продолжайте...

— Думаю, что переродился: я позналъ Бога, по милости добраго пастыря, о. Смѣлкова, сталъ теперь не пролетаріемъ, не хулиганомъ и могу завести семью... Но захочетъ-ли Елена Михайловна простить своего раскаявшагося губителя?

— Добрыя рѣчи, добрыя желанія! растрогался Юрій.—Господь не отринетъ васъ, Александръ Сергѣичъ! Есть у меня и добрый человѣкъ, который поможетъ вамъ... Вы когда ѣдете обратно?

— Надо-бы завтра, но рискну еще однимъ денѣчкомъ: исправникъ ко мнѣ хорошъ...

— Есть съ вами ваша фотографическая карточка?

— Нѣтъ.

— А у Елены Михайловны?

— Должна быть.

— Теперь восьмой часъ, посмотрѣлъ на часы Вязьминъ;—можетъ быть я заѣду къ вамъ часовъ въ десять—будьте дома... До свиданія! обнялъ онъ Ширяева.—Надѣйтесь на Бога!

— Добрый вы человѣкъ! Помогите! низко поклонившись, всхлипнулъ Ширяевъ.

Изъ „Пассажа“ Вязьминъ поѣхалъ къ Канищевымъ. Зоя была дома; Юрій объяснилъ все случившееся бабушкѣ и внучкѣ: Надежда Васильевна посоветовала Зоѣ ѣхать сейчасъ-же къ Коноплевой и устроить доброе дѣло.

Черезъ полчаса дѣвушка вернулась радостная: кроткая Леночка не только прощала Ширяева, но просила поскорѣй привезти его къ ней: прежняя любовь къ своему обольстителю, любовь къ дочери, которая нашла, наконецъ, отца, охватили ея доброе сердце. Рѣшено было, что Вязьминъ вновь отправится къ Ширяеву и передастъ ему все, что Коноплева сообщила Канищевой.

V.

Вязьминъ всталъ рано; его разбудилъ Шаталовъ, собиравшійся ѣхать въ уѣздъ, по приказанію губернатора:

— Чтобъ у него носъ раздуло, у аспида! горячился исправникъ, торопливо допивая второй стаканъ чаю.—Вѣдь что обидно: вперёдъ знаю, что на вздоръ посылаетъ!

— А я думалъ, что вмѣстѣ пообѣдаемъ... И меню даже придумалъ! потягиваясь на кровати, сказалъ Юрій.

— Чорта съ два! Славную мнѣ тамъ, въ Богородскомъ правленіи, меню приготовятъ!—Ну, Арсеній Григорычъ, оболочай меня! обратился Дмитрій Никитичъ къ лакею.—Чемоданъ и погребецъ уложены? Кибитку осматривалъ?

Все въ порядкѣ... будьте покойны.

— Ты когда вернешься? спросилъ Юрій.

— А Господь знаетъ! Хотѣлось-бы завтра къ ночи воротить—да врядъ-ли съ тамошними идіотами сладись!

Они простились и Вязьминъ сталъ одѣваться.

Около десяти часовъ пріѣхалъ Ширяевъ, веселый, радостный и сообщилъ, что онъ вполнѣ счастливъ, что онъ поклялся употребить всѣ старанія, чтобы заставить Леночку забыть прожитыя ею тяжелыя шесть лѣтъ. Ширяевъ сообщилъ, что получилъ отъ Мальчевскаго, по телеграфу, разрѣшеніе пробить еще три дня въ N., что свадьба ихъ состоится еще до масляницы, въ томъ селѣ, гдѣ его станъ, и что послѣзавтра Леночка сдастъ должность, а во вторникъ, 24, рано утромъ они уѣдутъ въ Борисовъ.

Поздравивъ Ширяева и крѣпко обнявъ его, Юрій спросилъ:

— Простите, дорогой мой, за нескромный вопросъ: а деньги у васъ есть?

— Достаточно, чтобы обвѣнчаться и устроиться; вѣдь мы, Юрій Александрычъ, обѣдовъ дѣлать не станемъ, обстановки, кромѣ самой необходимой, заводить не будемъ—да и для кого? Въ селѣ только вдовый священникъ, фельдшеръ и акушерка; даже земскаго начальника по близости нѣтъ.

— А далеко вашъ станъ отъ Борисова?

— Двадцать двѣ версты.

— Однако, Александръ Сергѣичъ, ѣхавши сюда вы не знали, чѣмъ кончится ваша поѣздка?

— Конечно, не зналъ; но денегъ у меня такъ мало, что всѣ они вмѣщаются въ мой бумажникъ, слѣдовательно отдавать на сохраненіе нечего! размѣялся Ширяевъ.

— А занятую треть жалованья вы еще не погасили?

— Осталось немного...

— Нѣтъ, Александръ Сергѣичъ, послѣ паузы, вставъ съ кресла, сказалъ Вязьминъ,—такъ дѣлать нельзя: на первыхъ-же порахъ—и вдругъ забота о деньгахъ! Да къ чему ваше обѣщаніе успокоитъ и утѣшитъ молодую жену, когда, чуть не тотчасъ-же послѣ вѣнца, ей придется имѣть дѣло съ долгами, лишеніями и разными неприятностями?.. Прошу васъ, сердечно прошу: примите отъ меня займы хоть двѣсти рублей... Заплатите, когда поправитесь... Не думайте, что этимъ вы меня стѣсните: я совершенно нечаянно продалъ выгодно лѣсъ и долгъ дворянина заставляетъ меня помочь собрату въ тяжелую минуту... И сейчасъ съѣзжу въ банкъ и около пяти часовъ, по окончаніи засѣданія, завезу вамъ деньги въ „Пассажъ“. До свиданія, голубчикъ, и ради Бога болѣе ни слова!

Склонивъ голову, Ширяевъ молча вышелъ въ переднюю и видно было, какъ сдерживалъ онъ блестящія въ глазахъ слезы...

По окончаніи занятій въ сѣздѣ, Вязьминъ заѣхалъ въ „Пассажъ“, передалъ Ширяеву деньги, отобѣдалъ въ „Якорѣ“ и около семи часовъ отправился въ лечебницу, къ Коноплевой. Тамъ засталъ онъ жениха и Зою.—Леночка, радостная, чуть не плачущая отъ восторга, встрѣтила Юрія, какъ стараго знакомаго, въ дверяхъ пріемной и горячо поблагодарила за поздравленіе.

— А вамъ ничего не сказалъ Александръ Сергѣичъ о Кейзерлингѣ, вице-губернаторѣ? поцѣловавъ руки ея и Зою, спросилъ Вязьминъ.

— Нѣтъ, отвѣтила она, какъ-то удивившись и взглянувъ на Ширяева.

— Третьяго дня, я'былъ у него съ визитомъ; на прошлой недѣлѣ онъ ѣздилъ въ Борисовскій уѣздъ и останавливался у вашего жениха. Кейзерлингъ очень хвалилъ его и сказалъ, что „такого становаго надо непременно пови-

силь".—Какъ-же это вы, Александръ Сергѣичъ, не порадовали этимъ Елену Михайловну?

— У меня отъ радости и память отшибло!

Леночка любовно взглянула на жениха.

— Не забудьте, а если не надѣетесь на память,—на бумажкѣ черкните, улыбнулся Юрій,—что необходимо вамъ представиться Ольхину и поблагодарить его. Пока вы тамъ у себя будете хозяйство заводить, Иванъ Константинычъ сработаетъ вамъ повышение—помяните мое слово! Такъ что вы, Елена Михайловна, не очень-то обзаводитесь: легче переѣзжать будетъ на новое мѣсто!

— Дай-то Богъ! Спасибо вамъ за пожеланіе!

— Устроить! весело сказала Зоя:—Оба добрые!

Юрій поклонился.

— Не за что: я правду говорю! отвѣтила Канницева.— А между прочимъ васъ моя дорогая бабинька проситъ завтра отобѣдать у нея, вмѣстѣ съ женихомъ и невѣстой, будете?

— Еще бы! Въ которомъ часу прикажете явиться?

— Зная, что засѣданія сѣзда кончаются поздно, бабинька перенесла свой обѣденный часъ съ четырехъ на пять часовъ.

— Однако имѣю честь кланяться! обратился Вязьминъ къ Коноплеовой и Ширяеву. Миѣ надо ѣхать еще въ два мѣста, а времени мало.

— Вы куда теперь? спросила Зоя.

— Къ Надеждѣ Васильевнѣ.

— И я туда-же... Довезите меня...

Они вышли и сѣли въ сани; Юрій сказалъ, куда ѣхать.

— Вы удивлены? спросила дѣвушка по французски.— Можетъ-быть сердитесь, что я не устраняю то, что должно быть устраняемо? Помните свой вчерашній отвѣтъ?

— Помню; но теперь темно и поводъ къ моему вчерашнему отвѣту не существуетъ...

— Вы зачѣмъ ѣдете къ бабинькѣ?

— Просить ее и васъ отобѣдать послѣ завтра у меня, въ квартирѣ Шаталова, вмѣстѣ съ женихомъ и невѣстой... Приѣдетъ бабинька, какъ вы думаете?

— Не знаю.

— А если не приѣдетъ, отпустить васъ?

— Тоже не знаю.

— Да что-же это такое... вѣдь это просто бѣда! воскликнулъ Вязьминъ.

Зоя разсмѣялась.

— Убѣдите бабненьку... она такъ васъ любитъ!

— А если въ эту минуту она охладится ко мнѣ?

— Подогрѣйте ее заранѣе!

— Худо все это! покачалъ головой Юрій.

— А вотъ что, милостивый государь, послѣ паузы, замѣтила Канищева:—вы опять принялись за то-же... опять двѣсти рублей жениху дали?

— Откуда вы это знаете?

— Леночка сказала.

— Болтунъ этотъ Шпряевъ!

— Бранить его не за что: онъ такъ былъ тронутъ вашей добротой, что не утерпѣлъ и передалъ невѣстѣ; это вполне естественно.

— Естественно и то, Зоя Владиміровна, что я не могъ равнодушно видѣть положеніе жениха и невѣсты, съ грошамъ въ карманѣ, въ тотъ моментъ, когда такъ хорошо кончился шестилѣтній разрывъ и когда бѣдная, брошенная молодая женщина, съ малюткой—дочкой, коснулась наконецъ наступающаго счастья!

— Естественно и то, что я сейчасъ скажу: вы, Юрій Александровичъ,—человѣкъ съ сердцемъ!

Они доѣхали молча до бабушкина дома.

Надежда Васильевна обѣщала пріѣхать къ обѣду, а въ случаѣ недомоганія отпустить Зою.

Въ воскресенье, послѣ обѣда у Вязьмина, часовъ около семи, Канищевы уѣхали домой, а Шпряевъ съ невѣстой и Шаталовымъ собрались въ театръ, потѣшить Елену Михайловну передъ отъѣздомъ; билеты были взяты уже заранѣе. Юрій, какъ его ни просили, отъ театра отказался и, приведя въ квартирѣ все въ порядокъ, расплатившись съ „Якоремъ“, часу въ девятомъ поѣхалъ къ Канищевымъ ужинать. Не успѣли они встать изъ-за стола, какъ вдругъ раздался сильный звонокъ и въ столовую влетѣлъ Шаталовъ, взволнованный и раскраснѣвшійся...

— Что съ вами? спросила поблѣднѣвшая Зоя. Несчастіе?

— Не совсѣмъ... но чего мы натерпѣлись!

— Да что такое — говори! крикнулъ нетерпѣливо Вязьминъ.

— Раненъ жандармскій адъютантъ, Кульчевскій, и гимназистка лѣтъ четырнадцати... Послѣдняя случайно.

— Опасно?

— Кульчевскій — нѣтъ, а дѣвочка плохо!

— О Господи! Какіе дни переживаемъ! глухо проговорила старушка и слезы блеснули въ ея глазахъ. Когда все это кончится!

— Ну продолжай-же, Митя! нервно просилъ Юрій.

— Кульчевскій сидѣлъ въ первомъ ряду, справа средняго прохода, на мѣстѣ полковника Томилова; въ третьемъ ряду, на крайнемъ стулѣ, но съ лѣвой стороны прохода сидѣла молоденькая дѣвушка, вся въ черномъ; возлѣ нея — ссыльный (какъ потомъ оказалось), лѣтъ тридцати, длинноволосый, въ черной блузѣ. За стуломъ дѣвушки сидѣлъ Ширяевъ, а за ссыльнымъ — Коноплева и рядомъ съ ней я. Прошло первое дѣйствіе, спустили занавѣсъ и заигралъ оркестръ; публика зашевелилась и потянулась къ выходамъ... Вдругъ выстрѣлъ... Мгновенно Ширяевъ схватилъ дѣвушку за руки, вышибъ у нея револьверъ и крикнулъ: „Ко мнѣ!.. Скорѣй!“ — Я инстинктивно взглянулъ на ея сосѣда и, видя что онъ поднимаетъ револьверъ, чтобы убить Ширяева и освободить преступницу, сейчасъ-же, изо всѣхъ силъ ударилъ его кулакомъ по башкѣ и „освободитель“, ошеломленный, опустился на стулъ. Тутъ ужъ на него набросились и порядочно поколотили. Убійца, какъ ни вертѣлась, вырваться изъ рукъ Ширяева не смогла: парень здоровый! Хаосъ былъ страшный, паника охватила публику. Крики: „доктора!“, „торопитесь!“, истерическія слезы и вопли раздавались повсюду... Кульчевскаго на-скоро забинтовали и повели подъ руки, гимназистку понесли на рукахъ: бѣдняжка была безъ памяти. Подоспѣвшая полиція взяла отъ Ширяева убійцу и ея избитаго защитника и, подъ большимъ конвоемъ, повела изъ театра. Публика стала выходить, оркестръ замолкъ. — По разслѣдованіи, оказалось, что черная дѣвица выстрѣлила Кульчевскому въ спину въ то время, когда онъ только что миновалъ убійцу; рана, къ счастью, не

опасна: пуля разорвала сюртукъ, прошла по ребрамъ праваго бока и пробила насквозь грудь, подъ лѣвой ключицей, дѣвочки—гимназистки.—Господи! Что и было: столпотвореніе вавилонское!

— А Леночка что? спросила Зоя.

— Замерла отъ испуга! Впрочемъ все это совершилось такъ быстро, что отдѣльные эпизоды трудно было и уловить! Потомъ составили протоколъ, а убійцу съ „товарищемъ“ разсадили по „секретнымъ“. Черная дѣвица фамилии своей не назвала и очень спокойно сообщила, что исполнила только приговоръ революціоннаго комитета. Стрѣляла въ Кульчевскаго за то, что тотъ многихъ „товарищей“ предалъ въ руки правосудія и вообще человекъ опасный для „дѣла“ и чрезвычайно энергичный. Убійца увѣряла, что Кульчевскій, если и выздоровѣетъ, будетъ непременно убитъ. „Затѣмъ, отвѣчать на ваши вопросы я больше не буду“, заявила она:—„смерти не боюсь и очень сожалею, что не убила наповаль ненавистнаго мнѣ жандарма!“

Позвонили—и, черезъ минуту, горничная доложила:

— Дмитрія Никитича губернаторъ требуетъ... Поллицейскій пріѣхалъ.

— Пожалуйста вернитесь къ намъ, сказала Зоя:—мы будемъ еще бодрствовать.

И я спать не пойду, добавила Надежда Васильевна, —губернаторъ долго васъ вѣроятно не продержитъ.

— Ну, теперь Увертышевъ навѣрно разозленъ на Ширяева и Митю: городская полиція, съ любимцемъ губернаторомъ, полиціймейстеромъ Шинкаревымъ во главѣ, прозѣвали инцидентъ. Простые зрители, хотя и чины уѣздной полиціи, предупредили убійство! замѣтилъ Вязьминъ. Ну, да пока Иванъ Константиновичъ живъ—Увертышевъ неопасенъ ни Дмитрію, ни Ширяеву!

Черезъ полчаса, Шаталовъ вернулся невеселый, но не безъ юмора.

— Ввели меня во святилище, сирѣчь въ кабинетъ, сядься въ кресло, началъ онъ; великій жрецъ, онъ-же сатрапъ Увертышевъ, завидя меня въ дверяхъ, сталъ въ начальническую позу и спросилъ:

— Почему не явились вы ко мнѣ сейчасъ-же, доложить о случившемся?

— Г. полицмейстеръ поѣхалъ къ вашему превосходительству тотчасъ-же по составленіи протокола и я считалъ неумѣстнымъ докладывать о происшествіи, случившемся въ предѣлахъ города.

— А исполнять обязанности городской полиціи?

— Я дѣйствовалъ какъ частный человѣкъ.

— Благодарю васъ, холодно сказалъ губернаторъ, что вы не допустили убійства Ширяева, но мнѣ было-бы еще пріятнѣе, если бы дѣйствія ваши не напомнили мнѣ минувшее время... Грубость, насиліе—не должны практиковаться полиціей: это не въ духѣ времени!—Помѣшался, сердечный, на „духъ“!

— Ваше превосходительство, да еслибъ я не ошеломилъ во время и какъ слѣдуетъ защитника убійцы—Ширяевъ былъ-бы навѣрно убитъ, а съ нимъ могли пострадать и другіе, въ родѣ гимназистки; черная-же дѣвица, пользуясь сумятицей, преблагополучно-бы скрылась!

— Вы можетъ-быть искалѣчили ссыльнаго!

— Не думаю. Во всякомъ случаѣ, ваше превосходительство, если я и помялъ его—зато спасъ человѣка, оказавшаго большую услугу правосудію задержаніемъ преступницы, имѣвшей полную возможность выпустить всѣ семь пуль и уложить семь человѣкъ. Она—анархистка до мозга костей и ни во что считаетъ жизнь людей не ея лагеря. Гдѣ-то на югѣ, тоже въ театрѣ, ранившій полиціимейстера крамольникъ, спасаясь отъ преслѣдователей, убилъ и ранилъ пять человѣкъ и только тогда застрѣлился самъ, когда его загнали въ какую-то каморку, изъ которой не было выхода.

— А становой Ширяевъ когда ѣдетъ? не слушая меня, спросилъ губернаторъ.

— Послѣ завтра, рано утромъ, вмѣстѣ съ невѣстой.

— Почему не завтра?

— Завтра утромъ невѣста его сдастъ свою должность и все, что было въ ея вѣдѣніи.

— Скажите ему, что я приказываю выѣхать непременно завтра въ ночь: нечего ему жить здѣсь такъ долго...

— Слушаю-съ, но, ваше превосходительство, Ширяевъ живетъ здѣсь съ позволенія исправника и всего четвертый день... ему надо было приготовиться къ свадьбѣ...

— Какія тамъ приготовленія! Пусть ѣдетъ!

Увертышевъ кивнулъ головою и аудіенція кончилась.

— Бойтся, что бунтари обозлятся и подошлютъ ему бомбиста! размѣялся Шаталовъ.—Оттого и золь!

— Ну и губернаторъ! вздохнулъ Вязьминъ:—Вотъ и служи подь начальствомъ такого человѣка!

VI.

Анна Павловна Мерцалова только что вернулась съ вокзала, гдѣ она встрѣчала свою старшую сестру, Марію Павловну Бертеневу, бѣличку одного изъ ближайшихъ къ N. монастырей, и въ столовой пила съ ней чай. Марья Павловнѣ было подь шестьдесятъ; удалилась она отъ міра лѣтъ пятнадцать тому назадъ, послѣ трагической смерти мужа (онъ погибъ во время крушенія поѣзда), котораго страстно любила, и единственной, уже взрослой дочери, умершей отъ дифтерита. Имѣя средства, Бертенева служила Богу и ближнему. Анна Павловна, потрясенная свадьбой сына и не имѣя въ г. N. никого, съ которымъ-бы могла посовѣтоваться и поговорить откровенно, сейчасъ-же послѣ исчезновенія Володи, вызвала въ N. сестру, съ которой она всегда была дружна. Добрая и отзывчивая Марья Павловна явилась тотчасъ-же.

— Итакъ отъ Владиміра до сихъ поръ ни строчки? продолжала она разговоръ.—Знаешь что, Аня: не волнуйся и не представляй себѣ все въ черномъ свѣтѣ... Володя молодецъ, увлеченъ страстью, наконецъ ему просто стыдно за свой поступокъ. Онъ не знаетъ, какъ и начать письмо къ тебѣ...

— Это все штуки Инны, сердито перебила сестру Мерцалова:—Ей надо поссорить насъ, чтобы потомъ легче было начать раздѣлъ! Она дрянная дѣвчонка; хитрая, жадная, безсердечная!

— Полно, Аня, успокаивала сестру Марья Павловна:—Люди они молодые, полюбились другъ другу... въ чаду теперь... Ты подумай: что-же было имъ дѣлать? Свадьбы этой тебѣ не хотѣлось, ты рѣшительно отказалась дать свое согласіе...

— Этой пронырѣ не Володя былъ нуженъ, раздражалась Мерцалова,—а состояніе его! И что хорошаго нашель

въ ней мой сынокъ? Смазливая рожца, нѣкоторое умѣніе держать себя въ обществѣ—и только! Ни особеннаго образованія, ни особыхъ качествъ, а тѣмъ болѣе талантовъ—ничего этого въ ней нѣтъ! А насчетъ приданого и говорить нечего: мизерныя пять тысячъ, которыя сейчасъ-же уйдутъ на тряпки—вотъ и весь капиталъ!

— Аня, милая... браки въ небѣ совершаются!

— Полно пожалуйста! Это у васъ въ монастырѣ приду-мали... „На Бога надѣйся, а самъ не плошай!“

— Мірское ты приводишь, а я цитирую изъ писаній: „Безъ воли Божіей, волосъ съ головы нашей не упадетъ!“

— Богъ далъ намъ свободную волю, Маша... Теперь я вижу, что Владиміръ—безвольный и глухой мальчишка: его, заурядная, но наглая, дѣвчонка забрала въ руки и на себя женила! Вотъ ты посмотри: очень скоро она заставитъ его раздѣлиться съ нами, земли и лѣса обратятся въ деньги, а денежки попадутъ въ карманъ Инны... И ротозѣй мой будетъ у нея подъ башмакомъ!

Мерцалова даже раскраснѣлась отъ волненія.

— Что-же мнѣ дѣлать, Маша? послѣ паузы, продолжала она. —Какъ выйти изъ этого глупаго положенія? Вѣдь надо какъ-нибудь объяснить обществу этотъ скандальный эпизодъ!

— Скандальнаго тутъ я ничего не вижу; непокорность волѣ матери—да, на лицо!.. Но, Аня, подумай: вѣдь то, что прежде считалось чуть не преступленіемъ—теперь даже не преслѣдуется! Стукнуло совершеннолѣтіе—и вольный казакъ! Теперь въ семьѣ имѣютъ силу только нравственныя связи: любовь къ родителямъ, вѣра въ ихъ опытность, разумность и полную безкорыстность ихъ совѣтовъ; нѣтъ этой связи и родительская власть—нуль!

— Вотъ до чего мы дожили!.. Да, Маша, ты права: но съ обществомъ то что мнѣ дѣлать? Не объявлять же мнѣ, что сынъ мой игнорировалъ меня, родную мать, и собирается вырвать изъ общаго состоянія свой крупнѣйшій кусокъ!

— Послѣднее еще не совершилось... что-же касается тайнаго вѣнчанія,—можно объяснить его тѣмъ, что молодые люди не желали помпы, лишнихъ расходовъ и проч. Что ты согласилась на эту таинственность и сама посовѣтовала имъ провести первое время въ Москвѣ и поискать себѣ

службу... Мало-ли что можно придумать... А тамъ что будутъ болтать кумушки -не все-ли равно: поболтають и смолкнутъ.

— Но вѣдь меня осмѣютъ, когда узнаютъ, что мой сынъ продѣлалъ этотъ „самокрутъ“ съ моего согласія! Скажутъ: Мерцаловой жаль было бросить нѣсколько сотъ рублей и сдѣлать приличную свадьбу! Хороша генеральша! При покойномъ генералѣ такъ-бы не поступили: вѣдь изъ первыхъ дворянъ Мерцаловы были!

— Все это вздоръ, Аня: пустое тщеславіе! Неужели можно обращать вниманіе на то, что скажутъ злые языки?

— Ты все по монашески! недовольнымъ тономъ возразила хозяйка. Съ волками жить—по волчьи выть!

— Н—нѣтъ! Развѣ случится что-либо очень серьезное; можно тогда и повить... Но чтобы жить постоянно по волчьи и подвывать имъ постоянно— слуга покорная!

Позвонили

— Примешь? спросила Бертеньева

— Не хочется!

— Прими, Аня... и сдѣлай такъ, какъ я говорила: право другого исхода нѣтъ.

— Вице-губернаторъ! доложила горничная.

— Проси! и Мерцалова пошла въ гостиную.

— Какъ здоровье бѣдной гимназистки, Павелъ Федорычъ? совершенно оправившись, спросила она, когда они усѣлись.

— Рана серьезная, но не настолько, чтобы можно было опасаться за жизнь дѣвушки, по крайней мѣрѣ хирургъ нашъ заявляетъ.

— А Кульчевскій?

— Тотъ скоро выищется... Счастіе, что пуля только скользнула по ребрамъ, а не переломала ихъ!

— Они оба въ больницѣ „Краснаго Креста“ лежатъ?

— Да, и охраняются полиціей... Около дома Томилова тоже полицейскіе у обоихъ выходовъ.

— А вы что-же, баронъ, перебила его смѣясь хозяйка, —не поздравляете меня съ молодыми?

Кейзерлингъ смутался нѣсколько.

— Простите, я и забылъ, Анна Павловна! Заговорился о раненыхъ.

— Вамъ вѣроятно показалось страннымъ, что сынъ

мой, какъ будто, тайкомъ женился? Фантазія молодежи: не захотѣли парада, излишняго расхода... Мы живемъ теперь въ такое время, когда все дѣлается какъ-то на выворотъ: въ ходу эксцентричность, пренебреженіе старыми обычаями—поневоля приходится подчиняться! Впрочемъ, мои молодые, по моему, поступили умно: сбереженные ими деньги они съ большимъ удовольствіемъ истратятъ въ Москвѣ.

— Они въ Москвѣ теперь?

— Да; сейчасъ-же послѣ вѣнца они отправились туда. Ну, а что у насъ новенькаго, Павель Федорычъ, по части политики? Я, хотя и получаю газеты, но сплошь и рядомъ пропускаю много.

Ничего утѣшительнаго: не унимаются революціонеры... Не такъ давно въ *** сразу арестовано двадцать шесть человѣкъ, и все изъ ссыльных! Заняли городскую водокачку и въ разныхъ мѣстахъ города разставили вооруженные отряды. Явились войска, полиція, стражники... Чтобы не проливать кровь—цѣлыхъ шесть часовъ уговаривали крамольниковъ сдаться и ни къ чему не пришли. На попытку солдатъ войти въ домъ—революціонеры дали залпъ: двухъ солдатъ убили, трехъ ранили; тогда уже отвѣтило войско и тотчасъ-же на крышѣ показался бѣлый платокъ. Солдаты прекратили стрѣльбу; оказалось восемь убитыхъ и одиннадцать раненыхъ. Но какъ вы думаете, Анна Павловна, кто эти революціонеры? Прощенные ссыльные, земскіе служашіе, желѣзно-дорожники, но больше всѣхъ гимназисты, реалисты и курсетки! И такихъ-то несчастныхъ цыплятъ вербуютъ главаря, чтобы подставлять ихъ подъ пули!

— Негодяи! Какіе бездушные негодяи!

— Волненія среди крестьянъ новгородской губерніи, слава Богу, прекратились; агитировавшіе учителя: сельскій и реальнаго училища арестованы. Правыя газеты давно утверждаютъ, что аграрные беспорядки вызваны исключительно агитаціей революціонеровъ, а лѣвыя газеты все слятся доказать, что революція охватила народъ, что крестьяне мстятъ помѣщикамъ и правительству!

Помѣщикамъ! Да за что мстить и кому? Старые помѣщики перемерли или продали свои усадьбы, а новые землевладѣльцы разныхъ сословій рады—радешеньки, если ихъ оставляютъ въ покоѣ окрестные мужики!

— Ну что... прекрасно у тебя вышло! похвалила Бертеньева сестру, когда та, проводивъ вице-губернатора, снова сошлась съ ней въ столовой.

— А ты гдѣ-же подслушивала? разсмѣялась Мерцалова.

— Въ угловой сидѣла; потомъ, когда онъ началъ о политикѣ говорить, я ушла.

— Когда Соня придетъ изъ гимназіи, надо будетъ рассказать ей умненько о свадьбѣ Володи... Можетъ-быть она ужъ и слышала: у нихъ въ гимназіи всю подноготную знаютъ!

— Конечно скрывать нечего.

— Я за это не берусь, Маша... ужъ ты, милая, помоги мнѣ въ этомъ.

— Хорошо.

— Меня ужасно беспокоитъ молчаніе Владиміра: вѣдь цѣлая недѣля прошла... Здоровъ-ли онъ!

— Полно пожалуйста убиваться: и здоровъ и веселъ! Просто трудно ему написать... Молодежь вообще не мастера писать письма, особенно обдуманная и серьезная.

— Гдѣ онъ деньги досталъ?.. Безъ денегъ не только жить въ Москвѣ, но и вѣнчаться было нельзя... Инна развѣ дала—врядъ-ли!

— Занялъ у когонибудь: вѣдь всѣ знаютъ, что состояніе у него есть и что онъ—совершеннолѣтній, отвѣтила Бертеньева.

Вошла горничная, съ письмомъ на подносѣ; взглянувъ на надпись и разорвавъ конвертъ, Мерцалова тревожно объявила по французски:

— Отъ него!

Горничная вышла.

Анна Павловна придвинулась къ сестрѣ и вполголоса начала читать:

„Дорогая мамочка!“

„Прости меня что я тайно уѣхалъ и женился, но поступить иначе я не могъ: ты наотрѣзъ отказала мнѣ дать согласіе на бракъ мой съ Инной, а между тѣмъ я далъ слово жениться на ней... Обмануть ее было-бы безчестно и грѣшно. Крѣпко цѣлую твои ручки и еще разъ прошу прощенія!“

„Преданный тебѣ сынъ Владиміръ“.

„Не откажи заплатить за меня чиновнику Григорію Ивановичу Гиммельбродскому (Никольская, 9) восемьсотъ рублей и взять отъ него мой вексель, срокъ которому 16-го февраля“.

— Письмо какое-то дѣтское, холодное... только для проформы написано... Не мало занялъ! Интриганку свою веселить будетъ, а мать мучься!.. Невѣстушка хоть-бы изъ приличія строчку приписала!

— Аня, ты меня извини: что-же станеть она писать, когда ей извѣстно, что ты и слышать не хотѣла объ этой свадьбѣ?

— Откуда возьму я теперь восемьсотъ рублей—сумма немаленькая! И пишетъ точно приказчику: „заплати“, „вексель возьми“... Все диктовка Инки!

— Не волнуйся, будь благоразумна: сдѣланнаго не вернешь! Деньги я тебѣ вышлю, печего безпокоиться.

— Мерси, родная! поцѣловала сестру Мерцалова.—Теперь ясно, что она будетъ стремиться разсорить меня съ Владиміромъ и потомъ заставить его выдѣлиться!

— Ничего яснаго я не вижу... Все перемелется... Ты-то вотъ будь помягче, не дѣлай изъ мухи слона!

Вбѣжала Соня.

— Мамочка, что у насъ въ гимназіи дѣлается! (Она радостно поцѣловала тѣтку и мать). Сегодня, вскорѣ послѣ полудня, вломились къ намъ въ классъ четыре депутата, отъ мужской гимназіи и реального училища, съ требованіемъ немедленно прекратить ученіе и не являться въ гимназію до тѣхъ поръ, пока забастовочный комитетъ не разрѣшитъ возобновить занятія. Шелъ у насъ урокъ географіи. Преподаватель, г. Усовъ, просилъ депутатовъ удалиться и не мѣшать намъ, но депутаты дерзко отнеслись къ учителю и пригрозили, что если онъ сейчасъ-же не выйдетъ изъ класса и дѣвницы его не очистятъ—дѣло осложнится! По уходѣ депутатовъ, большинство нашихъ ученицъ сложили свои тетрадки и книги и стали уходить, несмотря на усовѣщиванія Усова. Не прошло и пяти минутъ, какъ въ классѣ осталось насъ всего шестеро.—„Что-же дѣлать, барышни... Противъ рожна не пойдешь!“ опечалился Усовъ.—Обратимся къ начальницѣ; бояться намъ нечего: мы поступаемъ корректно“.—Пошли мы къ начальницѣ: „Ихъ нѣту... къ губер-

натору изволили уѣхать... вотъ, какія нибудь четверть часа!“ сообщили намъ швейцарь.—Такъ, мамочка, мы и ушли и, когда мы одѣвались въ прихожей, вся старшая гимназія уже сбѣгала съ парадной лѣстницы, веселая и торопливая, перемѣшанная съ денутатами и всегдашними знакомыми Введенской улицы! Классныхъ дамъ я не видала: онѣ вѣроятно скрылись! Ну что-же, мамочка, теперь мнѣ дѣлать? До экзаменовъ осталось и всего два съ чѣмъ-то мѣсяца, а если эта забастовка протянется долго или доведутъ до того, что гимназію закроютъ—вѣдь у меня цѣлый годъ пропадетъ и мои надежды на медаль тоже! Съ чѣмъ-же я явлюсь на курсы?—Ахъ, мамочка, какъ все это ужасно! А тутъ еще надъ Володей смѣются: рыцаремъ печальнаго образа, почему-то называютъ! Есть, говорятъ, статейка о немъ въ революціонной газеткѣ „Наше право!“

Анна Павловна и Бертеньева переглянулись.

— Сходи-ка ты, Соничка, лаская племянницу, сказала Марья Павловна,—закуси, поней чайку да и приходи къ намъ: поговоримъ.—Ну, и времена-же настали! вздохнула Бертеньева, когда дѣвушка удалилась.

VII.

На другой день послѣ закрытія сѣзда Вязьминъ уѣхалъ въ Волынское. Тотчасъ-же по пріѣздѣ онъ осмотрѣлъ скотъ и лошадей, провѣрилъ хозяйственные расходъ и приходъ и въ нѣсколько дней собралъ свѣдѣнія о политическомъ настроеніи обитателей с. Волынскаго и окрестныхъ деревень. Много помогъ ему въ этомъ о. Павелъ: кромѣ своего прихода, маститый пастыръ зналъ до совершенства всю „округу“, отъ мала до велика, и безошибочно могъ назвать по именамъ „порченныхъ“ мужиковъ, постороннихъ агитаторовъ и сбитыхъ съ толку, пріѣзжавшихъ домой на святки, учащихся. Слухъ о покушеніи на жандармскаго адъютанта и смѣлой находчивости Ширяева дошелъ и до Волынскаго; за исключеніемъ очень немногихъ, крестьяне радовались поимкѣ „убійцы“ и спрашивали, „неужели ее не повѣсятъ?“—Во Владычномъ бурное настроеніе мигомъ утихло, когда крестьяне узнали, что у Варнавина былъ обыскъ, что учитель увезенъ въ губерлію и что братцы его и храбре, на

бывшихъ сходахъ, крикуны призваны будутъ къ отвѣту. Вязьминъ во Владычное не поѣхалъ въ виду того, что еще во время пребыванія въ N. онъ, на требованіе Томилова, официально сообщилъ ему подробно о нелегальныхъ дѣйствіяхъ Варнавица и владыченскихъ крестьянъ. Посвятивъ первые дни разбору дѣлъ и канцелярскимъ занятіямъ, Юрій отправился въ объѣздъ волостей, по мнѣнію его, несомнѣннѣе надежныхъ, и поѣздка его оказалась не безуспѣшной: въ одной изъ нихъ Вязьмину донесли, что недавно избранный старшина Савичевъ, изъ петербуржцевъ, подружился съ мѣстнымъ учителемъ—развивателемъ молодежи, и въ компаніи съ нимъ и земскимъ фельдшеромъ, за ужиномъ съ выпивкой, обсуждаютъ и пускаютъ въ оборотъ все нужное для развращенія и озлобленія народа. Помогаетъ имъ въ этомъ земскій почтарь, доставляющій для распространенія революціонныя листки, брошюры, воззванія и пр., конечно не безъ вѣдома земской уравы. Юрій пробылъ въ этой волости подолѣе, успѣшно провѣрилъ все ему должное и дѣйствія тайныхъ крамольниковъ оказались еще болѣе опасными, чѣмъ донесли Вязьмину. Вернувшись послѣ объѣзда въ Волинское, онъ тотчасъ же оформилъ собранныя имъ свѣдѣнія, лично переписалъ, въ двухъ экземплярахъ, представленіе и, разобравъ всѣ назначенныя имъ дѣла, накануне 11 февраля поѣхалъ въ N.

Вы опять пожаловали сюда? съ усмѣшкой, спросилъ Юрія губернаторъ, когда 11 февраля утромъ онъ представился ему.—Вѣроятно что-нибудь слѣшное?

Вязьминъ подалъ ему бумагу.

— Въ настоящее тревожное время, все, что касается развращенія и озлобленія народа противъ правительства, по моему, ваше превосходительство, слѣшное и я счелъ своимъ долгомъ немедленно доложить вамъ.

Увертышевъ, стоя, прочелъ бумагу. Неудовольствіе выразилось на его лицѣ и на щекахъ появились красныя пятна.

— Я васъ неоднократно просилъ, съ раздраженіемъ сказалъ онъ:—больше умиротворять, чѣмъ преслѣдовать и не дѣлать изъ мухи слона!

Юрій вспыхнулъ, но сдержался.

— Моя обязанность, ваше превосходительство, какъ земскаго начальника, быть попечителемъ надъ сельскими обывателями по охраненію благочинія, общественнаго порядка, спокойствія, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ; этого требуетъ Высочайшій указъ 12 іюля 1889 г.

— Но вы всегда преувеличиваете опасность... Вопреки указу, вы извращаете Высочайшую волю, берете на себя роль сыщика! Да-да—сыщика! разгорячился губернаторъ. —Вы подкапываетесь подъ людей, вы раздуваете ихъ проступки! Роль незавидная для дворянина! совѣмъ уже забьлся Увертышевъ.

Вязьминъ, весь блѣдный, холодно возразилъ.

— Ваше превосходительство, назвавъ меня „сыщикомъ“, какъ будто желали оскорбить меня, но вы ошиблись: названіе „сыщикъ“ не можетъ быть приравнено словамъ: воръ, каторжникъ и т. п. Государственная служба, какая-бы она ни была, не можетъ быть унижительной: и сыщикъ, и земскій начальникъ, и губернаторъ—состоятъ на службѣ Его Императорскому Величеству и разнятся только функціями и служебнымъ положеніемъ!

Юрій сухо поклонился и направился къ выходу.

— Отправляйтесь сейчасъ-же въ свой участокъ—здѣсь вамъ дѣлать нечего!

Вязьминъ обернулся, съ презрѣніемъ взглянулъ на губернатора и молча вышелъ. Сидѣвшій въ пріемной у двери кабинета сѣдой старичокъ пошелъ вслѣдъ за Юріемъ и на крыльцѣ остановилъ его:

— Я—Вишняковъ, Степанъ Григорьичъ, здѣшній помѣщикъ... т. е., по нынѣшнему,—землевладѣлецъ;—никакъ не могу привыкнуть къ этой кличкѣ... Честь имѣю рекомендоваться; впрочемъ вы видали меня на губернскихъ земскихъ собраніяхъ. Позвольте вашу руку... Ручку честнаго, воспитаннаго дворянина! Я все слышалъ и, если вамъ угодно, буду свидѣтелемъ... Я всѣмъ расскажу... Я—человѣкъ независимый и ничѣмъ меня г. Увертышевъ не устраситъ!—Что намѣрены вы дѣлать?

— Сейчасъ-же пошлю прошеніе объ отставкѣ, а затѣмъ подумую.

— Вотъ моя карточка, съ адресомъ... Если я вамъ понадобитсяъ—всегда къ вашимъ услугамъ!

Вязьминъ крѣпко пожалъ его руку.

— Вотъ какіе люди нами правятъ! И въ теперешнее время! вздохнулъ старичокъ.

— Обидно, Степанъ Григорычъ! Служишь честно, горячо желаешь добра Россіи—и вдругъ такіе реприманды!

— „Будьте посредственны“, усмѣхнулся Вишняковъ, — „свѣтъ васъ выдвинетъ впередъ: онъ любитъ покровительствовать слабымъ; будьте даровиты—тотъ же свѣтъ повернется къ вамъ спиной или будетъ смотрѣть на васъ равнодушно“; г. Увертышевъ одинъ изъ представителей этого свѣта!

Они прошли нѣсколько шаговъ.

— Какъ же вы, Степанъ Григорычъ, пріемную оставили: а вдругъ позовутъ?

— Сегодня я не буду тревожить его превосходительство: очень они мнѣ непріятны показались... да и дѣло неспѣшное, по „народно-русскому союзу“; тамъ я членомъ совѣта.—А вы не записались?.. Извините: какъ позволите величать васъ?

— Юрій Александровичъ... Не успѣлъ еще записаться; все больше въ разъѣздахъ; а въ городъ пріѣдешь—времени не хватаетъ.

— Запишитесь, Юрій Александровичъ: дѣло наше, съ Божьей помощію, подвигается, очень подвигается... Теперь членовъ уже до четырехъ сотъ, а отдѣлъ союза открытъ и всего-то мѣсяць съ чѣмъ-то. Новый предсѣдатель, Николай Федорычъ Владычанскій—вы его знаете? (Вязьминъ утвердительно кивнулъ головой),—прекрасный человекъ! Даромъ что немолодой—говоритъ отлично: горячо, красиво... А ужъ о черносотенности, объ энергичности—и говоритъ нечего! Къ тому же—дворянинъ совершенно независимый, дѣльный... Побывайте у насъ: право вамъ понравится! Мы—вѣдь васъ хорошо знаемъ, слышаны: „Богъ, Царь, Отечество“ вашъ девизъ! усмѣхнулся старикъ.—Намъ такіе-то люди и нужны!

— Такъ запишите меня, Степанъ Григорычъ, сколько прикажете за билетъ?

— Полтинникъ.

— А можно рубль? улыбнулся Юрій, вынимая монету.

— Очень будемъ рады; билетъ пришлю вамъ по городской почтѣ, принимая деньги, сказалъ старикъ.

Они подошли къ бульвару.

— Сядемте, Степанъ Григорьичъ, указывая на скамейку, предложилъ Вязьминъ:—поговоримъ... гуляющихъ мало, день чудный. И очень радъ, что встрѣтилъ васъ и очень желаю познакомиться съ вами поближе; запишусь и буду непременно на ближайшемъ засѣданіи.—Скажите: отчего же прежній предсѣдатель, Ситниковъ, ушелъ?

— Ну, знаете, напрасно его и выбирали: купецъ онъ хотя и богатый, но малообразованный, ни съ какимъ дѣломъ, кромѣ торговли, незнакомый, не изъ храбрецовъ, а время-то нынче бойкое, того и гляди изъ-за угла прищелкнутъ—ну и отказался. И двухъ недѣль не высидѣлъ на предсѣдательскомъ креслѣ!

— А гдѣ у васъ собираются?

— У одного изъ членовъ совѣта, купца Сбруева, Григорія Яковлевича; человекъ одинокій, состоятельный, вдовецъ... Два сына у него: одинъ—офицеръ, другой—студентъ, оба въ Москвѣ проживаютъ, а самъ Сбруевъ со старухой сестрой живетъ. Домъ большой, прежній барскій, залъ—человекъ двѣсти вмѣститъ. Да вы навѣрно видали его: на Зведенской, недалеко отъ церкви, одно-этажный съ мезониномъ, сѣрой краской окрашенъ, а колонны—бѣлыя.

— Знаю; прежде Лисицына былъ.

— У Лисицына Сбруевъ и купилъ, съ молотка; а прежде домъ Важницкому принадлежалъ, богатому барину... еще псовой охотой славился...

Помолчали.

— А вы, Степанъ Григорьичъ, всю зиму въ городѣ живете?

— Какъ хлѣбъ вымолотятъ—такъ я съ женой и переселяюсь сюда, въ свой домишко; хорошо, что не продалъ его во время горячки, когда дворяне дома чуть не за грошъ продавали, а въ началѣ мая опять въ усадьбу. Дѣтей при насъ нѣтъ: сынъ служитъ въ тамбовскомъ дворянскомъ банкѣ, а дочь замужемъ за инженеръ-полковникомъ въ Двинскѣ.

— Довольны вы старостой и работниками?

— Поневоля́ будешь доволенъ, когда лучшихъ нѣтъ! Честень, трезвъ—и слава Богу! Но нынѣшнему такихъ хватать нужно, даромъ, что можетъ-быть мямля или съ лѣнцою, а то на такого налетѣшь, что хоть волкомъ вой! Строго говоря, надо-бы бросить всѣ эти сельско-хозяйственныя заботы, отдать усадьбу въ аренду, пока еще берутъ, или, и того лучше, продать—да жаль: прилипли мы, старые помѣщики, къ землѣ, не хочется отъ нея отрываться... Каждое деревцо, каждый кустикъ дороги! А какъ разстанешься съ домомъ, въ которомъ каждый уголь о чемъ-нибудь напоминаетъ, гдѣ жили дѣдъ, родители, навѣщали и ласкали насъ, дѣтей, добрые родные, просто сердечные помѣщики, гдѣ близки были намъ богомольныя няни, балуны-садовники, угодливые дворовые!—Рабочихъ въ нашемъ бѣлозерскомъ уѣздѣ трудно найти; большая часть въ отхожихъ промыслахъ. Нанимаемъ изъ сосѣднихъ губерній; какъ наступить конецъ марта или начало апрѣля—такъ рабочіе, обонхъ половъ, и потянутся вереницами въ N., а оттуда въ ближайшіе города, кто въ усадьбы, кто на фабрики.

— А тихо у васъ?

— Ничего... Пока, Богъ милуетъ.

— Вы позволите мнѣ, Степанъ Григорьичъ, представиться вашей супругѣ? вставая съ скамьи и прощаясь съ Вишняковымъ, спросилъ Юрій.

— Очень будемъ рады! крѣпко пожалъ его руку старичокъ.—Мы почти всегда дома: гдѣ ужъ намъ по гостямъ развѣзжать!

Простившись съ Вишняковымъ, Вязьминъ взялъ извозчика и поѣхалъ домой; написавъ прошеніе объ отставкѣ и о мѣсячномъ отпускѣ, онъ свезъ пакетъ правителю губернаторской канцеляріи, закурилъ на-скоро въ „Якорѣ“ и направился къ Сахаровымъ.

Петръ Николаевичъ всплеснулъ руками, выслушавъ рассказъ Юрія; объ Ольгѣ Николаевнѣ и говорить нечего: добрая старушка заплакала.

— Да зачѣмъ ужъ вы такъ скоро въ отставку подали? Обдумали-бы, съ Иваномъ Константинычемъ-бы посовѣтовались... Эхъ! Кипучая вязьминская натура! совершенно разстроился старикъ.

— И я посовѣтуюсь... о дальнѣйшемъ; но въ отставку

выйду—это уже рѣшено! Развѣ можно служить съ такими фальшивыми, грубыми и нечестными губернаторами?

— Голубчикъ вы мой, вмѣшалась Ольга Николаевна, — да вѣдь вы почти двухъ тысячъ лишитесь... Откуда-же вы ихъ возьмете?

— Дорогая моя, честь-то вѣдь дороже денегъ! Не хватитъ ихъ—часть лѣса продамъ... По милости Божіей, не бѣднякъ-же я какой... А на счетъ мѣста—добрые люди найдутся, безъ службы не оставятъ...

— Дай Господи! вздохнулъ старикъ.

— Вотъ о васъ, мой милый старичокъ, надо подумать: ваши обстоятельства похуже моихъ... Мы съ Иваномъ Константиновичемъ кой-что уже придумали...—Пойдете въ опеку?

— Дворянскую?

— Конечно.

— На мѣсто скончавшагося Рубцова?

— Да.

— Еще-бы не пойти... да вѣдь поди кандидатовъ много—гдѣ мнѣ съ ними тягаться!

— Кандидатовъ пока нѣтъ; да вы забыли вѣрно, что Рубцовъ былъ отъ N-скаго уѣзда?

— Ну такъ что-жь?

— А то, что баллотировать васъ будетъ N-скій уѣздъ, а предводителемъ его состоитъ генералъ Ольхинъ.

— И, думаете, я пройду? Хорошо бы!

— Конечно ручаться нельзя, а почему не попробовать: попытка—не пытка!

— Какіе вы однако хорошіе: обо мнѣ, убогомъ стариченкѣ, заботитесь! заморгаль глазами Сахаровъ.

— Милый старичокъ,—не раскисайте! Мы, грѣшные, только орудіе Божьяго милосердія: сами отъ себя ничего сдѣлать не можемъ!—Однако прощайте... Мнѣ еще во много мѣстъ заѣхать надо.

— Ну вотъ: напорошилъ въ глаза—и тягу!—Къ Ольхинимъ поѣдете?

— И къ Ольхинимъ и мало-ли куда!.. Къ бабушкѣ заѣду, усмѣхнулся Юрій.

— Конечно! Что влучка: такъ себѣ... По свѣтски приметь... Умѣетъ держать себя! разсмѣялся и Сахаровъ.

Звонокъ. Наталья пошла отворять.

— Да вотъ не она-ли? поспѣшилъ онъ къ дверямъ въ переднюю.—Такъ и есть! Зонька, милая! поцѣловалъ руку племянницы Сахаровъ.

— А я только что поминать, что ты насъ забыла, солгалъ старикъ.

— Утромъ некогда было, дядя, а по вечерамъ темно и не безопасно: выдумали хулиганы, да говорятъ и милиція, стрѣлять по ночамъ, пугать обывателей...

Дѣвушка поздоровалась съ Ольгой Николаевной и обратилась къ Вязьмину:

— Давно-ли пріѣхали?

— Вчера вечеромъ.

Всѣ усѣлись около преддиваннаго стола.

— У него горе, Зонька, жалобно проговорила старушка.

— Какое? быстро обернулась къ Юрію Канщева.

— Въ отставку подалъ! продолжала Сахарова.—Говорила ему, что поторопился.

— Да въ чемъ дѣло? нетерпѣливо спросила Вязьмина Зоя.

Онъ передалъ ей разговоръ свой съ губернаторомъ; лицо Зои просвѣтлѣло.

— Какъ теперь онъ безъ службы будетъ! сокрушалась старушка.

— И съ Иваномъ Константинычемъ не посоветовался, пожаловался Сахаровъ;—какъ отъ губернатора вышелъ—такъ сейчасъ-же и суцулъ правителю отставку!

— По моему, дядя, сказала Зоя,—Юрій Александрычъ поступилъ такъ, какъ слѣдовало: что было ему дѣлать? Служить съ такимъ начальникомъ, послѣ бывшаго столкновѣнія,—невозможно; наговорить ему дерзостей или оскорбить его публично—это отрекомендовать себя невоспитаннымъ человѣкомъ и себѣ напортить... Мнѣ кажется, что холодные, но вѣжливые отвѣты Юрія Александровича и прощальный его поклонъ—лучшее, что могъ онъ сдѣлать. Я увѣрена, что всѣ порядочные люди похвалятъ его и обвинять г. Увертышева. Вишняковъ вѣроятно уже трубитъ о его поступкѣ... Онъ, какъ я слышала, терпѣть не можетъ губернатора и не боится. Говорятъ, что онъ—человѣкъ хорошій, честный и весьма порядочный.

— Благодарю васъ, Зоя Владиміровна: вы высказали то, чѣмъ и я руководился... Мои дорогіе старички поражены этимъ случаемъ изъ любви ко мнѣ. Имъ кажется этотъ конфликтъ болѣе серьезнымъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности. Посмотримъ, что скажетъ Иванъ Константинычъ!

— Думаю, что скажетъ то-же самое. Вы поѣдете къ нему?

— Хотѣлъ ѣхать сейчасъ и къ нему и къ Томилову, но теперь подожду.

-- А который часъ?

-- Безъ двадцати минутъ три, отвѣтилъ Вязьминъ.

— Олинька! Хоть-бы закусить дала... пирожковъ нѣтъ-ли? спросилъ Петръ Николаевичъ.

— Сейчасъ-сейчасъ! встала съ дивана Сахарова. — Зонька, чайку хотите?

— Нѣтъ, дорогая; пирожокъ съѣмъ и домой.

Вошла Наталья.

— Григорій-кирпичникъ пришелъ... Проситъ поскорѣе: ему надо домой, въ деревню, поспѣть.

-- Извините: это гогъ-магогъ моего завода; вѣроятно рядиться на весну явился. Надо стаканчикъ поднести: двѣнадцатый годъ у меня первымъ работникомъ состоить.

-- Ну какъ вы себя чувствуете... потрясены? заботливо спросила дѣвушка, когда Петръ Николаевичъ ушелъ.

— Нисколько! улыбнулся Вязьминъ:—Я теперь въ N. поживу!

— А въ Волинское будете только набѣзжать?

— Да; надо будетъ дѣла сдать, наконецъ нельзя и хозяйство, безъ личнаго наблюденія, оставлять. Впрочемъ послѣднее ужъ послѣ дворянскаго собранія.

— А кому дѣла сдадите?

— Язвину; онъ человекъ хороній.

— Какая однако грубая личность Увертышевъ! Вы не видѣли еще Шаталова?

— Некогда было. — А завтра я къ вамъ только къ четыремъ часамъ приѣду. (Онъ пристально взглянулъ на Зою).

— Ну что-жь... какъ хотите, слегка вспыхнула она. — А сегодня вечеркомъ заглянете?

— А вы никого не ждете?

— Развѣ Ольхиныхъ... да врядъ-ли... Впрочемъ вы

узнайте у нихъ...—Ахъ, Боже мой, какъ я разсѣянна: благодарю васъ за куропатокъ, Юрій Александровичъ!

Онъ поцѣловаль протянутую ему руку.

— Когда-же ваша отставка выйдетъ? помолчавъ спросила Канищева.

— Черезъ мѣсяць, не ранѣе.

— Не жаль вамъ оставлять эту должность: вы такъ любили ее?

— Конечно жаль... привыкъ... Но съ такимъ начальствомъ служить нельзя: развѣ это патриотъ, развѣ это вѣрный царскій слуга,—Увертышевъ?.. Ему все равно: процвѣтаетъ-ли Россія или гибнетъ! Двадцатое число, награды—вотъ боги подобныхъ людей!

Вошла Ольга Николаевна съ пирожками, а за ней Наталья съ посудой и салфетками.

Отъ Сахаровыхъ Вязьминъ поѣхалъ къ Томилову. Извнясь, что явился не во время, Юрій подробно разсказаль Павлу Григорьевичу о своемъ столкновеніи съ губернаторомъ, о томъ, что весь разговоръ слышалъ Вишняковъ и подалъ конію своего представленія по дѣлу старшины Савичева.

Отъ всей души скорблю я, Юрій Александровичъ, прочитавъ бумагу, сказалъ Томиловъ,—о вашемъ уходѣ: такого энергичнаго, дѣльнаго земскаго начальника намъ скоро не дожидаться! Но я вполнѣ понимаю, что вамъ служить съ г. Увертышевымъ—невозможно. Я вѣдь очень хорошо знаю, что съ самого пріѣзда въ N. онъ не взлюбилъ васъ; не любить и Извина, а Ольхина такъ просто не перевариваетъ! Увертышеву нужны не люди, а людишки, поддѣлывающіеся подъ его взгляды и убѣжденія, безвольные исполнители его воли. Увертышевъ—это фруктъ новѣйшихъ оранжерей города Петербурга: фруктъ этотъ получился отъ прививки къ старымъ, могучимъ деревьямъ, поваго, гибкаго, выращеннаго на рыхлой, искусственной почвѣ столичными садоводами, отпрыска, въ каталогѣ ихнемъ еще не получившаго названія, но къ сожалѣнію быстро размножающагося!—Я сейчасъ-же дамъ ходъ дѣлу о Савичевѣ и такъ-же, какъ и

съ Варнавинымъ было, попрошу у васъ подробныхъ свѣдѣній, а о вашемъ сегодняшнемъ инцидентѣ съ губернаторомъ,—это между нами, сообщу въ Петербургъ.

Расклапавшись съ Томиловымъ, Вязьминъ заѣхалъ къ Ольхинымъ; Иванъ Константиновичъ одобрилъ рѣшеніе Юрія, обѣщалъ серьезно переговорить по этому поводу съ губернаторомъ и звалъ Вязьмина вечеромъ къ Канищевымъ, но тотъ отказался, подъ какимъ-то предлогомъ, и посидѣвъ съ полчаса—отправился домой. Отобѣдавшій Шаталовъ уже спалъ; поэтому Юрію, оставивъ ему записку, что часа черезъ два онъ вернется, отправился въ „Якорь“.

VIII.

Очередное дворянское собраніе было открыто губернаторомъ 1-го марта; дворянъ съѣхалось порядочно: около двухсотъ, а шаровъ насчитывалось до двухсотъ пятидесяти. За недѣлю до открытія, Касьяновъ прислалъ заявленіе, что баллотироваться въ какія-либо дворянскія должности не желаетъ и въ собраніе не явится, но болѣзни. Въ отправленіе должности губернскаго предводителя дворянства вступилъ Иванъ Константиновичъ Ольхинъ, какъ предводитель N-скаго уѣзда. Первый день открытія, какъ и всегда, ограничился одною формой; по объявленіи губернаторомъ объ открытіи собранія, около часу дня, дворяне, съ губернаторомъ во главѣ, въ мундирахъ, отправились въ кафедральный соборъ, гдѣ мѣстнымъ преосвященнымъ сказано было хотя и краткое, но весьма теплое и назидательное слово, отслуженъ былъ торжественный, съ провозглашеніемъ многолѣтія, молебенъ и затѣмъ—приводъ къ присягѣ. Вернувшись изъ собора, дворяне заняли свои мѣста вокругъ длиннаго стола, именуемаго „губернскимъ столомъ“, поставленнаго перпендикулярно портрету Государя Императора, во весь ростъ, въ великолѣпной золоченой рамѣ. Столъ былъ покрытъ краснымъ сукномъ, съ золотою бахромой и золотыми на углахъ кистями; среди стола поставлены были зеркало и изящный старинный ларецъ съ дворянскою грамотой. Большое золоченое кресло губернскаго предводителя, съ гербомъ губерніи на спинкѣ, стояло подъ Царскимъ портретомъ, во главѣ стола направо и налѣво предводительскаго кресла тянулись

такія-же кресла, немного поменьше, съ гербами уѣздовъ, для уѣздныхъ предводителей дворянства, депутатовъ и секретаря. Столы канцелярши и письмоводителя помѣщались около оконъ. Напротивъ портрета и „губернскаго стола“, большіе хоры были заняты аристократической публикой, преимущественно дамами. Когда все успѣлось, прочитаны были статьи закона, списокъ прибывшихъ дворянъ, съ обозначеніемъ принадлежащихъ имъ шаровъ: одиночныхъ (своихъ) и двойныхъ (по довѣрію), извѣщенія дворянъ о невозможности прибыть въ собраніе, по разнымъ причинамъ, отчетъ по приходу и расходу дворянскихъ суммъ, ходатайства, движеніе дворянскихъ стипендій и проч. Все касающееся суммъ и капиталовъ передавалось въ ревизіонную комиссію.

Около пяти часовъ засѣданіе кончилось. Въ послѣдующіе три дня, съ полудня и до шести часовъ, занялись обсужденіемъ серьезныхъ дѣлъ, а на шестое число (пятое марта было воскресенье) назначены были выборы секретаря дворянства, депутатовъ, членовъ опеки, представителей дворянства въ разныхъ учрежденіяхъ и подъ конецъ—уѣздныхъ предводителей.

Петръ Николаевичъ былъ избранъ членомъ опеки; присутствовавшій на хорахъ Дмитрій Никитичъ поспѣшилъ отправиться съ этою доброю вѣстью къ Сахаровымъ. Старикъ, измученный ожиданіемъ, со слезами обнялъ Шаталова, прокричавшаго еще съ порога передней громкое „ура“, а Ольга Николаевна чуть не впала въ истерику. Закусили чѣмъ Богъ послалъ и Дмитрій Никитичъ покатишь къ Каницевымъ; но тамъ уже знали: Вязьминъ запиской, посланной съ извозчикомъ, уже извѣстилъ Надежду Васильевну.

Наступилъ наконецъ финалъ собранія: выборъ губернскаго предводителя. Седьмого марта, съ полудня, начали собираться не только дворяне, но и посѣтители хоръ; къ часо хоры были переполнены, несмотря на то, что впускали только по билетамъ. Шумно и оживленно ходили по залу и гостиною группы дворянъ; весело и нетерпѣливо раздавались на хорахъ женскіе голоса. Но вотъ Ольхинъ подошелъ къ столу, позвонилъ и попросилъ г.г. дворянъ занять мѣста. Все смолкло; затворили двери въ аванзалу и гостиную. Иванъ Константиновичъ предложилъ письмоводителю про-

честь протоколъ вчерашняго засѣданія; онъ былъ одобренъ и сданъ въ канцелярію для переписки. Заслушано было ходатайство губернскаго предводителя о награжденіи письмоводителя и писцовъ канцеляріи за трехлѣтній періодъ: ходатайство было утверждено безъ преній. Ольхинъ доложилъ собранію, что какъ дѣла такъ и провѣрочныя занятія коммисіи исчерпаны и что теперь слѣдуетъ приступить къ выбору на должность губернскаго предводителя двухъ кандидатовъ... Задвигались стулья и кресла, стали подниматься члены собранія и спланиваться въ одну большую группу; заговорили сначала вполголоса, потомъ все громче и громче... Кто то крикнулъ: „Ивана Константиныча просить!“ и мигомъ раздались голоса: „Ваше превосходительство, мы васъ просимъ!“... „Не отказывайтесь!“ „Просимъ!“... „Васъ и никого больше!“ и толпа придвинулась къ столу и окружила Ольхина. Иванъ Константиновичъ благодарилъ, но сдержанно; ссылаясь на свои года, на болѣзненность—просьбы становились все настойчивѣе, толпа тѣснила генерала все больше... На хорахъ дамы встали и направили рѣзче nez и лорнеты на Ольхина и его окружающихъ; смѣхъ все чаще и чаще пробѣгалъ по хорамъ. Наконецъ все смолкло, толпа отодвинулась... Иванъ Константиновичъ пригласилъ старшаго изъ предводителей занять его мѣсто на время баллотировки, а самъ ушелъ въ гостиную: онъ согласился. Минуть черезъ двадцать, въ залѣ все стихло; слышался только стукъ шаровъ спускаемыхъ въ тарелку и монотонный голосъ предводителя, считающаго: „пять, шесть, семь и т. д. и окончательный результатъ: 212 избирательныхъ, 34 неизбирательныхъ—избранъ!“—Двери въ гостинную распахнулись и дворяне, толкаясь и тѣся избранныго, восторженно кричали, лоя его руку: „Поздравляемъ!“... „Благодаримъ!“... „Вотъ такъ избраніе!“—Иванъ Константиновичъ вышелъ въ залъ: громъ рукоплесканій привѣтствовалъ его съ хоръ, дамы махали платками. Ольхинъ пригласилъ дворянъ занять мѣста и объявилъ, что теперь слѣдуетъ избрать втораго кандидата. Взявши предложилъ себя. Пробаллотировали и онъ оказался избраннымъ 152 избирательными противъ 94 неизбирательныхъ. Затѣмъ объявленъ перерывъ до семи часовъ вечера. Хоры опустѣли и всѣ дворяне, цѣпсключая и дамъ, поѣхали въ домъ Ольхиныхъ.

Вязьминъ, захвативъ Шаталова, ранѣе всѣхъ поздравилъ Марью Николаевну; она была въ восторгѣ. Рядомъ съ ней сидѣли Надежда Васильевна и Зоя. Пріѣхалъ Сахаровъ. Затѣмъ стали подъѣзжать дворяне. Иванъ Константиновичъ немного запоздалъ: онъ былъ у губернатора. Внесли шампанское и начались поздравленія. Вскорѣ явился губернаторъ съ супругою. Губернаторша, плотная, высокая брюнетка, лѣтъ около пятидесяти, вѣроятно когда-то красивая, съ веселымъ видомъ, быстро подошла къ хозяйкѣ и, ослабившись, пожала ей руку, поздравляя. Сидѣвшимъ вокругъ дамамъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ знакомыхъ, Увертышева сухо поклонилась. Прінявъ поданный ей бокалъ, она какъ-то дѣланно, вторично поздравила Марью Николаевну, а также и подошедшаго Ивана Константиновича. Какъ настоящая свѣтская дама, поздравила Ольхинныхъ Мерцалова, наговорила имъ массу любезностей, поздоровалась съ губернаторшей и Канищевыми и замѣтила Юрію, что онъ совсѣмъ забылъ ее и даже не поздравилъ съ женитьбой сына. Последнее вызвало на нѣкоторыхъ лицахъ удивленіе и даже улыбки. Губернаторъ видимо старался быть развязнымъ и любезнымъ, но это ему не удавалось; вообще не свѣтскій, всегда угрюмый, онъ не былъ пріученъ скрывать свои чувства и казаться веселымъ тогда, когда досада терзала его. А досада была не маленькая: Ольхинъ—не Касьяновъ, которымъ командовалъ Увертышевъ, какъ своимъ подчиненнымъ; онъ сознавалъ, что съ новымъ предводителемъ ему придется сталкиваться не разъ и не всегда выигрывать: Ольхинъ независимъ, имѣетъ связи, характеръ стойкій; съ избраннаго имъ прямого пути его не сдвинешь! Онъ—не дипломатъ; его не поймашь на какомъ-нибудь хитросплетенномъ выпадѣ: дѣйствуетъ открыто, смѣло, безъ лукавства. Съ такимъ человѣкомъ надо быть всегда на сторожѣ... Губернаторъ обошелъ всѣхъ собравшихся; знакомымъ подавалъ руку, съ остальными раскланивался. Вязьмина удостоилъ только поклономъ. Минуть черезъ пять Увертышевы уѣхали.

Къ Юрію подошелъ Вишняковъ.

— Видѣли, какъ радъ губернаторъ? Какъ дружески потрясъ руку виновнику торжества?.. А супруга.. до того обрадовалась, такую улыбку растянула, поздравляя Марью

Николаеву, что я думалъ всѣ свои зубы показать! Комики!.. Какъ-то вотъ теперь съ Иваномъ Константиновичемъ ладить будутъ... Съ Касьяновымъ у нихъ все шито-крыто было! — Приѣзжайте въ союзъ въ будущее воскресенье: Владычанскій будетъ рѣчь говорить на тему: „о неприкосновенности частной собственности“. Въ предпроеое воскресенье онъ сказалъ чудную, горячую рѣчь, по поводу Царскихъ словъ депутаціи г. Иванова-Вознесенска! Собралось насъ до трехсотъ членовъ и всѣ, какъ одинъ человекъ, въ восторгъ пришли: кричали „ура“, пѣли гимнъ... Сильный былъ подъемъ монархизма! Постановили напечатать десять тысячъ листовъ рѣчи и разослать безвозмездно по губерніи. Сегодня-же вечеромъ, въ собраніи, я передамъ вамъ пачку — распространите!

— Непремѣнно! А Иванъ Константиновичъ читалъ?

— Врядъ-ли; некогда ему было: къ собранію подготавлился. А по уѣздамъ вчера разослано.—Такъ будете?

— Конечно: теперь я свободный человекъ, Степанъ Григорычъ! улыбнулся Вязьминъ.

— Это онъ вамъ про Владычанскаго говорилъ? по уходѣ Вишнякова, спросилъ подошедшій Язвинъ.

— Да.

— Прекрасная рѣчь... Такъ—вотъ за живое и хватаетъ! Хотѣлось-бы и въ будущее воскресенье послушать, да домой надо ѣхать: въ субботу разборъ у меня.

Гостиная почти опустѣла; Юрія Марья Николаевна оставила обѣдать, чтобы вмѣстѣ съ Иваномъ Константиновичемъ онъ, къ семи часамъ, поспѣлъ въ собраніе. Старушка Канищева, прощаясь, просила Вязьмина непременно побывать у нихъ завтра вечеромъ и поразсказать все, что было интереснаго за эти дни.

Къ семи часамъ всѣ дворяне собрались въ домѣ дворянства. Прочитанъ былъ протоколъ сегодняшняго засѣданія и подписанъ присутствовавшими: въ девять часовъ два депутата поѣхали къ губернатору уведомить его, что собраніе окончило свои занятія. Черезъ четверть часа, явился Увертышевъ, въ парадной формѣ, и былъ встрѣченъ въ аванзалѣ Ольхинымъ и уѣздными предводителями; въ сопровожденіи ихъ, губернаторъ дошелъ до предсѣдательскаго кресла, за „губернскимъ столомъ“, и стоя проговорилъ

„поздравляю васъ, господа, съ окончаніемъ вашихъ работъ и объявляю собраніе закрытымъ“. Затѣмъ простился съ Ольхинымъ и обошелъ дворянъ, пожимая имъ руки; предводители проводили его, черезъ аванзалу до площадки парадной лѣстницы.

Вязьминъ отправился къ Сахаровымъ, гдѣ, по уговору съ Шаталовымъ, готовился ужинъ съ шампанскимъ въ честь новаго члена дворянской опеки.

Утро слѣдующаго дня было посвящено визитамъ. Юрій объѣхалъ всѣхъ уѣздныхъ дворянъ, съ которыми былъ знакомъ, и кстаги посѣтилъ многихъ живущихъ въ N. У всѣхъ, конечно, на языкѣ былъ блестящій выборъ Ольхина; большинство дворянъ было радо, что безвольный и ничтожный, какъ дѣятель, Касьяновъ уступилъ мѣсто дѣльному, энергичному Ивану Константиновичу, а благомыслящіе обыватели города, которымъ не только надоѣли, но которыхъ лишили покоя и безопасности банкеты и митинги въ городской думѣ и народномъ домѣ, изъ разнуздавшихся учащихся, приказчиковъ, ссыльныхъ, людей свободныхъ профессій и др., пѣніе на улицахъ революціонныхъ пѣсень, крики „долой!“, призывы къ бунту и рѣзни и проч., вздохнули свободно, зная, что Ольхинъ не будетъ смотрѣть сквозь пальцы на потворство губернатора всѣмъ этимъ безобразіямъ, а постарается, при случаѣ, вывести на свѣжую воду всѣ незаконныя дѣйствія городскихъ властей.

— Да помилуйте, говорилъ Вязьмину одинъ изъ богатыхъ купцовъ, которому онъ продавалъ хлѣбъ,—вѣдь чуть станеть смеркаться—выйти никуда нельзя: на улицахъ того и гляди палкой, ни за что ни про что, огрѣютъ, а какъ стемнѣеть—лошадь остановятъ и „руки вверхъ!“ заорутъ! Я ужъ больше пяти рублей мелочью съ собой и не беру! Защиты никакой: кричи сколько хочешь—никто и не двинется... Полицейскій, какъ услышитъ: „караулъ, грабятъ!“—такъ сейчасъ и въ будку! И винить его нельзя: кому-же охота быть избитымъ хулиганами или знаменитой милиціей! —Да, сударь, порядку нѣтъ! А губернаторъ нашъ—словно заяцъ-бѣлякъ: какъ услышитъ, что готовится безпорядокъ—такъ сейчасъ или въ уѣздъ на ненужную ревизію уѣдетъ

или въ Питеръ махнетъ... отдувайся, дескать, ты, вице-губернаторъ!

— Вонъ что еще въ Петербургѣ г.г. адвокаты судебной палаты придумали, сообщали въ другомъ домѣ:—созвали общее собраніе и постановили такую резолюцію: „Разстрѣлы и другіе способы лишенія жизни, примѣняемые нынѣ военнымъ судомъ, представляютъ собою не наказаніе, а преступленіе со стороны правительства!“—Боятся, что можетъ-быть придется примѣнять это къ нимъ: „Особо выбранная нами комиссія (изъ завзятыхъ крамольниковъ) собираетъ матеріаль о практикуемыхъ нынѣ правительствомъ убійствахъ, истязаніяхъ, истребленіи имущества (пу, это они нагло врутъ!), чтобы всѣ эти собранные матеріалы были представлены на судъ *свободно выбранныхъ народныхъ представителей!*“—Они все на „представителей“ гнутъ... Знать не хотятъ, что будущая Дума не парламентъ и что конституціи у насъ нѣтъ! Не глупы адвокаты: требуютъ отмѣны смертной казни, а сами, голубчики, будутъ приговоры комитетовъ исполнять: стрѣлять и рѣзать слугъ Царскихъ, убивать опасныхъ для нихъ людей и прикалывать почталіоновъ и ямщиковъ, съ цѣлю ограбленія почты.

Многаго наслушался Възъиминъ въ одно только утро; сидя въ Волынскомъ и не всегда читая газеты, да и то запоздалыя, онъ не могъ представить себѣ, до чего быстро распространяется анархія и какъ сильно развиваются въ революціонномъ городскомъ населеніи наглость и звѣринны инстинкты! Страшно подумать, въ какую ужасную бездну толкаютъ юношей и дѣвицъ глашатаи и главари дьявольскихъ союзовъ, комитетовъ и кружковъ!

У Мерцаловой Юрій засталъ Бланка и Домнина; когда онъ вошелъ въ гостиную говорили о Государственной Думѣ.

— Производство выборовъ въ Думу, сообщалъ Бланкъ, —назначено для нѣкоторыхъ губерній, въ томъ числѣ и нашей, 26 марта, для другихъ 14 апрѣля, а для Кіевской и Оренбургской 20 апрѣля.

— Отчего не во всѣхъ губерніяхъ въ одно время? спросила хозяйка.

— Распредѣленіе сдѣлано, примѣняясь къ ходу приготовительныхъ работъ и мѣстнымъ условіямъ.

— А когда откроется Дума?

— Объ этомъ еще ничего опредѣленнаго нѣтъ; говорятъ, что Дума откроется въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая.

— А какой манифестъ вышелъ 20 февраля?

— О Государственномъ Совѣтѣ и Государственной Думѣ. Совѣтъ состоитъ изъ двухъ половинокъ: члены по назначенію и, въ равномъ съ ними числѣ, члены выборные. Членамъ Государственнаго Совѣта положено суточныхъ двадцать пять рублей, а членамъ Думы десять рублей.

— Недурно! замѣтила Мерцалова:—въ Думу попадутъ всякіе, и такіе, которые во всю сессію рта не откроютъ, а по триста рублей въ мѣсяцъ получаютъ, о Государственномъ-же Совѣтѣ и говорить нечего: семьсотъ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ—вѣдь это безумный окладъ... Ну, о прослужившихъ сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ саповникахъ я не говорю, но выборные-то... Какой-нибудь Бержинцевъ, извѣстный крамольникъ, интригами пробравшійся въ предсѣдателя губернской управы и вдругъ членъ Государственнаго Совѣта! А это случится, помните мое слово!

— На Бержинцева лгутъ много, замѣтилъ Бланкъ;—называютъ крамольникомъ, чуть не анархистомъ, а онъ просто умный дѣлецъ, горячій патріотъ, страстно желающій видѣть Россію свободной, богатой, культурной, превыше всѣхъ государствъ міра!

— Какими средствами? вмѣшался Възмннъ.—Не тѣмъ ли, которыя теперь въ ходу: развращеніемъ молодежи, уничтоженіемъ идеаловъ и водвореніемъ анархій? Процессъ ста девяносто трехъ, въ которомъ студентъ Бержинцевъ игралъ довольно видную роль, не забыть имъ. Идеи, засѣвшія тогда въ его головѣ, не вывѣтрились отъ времени, не показались ему бредомъ экзальтированнаго юноши, а напротивъ окрѣпли, огрубѣли и увлекавшійся студентъ Бержинцевъ превратился теперь въ ловкаго, хладнокровнаго революціонера, официально—предсѣдателя губернской земской управы и тайнаго руководителя ея служащихъ.

— Въ газетахъ пишутъ, успѣшили перемѣнить разговоръ Доминнъ:— что во всѣхъ вѣдомствахъ Петербурга приняты мѣры для охраны кассъ и казначейскихъ отдѣленій; въ каждомъ учрежденіи, конечно казенномъ, гдѣ производятся денежныя операціи, не только сторожа и курьеры, но

всѣ служащіе, мужчины и женщины, будутъ вооружены револьверами.

— И ничего изъ этого не выйдетъ; ворвутся смѣлые экспроприаторы, крикнутъ „руки вверхъ“!—и всѣ эти оберегатели побросаютъ свои револьверы и подъ столъ запрячутся!

— А я думаю, что если два—три человѣка найдется смѣлыхъ и выпустятъ въ грабителей нѣсколько пуль—вся шайка дастъ тягу! . Господа крамольники храбры только на стрѣльбу изъ-за угла или куста! возразилъ Юрій.

— Это было, быть-можетъ, прежде, суется и захлебываясь, сказалъ Домингъ,—когда дѣятели революціи не закалились еще, но теперь, когда „освободители“ окрѣпли, когда надежда на достиженіе цѣли все сильнѣе и сильнѣе—надо признать, что борьба за свободу и энтузіазмъ борцовъ растетъ и растетъ... Декабрьскія неудачи пошли имъ въ прокъ!

— Пусть надѣются... а тѣмъ временемъ монархическіе союзы и собранія множатся не по днямъ, а по часамъ! Встрепенулась настоящая, коренная, сѣрая Русь!.. Во всѣ уголки проникли вѣсти объ ужасахъ, которые творятъ „освободители“ и та масса, которую они хотѣли закабалить, поднимается для того, чтобы „освободить“ отечество отъ непрощенныхъ учителей—хулигановъ!

— Зачѣмъ такъ рѣзко! обидѣлся Бланкъ.—Мало-ли между защитниками свободы людей образованныхъ, ученыхъ, талантливыхъ!

— Ни одного таланта, ни одного замѣчательнаго дѣятеля революція не выдвинула... Ваши энтузіасты—борцы, какъ изволить называть ихъ Петръ Ивановичъ, отличаются не въ открытомъ бою, а въ подпольяхъ, подписывая смертные приговоры и посылая на вѣрную гибель, для исполненія ихъ, глупыхъ учениковъ и нафанатизованныхъ дѣвицъ! Роль не борцовъ за правду!

— Да вѣдь они, эти юноши и дѣвицы, по своей волѣ хотятъ служить эмансипаціи низшаго класса, находящагося подъ гнетомъ бюрократіи и теперешняго режима! Они за свободу, за мужика ставятъ на карту свою жизнь! возвысилъ тонъ Домингъ.

Вязьминъ взглянулъ на него и, чтобы прекратить разговоръ, обратился къ Мерцаловой:

— Часто получаете вы письма отъ вашихъ молодыхъ?

— Какое ужъ часто! улыбнулась она.—Да я и не требовательна... Мѣсяца еще вѣдь нѣтъ, какъ они женаты и по любви, кругомъ развлечения—гдѣ ужъ мать вспомнить! Впрочемъ двѣ записочки получила...

— Вамъ надо быть довольной сыномъ за выборъ невѣсты, ядовито замѣтилъ Бланкъ:—такая красивая, умная...

И съ прекраснымъ характеромъ, добавила Мерцалова;—одно меня тревожить: молодъ Владиміръ... Годика три—четыре подождать-бы надо.

— Видно судьба ужъ его такая! рѣшилъ Домнинъ.—А вы, Юрій Александрычъ, говорятъ, въ отставку подали?

— Да.

— Что такъ?.. Служить надоѣло?

— А вы, Петръ Ивановичъ, съ Грибоѣдовымъ знакомы?

— А гдѣ онъ служить?

— Служилъ онъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, да не въ этомъ суть: онъ былъ писатель, создалъ комедію „Горе отъ ума“, а съ нею умнаго человѣка, Чацкого.

— Не слыжалъ.

Мерцалова и Бланкъ переглянулись.

— Такъ вотъ этотъ Чацкій, на такой-же вопросъ какъ вамъ, отвѣтилъ: „служить-бы радъ—прислуживаться тошно“!

— А... такъ вотъ что! протянулъ Домнинъ.—А мнѣ говорили, что вамъ губернаторъ велѣлъ подать въ отставку...

— Вы знаете Вишнякова?

Степана Григорыча?.. Еще-бы: чуть не съ дѣтства знакомы!

— Такъ распросите его о моемъ разговорѣ съ г. Увертышевымъ,—онъ вамъ подробно передастъ все: свидѣлемъ былъ.

Юрій простился съ хозяйкой и гостями и поѣхалъ домой.

„Ну, люди!“ раздумался онъ.—„Какая наглость, со стороны Мерцаловой, восхвалять Инцу и прикидываться, что довольна свадьбой послѣ того какъ, при Ольхинѣ, бранила свою будущую невѣстку злой дѣвченкой и намѣревалась объявить полиціи о пропажѣ сына!.. А Домнинъ, балаганный революціонеръ, не слыхавшій, что былъ на свѣтѣ писа-

тель Грибоѣдовъ!... Вѣдь выбираютъ-же люди въ предсѣдатели земства такихъ вредныхъ идиотовъ, да еще двѣ тысячи рублей имъ платять!

IX.

— Ну что, Петръ Николаичъ, ничего ты намъ новенькаго не расскажешь! упрекнула, взявшая у лампы, старушка Канищева Сахарова, сидѣвшаго возлѣ нея въ гостиной и закуривавшаго папиросу.

— Да откуда взять мнѣ новенькое, Надежда Васильевна? Никуда не ѣзжу, людей не вижу... Вотъ пріѣдетъ Вязьминъ—тотъ наговорить: сегодня цѣлое утро визиты развозилъ... Набрался поди новостей!

— Когда еще пріѣдетъ! Сказала вошедшая Зоя,—уже половина восьмого, а его все нѣтъ.

— Теперь у него хлопотъ много... А жаль мнѣ, очень жаль, что онъ подалъ въ отставку: оставить службу легко, а вновь ее найти—куда какъ трудно!

— Богъ милостивъ, дядя, замѣтила Зоя.—Такихъ, какъ Юрій Александровичъ, умный и дѣльный губернаторъ всегда приметъ, а до того времени Вязьминъ проживетъ и безъ службы: существовать есть на что.

— Петръ Николаичъ, да не упрямясь: говори, что есть, приставала старушка.

— Приходилъ ко мнѣ сегодня наниматься па заводъ, размѣялся Сахаровъ,—старый мой работникъ... Да правоже не стоитъ продолжать: вздоръ все!

— Продолжай, хоть и вздоръ! настаивала Канищева.

— ... я его и спрашиваю: ну что какъ, Гришка, родственникъ твой, гдѣ живетъ?

— Да ужъ чего лучше было у него мѣсто, мѣсяца два назадъ, въ городѣ К., на фабрикѣ: всѣмъ тамъ воротилъ!

— Ну и что-же?

— Выставили: не погодился... Пріѣхалъ какъ-то жандармъ, изъ начальниковъ, осмотрѣлъ его квартиру, отобралъ что было у него письменнаго и увезъ Гришку въ губернію.

— А чѣмъ онъ на фабрикѣ былъ?

— Забастовщикомъ... Наибольшимъ въ артели былъ! Рубль двадцать пять копѣекъ въ день получалъ, и въ будни и въ праздники, а работы-то не ахти сколько.

— А что такое забастовщикъ? вызвалъ я мужика на разговоръ.

— Да вотъ, что ходили по фабрикамъ и заводамъ снимать съ работы... Гришка первымъ забастовщикомъ былъ; скажетъ: „бросай, ребята, работу!“—и бросятъ, „начинай снова“—на работу идутъ. Начальство онъ былъ, Гришка-то!.. Его и становой и исправникъ опасались!

— Что-же съ нимъ жандармъ сдѣлалъ?

— А высидѣлъ Гришка гдѣ-то мѣсяца два и вернулся опять на фабрику, да только тамъ за это время порядки пошли не тѣ: забастовку порѣшили, стали на работу и Гришку изъ артели выставили... Вотъ и ратуи за своего брата, фабричнаго!

— Чѣмъ-же онъ теперь питается?

— А говорила мнѣ его жена, что нанялся къ студенту и, вмѣстѣ съ нѣсколькими безработными, ходитъ по улицамъ, набираетъ праздныхъ людей, которымъ общаетъ плату, а то и просто выпивку, и въ мастерскихъ и лавкахъ мѣшаютъ другимъ заниматься дѣломъ.

Позвонили и въ гостиной появился Вязьминъ.

— Слава Богу, вздохнулъ Сахаровъ,—замѣститель мнѣ пожаловалъ!—Заставила меня Надежда Васильевна новости ей сообщать, поздоровался онъ съ Юриемъ,—насилу вспомнилъ какой-то вздоръ!

— Это что за листокъ у васъ въ рукахъ? спросила Зоя.

— Рѣчь Владычанскаго, сказанная имъ въ засѣданіи „Народно-русскаго союза“, напечатанная въ „Москвичѣ“ и отдѣльно, въ десяти тысячахъ экземпляровъ, для распространенія въ городахъ и деревняхъ нашей губерніи, отвѣтилъ Вязьминъ, подавая Канищевой листокъ.

Нѣтъ, голубчикъ, прочтите ужъ сами; гдѣ мнѣ съ этимъ возиться, а Зоѣ и подавно: утромъ занята уроками, вечеромъ кто-нибудь помѣшаетъ... или по хозяйству...

— Слушаю-съ! и онъ началъ читать:

„Русскіе люди, члены народпо-русскаго союза!“ Намъ были подробно разъяснены, какъ Высочайшій манифестъ 17 октября прошлаго года, такъ и тѣ хитроумныя извращенія его, которыя были придуманы и пущены въ обращеніе врагами нашего Бѣлаго Царя и дорогой нашей родины, съ цѣлю увѣрить русскій народъ, что актомъ 17 октября Цар-

ское Самодержавіе уничтожено, что отнынѣ править землею русской какой-то кабинетъ съ первымъ министромъ во главѣ, и что будто-бы Самъ нашъ Батюшка-Царь, Ставленникъ и Помазанникъ Божій, далъ на то Свое согласіе и сталъ съ тѣхъ поръ полу-Царемъ!—Помнимъ мы это время! Помнимъ, какъ возликовали измѣнники по опубликованіи манифеста! Обезумѣвъ отъ радости, ходили они по улицамъ, потрясая красными тряпками и кричали: „Долой Самодержавіе!“ Недоумѣвали русскіе люди... Лютая скорбь шемила ихъ сердце, туманила умъ... Какъ! Вѣка строилась Русь великая, держалась Самодержавіемъ, ширилась и крѣпла—и вдругъ, какъ въ сказкѣ, по щучьему велѣнію да по прошенію шайки лихихъ и чуждыхъ людей, Самодержавіе рушилось и возникла какая-то конституція! Стали нарождаться разныя партіи съ цѣлью, позабывъ данную присягу, передѣлать землю русскую на заграничный манеръ: одни хотѣли полу-Царя, другія—республику съ правителями-иновѣрцами, третьи—полную анархію. Туманъ опустился на державу российскую и въ немъ закопошились всякіе, боявшіеся свѣта, людишки.—Ложь и обманъ!.. Опомнились люди русскіе... начали сходиться да сговариваться... Послышались сначала несмѣлые, глухіе клики кружковъ; потомъ кружки выросли въ союзы, голоса стали усиливаться, крѣпнуть, посыпались всеподданнѣйшіе адреса съ мольбою сохранить Самодержавіе неприкосновеннымъ—и вотъ нынѣ, на собраніи „народно-русскаго союза“ въ Петербургѣ, десятитысячная масса слушателей бурно возгласила родное русскому уху „Самодержавіе“ и повторяла его съ возрастающимъ восторгомъ! Забилось надеждой вѣрное Престолу русское сердце и... на дежда эта сбылась: 16 февраля сего года, въ Царскомъ Селѣ Государь Императоръ, принявъ депутацію отъ самодержавно-монархической партіи г. Иванова-Вознесенска, благоволилъ обратиться къ депутаціи со слѣдующими словами:

„Знаю и цѣню ваши чувства, отъ души благодарю васъ и въ вашемъ лицѣ всю „самодержавно-монархическую партію“. Передайте всѣмъ уполномочившимъ васъ, что реформы, которыя Мною возвѣщены въ манифестѣ 17 октября, будутъ осуществлены неизмѣнно и права, которыя Мною даны одинаково всему населенію, неотъемлемы. *Самодержавіе-же Мое*

останется такимъ, какимъ оно было встарь. Спасибо вамъ за вашу преданность“.

„Итакъ ложь и коварство раззорителей Россіи посрамлены: „Самодержавіе остается незыблемымъ, такимъ, какимъ оно было встарь“. Это возвѣстилъ Великій Русскій Самодержецъ! Священная стопа Помазанника Божія придавила главу революціоннаго змія и наглое, ядовитое шипѣніе его должно замолкнуть... Воздадимъ-же хвалу Милосердому Богу, милующему насъ, и радостные, ободренные, горя любовью къ Самодержавному, ничѣмъ не ограниченному Царю, воспрянемъ на борьбу за Православную вѣру, за Батюшку-Царя и за умиротвореніе и преуспѣяніе родной земли! Боже, Царя храни!“

— Голосъ истиннаго патріота! горячо сказала Зоя.—Бабинька, милая! Запишемся въ союзъ... Вѣдь если только десятая часть членовъ такая, какъ Владычанскій—то это прелесть: это все равно, бабинька, что въ идеальный міръ вступить!

— И я вхожу въ союзъ, поддержалъ дѣвушку Сахаровъ.—Надежда Васильевна, родная, отпусти со мною Зоюшку на собраніе 12 марта: Владычанскій опять будетъ говорить и о предметѣ весьма важномъ: „о неприкосновенности частной собственности“. Въ виду ужасныхъ нападеній и разгрома владѣльческихъ усадьбъ въ южныхъ губерніяхъ и на Волгѣ, такая рѣчь необходима. Наши мужики разумнѣе южныхъ; у нихъ нѣтъ той безумной горячности ко всякой новизнѣ, того увлеченія проповѣдями смѣлыхъ агитаторовъ, того непровѣреннаго довѣрія къ ихъ лживой болтовнѣ. У сѣверо-восточнаго мужика крѣпко сидятъ въ головѣ Богъ и Царь... Онъ не можетъ даже представить, какъ можно жить безъ церкви и православнаго Царя! Царь для него—земной Богъ; всѣ нечтущіе Царя—измѣнники, преступники... Всѣ посягающіе на Него, Помазанника Божія,—святотатцы, которымъ на страшномъ судѣ приготовлена геенна огненная!.. Вотъ убѣжденія нашего мужика!.. Но тѣмъ не менѣе такая рѣчь, какъ предположенная Владычанскимъ,—необходима: много принесетъ она пользы!

— Съ полнымъ удовольствіемъ ввѣряю я тебѣ, Петръ Николаичъ, Зоюшку: съѣдите въ собраніе... Кромѣ хорошаго вы ничего другого оттуда не вынесете... Поѣхала-бы

и я, но тамъ будетъ масса народа, жара... Не могу я переносить это... А какъ на счетъ билетовъ?

— Когда Зоя Владиміровна и Петръ Николаичъ пріѣдутъ —билеты будутъ уже готовы и я вручу имъ. Объ этомъ безпокоиться нечего. Иванъ Константиновичъ будетъ... можетъ-быть и съ Марьей Николаевной... И Митя будетъ, отвѣтилъ Вязьминъ.

— А развѣ ему можно, полицейскому чину? спросилъ Сахаровъ.

— Никому не воспрещено быть членомъ монархическаго союза, замѣтилъ Юрій:—ужь если члены окружнаго суда состоятъ предсѣдателями нелегальныхъ партій—то было бы странно не позволять дворянамъ, хотя и исправникамъ, записываться въ монархическіе союзы! Увертышевъ можетъ злиться на Штаталова за то, что онъ членъ „народно-рускаго союза“, но воспретить ему быть имъ не можетъ.

— Звонятъ! сказала, вставая съ кресла, Зоя.—Кто-бы это могъ быть?.. Дмитрій Никитичъ не хотѣлъ заѣхать? обратилась она къ Вязьмину.

— Нѣтъ; у него какое-то слѣзное дѣло и онъ весь вечеръ просидитъ въ своемъ управленіи.

— А, вотъ это кто! увидя въ дверяхъ Ольхина, обрадовалась Канищева.—Милости просимъ!

— Простите, дорогая Надежда Васильевна, что являюсь поздно, поцѣловаль руку старушки и поздоровался съ Зоей и Сахаровымъ генераль:—все утро рыскалъ по визитамъ, а ихъ набралось не мало;—дай, думаю, вмѣсто пяти минутъ, заѣду посидѣть къ вамъ часъ—другой,—не разгнѣваетесь-же вы на меня!

— Всегда рада васъ видѣть... Еще разъ поздравляю... Наконецъ-то мы дожили до настоящаго предводителя... Много добра сдѣлаете вы, дорогой Иванъ Константиновичъ, если Богъ благословитъ! сердечно сказала Канищева.

— Постараюсь оправдать ваши надежды! сѣлъ на кресло Ольхинъ. Къ сожалѣнію, люди стали не тѣ, что были лѣтъ пятьдесятъ назадъ: теплоты душевной, любви къ ближнему много испарилось!

— Можно закурить?

— Пожалуста! Надѣюсь что вы отъужинаете съ нами?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Только вѣдь у насъ постное, Иванъ Константинычъ... Мы постничаемъ первую, четвертую и страстную недѣли.— Зоинька, что у насъ къ ужину?

— Мать-лоть изъ налима и желе изъ черной смородины.

— Превосходно! Мы тоже постничаемъ и также первую, четвертую и страстную.

— Я считаю васъ родственнымъ, Иванъ Константинычъ, да думаю, что и находящіеся здѣсь вполне согласны со мной!

— Еще-бы! воскликнули Зоя, Юрій и Сахаровъ.

— Рѣшившись ѣхать къ вамъ сегодня вечеромъ, я имѣю въ виду и то, что въ вашемъ миломъ обществѣ нѣсколько отдохну отъ тѣхъ ненавистныхъ мнѣ воззрѣній, которыми проникнуты нынѣшніе великіе умы и которыми они меня сегодня угощали! Я не назову фамилій этихъ передовыхъ людей, но не могу не сдать съ души то, чего я наслушался...

— Подѣлитесь съ нами, Иванъ Константинычъ,—будетъ легче! замѣтилъ Сахаровъ.

— Встрѣтилъ я въ одномъ домѣ человѣчка... Именно человѣчка, а не человѣка: точно упрямый ребенокъ болталъ онъ свою „profession de foi:“—„Я никакой партіи не принадлежу!“

— Какъ-же это такъ? Вѣдь вы присягали Самодержавному Царю—слѣдовательно вы монархистъ?

— „Я никакихъ партій не знаю... Я человѣкъ порядка, никогда никого не затрагиваю—и меня не троньте... Вотъ и все!“

— Значитъ, у васъ не только никакихъ идеаловъ, но и убѣжденій нѣтъ?.. Вамъ все равно: будетъ-ли въ Россіи Самодержавный Монархъ, или республика, анархія?

— „Я—человѣкъ порядка... Для меня лишь-бы порядокъ былъ, чтобы мнѣ жить было хорошо“, долбилъ онъ свое.

— И чтобы жалованье вамъ шло?

— „А то какъ-же? Станный вопросъ! На что было-бы жить, еслибъ не жалованье!“

— Да это идиотъ какой-то! разсмѣялась Зоя.

— Не говорите: онъ далеко не идиотъ... онъ эгоистъ до мозга костей, чиновникъ—машинна, бездушная, знающая только то движеніе, къ которому она предназначена.—Въ другомъ домѣ вспомнили почему-то „Цусиму“... Можетъ-

быть, чтобы завести разговоръ, пріятный многимъ, а мнѣ сдѣлать непріятность... Боже мой! Чего-чего не посыпалось на правительство, командировъ, матросовъ! Упреки, насмѣшки, брань... Терпѣлъ я, терпѣлъ—наконецъ не выдержалъ! Боевая жилка зашевелилась и я прочелъ имъ чуть не лекцію... Глупо это, правду сказать: вѣдь не проймешь этихъ господъ ничѣмъ... Ну, да ужъ была не была: развязалъ свой язычекъ... Вы вотъ всячески браните цусимцевъ, возразилъ я имъ, а вѣдь они герои были! Вспомните, какъ маленькая „Свѣтлана“ дралась съ японскими крейсерами, какъ погибъ „Донской“... Какъ командиръ „Нахимовъ“ Родионовъ остался на своемъ крейсере, пока онъ не скрылся подъ водой... Какъ погибалъ командиръ „Осляби“—Беръ! Русскій морякъ, видя, что все кончено, пожалъ руку стоявшему рядомъ съ нимъ офицеру и молча опустился въ свою водяную могилу! Всѣ эти примѣры—только сотая доля тѣхъ подвиговъ, которые совершила вторая эскадра, а вы, господа, кричите: „Цусима—позоръ!“—А наша сухопутная армія: мало совершила подвиговъ? А кто о нихъ знаетъ, кто ими интересуется? У насъ не помнятъ героевъ, не чтутъ ихъ память! Маленькая Финляндія, патріотическая Польша создали у себя культъ этихъ людей, воспитываютъ свою молодежь въ уваженіи ихъ памяти, даже преклоняются передъ ними, а мы стараемся не только развѣнчивать, но и опозоривать ихъ! Грустно это! Конечно эти господа сейчасъ-же одинъ за другимъ исчезли съ горизонта и теперь, на всѣ лады, пробираютъ новаго предводителя—черносотенца!—Однако довольно; скажу вамъ лучше новость; только между нами... этого никто не знаетъ... Сегодня получилъ я письмо изъ Петербурга: Увертышевымъ недовольны за исторію съ покушеніемъ на Кульчевскаго; говорятъ, что если еще что нибудь подобное—то губернатора нашего уберутъ.

— И давно пора: вредный онъ начальникъ! замѣтилъ Юрій.

— А гимназистка, ксторую ранили, что съ ней? спросила Надежда Васильевна.

— Поправляется; а Кульчевскому предлагали переводъ въ другую губернію, но онъ отказался и заявилъ, что желаетъ остаться на прежнемъ мѣстѣ: „всѣ мы подъ Богомъ

и если мнѣ суждено быть убитымъ—то не все-ли равно гдѣ въ N. или другомъ городѣ!“

— Молодецъ! вскричалъ Вязьминъ.—Воображаю, какъ Томиловъ радъ, что Кульчевскій остается!

— Не только радъ, но гордится своимъ адъютантомъ: немного такихъ Царскихъ слугъ въ наше постыдное время!

— Вѣра его поддерживаетъ! замѣтила Канищева.—А съ убійцей что?

— Ее увезли въ Петербургъ... Обнаружилось, что на нее выпалъ жребій, и часть того комитета, къ которому она принадлежала, уже арестована.

— Неужели ее не повѣсятъ? Вотъ вопросъ, который мнѣ задалъ одинъ изъ мужиковъ моего участка, когда вѣсть о покушеніи на Кульчевскаго дошла до волости, спросилъ Юрій.

— Думаю, что не пощадятъ... Впрочемъ... Сазоновъ, отправившій на тотъ свѣтъ Плеве, какъ-отвергълся и имѣетъ впереди надежду удрать изъ мѣста заключенія.

Вошла горничная и доложила, что кушать подано; всѣ двинулись въ столовую.

X.

Въ воскресенье, 12 марта, около семи часовъ вечера, Вязьминъ съ Шаталовымъ вошли въ переднюю Сбруевского дома; ихъ встрѣтили два молодца, въ красивыхъ поддѣвкахъ, со значками союза на груди, и помогли раздѣться. Изъ открытыхъ дверей большого зала, ярко освѣщеннаго и сплошь наполненнаго публикой, слышались негромкіе разговоры; сюртуковъ и визитокъ относительно было немного; преобладали мѣщанскіе пиджаки и разныхъ покровевъ поддѣвки, провертывались и сѣрья чуйки. Присутствовалъ и женскій полъ: старушки и дамы высшихъ сословій, женщины разныхъ профессій. Въ этомъ, собраншемся по доброй волѣ, обществѣ не было классовъ, не было высшихъ и низшихъ; плотно сплоченное одной идеей, однимъ чувствомъ, оно стремилось къ одной цѣли и цѣль эта одинаково одушевляла и барина и простолюдина.

Противъ публики, у стѣны, раскинутъ былъ длинный столъ, покрытый бархатной скатертью. На немъ стояли двѣ

лампы и лежали книги и канцелярскія принадлежности. Полукругомъ около стола разставлены были кресла для предсѣдателя и членовъ совѣта. Присутствовавшихъ было такъ много, что большая часть ихъ стояла и только немногіе счастливы сидѣли на подоконникахъ. Полиціи вблизи дома совсѣмъ не было и революціонная милиція имѣла-бы полную возможность не только напугать собравшихся, но и метнуть бомбу въ ярко освѣщенный залъ, если бы не охрана изъ членовъ союза: во все время засѣданія вооруженные охранители, раздѣленные на смѣны, оберегали домъ со всѣхъ сторонъ отъ нападешя подозрительныхъ людей.

Вязьминъ съ Шаталовымъ, кланяясь посѣтителямъ, прошли въ гостиную. Ихъ встрѣтилъ хозяинъ дома, небольшого роста, полный, сѣдой старикъ, съ большой подстриженной бородой и весьма симпатичнымъ лицомъ. На Сбруевѣ былъ длинный, черный сюртукъ, золотая медаль на шеѣ и знакъ союза на груди. Весьма привѣтливо отнесся онъ къ вновь прибывшимъ и познакомилъ ихъ со своею сестрой. Зоя и Петръ Николаевичъ, а также и Ольхинъ уже сидѣли въ гостиной. Подошелъ къ Вязьмину и Владычанскій, представительный плотный мужчина лѣтъ пятидесяти, брюнетъ, съ порядочной уже сѣдиной, безъ бороды и съ длинными усами. Открытое лицо его было красиво: смѣлые глаза глядѣли прямо и вызвали на довѣріе, простая, мягкая улыбка манила къ себѣ. Обмѣнявшись нѣсколькими словами, Владычанскій ушелъ въ залу. Въ гостиной было оживленно; говорили много, но не громко; съ нетерпѣніемъ ожидали рѣчи предсѣдателя.

Къ Вязьмину, черезъ толпу, пробрался Вишняковъ и завелъ разговоръ о союзѣ, о программѣ нынѣшняго вечера, о Владычанскомъ, но Юрій разсѣянно слушалъ старика: все вниманіе его было обращено на Зою; къ ней только-что подошелъ молодой брюнетъ, въ хорошо спитомъ сюртукѣ, пожалуй красивый, еслибы не холодные черные глаза и злое выраженіе лица, и поклонился двуплгь; она протянула ему руку и сказала нѣсколько словъ. Вязьминъ взглянулъ на нее и глаза ихъ встрѣтились.

— Кто это стоитъ возлѣ молодой Капищевой? спросилъ онъ Вишнякова.—Вы знаете Капищеву?

— Знаю. Это Флоринскій, племянникъ Декапольскаго,

служить въ удѣлѣ... Злое и нахальное созданіе, еще хуже дядюшки!

— Изъ поповъ? нервно спросилъ Юрій.

— Можетъ-быть... А вы развѣ не жалуете эту породу?

— Нѣтъ, не потому... Фамилія такая, путался Вязьминъ.

Къ счастью его, раздался звонокъ и всѣ направились въ залъ. Мимо Юрія прошла Зоя съ Сахаровымъ и молча вскинула на Вязьмина грустный взглядъ; Флоринскаго возлѣ нея не было.

Минуты черезъ двѣ, когда всѣ усѣлись, пожилой священникъ, членъ совѣта, пошелъ къ „красному“ углу зала, гдѣ висѣла въ кіотѣ, въ богатой ризѣ, большая икона Спасителя; предсѣдатель всталъ съ своего кресла и за нимъ поднялись всѣ члены собранія. На минуту водворилась совершенная тишина. Священникъ, перекрестившись, поклонился иконѣ и тотчасъ-же раздались протяжные и тихіе звуки молитвы „Царю небесный“, а затѣмъ все громче и громче народный гимнъ „Боже, Царя храни!“ пропѣтый трижды. Потрясающее „ура“ прокатилось по залу и публика заняла свои мѣста. На время все смолкло.

Предсѣдатель всталъ съ кресла и громко, отчетливо обратился къ собранію:

„Православные! Прежде чѣмъ приступить къ очереднымъ нашимъ занятіямъ, я позволяю себѣ обратиться къ вамъ съ предложеніемъ: намъ нужны люди съ народнымъ, чистымъ смысломъ, образованные, опытные, энергичные... Нужны твердые люди, не колеблющіеся, а идущіе прямымъ путемъ, люди, для которыхъ существуютъ одни только святыни: Богъ, Самодержавный Царь и Родина! Такіе люди—столпы для всякаго честнаго учрежденія, тѣмъ болѣе для нашего, живущаго сказанными святынями! Семья наша, съ Божіею помощію, все увеличивающаяся, на-дняхъ включила въ составъ свой двухъ извѣстныхъ вамъ, коренныхъ Н-цевъ: глубоко-уважаемаго кавалера св. Георгія, только что избраннаго губернскаго предводителя дворянства, Ивана Константиновича Ольхина, и вѣрнаго слугу Царя, Юрія Александровича Вязьмина. Совѣтъ поручилъ мнѣ предложить вамъ: не найдете-ли вы полезнымъ обратиться къ нимъ съ просьбою занять мѣста членовъ совѣта нашего союза, нынѣ свободныя?“

Громкіе возгласы: „да“, „просимъ“, „обоихъ знаемъ!“,

„такихъ-бы побольше!“, „единогласно!“ пропеслись по залу. Иванъ Константиновичъ и Вязьминъ, глубоко тронутые, благодарили собраніе и, принявъ предложеніе, подъ крики „ура“ были приглашены занять мѣста за столомъ совѣта.

Приступили къ чтенію доклада ревизіонной комиссіи о приходѣ и расходѣ и наличности кассы, за январь и февраль,—постановили единогласно: утвердить. Затѣмъ выбраны были четыре выборныхъ въ будущую Государственную Думу и была прочитана, составленная предсѣдателемъ и одобренная совѣтомъ, программа или уставъ „N-скаго отдѣла народно-русскаго союза“;—постановлено утвердить и подлинникъ отправить въ центральный комитетъ союза.

Сдѣланъ былъ небольшой перерывъ и курящіе вышли изъ зала. Вязьминъ упорно слѣдилъ за Канищевой: онъ боялся, что она снова уйдетъ въ гостиную и къ ней, съ любезностями, подлетитъ Флоринскій, но ничего подобнаго не случилось. Зоя осталась на своемъ мѣстѣ, рядомъ съ Сахаровымъ, и въ свою очередь смотрѣла въ сторону Юрія; можно было безошибочно предположить, что она ждала его.

Предсѣдатель позвонилъ и всѣ стали занимать свои мѣста. Когда все стихло, Владычанскій всталъ и обратился къ собранію:

„Русскіе православные люди, жители селъ и деревень! Тревожное, смутное время переживаетъ матушка-Россія! Преисполнилось великою скорбію, изныло отъ нестроений и бѣдъ любвеобильное сердце нашего Батюшки-Царя! Заполнилъ святую Русь лютый врагъ, сынъ лжи и злодѣйства! Коварный, бездушный, безъ Бога въ сердцѣ, безъ креста на вороту, напяливъ на себя овечью шкуру, этотъ кровожадный волкъ рыщетъ по необъятной родинѣ нашей, ища поглотить людей некрѣпкихъ въ вѣрѣ и преданности Царю, Помазаннику Божію, людей слабой воли, малодушныхъ и боязливыхъ, юношей и дѣвицъ! Не вѣрьте, православные, этимъ бунтарямъ и подстрекателямъ, обѣщающимъ вамъ золотыя горы на словахъ, а на дѣлѣ приносящимъ вамъ только вредъ и бѣдствіе. Еслибы дѣло ихъ было честное, еслибы дѣйствительно они желали вамъ добра и въ самомъ дѣлѣ были-бы посланными Батюшки-Царя и Его вѣрными слугами—не стали-бы они таиться, не стали-бы созывать тайныя сходки изъ неопытной молодежи и, надкихъ до

вина, рвани и голытьбы!.. Хорошее дѣло свѣта не боится, да и крестьянамъ всегда можно собраться на сельскій сходъ по своимъ дѣламъ и судить и рядить открыто! Посмотрите, послушайте, до чего довели они великую Русь эти, будто бы, радѣтели о благѣ народномъ, а на самомъ дѣлѣ обманщики-бунтари и душегубцы: вездѣ нестроенія, безпорядки, пожары, грабежи и убійства! Тяжко стало жить честнымъ, смиреннымъ людямъ, памятующимъ, что на небѣ есть Богъ, а на землѣ православный Царь и что всякому, не сегодня-завтра, придется разстаться съ жизнью и дать отвѣтъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ!“

„Скоро наступитъ весна... деревенскій людъ станетъ на работу и, въ потѣ лица, примется воздѣлывать хлѣбъ свой. Святое дѣло, угодное Богу!.. И вотъ тутъ-то крестьянина-трудника стережетъ исконный врагъ человѣка—дьяволь-искуситель... Уже готовится его воинство—обманщики-соблазнители... Будутъ они смущать деревню разными несбыточными посулами, натравливать крестьянъ на поджоги и грабежи владѣльческихъ усадебъ, на захватъ чужой земли, рубку чужихъ лѣсовъ... Берегитесь, православные! Запомните хорошенько священныя слова Государя Императора, россійскаго Самодержца, недавно сказанныя Имъ крестьянамъ Щигровскаго уѣзда, Курской губерніи, и депутаціямъ тульскаго, тамбовскаго и владимірскаго дворянствъ о неприкосновенности частной собственности: *„что при земельномъ устройствѣ крестьянъ (о которомъ такъ заботится Батюшка-Царь) право вашей (дворянъ) собственности останется неприкосновеннымъ“*.—Запомните, честные люди русскіе, что не на хорошее дѣло будутъ васъ звать сладко поющіе волки въ овечьей шкурѣ, а на погибель вашу и семействъ вашихъ, какъ въ жизни настоящей, такъ и въ будущей!“

„Не терзайте-же своими волненіями и своеволіемъ уже измученное сердце Помазанника Божія и не мѣшайте Ему въ Его начинаніяхъ, направленныхъ ко благу вашему и всей, горячо любимой Имъ Россіи!“

Громъ рукоплесканій привѣтствовалъ сказанную рѣчь; собраніе рѣшило напечатать ее въ „Москвичѣ“, подъ заглавіемъ: „Отъ N-скаго отдѣла народно-русскаго союза“ и въ количествѣ десяти тысячъ листовъ разослать по волостнымъ правленіямъ, селамъ и деревнямъ губерніи. Засѣданіе

закончилось, около девяти съ чѣмъ-то часовъ, пѣшемъ „Достойно есть“ и гимномъ „Боже, Царя храни!“ При выходѣ въ переднюю, пока Сахаровъ отыскивалъ свою шубу, Зоя, прощаясь съ Вязьминимъ, вполголоса просила его пріѣхать завтра къ тремъ часамъ, но Юрій отказался въ виду отъѣзда рано утромъ въ Волинское, для сдачи дѣлъ заступающему его мѣсто, Язвину.

XI.

Зоя воротилась домой озабоченная, женское чутье подсказывало ей, что разговоръ ея съ Флоринскимъ, хотя и краткій, непріятно удивилъ Вязьмина. Это сказалось и во взглядѣ его и въ тревожномъ выраженіи лица и въ холодномъ отношеніи къ дѣвушкѣ; во весь вечеръ Юрій ни разу не подошелъ къ ней, а потомъ въ передней, на приглашеніе Канищевой навѣстить ее завтра въ три часа, сухо отвѣтилъ, что не можетъ, въ виду того, что ѣдетъ въ Волинское сдавать дѣла. И тонъ и обращеніе совсѣмъ были не тѣ, къ которымъ привыкла Зоя. Лицо Юрія выражало недоумѣніе и даже нѣкоторое озлобленіе.—„Ревнуетъ!“ мелькнуло въ головѣ дѣвушки.—„Какъ это глупо! Что за недовѣріе!.. Онъ долженъ-же чувствовать, даже видѣть, какъ я люблю его... Это вѣдь не скроешь, какъ ни прикрывай свѣтскими уловками... Мы оба страдаемъ и оба носимъ маски... Но любовь, глубоко закравшуюся въ сердце, не вырвешь по желанію, не заставишь молчать!.. Я назвала ревность глупостью... Можетъ-быть и глупость съ одной стороны, но съ другой ревность—бываетъ спутникомъ сильной любви и пожалуй отчасти и оскорбленнаго самолюбія: кажется, что любимый человѣкъ интересуясь, хотя-бы и простымъ разговоромъ, забываетъ въ эти минуты того, котораго дѣйствительно любить—и вотъ закрадывается въ сердце ревность... Вѣднѣй Юрій! Уѣхалъ встревоженный, оскорбленный... Господи! Долго-ли будемъ мы играть въ прятки!.. Тяжело, ой какъ тяжело! Я и хотѣла-бы успокоить Юрочку, но не могу: это значило-бы открыть ему свое чувство... Къ чему привело-бы это?

— Да будетъ воля Божія! Къ Нему надо обратиться!

Зоя встала на молитву и вскорѣ теплыя слезы успокоили ея взволнованное сердце...

На другой день, какъ только молодая Канишева вернулась съ уроковъ, Надежда Васильевна позвала ее къ себѣ въ спальню:

Зонька... Былъ у меня сегодня этотъ пискунъ... какъ его.. Декапольскій... Признаться я очень удивилась его визиту, такъ какъ день будничнѣйшій и явился онъ—не было еще двухъ часовъ... Пріѣхалъ чуть не сватать тебя! Есть у него племянникъ... Флоринскій, въ удѣлѣ служить... И очень этому Флоринскому хочется въ нашъ домъ втереться... Говорилъ онъ своему дядюшкѣ, что знакомъ съ тобой и очень ты ему нравишься!

— Какъ я счастлива! разсмѣялась Зоя.—Да онъ-то мнѣ не нравится!

— Гдѣ-же вы познакомились?

— Ахъ, бабинька! Да какое-же это знакомство!.. Я встрѣчала его въ домахъ, гдѣ даю уроки, мнѣ его представили, не предупредивъ даже меня, перекинули мы нѣсколько банальныхъ словъ—вотъ и все знакомство! Вчера, въ собраніи, онъ подошелъ ко мнѣ, сболтнулъ что-то, но ничего не говорилъ о томъ, что желалъ-бы представиться.

— Не посмѣлъ... потому и дядюшку подослалъ... Декапольскій пріѣхалъ и спросилъ меня: можетъ-ли племянникъ его сдѣлать мнѣ визитъ? Я отвѣтила, что живемъ мы очень замкнуто, знакомыхъ у насъ немного—только свой старый кружокъ, и новыхъ знакомствъ избѣгаемъ. Да наконецъ не ко мнѣ-же, старухѣ, желаетъ ѣздить вашъ племянникъ, довела я,—а къ моей внучкѣ?

— Конечно.

— Такъ ее и надо спросить... Да и съ какою-же цѣлью племянникъ вашъ желаетъ посѣщать мой домъ... сдѣлать предложеніе Зоѣ Владиміровнѣ?

— Само собой разумѣется! Онъ до безумія влюбленъ въ вашу внучку!.. Сначала познакомятся поближе, а потомъ „Исаія ликуй!“ глупо усмѣхнулся Декапольскій.

— Ну, я вижу, сваха вы неопытная! сказала я.—А если случится противное?.. Во всякомъ случаѣ, Александръ Иванычъ, я тутъ ни при чемъ: это касается моей внучки и я передамъ ей нашъ разговоръ.

— Я, бабинька, серьезно отвѣтила Зоя,—если и выйду замужъ—то не иначе какъ съ вашего благословенія: вы мнѣ

мать да еще лучше многихъ другихъ матерей—это разъ; къ этому прибавлю: и чтобы женихъ мой правился вамъ безусловно; а во-вторыхъ, дорогая моя, заявляю вамъ, что выйду только за того, кого я полюблю всѣмъ сердцемъ, всею душою, котораго хорошо узнаю и котораго буду глубоко уважать!

— Однако, Зонька, невѣста ты обстоятельная! Да гдѣ ты эдакихъ найдешь?

— А не найду—старой дѣвой останусь! Мало-ли ихъ на свѣтѣ... Не велико счастье выходить замужъ такъ, какъ большинство дѣлаетъ, и потомъ клясть свое легкомысліе!

— Итакъ, Зонька, господину Флоринскому значить отказъ?

— Полнѣйшій!—Дорогая моя, ненаглядная! бросилась къ старушкѣ дѣвушка.— Не оставляю я васъ... вмѣстѣ будемъ жить! цѣлуя ея руки, щеки, со слезами говорила Зоя.— На что мнѣ женихи съ вѣтру?.. А что касается г. Флоринскаго,—то онъ мнѣ просто противенъ: злой должно быть: отъ него холодомъ такъ и вѣетъ!

— Чудная ты у меня дѣвушка! растрогалась и Канищева.—Да пошлетъ тебѣ Богъ счастье!

ХII.

Въ концѣ недѣли, въ субботу, около одиннадцати часовъ утра, вернулся изъ Волинскаго Вязьминъ, заѣхалъ къ Шаталову въ управленіе, сговорился съ нимъ обѣдать въ „Якорь“ и направился къ Сахаровымъ: ему очень хотѣлось поскорѣе позондировать Петра Николаевича на счетъ Флоринскаго и его безпокойло, какъ приступить онъ къ этому деликатному и, по его мнѣнію, опасному разговору. Въдѣ весьма легко, подъ давленіемъ тревогъ и мучительныхъ думъ, которыя осаждали Юрія всѣ эти дни, несмотря на присутствіе Язвина и занятія, открыть свои карты Сахарову и, хотя и слегка, компрометировать Зою. Да и сболтнуть можетъ какънибудь Петръ Николаевичъ: старики любятъ иногда, совершенно невинно, подшутить, сказать лишнее.

Къ счастью Вязьмина, этого не случилось: поздоровавшись, Сахаровъ повелъ Юрія въ столовую кушать пирогъ съ семгой, испеченный ради принятія Ольгой Николаевной

Св. Таня, и тогда же счелъ долгомъ слать съ души тяготившую его новость.

— А безъ васъ происшествіе случилось... и крупное: Зоюшку пріѣзжали сватать!

Вязьминъ пересталъ ѣсть и, съ тревогой въ сердцѣ, спросилъ:

— Кто-же это пріѣзжалъ, къ кому... къ Зоѣ Владиміровнѣ?

— Пріѣзжалъ Декапольскій къ бабинькѣ... За племянника хлопоталъ... за Флоринскаго...

— Ну и что-жь?

— Да вы пироги-то кушайте: остынетъ... Выпейте еще рюмочку, съ дорожки! растягивалъ старикъ.—Говорилъ, что племяннику очень хочется представиться Надеждѣ Васильевнѣ, что онъ знакомъ съ Зоей Владиміровной и до безумія влюбленъ въ нее!

— Да вы къ дѣлу-то поскорѣй, а что интереснаго въ болтовнѣ Декапольскаго!

— Я и подхожу... надо вѣдь все по порядку, какъ Надежда Васильевна рассказывала, а то пожалуй собьешься и скажешь то, чего и не было. Вѣдь на восьмой десятокъ мнѣ пошло, Юрій Александровичъ!

— Господи, какъ онъ мямлитъ! воскликнулъ Вязьминъ.—Ольга Николаевна, вѣдь это-же ужасно!

— Ну выпейте рюмочку и я сейчасъ кончу.

— Ну ее, вашу рюмочку! Гдѣ этотъ Флоринскій познакомился съ Зоей Владиміровной?

— Она и говоритъ бабушкѣ: какое это знакомство? Я встрѣчала его въ домахъ, гдѣ даю уроки, мнѣ его представили, не предваривъ даже меня, обмѣнялись мы нѣсколькими пустыми словами—вотъ и все!.. Въ воскресенье, въ собраніи, онъ подошелъ ко мнѣ, булькнулъ что-то, но ничего не говорилъ о желаніи представиться Надеждѣ Васильевнѣ. Это и я слышалъ, рядомъ сидѣлъ.

— Что-же бабушка?

— А она и говоритъ Декапольскому, совершенно резонно: не ко мнѣ-же, старухѣ, желаетъ ѣздить Флоринскій, а къ моей внучкѣ—такъ ее и надо спросить... Да и съ какою-же цѣлью племянникъ вашъ желаетъ посѣщать мой домъ: сдѣлать предложеніе Зоѣ Владиміровнѣ?

— Конечно! отвѣчала Декапольскій.— Сначала познакомятся поближе, а потомъ и „Исайя ликуй!“

— Чистый дуракъ! воскликнулъ Юрій.— И говорить-то порядочно не умѣеть!

— Надежда Васильевна на это сказала ему, что тутъ она ни при чемъ: это касается ея внучки и потому она передастъ ей весь разговоръ.

— А внучка что?

— А внучка — золото, да еще 96 пробы! Вотъ что я имѣю честь доложить вамъ! вдругъ оживился Сахаровъ.— Когда старуха мнѣ все это передавала да дошла до того, что ей отвѣтила Зоя — такъ слезы у нея и брызнули! „Если я и выйду замужъ, сказала Зоюшка, такъ не иначе, какъ съ вашего благословенія: вы мнѣ мать, рѣдкая мать! И при условіи, чтобы женихъ мой правился вамъ безусловно; и наконецъ я выйду только за того, кого люблю всеѣмъ сердцемъ, котораго хорошо узнаю и котораго буду глубоко уважать! А жениховъ съ вѣтру мнѣ не пало! Такъ, бабненька, вы и передайте Декапольскому!“

— О чемъ же Надежда Васильевна плакала?

— А о томъ что, послѣ этого, Зоя бросилась старухѣ на шею, цѣловала ее, плакала и говорила: „Не оставлю васъ! вмѣстѣ будемъ жить! Не найду я человѣка по душѣ — не суждено мнѣ счастье — старой дѣвой останусь! Не велико счастье выходить замужъ такъ, какъ большинство дѣлаетъ, и потомъ проклинать свое легкомысліе! — Ну выпейте теперь рюмочку и закусите пирожкомъ!“

— Хорошо... выпью... А вы вотъ что мнѣ скажите: знаете вы Флоринскаго? Что это за птица?

— Знакомъ шапочно... Говорятъ, что малый онъ ничего себѣ, только въ головѣ его что-то не ладно: горячь и смерть любить настоять на своемъ.

— Мало чего: любить! Еще на кого нарвется!

— Вы рано изъ Волынскаго выѣхали?

— Въ шесть часовъ; а въ десять уже здѣсь былъ. Дорога еще хороша и ухабовъ мало. — Ну, а какъ въ городѣ?

— Да все то-же. Крупнаго пока ничего. Слухи носятъ, что перваго мая готовится грандіозная демонстрація и праздникъ рабочихъ...

— А я слышалъ, что въ подгороднихъ деревняхъ не-

ненависть къ ссыльнымъ и жидамъ все растетъ и растетъ... Мужики обижаются: „вонъ какъ начальство-то балуетъ ихъ, каторжныхъ: ссыльному, который на Царя пошелъ, коли семейный, сорокъ рублей въ мѣсяцъ на харчи отваливаютъ, а онъ не то что работаетъ—бражничаетъ только да готовится, когда его простятъ, снова за свое поганое дѣло приняться, а нашъ братъ—мужикъ, какъ ни гни спину, какъ ни ковыряй пашню—и поменьше сорока рублей въ мѣсяцъ не наработаетъ! Боюсь я, какъ бы намъ до погрома не дожить!

— Весьма возможно: мнѣ на дняхъ вѣрный человѣкъ сообщалъ, что подъ давленіемъ всѣхъ этихъ Корсинскихъ, Бержинцевыхъ и другихъ красныхъ, Увертышевъ, понемножку, допустилъ скопленіе въ городѣ тысячи слишкомъ ссыльныхъ и, будто бы, многіе изъ нихъ вооружены... А у насъ и ста человѣкъ охранителей не наберется!

Позвонили.

— Не Зоя-ли?—Оля! Она знаетъ, что ты причащалась?

— Не думаю: я ей не говорила.

Наталья подала телеграмму.

— Это отъ кого? удивился Сахаровъ: прочелъ, перекрестился и подалъ депешу Вязьмину.—Царство ей небесное!

Юрій вздрогнулъ и, черезъ минуту, сквозь слезы обратился къ Ольгѣ Николаевнѣ:

— Скончалась мученица!

Наступило молчаніе; Вязьминъ прочелъ депешу:

„Сегодня десять часовъ Вязьмина скончалась не приходя въ сознаніе Сообщите“

Шпилевскій.

— Это подишь врача, пояснилъ Юрій;—надо взять въ банкъ денегъ и вечеромъ ѣхать... Бѣдная, бѣдная... и въ себя-то не пришла! снова всплакнулъ Вязьминъ.

— Полноте, голубчикъ, успокоивала Ольга Николаевна:—надо Бога благодарить, что прибралъ ее: семь лѣтъ мучилась! Тенерь она тамъ, гдѣ можетъ-быть намъ и не бывать! Выстрадала... да и какіе у нея грѣхи-то были!

— Да, Ольга Николаевна: добрая она была, кроткая... Богу какъ молилась!—Однако надо ѣхать: скоро и банкъ закроютъ... Вѣдь тамъ только до двухъ? (Сахаровъ утверди-

тельно кивнулъ головой)—Домой еще захватить надо: книжку чековъ взять.—Ну, прощайте, дорогіе!

Онъ крѣпко поцѣловался съ Сахаровыми и пошелъ въ переднюю.

— Да, вспомнилъ онъ: Голубчикъ Петръ Николаичъ, вотъ десять вамъ рублей—отслужите ради Бога сегодня за вечерней и завтра панихиды.. Тамъ, въ лечебницѣ, врядъ-ли отслужать: остальные деньги раздайте нищимъ. Сдѣлайте это, дорогой мой, въ память покойницы!.. Простите, что беспокою!

— Какое тамъ беспокойство! обнялъ Вязьмина Сахаровъ.—Христось съ вами! Увѣдомьте, когда вернетесь.

— Да ужъ не ранѣе конца страстной!.. въ Москвѣ и поговѣю..

Юрій уѣхалъ.

Дорогой онъ задумался: „не слишкомъ-ли скоро открывать Зоѣ свою тайну, которую я такъ долго скрывалъ? Хотя, въ семилѣтній періодъ болѣзни жены, я питалъ къ ней почти одну жалость, а въ послѣдніе мѣсяцы, когда страстно полюбилъ Зою, даже тяготился своимъ безвыходнымъ положеніемъ, тѣмъ не менѣе дѣлать официальное предложеніе любимой дѣвушкѣ въ то время, когда жена моя еще не похоронена, не только неловко въ виду мнѣнія общества и близкихъ людей, но и простаго обычая. Какъ-же быть? Не сегодня-завтра Зоя узнаетъ о смерти моей жены и объ отъѣздѣ моемъ въ Москву; сначала будетъ поражена, а потомъ и глубоко огорчена моимъ поступкомъ и мною, не объявившимъ ей даже о смерти жены.. Всевозможныя предположенія, мрачныя мысли охватятъ ее.. Жившая почти годъ надеждою на счастье, Зоя будетъ убита въ одно мгновеніе! За что же? Да и къ чему это фарисейство? Неужели, ради того, чтобы угодить нѣсколькимъ свѣтскимъ контролерамъ, слѣдуетъ терзать любимое существо и хладнокровно разбивать ея надежды? Да и кого увѣрить въ томъ, что, послѣ семилѣтней разлуки и приговора врачей о неизлечимости сумасшествія жены моей, скорбь моя до того велика, что я даже не обращаю вниманія на страданія дѣвушки, которую страстно люблю и въ которой впервые возбуждалъ и развивалъ это чувство? Нѣтъ! До истеченія извѣ-

стнаго срока, я останусь для общества въ прежнихъ отношеніяхъ къ Зоѣ, но сейчасъ-же сообщу ей о смерти жены, о томъ, что я свободенъ и считаю ее своей невѣстою... Я долженъ поступить такъ—и поступлю!“

Получивъ изъ банка деньги и вспомнивъ, что по субботамъ Зоя приходитъ съ уроковъ въ два часа, Вязьминъ велѣлъ везти себя къ Канищевымъ. Зоя была уже дома, когда онъ пріѣхалъ, а Надежда Васильевна отдыхала передъ обѣдомъ. Дѣвушка радостно встрѣтила Юрія, повела его въ гостиную и, узнавъ, что онъ сегодня вернулся изъ Волынскаго и уже видѣлъ Сахарова, весело спросила:

— Слышали?

— О предложеніи, сдѣланномъ вамъ Флоринскимъ, черезъ Декапольскаго?

— Да.

— Все мнѣ рассказалъ Петръ Николаичъ... Чудное у васъ сердце, Зоя Владиміровна! горячо сказалъ Вязьминъ.

Дѣвушка покраснѣла.

— Почему чудное? Не потому-ли что отказала Флоринскому? Такъ вѣдь это только самоохраненіе! улыбнулась она.

— Нѣтъ... Что Флоринскій! Ваша привязанность къ бабушкѣ, благодарность за ея попеченія—вотъ что рѣдкость въ нынѣшнее время!

— Ну, будетъ меня расхваливать! Я люблю бабиньку не по долгу, а по влеченію къ ней и за это должна благодарить Бога, а не возвеличивать себя!

— А знаете, что я скажу вамъ: вы вотъ отдѣлались отъ сватовства Флоринскаго, а вамъ грозитъ другое!

— Неужели? встрепенулась Зоя.

— Да, и очень скоро!

Дѣвушка задумалась.

— Перебираю въ умѣ и ни на комъ не могу остановиться.

Юрій передалъ ей телеграмму.

Что это? развернула она ее, прочла и вдругъ поблѣднѣла... Прошло нѣсколько секундъ. Вязьминъ пристально глядѣлъ на нее.

— Вы?! закрывъ лицо руками, вскричала она, затрепетавъ, и сквозь ея пальцы скатилась слеза.

— Да, я, который васъ безумно любитъ, съ пріѣзда ва-

него въ Вольтское!.. Зонька! подойдя къ ней и отнимая ея руки, дрожащимъ полупшепотомъ молилъ онъ ее.—Взгляните на меня... Вы—моя или чужая?

— Ваша, Юрій! склонила она голову на грудь. На всю жизнь!

Онъ робко поцѣловалъ ея взбитые, тонкіе волосы и дрожащею рукой прикоснулся къ ея стану:—Успокойтесь... отдохните... потомъ скажите бабушкѣ... Въ одиннадцать часовъ я ѣду въ Москву, а въ восемь буду ужинать у васъ... Господи! горячо цѣлуя ея руки, воскликнулъ Вязьминъ.—Неужели это не сонъ?.. Зонька... вы падѣтесь быть счастливой?

— Съ самой нашей встрѣчи у дяди Петра Николаича, вы, Юрій, сдѣлались моей мечтой!—и вотъ мечта осуществилась! Чего-же больше?.. Поѣзжайте домой, приготовьтесь къ отъѣзду и, если можно, явитесь къ намъ пораньше!

— Зонька дорогая... только никому ни слова! Ради Бога!.. Даже чтобы люди не знали..., цѣлуя ея руки, прошепталъ Вязьминъ.

— Будьте покойны... Это—тайна насъ тронхъ!

За обѣдомъ Юрій сообщилъ Шаталову о кончинѣ жены и о своей поѣздкѣ въ Москву, сказалъ, что вечеромъ дома не будетъ, и просилъ не провожать его на вокзалъ.

— И желалъ-бы да не могу, утѣшилъ его Дмитрій Никитичъ:—до полуночи придется сидѣть въ управленіи... опять навязалъ губернаторъ работу... И пристааетъ-же онъ ко мнѣ!.. Смерть хочется ему меня выкурить! Нѣтъ, братъ, шалишь: не уйду!..—Отъ Ширяева, безъ тебя, письмо получилъ... такое прочувствованное... Счастливъ, какъ мѣдный грошъ! И то сказать: Леночка—это образецъ кротости и любви... Слава Богу, что все такъ устроилось; я радуюсь за дѣвочку: хоть отецъ теперь есть!

— Я тоже получилъ отъ него благодарственное письмо... Хорошій человѣкъ! А вѣдь чуть не погибъ; если-бъ не о. Смѣлковъ пожалуй и совѣмъ-бы золоторотцемъ сдѣлался! Я въ особенности радъ за Леночку: не ожидала она, бѣдная, такой милости Божіей!

— Очень хочется мнѣ—ну, да это когда Иванъ Константиновичъ будетъ утверждень, на мѣсто моего помощника

Ворончевскаго, который уходитъ, Ширяева пріобрѣсти: чело-
вѣкъ нашего общества, дѣльный, честный, порядочный, на
котораго во всемъ положиться можно.

А Ворончевскій куда уходитъ?

— Просился въ Ростилевскій уѣздъ исправникомъ, по
губернаторъ ему шишъ показалъ. Говорятъ, что теперь въ
городскую управу мѣтитъ... Удивляюсь, чего онъ пороги
обиваетъ: на что ему служба? За женой денежки взять и
не малыя, дѣтей нѣтъ...

— Ну, будьте здоровы, Дмитрій Никитычъ, облобы-
зался съ нимъ Юрій:—я отправлюсь теперь къ себѣ, собе-
русь и поѣду по одному дѣльцу.

— А я читаю газеты, выпью бутылку шва и опять
въ управленіе. Прощай, Юрочка!

Когда вечеромъ Вязьминъ пріѣхалъ къ Канщевымъ
и входилъ въ гостиную, гдѣ сидѣла Надежда Васильевна и
Зоя, бабушка вдругъ поднялась со своего кресла и пошла
на встрѣчу Юрію; съ веселымъ лицомъ, охватила она
обѣими руками его голову, крѣпко его поцѣловала и дро-
жащимъ голосомъ сказала: „Господь услышалъ мои мо-
литвы и избралъ васъ, дорогой Юрій, женихомъ моей без-
цѣнной Зои... Вы очень хорошо знаете, какъ я люблю васъ,
а теперь узнайте, какъ я счастлива, что человекъ, который
сталъ мнѣ близокъ, обожаетъ мою дорогую дѣвочку, а она
отвѣчаетъ ему тѣмъ-же! Живите, во славу Божію, любите
другъ друга и примите мое грѣшное благословеніе, отъ
всего сердца вамъ подаваемое!“

— Старушка взяла изъ рукъ Зои старинную икону
Казанской Божіей Матери и, съ глазами полными слезъ,
благословила колѣнопреклоненныхъ жениха и невѣсту.

— Велика моя радость, друзья мои, садясь на свое
кресло и цѣлуя обонхъ,—сказала бабушка:—не ждала я та-
кой милости Божіей! Я видѣла и чувствовала ваше влече-
ніе другъ къ другу и боялась только одного: что измучаете
вы оба въ ожиданіи счастья, но милосердый Господь
внялъ моей молитвѣ, благословилъ вашъ честный бракъ и
вотъ вы—женихъ и невѣста! Будьте счастливы, а меня,

грѣшную, считайте всегда за самую близкую къ вамъ сердцемъ, старуху!

Послѣднія слова бабушка окончила уже расплакавшись. Зоя и Юрій, растроганные, благодарные, на колѣнахъ припали къ ея рукамъ, цѣлуя ихъ. Черезъ минуту, Надежда Васильевна встала, поцѣловала ихъ обопхъ и вышла изъ гостиной.

— Я схожу, похлопочу объ ужинѣ, сказала она, но счастливые Зоя и Юрій поняли, что добрая старушка ушла, не желая стѣснять ихъ.

XIII.

— Ну, каково съѣздить? протирая глаза, соннымъ голосомъ спросилъ Шаталовъ, разбуженный, въ семь часовъ утра Великой Субботы, только что пріѣхавшимъ съ вокзала Вязьминнымъ.

— Что долго пробылъ въ Москвѣ?.. Скука тамъ зеленая!

— Да я на веселье что ли туда ѣздить? Ты не проснулся еще какъ видно, Дмитрій! здороваясь съ нимъ, отвѣтилъ Юрій.—26 былъ девятый день Лизѣ, потомъ говѣлъ у нашего бывшаго законоучителя.

— А гдѣ похоронилъ жену?

— Въ Алексѣевскомъ монастырѣ... Ну, Митя, до чего и похуѣла Лиза: кожа да кости! Скончалась совершенно покойно: заснула, какъ сообщилъ мнѣ врачъ, бывшій при ея кончинѣ. Хотя и не приходила она въ себя, но причастилась и за нѣсколько минутъ до смерти перекрестилась.

— Да развѣ душевно-больныхъ причащаютъ?

Ихъ причащаютъ какъ младенцевъ: безъ исповѣди.

— Господь съ ней, Юрочка... Царство ей небесное! Пора ей было умереть: семь лѣтъ вѣдь промучилась да и ты связанъ былъ; какая ужъ жизнь, ни два ни полтора! А года-то, милый другъ, уходятъ да уходятъ! „Мертвый въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій!“ продекламировалъ Шаталовъ. Арсеній! крикнулъ онъ:—Чаю!

— Сейчасъ самоваръ вскипитъ, отвѣтилъ слуга изъ столовой.

— Всѣ здоровы? Сахаровы, Канищевы, Ольхины?

— Должно быть здоровы... У Сахаровыхъ былъ дня три назадъ, а къ Каннищевымъ не смѣлъ заѣхать—говѣли, а вчера, въ страстную пятницу, неудобно. Петръ Николаичъ все волновался по поводу выборовъ и дѣйствительно, какіе только выкрутасы продѣлывала „демократическая партія“—ума помраченіе! Правые союзы выказали слабую предвыборную дѣятельность... Ну да молоды еще! Демократическая партія не стѣснялась ни способами ни средствами... Пускались въ ходъ явно предосудительныя, а иногда и просто хулиганскія средства для достиженія успѣха. Городской голова Толстопятовъ руководилъ городскими выборами, а Корсинскій провѣрялъ ихъ правильность. Дѣйствовали они въ пользу своей партіи и, конечно, нагло. Напримѣръ, при выборахъ въ городскіе выборщики насильно всовывались простонародью листки съ напечатанными на нихъ фамиліями: Корсинскій, Толстопятовъ, Бержинцевъ и отбирались листки съ написанными другими фамиліями, какъ якобы незаконные. Немудрено, что въ результатъ оказалось, что по городу прошла эта тройка! Подлая газетка „Свобода“ работала также во всю: 25 числа, наканунѣ выбора пяти представителей отъ губерніи въ Государственную Думу, газета напечатала воззваніе къ крестьянамъ, что если вы, дескать, выберете представителей изъ партіи, отстаивающихъ старые порядки, чиновничье своеволіе и т. п.—то вы закрѣпите старый гнетъ и всю народную нищету! Надо, чтобы народные представители обладали политическими качествами, были граждански-смѣлыми... Изъ всѣхъ лѣвыхъ партій, защищающихъ крестьянскіе интересы—единственная допущенная къ выборамъ „демократическая“. Поэтому, если изъ своей среды вы не можете выбрать стойкихъ и смѣлыхъ защитниковъ вашихъ интересовъ—подавайте голоса за представителей демократической партіи.

— Ну и что-же... кто пошелъ въ Думу? Неужели лѣвые?

— Грибъ съѣли Толстопятовъ и К^о, съѣхавшіеся на выборы въ Государственную Думу крестьяне—выборщики, тотчасъ-же освѣдомленные о результатѣ городскихъ выборовъ, прекрасно на нихъ отвѣтили: пропустили только бывшего губернскаго предводителя дворянства Касьянова, и то лишь изъ „нисхожденія“, какъ они выражались, а че-

тырехъ остальныхъ выбрали крестьянъ изъ монархическихъ партій!

— Воображаю, какъ всяэта революціонная дрянь озлилась!

— Еще бы! „Свобода“ все запугиваетъ слабыхъ и сѣрыхъ людей: въ одномъ изъ померовъ возвѣщаетъ, что „за послѣдніе дни наблюдается большой отъѣздъ за границу высокопоставленныхъ лицъ“ (вретъ конечно) и въ скобкахъ редакція объясняетъ: „когда корабль тонетъ— крысы разбѣгаются“!

— Съ какимъ удовольствіемъ я выпоролъ-бы этого наглеца-редактора! замѣтилъ Юрій.

— Пстой... я тебѣ повѣдаю еще перлы! начиная одѣваться, сказалъ Шаталовъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Свободы“ есть очеркъ политическихъ, сатирическихъ журналовъ... Видалъ ты эту мерзость?

— И видѣлъ, и читалъ; но, конечно, одинъ только разъ, чтобы имѣть понятіе...

— Восхваляетъ эту quasi—сатиру какой-то Зайцевъ... жидъ вѣроятно... въ „Свободѣ“ все больше жида орудуютъ... „Развлеченіе“, „Осколки“, „Стрекозу“, „Будильникъ“—ругаетъ во всю: „годятся“, пишетъ фельетонистъ,— только для трактирныхъ завсегдаевъ, низшаго сорта. Эти убогіе журналы пробавлялись: дешевымъ остроуміемъ, обличеніемъ городскихъ и кокотокъ, а теперь у насъ масса сатирическихъ журналовъ, серіозныхъ (?!), содержательныхъ, ни мало неуступающихъ заграничнымъ изданіямъ“ (какъ будто за границей мало всякой дряни!) Нѣтъ... лучше я тебѣ нѣкоторыя выдержки прочту: много комичнаго!.. Шаталовъ подошелъ къ этажеркѣ, порылся въ газетахъ, и, выбравъ одинъ изъ номеровъ, продолжалъ: „Обычныя темы рисунковъ: горящія зданія, цѣлые города въ пламени и, на огненномъ фонѣ, темные силуэты церковныхъ куполовъ и колоколенъ, какъ бы напоминающихъ о томъ, что дѣло происходитъ въ христіанской странѣ: развалины домовъ, груды труповъ, мчащіеся казаки, озаренные багровымъ заревомъ, стрѣляющіе солдаты, челоувѣчскій черепъ (этотъ-то откуда явился ?!), скелетъ (еще того лучше!), висѣлица, тюрьма, поле, покрытое могилами“...

— А объ убитыхъ подлымъ образомъ вѣрноподданныхъ, людяхъ долга и чести молчокъ? Поле, покрытое могилами мучениковъ, не обширнѣе-ли поля измѣнниковъ, предателей, воровъ и грабителей? воскликнулъ Юрій.

— Не кипятись... дай дочитать... хладнокровно остановишь его Шаталовъ: „Каррикатуры, рисунки, стихи, проза— все съ политическимъ содержаніемъ и все полно остроумія, очень тонкаго, ядовитаго... Весьма удачны пародіи на картины Семирадскаго, Васнецова, на стихотворенія Пушкина, Лермонтова; каррикатуры много: на Дурново, Трепова, Дубасова, Побѣдоносцева и другихъ черносотенцевъ“. „Откуда же все это взялось?.. Да ни откуда: все это уже было, но лежало подъ спудомъ, подъ цензурнымъ запретомъ—такъ же точно, какъ понынѣ въ нашемъ народѣ таятся громадныя интеллектуальныя силы, ожидающія лишь освобожденія для того, чтобы забить ключемъ, для блага родины и всего міра. Оттуда, изъ нѣдръ этой, теперь сѣрой, задавленной, оскорбляемой, униженной народнои массы лишь только во мракъ нашей жизни пробьется лучъ свободы,—выйдутъ великіе писатели, ученые, реформаторы, великіе мыслители, художники, изобрѣтатели... Повторяю: на нашихъ глазахъ, лишь только общественная мысль выбилась на свободу—разомъ явился у насъ цѣлый рядъ даровитыхъ сатириковъ-писателей и художниковъ“.

— Ну будетъ, Митя... революціонный бредъ... Ты до того увлекся этимъ „мыслителемъ“ Зайцевымъ, что мнѣ и закусить не предложилъ!

— Вѣрно!— Арсеній, принеси голубчикъ, паюсную икру и пирожки съ семгой... Водки не давай—равно.

— Еще что! Слушалъ—слушалъ натошакъ, твореніе Зайцева да меня—же и обижаютъ!

— Ну, хорошо: будетъ тебѣ и водка и рюмка хересу, если захочешь, только выслушай еще нѣсколько строкъ...

Вязьминъ вздохнулъ.

— О, Господи! Ну, читай.

— Привожу въ отрывкахъ нѣсколько образчиковъ: на примѣръ на вопросъ: „Кому живется весело?“ слѣдуетъ отвѣтъ: „Поцу медоточивому, „герою съ аксельбантами, любому губернатору—манежному оратору; правопорядку правому, —городовому бравому; сыскному отдѣленію и М-ну генію, извѣстному предателю, С-цу писателю; премьеру, графу новому, всегда на все готовому, всѣмъ имъ живется весело, вольготно на „Руси“.—Въ стихотвореніи „Прогрессъ“ проводится параллель между прошлымъ и настоящимъ: „Было

время „мы въичали военной славой казака, а нынче охранять послали добро казеннаго шинка! Въ былые дни могуцей ратью на басурмана шли войска—теперь мы бьемъ родную братью, идемъ войной на мужика!.. Мы прежде събли безъ утайки, свершая приговоръ суда,—теперь мы всякаго въ нагайки принять готовы безъ стыда!“

— Ну, Митя, Арсеній принесть приказанное, закуска моя пачинается, а чтеніе твое кончается!

— Ага! Твореніе Зайцева до того на тебя подѣйствовало, что самъ заговорилъ рифмами!.. Ну, такъ и быть, и я „пофрыштыкаю“, какъ говорятъ петербуржцы!

— А затѣмъ я спать лягу: въ вагонъ до того было набито, что не до сна было.

— Дома обѣдаешь?

— Да. А что къ обѣду будетъ?

— Уха изъ налима, растегай съ семгой и холодная нельма подъ маіонезомъ.

— Прелесть!

— Вина хочешь?

— Никакого.. Бутылку пива.

Около двухъ часовъ дня, Вязьминъ проснулся и, совершивъ свой туалетъ, отправился къ Каницевымъ. Зоя онъ увидѣлъ еще подѣзжая къ дому, сидящую у окна гостининой; дѣвушка быстро пробѣжала въ переднюю, такъ что Юрій не успѣлъ и позвонить. Сбросивъ шубу, Вязьминъ поцѣловалъ руки Зои и, вручивъ ей большое, обтянутое красной шелковой матеріей, съ золотыми украшеніями, яйцо, послѣдовалъ за нею въ гостиную. Зоя, поблагодаривъ Юрія, сѣла рядомъ съ нимъ на диванъ и торопливо открыла яйцо: въ немъ оказались три изящныхъ футлярчика, съ клеймами извѣстнаго московскаго ювелира. Раскрывъ первый, побольше, она вынула массивный золотой браслетъ съ овальнымъ, открывающимся медальономъ, украшеннымъ крупнымъ брилліантомъ; въ медальонѣ вставленъ былъ миниатюрный, прекрасный портретъ Вязьмина; во второмъ футлярѣ—часы съ голубою эмалью и монограмой Зои, на шейномъ coulant; въ третьемъ—простая, но весьма изящной работы золотая брошь, съ крупнымъ рубиномъ, и наконецъ въ небольшой коробчкѣ—обручальное кольцо съ надписью „Юрій. 1906 года“.

Зоя была въ восторгѣ и въ большомъ замѣшательствѣ: на нее упорно смотрѣлъ и какъ будто чего-то ожидалъ счастливый, радостный Вязьминъ.

— Юрій! наконецъ обратилась она къ нему:—Какъ вы меня балуете... Какая прелесть вашъ подарокъ... но мнѣ всего дороже колечко! —Merci, милый! протянула она ему руку, которую Вязьминъ горячо поцѣловалъ.

— А мнѣ, Зонька, будетъ оно еще дороже, когда на немъ вырѣжутъ мѣсяцъ и число!

— Вы въ соборѣ будете у заутрени? спросила, помолчавъ, дѣвушка.

— Да; хочется въ послѣдній разъ показаться въ мундирѣ земскаго начальника, повидать добрыхъ знакомыхъ; а то пожалуй придумаютъ, что мнѣ стыдно являться туда, гдѣ бываетъ губернаторъ. Домнинъ ужъ сообщилъ мнѣ, у Мерцаловой, что ходятъ слухи, будто не самъ я подалъ въ отставку, а Увертышевъ потребовалъ!

— Отъ злыхъ людей не убережешься! А вы, Юрій, больше не намѣрены служить?

— Безъ службы я жить не могу... Не могу быть эгоистомъ и заниматься исключительно своимъ хозяйствомъ... Въ настоящее время нашъ долгъ служить Царю и родинѣ! Скажу вамъ, моя безцѣнная Зонька, подъ величайшимъ секретомъ: какъ только Иванъ Константинычъ будетъ утверждёнъ—я буду баллотироваться въ уѣздные предводители, на его мѣсто... Ольхинъ почти увѣренъ, что меня выберутъ. А впоследствии, если Богу будетъ угодно, изъ предводителей можно и въ вице-губернаторы попасть.

— Хорошо-бы.

— И вдругъ, Зонька, подъ вѣнцомъ я буду стоять въ предводительскомъ мундирѣ! Вамъ будетъ пріятно быть женой предводителя?

— Еще бы: такого-то молодого!

— Только, ради Бога, не проговоритесь... Даже бабушкѣ... Иванъ Константинычъ съѣстъ меня! Онъ взялъ съ меня слово, что никто про это не узнаетъ...

— Ну, да вѣдь тогда невѣсты у васъ не было! улыбнулась дѣвушка.—Нѣтъ, я шучу... Будьте покойны: на это я—совершенная могила! Вотъ сдерживать свои порывы, слегка краснѣя, улыбнулась она,—я не мастерица!

— Какіе это порывы?

— А вотъ въ послѣднее время, нагнувъ нѣсколько голову и разсматривая подаренное яйцо, проговорила, она, въ разговорахъ съ вами, у меня часто срывались не только слова, а даже цѣлыя фразы, которыя слѣдовало-бы удерживать въ себѣ.—И хватишься, да уже поздно!

— А эти-то фразы и смягчали во мнѣ приступы тоски и отчаянія! Передъ самымъ отъѣздомъ вашимъ изъ Волинскаго, когда на берегу рѣки вы плакали, сидя на скамейкѣ,—эти горькія для васъ минуты были для меня отрадой: я понималъ, что любимъ! Юрій взялъ руку Зои и страстно поцѣловалъ.

— Да откуда вы это знаете?

Вязьминъ подробно разсказалъ ей, какъ, случайно, онъ увидалъ ее изъ-за кустовъ и съ какимъ трепетомъ слѣдилъ за малѣйшимъ ея движеніемъ.

— Тяжелы были эти минуты! вспомнила со вздохомъ Зоя. Слишкомъ два мѣсяца видѣть васъ каждый день, все болѣе и болѣе убѣждаться въ вашей любви и вдругъ—разлука... можетъ быть навсегда!

— Мнѣ ужасно хочется объявить о нашей помолвкѣ: эти постоянныя маски меня просто мучаютъ!

— Нельзя, Юрочка...

— Какъ вы сказали?

— Юрочка... разсмѣялась Зоя.

— Ну, за это ручку!

— Возьмите обѣ, протянула ихъ дѣвушка:—обѣ чистыя! Помните: какъ гдѣ-то у Островскаго...

— А вотъ что, Зоинька: спрячьте-ка яйцо, а то придетъ горничная и всѣ наши тайны обнаружатся... Бабушкѣ потомъ покажете...

Зоя взяла яйцо и заперла въ одну изъ тумбочекъ.

— Я у васъ разгавливаться не стану, началъ было Вязьминъ.

— И не придется! перебила его, смѣясь, дѣвушка.—Бабушка ляжетъ спать какъ обыкновенно и въ церковь не пойдетъ, а я отправлюсь къ „Введенію“ съ старушкой Калеріей, которая за мной придетъ. Звать васъ одного—пойдутъ разговоры, а съ Шаталовымъ—надо стѣсняться. А вотъ завтра извольте у насъ обѣдать и пригласить Дмитрія Никитича...—Вы поѣдете въ дворянское собраніе на поздравленіе?

— Непремѣнно. Выпью бокаль шампанскаго, заплачу за входъ два рубля, потомъ сдѣлаю нѣсколько визитовъ самымъ близкимъ знакомымъ и приѣду христосоваться съ господами Канищевыми. Мнѣ скажу, что его будутъ ждать только до четырехъ часовъ.

— Прекрасно!

— А теперь до свиданія моя дорогая, чудная Зонька! Цѣлуя ея руки, направился Вязминъ въ переднюю.

— Хороша чудная, съ которой женихъ даже часу не просидѣлъ!

— Нельзя, моя ненаглядная: сейчасъ пронохаютъ, что у васъ слѣдѣть, а я желаю скрыть это и отъ Сахаровыхъ и отъ Шаталова—имѣйте это въ виду!

XIV.

Миновала Святая, приближается къ концу Юминная недѣля; къ половинѣ апрѣля подошло время... Прошла рѣка, сбѣжали снѣга; на улицахъ города заботливые огородники сгребаютъ грязь и, по просушкѣ, развозятъ ее на свои огороды. Ярко сіяетъ весеннее солнце на голубомъ небѣ, дни становятся все теплѣе и длиннѣе; природа оживилась и манитъ человѣка тоже возродиться и радостно преклониться передъ величіемъ Божиимъ! Но не такъ встрѣчена въ Н. весна. Тихо, съ опасеніемъ въ душѣ, глядятъ городскіе обыватели въ будущее... Волнуется, жаждетъ крови и разрушенія крамольный, обезумѣвшій людъ,—сосредоточенно, сумрачно слѣдитъ за его выходками сѣрая, вѣрноподданная деревня, стойкіе, вѣрные присягѣ слуги Царскіе! Жизнь мирныхъ горожанъ и крестьянъ идетъ обычнымъ порядкомъ: землепашцы готовятся къ началу сельскихъ работъ, рабочій людъ стремится на промыслы, въ городѣ Н. собираются аргели всевозможныхъ профессій. Все это—мирная работа... Русскій человѣкъ приступаетъ, въ потѣ лица, зарабатывать хлѣбъ для себя и для своей семьи...

Идетъ работа и у отвергшихся мирной жизни... Но не осѣняя себя православнымъ крестомъ трудятся эти люди, не съ упованіемъ на Бога ждуть они будущей жатвы, не заботы о пропитаніи себя и семьи руководятъ ими—гордость, злоба и страсть къ разрушенію обуяла ихъ... Это несчастные, погибшіе прислужники дьявола!

Скучно живется въ городѣ N.: всѣ ждутъ чего-то и трепещутъ... Словно овцы безъ пастыря, они уже заранѣе преклоняются передъ, вдругъ охрабрѣвшемъ, жидомъ, озвѣрѣвшимъ хулиганомъ... Надѣяться не на что... Они знаютъ, что, противъ сотенъ крамольныхъ изверговъ, у нихъ только человекъ шестьдесятъ защитниковъ, плохо вооруженныхъ, перепуганныхъ дерзостью „освободителей“, невѣрующихъ въ силу губернской власти.

Было время, и очень недавнее, когда населеніе города N. съ гордостью заявляло: „У насъ крамола не привьется!“ —А теперь?.. Мы указывали уже на похороны ссыльнаго грузина, на невозможныя забастовки, дерзкія манифестаціи, совершавшіяся при полномъ попустительствѣ власти, на несдерживаемую никѣмъ анархію. Мы указывали на то, что, какъ будто нарочно, въ подкрѣпленіе слуховъ о предстоящемъ празднованіи перваго мая, собраны въ губернской городѣ ссыльные изъ отдаленныхъ уѣздныхъ городовъ. Проповѣдь революціи лихорадочно идетъ среди мѣстнаго населенія и, въ особенности, среди сбитой съ толку молодежи. На Святой недѣлѣ, съ разрѣшенія подобающей власти, устроенъ былъ въ „народномъ домѣ“ литературный вечеръ „въ пользу комитета помощи политическимъ ссыльнымъ“. Цѣль вечера была прямо обозначена на программѣ „разрѣшенной къ печатанію!“

Разнаго рода шествія съ красными и черными тряпками и возмутительными на нихъ надписями, съ пѣніемъ наглыхъ и лживыхъ революціонныхъ пѣсенъ—чуть не ежедневны: въ день рожденія губернатора, когда присные его, послѣ обѣда, пили кофе на балконѣ, обращенномъ къ набережной, цѣлая флотилія лодокъ, съ красными флагами, плыла по рѣкѣ мимо дома губернатора, увеселяя сидѣвшихъ на балконѣ пѣніемъ марсельезы и доморощенныхъ революціонныхъ пѣсенъ. На-дняхъ, на вокзалѣ для встрѣчи сосланнаго въ * отъявленнаго крамольника изъ жидовъ, профессора Г. собралась цѣлая толпа. Около двухъ часовъ Г. говорилъ зажигательную рѣчь. Чтобы дать послушаться ея полностью, поѣздъ былъ задержанъ и пошелъ съ запозданіемъ. Полиціи при этомъ конечно не было. Послѣ отхода поѣзда, толпа съ пѣснями и криками двинулась по улицамъ.

Все это возбуждаетъ глухое недовольство въ простомъ

народъ... Пропаганда растеть, земскіе сборы и расходы земства на его просвѣтительную (читай: крамольную) дѣятельность, увеличиваются... Издѣвательство надъ православіемъ, оскорбленіе Особы Государя Императора, поношеніе всего русскаго, красный флагъ вмѣсто національнаго—бѣсятъ народъ. Тяжело ему смотрѣть на это оилеваніе, кучкой ошалѣвшихъ полузвѣрей, [всего того, что ему дорого, что въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, дѣдами и прадѣдами его, считалось святыней!.. Молчитъ пока терпѣливый сѣверянинъ, но злоба его на непрошенныхъ „освободителей“ все увеличивается—и близится неминуемый часъ отмщенія!

Шестнадцатое апрѣля—день рожденія Сахарова; онъ только что пришелъ отъ обѣдни, снялъ сюртукъ и, въ ожиданіи гостей, сѣлъ на диванъ, покурить. Ольга Николаевна, поздравивъ брата вторично, ушла въ кухню наблюдать за „курникомъ“, Наталья оканчивала сервировку стола. Послышались гуль отъ резиновыхъ шинъ, стукъ подковъ—и отъ бульвара показалась карета, которая, по мѣрѣ приближенія къ дому Сахарова, ѣхала все тише и тише и наконецъ завернула на его дворъ. Петръ Николаевичъ торопливо надѣлъ сюртукъ и подошелъ къ окну; изъ кареты вышелъ сначала Вязьминъ, а за нимъ Зоя.

— Это что такое? растерялся старикъ; Наталья! Отворяй! бросая трубочку, крикнулъ онъ и остановился на порогѣ зальца.

Дверь открылась.

— Поздравляю васъ, дядюшка, съ днемъ рожденія! весело сказалъ Юрій, снимая съ Зои новенькій ватерпруфъ.

— Поздравляю васъ, мой дорогой! обняла Петра Николаевича дѣвушка.

— Да позвольте, цѣлуя племянницу и Вязьмина, обратился онъ къ нему:—какой я вамъ дядя?

— Позвольте вамъ представить моего жениха! радостно отвѣтила Зоя.

— Господи! совсѣмъ растерялся Сахаровъ, цѣлуя ее и Юрія;—голубчики мои... дай вамъ Богъ счастья, здоровья, всего лучшаго! и слезы блеснули у него на глазахъ.—Оля!.. Олинъка!

Встревоженная Ольга Николаевна чутъ невбѣжала въ залу.

Что такое?

— Женихъ и невѣста... Слышишь-ли? Женихъ и невѣста! Два друга... еще ближе намъ стали...—Ой вы, милые, дорогие... Чуяло мое сердце!

И онъ опять, со слезами, обнималъ то Юрія, то Зою... Ольга Николаевна, тихо плача, поцѣловала обоихъ и ушла въ столовую.

— Милые мои! оглядывалъ Петръ Николаевичъ своихъ любимцевъ;—воображаю, какъ бабинька-то рада!

— Просто до безумія! А намъ еще пріятнѣе видѣть ея радость... Она вѣдь еще въ Волынскомъ полюбила Юрія!

— Пирогъ поданъ! возвѣстила Ольга Николаевна;—пожалуйте!

Зоя была очень просто, но изящно одѣта; прелестная весенняя шляпа, какъ нельзя больше, шла къ ней: брошь, часы и браслетъ обратили вниманіе Ольги Николаевны.

До чего похожъ Юрій, открывая медальонъ, показала ей портретъ Зоя:—какъ живой!

— Теперь, въ Москвѣ онъ снимался?

— Да; и брошь и часы—все изъ Москвы.

— Чудный брилліантъ... хорошъ и рубинъ... Съ большимъ вкусомъ выбралъ Юрій Александровичъ брошку, замѣтилъ Сахаровъ.

— Юрій! поправилъ Вязьминъ;—отчество теперь излишне.

— Примемъ къ свѣдѣнію, размѣялся старикъ;—отъ насъ куда же?

— Къ Дмитрію Никитичу, къ Ольхинымъ, къ вице-губернатору, къ Томцлову, къ Мерцаловой, а тамъ увидимъ...

— А къ губернатору?

— Зачѣмъ? Юрій съ нимъ домами незнакомъ, а я никакого желанія знакомиться съ madame Увертышевой не имѣю! —А вотъ что, дядя.. я къ вамъ съ просьбой, немного помолчавъ, добавила Зоя:—надѣюсь вы не откажетесь быть моимъ посаженнымъ отцомъ?

Петръ Николаевичъ церемонно поклонился.

— Слушаю-съ!

— Да не слушаю-съ—это холодно очень. Вы, дядя, точно обузу на себя берете!

— Нѣтъ, милочка: я—вѣдь шучу! крѣпко цѣлуя руку

дѣвушки, разсмѣялся Сахаровъ; — неужели ты думаешь мнѣ тяжело ѣхать въ Волынское? Да я и подальше-бы съѣздить, ради такого радостнаго для насъ событія!

Позвонили — и Шаталовъ вошелъ въ залу; ему на встрѣчу вышли Сахаровъ и Вязьминъ.

— Ты это давно-ли въ каретѣ сталъ ѣздить? спросилъ исправникъ Юрія, послѣ поздравленія и объятій.

— Съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался женихомъ...

— Что?! выпучилъ глаза Шаталовъ.

— Хочешь видѣть мою невѣсту?

— Да ты что мнѣ сказки-то рассказываешь?

— Пожалуйте! подхватилъ его подъ руку Вязьминъ и ввелъ въ столовую; Дмитрій Никитичъ поздравилъ Ольгу Николаевну и поздоровался съ Канищевой.

— Ну что-же? спросилъ онъ Юрія.

— Да поздравь Зою Владиміровну!.. Что смотришь на меня? Ручку поцѣлуй у моей невѣсты!

— Батюшки мои!.. Итакъ вы, драгоцѣнная особа, будете теперь мнѣ кузиной!—Нѣтъ! это такъ оставить нельзя! и Шаталовъ выскочилъ изъ комнаты. Черезъ минуту послышался стукъ колесъ выѣзжавшей со двора пролетки.

— Вотъ сейчасъ привезутъ шампанскаго, объявилъ возвратившійся исправникъ,—мы выпьемъ за здоровье дорогихъ жениха и невѣсты, а завтра милости просимъ отобѣдать у меня, чѣмъ Богъ послалъ. — Ольга Николаевна, ради Бога, не отказывайтесь!

— Не могу, Дмитрій Никитичъ, право не могу: я отвыкла отъ этихъ парадовъ!

— Никакихъ парадовъ не будетъ: васъ двое, бабушка съ внучкой и Юрій.—Зоя Владиміровна, я сейчасъ къ Надеждѣ Васильевнѣ съѣзжу—неужели она откажется?

— Не думаю: слишкомъ она рада и весела!

— Такъ какъ-же, Ольга Николаевна?

— Если Надежда Васильевна поѣдетъ—и я приѣду.

— Ну вотъ и спасибо! Шаталовъ поцѣловалъ руки Канищевой и Ольги Николаевны.

— Слѣдовательно, сегодня намъ нечего къ вамъ и ѣхать, cousin? улыбнулась дѣвушка.

— Какъ это мило!.. Cousin... До чего вы умѣете, дорогая кузина, обласкать всякаго, весело воскликнулъ исправ-

никъ.— Конечно не ѣздите: дома меня не будетъ.— А ты Юрій, у бабушки объѣдаешь?

— Еще бы! отвѣтила за него Зоя.— Ужь теперь Юрія Александровича мы рѣдко будемъ отпускать на волю!

Привезли шампанское, выпили за здравіе обрученныхъ и Юрій съ невѣстой поѣхали къ Ольхинымъ.

Помолвка Каницевой съ Вязьминымъ была совершеннымъ сюрпризомъ какъ для Марьи Николаевны, такъ и для Ивана Константиновича. Оба очень были рады будущей свадьбѣ и сердечно привѣтствовали обрученныхъ. Черезъ четверть часа опять явилась бутылка шампанскаго и были провозглашены задушевные тосты. По окончаніи ихъ, Юрій просилъ Ольхиныхъ быть его посаженными отцомъ и матерью, на что старики согласились сейчасъ-же и съ большимъ удовольствіемъ. Иванъ Константиновичъ сообщилъ Юрію, что вчера вечеромъ онъ получилъ извѣщеніе о своемъ утвержденіи. Тосты повторились. Затѣмъ, когда бокалы были опорожнены, Ольхинъ взялъ Вязьмина подъ руку и увелъ въ кабинетъ.

— Я переговорилъ сегодня съ Потанинымъ, нашимъ депутатомъ, который до выборовъ будетъ исполнять обязанности уѣзднаго предводителя, и на шестое мая назначено чрезвычайное собраніе. Ты повидаль всѣхъ нужныхъ людей?

— Не только нужныхъ, но и ненужныхъ! усмѣхнулся Юрій.

— Это не лишнее: лучше перекланяться, чѣмъ не докланяться! Да и не Богъ вѣсть, что за униженіе сдѣлать лишній визитъ какому-нибудь дворянчику изъ второстепенныхъ, у котораго два шара на выборахъ!

— Боюсь провалиться, очень боюсь!.. А хотѣлось-бы молодую Вязьмину предводительшей сдѣлать!

— И сдѣлаешь съ Божіею помощью!

— И съ вашимъ стараніемъ, дорогой Иванъ Константиновичъ! добавилъ Юрій.

— Буду стараться, очень буду! Ты и будущая жена твоя всегда намъ были близки и мы всегда считали и будемъ считать васъ истинными родными! Вѣдь ты подумай только, сколько лѣтъ дружилъ я съ твоимъ отцомъ и, что

главное,—ни разу между нами, даже въ бездѣлицѣ. черная копка не пробѣжала!—Когда-же свадьбу сыграете?

— Да не ранѣе начала іюля... Въ маѣ бабушка боится, весь іюнь—Петровъ постъ...

— Ну, коли бабушка боится, что вы маяться будете всю жизнь, если обвѣнчаетесь въ маѣ,—надо старушку уважить: вѣдь не только твою невѣсту она боготворить—тебя, какъ я слышалъ, она сильно полюбила!

— Да, Иванъ Константиновичъ... и никогда противъ ея воли мы ничего не сдѣлаемъ: Надежда Васильевна—рѣдкая бабушка! Дай ей Богъ здоровья и долгую жизнь!

— Очень, очень вы насъ обрадовали сегодня! Давай поцѣлуемся, милый женише!

XV.

Два дня спустя, воспользовавшись предъобѣденнымъ отдохновеніемъ Надежды Васильевны, Зоя и Юрій собрались погулять и вмѣстѣ съ тѣмъ зайти на Введенскую купить бабушкѣ шерсти для вязанья. Они вышли уже на крыльцо, когда Вязминъ спохватился, что не взялъ съ собой обращика шерсти.

— Зоинька, подожди на крыльцѣ, я сейчасъ вернусь: обращикъ шерсти забылъ.

Какъ только Юрій ушелъ, изъ-за противоположнаго дома, скорыми шагами, перешелъ улицу молодой человекъ, брюнетъ, въ котелкѣ и лѣтнемъ пальто, и подошелъ къ Канищевой. Это, былъ Флоринскій. Приподнявъ лѣвой рукой котелокъ и держа правую въ карманѣ пальто, Флоринскій, взволнованный, блѣдный, холодно сказалъ:

— Вы пренебрегли мной, Зоя Владиміровна, послали мнѣ отказъ въ самой грубой формѣ... Теперь я лично спрашиваю васъ: желаете вы быть моей женой?

— Я удивляюсь, какъ позволяете вы себѣ говорить такъ со мною: я васъ почти не знаю, я—невѣста... и знать васъ не хочу!

— Я вторично и весьма серіозно спрашиваю васъ, сверкнувъ глазами и сдвинувъ брови, хрипло спросилъ Флоринскій,—будете-ли вы моею, или нѣтъ?

— Вы съ ума сошли! Я закричу, если вы сейчасъ-же не уйдете!

— А я васъ убью, слышите-ли! зло прошепталъ обезумѣвшій Флоринскій, шевеля правой рукой въ карманѣ;— да или нѣтъ? Отвѣчайте!

Нѣтъ! отчаянно крикнула дѣвушка и бросилась въ отворенную дверь.

— Такъ-такъ?! выхватилъ Флоринскій изъ кармана револьверъ и направилъ его на Зою... но въ эту секунду вско-чилъ въ двери Вязьминъ и заслонилъ дѣвушку... Раздался выстрѣлъ—и Юрій, какъ подкошенный, упалъ на правый бокъ.

-- Убилъ! слабо выговорилъ онъ.

Мгновенно сбѣжались: полицейскій, дворникъ, извозчикъ и прохожіе. Флоринскій, увидя бѣжавшихъ къ нему, оглянулся, затрепеталъ и, поднеся ко рту револьверъ, спустилъ курокъ. Снова раздался выстрѣлъ—и молодой человекъ, безъ стона, упалъ на спину; пуля пронизала ему черепъ.

Не обращая вниманія на самоубійцу, всѣ столпились около лежавшаго у порога дверей Юрія: онъ молчалъ и тяжело дышалъ. Несчастная Зоя ломала руки и, истерически рыдая, припала къ ногамъ раненаго. Къ счастью, лечебница краснаго креста была недалеко отъ дома Канищевой: дали знать, по телефону, въ лечебницу и врачамъ; черезъ нѣсколько минутъ принесли носилки, положили бережно на нихъ стонавшаго, при каждомъ движеніи, раненаго и понесли въ красный крестъ. Дорогой, отъ боли, Юрій по временамъ терялъ сознаніе и очнулся лишь тогда, когда въ лечебницѣ его положили на кровать въ отдѣльной комнатѣ.

— Зоинька гдѣ? нѣсколько отдохнувъ, тревожно спросилъ Вязьминъ.

— Я здѣсь, Юрочка, глотая слезы, цѣловала его руки дѣвушка.

— Я выздоровѣю, Зоинька... Богъ милостивъ... не плачь... Молебень отслужи... Бабушкѣ ни слова, ради Бога!...—А, вотъ и Алексѣй Иванычъ! Здравствуйте! обратился Юрій къ вошедшему мѣстному хирургу Явленскому, знакомому Вязьмина и Канищевыхъ:—Вотъ какъ меня обработали!—Можно мнѣ причаститься... да нотаріуса-бы... (Алексѣя Ивановича, случайно проѣзжавшаго съ консилиума мимо лечебницы, остановилъ сторожъ).

— Успѣете еще, а вотъ мы съ коллегой (съ Явленскимъ) прибуль еще другой врачъ, Новожиловъ) поищемъ, гдѣ

пуля сидитъ...—Зоя Владиміровна, выйдите ненадолго: мы осмотромъ займемся.

Канищева вышла.

— А, вотъ она, злодѣйка... Я ее чувствую, сказала Юрій, закладывая лѣвую руку за спину и ошупывая около спинного хребта; потрогайте, Алексѣй Ивановичъ: точно грецкій орѣхъ на спинѣ.

Докторъ осмотрѣлъ и нащупалъ пулю.

Ну, хорошо: половина сдѣлана; теперь надо узнать, какъ она путешествовала...

Обнажили грудь Юрія: входная рана оказалась между лѣвыми, шестымъ и седьмымъ, ребрами; крови на рубашкѣ было мало, что указывало на цѣлость легкаго; судя по характеру болей, врачи заключили, что пуля, пробивъ грудную клѣтку, проникла черезъ діафрагму въ область брюшины, скользнула по желудку и застряла у позвоночника. Пулю немедленно вынули и наложили шовъ. При операціи, раненый только слегка простоналъ, но стиснулъ зубы и крѣпко сжалъ руку Шаталова, котораго допустили въ комнату больного. Потомъ Юрія положили на правый бокъ, лѣвый обложили пузырями со льдомъ, для облегченія мучительныхъ болей, и покрыли нѣсколькими одѣялами (отъ нервнаго потрясенія, раненаго знобило). По словамъ Юрія, точно раскаленный пруть пронизывалъ его отъ грудной раны до спины. Впрыскиваніе морфія мало облегчало больного: онъ съ трудомъ дышалъ и говорилъ, такъ какъ при каждомъ глубокомъ дыханіи онъ чувствовалъ въ груди острую боль.

Зоя впустили въ номеръ послѣ того, какъ Юрія уложили въ постель. Врачи обнадежили дѣвушку хорошимъ исходомъ болѣзни, въ виду крѣпкаго сложенія раненаго, отсутствія пиши въ желудкѣ во время выстрѣла, счастливому прохожденію пули и быстрому ея извлеченію. Зоя конечно обрадовалась, но вскорѣ недовѣріе къ врачамъ, всегда въ подобныхъ случаяхъ утѣшающихъ близкихъ больного, закралось ей въ душу и прежняя скорбь охватила Зою.

— А постоянныя боли, Алексѣй Ивановичъ? спросила она Явленскаго, отведя его въ сторону и воспользовавшись тѣмъ, что Юрій, подъ вліяніемъ морфія, заснулъ.

— Нельзя, Зоя Владиміровна, сразу ослабить ихъ: вѣдь

только какой-нибудь часъ прошелъ послѣ катастрофы! Я съѣзжу домой и въ шесть часовъ буду здѣсь; никого не пускайте къ больному и не позволяйте ему говорить много... впрочемъ, я надѣюсь что онъ часъ—другой уснетъ. Пищи—никакой: для питья: „Виши“ и шампанское. Бабушку увѣрьте, что Юрій Александровичъ сломалъ себѣ ногу на крыльцѣ и лежитъ здѣсь.—До свиданія! Сидѣлка, которая теперь при немъ—лучшая изъ всѣхъ.

Но выйдя изъ комнаты вмѣстѣ съ Новожиловымъ и Шаталовымъ, Явленскій предупредилъ послѣдняго, что очень опасается развитія воспаления брюшины и, если это случится, —Вязьмину не одобровать!

— Когда-же это выяснится? спросилъ, совершенно разстроенный, Шаталовъ.

— Дня черезъ три-четыре.

— Отчего у него такія сильныя боли?

— Отъ прохожденія пули.

— Чѣмъ-же ослабить ихъ?

— Ледъ прикладываемъ, морфій вприскиваемъ...

Исправникъ вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

Проводивъ докторовъ, онъ зашелъ въ померъ и сказалъ Зоѣ, что поѣдетъ къ бабушкѣ, сообщить ей о болѣзни Юрія, успокоить, потомъ повидаетъ Алехиныхъ и Сахаровыхъ и къ семи часамъ вернется въ лечебницу.

— Надо привести „Виши“ и шампанскаго?

— Нѣтъ... „Виши“ здѣсь есть, а за шампанскимъ я уже послала; а вотъ что, голубчикъ: сдѣлайте милость... отслужите молебень Спасителю, Божіей Матери и цѣлителю Пантелеймону—Юрочка просилъ!

— Все будетъ исполнено... успокойтесь только: Господь помилуетъ Юрія за доброе его сердце! и, почувствовавъ, что на глаза его наворачиваются слезы, Шаталовъ вышелъ въ корридоръ.

Успокоивъ Надежду Васильевну и сказавъ ей, что Зоя придетъ домой какъ только будетъ возможно, Дмитрій Никитичъ заѣхалъ къ Ольхинымъ и сообщилъ имъ о катастрофѣ. Старики были поражены и даже Марья Николаевна прослезилась; Иванъ-же Константиновичъ былъ потрясенъ этимъ извѣстіемъ: точно родного сына у него отнимали!

„Бѣдная невѣста! Бѣдные оба!.. Наканунѣ счастья, о которомъ они мечтали цѣлый годъ,—и такой исходъ!“

— Завтра причащаться будетъ Юрій и, если позволять, собороваться; сегодня не позволили.

— А что невѣста?

Шаталовъ только рукой махнулъ.

— Лучше и не смотрѣть на нее: такъ за сердце и хватаетъ!.. Въ полномъ отчаяніи; утѣшеніямъ докторовъ не вѣрять!.. Глазъ не осушаетъ! Ее мучить, что Юрій изъ за нея погибаетъ... И любить-же она Юрія, Иванъ Константинычъ!—Однако простите: къ Спасителю надо ѣхать, молебень служить!.. Юрій просиль!.. А потомъ Сахаровыхъ извѣстить!..

Петра Николаевича Дмитрій Никитичъ засталъ въ залѣ у окошка, въ вольтеровскомъ креслѣ, со стаканомъ чая на столикѣ и съ трубочкой въ рукѣ: онъ только что спустился сверху.

— Откуда пожаловали? спросиль онъ, вставая съ кресла и здороваясь.

— Отъ Спасителя, молебень служиль.

— Въ такое время!

Да вы значить ничего не знаете?

— А что такое? встревожился старикъ.

— А то что Юрія подстрѣлилъ мерзавецъ Флоринскій и весьма опасно.

Сахаровъ обомлѣлъ.

— Слышишь, что случилось, обратился онъ къ вошедшей въ залу Ольгѣ Николаевнѣ: Юрія подстрѣлили!

— Господи! всплеснула она руками;—да какъ-же это?

Шаталовъ сообщилъ все подробно.

— Неужели нѣтъ надежды? спросила Сахарова, утирая глаза и всхлипывая.

— Мало! Ужъ если врачи опасаются—такъ конечно худо!.. Вѣдь это ужасная болѣзнь—воспаленіе брюшины: отъ нея почти не выздоравливаютъ!

— Господи! третьяго дня видѣли мы его радостнымъ, любящимъ, счастливымъ!.. Милый, добрый Юрій! Неужели ты насъ покинешь! заплакалъ вдругъ Петръ Николаевичъ.

— А эта бѣдная, любящая Зоя Владиміровна! воскликнулъ Шаталовъ:—что она переносить!.. Надо видѣть, какъ она его ободряетъ!.. Она совершенно истерзана нравственно!..

На лицѣ ея написано, что она не вѣритъ утѣшеніямъ докторовъ... Умреть Юрій—она навѣрно въ монастырь уйдетъ.

— Такіе люди Богу нужны, сквозь слезы вставила Ольга Николаевна:—пути Божіи неисповѣдимы... Не отъ міра сего эта дѣвушка!

— А можно мнѣ навѣститъ его? спросилъ Сахаровъ.

— Заѣзжайте завтра... можетъ быть и пустятъ... Только при условіи: на нѣсколько минутъ и почти не говорить... Да посѣтите, Петръ Николаевичъ, старушку: вѣдь она одна—одиношенька... Я тоже буду навѣщать ее.

— А какъ ей объяснили болѣзнь Юрія Александровича?

— Я сказалъ, что на крыльцѣ Юрій поскользнулся, сломалъ ногу и увезенъ въ лечебницу краснаго креста... Прислугъ велѣно, чтобы ни слова о дѣйствительномъ происшествіи не было сказано!

— А Флоринскій напавалъ убить?

— Еще-бы... когда вся башка прострѣлена!

— Теперь ясно, что онъ былъ съумасшедшій!

— И чортъ съ нимъ... къ сатанѣ на колѣнки!.. Отличился г. Декапольскій, нечего сказать: славнаго женишка представилъ! злобно сказалъ Шаталовъ, надѣвая пальто:—ну, прощайте... Отобѣдаю и въ красный крестъ...

Вечеромъ Юрію опять вприснули морфій, въ виду того что боли возобновились; потомъ онъ заснулъ. Около восьми часовъ пріѣхалъ Сахаровъ. Зоя вышла къ нему въ смежную, съ больнымъ, комнату. Глаза у нея подпухли, лицо осунулось. Она со слезами бросилась на шею Петра Николаевича и зарыдала:

— Дядя милый! Худо Юрочкѣ! прерывисто говорила она:—боли замучили, въ забытѣ впадаетъ... (Они сѣли на диванчикъ). Все меня, голубчикъ, вспоминаетъ... и въ забытѣ!.. Ой, дядя.. не жилецъ онъ на этомъ свѣтѣ!.. И все изъ-за меня... О Господи!

— Полно, дорогая... Богъ милостивъ... Крѣпись, Зончка... Вѣдь развѣ хорошо подходитъ къ больному со слезами? Надо его обнадеживать, утѣшать, а не разстраиывать... Онъ и безъ того мучится!

— Дядюшка! Да что-жъ мнѣ дѣлать, когда слезы такъ и льются! Спрятаться онъ постоянно зоветъ меня, трево-

жится, если меня около него нѣтъ.—Боже мой, Боже мой! Сколько было радостей, надеждъ! Юрочка, милый мой! захлебнулась она слезами.—Неужели ты меня покинешь, свою Зоиньку?—Дядя дорогой... помолитесь за него... Я не могу: все около Юрочки...

— Зоюшка! Богу не надо длинныхъ молитвъ... Ему нужна краткая, но вырвавшаяся изъ сердца горячая мольба! Самъ Спаситель сказалъ: „молясь, не говорите лишняго... Отецъ вашъ знаетъ, въ чемъ вы имѣете нужду“... Предоставивъ себя волѣ Божіей, моя дорогая... успокойся...

И бабинька не выдержитъ, если умереть Юрочка, перебила Сахарова Канищева:— она такъ обрадовалась, милая старушка, нашей помолвкѣ!

— Спокойно спать Юрій? спросилъ послѣ паузы Петръ Николаевичъ.

— Должно быть: иначе сестра позвала бы меня... Но вѣдь можетъ быть и обманъ—этогъ сонъ: говорятъ, что передъ смертью у многихъ прекращаются боли и больной умираетъ спокойно... и дѣвушка опять заплакала.

Все у тебя мрачныя мысли... Вѣдь это грѣшно, Зоюшка... Говорятъ тоже и другое: что переломъ совершается!

— Дай Богъ! Какъ-то растерянно, отвѣтила Зоя.

— А былъ у тебя вечеромъ Дмитрій Никитичъ?

— Только передъ вами уѣхалъ: его потребовалъ губернаторъ.

Сестра милосердія вызвала Канищеву.

— Что случилось? испуганно спросила она.

— Да ничего... не тревожьтесь: Юрій Александрычъ спитъ спокойно... Я вызвала васъ, чтобы вы меня замѣстили: тамъ кто-то пріѣхалъ... Или вы сами выйдете?

— Нѣтъ, голубушка... Вы объясните, если что спросятъ.—До свиданія, дядя... Помолитесь! Ольгу Николаевну поцѣлуйте.

Они простились и Зоя пошла въ номеръ Юрія.

XVI.

Положеніе Вязьмина окончательно выяснилось только на пятый день его болѣзни; послѣ тщательныхъ осмотровъ и долгихъ разсужденій, консилиумъ врачей единогласно зая-

виль, что опасеніе воспаленія брюшины безусловно миновало, что какихъ-либо дурныхъ послѣдствій ожидать нельзя, но что періодъ выздоровленія требуетъ тщательнаго ухода и точнаго исполненія предписаній врача. Оставаться въ постели велѣно въ теченіе еще пяти дней, а затѣмъ все дальнѣйшее должно зависѣть отъ усмотрѣнія А. И. Явленскаго.

О той безумной радости, которая охватила измученную Зою, и говорить нечего. Дни между катастрофой и пятымъ днемъ болѣзни были ужасны: Юрій все это время былъ между жизнью и смертью; сильныя боли, повышенія и пониженія температуры, бредъ, тревожный сонъ и колебанія въ ходѣ болѣзни—то обнадеживали дѣвушку, то заставляли ее впадать въ отчаяніе. На третій день утромъ, больной причащался и соборовался. Въ этотъ день онъ чувствовалъ себя лучше: спалъ спокойно, температура понизилась, боли значительно ослабли. Много посѣтителей перебивало у Вязьмина, въ томъ числѣ и губернаторъ, но приняты были только самые близкіе и то на нѣсколько минутъ. На четвертый день, съ разрѣшенія Явленскаго, позволено было нотаріусу составить, подѣ диктовку Юрія, небольшое завѣщаніе, по желанію больного, подѣ большимъ секретомъ. Оно не касалось родовой усадьбы: изъ всѣхъ имѣющихся налицо денегъ и процентныхъ бумагъ, какъ въ государственномъ банкѣ, такъ и на дому находящихся, пятьдесятъ тысячъ рублей кредитными билетами или золотомъ Зоѣ Владиміровнѣ, а остальные деньги, сколько ихъ останется, должны пойти на погребеніе и раздачу старостѣ и прислугѣ и бѣднымъ пополамъ. Вся движимость с. Волынскаго завѣщана также Зоѣ Владиміровнѣ. При составленіи завѣщанія присутствовали и подписались: ключарь кафедральнаго собора, протоіерей Смирницкій и два свидѣтеля. Душеприказчиками назначены Ольхинъ и Шаталовъ.

Въ воскресенье, 23 апрѣля, въ день именинъ Юрія, по просьбѣ его, привезенъ былъ въ лечебницу, къ двумъ часамъ, чудотворный образъ Спасителя и былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. Всѣ близкіе Вязьмину и Каницевымъ были на молебнѣ. Воспріимчивой Зоѣ было отрадно убѣдиться въ любви этихъ добрыхъ людей къ ея будущему мужу, но еще болѣе—въ привязанности пріѣхавшихъ издалека: о. Павла и Евлаліи Васильевны; на молебенъ они по-

пали случайно, но на день именинъ Вязьмина они спѣшили. И Юрій и Зоя были глубоко тронуты ихъ вниманіемъ; гостепріимный Шаталовъ пригласилъ ихъ къ себѣ обѣдать, а ночевать о. Павелъ со своей слутницей отправились къ родственнику-священнику.

Раненный, послѣ молебна, спалъ спокойно часа два, не бредилъ и не жаловался на боли. Шаталовъ и Сахаровы снова навѣстили Юрія около семи часовъ и посидѣли съ часъ. Зоя и бабушка поднесли при нихъ имениннику свои портреты, въ большемъ размѣрѣ, въ художественныхъ рамахъ, весьма схожіе и прекрасной отдѣлки. Больной былъ тронутъ подаркомъ и радовался какъ ребенокъ.

Вошелъ Явленскій.

— Ну, какъ дѣла? поздоровавшись съ присутствующими, обратился онъ къ Вязьмину.

— Слава Богу,—какъ будто и хорошо!

— Ну дайте-ка я васъ посмотрю...

— Дмитрій Никитичъ, пошлите намъ сестру, а вы, Зоя Владиміровна, пока выйдите.

Всѣ удалились.

Посидѣвъ въ лѣчебницѣ до девяти часовъ и проводивъ Надежду Васильевну до дому, Шаталовъ поѣхалъ ужинать въ „Якорь“. Въ № 1 онъ засталъ Язвина и Брусилова. Брусилловъ разсматривалъ иллюстрированную газетку, а Язвинъ ходилъ по комнатѣ, въ ожиданіи ужина.

— Весьма радъ видѣть васъ, Дмитрій Никитичъ! крѣпко пожалъ ему руку Язвинъ.—Покушать пріѣхали?

— Всенепремѣнно!—Александръ Петровичъ, вы ничего не имѣете противъ того, что я такъ безцеремонно ворвался къ вамъ? спросилъ исправникъ, здороваясь.

— Господь съ вами! Мы какъ нельзя болѣе рады видѣть васъ и узнать, что нашъ добрый Юрій Александрычъ? участливо отвѣтилъ Брусилловъ.

— Все вамъ расскажу и первое, чтобы не забыть, вотъ что: лично Юрій не можетъ этого сдѣлать и поручилъ мнѣ просить васъ обоихъ быть его шаферами на его свадьбѣ.

— Съ благодарностію принимаемъ приглашеніе! вскричалъ Язвинъ.—Дай имъ Богъ совѣтъ да любовь!

— Я на все готовъ для Юрія Александрыча, добавиль Брусилловъ, отодвигая газету;—такого человѣка мы еще не встрѣчали! Передайте ему, Дмитрій Никитичъ, что мы очень, очень благодаримъ за приглашеніе!

— Если ему понадобится исполнить какое-нибудь порученіе—мы къ его услугамъ! сказалъ Язвинъ.

— Спасибо вамъ господа! Ваша готовность и расположеніе къ Юрію обрадуютъ его и Зою Владиміровну; дня черезъ два-три ему вѣроятно позволятъ повидаться съ вами... Я дамъ знать вамъ по телефону въ сѣздъ; а теперь давайте закусывать.

Шаталовъ подошелъ къ двери и нажалъ кнопку.

— Вы что, господа, заказали?

— Михаилъ Павлычъ—бифштексъ, а я осетрину подь маіонезомъ, отвѣтилъ Брусилловъ.

— Не сочувствую: бифштексъ на ночь—тяжело, а осетрина надоѣла.—А, Николай Петровичъ, мое вамъ почтеніе! обратился исправникъ къ вошедшему лакею.—Чѣмъ посоветуете вы мнѣ заняться? Только не бифштексъ и не осетрину.

— Можно соте изъ рябчика съ шампиньонами... Можно...

— Довольно! Вы, Николай Петровичъ,—человѣкъ со вкусомъ... Итакъ соблаговолите заказать соте, а теперь закусить... Михаилъ Павловичъ, Александръ Петровичъ, что прикажете?

— Да ничего... хлѣба чернаго: самая подходящая закуска для монополюки! сказалъ Язвинъ.

— Ну что ужъ это!—Рѣдиска есть? спросилъ Шаталовъ.

— Есть... самая свѣжая... Длинная бѣлая и круглая розовая, доложилъ Николай.

... Тащи бѣлую!

— Какъ здоровье Юрія Александрыча? спросилъ Брусилловъ.

— Слава Богу... Привозили икону Спасителя, служили благодарственный молебенъ... Имянинникъ сегодня Юрій.

— Какіе-же мы съ вами невѣжи, обратился къ Брусиллову Язвинъ:—прохлопали глазами!

— Я-то думалъ, что въ ноябрь, 26, оправдывался Александръ Петровичъ.—А я зналъ, что въ апрѣль, 23, да забылъ, и все это проклятые „освободители!“

— А что „освободители“ сдѣлали? спросилъ исправникъ.

— Да вы развѣ ничего не знаете? Гдѣ же вы были?

— Цѣлый день въ лечебницѣ сидѣлъ, домой только обѣдать заѣзжалъ.

— Сегодня, какъ вамъ извѣстно,—тезоименитство Государыни Императрицы Александры Феодоровны; этимъ и воспользовались революціонеры: срывали съ домовъ флаги, около двухъ часовъ прошли по главнымъ улицамъ съ красными тряпками, орали надобѣвшее всѣмъ „долой!“ и мерзкія пѣсни! Въ первый разъ видѣлъ я новые костюмы „сознательныхъ“ парней и „пламенныхъ“ дѣвокъ: для первыхъ: черная или темно-синяя, мягкая, конусомъ шляпа съ большими полями, ухарски надѣтая на бекрень, темносиняя или зеленая блуза или рубашка, перехваченная широкимъ чернымъ кожанымъ поясомъ, на блузѣ черный, на распахку, пиджакъ и черные штаны, всунутые въ высокіе сапоги. Въ рукахъ у „освободителя“ трость, стальная или желѣзная, запрещенная закономъ. У „пламенныхъ“ дѣвицъ— соломенная шляпа съ небольшими полями, украшенная широкой красной или зеленой лентой, а у иныхъ и совсѣмъ красная или зеленая, кофта-рубашка, ярко красная или зеленая, черный широкій поясъ съ большой пряжкой, черная юбка, цвѣтные башмаки, зонть красный или зеленый. У нѣкоторыхъ дѣвицъ, самыхъ ярыхъ, юбка и башмаки—красные или зеленые.—Здѣлись мирные обыватели, глядя на эту вакханалію, оглядывались ища блюстителей порядка, но сіи, по приказанію начальства, находились подъ спудомъ.—„Ждите первое мая!“ бахвалили нѣкоторые изъ окончательно оглушѣвшихъ неучей.—„Мы вамъ покажемъ Самодержавіе!“—И вѣдь съ какою смѣлостью, съ какимъ остервененіемъ на лицахъ шла эта опьянѣвшая отъ „свободы“ толпа, сознававшая, что ее боятся всѣ: и власти, и полиція, и жители! Но надо было видѣть также, сколько озлобленія, сколько жажды отмщенія проступало на лицахъ встрѣчавшихся обывателей, какъ хотѣлось большей части изъ нихъ сейчасъ же разгромить это дьявольское шествіе, избить этихъ сорвавшихся съ цѣпи обалдѣвшихъ полузвѣрей!

— Глупые люди! сказалъ Шаталовъ.—Если дѣйствительно они готовятъ первое мая, то дразнить и раздражать и безъ того озлобленный народъ—безсмысленно:

вѣдь если только каплю крови выпустятъ эти безумцы изъ мужика-монархиста—погромъ готовъ и горе бахваламъ!

— Вспомнили-бы 19 октября въ К., сказалъ Брусилловъ, — какъ тамъ крестьяне распорядились съ крамольниками: насилу ноги унесли, отъ нападавшихъ на нихъ, герои революціи! И револьверы не помогли: напротивъ еще уснули избіеніе „освободителей!“

— Да, попало имъ тогда! вставилъ Язвинъ.— Должны были понять, что русскій, свѣрый народъ не туда смотритъ, куда глядятъ революціонеры.

Надѣются, замѣтилъ Шаталовъ,— что, въ эти полгода, пропаганда ихъ шла успѣшно, что мужикъ измѣнился, полѣвѣлъ, что весь русскій народъ сталъ бояться ихъ, разбойниковъ, трепещетъ передъ постоянными убійствами, экспроприаціями и грабежами... Какъ-бы не такъ! Озлобляется народъ и требуетъ отмщенія—кому? Конечно мятежникамъ и грабителямъ!— „Долой Царя!“ вопили они въ К. и какой-же получили отвѣтъ? „Бей ихъ измѣнниковъ!“— „На смерть бей!“ кричала разсвирѣпѣвшая толпа!

Николай внесъ закуску.

— Господа, я предлагаю перерывъ, продолжалъ исправникъ:— пропустимъ малую толику, повторимъ... Да, Михаилъ Павловичъ? (мигнулъ онъ Язвину— тотъ кивнулъ головой). — И, вкушая каждый свою пищу, перейдемъ къ чему-либо болѣе веселому... Я, господа, въ радостномъ настроеніи: мой милый Юрій ожилъ, новая кухня и старушка Канищева начинаютъ успокоиваться и миръ, по немножку, водворяется въ душахъ нашихъ! За здоровье имянинника, господа! Сейчасъ монополькой, а послѣ ужина— шампанскимъ.

Они чокнулись и Шаталовъ позвалъ Николая.

— Бутылку шампанскаго, милый человекъ! приказалъ онъ. Да похолоднѣе!

Николай прибавилъ третій приборъ, поставилъ на столъ блюда и удалился.

— Вотъ что я скажу вамъ, господа, принимаясь за рябчика, началъ Шаталовъ:— вѣдь просто ужасъ беретъ, когда подумаешь, до чего мы дожили!.. Хотя-бы инцидентъ съ Зоей Владиміровной: какой-то полоумный чиновникъ встрѣчаетъ дѣвушку, влюбляется въ нее, за все время говоритъ съ ней нѣсколько банальныхъ словъ и, съ мѣста въ карьеръ, по-

сылаеть къ ней нахала—дядюшку сосватать ему эту дѣвушку! Дядюшка получаетъ форменный отказъ. Тогда, оскорбленный и озлобленный, чиновникъ выслѣживаетъ дѣвушку и нагло требуетъ, чтобы она категорично сказала ему: „будеть-ли она его женою, или нѣтъ“—и когда та отвѣтила „нѣтъ!“,—выхватываетъ изъ кармана револьверъ, цѣлится—и конечно дѣвушка была-бы убита, если бы ее не заслонилъ подбѣжавшій къ ней женихъ! Скажите ради Бога: что это за нравы выработались въ русскомъ царствѣ за послѣднее время! „Я тебя люблю—будь моей женой!“—„А я тебя не люблю и женой твоей не буду!“—„Не будешь?“—Баць!—и дѣвушка убита! Вѣдь такихъ правовъ и у чернокожихъ нѣтъ!

— Не до того еще доживемъ! замѣтилъ Брусилловъ. Если такъ пойдетъ—животныхъ перещеголяемъ!

— А еще монархистъ, „народно-русскій“ союзъ посѣщаль! сказалъ Язвинъ.

— Я увѣренъ, что Флоринскій посѣщаль его въ качествѣ шпіона... Дядюшка-то его—отъявленный крамольникъ, а вотъ подите какимъ важнымъ учрежденіемъ ворочаетъ!—Ну чортъ съ ними!—Николай, наливай намъ шампанею!

XVII.

Настало первое мая, „праздникъ пролетаріата“, какъ заранѣе возвѣстила революціонная газетка „Свобода“; мѣстная интеллигенція рѣшила отпраздновать знаменательный день общей забастовкой, шествіемъ съ красными флагами, крамольными пѣснями и другими демонстраціями. Погода стояла чудная: солнце ярко сіяло на чистомъ голубомъ небѣ. Въ виду базарнаго дня, изъ окрестныхъ деревень, даже за тридцать—сорокъ верстъ отъ города, стеклись крестьяне для закупки необходимыхъ товаровъ и для продажи своихъ сельскихъ продуктовъ.

Около одиннадцати часовъ утра, гимназисты, реалисты и ссыльные, руководимые извѣстными главарями, ворвались, перелѣзши черезъ заборъ, въ классы семинаріи и, не смотря на увѣщанія инспектора, вывели семинаристовъ на Введенскую улицу, гдѣ начали закрывать магазины и выгонять изъ нихъ покупателей. Крестьяне стали волноваться и собираться въ кучки, заявляя, что пріѣхали покупать товары.

Болѣе всего возмущали ихъ дѣйствія полиціи: вмѣсто того чтобы принимать мѣры противъ безпорядковъ въ самомъ началѣ, она старалась оградить забастовщиковъ отъ столкновений съ несочувствующимъ забастовкѣ населеніемъ. Крестьяне стали роптать. Шайка учащихся и третьяго элемента раздѣлилась: часть пошла къ лавкамъ и гостинному двору, другая—къ женской гимназіи. По пути они закрывали лавки и магазины, грозя протестующимъ чуть не избіеніемъ; гимназистокъ безъ церемоній выгнали изъ классовъ и занятія прекратились. Многія изъ „пламенныхъ“ дѣвицъ пристали къ шайкѣ и надѣли на свои шляпки красныя кокарды. Первая шайка, близъ гостиннаго двора, встрѣтилась съ крестьянами; началась перебранка и вдругъ изъ толпы бунтарей раздался выстрѣлъ, сильно ранившій одного изъ крестьянъ. Мужики, при видѣ крови, освирѣпѣли и съ руганью и криками, вооружившись камнями и палками изъ палисадниковъ, хлынули огромной толпой къ ненавистному „Народному дому“. Ворвавшись въ него, одни кинулись въ библіотеку, рвать революціонные листки и брошюры, другіе ломали мебель и въ залѣ приготовляли костеръ, который, облитый керосиномъ, сейчасъ-же и вспыхнулъ. Кто-то изъ разрушителей нашелъ заброшенные въ чуланѣ Св. Иконы и портреты Государя и Государыни и передалъ ихъ товарищамъ. Когда вынесли эти реликвіи на улицу—громовое „ура“ раздалось въ толпѣ. Въ отвѣтъ на это изъ дома сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ. Народъ остервенѣлъ: съ ругательствами бросился онъ внутрь зданія и найденнымъ тамъ революціонерамъ пришлось плохо: они были сильно избиты. Приѣхалъ губернаторъ успокоивать разыгравшіяся страсти: „Ты самъ бунтарь: противъ Царя идешь!“ крикнули изъ толпы и камень попалъ ему въ шею; начальникъ губерніи ретировался. Полицмейстеру тоже попало.

Между тѣмъ пожаръ разгорался все болѣе и болѣе: уже все зданіе было объято пламенемъ. Пожарнымъ тушить не позволяли; перерубали даже рукава у непослушныхъ. Вскорѣ послышались взрывы и всѣ убѣдились въ истинномъ назначеніи этого проклятаго дома, въ который не было позволено начальствомъ даже заглядывать полиціи! Взрывались-ли бомбы или патроны—сказать съ достовѣрностью нельзя, но

что эти смертоносные снаряды были изготовлены крамольниками и были-бы пущены въ дѣло—это несомнѣнно.

Когда народъ убѣдился, что гнѣздо бунта почти уничтожено, онъ раздѣлился на партіи и пошелъ громить дома извѣстныхъ ему революціонеровъ; говорили даже, что въ толпѣ циркулировали списки этихъ лицъ. Первыми были разгромлены типографія и редакція пошлой и вредной газеты „Свобода“; затѣмъ толпа двинулась къ дому головы, Толстопятова; тамъ неожиданно она была встрѣчена, незаконно существовавшей, милиціей и ограничилась только тѣмъ, что во всѣхъ окнахъ дома выбила стекла и навела невообразимый ужасъ на живущихъ въ немъ угрозами: „съ головы снимемъ голову, если не поумнѣетъ!“

— Ну что, кончилось? спросилъ, сидѣвшій въ креслѣ у окна, Вязьминъ входившаго, около семи часовъ вечера, въ номеръ Шаталова.— Угломонились?

Только что прибыла изъ * * * рота —скаго полка, здороваясь съ Юріемъ и Зоей, сообщилъ исправникъ,—а уже въ шесть часовъ всѣ разбрелись: бунтари попрятались, мужики разъѣхались: ѣздятъ только патрули.

— А много пострадало? спросила Зоя.

— Раненыхъ порядочно и большею частью тяжело; пострадали главнымъ образомъ, не смотря на ихъ револьверы, г.г. революціонеры.

— А убитыхъ?

— Говорятъ, что до полутора десятка; между ними двѣ „пламенные“ дѣвицы... И глупыя-же были: стрѣлять не умѣютъ, а вздумали напасть на двухъ здоровенныхъ верзилъ; тѣ коломъ вышибли у нихъ изъ рукъ револьверы и хватили одну по головѣ, а другую по лицу; первую напаваль, а другая умерла по дорогѣ въ больницу.

— А тебя зачѣмъ понесло туда? Пули захотѣлъ попробовать? спросилъ Вязьминъ.— Не вкусно, Митя... по опыту знаю!

— Нельзя-же было не показаться: исправникъ вѣдь я!

— Въ уѣздѣ—ты шишка, а въ городѣ—нуль!

— И безъ тебя знаю, а все-таки сидѣть дома, когда бунтъ въ городѣ—полицейскому чину не подобаетъ.

— Очень помяли полицмейстера?

— Къ счастью, не особенно: два подзатыльника получилъ, когда сунулся въ толпу умиrotворять...

— А съ Увертышевымъ что случилось?

— Да ничего важнаго: пролетѣлъ камень, царапнулъ ему шею; губернаторъ обвязалъ ее платкомъ и отправился домой... Да тебѣ кто объ этомъ рассказывалъ?

— Братъ дворника здѣшняго... онъ въ пожарныхъ... Заходилъ къ нему съ часъ тому назадъ.

— Благодарю васъ, cousin, за бабиньку, перебила Юрія Зоя,—вы отъ нее сейчасъ?

— Да; сидитъ и вяжетъ, въ задней комнатѣ. Съ ней Калерія Алексѣевна и еще какая-то старушка; счастье Надежды Васильевны, что она спала въ то время, когда били стекла въ домѣ Толстопятова, а то пожалуй перепугалась-бы!

— Конечно... Она и обѣдала въ дѣвичьей.

— Ну, Юрій, какъ ты себя чувствуешь? послѣ паузы, подошелъ къ нему Шаталовъ и поцѣловалъ его въ лобъ.

— Хорошо, Митя! Спаль какъ слѣдуетъ, аппетитъ явился... Дня черезъ три къ тебѣ переселюсь...

— Милости просимъ! Какъ это хорошо, что ты не переѣхалъ ко мнѣ до перваго мая: кухня-бы боялась, что разгромить мою квартиру и напугаютъ тебя.

— Еще-бы! Вѣдь г.г. революціонеры знаютъ, гдѣ живетъ исправникъ и помнятъ, какъ онъ оглушилъ товарища той, которая стрѣляла въ Кульцевскаго!

— Однако вотъ и стеклышка ни одного не выбили!

— Я думаю оттого, что крамольникамъ не до того было: очень ужъ расходились мужики—свою шкуру берегли!

— А какъ рана на груди?

— Почти затянуло... Явленскій обѣщаетъ, что около пятнадцатаго онъ позволить мнѣ выѣзжать.

— Даі Господи!—А ваше здоровье какъ? обратился Шаталовъ къ дѣвушкѣ.

— Прекрасно! Я теперь точно въ раю: Юрочка почти здоровъ, бабинька тоже... Какъ тутъ не радоваться и не благодарить Бога послѣ тѣхъ мукъ, которыя я испытала! —Дорогой ты мой! подошла Зоя къ жениху и крѣпко поцѣловала его.—О, эти ужасные пять дней! Я почти была увѣрена, что лишусь моего ненагляднаго! (она снова поцѣловала его).

— Вы недолго были у бабушки?

— На-скоро отобѣдала, нѣсколько разъ обняла ее и поскорѣ сюда! размѣялась Зоя.—Вѣдь этотъ милый господинъ—большой привередникъ: не смѣй отходить отъ него ни на минуту! шутя и лаская Юрія, смѣялась Канищева.

— Еще-бы не держать ее около себя, когда я почти былъ убѣжденъ, что скоро не увижу эту добрую, милую красотку! и Вязьминъ, вперивъ въ нее глаза, горячо цѣловаль ея руки.

— Какія я прочувствованныя письма получила отъ Ширяевыхъ, послѣ паузы, сказала Зоя:—просто прелесть! Сейчасъ видно, что отъ сердца написаны, а не для того, чтобы соблюсти формальность.—Дмитрій Никитичъ! А вы будете пускать меня къ себѣ на цѣлый день? размѣялась дѣвушка.

— Нѣтъ, не пушу и вотъ почему: мнѣ угрожаютъ страшными вещами... я получилъ два письма... По этому васъ я къ себѣ не приглашаю.

— Значить и Юрочку?

— Юрочка—особь статья: онъ мужчина и бравый, а вы—дѣвица... Того и гляди, что струсите!

— Какой вздоръ! Ну, да не въ этомъ дѣло... И вы думаете что я отпущу къ вамъ, все еще больного, Юрочку одного,

— Увѣренъ! Потому, что Юрочка сказалъ мнѣ по секрету, что ему хочется переѣхать ко мнѣ, хотя-бы вамъ и нельзя было его посѣщать.

Зоя удивленно взглянула на жениха.

— И ты вѣришь? размѣялся Юрій;—развѣ я могу хоть день пробыть безъ тебя! Извѣстно паясничаетъ!

— Правда? улыбнулась дѣвушка.

— А вы думали, что если-бы дѣйствительно я получилъ угрожающія письма, я пустилъ-бы къ себѣ Юрія? Надо-же и пошутить... Вѣдь мнѣ хочется подурачиться послѣ минувшихъ страшныхъ дней! Юрочку вѣдь я люблю какъ роднаго брата!

— И великое вамъ за это спасибо, голубчикъ! Я это и вижу и чувствую...

Она пожала ему руку.

— Ну расскажите еще, что знаете, о сегодняшнемъ погромѣ.

— Жаль мнѣ очень молодую швейку... Домикъ ея матери-вдовы, на Рождественской улицѣ, стоитъ противъ „Народнаго дома“, шагахъ въ семьдесятъ. Дѣвушка, изъ любопытства, вышла къ воротамъ, посмотрѣть, что дѣлается на лѣвой сторонѣ „дома“: толпа была тамъ гуще и крики раздавались сильнѣе. Это было еще въ самомъ началѣ, когда къ пальбѣ не приступали.—Вдругъ бѣжить къ дѣвушкѣ субъектъ въ черной блузѣ, безъ шляпы, въ высокихъ сапогахъ,—за нимъ городской паренъ съ ружьемъ... Бунтарь обернулся, выстрѣлилъ въ него изъ револьвера и промахнулся. Паренъ прицѣлился—и пуля, вмѣсто черной блузы, убила наповаль бѣдную швейку!

— Вотъ ужъ несчастная! сказала Зоя.

— Скажу вамъ и еще... но трагикомическое... Удираль отъ мужика какой-то „освободитель“, изъ мальчишекъ, и, видя, что преслѣдователь его настигаетъ, бросился къ калиткѣ перваго попавшагося дома;—заперта; сунулся въ подворотню: голова съ половиной туловища пролѣзла, а другая половина застряла! Бился-бился бѣдняга—ни взадъ ни впередъ! Налетѣлъ мужикъ и давай колотить палкой его вторую половину! Говорять; врядъ-ли юный освободитель оправится! (Шаталовъ закурилъ папиросу).—На другой сторонѣ „Народнаго дома“, гдѣ было потише, стоитъ у березы „пламенная“ дѣвица: шляпа, кофта, юбка—все красное, и вмѣстѣ съ другой, но менѣе красной, такъ какъ юбка у нея черная, ругательски ругаетъ настоящий режимъ и проч. Недалеко стоялъ мужикъ... Слушаль-слушаль—наконецъ не вытерпѣлъ: „вы что это, бѣсовы дочки, въ красное-то разрядились, чертово платье надѣли?“ Схватилъ шляпу той, что поближе стояла, но не сорвалъ—шпильки помѣшали... Дѣвица закричала и полѣзла въ карманъ за револьверомъ: мужикъ оборвалъ у нее кофту, отнял револьверъ и, на прощанье, надралъ ей уши; спутница ея убѣжала заранѣе. И наконецъ—послѣднее: когда все стихло, по Рождественской идетъ гимназистъ съ желѣзной палкой, фуражка на бекрень, слегка выпивши... На встрѣчу ему мужикъ: „Ты кто будешь: гимназистъ али кто иной?“—„А тебѣ что за дѣло?“ гордо кричитъ гимназистъ.—„А ты помолчи: молоко на губахъ не обсохло!—Отвѣчай: ты за кого: за Царя?“—„За свободу!“ рывкнулъ гимназистъ.—„Ну вотъ и распрекрасно“,

расхохотался мужикъ, — и я за свободу... дѣлать, значить, что мнѣ угодно!.. На-ка, получи!“ и двѣ увѣсистыя плюхи свалили съ ногъ „молодого освободителя!“

— Ну, Митя, теперь мы перейдемъ къ веселенькому, перебилъ Шаталова Вязьминъ:—сидѣли мы сегодня съ Зоинькой и говорили о нашей свадьбѣ. Вѣнчаніе будетъ въ Волинскомъ, перваго іюля, въ воскресенье; у меня шаферами: Язвинъ и Брусилловъ, у Зоиньки—Дмитрій Никитичъ... если не откажется...

— Не продолжай, потому что глупости говоришь! замѣтилъ исправникъ.

— ... а вотъ втораго-то кого?.. Ванѣева? Не очень-то онъ намъ любъ!

— Да, это уже въ самомъ крайнемъ случаѣ!

— А какъ Иванъ Константиновичъ или Марья Николавна обидятся, если его не пригласимъ—тогда что?.. Мы всѣ обязаны Ольхину и любить онъ насъ искренно, сказала Канищева;—что онъ нерасположенъ къ племяннику—ничего не значить и намъ до этого дѣла нѣтъ... Вѣдь все равно придется приглашать его на свадьбу...—Юрочка, ты какъ думаешь?

— Согласенъ съ тобой... Я вспоминаю какъ, незадолго до моей болѣзни, Иванъ Константиновичъ, по поводу какого-то разговора, сказалъ мнѣ: „лучше перекланяться, Юрій, чѣмъ недокланяться!“... Примѣняясь къ этому взгляду его, думаю, что Ванѣева слѣдуетъ пригласить въ качествѣ шафера. А теперь, дорогой Митя, прошу тебя сообщить мнѣ, что говорилъ тебѣ Явленскій о моемъ здоровьѣ...

— Говорилъ, что теперь ты почти совсѣмъ здоровъ—беречься только надо...

— А когда отпустить онъ меня въ Волинское?

Въ концѣ мая или въ началѣ іюня, смотря по погодѣ.

— И можно будетъ мнѣ заниматься хозяйствомъ, дѣлами?

— Даже охотой!

— Это, Митя, важное дѣло: какъ-же мое сокровище безъ дупелей и сѣрыхъ куропадокъ обойдется? Да и бабинька любитъ этихъ птахъ! Вѣдь если я не набью ихъ—ни откуда не достанешь!

— Сокровище твое, размѣялась Зоя,—можетъ и безъ этихъ птахъ обойтись, но если ты будешь вполнѣ здоровъ, то сокровище твое попросить свое сокровище пострѣлять этихъ птахъ!

— Знаешь, что мнѣ въ голову пришло, послѣ паузы, сказалъ Шаталовъ: сегодняшній инцидентъ не пройдетъ даромъ Увертышеву, въ особенности если слухи о томъ, что ему сидѣть здѣсь разрѣшено только до перваго случая—вѣрны!

— Поживемъ—увидимъ!

Вошла сестра милосердія.

— Зоя Владиміровна, г. Сахаровъ пріѣхалъ: принять?

— Просите! отвѣтилъ Вязьминъ.

— И напугались-же мы, здороваясь, воскликнулъ Петръ Николаевичъ, въ особенности Оленька:—у адвоката Семчевскаго выбили всѣ стекла въ домѣ... Хотѣли избить молодца—да удралъ черезъ огородъ, въ садъ Андрюшина... Очень зарились на него, крамольника: мужики пронюхали, что Семчевскій былъ однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ забастовки.

— Такъ вы-то чего испугались? спросилъ Шаталовъ.—Васъ-бы ни въ какомъ случаѣ не тронули.

— Испугались мы того, что спалятъ: начинали даже поджигать надворныя постройки Семчевскаго, а вѣтеръ прямо на насъ... Долго-ли спалить и весь кварталъ; домъ на домъ сидитъ! На постояломъ дворѣ Чеботарева, что сѣна, соломы, а у лавочника Кошкина всегда въ лавкѣ имѣется бочка керосину—долго-ли до грѣха!—Ну какъ, дорогой, здоровье?

— Плясать хочется! размѣялся Вязьминъ.—Дня черезъ три обѣщаютъ переселить меня къ исправнику.

— Ну, слава Богу...—Зоюшка, милая, ты какъ поправляешься?

— Воскресла я, дядя, совсѣмъ! Теперь въ Волынское бы поскорѣй!

— Любишь Волынское?

— Какъ-же мнѣ его не любить: все счастье мое связано съ нимъ!—Дядя, что вы не курите?

— А можно?

— Cousin курить... да и всѣ кто бываетъ... Конечно можно.

— Каковы штучки печаталь въ своей „Свободѣ“, въ послѣдніе дни, полужиденокъ Сорокинъ—вѣдь просто ужасъ!.. И ничего! Все позволяетъ нашъ губернаторъ!

— А вотъ уберутъ его, можетъ-быть,—карьера его и кончится! замѣтилъ Шаталовъ.

— Не говори! перебилъ его Юрій.—Еще пожалуй и ленту дадутъ: чиновничій Петербургъ больше чѣмъ на половину революціонеръ!

— Заходилъ ко мнѣ вчера, послѣ паузы, продолжалъ Сахаровъ,—дворникъ Мерцаловой... на заводъ просился... Про молодыхъ рассказывалъ, что сюда не ѣдутъ, а денегъ требуютъ... Дѣлиться хотять, а Анна Павловна не желаетъ... Однимъ словомъ началось то, что я предвидѣлъ: Инночка своего добьется!

— И то сказать, замѣтилъ Шаталовъ,—надо—вѣдь имъ и кушать... Если Володька и найдетъ мѣсто—все-же на его жалованье не проживешь!

— Да зачѣмъ-же поступать такъ рѣзко, сказала Зоя:—вѣдь Мерцалова—мать ему... Какая-бы она ни была, она заботилась о немъ, воспитала его... Наконецъ, все это можно было-бы облечь въ мягкую форму.

— Такъ-то такъ, Зоюшка, замѣтилъ Сахаровъ,—да съ Анной Павловной скоро пива не сварить: крѣпкая женщина!—Какъ бабушка-то себя чувствуетъ?

— Хорошо! Все время нападенія на домъ Толстопятова безмятежно проспала, а потомъ въ дѣвичью переселилась... тамъ и обѣдала.

— Ну слава Богу, а мы думали, что старушка тоже перепугалась: вѣдь домъ головы почти напротивъ... Ахъ, вспомнилъ... Надо правду сказать, что русскій человѣкъ вообще добродушенъ... Когда били стекла у Семчевскаго—вдругъ откуда не возьмись—„пламенная“ дѣвица, вся въ красномъ... Подскочила къ „крючнику“, который выворачивалъ изъ мостовой булыжникъ, чтобы бросить въ окно, и давай ругаться: „подлый черносотенецъ“, „разбойникъ, раззоряющій дома честныхъ людей, стоящихъ за нихъ-же, подлецовъ“ и проч. Мужикъ послушалъ, поднялъ камень да и говоритъ: „если ты, красная дура, сейчасъ не уйдешь

отсюда—я тебя такъ выкрашу, что просто на диво!“ Дѣвица взбѣсилась и выхватила изъ кармана револьверъ. „А, такъ ты вотъ какъ!“ вырвалъ у нее мужикъ револьверъ и крикнулъ: „Алеха! подь-ка сюда!“—А тутъ, передъ домомъ глубокая, грязная канава... Алеха подбѣжалъ...—„Бери ее за лапы!“—Схватили дѣвицу и, не смотря на барахтанье, крики и вопли, подь гомерическій хохоть толпы, бросили въ канаву. „Пламенная“ дѣвица кое-какъ выбралась изъ нее—ей не препятствовали,—выкрашенная дѣйствительно на диво, но въ темный цвѣтъ, и скрылась въ первый поавшійся дворъ!

— Ну, Петръ Николаичъ, поднялся со стула Шаталовъ, —если хотите, чтобы я довезъ васъ—ѣдемте...

— Конечно хочу и благодарю: Оля одна дома и вѣроятно трусить.

— Да вы то куда торопитесь? обратилась Зоя къ исправнику.—Защищать вамъ дома некого...

— Надо въ управленіе заѣхать: взглянуть все-ли тамъ въ порядкѣ.

Они простились и уѣхали.

XVIII.

Шестаго мая, около трехъ часовъ дня, въ квартирѣ Шаталова позвонили въ телефонъ.

Кто у телефона? спросилъ Дмитрій Никитичъ.

— Ольхинъ: здравствуйте. Позовите Юрія.

— Отъ души поздравляю тебя, привѣтствовалъ подошедшаго къ телефону Вязьмина, Иванъ Константиновичъ; —съ блестящимъ избраніемъ... Только четыре налѣво!.. Приѣдемъ поздравить часовъ около пяти.

И Ольхинъ далъ отбой.

Стоявшая у телефона Зоя въ восторгѣ обняла Юрія:

— Какъ я рада, голубчикъ ты мой, безцѣнный! Такъ молодъ—и предводитель!

Вязьминъ горячо поцѣловалъ невѣсту и Шаталова.

— Митинька, дорогой: прикажи купить бутылки четыре шампанскаго, да надо достать бокаловъ... У тебя сколько?

— Дюжина.

— А у насъ двѣ, сказала Зоя.

— Будеть. Зоинька, ты поѣдешь обѣдать къ бабушкѣ — пришли бокалы съ извозчикомъ.

— Тѣду... Надо торопиться: могутъ и раньше пріѣхать...

— Арсеній! Кликни извозчика, приказалъ Шаталовъ. — Кузина, я васъ доведу, возьму бокалы и куплю шампанское. Одѣвайтесь...

— Митя, деньги возьми, подаль ему Вязьминъ.

Пока исправникъ ѣздилъ, Юрій съ Арсеніемъ привели все въ порядокъ и приготовились къ приему дворянъ.

Встрѣча и поздравленія превзошли ожиданія Вязьмина: видно было, что Иванъ Константиновичъ усердно поработалъ въ его пользу; подѣйствовало и рыцарское поведеніе Юрія въ катастрофѣ съ Флоринскимъ. Поздравляли Вязьмина и съ помолвкой его и пили за здоровье Зои. Юрій былъ глубоко тронутъ. На поздравленія онъ отвѣтилъ нѣсколькими теплыми словами: высказалъ свои взгляды на обязанности предводителя и благодарилъ дворянъ за довѣріе. Послѣднія слова Юрій, благодаря неуспокоившимся еще нервамъ, произнесъ запинаясь: волненіе охватило его и слезы навернулись на его глазахъ...

Громкое, задушевное „ура“ огласило залу; искренній, горячій подъемъ чувства, выразившійся въ словахъ Вязьмина, наэлектризовалъ присутствовавшихъ.

Зоя пріѣхала съ бабушкой поздравлять Юрія, когда всѣ уже разъѣхались; для Надежды Васильевны избраніе Вязьмина, благодаря строгому сохраненію тайны, явилось сюрпризомъ. Она, пожалуй, больше всѣхъ радовалась тому, что ея несравненная Зоинька будетъ предводительшей и что милый ея сердцу Юрій, по всей вѣроятности, пойдетъ далеко впередъ. Явились и Сахаровы, Томиловъ, Кейзерлингъ, Извинъ, Брусиковъ и много другихъ. Хорошій день выпалъ на долю Вязьмина и его невѣсты!

Послѣ поздняго обѣда, въ которомъ бабушка и Зоя не участвовали, какъ отобѣдавшія дома, Шаталовъ куда-то уѣхалъ и Юрій остался съ Канищевыми втроемъ.

— Пари держу, сказала Зоя, — что Дмитрій Никитичъ нарочно уѣхалъ, чтобы не стѣснять насъ... Въ высшей степени деликатный человекъ!

— Мало того, что деликатный, добавилъ Вязминъ,— Митя—добрякъ, всегда готовый услужить и помочь всякому, а ужъ для тѣхъ кого любить и кому преданъ—просто незамѣнимый!

— И простой человѣкъ, безхитростный, вставила старушка:—съ нимъ говоришь—точно цѣлый вѣкъ знакома!

— Бабушка дорогая! Вашъ флигель въ Волинскомъ уже ремонтируется и къ двадцатому числу этого мѣсяца будетъ совсѣмъ готовъ; стѣны оклеиваются новыми обоями; печи, особенно въ кухнѣ, исправлены и выбѣлены, крыша и веранда выкрашены. Во флигелѣ будете полной хозяйкой и Аннушка съ кухаркою, по прежнему, будутъ около васъ.

— Благодарю тебя, мой милый, за заботы... Напрасно только ты деньги на ремонтъ тратишь: и теперь флигель почищенъ хорошо; въ прошломъ году жилось намъ прекрасно! А вотъ что хотѣла я предложить: осень и зиму тебѣ, какъ предводителю, въ Волинскомъ жить нельзя; поэтому бери мой домъ, сдѣлай къ нему пристройки, какія найдешь нужными, надворныя службы поправь—однимъ словомъ распорядись, какъ хочешь... Мнѣ оставь мои три комнаты: угловую, гдѣ я всегда сижу, спальню и дѣвичью; впрочемъ послѣдняя и для Зоной горничной годится. Обѣдать я буду съ вами, а кухарку Ольгу оставлю у себя, ну хоть ключницей; съ ней разстаться я не могу. Домъ свой я дарю Зоинкѣ, какъ свадебный подарокъ; на-дняхъ я совершу дарственную.

Зоя и Юрій бросились цѣловать старушку.

— Мы всѣ успія употребимъ, безцѣнная наша бабинька, чтобы вамъ жилось хорошо! Меня вы съ пеленокъ знаете, а Юрочка вамъ полюбился сразу!

— Да, Зоинька, послалъ тебѣ Господь рѣдкаго мужа, а мнѣ внука! Живите, дорогіе мои, дружно, а я, глядя на васъ, буду радоваться и доживать свой вѣкъ покойно и счастливо!

— И будетъ такъ, бабушка; вы посмотрите, какую вы мнѣ жену выростили, сколько трудовъ и лишеній вынесли—и все для нея! Какъ-же намъ, голубушка, не цѣнить васъ, не благодарить, не лелѣять!

— Ну, такъ согласны вы на мое предложеніе?

— Какъ-же не согласиться? Во-первыхъ мы не разлу-

чимся съ вами, а во-вторыхъ—больше денегъ останется въ нашемъ карманѣ! разсмѣялся Вязьминъ.—Какъ переѣдемъ въ Вольтинское—такъ и начнемъ работу; присматривать за ней будетъ Митя, буду и я наѣзжать... Домъ предполагаю оставить, какъ онъ есть, а сдѣлаю пристройки; планъ я вамъ на-дняхъ представлю.

— Тебѣ когда можно будетъ переѣхать?

— Думаю, что въ концѣ мѣсяца Явленскій разрѣшить.

— Юрій Александрычъ, я къ вамъ съ просьбою, сказала Зоя:—прошу дать мнѣ тотчасъ-же, когда переѣдемъ, какое-нибудь занятіе по хозяйству: не привыкла я сидѣть сложа руки!

— Ахъ, батюшки мои: не изъ тучи громъ! расхохотался Вязьминъ.—Да сдѣлайте одолженіе, моя красотка, берите, что угодно... Полевыхъ работъ только не отдамъ и охоты!

— Да мнѣ ихъ и не надо: въ полевыхъ работахъ я ничего не смыслю, а что касается охоты—намъ съ бабинькой дупеля да куропатки нужны, а бѣгать за ними, стрѣлять ихъ—не имѣю ни малѣйшаго желанія! Предоставьте мнѣ, ваше высокородіе... такой кажется титулъ буду носить и я, послѣ свадьбы? (Юрій кивнулъ утвердительно головой)—огородъ и веденіе молочной книги... Можете быть покойны: я весьма аккуратна!

— А ты вотъ что мнѣ скажи, Зонька, подозвавъ къ себѣ и цѣлуя дѣвушку, спросилъ Вязьминъ,—о горничной ты позаботилась?

— Давно ужъ и нанята! Хоть сейчасъ придетъ... И бабинька и я отлично ее знаемъ: она жила у насъ прежде—очень мы ее любили; вышла замужъ и должна была насъ оставить... Мужъ портной былъ... Года два назадъ, она овдовѣла и живетъ горничной у прокурора; узнавъ, что я помолвлена—она прибѣжала меня поздравить и просить взять ее,—конечно я не только согласилась, но и обрадовалась: женщина прекрасная, честная, руки золотыя!

— И я радешенекъ: меня очень безпокоило, что ты можешь остаться безъ горничной...

— Юрочка, а ты будешь держать экипажъ въ городѣ?

— Какъ-же не держать? Лѣтомъ, въ усадьбѣ, онъ необходимъ; въ городѣ, безъ своего экипажа обойтись тоже

нельзя да и расчета нѣтъ: что-же каждый годъ нанимать кучера на какіе-нибудь четыре мѣсяца? На такое краткое время порядочный кучеръ и не пойдетъ, а братъ водовоза — убыточно: и лошадей перекалѣчить и экипажи испортить. Кромѣ того: осень и зиму лошади что-же дѣлать будутъ... даромъ кормъ ѣсть? Да вѣдь къ нимъ надо и конюха, хоть и плохенькаго... Экипажи есть: карета, коляска, сани, дрожки... подновить ихъ только надо... Затѣмъ скажу откровенно: мнѣ смертельно хочется тебя въ здѣшнюю аристократію ввести сейчасъ-же... Потрудились ты съ уроками довольно—пора тебѣ занять въ обществѣ подобающее тебѣ мѣсто! Скажу откровенно: я не тщеславенъ и не карьеристъ... Не столько для себя желалъ я быть переводителемъ, сколько для тебя... И я обставлю тебя какъ слѣдуетъ и представительшей ты будешь не изъ послѣднихъ!

Зоя вскочила со стула и, подойдя къ Вязьмину, горячо обняла его за шею.

— И за что ты меня такъ любишь?.. Вѣдь ты жизнь свою, изъ-за меня, подвергалъ опасности! И если-бы не милость Божія—скажу: чудо даже,—я теперь на могилкѣ-бы твоей плакала!

Арсеній вошелъ въ гостиную и доложилъ, что ужинать подано: всѣ поднялись, чтобы идти въ столовую, но раздался звонокъ и Дмитрій Никитичъ появился въ залѣ:

— Какъ я радъ, что попалъ къ самому ужину!

Онъ поздоровался и, тряся сверткомъ газетной бумаги, вскричалъ:

— Это Богъ знаетъ что такое! Мерзость эту, именуемую „Свобода“, я конечно не читаю, а потому и не зналъ до какихъ геркулесовыхъ столповъ дошла наша N-ская пресса, благодаря попустительству, но часъ тому назадъ мнѣ сунули эту прелесть, номеръ „Свободы“ отъ 27 апрѣля, и я считаю своимъ долгомъ прочесть вамъ кое-что изъ этого „шурунь-буруна“, но конечно поужинавши.

Когда они встали изъ-за стола и перешли пить чай въ гостиную, Шаталовъ развернулъ газету:

— Я начну съ передовицы... Ради Бога, вслушайтесь въ это наглое, подлое вранье мѣстнаго публициста:

„Великій, знаменательный моментъ! Сошлись онѣ, сошлись двѣ воющія стороны... Упившаяся кровью народа, оглох-

шая отъ его стонувъ самодержавная бюрократія и измученный и истерзаный, оскорбленный въ лучшихъ своихъ чаяніяхъ народъ“.

„Великій знаменательный моментъ!“

„Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ?“

„Есть колоритные признаки“...

„Заемъ, заключенный на небывало унижительныхъ и невыгодныхъ условіяхъ, заемъ, закабалившій страну на полстолѣтія въ лапы ростовщиковъ и расходуемый на бронировку городовыхъ и жандармовъ, на передвиженія казаковъ и солдатъ пс. голоднымъ, раззореннымъ деревнямъ“...

„Рескрипты на имя В. и Д., отпускающіе этимъ Тамерланамъ ихъ страшныя преступленія передъ родиной, выдающіе благодарность за эти преступленія“...

„Замѣна однихъ палачей испытанными сподвижниками ихъ, готовыми продолжать вакханалію насилій и произвола“...

„Включеніе въ основные законы, наканунѣ созыва народныхъ представителей, положеній, заграждающихъ путь народу къ устройству своего быта“...

„Вотъ показатели, которые говорятъ, что самодержавная опричина рѣшила держать старый курсъ насилій, безсудности, безотчетности, хищеній... Рѣшила и, въ подкрѣпленіе этого рѣшенія, выдвигаетъ кровавыя средства“...

„А съ другой стороны ихъ зовутъ народными представителями... Мы не назовемъ ихъ такъ, ихъ, собранныхъ на основахъ извѣстной формулы: „тащить и не пущать“, при устраненіи отъ выборовъ жизнедѣятельныхъ силъ страны... Но и при такихъ условіяхъ, составъ думы получился оппозиціонный. Такъ великъ гнѣвъ народа, такъ великъ накипѣвшій протестъ противъ режима опричины!“

— Прости, я перебыю тебя, сказалъ Юрій:—сотрудникъ „Свободы“—наглый и глупый лгунъ! „Гнѣвъ народа!“, „накипѣвшій протестъ противъ опричины“... Первое мая кажется достаточно выяснило на кого направлено и то и другое... Не самодержавная-ли опричина защищала растерявшихся г.г. „освободителей“ отъ вѣрноподданнаго мужицкаго кулака? Не народъ-ли разгромилъ гнусное, противное ему гнѣздо бунта, „Народный домъ?“ Не предвидѣлъ такого казуса зазнавшійся писака „Свободы“, когда съ такимъ

иафосомъ создавалъ свою передовицу 27 апрѣля! Не ожидалъ онъ и разрушенія кормившей его „Свободы“!

— Продолжаю, если позволите, обвелъ глазами присутствовавшихъ Шаталовъ:

„И эти представители предъявляютъ требованія о дѣйствительномъ водвореніи свободъ и правъ въ странѣ, о дѣйствительномъ переустройствѣ государственнаго строя, объ уступкѣ самодержавной бюрократіей своего мѣста самодержавному народу“.

„Они сошлись. Пока все тихо на мѣстѣ ихъ встрѣчи. Требованія тогда являются требованіями, когда опираются на силу, имѣютъ за собою ея аргументацію“.

„Есть-ли она у прогрессивнаго большинства думы?“

„Есть! Пусть знаютъ объ этомъ! Она пришла къ своей позиціи по дорогѣ, проложенной страданіями и кровью многомилліоннаго народа и, какъ силу, она имѣетъ за собою опять народъ, опять революціонный авангардъ его!“

„Сошлись... Все тихо на мѣстѣ ихъ встрѣчи. Но эта тишина—не тишина кладбища, созданнаго провокаціей В., казнями Д. и предательствомъ А. Это—тишина передъ грозой, тишина, готовая разразиться въ міровой взрывъ, если по адресу думы и требованій ея будетъ предпринята „извѣстная формула“... Разразится! Народъ готовъ!“

— Ну не шутъ-ли: „народъ готовъ!“—Да, готовъ... переколотить васъ, непрощенныхъ „освободителей“. Надо полагать, что теперь, послѣ погрома перваго мая, вы прозрѣли хоть сколько нибудь? замѣтилъ Вязьминъ.

— На этомъ мы и кончимъ, сложилъ газету Шаталовъ:—потому, что все послѣдующее—похвальба и глупыя мечтанія, что горсть обезумѣвшихъ людей и подростковъ можетъ свалить такой колоссъ какъ Россія!

— Все это такъ, Митя, но долго еще придется намъ мучиться, пока все взбудораженное мятежемъ войдетъ въ свою колею!.. Вонъ опять пошли въ ходъ политическія убійства!

— Какіе вы, однако, господа, эгоисты! Никогда ничегъ не расскажете... точно мы и не интересуемся этимъ... Все надо просить васъ да кланяться! разсмѣялась Зоя.

— Некогда было, оправдывался Юрій:—все время была суетолака... Иное забудешь, другое прочтешь въ попыхахъ...

— Въ концѣ апрѣля, въ Москвѣ, убили графа Коновницына и екатеринославскаго генераль-губернатора Жолтановскаго, сказали исправникъ.

— Юрочка! А ты что молчишь? улыбаясь, спросила Зоя.

— Собираю воспоминанія! разсмѣялся и Вязьминъ.
— Ну вотъ: собралъ... прислушайтесь... Московскій генераль-губернаторъ Дубасовъ, со своимъ адъютантомъ графомъ Коновницинымъ возвращались въ коляскѣ домой изъ Успенскаго собора; недалеко отъ дома генераль-губернатора какой-то человекъ, въ формѣ морского офицера, съ коробкою въ рукахъ, бросилъ ее подъ кузовъ коляски. Произошелъ взрывъ, кузовъ разбился, Дубасова и Коновницина выбросило изъ экипажа. Генераль-губернаторъ вскорѣ поднялся и, почти безъ посторонней помощи, вошелъ въ домъ, а Коновницинъ лежалъ въ лужѣ крови, съ раздробленнымъ черепомъ. Неизвѣстный человекъ, бросившій бомбу, былъ также убитъ. Убитъ и проѣзжавшій мимо извозчикъ. Ранены: кучеръ Дубасова и два прохожихъ.—Довольны, моя безцѣнная невѣста?

— Не совсѣмъ, улыбнулась Зоя—а екатеринославскій генераль-губернаторъ?

— Да, Жолтановскій... Убили его въ тотъ-же день, что и Коновницина, въ Екатеринославѣ... Подъѣзжалъ онъ къ вокзалу и вдругъ лошади понесли... Этимъ воспользовались злоумышленники и дали по коляскѣ нѣсколько залповъ изъ револьверовъ. Жолтановскій скончался, не приходя въ сознаніе. Стрѣлявшіе не обнаружены.

— Ну, въ этомъ онъ самъ виноватъ: какъ, въ такое время, генераль-губернаторъ не принялъ никакихъ мѣръ обезопасить себя? замѣтилъ Шаталовъ.—Авось, дескать, и такъ сойдетъ!.. Русская халатность!

Арсеній доложилъ, что извозчикъ у подъѣзда—и Канищевы, конвоируемые Дмитриемъ Никитичемъ, отправились домой.

XIX.

Десятаго мая, флагъ на крышѣ губернаторскаго дома, съ утра оказался спущеннымъ: Увертышевъ, вызванный по телеграммѣ, уѣхалъ въ Петербургъ, а пятнадцатаго числа уже распространился въ городѣ слухъ, что губернаторъ при-

численъ къ министерству и въ N. возвратиться только на нѣсколько дней. Новость эта никого не удивила, такъ какъ отозванія его ожидали, и никого не опечалила, въ виду того, что во всѣхъ слояхъ общества его не жаловали. Слухи эти вскорѣ подтвердились; Увертышевъ пріѣхалъ въ N., пробылъ съ недѣлю и затѣмъ, провожаемый только самыми близкими, отбылъ изъ города N. чуть не инкогнито. Пошли въ ходъ новые слухи: о замѣстителѣ. Какъ всегда въ провинціи, фамиліи этихъ кандидатовъ сыпались какъ изъ рога изобилія: всякій, мало-мальски имѣющій связи въ столицѣ, съѣздившій туда на нѣсколько дней, чтобы показать осѣдомленность, безбожно вралъ и доходилъ даже до того, что будто-бы съ будущимъ губернаторомъ онъ чуть не „на ты.“ И замѣчательно: насулятъ эти репортеры до десятка новыхъ губернаторовъ и вдругъ—о разочарованіе! назначается губернаторомъ человѣкъ совершенно неизвѣстный этимъ господамъ!.. Тогда наступаетъ переполохъ: крупные обыватели и чиновники, случайно попавшіе въ Петербургъ, отыскиваютъ новаго губернатора, представляются ему и всѣми мѣрами, опережая другъ друга, стараются войти въ довѣріе новаго начальника губерніи. Знакома его съ бытомъ и особенностями ввѣреннаго ему края, эти юркіе люди ловко подпускаютъ губернатору, между прочимъ, разныя сплетни, характеристику видныхъ дѣятелей, конечно отрицательную, указываютъ на дурной составъ администраціи и распушенность служащихъ и проч. Не мудрено, что, послѣ подобныхъ бесѣдъ, новый губернаторъ пріѣзжаетъ въ свою губернію точно ошалѣвшій и, почти всегда, въ мрачномъ настроеніи,

Болѣе всѣхъ, конечно, суетился и вралъ Декапольскій, хотя катастрофа съ Вязьминымъ и его невѣстой и самоубійство Флоринскаго, племянника его, казалось-бы, должны были нѣсколько умѣрить бойкость Александра Ивановича, но сей послѣдній былъ не изъ робкихъ: онъ посѣщалъ по прежнему знакомые дома, сообщалъ разныя свѣдѣнія, съ апломбомъ человѣка хорошо осѣдомленнаго и божился, что они переданы ему изъ первыхъ рукъ. Заѣхалъ онъ и къ Ольхину.

— Всѣ эти замѣстители, которыхъ до сихъ поръ называли,—вовсе не кандидаты, пропихалъ онъ:—будетъ назна-

ченъ Сысоевъ, В—скій вице-губернаторъ, лѣтъ сорока пяти, крайній монархистъ!

— Какъ-же вы съ нимъ ладить будете? усмѣхнулся Ивапъ Константиновичъ.

— А что такое? Вѣдь вы и я ладили-же другъ съ другомъ? не смутился Декапольскій.

— Наши отношенія—не служебныя, а съ Сысоевымъ у васъ могутъ быть постоянныя стычки!

— На то существуетъ политика—наука умная! не стѣсняясь, отвѣтилъ гость.—Безъ нея не только служить, но и жить нельзя!

— Слѣдовательно вы теперь монархистомъ сдѣляетесь?

— Зачѣмъ? Политика и состоитъ въ томъ, чтобы говорить одно, а дѣлать другое! Но для этого, конечно, надо имѣть особую способность и опытность... Всѣ знаменитые политики были люди талантливые, тонко знавшіе свое дѣло и крайне осторожные.

— Итакъ вы, Александръ Ивановичъ, теперь переобразуетесь? разсмѣялся Ольхинъ.

— Наружно—придется; вѣдь было-бы глупо изъ-за того только, чтобы щеголять своими убѣжденіями, которыя теперь не въ ходу, лишитъ себя хорошаго содержанія и можетъ-быть будущей карьеры!

Ольхинъ ничего не отвѣтилъ: ему просто противенъ былъ этотъ человекъ.

Декапольскій взглянулъ на старика и вѣроятно понялъ его молчаніе, потому что тотчасъ-же взялся за котелокъ, простился и вышелъ изъ кабинета.

— И это слуга Царя, одинъ изъ російскихъ правителей! обратился Ивапъ Константиновичъ къ Вязьмину, показавшемуся въ дверяхъ гостиной.—Гордится своимъ хамелеонствомъ! Интересно, какъ будетъ онъ лавировать съ новымъ губернаторомъ, если дѣйствительно Сысоевъ будетъ назначенъ!

И Ольхинъ передалъ Юрію разговоръ свой съ Декапольскимъ.

— Ты давно сидишь въ гостиной? спросилъ онъ Вязьмина, уводя его въ кабинетъ.

— Съ четверть часа... А Марья Николаевна гдѣ?

— Такъ-же, какъ и ты, визиты развозить, а обѣдаетъ

у Харзѣевой; надѣюсь, что ты скрасишь мое одиночество и отобѣдаешь со мной?.. Э... да ужъ половина пятого, взглянулъ онъ на часы.

— Съ большимъ удовольствіемъ!.. А только въ семь часовъ...

— Отпустить тебя къ невѣстѣ? перебилъ Юрія генераль.—И минуты не задержу... будь покоенъ!

— А какъ у насъ въ думѣ, Иванъ Константинычъ? Все это время я читалъ газеты только урывками: такая была сутолока, да и теперь она продолжается...

— Худо, голубчикъ, зарекомендовала себя дума: нѣчто невѣроятное творится въ ней!.. Требуютъ полной амнистїи, т. е. выпуска изъ тюремъ не только всѣхъ политическихъ, но и просто уголовныхъ преступниковъ! Всѣ радикальныя газеты откровенно признаются, что хлопчутъ объ освобожденїи своихъ единомышленниковъ для того, чтобы устроить новый бунтъ! Единодушїе въ думѣ между такъ называемыми „конститутцами“ и убійцами—полное! Когда одинъ изъ членовъ думы, поблагоразумнѣе, хлопоча объ амнистїи, предложилъ выразить вмѣстѣ съ тѣмъ порицанїе совершеннымъ ими убійствамъ,—сейчасъ-же выскочилъ глава „конститутцовъ“ и заявилъ, что дума не должна осуждать политическія убійства! И это наглое заявленїе было встрѣчено шумными рукоплесканїями!.. Выходитъ: что дума одобрила политическія убійства! Говорятъ, что на-дняхъ выпустятъ большую часть головорѣзцовъ!

— Господи помилуй! Да вѣдь это приставлять себѣ ножъ къ горлу! воскликнулъ Вязьминъ.

— Утѣшительно то, что со всѣхъ концовъ Россїи, отъ монархическихъ союзовъ и ихъ отдѣловъ, отъ всѣхъ сословїй, отдѣльныхъ волостей и деревень, крестьянскихъ артелей и группъ, торговыхъ и промышленныхъ учрежденїй—массами сылются всеподданнѣйшіе адреса и телеграммы, въ которыхъ истинно-русскїе люди умоляютъ Государя не давать амнистїи и не отмѣнять смертную казнь! Правительственный вѣстникъ и монархическія газеты до сихъ поръ переполнены этими просьбами.

— А на-счетъ отвѣтнаго адреса на привѣтственное слово Его Величества, которое лѣвые члены думы силятся назвать „тропною рѣчью“, ничего не извѣстно?

— Да ты читаль проэктъ?

— Какъ-же! Это верхъ наглости и дерзости!

— Государь отказался принять денутацию отъ чистореволюціонной партіи Государственной Думы; они ужъ до того забылись, что вообразили, будто Русскій Царь и Русскій народъ приметъ ихъ какъ дѣйствительныхъ народныхъ представителей и что всякое дерзкое требованіе, предъявленное Царю, должно считаться требованіемъ русскаго народа и что это требованіе безусловно обязательно для Его Величества!

— Читаль я, что нѣкоторые думцы требуютъ выхода въ отставку ненавѣствующихъ имъ министровъ—вотъ до чего дошло!

— Забывая, или скорѣй игнорируя, что увольняются они только Государемъ Императоромъ!.. Да это что! Въ „Москвичѣ“ была статья: „Къ чему стремится Дума“, довольно длинная... И передамъ тебѣ, что помню, самую суть... Государь, 27 апрѣля, въ привѣтствіи Своемъ думѣ, указаль ей, что она должна заняться именно той работой, къ которой ее призваль Самъ Царь и присовокупилъ: „Оправдайте довѣріе Царя и народа!“—Что-же дѣлаетъ дума? Въ шумныхъ и буйныхъ рѣчахъ своихъ ораторовъ, она намѣчаетъ программу дерзкаго адреса Государю, въ отвѣтъ на его привѣтственное слово; члены думы приписываютъ Его Величеству „торжественное обѣщаніе“ на служеніе конституціи, забывая, что они дали „торжественное обѣщаніе“ въ вѣрности Самодержавному Царю!.. Затѣмъ дума принимаетъ „единеніе съ Государемъ“ на началахъ даже не равноправныхъ, а скорѣе въ смыслѣ подчиненія себѣ Монарха, который по ихъ мнѣнію долженъ быть обращенъ въ „безотвѣтственнаго“!.. По законодательству, дума присвоиваетъ себѣ совершенное равенство съ Государемъ, вопреки „Основнымъ Законамъ“ и, не считая нужнымъ испрашивать разрѣшеніе Государя, стремится передѣлать въ Россіи все сверху до низу!

— Ну что-же? Единственное средство прекратить эту вакханалію—разогнать, и какъ можно скорѣе, это сборище съумасшедшихъ!

Ольхинъ порылся въ пачкѣ газетъ, лежавшихъ на

письменномъ столѣ, и, выбравъ номеръ „Правда и ложь“, обратился къ Вязьмину:

— Вотъ тебѣ мнѣніе о думѣ посланника одной изъ великихъ державъ... Статья небольшая и я прочту ее цѣликомъ: „Въ одинъ изъ перерывовъ думскаго засѣданія, членъ Государственной Думы Н. обратился съ вопросомъ къ посланнику о томъ: какое впечатлѣніе производитъ на него дѣятельность думы... На это посольствѣ отвѣчалъ приблизительно слѣдующее: „я нахожу поведеніе вашей думы въ высшей степени некорректнымъ съ самаго начала. Вашъ Государь сказалъ вамъ Свое слово съ престола стоя, между тѣмъ какъ всѣ коронованныя особы, когда обращаются къ своимъ подданнымъ, говорятъ сидя. По окончаніи рѣчи, Императоръ поклонился вамъ, какъ представителямъ Русской Земли, но ни одинъ изъ васъ не счелъ приличнымъ отвѣтить Ему также поклономъ. Далѣе, послѣ того какъ вы собрались въ Таврическомъ дворцѣ, первый долгъ заключался въ томъ, что вы обязаны были сейчасъ-же обратиться къ вашему Государю съ благодарностью за учрежденіе народнаго представительства и за выраженную Имъ вѣру въ будущую плодотворность вашей работы. Это вы должны были сдѣлать прежде чѣмъ вступать въ какія-бы то ни было разсужденія законодательнаго характера; но, къ сожалѣнію, вы этого не сдѣлали. Я нахожу это въ высшей степени некорректнымъ и считаю долгомъ извѣстить о семъ свое правительство“.

— Молодецъ! Я думаю его, чопорнаго дипломата, поразили разнузданныя рѣчи хулигановъ-ораторовъ и невоспитанность большинства думы!..—Иванъ Константинычъ, вы читаете когда-нибудь „Свободу?“

— Да вѣдь она умерла?

— Къ счастью „да“; но я хочу сказать вамъ о номерахъ до перваго мая...

— Нѣтъ, не читаль... Отъ другихъ слыхаль, но вообще не интересовался.

— Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ, „Свобода“ очень недовольна дѣйствіями нашихъ депутатовъ: цитируя ихъ отвѣтъ на вопросъ о тактикѣ думы, депутаты отвѣтили корреспонденту—ой газеты такъ: „Дума должна блюсти законы и приказанія Царя!“—„Это-ли“, восклицаетъ крамоль-

ная газетка, — „отвѣтъ народныхъ представителей, развѣнчавшихъ себя, вопреки воли пославшихъ ихъ!“ — И солгали: тѣ, которые выбрали депутатовъ-монархистовъ, не слушали наставленія „Свободы“, а дѣйствовали, какъ вѣрноподданные Самодержавнаго Царя!

— Ну, Юрій... пойдѣмъ обѣдать: я слышу шаги Ильи — вѣроятно супъ на столѣ.

— Хорошъ, нечего сказать! встрѣтила Зоя жениха. Цѣлый день прошелъ, а ты только теперь о Зоинькѣ вспомнилъ! — Аннушка, давай, милая, самоваръ.

— Нельзя было раньше, Зоя Владиміровна, цѣлуя ея руку, оправдывался Юрій. — Сокровище мое безцѣнное, войдя въ гостиную, обнялъ онъ дѣвушку, — а бабушка гдѣ?

— Пришла къ ней старушка, изъ бывшихъ дворовыхъ, — такъ она съ ней, въ дѣвичьей; очень бабинька любитъ говорить съ простымъ людомъ, а въ особенности со старыми знакомыми... Ну, гдѣ побывалъ... рапортуй!

Они сѣли на диванъ.

— Въ десять часовъ отправился къ обѣднѣ, къ Спасителю...

— Поздно: тамъ обѣдня начинается безъ двадцати минутъ десять, перебила его Зоя.

— Виноватъ: опоздалъ! Потомъ...

— Къ Сахарову, снова перебила его дѣвушка, улыбаясь.

— Точно такъ... гдѣ и позавтракалъ.

— Не могъ къ намъ заѣхать:

— Не могъ: мнѣ было не по дорогѣ заѣзжать къ вамъ: отняло-бы много времени... Закусилъ и поѣхалъ съ визитами, по маршруту.

— О, аккуратность! смѣясь всплеснула руками Зоя.

— Аккуратность необходимая: никакого удовольствія не доставляетъ лишняя ѣзда на „Ванькѣ“, съ одного конца города на другой, совершенно напрасно; сдѣлалъ девять визитовъ, на десятомъ бросилъ якорь у Ольхина и трапезовалъ съ нимъ. Потомъ поѣхалъ къ невѣстѣ и сожалѣю...

— Это почему?

— А потому, что встрѣтила меня репримандомъ и относится ко мнѣ холодно.

— На! Цѣлуй... и не говори вздоръ! Ты забываешь, что ты—мой идолъ, мой спаситель!—Ахъ, Юрочка... какъ я люблю тебя! она бросилась ему на шею, крѣпко обнявъ.

— Скоро, скоро, Зоишка, Богъ дастъ, въ Волынскомъ будемъ... Къ той скамейкѣ сходимъ, гдѣ ты плакала...

— Непремѣнно! И тамъ, вмѣсто слезъ, я тебя поцѣлую, а потомъ удочки закинемъ—да?

— Все что тебѣ угодно, безцѣнная моя! Но вѣдь тебѣ придется сейчасъ-же дѣломъ заняться, съ сожалѣніемъ замѣтилъ Вязьминъ:—теперь самое горячее время для огорода.

— Полно муштровать меня! разсмѣялась дѣвушка.—Я—вѣдь не изъ такихъ, которыхъ надо понукать... Пиди-ка лучше на встрѣчу бабушкѣ!

Поздоровавшись съ Надеждой Васильевной, Юрій спросилъ ее:

— Ну какъ находите вы, бабушка, мой проэктъ передѣлки дома?

— Очень хорошъ... да и передѣлокъ мало... Вотъ съ надворными постройками—побольше хлопотъ будетъ: запущены... А сколько, думаешь, денегъ истратить на все? усаживаясь въ любимое кресло, поинтересовалась старушка.

— Да не больше двухъ тысячъ... Въ домѣ: парадное крыльцо и комнатка для лакея, расширение дѣвичьей и кухни; перемѣна обоевъ, ремонтъ печей и крыши, паркетныхъ половъ въ трехъ комнатахъ, бѣленіе потолковъ и др. мелочи. Мезонинъ останется безъ перемѣнъ. Если понадобится мебель—изъ Волынскаго кой-что привеземъ: нынче мода на все старинное. А выбрать попрошу васъ и Зоишку.

— Да, Юрій Александровичъ, я постараюсь кое-что изъ старенькаго въ городъ перевезти: у васъ тамъ хорошія вещи имѣются!

— Это отчего-же, Юрій, Зоишка говоритъ тебѣ такъ церемонно? взглянувъ на обоихъ, удивленно спросила Канищева.

— А мы „на косяхъ“, бабушка! серьезно отвѣтилъ Вязьминъ.—:Это у насъ случается... Зоя Владиміровна не только холодна ко мнѣ, но и придирчива!

— Господи! Да что-жъ это такое... Еще не повѣнчались, а ужъ у васъ ссоры! встревожилась старушка.

— Полноте, бабинька! обняла ее Зоя. Юрочка вѣдь

балагурить... Онъ такъ радъ, что выздоровѣлъ, что мы снова вмѣстѣ будемъ въ Волынскомъ—что не знаетъ, что и болтаетъ! Ну развѣ мы можемъ быть съ нимъ „на косыхъ?“ Подумайте!

— Бабушка, милая! всталъ съ дивана Вязьминъ.—Можно мнѣ, въ вашемъ присутствіи, поцѣловать эту чудную дѣвочку—а?

— Да вѣдь вы уже цѣлуетесь? улыбнулась старушка...

— Что вы... да развѣ можно? серьезно сказалъ Юрій.
— Ручку... ну рѣдко двѣ—допускаетъ... А поцѣловать щечку
— Боже сохрани!

Старушка разсмѣялась.

— Обманываетъ онъ меня? обратилась она къ внучкѣ.

— Конечно, бабушка!

— Ну поцѣлуйтесь—разрѣшаю! (Они поцѣловались).
— Голубчики мои! растрогалась Канищева.—Любите другъ друга... до конца жизни любите! (Она провела платокъ по глазамъ).—А хорошо принялъ тебя вчера Кейзерлингъ? послѣ паузы, спросила старушка.—И вѣдь отдыхала въ то время, когда ты забѣжалъ къ намъ, а Зоюшку не спросила.

— Великолѣпно! Былъ любезенъ, предупредителенъ...

— Конечно тутъ и предводительство кое-что значило, замѣтила Зоя.

— Возможно... но я долженъ правду сказать, что Кейзерлингъ всегда со мною былъ вѣжливъ и любезенъ.. Онъ человѣкъ воспитанный, свѣтскій... не чета Увертышеву... Томиловъ тоже; представилъ меня своей женѣ: очень милая, простая женщина... Мерцалова разсыпалась въ любезностяхъ, познакомила съ сестрой-бѣличкой. Должно быть заварилась у нихъ каша съ молодыми, коли бѣличку снова вызвали!

— А въ газетахъ что новенькаго? спросила помолчавъ Надежда Васильевна.—Потинше теперь?

— Какое потинше: въ Севастополѣ, во время парада, изъ-за музыкантовъ, черезъ публику, въ генерала Неплюева брошена была бомба, которая разорвалась со страшнымъ шумомъ; груды разорванныхъ тѣлъ, въ томъ числѣ двухъ дѣтей, много раненыхъ. Удивительно, какъ генерала не задрѣло! Задержаны четыре злодѣя. Народъ порывался растер-

зять ихъ, но полиція не допустила.—А въ Прибалтійскомъ краѣ какіе ужасы творятся!

— Говорять, что дума требуетъ амнистіи политическихъ и отмѣны смертной казни?

— Не только политическихъ, но всякаго рода преступниковъ! Но это требованіе вѣроятно не будетъ удовлетворено: со всей Россіи сыплются всеподданнѣйшія телеграммы съ просьбою не давать амнистіи и сохранить смертную казнь... Но до чего стала дерзка дума: недовольная тѣмъ, что „Правительственный Вѣстникъ“ и правыя газеты перепечатаваютъ телеграммы и адреса она, забывъ свободу слова, печати и всякія свободы, предъявила министерству жалобу на русскихъ людей: какъ смѣютъ они идти противъ Государственной Думы! По ихнему, нельзя даже телеграмму на имя Государя послать безъ ихъ цензуры, а Его Величество не имѣетъ права разрѣшить печатать ихъ!

— Я-бы сейчасъ разогнала эту невозможную думу! сказала Зоя.

— Да вѣроятно такъ и будетъ!

Въ дверяхъ гостиной показался Шаталовъ.

— Какъ это вы забрались? Мы и звонка не слышали.

— Я и не звонилъ, здороваясь съ присутствовавшими, смѣялся Дмитрій Никитичъ;—увидавъ Аннушку у окна, я жестами попросилъ ее отворить дверь—вотъ и все!

— Откуда? спросилъ Вязьминъ.

— Въ разныхъ мѣстахъ побывалъ, а сюда пріѣхалъ, какъ шаферъ Зои Владиміровны, чтобы предоставить себя въ полное ея распоряженіе, даже съ сегодняшняго дня.

— Мерси! Отчего такъ рано?

— Оттого, что на-дняхъ вы всѣ собираетесь въ Волынское и я буду вамъ необходимъ.

— Это несомнѣнно! сказала Юрій.—И ты хочешь получить программу своихъ дѣйствій?

— Вотъ именно!—Когда вы рѣшили ѣхать?

— Въ воскресенье, двадцать восьмого.

— Слѣдовательно мнѣ надо выѣхать отсюда въ субботу, часовъ въ шесть утра, выслать вамъ, тотчасъ же по пріѣздѣ, подводы для вещей, распорядиться о подставѣ въ Зарѣчьи и приготовить вамъ въ воскресенье, къ пяти часамъ, приличный обѣдъ, постели и прочее.

— Ну какъ-же не сокровище мой милый cousin! воскликнулъ Вязьминъ.—Митя, дорогой мой, какъ-же ты изъ города вырвешься?

— Объ этомъ не беспокойся: я уже получилъ разрѣшеніе вице-губернатора на объѣздъ нѣкоторой части уѣзда; у меня для этого и дѣла приготовлены. Въ пятницу доложу Кейзерлингу, что въ субботу, рано утромъ, ѣду въ уѣздъ и вернусь черезъ недѣлю. Теперь прошу васъ объяснить, какъ вы поѣдете?

Въ воскресенье, около полудня, мы выѣзжаемъ такъ: впереди я и со мной Аннушка, за мной бабушка съ Зоей и кухаркой; въ Зарѣчѣ—легкая закуска и чай, къ пяти часамъ должны быть въ Волинскомъ. На счетъ провизіи и разныхъ разностей мы поговоримъ съ тобой дома.—Ахъ какой милый человѣкъ Митя!

— Да, cousin—рѣдкій родной! пожалала ему руку дѣвушка.

— Благодарить не за что—радъ стараться!—Юрій, подумавъ спросилъ Шаталовъ,—ты былъ у Ольхиныхъ сегодня?

— Даже обѣдалъ.

— Говорилъ онъ тебѣ о Ширяевѣ?

— Нѣтъ; а что?

— Чудеса! Да вѣдь Ширяевъ ко мнѣ помощникомъ назначенъ, на мѣсто Ворончевскаго!

— А тотъ развѣ ушелъ?

— Уже съ мѣсяць какъ въ управу переселился... Какъ-же это Иванъ Константиновичъ ничего тебѣ не сказалъ...

— Забылъ... Мы все время политикой занимались... Очень я радъ!.. Какой однако золотой человѣкъ Ольхинъ: сколько намъ всѣмъ онъ добра сдѣлалъ! Вѣдь теперь и Ширяевъ и Леночка на дорогѣ: и дальше можетъ пойти Александръ Сергѣичъ!

— Когда же они переѣзжаютъ? спросила Зоя и значительно взглянула на Вязьмина.

— Вѣроятно на-дняхъ: скарба у нихъ немного, сборы тоже невелики.

— Бабушка! обратился къ Надеждѣ Васильевнѣ Юрій.—Вы не хотите ли Елену Михайловну приголубить къ себѣ на лѣто? Вѣдь перваго іюля, улыбнулся онъ,—я отниму у васъ внучку: скучно будетъ вамъ одной во флигелѣ!

— Какой ты милый!.. Ты точно читаешь у меня въ сердцѣ... Да, хотѣлось-бы мнѣ взять Леночку на лѣто...

— Такъ въ чемъ-же дѣло? Елена Михайловна—женщина прекрасная и вамъ и Зоинькѣ симпатичная—напишите ей пригласительную записку... И ей и дочкѣ полезно привести лѣто въ деревнѣ, а не въ городѣ.

— Благодарю тебя... завтра-же и напишу, весело отвѣтила старушка.

— Еще имѣю я сказать пѣчто; приберегъ я это для конца, продолжалъ исправникъ.—Пока ты, Юрій, развозилъ визиты,—у тебя былъ два раза представитель „Бельгійскаго общества целлюлозной фабрики и пильнаго завода“ M-g Degly; въ первый разъ онъ оставилъ карточку, такъ какъ меня не было дома, а во второй разъ я его принялъ; человекъ очень порядочный, лѣтъ сорока пяти, объяснились мы съ нимъ по-французски, хотя онъ говоритъ и по-русски, но съ акцентомъ. На берегу Никольскаго озера, къ которому примыкають твои лѣсныя дачи, общество хочетъ устроить целлюлозную фабрику и пильный заводъ; бревна пойдуть на распилку, а вершины на производство бумаги. Предпріятіе большое. Какъ я понялъ, общество облюбовало твои дачи и хочетъ ихъ купить съ землею, чтобы на ней основать заводъ и фабрику. Завтра, въ одиннадцать часовъ, Дерли явится къ тебѣ.

— Ну, Зоинька, весело обратился къ ней Вязьминъ,—золотая твоя ручка: все такъ и валится на меня, точно изъ рога изобилія! Голубчикъ Митя, спасибо за извѣстіе!.. А про цѣну ничего онъ не говорилъ?

— Нѣтъ.

— Полтора ста десятинъ я продамъ, а остальные сто оставлю.

— Будетъ и пятидесяти, отвѣтилъ Шаталовъ:—вѣдь охрана лѣсовъ денегъ стоитъ, а вырубить въ чужой дачѣ нѣсколько деревъ—русскій мужикъ и грѣхомъ не считаетъ!

— Ты какъ думаешь, Зоя? спросилъ Юрій.

— Вполнѣ соглашаюсь съ Дмитріемъ Никитичемъ: пятьдесятъ десятинъ совершенно достаточно.

— Интересно какую цѣну онъ предложитъ.

— Навѣрно немаленькую: изъ его словъ я замѣтилъ, что дачи твои тщательно осмотрѣны и на нихъ будетъ осно-

ванъ заводъ; представитель говорилъ, что предпріятіе задумано у нихъ широко, такъ какъ по берегамъ озера много дровяныхъ дачъ, которыя они будутъ скупать на срубъ для целлюлозной фабрики.

— Ну, завтрашній день все это разъяснить и рѣшить.

XX.

На другой день, ровно въ одиннадцать часовъ утра, аккуратный бельгіецъ M-r Derly явился къ Вязьмину; поговорили они съ полчаса и ничего окончательно не рѣшили: бельгіецъ предложилъ триста рублей за десятину, съ землей, — Юрій менѣе четырехсотъ за десятину, безъ земли, обѣ дачи продать не соглашался. Покупатель крѣпко стоялъ на своемъ, а продавецъ, не нуждаясь въ деньгахъ, стоялъ еще крѣпче. Разстались они вполне миролюбиво. Дерли просилъ Вязьмина позволить ему, „если понадобится“, навѣстить его въ усадьбѣ, а Юрій согласился на это и пригласилъ бельгійца даже переночевать въ Волинскомъ. „если понадобится“; слова эти Вязьминъ, въ свою очередь, тоже подчеркнул, почти увѣренный, что представитель общества не замедлитъ посѣтить Волинское.

По уходѣ бельгійца, Вязьминъ надѣлъ уже пальто, чтобы ѣхать въ „Якорь“ позавтракать и затѣмъ дѣлать визиты, какъ вдругъ раздался звонокъ и Ольхинъ вошелъ въ залу:

— Ты вѣроятно собираешься визитировать? поздоровался онъ съ Юріемъ.—Я тебя не задержу: мнѣ нужно сказать тебѣ нѣсколько словъ, какъ новому предводителю, и отчасти предупредить...

Они перешли въ гостиную.

— На твое мѣсто просится земскій начальникъ Бѣлозерскаго уѣзда, Верзилинъ... Ты имѣешь о немъ понятіе?

— По наслышкѣ.

— Вотъ я и пріѣхалъ тебя предупредить: онъ уже не молодой, лѣтъ сорока пяти, холостой, здѣшній дворянинъ и безъ всякихъ средствъ. Земскимъ начальникомъ онъ болѣе десяти лѣтъ и живетъ все въ томъ же захолустьѣ, въ сѣверной части Бѣлозерскаго уѣзда. Вишняковъ хорошо его знаетъ и очень хвалитъ: человекъ онъ добрый, уживчивый

и, какъ служащій, аккуратенъ до педантизма. Одна бѣда: слишкомъ мягокъ, а по теперешнему времени—это недостатокъ! Такъ вотъ, Юрій, какъ ты разсудишь?.. Онъ завтра утромъ или сегодня часа въ четыре хотѣлъ представиться тебѣ и просить не препятствовать его переводу...

— И не буду препятствовать! Разъ вы, дорогой Иванъ Константинычъ, такъ аттестуете его—совѣсть не позволяетъ мнѣ отказать г. Верзилину, тѣмъ болѣе, что я лично его совѣмъ не знаю, и въ виду, того, что человекъ этотъ десять лѣтъ маялся въ медвѣжьемъ углу, да еще одинъ-одинешенекъ! Въ моемъ бывшемъ участкѣ, теперь, когда строится чугушка, онъ можетъ пайти помѣщеніе очень порядочное и не далеко отъ станціи, хотя-бы въ большемъ селѣ Покровскомъ.

— Итакъ ты согласенъ?

— Вполнѣ.

— А мягкость характера?.. Вѣдь это то-же что недостатокъ энергіи...

— Ахъ, дорогой Иванъ Константинычъ! А развѣ у насъ нѣтъ людей съ болѣе важными недостатками да держать-же ихъ на службѣ?.. И тайные революціонеры имѣются! Захочетъ Верзилинъ—я, всегда, съ удовольствіемъ, помогу ему. Участокъ-то я, слава Богу, знаю хорошо!

— Долженъ сказать тебѣ, что Кейзерлингъ очень его протежируетъ; да правду сказать и жалкій онъ человекъ: лучшіе годы жизни боролся съ нуждой, а теперь мается въ какой-то глуши и ни малѣйшей надежды на лучшее будущее! —Однако прощай... развози визиты... Въ воскресенье ѣдете?

— Да; а вы когда?

— Числа перваго, втораго... Повидаемся еще?

— Помилуйте... да развѣ возможно противное?

— А къ четыремъ часамъ ты вернешься домой?

— Вернусь... Обѣдать буду дома... Если я опоздаю—пусть Верзилинъ подождетъ меня.

— Такъ ты его примешь?

— Съ удовольствіемъ.

— Да, вотъ еще что: спасибо твоей невѣстѣ, что либерала моего въ шафера пригласила... Ванѣевъ очень радъ и вѣроятно сегодня уже былъ у Зои Владиміровны...

Они облобызались и вышли вмѣстѣ на улицу.

Благодаря тому, что большинство визитовъ ограничилось оставленіемъ карточекъ, Вязьминъ, къ четыремъ часамъ, былъ уже дома. Снимая съ него пальто, Арсеній доложилъ, что Дмитрій Никитичъ заѣзжалъ домой только на минутку: на-скоро закусилъ и поѣхалъ къ подрядчику переговорить о ремонтѣ дома и построекъ, а въ гостиной, уже съ четверть часа, ожидаетъ незнакомый пожилой господинъ въ мундирѣ, при шпагѣ и орденѣ.

Вязьминъ вошелъ въ гостиную и на встрѣчу ему поднялся съ кресла Верзилинъ, средняго роста, умѣренно полный, сѣдоватый, съ небольшою бородой и усами, остриженный „бобрикомъ“. Онъ почтительно, не торопясь, поклонился, слабо пожалъ протянутую ему руку, причемъ его каріе глаза какъ-то печально взглянули на Юрія, и отрекомендовался:

— Андрей Владиміровичъ Верзилинъ, земскій начальникъ третьяго участка, Бѣлозерскаго уѣзда.

— Милости просимъ... Напрасно вы, Андрей Владиміровичъ, беспокоились надѣвать мундиръ... Садитесь пожалуйста... Чѣмъ могу я быть вамъ полезнымъ?

Они сѣли.

— Я съ просьбой къ вамъ, Юрій Александровичъ, скромно и растягивая слова, заговорилъ Верзилинъ:—бывшій участокъ вашъ никѣмъ не занятъ, да и, сколько мнѣ извѣстно, желающихъ принять его, изъ мѣстныхъ, дворянъ, никого нѣтъ... Не будете ли вы добры допустить мой переводъ во ввѣренный вамъ уѣздъ?

— Хотя я, Андрей Владиміровичъ, и не имѣю удовольствія быть знакомымъ съ вами, но отзывъ о васъ, глубокоуважаемаго мною Ивана Константиновича Ольхина, такъ хорошъ—что было бы съ моей стороны даже страннымъ отказать вамъ въ вашей просьбѣ. Потрудитесь передать это г. вице-губернатору; васъ-же попрошу со мной не стѣсняться и если, по вступленіи въ должность, вамъ понадобятся какія-нибудь справки или свѣдѣнія—обращаться ко мнѣ,—лѣтомъ въ с. Волинское, зимой—въ городъ. Впрочемъ уѣздные сѣзды мною пропускаемы не будутъ; какъ окончившій курсъ по юридическому факультету и согласно закону, я буду предсѣдательствовать и въ судебныхъ засѣданіяхъ,

такъ что мы будемъ видѣться довольно часто.—Вы привезли съ собою и письмоводителя?

— Къ сожалѣнію нѣтъ; мнѣ приходится разстаться съ нимъ: по домашнимъ обстоятельствамъ, ему' невозможно оставить Бѣлозерскій уѣздъ.

— А въ виду имѣете кого-нибудь?

— Трудно найти: въ городѣ я никого почти не знаю. да врядъ-ли хорошій письмоводитель поѣдетъ за сорокъ верстъ.

— Возьмите моего: парень порядочный, участокъ знаетъ... Честный, трезвый, не лѣнивый... Онъ четыре слишкомъ года прожилъ у меня.

— Очень благодаренъ... Семейный? А сколько въ мѣсяць?

— Онъ холостой; тридцать рублей въ мѣсяць и квартира ваша. У меня его и кормили, но можетъ-быть онъ согласится на свои харчи перейти.

— Я думалъ больше! Такъ вы позволите просить васъ поддержать его до моего пріѣзда, если переводъ мой состоится?

— А почему ему не состояться? Или вы не надѣетесь на Кейзерлинга?

— Нѣтъ... но знаете... Судьба меня вообще мало баловала,—все можетъ случиться...

— Я даю вамъ слово, что если вице-губернаторъ спроситъ меня—я дамъ о васъ, Андрей Владиміровичъ, самый лучшій отзывъ.

— Глубоко благодаренъ! вставъ съ кресла и медленно кланаясь, проговорилъ Верзилинъ.—Я постараюсь оправдать на дѣлѣ вашу рекомендацію.

Верзилинъ раскланялся и уѣхалъ.

Минуты черезъ двѣ, позвонили и въ залу вошелъ Кейзерлингъ.

— Это у васъ былъ Верзилинъ? спросилъ онъ Вязьмина, здороваясь и проходя въ гостиную.

— Да; папироску прикажите?

— Мерсі; у меня есть... (онъ вынулъ нортсигаръ и закурилъ). О переходѣ хлопоталъ?

— Я, Павелъ Федорычъ, ничего противъ перехода Верзилина не имѣю, лично его не знаю, но Иванъ Константи-

новичъ, строгій и безпристрастный цѣнитель, хорошо отозвался о немъ и конечно я изъявилъ свое согласіе, поручивъ Верзилину доложить это вамъ, баронъ.

— Я очень радъ; Верзилинъ—человѣкъ хорошій, честный, весьма аккуратный...

— Судьба не баловала и не балуетъ его. Бился, бѣдняга, сначала съ нуждой, а потомъ попалъ въ земскіе начальники, да еще слава Богу, что не во что-либо худшее, —въ глушь, гдѣ не съ кѣмъ было слова перемолвить!—А вы, Павелъ Ѳедорычъ, поможете ему перейти?

— Конечно; мнѣ очень жаль его... Въ вашемъ, бывшемъ, участкѣ ему все-таки получше будетъ: близко отъ желѣзной дороги, участокъ приметъ въ полномъ порядкѣ, крестьяне и власти сельскія дисциплинированы—чего-же больше?

Помолчавъ немного.

— А о новомъ губернаторѣ ничего вѣрнаго нѣтъ? спросилъ Юрій.

— Рѣшительно ничего. Все что болтаютъ въ городѣ—чистѣйшій вздоръ.

— Декапольскій увѣряетъ, что на-дняхъ непременно будетъ назначенъ Сысоевъ...

— Можетъ-быть свѣдѣнія Александра Иваныча вѣрнѣе моихъ, усмѣхнулся Кейзерлингъ,—во я даже не слыхалъ объ этомъ! Я думаю, что ранѣе августа никакого назначенія не будетъ: въ Петербургѣ теперь возятся съ Думой и вопросъ о распущеніи ея затмилъ всѣ другіе.

— Да, первый блинъ и комомъ: хорошо зарекомендовала себя первая Дума! Не малое количество попало въ нее: монтаньяровъ и санкюлотовъ!

— Однако досвиданія, Юрій Александрычъ, бросая папирску и пожимая руку Вязьмину, поспѣшно поднялся съ кресла вице-губернаторъ,—очень радъ, что Верзилинъ, благодаря вамъ, теперь устроенъ.

— Вамъ благодаря, Павелъ Ѳедорычъ, улыбнулся Юрій—не утверди вы мое представленіе—г. Верзилинъ остался-бы въ прежней глуши Бѣлозерскаго уѣзда!

„Не любитъ, сердечный, прямыхъ разговоровъ: боится какъ бы не проговориться!“ подумалъ Вязьминъ.

Проводивъ Кейзерлинга, Юрій велѣлъ Арсенію накрывать на столъ, а самъ пошелъ къ себѣ въ комнату, переодѣться.

Раздался снова звонокъ и сильный.

— Не принимай! крикнулъ Вязьминъ.

— Нельзя-съ: баринъ пріѣхали! усмѣхнулся Арсеній.

— Одинъ?

— Вдвоемъ; точно какъ будто съ ними г. Ширяевъ.

Въ залу вошли Шаталовъ и Александръ Сергѣевичъ.

— Какъ я радъ видѣть васъ! обнялъ Ширяева Вязьминъ.—Наконецъ-то вы выбрались изъ этой глуши... Довольны вы?

— Какъ-же не быть довольнымъ: и повышение, и жить въ городѣ, и такой начальникъ, какъ Дмитрій Никитичъ!

— Стопъ машина! воскликнулъ Шаталовъ.—Такія слова въ глаза не говорятъ... Да и почему вы знаете, что я за начальникъ? Можетъ-быть хуже всякой спущенной съ цѣпи собаки!

— Что ужъ это? махнулъ рукой Ширяевъ.—Знаете-ли, Дмитрій Никитичъ: вѣдь это смиреніе—паче гордости!

— Н—ну! Большие не буду!.. А вы вотъ что мнѣ скажите...

— Да позвольте, Митя: вѣдь это насиліе... Ты не даешь ему отвѣтить на мои вопросы...

— Я отвѣчу; но раньше мнѣ надо о существенномъ поговорить... Александръ Сергѣичъ пріѣхалъ сюда съ семьей и скарбомъ; естественно проголодаться... Елену Михайловну покормятъ бабушка и внучка, а Александра Сергѣевича обязанъ покормить я, будущій его, бѣшенный начальникъ.

— Митя, опять? Да полно гордиться! остановилъ его Юрій, смѣясь.

— Арсеній! Пойдемъ—братъ, въ кухню: здѣсь мнѣ простора не даютъ... А вы, господа, простите, что обѣдъ немного затянется... Впрочемъ, для успокоенія червячка, сейчасъ закуска явится.

Шаталовъ ушелъ.

— Комикъ... всегда жизнерадостный и чудной души человѣкъ! не утеришь, чтобы не похвалить своего друга, Юрій.

— Вы не повѣрите, какъ я радъ, что мнѣ пришлось слу-

жить съ Дмитріемъ Никитичемъ! Когда я получилъ ваше письмо—мы съ женой просто диву дались! Конечно, при Увертышевѣ, врядъ ли мое назначеніе прошло-бы, да еще такъ скоро!

— Прошло-бы: Увертышевъ не пошелъ-бы противъ Ивана Константиныча... Утвержденіе его губернскимъ предводителемъ очень, очень много значило!—Да сядемте... что же мы строимъ! (Они перешли въ гостиную и сѣли на диванъ)—Елена Михайловна поправилась послѣ своей тяжелой работы?

— По моему—да; главное: она нравственно успокоилась.

— Этимъ она обязана вамъ.

— Жаль только, что позднеько я опомнился! совершенно просто и сознательно сказалъ Ширяевъ.—Но и за это благодарю Господа Бога и его служителя о. Смѣлкова! съ чувствомъ добавилъ онъ.—Знаете, Юрій Александровичъ, я такъ счастливъ теперешнимъ покоемъ, что боюсь какъ-бы онъ отъ меня не отошелъ!

— Поживемъ еще и, Богъ милостивъ, золотой Иванъ Константинычъ, еще болѣе улучшить ваше положеніе: это чудный человекъ, генералъ Ольхинъ!

— Что и говорить: не было-бы такихъ людей—и міръ бы не стоялъ!

— Вы когда сегодня пріѣхали? послѣ паузы, спросилъ Вязьминъ.

— Около полудня. Переодѣлся—и къ Дмитрію Никитичу въ управленіе, представиться. Потомъ, съ женой и дочерью, отправились къ Канищевымъ; у нихъ оставили Соню, на попеченіе Зои Владиміровны, а сами поѣхали къ Ольхинымъ, благодарить Ивана Константиныча. Леночка вернулась къ Канищевымъ, а я опять въ управленіе и, вмѣстѣ съ Дмитріемъ Никитичемъ, сюда; завтра буду представляться вице-губернатору.

— Пожалуйте водку пить! раздался голосъ Шаталова: —рекомендую: чудная зернистая икра—прямо съ Волги!

— Когда-же ты успѣлъ ее заполнить?

— Для милаго дружка—и сержка изъ ушка!—Ну, Александръ Сергѣичъ, вонзимъ!

— Только не водки! попросилъ Ширяевъ.

— Для васъ коньякъ есть—вкусите!

— А съ подрядчикомъ покончилъ? спросилъ Вязьминъ.

— И съ подрядчикомъ и на мѣстномъ дворѣ все сдѣлано; послѣ обѣда обо всемъ доложу.—Ну, Юрочка, икорки!

— Я тебѣ не Юрочка, а Юрій, Георгій, Егоръ! смѣясь крикнулъ Вязьминъ.

— Это почему? удивился исправникъ и даже остановился закусить проглоченную рюмку водки.

— Ласкательное имя „Юрочка“ изобрѣтено Зоей Владиміровной, моей невѣстой!

— Резонно! замѣтилъ Шаталовъ.—А потому слѣдуетъ вонзить „сугубо“ за здравіе Зои Владиміровны, моей глабоко-уважаемой кузины!

Выпили.

— Я предлагаю, сказалъ Вязьминъ: отобѣдавъ, часовъ въ семь, отправиться къ Канищевымъ и просидѣть у нихъ вечеръ.

— А можно это?.. Всѣмъ? скромно спросилъ Ширяевъ.

— Очень рады будутъ... Точно вы не знакомы съ гостеприимствомъ Канищевыхъ?

— Я свезу туда флакончикъ „Аи“, чтобы выпить за здорье г.г. Ширяевыхъ: разошелся Шаталовъ.

— Попробуй только! сказалъ Вязьминъ: тебѣ такую нотацію прочитаютъ, не только Надежда Васильевна, но и новая твоя кузина! Да развѣ можно, Митинька, въ чужомъ домѣ привѣтствовать гостей, да еще своимъ шампанскимъ!

— А вѣдь ты правду говоришь! подумавъ, серіозно замѣтилъ исправникъ: —И телятина-же я! Въ чужой огородъ залѣзъ!.. Раскисъ я отъ желанія порадовать добрыхъ людей!.. Нехорошо... Самъ вижу, что нехорошо... Ну, простите!

— Полно ты, распашная душа, каяться! обнялъ кузена Юрій. —Я—вѣдь такъ сказалъ... просто съ языка сорвалось!

— Нѣтъ, ты правъ! Но я не сержусь... не могу на тебя сердиться! нѣсколько разстроено отвѣтилъ Шаталовъ.—Ну, вонзимъ—и шабашъ! Сейчасъ обѣдъ подадутъ.

Елена Михайловна показала Вязьмину очень поправившейся; она немного пополнѣла, порозовѣла и глаза ея словно ожили: не было въ нихъ того утомленія и равнодушія, которыя такъ были замѣтны во время службы ея въ

лечебницѣ. Исчезла и приниженность, свойственная людямъ забитымъ нуждой и одиночествомъ, пробѣгала отъ времени до времени по лицу ея радостная улыбка, такъ недавно еще ей почти незнакомая. Сидя съ Вязьминымъ въ гостинной Канищевыхъ, она, такъ недавно еще заброшенная, одинокая, сознавала, что и онъ и Шаталовъ и бабушка съ внучкой искренно сочувствуютъ ей и не дадутъ въ обиду ни ея ни ея мужа.

— Позвольте поблагодарить васъ, Юрій Александрычъ, послѣ обычныхъ фразъ, обратилась она къ нему,—за ваше согласіе принять меня снова въ милое Волынское.

— Благодарить меня не за что: флигель принадлежитъ бабушкѣ и находится въ полномъ ея распоряженіи; ваше же присутствіе въ Волынскомъ только оживитъ нашъ маленькій кружокъ!—Ну какъ жилось вамъ въ уѣздѣ?

— Конечно жизнь въ деревнѣ скучна, неудобна, но послѣ того, что я пережила въ лечебницѣ—я точно въ рай попала. Уже одно то, что я почувствовала свободу, сдѣлалась семьянинкой—воскресило меня! Да, Юрій Александрычъ, посѣтилъ меня Господь Своею милостію, не знаю и за что!

— А за то, что выстрадали вы много!.. За смиреніе ваше, Елена Михайловна!

— Какое ужъ смиреніе! махнула рукой Ширяева:—Тоже роптала, грѣшная... А вотъ опять: развѣ не милость Божія... провести цѣлое лѣто съ дочерью въ чудномъ Волынскомъ, среди такихъ рѣдко-добрыхъ людей!

— Полноте: ничего тутъ особеннаго нѣтъ... Послѣ вашей каторжной жизни—простите вульгарность моихъ словъ, вамъ обыкновенные, съ сердцемъ, люди кажутся чуть не ангелами!

— Не кажутся они, Юрій Александрычъ: эти люди—вотъ они гдѣ! (она показала на сердце) и голосъ ея задрожалъ.

— Я постараюсь устроить вамъ поѣздки въ городъ, скорыя и даровыя. Уже въ іюнѣ, какъ говорилъ мнѣ инженеръ, строящій нашъ желѣзнодорожный участокъ, можно будетъ ѣздить въ городъ по чугункѣ, конечно не официально... Инженеръ этотъ, по фамиліи Зерѣвичъ,—премилый господинъ и будетъ наѣзжать къ намъ, въ Волынское. На

двадцатое число я буду ѣздить на съѣздъ и, если пожелаете, могу брать васъ съ собой...

— Ну какъ-же не сказать, что вы—добрѣйшій человекъ! улыбулась Ширяева;—Вы и объ этомъ позаботились!

— И еще позаботился, разсмѣялся Вязьминъ;—Александрю Сергѣичу приготовленъ у насъ номеръ, на случай его пріѣзда...—Ну, да будетъ ужъ. объ этомъ говорить... скажите лучше, куда поѣхали бабушка съ внучкой?

— Въ лавки и къ портнихѣ... Надежда Васильевна ждетъ не дождется воскресенья: ей ужасно хочется поскорѣй уѣхать въ Волынское!

— А что ваша Соня? Здорова?

— Вполнѣ; сидитъ со своею няней и вѣроятно домики изъ картъ строитъ или сказки слушаетъ... Обожаетъ сказки...

— Вы поѣдете съ нами въ воскресенье? послѣ паузы, спросилъ Юрій.

— Ой нѣтъ: надо—вѣдь пайти квартиру, переѣхать, все въ ней устроить—это не такъ скоро дѣлается... Надо и о мужѣ позаботиться...

— Совершенно вѣрно; но намъ очень хочется видѣть васъ поскорѣе въ Волынскомъ и для здоровья вашего и Сони и для пополненія нашего кружка!

— Благодарю васъ... Думаю, что около половинны іюня справлюсь.

— А когда справитесь—обратитесь къ Дмитрію Никитичу: онъ очень хорошъ съ Зерневичемъ и все вамъ устроить; извѣстите только меня, когда выслать вамъ экипажъ на станцію.

— Пріѣхали! взглянула въ окно Ширяева.

Вязьминъ торопливо всталъ и пошелъ отворить входную дверь.

— Юрій! смѣясь, сказала Надежда Васильевна, входя въ переднюю и здороваясь:—Тебѣ, предводителю, неприлично вносить наши покупки да и много ихъ... Кликни Аннушку... Изъ-за разныхъ свертковъ и картоновъ только наши головы были видны! Какъ выберется изъ нихъ Зонька—не знаю!

Юрій позвалъ Аннушку, снялъ со старушки пальто и, выбѣжавъ на крыльцо, освободилъ Зою отъ массы покупокъ,

лежавшихъ въ задкѣ дрожекъ, подъ ногами и у извощика. Зоя, веселая, прыгнула съ дрожекъ и вбѣжала въ сѣни.

— Юрочка! Дорогой! обняла она его:—Прости, что долго ѣздили: портниха задержала.

— Явилась Аннушка и стала выгружать все содержимое экипажа.

— Пойдемъ въ столовую... А гдѣ Леночка? спросила Зоя.

— Въ гостиной... Къ ней бабушка пошла.

— И прекрасно! Зоя подхватила Вязьмина подъ руку и увела въ столовую;—Ванѣевъ у меня былъ... Пріѣзжалъ благодарить за приглашеніе быть моимъ шаферомъ... Очень радъ. Въ комплиментахъ просто разсыпался... Недалекъ онъ, Юрочка... Теперь ужъ я не помню, что онъ болталъ... Коснулся, наконецъ, политики, но я его остановила, сказавъ, что политика мнѣ страшно надоѣла.

— А бабушка не выходила?

— Нѣтъ: она еще отдыхала. Ванѣевъ посидѣлъ съ полчаса и уѣхалъ.

— Сейчасъ къ вамъ гости будутъ.

— Шаталовъ съ Ширяевымъ вѣроятно?

— Да.

— Надо на счетъ ужина распорядиться... Ты, Юрочка, посиди съ Леночкой, пока я въ кухню схожу.

XXI.

Двадцать восьмого мая, около пяти часовъ дня, какъ было предположено, Канищевы подѣзжали къ погосту с. Волинскаго. Вязьминъ, съ кухаркой Ольгой, уѣхалъ впередъ на почтовыхъ, предоставивъ свою тройку бабушкѣ и внучкѣ, а горничная Аннушка отправлена была наканунѣ съ Шаталовымъ. День былъ чудный: ни облачка, ни вѣтерка. Майское солнце ярко свѣтило съ нѣжно-голубого неба. Въ радостномъ настроеніи ѣхали Канищевы, въ особенности Зоя... Вотъ, изъ-за деревни и лѣска, точно вынырнули вдругъ обѣ церкви, дома и службы причта; у крыльца своего дома виднѣлся о. Павелъ, въ сѣренькой рясѣ и соломенной шляпѣ. Подѣхавъ къ нему, Канищевы остановились; снявъ шляпу, старикъ подошелъ къ экипажу и при-

вѣтствовали бабушку и внучку. Получивъ благословеніе, Зоя пригласила батюшку, по порученію Юрія, сейчасъ-же придти къ обѣду въ Волинское.

— Сегодня заговѣнье, о. Павель,—не откажите!

— Да развѣ это можно, когда будущая хозяйка приглашаетъ! улыбнулся старикъ.—Немедля приплетусь!.. А очень вы рады, Зоя Владиміровна, что прѣхали въ наши палестины?

— Еще бы! Какъ только увидѣла я церкви, а потомъ крышу дома—такъ что-то чудное пробѣжало по мнѣ!.. Батюшка!.. Да до чего Богъ-то милостивъ: вѣдь мы съ минуты на минуту ожидали смерти нашего ненагляднаго Юрія!

— Хорошій человѣкъ!.. И крѣпка его вѣра!.. Простите, что я позволю себѣ сказать нѣчто не совсѣмъ пріятное, но, убѣленный сѣдинами, я много видѣлъ всякихъ людей!.. Ослабѣла вѣра въ дворянахъ и купечествѣ!.. И что новое поколѣніе—то все менѣе вѣрующее и все болѣе отдаленное отъ церкви!

— А можно вамъ, о. Павель, предъ обѣдомъ, отслужить у насъ во флигелѣ благодарственный молебенъ? спросила Надежда Васильевна.

— И въ большомъ домѣ тоже, добавила Зоя.

— Къ вашимъ услугамъ! Сейчасъ-же распоряжусь...

— Такъ до свиданія! И лошади тронулись.

— Бабинька, дорогая моя..., вся охваченная радостію, по французски, воскликнула дѣвушка:—Мы снова въ Волинскомъ, но какая разница! Вонъ, на берегу (они вѣхали на мостъ) скамейка, на которой я плакала наканунѣ отъѣзда, а теперь, съ Юрочкой, буду весело удить рыбу и мечтать о будущемъ... Вотъ сейчасъ увидимъ домъ, въ который, черезъ мѣсяцъ, я войду полной хозяйкой, если Богъ велитъ...

— Завтра-же войдешь! улыбнулась Надежда Васильевна.—На колѣночкахъ обожатель твой будетъ просить, чтобы ты сейчасъ-же сдѣлалась хозяйкой!

— Это что-же за толпа? Посмотрите, бабинька... (когда они вѣхали въ ворота), воскликнула Зоя:—дворовые, рабочіе, урядникъ, а впереди Юрій и Шаталовъ.

— Встрѣчаютъ насъ! обрадовалась старушка.

Экипажъ остановился. Вязьминъ и Шаталовъ высадили

Канищевыхъ. Головы присутствующихъ обнажились. Юрій, подъ руку съ Зоей, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ толпѣ: раздались крики: „много лѣтъ здравствовать!“... „съ нареченной!“... „дай Господи совѣтъ да любовь!“... „Съ Царскою милостію!“—Юрій снявъ фуражку, съ краснымъ околышемъ, благодарилъ, Зоя кланялась. Андрей Карповъ поднесъ жениху и невѣстѣ хлѣбъ-соль на узорчатомъ полотенцѣ. Кто-то изъ запасныхъ солдатъ крикнулъ: „ребята, „ура!“ и вся толпа дружно подхватила. Юрій обнялъ старосту, Зоя протянула ему руку, которую тотъ поцѣловалъ; потомъ Вязьминъ обратился къ толпѣ и пригласилъ ихъ завтра, поелъ полудня, на обѣдъ въ честь его невѣсты и бабушки; снова грянуло „ура“ и всѣ разошлись.

— Вотъ говорятъ скептики, обратился, подошедшій къ старушкѣ и Шаталову, о. Павелъ,—что такія проявленія чувствъ въ простомъ народѣ нынѣ невозможны—вотъ вамъ образецъ! Надо только умѣть привязать къ себѣ русскаго человѣка!

Старушка всплакнула, покраснѣли глазки отъ радостнаго волненія и у Зои Владиміровны...

Обойдя свой флигелекъ, Надежда Васильевна осталась очень довольна его ремонтомъ: чистота, выборъ обоевъ, вновь выкрашенные полы, оконныя рамы и веранда придавали домику веселый дачный видъ, но болѣе всего нравилось старушкѣ отсутствіе малярнаго и обойнаго запаха. Тоскливо только подѣйствовало на нее исчезновеніе въ зальцѣ рояля, напоминавшее о скорой разлукѣ съ выросшей ею внучкой! Но она утѣшила себя тѣмъ, что и въ усадьбѣ и въ городѣ она будетъ близка къ Зоѣ, хотя и не такъ, какъ прежде, и тѣмъ, что въ лицѣ Юрія она пріобрѣла не только прекраснаго мужа своей внучкѣ, но и себѣ внука, да еще такого, какового въ нынѣшнее эгоистическое время не скоро найдешь и между настоящими, прирожденными родственниками.

Въ большомъ домѣ Канищева была удивлена его обновленіемъ: куда дѣлась, хотя и небольшая, но все-таки замѣтная запущенность холостого жилья! Не только въ нѣкоторыхъ комнатахъ перемѣнены были обои, но побѣлены по-

толки и печи, вычищены паркетные полы. Мебель тоже подновлялась, старинныя гардины и портьеры были вынуты изъ сундуковъ и, по тщательномъ обновленіи, развѣшены по мѣстамъ, приводилась въ порядокъ посуда и всѣ хозяйственныя принадлежности.

Дмитрій Никитичъ приложилъ всѣ старанія, чтобы встрѣтить молодую хозяйку какъ только можно лучше; послѣ молебновъ, сѣли тотчасъ-же за столъ и обѣдъ, хотя и незатѣйливый, и превзошелъ ожиданія проголодавшихся путешественниковъ: главнымъ блюдомъ была великолѣпная спаржа. Отобѣдавъ, Юрій отправился по хозяйству: обоглялъ огородъ, конюшни, скотъ и дворы и даже слегка просмотрѣлъ книги, которыя въ его отсутствіи велись его бывшимъ письмоводителемъ; о. Павелъ съ полчаса погулялъ съ Вязминимъ и пошелъ домой, бабушка, уставшая отъ дороги, легла отдохнуть, а Зоя, пригласивъ съ собою Шаталова, поспѣшила въ садъ, взглянуть на свои любимыя мѣста.

— Какой чудный вечеръ и какая тишина! весело сказала Зоя, сидя на скамейкѣ, около которой, въ прошломъ году, она удила съ Юріемъ.—Я все думаю, что-бы случилось со мной, если-бы Юрій скончался, и какъ только придетъ мнѣ это на умъ—сейчасъ-же мурашки по мнѣ такъ и забѣгаютъ! Вспомнить даже страшно!

— А если страшно—такъ зачѣмъ и вспоминать? остановился, смѣясь, ходившій по берегу Шаталовъ.—Прошло, слава Богу! Теперь вамъ, кузина, надо наслаждаться счастіемъ, выпавшимъ на вашу долю, и забыть все пережитое, горькое...

Прошло нѣсколько секундъ. Зоя задумалась, а исправникъ закурилъ папиросу и продолжалъ ходить.

— У меня къ вамъ просьба, какъ-то нерѣшительно, обратилась къ нему дѣвушка,—и просьба серьезная... Пожалуй и не исполните!

— Смотря какая! снова остановился Дмитрій Никитичъ.

— Юрій, на третій день болѣзни, сдѣлалъ завѣщаніе?

— Не знаю.

— Говорите прямо: не хочу отвѣчать!.. А я вамъ скажу: сдѣлалъ! Для чего-жъ тогда звали нотариуса и сидѣли съ нимъ запершись? Все это я—вѣдь видѣла изъ смежнаго но-

мера: и прѣвадь и отвѣвадь нотаріуса... Быль и Иванъ Константинычъ... свидѣтелемъ, вѣроятно...

— Ну, сдѣлалъ! подумавъ, отвѣтилъ Шаталовъ.—Я сказалъ „не знаю“ потому что Юрій взялъ съ насъ честное слово никому о завѣщаніи не говорить, особенно вамъ!

— Теперь это ни къ чему—такъ и секретничать нечего!

— Знаете что: я не думалъ, что вы такъ любопытны! улыбнулся исправникъ.

— Всякое дѣйствіе Юрія меня интересуеть... Скажите, голубчикъ Дмитрій Никитичъ: въ чемъ заключалось завѣщаніе... Клянусь, что я никому не проговорюсь!

— Вы заставляете меня поступить нечестно: нарушить данное слово...

— Повторяю: клянусь, что никто не узнаеть!

Шаталовъ отошелъ отъ скамейки и осмотрѣлъ кусты, ее окружавшіе; потомъ вернулся къ Канищевой и вполголоса отвѣтилъ:

— Юрій, собираясь умирать, захотѣлъ васъ обезпечить... Онъ до безумія любитъ васъ, Зоя Владиміровна! Завѣщалъ онъ вамъ пятьдесятъ тысячъ рублей, кредитками или золотомъ, но не бумагами, и всю принадлежащую ему движимость, гдѣ-бы она ни оказалась.

Зоя закрыла лицо руками и заплакала.

— Ну, это уже совсѣмъ лишнее: можетъ прійти сюда Юрій и тогда мнѣ попадетъ на орѣхи! Перестаньте, ради Бога! молиль исправникъ.

Зоя вынула изъ кармана платокъ и приложила его къ лицу.

— Милый Юрочка! И умирая-то—вспомнилъ меня! снова начала она всхлипывать.

— Кузина, удержите свои слезы... Я не боялся и не боюсь угрожающихъ писемъ, революціонныхъ приговоровъ и пр., но теперь право боюсь: нагрянетъ на насъ Юрій—ваши слезы, вопросы... придется разойтись мнѣ съ Юріемъ! приложивъ руку къ груди, увѣрялъ Шаталовъ.—Пожалуйте меня!

Зоя наскоро вытерла глаза и начала обмахиваться платкомъ.

— Успокойтесь... Куда пошелъ Юрій? спросила она вставая.

— Въ огородъ, на скотьи дворы, конюшни...

— А мы къ мосту пойдёмъ... На ходьбѣ исчезнуть признаки слезъ, а потомъ я къ бабинькѣ.

И они повернули въ береговую аллею.

— Ну что, ужинать будемъ? спросилъ, сидѣвшаго за письменнымъ столомъ и просматривавшаго счеты, Вязмина, развалившійся на отоманкѣ, безъ кителя, Шаталовъ.

— Будемъ... Да вѣдь еще рано...

— Десятый часъ... Я распорядился разогрѣть оставшуюся спаржу, сдѣлать свѣжій сабаіонъ, изъ нельмы вырѣзать филейчики и подать ихъ подъ маіонезомъ, sauce provençale... Идетъ?

— Обжора ты, Митя! раземѣлся Юрій.—Конечно идетъ! Жаль, что жители флигеля не будутъ участвовать въ нашемъ ужинѣ!

— Ихъ дѣло.

— Бабушка устала, а Зоя—это ужъ я предчувствую, не желаетъ стѣснять насъ.

— Пожалуй ты и правъ, подумавъ, сказалъ исправникъ:—это очень тактично со стороны Зои Владиміровны... Такъ что-жъ, обойдемся и безъ нихъ... Поѣдимъ, разопьемъ бутылку краснаго—и бай-бай!—Да брось ты эти счеты: чортъ ли въ нихъ!

— Не дай Богъ, чтобы чортъ залѣзъ въ мои хозяйственныя книги, раземѣлся Юрій:—счеты эти мнѣ, Митя, необходимы!

— Согласенъ, повернулся на другой бокъ Шаталовъ, —но скучно этимъ заниматься: не веселѣй нашей полицейской переписки!—А какъ ты нашелъ усадьбу... въ порядкѣ?

— Лучше чѣмъ ожидалъ... Вѣдь это первый разъ при мнѣ, что Андрей Карповъ самостоятельно хозяйничалъ въ Волынскомъ и, скажу безпристрастно, хозяйничалъ распорядительно, добросовѣстно и умно. Все то, что я видѣлъ сегодня—въ порядкѣ... Завтра поѣду въ поля.

— Господинъ Зерневичъ... со станціи пріѣхали, доложилъ Петруша.

— И прекрасно: поужинаемъ, поговоримъ... Парень хорошій и вдобавокъ нужный! вскакивая съ отоманки и надѣвая китель, рѣшилъ исправникъ.

— Поди-же, проведи его на верхъ, сказалъ Юрій, выходя на площадку.

— Николай Степанычъ, какъ это мило, что вы посѣтили насъ! привѣтствовалъ Вязьминъ, поднимавшагося по лѣстницѣ, высокаго инженера лѣтъ тридцати, кудреватаго брюнета, съ небольшою эспаньелкой и усами, закрученными кверху.

— Простите, что такъ безцеремонно заѣхалъ къ вамъ въ позднюю пору, но дѣло въ томъ, что только что освобожденъ отъ занятій и хотѣлъ поскорѣй сообщить, что теперь и до сдачи нами дороги эксплуатаціи можно будетъ замѣнить отжившій тарантасъ вагономъ, хотя и не блестящимъ, но во всякомъ случаѣ болѣе удобнымъ и покойнымъ, чѣмъ вышерѣченный экипажъ! Конечно не официально! усмѣхнулся Зерневичъ, здороваясь.

— Сердечно благодарю васъ за любезность, Николай Степанычъ, которой я позволю себѣ воспользоваться, а теперь раздѣлите съ нами нашъ холостой и не особенно важный ужинъ.

— Скромничаетъ! выпалилъ Шаталовъ.—Спаржа будетъ, а это нѣкоторымъ образомъ - деликатесъ!

— Нашему брату, на изысканіяхъ да и на конструкціи, такими кушаньями приходится довольствоваться—что радъ всему, что предложить!—А еще при этомъ симпатичный, приятный обмѣнъ мыслей—это десертъ!

Они вошли въ столовую, гдѣ догадливый Петруша уже прибавилъ третій приборъ къ накрытому столу.

— Я надѣюсь, обратился къ инженеру Вязьминъ,— что, въ виду близости станціи, вы будете часто посѣщать Волинское?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ!

Около двухъ часовъ ночи, Зерневичъ, вполнѣ довольный и ужиномъ и радушіемъ хозяина, уѣхалъ домой.

XXII.

Дней черезъ десять, жизнь въ Волинскомъ установилась вполнѣ: всякій занялся своимъ дѣломъ. Вязьмину данъ былъ, по болѣзни, отпускъ по первое августа и онъ, еще усерднѣе чѣмъ въ прошломъ году, занялся хозяйствомъ.

Ожидался урожай хлѣбовъ и клевера. Зоя уже съ перваго іюня принялась за веденіе молочной книжки, каждодневно по вечерамъ посѣщала скотьи дворы и присутствовала при доеніи, но любимымъ ея занятіемъ былъ огородъ и разговоръ съ Евлашею Васильевною по поводу культуры овощей. Въ свободное время Зоя удила на прудѣ и рѣкѣ, вмѣстѣ съ Юріемъ, а передъ ужиномъ, часъ другой, посвящала музыкѣ. Занятій и развлеченій было такъ много, что газеты только просматривались, а иногда и совсѣмъ не развертывались.

Надежда Васильевна съ нетерпѣніемъ ожидала пріѣзда Леночки Ширяевой: старушкѣ было скучно. Не было около нея Зои, частыхъ посѣтителей, какъ въ прошломъ году... Она мало гуляла и одиноко сидѣла на верандѣ, въ вольтеровскомъ креслѣ, занимаясь вязаньемъ чулокъ и фуфаекъ.

Дмитрій Никитичъ пробылъ только два дня и уѣхалъ въ объѣздъ уѣзда.

Седьмого іюня, часовъ въ одиннадцать утра, пріѣхали Язвинъ и Верзилинъ; Верзилинъ для принятія дѣлъ и переговоровъ съ бывшимъ письмоводителемъ Вязьмина, Язвинъ для сдачи всей канцеляріи и съ визитомъ къ певѣстѣ и ея бабушкѣ. Верзилинъ сообщилъ, что благодаря указанію Юрія Александровича, онъ нанялъ въ с. Покровскомъ очень недурной и недорогой, городского типа, домикъ въ пять комнатъ съ кухней, въ которомъ, кромѣ канцеляріи, могъ помѣститься и письмоводитель; бѣда только въ отысканіи, хотя-бы плохенькой, кухарки!

Позавтракавъ, Верзилинъ спустился въ канцелярію и занялся принятіемъ дѣлъ и бумагъ по описямъ, которыя были составлены безукоризненно, а Вязьминъ съ Язвинымъ, получивъ отвѣтъ Надежды Васильевны, что она ждетъ ихъ, пошли садомъ и застали Канищевыхъ на верандѣ. Послѣ неизбѣжныхъ формальностей, предложенъ былъ чай и разговоръ коснулся Волинскаго. Язвинъ считалъ его чуть-ли не единственнымъ въ уѣздѣ селомъ, сохранившимъ, за нѣсколько столѣтій, обликъ барской усадьбы, хотя и оскудѣвшей въ матеріальномъ отношеніи, но развившейся и окрѣпшей въ сельско-хозяйственномъ.—Язвинъ восторгался ангельскими бычкомъ и телкой, подаренными ему Вязьминымъ въ прошедшемъ году, хвалилъ порядокъ въ Волинскомъ и образцовое хозяйство. Юрій мягко остановилъ расходивша-

гося въ похвалахъ Язвина и перевелъ разговоръ на политику и свѣжія новости.

— Сообщите намъ что-нибудь, Михайль Павловичъ: газетъ мы почти не читаемъ—просто некогда! сказала Зоя.

— Я, зная, что Юрій Александрычъ не получаетъ „Отечество“, привезъ нѣсколько послѣднихъ номеровъ... Ужасныя вещи творятся!

— Прочтите, Михайль Павловичъ, хоть что-нибудь! попросила старушка

— Слушаю-сь! (Язвинъ вынулъ изъ кармана два номера газеты небольшого формата). Газета небольшая, но какъ проникнута любовію къ Царю и Отечеству! И стоитъ всего четыре рубля съ пересылкой.—Очень, говорятъ, распространена.. Да и дай Богъ!.. Вотъ прочту вамъ „Новыя выходки Думы“: „Перваго іюня, въ Думѣ было учинено неслыханное издѣвательство надъ славнымъ, доблестнымъ русскимъ воинствомъ... Нѣсколько дней тому назадъ крамольная часть Думы сдѣлала запросъ военному министру, на какомъ-де основаніи продолжаютъ казнить политическихъ убійцъ, приговоренныхъ къ смертной казни военными судами?“

„Самый запросъ—величайшая дерзость! Что-же Дума: дерзаетъ посягать на Верховную Власть и желаетъ отстранить Государя отъ всѣхъ дѣлъ управленія?!.. Если-же это не такъ—то какъ Дума смѣла сдѣлать такой бессмысленный запросъ? Нечего спрашивать о томъ, что и безъ того понятно всякому. Военно-судебныя власти не могутъ поступать иначе. Разбираютъ военные суды дѣла о крамольникахъ по приказанію Государя и примѣняютъ къ преступникамъ законы, никѣмъ не отмѣненные. Дума прямо объявила уже что *сочувствуетъ* крамолѣ и политическимъ убійцамъ и *потребовала* отмѣны военныхъ судовъ и смертной казни... Но мало-ли что взбредеть въ глупыя головы интеллигентовъ и жидовъ! Военныя власти, судя крамольниковъ, дѣйствуютъ на законномъ основаніи“.

„Въ этомъ смыслѣ и отвѣтилъ Думѣ, по порученію военнаго министра, военный прокуроръ. Только не этого нужно было думскимъ крамольникамъ. Какъ это такъ? Военныя власти осмѣливаются выполнять присягу и не слушать крамольную Думу?!“

„И въ Думѣ разразился неслыханный скандалъ... Весь этотъ сбродъ, вся эта самозванная мразь, осыпали представителей русской арміи ругательствами! Раздавались крики, слышался ревъ. Начались рѣчи, въ которыхъ евреи и жидовствующіе интеллигенты валили всю свою гнусную и ядовитую злобу на русское воинство, помѣшавшее имъ въ декабрь погубить и ограбить Россію!“

„Какой-то новый Гапонъ, отецъ А., произнесъ похвальное слово казненному измѣннику Шмидту, назвавъ его „мученикомъ за общее дѣло!“— Мы-де, думцы, только тѣхъ военныхъ считаемъ за патріотовъ, которые встаютъ противъ своего Государя!“

„Евреи съ восторгомъ рукоплескали новому Гапону“.

„Послѣ нѣкоторыхъ ораторовъ, *угрозавшихъ бунтомъ*, началъ говорить, „якобы крестьянинъ“ нѣкій Б. Этотъ господинъ, какъ оказалось, былъ въ числѣ севастопольскихъ бунтовщиковъ, состоялъ подъ командою Шмидта, но увернулся отъ суда и попалъ еще кромѣ того въ „лучшіе люди!“

„Этотъ Б. прямо заявилъ, что крамольники, какъ только получаютъ власть, разстрѣляютъ всѣхъ министровъ и военныхъ начальниковъ!“

„Вотъ что происходило въ Думѣ. Еврейско-интеллигентскій сбродъ требовалъ отъ военного начальства, чтобы оно нарушило присягу и слушалось самозванной Думы, присваивающей себѣ чуть не Верховную Власть. Наше доблестное войско Дума предала проклятію, поставила ему въ примѣръ измѣнника Шмидта и осыпала армію всякими позорными кличками!“

„Глубоко скорбитъ душа при видѣ того, какъ всѣ эти поляки П., румыны Р., хамы А., евреи Г. безнаказанно срамятъ и позорятъ, дорогую русскому сердцу, доблестную, вѣрную армію!“

„Учрежденіе, по повелѣнію великодушнѣйшаго Государя, съ благороднымъ довѣріемъ открыто; и вотъ это учрежденіе, на глазахъ у всѣхъ, посягаетъ на Царскую Власть, ругается надъ арміей, требуя, чтобы она содѣйствовала измѣнникамъ въ ихъ неслыханномъ, по своей дерзости и глупости, замыслѣ!“

Язвинъ кончилъ и, на нѣсколько секундъ, водворилось молчаніе.

— Бѣдный, измученный Государь! вздохнула Надежда Васильевна.—Думаетъ о благѣ своего народа, а какіе-то пришлецы и измѣнники, въ благодарность, распять его готовы!

— Ужь и распяли, бабинька! вспылила Зоя:—что ни день—мука!.. Что ни сдѣланное добро—наглый, угрожающій отвѣтъ!

— Да, вотъ-такъ совѣтъ изъ „лучшихъ людей“, созданный добрѣйшимъ Царемъ Себѣ на подмогу, для того, чтобы знать поближе нужды и горе русскаго народа и, какъ можно скорѣе, помогать имъ!.. Совѣтчики!.. Тѣ-же, проклятые исторіей, дѣятели первой французской революціи! воскликнулъ Юрій.

— Мнѣ часто приходитъ въ голову, до чего мы доиграемся? вдумчиво, качая головой, сказалъ Язвинъ.—Что ожидаетъ не только нашихъ дѣтей, но и насъ самихъ? По моему, мы вовсе не идемъ къ прогрессу, а къ регрессу и очень опасному: религія страдаетъ, патріотизмъ вызываетъ смѣхъ, преданность Царю—показная, ради карьеры и награды. Гдѣ тѣ горячія вѣрноподданническія чувства, порождавшія героизмъ, гдѣ та безхитростная, крѣпкая вѣра въ Бога и Его Пречистую Матерь, гдѣ тѣ простые, сами пахавшіе землю іереи, тѣсно связанные со своимъ храмомъ и приходомъ? Гдѣ та любовь не только къ семьѣ, но и къ родственникамъ, дружба и стояніе другъ за друга?.. Охлаждѣло все это!.. Бездушный Вааль захватилъ въ свои цѣпкія лапы всѣхъ, отъ мала до велика, набросилъ на нихъ ярко блестящую, но холодную пелену и закрылъ бѣдному человѣчеству свѣтъ и теплоту и все чѣмъ живъ человѣкъ!

— Къ верандѣ подошелъ Петруша и подалъ Вязьмину карточку Дерли.

— Сейчасъ приду... Проводи его въ кабинетъ.—Бельгіецъ пріѣхалъ, обратился къ Зоѣ Юрій.—Чѣмъ-то дѣло наше кончится? До свиданія!

Переговоры Вязьмина съ М-г Derly длились недолго хорошо воспитанный бельгіецъ несомнѣнно пріѣхалъ въ Волынское съ вполне обдуманнѣмъ и окончательнѣмъ рѣшеніемъ товарищества: не торгуясь, не выпрашивая уступки,

Дерли согласился на цѣну заявленную Юріемъ, четыреста рублей за десятину, но съ находящеюся подъ дачами землей. Вязьминъ предложилъ бельгійцу отобѣдать у него, а пока осмотрѣть садъ: онъ-же за это время обдумаетъ продажу и, передъ обѣдомъ, сообщитъ свое окончательное рѣшеніе. Дерли согласился, пошелъ въ садъ и на мельницу, а Вязьминъ послалъ за Андреемъ Карповымъ.

— И на что вамъ, батюшка, земляца изъ-подъ дачъ? спросилъ онъ Юрія, послѣ того какъ сей послѣдній передалъ старостѣ всѣ подробности переговоровъ.—Онѣ въ пятнадцати верстахъ отъ села, деревень около нихъ нѣтъ, по берегамъ озера все дровяникъ да неважный ельнякъ разныхъ, не живущихъ тутъ владѣльцевъ, не мало и болотныхъ мѣстъ. Четыреста рублей за десятину, съ землей,—самая настоящая цѣна! Не продадите французу—долго придется вамъ ждать покупателя, да еще найдется-ли! Пятидесяти десятинъ хорошаго строевого лѣса, что вы оставляете, за глаза довольно... Вѣдь въ трехъ верстахъ отъ села... Оберегать такую дачу полдѣла! По мнѣ, Юрій Александрычъ, такъ надо продать—и думать долго нечего!

— А сколько въ этихъ дачахъ десятинъ? спросилъ Вязьминъ.

— Въ „Горюшинъ“ сто двѣ десятины съ саженьями, а въ „Назаровской“—девяносто восемь въ аккурать.

— Это значитъ выходитъ восемьдесятъ тысячъ...

— Не дорожитесь, батюшка, цѣна хорошая, настоящая... Намъ эти дачи ни на что; такъ только гнить будутъ или порубщикамъ на пользу... Гдѣ тутъ усмотрѣть: вырубить сколько нужно, да озеромъ и увезетъ въ сосѣднюю губернію—поди, ищи его... А поземельныя? А стражѣ платить? А пожаръ случится?.. Нѣтъ, Юрій Александрычъ: мой совѣтъ: продать и сейчасъ-же задаточекъ взять.

— Ну спасибо, Карпычъ,—такъ и сдѣлаю.

— А вы позвольте мнѣ слово молвить, усмѣхнулся староста.—Зоѣ-то Владиміровнѣ не мѣшало-бы о продажѣ извѣстить... будто совѣта ихняго просите... Вѣдь дѣло общее и нареченной вашей по мысли это будетъ!

— Правда Карпычъ! Сейчасъ пойду и совѣта спрошу. Староста ушелъ, а Вязьминъ спустился съ лѣстницы,

чтобы идти къ Канишевымъ, но у самага крыльца встрѣтилъ Зою.

— Ты куда? спросила она.

— Къ вамъ... т. е. специально къ тебѣ: посоветоваться.. Ты, Зоинька, въ огородъ?

— Да; Язвинъ остался съ бабинькой—я и воспользовалась этимъ... О чемъ хочешь ты совѣтоваться?

Они сѣли на скамейку около крыльца и Юрій передалъ ей все, что касалось продажи.

— И думать нечего: съ восьмидесяти тысячъ ты будешь получать вѣрныхъ четыре процента, а за вычетомъ пяти процентовъ налога—три тысячи сорокъ рублей; теперь же ты не только дохода съ лѣсныхъ дачъ не получаешь, но платишь поземельныя, держишь двухъ сторожей и теряешь отъ порубокъ.

— Значить благословляешь?

— Обѣими руками!.. А когда твой бельгiецъ уѣдетъ?

— Вѣроятно тотчасъ послѣ обѣда.

— А Верзилинъ и Язвинъ?

— Эти можетъ быть ночевать останутся... Дай Богъ, чтобы сегодня кончили: Верзилинъ кропотливъ, каждую бумажку просматриваетъ. А что?

— Да скучно мнѣ безъ тебя, Юрочка! Пройдемся хоть на мельницу... до обѣда еще часъ слишкомъ.

— А что же я съ Дерли буду дѣлать?

— Передъ обѣдомъ свидитесь, а теперь пусть онъ гуляетъ и изучаетъ село Волинское! разсмѣялась дѣвушка.

И они пошли къ рѣкѣ.

Къ большой радости Зои, а также и Вязьмина, вскорѣ послѣ обѣда, гости с. Волинскаго разъѣхались: М-г Derly покончилъ сдѣлку съ Юріемъ въ нѣсколько минутъ, вручилъ ему пять тысячъ рублей въ задатокъ, получилъ росписку и обѣщаніе совершить пятнадцатаго іюня купчую крѣпость; Верзилинъ остался вполне доволенъ сдачей дѣлъ и тѣмъ, что нанялъ вязьминскаго писмоводителя, съ которымъ и уѣхалъ, а Язвинъ, поболтавъ съ Юріемъ, за рюмкой „бenedиктина“, о хозяйствѣ, въ восьмомъ часу отправился во свояси. Какъ только прозвенѣлъ послѣдній колоколь-

чикъ, Аннушка поймала Юрія на пути въ застольную и сообщила, что „пріѣхала Елена Михайловна, привезла Зоѣ Владиміровнѣ отъ Дмитрія Никитича апельсиновъ, и что Надежда Васильевна очень проситъ Юрія Александровича пожаловать сейчасъ-же во флигель и ужина дома не заказывать“.

— Скажи, что скоро приду, — только усадьбу обойду и ужина не закажу! разсмѣялся Вязьминъ, — а Зоѣ Владиміровнѣ передай, что я очень прошу оставить мнѣ апельсинчикъ и самыи маленькій...

Юрій пошелъ въ застольную, распросилъ Андрея Карпова о ходѣ работъ, очень обрадовался, узнавъ, что завтра будутъ запаханы послѣднія десятины пара, а послѣ завтра приступятъ къ первой окучкѣ картофеля, заглянулъ въ конюшни, скотьи дворы, гдѣ происходило доеніе — и, веселый, отправился во флигель.

— Какъ вы къ намъ попали? здороваясь, спросилъ Вязьминъ Ширяева.

— Благодаря добрѣйшему Дмитрію Никитичу, меня привезли даромъ, по желѣзной дорогѣ, на станцію „Волинское“, а оттуда сюда въ тарантасъ, за рубль.

— Долго ѣхали?

— Около трехъ часовъ; и представьте: хотя баласть еще не насыпанъ — вагонъ шелъ довольно ровно. Правда, отъ города и до Волинскаго, мѣстность совершенно плоская: ни насыпей, ни выемокъ почти нѣтъ; оттого и работа идетъ быстро. Все это мнѣ сообщилъ Зерневичъ, который встрѣтилъ насъ на станціи и приказалъ найти мнѣ экипажъ для слѣдованія въ Волинское. Премилый и преобязательный человекъ, этотъ Зерневичъ!

— Да; надняхъ онъ былъ у насъ.

— Онъ очень хвалилъ васъ, ваше радушіе, простоту въ обращеніи... Хвалилъ и N—скихъ дворянъ за выборъ такого предводителя...

— Когда думаютъ они кончить дорогу?

— Года черезъ два... и онъ надѣется получить на этой дорогѣ здѣшній участокъ, когда конструкція уступитъ мѣсто эксплуатаціи; — что вы на меня такъ удивленно посмотрѣли?

— Гдѣ это вы такимъ мудренымъ словамъ научились? улыбнулся Юрій: — конструкція, эксплуатація...

— Мы сидѣли съ Зерневичемъ около часа, пока лоша дей не подали, тутъ-то онъ и объяснилъ мнѣ значеніе этихъ мудреныхъ словъ! въ свою очередь разсмѣялась Елена Михайловна.

— А гдѣ же мое сокровище? спросилъ Вязьминъ Надежду Васильевну, молча вязавшую шерстяное одѣяло.

— На кухнѣ... Слѣдить за Ольгой... Чѣмъ-то особеннымъ хочетъ удивить насъ.

— Теперь, дорогая бабушка, вы повеселѣли?

— Надежда Васильевна меня встрѣтила какъ родную дочь! бросилась Ширяева къ старушкѣ, цѣлуя ея руки.

— Полно, полно Леночка! Не архіерей я, чтобы руки у меня цѣловать... Пріятно, жить съ такой милой, кроткой женщиной, какъ ты!

— Какъ много значить счастье и покой для человѣка! сказалъ Вязьминъ.—Я не узнаю васъ, Елена Михайловна: гдѣ ваша грусть, нѣкоторая робость, болѣзненный видъ?

— Я сама чувствую, что переродилась... И дай Богъ, чтобы это сохранилось какъ можно дольше! Я счастлива, спокойно гляжу на будущее, съ полнымъ упованіемъ на милость Божію, меня возстановившую!

— И дасть тебѣ Богъ просимое, за твою кротость и покорность судьбѣ! добавила старушка.

— Какъ-же вы устроились—хорошо? спросилъ Юрій.

— Очень... и недалеко отъ управленія, четыре комнаты: зальце—оно-же гостиная и столовая, кабинетъ мужа, спальня, дѣтская и кухня; домикъ—особнякъ, на дворѣ, восемнадцать рублей въ мѣсяць. По нынѣшнему, пожалуй и не дорого. Хозяйка-старушка живетъ въ домѣ на улицу, съ холостымъ сыномъ, чиновникомъ... Оба—люди скромные и добрые.

— Леночка, вы безъ меня ни о чемъ политическомъ не говорили? спросила вошедшая Зоя.

— Нѣтъ.

— То-то... Мнѣ очень хочется узнать новинки...—Вотъ тебѣ апельсинчикъ, Юрій.

— Благодарю; а какую ты диковинку готовишь къ ужину?

— Увидишь!.. Но главная рѣдкость—свѣжая семга, которая будетъ подана холодная, подъ маіонезомъ и соусомъ

provençale... Вы, мой будущій супругъ, увидите, что ваша будущая жена понимаетъ кой-что въ кулинарномъ искусствѣ!

— Это меня нисколько не удивить:—моя дорогая Зоя Владиміровна—и хозяйка, и музыкантша, и педагогичка: Чего еще надо? Но почему Аннушка, сообщая мнѣ объ апельсинахъ, ничего не сказала о такой важной посылкѣ какъ свѣжая семга?

— Потому что ей было приказано молчать; но представь себѣ до чего аккуратень Дмитрій Никитичъ: прислалъ семгу въ жестяномъ, рыбномъ котелкѣ, наполненномъ льдомъ и чуть не герметически закупоренномъ!

— Митя—человѣкъ аккуратный! Надѣюсь, Зоинька, что ты не всю рыбу истратила на сегодняшній ужинъ?

— За кого-же ты меня считаешь?.. Семга—пятнадцати фунтовъ; я отрѣзала пять, и отъ хвоста, а остальное отослала твоему повару.

— Одобряю... И какая-же ты хозяйка мнѣ досталась—заглядѣніе!

— Ну, Леночка, приступите къ сообщенію послѣднихъ новостей: Юрій когда начнетъ прославлять меня—конца не дожدهшься!

— Извольте... размѣялась Ширяева:—Второго іюня, въ въ Бѣлостокѣ произошелъ жидовскій погромъ... Много убитыхъ и раненыхъ. Поводомъ къ нему было убійство евреями-анархистами полицмейстера Деркачева. По рассказамъ очевидцевъ, погромъ произошелъ такъ: шелъ православный крестный ходъ; по немъ, изъ еврейскаго дома, началась стрѣльба и бросаніе бомбъ; многіе были убиты и ранены. Стрѣляли даже мальчишки. Послѣ взрыва бомбъ толпа, захвативъ иконы и хоругви, стала разбѣгаться. Въ это время, изъ костела, подошли католики и началось общее движеніе всѣхъ христіанъ противъ жидовъ: католики рвали колья изъ оградъ и били ими стрѣлявшихъ изъ еврейскихъ домовъ. Евреи стрѣляли изъ оконъ револьверными залпами по толпѣ и по войску—тѣ отвѣчали. Потомъ пальба началась по всему городу и продолжалась почти весь день второго іюня.

— Простите, что васъ перебую, но вѣдь это просто ужасно до чего мы дошли! Въ русскомъ царствѣ жида стрѣляютъ въ крестный ходъ, въ иконы, въ русскихъ богомольцевъ! воскликнулъ Вязьминъ.

— Юрочка, не мѣшай, голубчикъ, Леночкѣ! замѣтила Зоя.

— Въ ночь на третье іюня, жидаы поджигали дома и выстрѣлами отгоняли пожарныхъ. Засѣвши въ пустыхъ домахъ и садахъ, евреи въ ту же ночь обстрѣливали патрули и войска. Погромъ былъ вызванъ чисто жидами. Негодованіе христіанъ на нихъ было полное. Прибывшіе изъ лагерей полки возстановили порядокъ.

— Посмотрите теперъ, замѣтилъ Вязминъ,—какъ, покровительствующіе евреямъ, думцы завопятъ: несчастныхъ, угнетенныхъ жидковъ побили, ограбили! Надо примѣрно наказать оборонявшихся русскихъ, а евреевъ-зачинщиковъ—помиловать!

— Не волнуйся, Юрій: сами виноваты, что посадили себѣ на шею евреевъ и прочихъ инородцевъ! А Россія не пропадетъ, успокойся! махнула рукой Канищева.

— Зоя, на два слова, пригласилъ ее на веранду Вязминъ.

— Ну что? выйдя изъ комнатъ, размѣялась дѣвушка.

— Тебѣ смѣшки, а мнѣ тошно! обнялъ ее Юрій.—Ну поцѣлуй!.. Радость моя! Вѣдь во весь день ты не подарила меня даже крохотной лаской!.. Нѣтъ, Зоинька, ты не любишь меня такъ, какъ я тебя люблю!

— Цѣлуй и слушай! (Она бросилась ему на шею). Не знаю, какою мѣрою мѣришь ты свою любовь, но я люблю тебя такъ, что готова умереть за тебя, лишь-бы ты жилъ! И это—не преувеличеніе: я люблю тебя до безумія!.. Пока ты не спасъ меня отъ неминуемой смерти, я любила тебя отъ всей души, но когда ты, на глазахъ моихъ, заслонилъ меня отъ пули,—я до безумія полюбила тебя! Ты сталъ для меня средневѣковымъ рыцаремъ, храбрецомъ, а главное: я поняла, до чего глубока твоя любовь если, сознательно, ты обрекаешь себя на вѣрную смерть, чтобы спасти меня!—Однако вернемся: надо и приличіе не забывать!

XXIII.

За два дня до перваго іюля, къ вечеру, неутомимый Шаталовъ прибылъ въ Волынское, по чугункѣ, съ Арсеніемъ, тремя знакомыми лакеями и горничной, нанятой Зоей; привезено было и все то, что признавалось необходимымъ для торжества. Пѣвчіе должны были явиться изъ Алексина, въ самый день свадьбы.

Вечеръ для пріѣхавшихъ прошелъ въ отдыхъ: прислуга

осмотрѣла усадьбу, погуляла, плотно поужинала и легла спать, съ тѣмъ, чтобы на завтра приступить къ приготовленіямъ, по указаніямъ Дмитрія Никитича, который съ Вязьминнымъ провелъ вечеръ у Канищевыхъ.

Наканунъ перваго іюля, съ утра, начались распредѣленія ролей: буфетчикъ занялся посудой и всѣмъ, что требовалось для стола, Евлалія Васильевна—столовымъ бѣльемъ и чайными принадлежностями, лакеи—сервировкой стола и комнатами, какъ парадными такъ и отведенными для гостей, горничная приставлена была къ Марьѣ Николаевнѣ Ольхиной. Къ вечеру пріѣхали только Сахаровъ и Ольхины; Язвинъ, Брусиловъ, Ванѣевъ и и Зерневичъ, изъ деликатности, явились въ самый день свадьбы, утромъ.

Юрій всталъ рано, радостный, охваченный грядущимъ счастьемъ; ему казалось, что все окружающее какъ-бы пріѣтствуетъ его, ласкаетъ и лелѣетъ... Люди представлялись ему такими добрыми, раздѣляющими его восторженное настроеніе, такими милыми, безхитростно ему преданными: Ольхины, Сахаровъ, Шаталовъ и прочіе гости... Андрей Карповъ, Евгенія Васильевна, дворовые, прислуга... Вязьминъ чувствовалъ ихъ любовь, видѣлъ желаніе угодить ему въ этотъ радостный для него день, проявлявшіяся въ ихъ манерѣ говорить, въ движеніяхъ и взглядахъ... Съ нѣжно-голубого неба ярко свѣтило солнце, утренняя свѣжесть воздуха бодрила и укрѣпляла.—Выпивъ чашку чернаго кофе, Юрій вышелъ въ садъ; его тянуло къ деревьямъ, къ рѣкѣ, съ которой поднимался послѣдній, слабый паръ... Онъ инстинктивно спустился по той дорожкѣ, которая вела къ скамейкѣ на берегу, такъ недавно еще печальной для него и Зои, а теперь радостной—и вдругъ все пережитое за минувшій годъ мелькнуло передъ нимъ: тяжелое и горькое, сверкнувъ на мгновеніе, ушло куда-то вдаль, словно покрытое исчезающимъ флеромъ, и изъ-за него ясно и ярко выдвинулось настоящее...

И замеръ онъ отъ ожиданія новой, много сулящей, жизни и, въ какомъ-то экстазѣ, подавленнымъ голосомъ вскрикнулъ:

— Зопнъка!

— Я здѣсь! слышался шопотъ изъ-за кустовъ—и дѣвушка, въ утреннемъ костюмѣ, въ бѣломъ платочкѣ на го-

ловѣ, бросилась въ объятія жениха.—Я точно чувствовала, что застаю тебя здѣсь!

Они сѣли рядомъ, забывъ о гостяхъ и приготовленіяхъ, о недалекомъ уже торжествѣ, томимые любовью и ожиданіемъ!.. И въ этотъ мигъ, міръ для нихъ не существовалъ... Ихъ освѣщало и грѣло солнце, нѣжилъ чудный воздухъ, тихо лепетали отъ слабаго вѣтерка листья кустовъ... Отлетѣли отъ нихъ заботы и думы и, среди благословенной природы, они чувствовали только, что оба они—одно цѣлое, не раздѣлимое, что души ихъ слились!

Вѣнчаніе назначено было въ три часа, обѣдъ—въ четыре. Послѣ благословенія, шафера отправились въ церковь, за ними Юрій съ Иваномъ Константиновичемъ и Марья Николаевна. Около паперти приходскаго храма, во имя Св. Николая чудотворца (Вязьминская родовая церковь была слишкомъ мала и запущена), стояла толпа крестьянъ, преимущественно бабъ; ко входу въ одноэтажный храмъ оставлена была дорожка, охранявшаяся сотскими, подъ надзоромъ стражниковъ и урядника. Выходя изъ кареты, женихъ и посаженный отецъ сбросили свои накидки и явились въ мундирахъ: Вязьминъ въ предводительскомъ, Ольхинъ въ отставномъ общегенеральскомъ, со станиславскою лентою черезъ плечо; встрѣчены они были шаферами и, какъ водится, слабымъ говоромъ:

— Нантъ-то земскій, указывали бабы на Юрія:—ишь въ какой мундеръ вырядился!

— Красное съ золотомъ!.. А баринъ дородный, дѣвушки... и я—бы за него пошла!

— Да онъ-то тебя-бы не взялъ: на кой ему прахъ вьзаться съ тобой? возразилъ кто-то изъ мужчинъ.

— Говорятъ Царь ему этотъ мундеръ пожаловалъ, вмѣшалась молодая и шустрая бабенка:—ишь баской какой! За то что губернатора спихнулъ!

— Дура! обозвалъ ее солдатъ.—Не Царь мундеръ пожаловалъ, а такое значитъ положеніе: выбрали барина въ предводители дворяна—ну, извѣстно, онъ по должности мундеръ и надѣлъ...

— Вонъ за невѣстой-знать поѣхали... И двери распахнули... Дружки па крыльцо высыпали, заговорили въ толпѣ.

Храмъ былъ полонъ народа; посреди церкви оставлено было мѣсто, огражденное рѣшеткой. Освѣщеніе, несмотря на солнечный день, было полное. О. Павелъ съ діакономъ (приглашеннымъ имъ родственникомъ), въ лучшихъ ризахъ, стояли на солеѣ, въ ожиданіи невѣсты.

Появились шафера: Шаталовъ и Ванѣевъ, съ букетиками флеръ—д'оранжа въ петлицахъ и встали у входныхъ дверей. Вошелъ съ образомъ внучекъ о. Павла и переступила порогъ Зоя, а за ней Надежда Васильевна и Сахаровъ. Пѣвчіе грянули „Гряди!“—Юрій подошелъ къ невѣстѣ, взявъ ее за правую руку и повелъ къ аналою. Пѣвчіе гремѣли. Съ солеи спустились о. Павелъ съ діакономъ и приступили къ обряду обрученія.

— Ну и барыню-же себѣ выискалъ! шептали ближайшія къ Зоѣ бабы.—Экая, маточка, красивая!.. И не боязно ей: ишь жениху-то улыбается!

— А чего ей не улыбаться, коли по мысли у нихъ сладилось дѣло!

— Изныла, говорятъ, сердечная!.. Вѣдь, дѣвушки, годикъ цѣлый они слюбившись, да слышь у нашего-то земскаго жена семь годковъ жила, ума рѣшившись—только вотъ нонече померла и освободила его.

— И какъ это, сосѣдушки, снова вмѣшалась шустрая бабенка,—законъ у насъ такой: семь годковъ прошло какъ жена умомъ свихнулась, дохтуръ сказалъ, что такъ ей и помирать, а все ее женой считать надо и бобылемъ оставаться!.. А коли до восьмидесяти лѣтъ протянетъ? Что-жъ, молодому мужу въ монахи что-ль идти или полюбовницу заводи?

— Ой ты бабеночка—неученочка! остановилъ ее пожилой, съ просѣдью, крестьянинъ.—Бойка ты на разговоръ, что говорить... можетъ статья ты и дѣло говоришь, да вѣдь всякой законъ надо и такъ и эдакъ повернуть!.. А ну-ка если, черезъ семь-то лѣтъ, жена поправится—куда ее, несчастную, дѣвать?.. Мужъ на другой женатъ, дѣти народились... Вѣшаться ей что-ли, первой женѣ?—Нѣтъ, милая, законъ умнѣе насъ съ тобой!

— Платье-то первый сортъ: шелковое, мягкое... А цвѣтики словно живые!

— Благоговѣнно стоять... и поглядѣть на нихъ—любо:

видно, что по божески учены! восхищается бѣлый какъ лунь крестьянинъ:—Парочка на диво!. Ни смѣховъ, ни болтовства этого глупаго—знать у Господа милости просить... И дай имъ Господь! перекрестился старикъ.

„Исаія ликуй!“ раздалось наконецъ съ клироса—и о. Павель, взявъ руки вѣнчаемыхъ въ свою, повелъ ихъ вокругъ аналая; шафера поддерживали вѣнцы и старались не наступить на шлейфъ невѣсты. Потомъ священникъ прочелъ молитву, снялъ съ повѣнчанныхъ вѣнцы, отобралъ свѣчи и, поздравивъ, сказалъ „поцѣлуйтесь!“ Затѣмъ пригласилъ на солею для благодарственного молебна.

Домой молодые поѣхали вмѣстѣ.

У крыльца дома стояли жильцы Волинскаго и рабочіе; они встрѣтили Юрія и Зою съ поклонами и пожеланіями. Молодые были глубоко тронуты этимъ привѣтствіемъ и Юрій пригласилъ ихъ всѣхъ къ обѣду, на послѣ завтра.

На верху лѣстницы, на площадкѣ, встрѣтили повѣнчанныхъ Надежда Васильевна, Сахаровъ и Ольхины. Послѣ благословенія, всѣ прошли въ гостиную, гдѣ въ ожиданіи обѣда поданъ былъ чай. Радостныя лица молодыхъ развеселили и гостей. Старушка Канищева просто сіяла и глазъ не сводила съ своей красавицы—внучки; Марья Николаевна участливо спросила ее: „что, рады?.. Парочка хоть куда!“ Старушка чуть не всхлипнула, а потомъ размѣялась. Зоя подошла къ бабушкѣ и спросила „можно-ли снять теперь вѣнчальный нарядъ“, но Надежда Васильевна серьезно замѣтила ей, что не слѣдуетъ пренебрегать старинными обычаями; и безъ того уже мало ихъ осталось!“ не безъ грусти добавила Канищева.

Обѣдъ прошелъ прекрасно: и меню, и сервировка, и прислуга, и настроеніе обѣдавшихъ—все было хорошо. Зоя, подъ своей фатой, хотя и весьма скромно, держала себя хозяйкой: она давала тонъ разговору и, когда онъ прерывался, старалась возобновить его. Заговорили о сельскомъ хозяйствѣ, о трудности вести его при теперешней дороговизнѣ и лѣности рабочихъ, о постоянномъ возвышеніи земскихъ повинностей, о малой обезпеченности землевладѣльцевъ. Шаталовъ, выслушавъ пренія, высказалъ свое мнѣніе, что, при теперешнемъ положеніи землевладѣльцевъ, покупать усадьбы—нелѣпность; и имѣющіяся еще на рукахъ, хотя-бы и родовыя, слѣдуетъ продавать какъ ни горько! Все ведется къ

уничтоженію дворянскаго землевладѣнія и къ созданію хуторовъ, то есть микроскопическихъ усадебъ, которыя сегодня живы, а завтра заложены, безъ надежды ихъ выкупить! Да при теперешней Думѣ очень можетъ случиться, что эти мелкія усадьбы вскорѣ сдѣлаются достояніемъ жидовъ, инородцевъ и прочихъ радѣтелей земли русской. Инородческихъ колоній, большихъ, хорошо сплоченныхъ, у насъ вѣдь много, чуть не на всѣхъ окраинахъ, ну, а теперь колоніи эти, при просвѣщенномъ и патріотическомъ возрѣніи Думы на то, что всѣ покоренные державой російской народцы должны быть равноправны съ коренными россиянами—побѣдителями, колоніи эти весьма легко оснуются и въ центрѣ Россіи!

Ванѣевъ порывался было возразить Шаталову, и конечно въ своемъ ультралиберальномъ духѣ, но былъ прерванъ Ольхинымъ:

— А вы, Зоя Владиміровна, уже и за хозяйство принялись, какъ я слышалъ? Какую-же специальность избрали вы?

— Огородъ, мое любимое занятіе, и молочное дѣло, улыбнулась Вязьмина;—я уже съ первыхъ чиселъ іюня вступила въ эту должность.

— Очень скоро подвигается перестройка вашего дома, замѣтила Марья Николаевна;—на дняхъ я ѣздила въ городъ и меня удивила эта быстрота.

— Надсмотрщикъ —то у насъ хорошъ: и неутомимъ и дѣло знаетъ.

— Дмитрій Никитичъ?

— Что прикажете? откликнулся Шаталовъ.

— Кузина васъ восхваляетъ! сказала Ольхина.

— Отдаю ему только должное: не будь Дмитрія Никитича,—мы были-бы á la mercé подрядчика, потому что Юрію ѣздить часто въ городъ нельзя, а надзоръ необходимъ, чуть не каждодневный.

Разговоръ снова зашелъ о хозяйствѣ: началъ его Язвинъ; завязался споръ о сѣвооборотахъ... Вязьминъ предпочиталъ пятипольный, Ольхинъ—шестипольный, какъ болѣе удобный при переходѣ отъ трехпольнаго. О. Павелъ держалъ руку Юрія. Зоя, замѣтивъ, что Сахаровъ сидитъ молча, сейчасъ-же вступила съ нимъ въ разговоръ о его заводѣ и опеѣ.

— Твоему мужу теперь подчиненъ! размѣялся старикъ.—Хорошо, что командиръ—добрый, невзыскательный.

— Да развѣ можетъ онъ взыскивать съ васъ, дядя? замѣтила Зоя.

— Все можетъ! продолжалъ смѣяться Петръ Николаевичъ.—Замѣчаніе сдѣлаешь, а ты молчи!

Брусиловъ спрашивалъ Зою о рыбной ловлѣ, о собираніи грибовъ.

— Не до нихъ было, Александръ Петровичъ: все время шли у насъ разныя работы, я вступала въ должность хозяйки... А у васъ есть какая-нибудь рѣчка?

— Небольшая, притокъ вашей Сямжи; рыбы мало... Щуки, окуни, иногда ерши... Но я и этому радъ: хоть какое-нибудь развлеченіе!

— Пріѣзжайте къ намъ... мы очень рады будемъ.

— Благодарю васъ... непременно явлюсь.

— И Михаила Павловича привезите...

— Слушаю-съ. А онъ опять на политику перешелъ: съ Ванѣвымъ спорить.

— Нечего защищать, Григорій Андреевичъ! горячился Язвинъ.—Ваша хваленая Дума такъ прогрессируетъ, что вышла даже изъ границъ простого приличія... Это вертепъ какой-то! На-дняхъ въ „Москвичѣ“ извѣстный проф. С. справедливо указалъ, что какъ ни пріучала Дума, въ свое короткое существованіе, къ всевозможнымъ скандаламъ и безобразіямъ—обсужденіе серьезныхъ вопросовъ замѣняется въ ней дерзкими возгласами и рѣзкими нападками на существующій строй...

Подали жаркое и Шаталовъ, чтобы прекратить споръ, приказалъ разлить по бокаламъ шампанское и провозгласилъ тостъ за молодыхъ. Ванѣвъ, поздравивъ Вязьминыхъ, спросилъ на ухо Ольхина: „можно-ли крикнуть „горько“?“

— Если ты хочешь угодиться, по воспитанію, социаль-демократамъ—кричи! Только предупреждаю: всѣ мы протестовать будемъ! съ неудовольствіемъ отвѣтилъ генераль.

Послѣ обѣда всѣ вышли на балконъ, обращенный въ садъ; на отдѣльномъ старинномъ столикѣ, восхищавшемъ Брусилова, стояли ликеры и наливки, на другомъ—чай, кофе и шоколадъ. Вязьминъ съ Ольхинымъ и Зерневичемъ завели рѣчь объ охотѣ; оказалось, что инженеръ—страстный охотникъ и конечно онъ былъ приглашенъ Юріемъ поохотиться въ окрестностяхъ Волынскаго. Зерневичъ похвастался своимъ трехлѣтнимъ „лаверакомъ“, по его словамъ, очень породи-

стымъ; завязался разговоръ объ охотѣ, о породахъ собакъ, о ружьяхъ. Язвинъ слушалъ-слушалъ и съ горечью сказалъ:

— Одинъ я—оглашенный. Иванъ Константинычъ, Юрій Александрычъ, Николаѣ Степанычъ—все охотники, Брусиловъ и тотъ—рыболовъ, а у меня никакого спорта... Бѣдный я!

На балконъ вернулись Зоя, въ легкомъ, простомъ, но изящно сшитомъ платьѣ, Марья Николаевна и Надежда Васильевна. Приходомъ своимъ онѣ не прервали разговоръ мужчинъ и усѣлись въ противоположномъ концѣ балкона, около самовара, кофе и шоколада. Ванѣевъ присосѣдился къ нимъ. Зоя, вспомнивъ, что за обѣдомъ ей не пришлось ни слова сказать Зерневичу, поспѣшила обратиться къ нему съ предложеніемъ чая и папирковъ, поблагодарила его за посѣщеніе и вообще постаралась сгладить свое малое къ нему вниманіе.

Около восьми часовъ всѣ гости разъѣхались; даже Шаталовъ, и тотъ не согласился пробыть въ Волянскомъ еще денекъ.

— Недѣльки черезъ двѣ навѣщу васъ, а теперь у меня постройка вашего дома на плечахъ, служба и надо старичка Петра Николаича доставить Ольгѣ Николаевнѣ „здрава, цѣла и невредима“; отпустить одного нельзя: еще разсыплется, чего добраго, дорогой! не могъ воздержаться, чтобы не пошутить, добродушный Дмитрій Никитичъ!

Проводивъ гостей, Зоя и Юрій зашли во флигель, простились съ бабушкой и направились къ рѣкѣ. Солнце уже низко склонилось къ горизонту; дискъ его слабо выдѣлялся на ярко-золотистомъ фонѣ неба, совершенно чистаго; синеватая даль казалась какъ-бы осыпанною золотою пылью и въ этой пыли вырѣзывались контуры ближайшихъ деревьевъ, кустовъ и полей, уже слегка подернутыхъ вечернею тѣнью... Еще нѣсколько минутъ—солнце закатилось и золотистый горизонтъ сталъ быстро тускнѣть и покрываться багрянцемъ.

— Дивный вечеръ! восторженно сказала Зоя.

— Хороша жизнь! прошепталъ Юрій, сжимая руку молодой жены...

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.